

PHILOLOGICA PARERGA

СТАТЬИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

R Echonea gladio seu pugnans tenor acuto
Caucas ciuiles dirimens: hominum quoq; lites.
P rouens callens: interdum fallsa reponens.
F raus infiaude latet: simplex insimilice claret
T ulius intropicis fert imme premu laudis
V erbis astutus. seu tecumne lincis operitus
S upasciptarum sum tertia quippe sotorum
H e que non pro munis per me cursim patetunt:

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

K. Г. Красухин

PHILOLOGICA PARERGA
СТАТЬИ ПО ЭТИМОЛОГИИ
И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 811.1
ББК 81.2-3
К 78

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16101

Красухин К. Г.

К 78 Philologica parerga. Статьи по этимологии и теории культуры. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 512 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-234-9

В книгу вошли работы, публиковавшиеся автором в 1994—2015 гг. В них рассматривается происхождение слов, обозначающих важнейшие понятия человеческой жизни и культуры: время, человек, слово, смысл, имя и т. д. В ряде статей реконструируются фрагменты картины мира и древнейшей истории индоевропейцев: представление о небе, первичные миграции, особенности поэтики. Особое внимание уделяется таким понятиям, как культура, цивилизация, этика. Исследуются отдельные сюжеты античной и русской литературы: понятие античности как типа культуры, творчество поэтессы Эринны (IV в. до н. э.), история русских и советских песен. В особый раздел вынесены очерки, посвященные большим лингвистам прошлого и настоящего.

УДК 811.1
ББК 81.2-3

ISBN 978-5-94457-234-9

© Изд-во «Языки славянской культуры», 2015
© К. Г. Красухин, 2015

Научное издание

Константин Геннадьевич Красухин

PHILOLOGICA PARERGA.

СТАТЬИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Корректор О. Ланцова. Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой

Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 13.11.2015. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 32. Тираж 600. Заказ №

Изд-во «Языки славянской культуры» № госрегистрации 1037739118449.

Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гностис». Тел.: +7 (499) 255-77-57

Содержание

Предисловие	9
Часть I: Miscellanea.....	13
1. Этимология, концептуальный анализ, РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ.....	15
Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики	17
Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке.....	33
Заметки об истоках юмористического.....	43
Этимология индоевропейских числительных и концепт числа	53
Представление о небе у древних индоевропейцев	69
Лошади, ослы и индоевропейцы в Малой Азии	83
Заметки о развитии греческого алфавитного письма.....	99
2. Слово и смысл	109
Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике	111
Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские источники	119
Свое и чужое	145
3. КУЛЬТУРА И ЭТИКА	153
Фактор адресата и выбор диалекта в древнегреческой словесности	155
Античность и современность	169
Эринна: из лингво-стилистического комментария.....	181
Чины и награды в русской литературе	195
Из истории советских массовых песен.....	209
Забытые поэты, известные стихи.....	221
Культура и цивилизация	231
Золотое правило этики: от Конфуция до Канта	239
«Не поспуществуй ложна на друга своего»: ложь и клятва в Евангельской этике	253

4. PERSONALIA	259
Б. А. Серебренников как компаративист	261
Фердинанд де Соссюр (к 150-летию со дня рождения).....	281
Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914).....	291
IN MEMORIAM.....	307
Школа, не попавшая в струю: Олег Сергеевич Широков (21.ИІ.1927—19.ХІІ.1997), общее и индоевропейское языкознание.....	309
Поэт знака и смысла: Юрий Сергеевич Степанов (8.VII.1930—3.I.2012)	319
«За честь науки фехтовальщик»: Владимир Константинович Журавлев (3.VI.1922—10.ІІ. 2010).....	329
Сократ, аристократ с Красных Ворот: Энвер Ахмедович Макаев (28.V.1916—31.ІІ.2004)	339
Часть II: Откуда есть пошло слово.....	349
Слово и время (Вместо введения).....	351
Бог. Господь	361
Бытие. Естество	365
Время	371
Век. Человек.....	381
Правда. Истина	384
Мир	391
Добро. Благо. Зло. Лихо	395
О выражении «злоба дня».....	403
Воля. Свобода	404
Смерть.....	409
Жизнь	412
Здоровье	414
Славянє	415
Русь. Россия.....	422
Свет. Цвет	432
Победа. Беда.....	436
Сила. Мощь	441
Зима. Весна. Лето. Осень.....	445
Город	450
Скорбь. Тоска. Печаль. Грусть.....	455
Смех. Хохот. Улыбка. Ухмылка. Радость	461
Жесткость. Жестокость	464

Вор	471
Вурдалак. Упырь	476
Из истории советского языка.....	483
Паразит.....	483
Элемент	487
Стихия	489
Бригада	492
Дополнения	499
Об одном четверостишии у Тютчева.....	499
Фонетические законы русского языка.....	500
Значение и значимость слова (для тех, кто прочитал книгу до этих строк).....	504
Литература.....	509
Литература по теме.....	511
Основные словари	512

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около 30 лет автор этих строк занимался по преимуществу морфологией и синтаксисом индоевропейских языков прежде всего в сравнительно-историческом и диахроническом аспекте. Но изучение таких языков, как санскрит, древнегреческий, латынь, дает импульс к обобщениям не только чисто лингвистического характера. Именно на них были созданы тексты, лежащие в основе мировых культур и цивилизаций. Интерес к вопросам культуры стимулировала и учеба на классическом отделении филологического факультета МГУ, где латинская и греческая грамматика успешно подкрепляются чтением великих поэтических и философских произведений и дополняются подробными курсами не только древнегреческой и римской литературы, но и философии, искусства, древней истории. Кроме того, лингвист, работающий с древними индоевропейскими языками, как правило, не может пройти мимо этимологии. Это не значит, что он будет предлагать свои решения в этой науке, но он всегда будет иметь в виду родственные связи своего родного языка с другими. Отмечая их, он задумается о механизме образования новых слов, о связях слов с понятиями. Таким образом этимология неизбежно приводит и к анализу концептов — их смене в истории слова и нахождению того первоначального смысла, который лежит в основе именования¹. Он, в свою очередь, ведет к вопросам о природе концептов, их роли в формировании языковой картины мира. Слово оказывается неразрывно связано с культурой.

Важную роль в моей жизни сыграла работа в Отделе теоретического языкознания под руководством академика РАН Ю. С. Степанова. Юрий Сергеевич получил широкую известность в России и за рубежом именно как выдающийся знаток и исследователь концептуальной сферы языка². Особенно важна его фундаментальная работа «Константы:

¹ «Этимология — это наука, которая старается выяснить, что означало данное слово в момент возникновения» [Пизани 1956: 16].

² О моем знакомстве с этим замечательным человеком см. главу «Поэт знака и смысла».

«Словарь концептов русской культуры», вышедшая тремя изданиями (1997, 2001, 2004) и удостоенная премии РАН им. В. И. Даля. Концепты рассмотрены на самом широком фоне — от их этимологии до реализации в языке, литературе, искусстве, естественных науках. Такой подход может служить образцом и вдохновлять на междисциплинарные исследования, в которых лингвистика связана с литературой и философией. Непосредственным поводом для написания многих из представленных в данном сборнике статей явилось сотрудничество с член-корреспондентом РАН Н. Д. Арутюновой. Нина Давидовна последнюю четверть века тоже увлеченно занимается концептуальным анализом; она посвящает исследованию отдельных понятий и областей не только собственные публикации, но и конференции в рамках своей проблемной группы «Логический анализ естественного языка». Работа с Ю. С. и Н. Д. побудила написать ряд статей об этимологии слов, обозначающих важнейшие понятия культуры.

Неразрывная связь концепта и культуры приводит к тому, что исследователь задумается над общими вопросами философии. Так появились статьи «Культура и цивилизация» (сб. «Андрогинность дискурса: Материалы рабочего совещания» / Сост. Ю. А. Сорокин, В. Н. Базылев. М., 2000), «Золотое правило этики: от Конфуция до Канта» («Сокровенные смыслы: Сборник в честь Н. Д. Арутюновой» / Отв. ред. Ю. Д. Апресян М., 2004), с дополнением, посвященным 9-й заповеди (сб. «Между ложью и фантазией» / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2007). При публикации первой статьи по техническим причинам пропало посвящение памяти моего однокурсника и друга Михаила Владимировича Тростникова (1962—2000), филолога, много размышлявшего и писавшего о теоретических вопросах поэтики и сопряженных с ней философских проблемах.

Будучи лингвистом *par excellence*, я задумывался и о литературе, по преимуществу русской и античной. Изучение греческих диалектов оказалось сопряжено с проблемой жайров в греческой литературе, так как многим жайрам соответствует свой особый диалект. В классической филологии хорошо известен термин «гомеровский диалект» (он же — эпический наддиалект), на особом диалекте написаны хоровые партии в драме. Этому посвящена статья о факторе адресата в греческой поэзии. О сохранившихся текстах Эринны (IV в. до н. э.) я написал дипломную работу (1984 г.). В ней рассмотрены по преимуществу вопросы этимологии и грамматики, но незаурядные (при всей их краткости) стихотворные тексты вызвали желание осмыслить их поэтику. Я с благодарностью вспоминаю Ирину Владимировну Шталь (1934—

2006), выдающегося исследователя древнегреческой архаики, вдохновившую меня на собирание моих наблюдений в отдельную работу. Так же выражают глубокую признательность Рустэму Анасовичу Гимадееву, тщательно отредактировавшему и подготовившему к изданию сборник «Ранняя греческая лирика» (СПб., 1999), где моя статья опубликована.

Естественно, у любого гуманитария, профессионально изучавшего античность, возникает желание осмыслить ее феномен, уяснить, насколько она актуальна в наши дни. Так появилась статья «Античность и современность» (расширенный фрагмент из предисловия к книге Л. Л. Звонской и В. П. Нерознака «Античное наследие в современной культуре». М., 2013).

В изучении культуры важную роль играет обращение к деталям быта, в которых культурные феномены отражаются не прямо, но вполне однозначно. В выдающейся книге В. В. Похлебкина [Похлебкин 1994]³ рассмотрен так называемый кулинарный антураж русской литературы, по преимуществу драматургии. Оказалось, что знание блюд, которые едят и о которых говорят герои произведений, способствует более глубокому пониманию замысла автора. В семиотике это известно под именем *бриколажа* (от франц. *bricoler* ‘играть рикошетом; говорить уловками’; термин К. Леви-Стросса): детали культурной картины мира выражают смысл с помощью намеков и отсылок. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров называют такие детали *кодом*. Таким кодом, или антуражем (термин не столь значим), оказалась и система чинов и орденов. Она много значила в жизни России, и литераторы уделяли ей много внимания. История советских песен, особенно заимствованных, оказалась связанной с историей советского общества, его ценностями и устремлениями. Вместе с тем песни обладают удивительной особенностью: они могут сохраняться, даже если фамилия их автора забывается. Заманчива задача — восстановить память о талантливых поэтах, создавших незаурядные, остающиеся на слуху тексты.

Раздел *Personalia* посвящен отечественным лингвистам. Б. А. Себренников был яркой личностью, активным участником многих идеологических схваток. Он отличался высокой принципиальностью и твердостью в отстаивании своей позиции. Роль Фердинанда де Соссюра в становлении современного общего и индоевропейского языкоznания общеизвестна. В статье, опубликованной к его 150-летию («Вопросы филологии». 2006. № 1), мне хотелось подчеркнуть, что

³ Расширенное переиздание этой книги: Из истории русской кулинарной культуры. М., 1998.

благодаря посмертной публикации «Курса общей лингвистики» его научную физиономию представляют несколько иной, чем она была в действительности. До сих пор можно встретить оборот типа: «Соссюр подчеркивал примат синхронии над диахронией». Но это делали его ученики — Шарль Балли и Альберт Сеше, а сам Соссюр был по преимуществу индоевропеистом. Ф. Ф. Фортунатов во многом предвосхитил развитие мировой грамматической мысли. Многие его открытия в сравнительном языкознании до сих пор не утратили значения. Статья о нем представляет расширенный доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института языкознания РАН (октябрь 2014), посвященном 100-летию со дня смерти великого ученого, созданном по инициативе Владимира Михайловича Алпатова.

С четырьмя учеными, очерки о которых завершают книгу, я был знаком лично. Причем не просто знаком: эти люди оказали на меня большое влияние. Настоящим учителем я могу считать О. С. Широкова — как формально (научный руководитель с 3 курса до кандидатской диссертации), так и фактически: мудрый старший товарищ, чья поддержка помогала в трудные времена. О работе под руководством Ю. С. Степанова я уже кратко упоминал, более подробно — в посвященной ему статье. Также многим я обязан В. К. Журавлеву и Э. А. Макаеву — замечательным ученым, эрудитам, ярким личностям.

Вторая же часть — «Откуда есть пошло слово» — представляет собой переработанный вариант моей научно-популярной книги, вышедшей в 2006 г. в издательстве МГУЛ, а в 2008 г. — в издательстве «Наука». Представилось целесообразным приложить рассказ об истории и этимологии слов, важных для русской языковой картины мира.

Сердечную благодарность приношу Д. В. Дмитриеву за помощь в решении ряда технических вопросов при подготовке данного сборника к печати.

ЛИТЕРАТУРА

Пизани 1956 — *Пизани В. Этимология*. М., 1956.

Похлебкин 1994 — *Похлебкин В. В. Кушать подано!* М., 1994.

ЧАСТЬ I

MISCELLANEA

**1. ЭТИМОЛОГИЯ,
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ,
РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ**

ТРИ МОДЕЛИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ^{*}

1. Человек отличается от животного способностью к планированию и моделированию своей деятельности, а также к воспоминаниям. Реакция животного на прошлое обычно предстает в форме условного рефлекса, предписывающего однозначную реакцию на раздражитель и не допускающего осмысления ни раздражителя, ни рефлекса. Связь с будущим иногда осуществляется через так называемый инсайт (от англ. *insight*) — внезапное принятие решения в нестандартной ситуации. В случае ее повторения инсайт может сформировать новый условный рефлекс. Но условный рефлекс — это реакция на регулярное воздействие внешней среды, а инсайт связан только с непосредственным будущим, формирующимся в настоящем. Подлинное, цельное восприятие прошлого (т. е. память) и способность на его основании моделировать будущее, планировать в нем свою деятельность — это характерная черта человека. Восприятие будущего — основа всякой целенаправленной деятельности, а память — культуры.

Итак, человек воспринимает время. Но время, в отличие от пространства, нематериально и не доступно ни одному из пяти органов чувств. Однако оно является базовой категорией языка. Когда мы говорим, мы предицируем (это тавтология, ибо *praedicare* и означает «возвещать»). Предицируя же, мы обязательно соотносим высказывание с моментом речи, хотя иногда это соотнесение может быть не выражено явно. В этой связи отметим, что иногда наличие темпорального слова позволяет отличить предикативное высказывание

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Три модели времени в лексике и грамматике (на материале древних индоевропейских языков) // Логический анализ естественного языка: Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1998.

от непредикативного. Так, выражение *Старик в тулупе* может быть атрибутивным и предикативным; *Старик ужс в тулупе* — сугубо предикативно (пример Д. Н. Шмелева). Поэтому вопрос о выражении времени в языке приобретает особую значимость для языкоznания.

2. Как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор. Анализ соответствующей лексики в основных индоевропейских языках позволил выявить три базовых представления о времени. Их можно охарактеризовать так: внешнее время (время как пространство), внутреннее время (время как жизненная сила), субъективное время (время как желание, мысль и т. д.).

3. Время как пространство — это довольно сложная система обозначений, включающая в себя несколько подсистем.

3.1. Время как мера. Сюда относится прежде всего лит. *mētas* ‘время, возраст’, мн. ч. *mētai* ‘год’; др.-исл. *ár-tali* ‘месяц’ дословно означает «считывающий годы», причем *ár-* сопоставляется с хетт. *arma* ‘луна, месяц’, а *-tali* — с англ. *tell*, нем. *Zahl*. С лит. *mētas* сопоставимо др.-англ. *með* ‘время, размер’, гор. *mel* ‘время’. В основе этих лексем лежит корень **met-*, **meh-* ‘измерять’ (др.-инд. *máti*, *mitáti*, лат. *metior*). Др.-исл. *ár-*, хетт. *arma* образованы от и.-е. **ar-* (греч. ἀφαίσκω ‘слаживать, связывать’), их соотношение с нем. *Jahr*, англ. *year* будет рассмотрено ниже. К той же модели относятся и прочие германские названия времени: др.-исл. *tið*, *tími* (дат., швед. *tid*), др.-англ. *tid*, *tima* (англ. *time*), нидерл. *tijd*, др.-в.-нем. *zīl* (нем. *Zeit*). В основе всех этих лексем лежит прагерманское **ti-* (с детерминативами *-m*, *-t*) < **dai-*, ср. др.-инд. *dayate*, греч. *δαιομαι* ‘делить’ (того же корня и греч. *δαιμον* ‘божество, дух-покровитель’, этимологически — «податель»). Лат. *tempus* К. Бак [Buck 1949] сравнивал с лит. *tempti* ‘тянуть’. Однако Э. Бенвенист, опираясь на семантику производных глаголов (*temperare* ‘умерять, ограничивать’), предположил, что значение предела было для этого имени первично [Benveniste 1940]. Следовательно, это имя можно сравнивать с и.-е. **tem-* ‘резать’ (представленным также в греч. τέμενος ‘надел’, лат. *templum* ‘священная роща’). Тот же изосемантический ряд представляют некоторые кельтские наименования: кимр. *pryd*, бретон. *prid*, корн. *prid* < **kṛt-* ‘резать’, др.-инд. *kṛtati*, греч. κέρω, лит. *kirsti*, также *kařtas* ‘раз’, слав. *кратъ*. К корню со значением ‘резать, наносить насечки’, по-видимому, относится и слав. *часть*. Фасмер [Фасмер 1986—1987] сравнивал его с *čati*, Бак — с др.-инд. *cinoti* ‘показывать’, Черных [Черных 1993: II] — с **ke(i)-* ‘двигаться’ (др.-инд. *ceṣati* ‘шевелиться’, греч. κιώ ‘идти’, κιύω ‘двигать’, лат. *cieo*). Однако эти сопоставления не раскрывают морфологических связей сравнивае-

мых слов; два последних, кроме того, не вполне убедительны и фонетически. Напротив, сравнение с и.-е. **kes-* ‘резать’ (ср. русск. *чесать*, *косить*, *касаться*) объясняет и конечное *-s*. Это корневое имя с продленной ступенью корня, ср. суффиксальное *часть* < *kes-ti. Возможно, греч. *χρόνος*, не имеющее общепринятой этимологии, производно от *χράω* ‘царапать’, *χράινω* ‘задевать, касаться’. Бак, впрочем, сравнивает это имя с др.-инд. *harati* ‘держать’, а также оск. *heriad* ‘да возьмет’. В этом случае имя *χρόνος* должно быть отнесено в следующую подгруппу. Возможен еще один этимологический ряд, который должен перевести это имя совсем в другую модель. О нем — несколько ниже.

3.2. Время как цельная часть пространства, так сказать, содержимое границ. Здесь прежде всего необходимо отметить лит. *laikas* ‘время’, связанное с *laikytí* ‘держать’. Этот глагол есть каузатив к первичному *likti* ‘оставлять’; ср. греч. *λείπω*, лат. *re-linquo*, др.-инд. *rindakti*, а также слав. *отълькъ* ‘остаток’, русск. *лихъо*, *лишний*, *лихва* (последнее считается германизмом [ЭССЯ: вып. 15], ср. гор. *leihjan* ‘ссужать’; впрочем, П. Я. Черных [Черных 1993] считает это неубедительным). В греческом этот корень также образует темпоральное имя: *λοιπόν* ‘будущее’ (субстантивированное прилагательное от *λοιπός* ‘оставшийся, остаток’, т. е. его внутренняя форма означает «остающееся при избытке прошлом и настоящем»). Разница в значении одного по сути этимона в литовском и греческом объясняется тем, что в последнем ни один из вариантов корня **leik-* не приобрел значения ‘держать’. Итак, лит. *laikas* — это ‘время’ как нечто взятое,держанное, заключенное в пределы.

3.3. Время как движение. К этой группе относятся основные русские имена времени: *время* (заимствовано из ц.-слав. *врѣма*) есть древний поимен *actionis* от корня **uerit-* ‘двигать, поворачивать’ (*вертеть*, *вращать*, *ворочать*). Славянское имя находит непосредственную параллель в др.-инд. *vartman* ‘бег, судьба’. Таким образом, этимология слова *время* запечатлела представление о циклическом движении. Напротив, *пора* есть производное от **per-* ‘двигаться вперед’: русск. *переть*, *натирать*, др.-русск. *прати*, греч. *πειράω* ‘действовать; двигаться’. К этому же корню относятся и другие части речи: имена типа слав. *прѣвъ*, лит. *pirmas*, лат. *primus*, греч. *πρῶτος*, предлоги и приставки типа русск. *пере-*, *про*, ц.-слав. *прѣ-*, лат. *pro*, *prae*, греч. *προί*, *πρό*, *παρά*, др.-инд. *pari*. Особенно интересно значение греч. *πόφος*. Это не только «путь», но и «судьба». Таким образом, этимология имени *пора* воплощает идею линейного движения¹. Такой же изосемантический

¹ Е. С. Яковлева [Яковлева 1994: гл. 2] считает, что имя *время* обозначает в русской языковой картине мира линейное время, а *пора* — циклическое.

ряд привел к образованию др.-ирл. *trath* ‘период времени’. Это имя сопоставимо с кимр. *trawd* ‘бег, путешествие’ и в конечном итоге восходит к и.-е. **ter-* ‘двигать(ся)’, ср. др.-инд. *táراتि*, греч. ἔποδον ‘я побежжал’. Спорным остается вопрос о др.-инд. *त्या* ‘время’. Это имя может быть соотнесено с корнем **ar-* (см. выше) и *त्या* ‘закон’ или же с глаголом *móti* ‘идти, отправлять’.

3.4. Переходными к второй группе являются слова, обозначающие период времени с помощью наиболее характерных событий, в нем заключенных. Так, слав. *день*, лит. *dienà*, лтш. *dienā*, прусск. *deinan*, др.-инд. *dina*, лик. *zini* восходят к и.-е. **dei-* ‘сиять’. Этот же корень отразился и в наименовании неба и верховного божества индоевропейцев: др.-инд. *dyaus*, греч. *Ζεύς*, лат. *Jup-piter*, умбр. *Ju-pater*, ст.-лат. *Diespater*², а также *dies* ‘день’ и *divum* ‘небо’. Значение ‘сиять, блестеть’ презентирует др.-инд. *dīvati*, *dīvati*. Гот. *dags* и нем. *Tag* — суть отглагольные имена, связанные с и.-е. **dhegh-* ‘гореть’, ср. др.-инд. *dáhati*, лит. *dègti* ‘жечь’ (слав. *дегть*, *жечь*). В Геттингенской рукописи немецко-prusского словаря С. Грунау зафиксировано также *deigan* ‘день’, в Карольской рукописи то же слово передается как *deyen* [Mažiulis 1981: 58]. Но наличие формы *deinan* (I Катехизис, 5, 10), по-фонемно соответствующей лит. *dienà*, заставляет предположить в обеих упомянутых рукописях просто описку. Слав. *ночь*, лит. *naktis*, лат. *nox*, греч. *νύξ*, хетт. *nekut*, возможно, находится в родстве с и.-е. **nek-* ‘вредить, убивать’: лат. *nescare* ‘убивать’, *nocēre* ‘вредить’, греч. *νεκρός* ‘мертвый’. День — светлое время, ночь — зловещее, сопряженное со

Если бы это было так, то мы были бы свидетелями самой удивительной семантической эволюции: имя циклического времени стало обозначением линейного и наоборот. В действительности же *время* и *пора* соотносятся друг с другом как более широкое и более узкое понятие. *Пора* есть время наступления какого-либо состояния / события (*пора надежд и грусти нежной*), время реализации явления, человеческих способностей, природных процессов (*пришла, прошла моя пора; пришла пора, она влюбилась*). Поэтому *пора* может приходить и уходить, а *время* также идти, бежать, течь. *Пора* в отличие от *времени* никогда не персонифицируется; оно также не употребляется во множественном числе. На связь же *поры* с циклическим временем исследовательницу, очевидно, натолкнуло то, что это имя часто обозначает природные повторяющиеся процессы. Но, на наш взгляд, *время* и *пора* в современном русском языке вообще не связаны с концептом циклического и линейного времени. Впрочем, эта тема выходит за рамки статьи.

² Как показал Кл. Штрунк [Strunk 1982], лат. *Juppiter* и умбр. *Ju-pater* презентируют древний вокатив, а *Diespater* — номинатив. Последний характеризовался продленной ступенью вокализма.

смертью. По сходной модели образованы и имена времен года, которых в праиндоевропейском, очевидно, было три [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 853]. И.-е. **gheim-r/-nī* (лит. žiemà, лтш. ziema, хетт. *gimmanza*, др.-инд. *hemantaḥ*, авест. *zyd*, род. п. *zimo*, греч. χειμών) изначально означало ‘снег, буря’: лат. *hiems* — не только ‘зима’, но и ‘ливень, холод’; ср. греч. χείμα ‘снежная буря’; с иным суффиксом — также и χιών ‘снег’. И.-е. **ues-r/-nī(-t-)* (слав. весна, лит. *vāsara* ‘лето’, др.-инд. *vasantaḥ*, греч. ἔαρ (*φεσ-αρ*), лат. *ver*) может быть связано с **ues-* ‘хороший, добрый, благоприятный’ или **us-* ‘гореть, пылать’; о корне **iēr-* см. ниже. И.-е. **e/os-n-* (русск. осень, прусск. *assanis*, хетт. *zena*) обозначало, собственно, ‘жатва, урожай’ (гот. *asans*, др.-в.-нем. *aran*, нем. *Ernte*, др.-исл. *öpp*). Особенно показательно греч. ὥποφα, восстановливаемое как *ωπ-ога, дословно ‘после-жатва’. Наименование времени по характерной деятельности запечатлено также в лат. *sae-culum* (< *sē-llom,ср. *sero* < *si-so ‘сеять’, ср. хетт. *ishai*, слав. *съиati*), греч. ἀμολόγος ‘вечер’ (= ‘время дойки’, ἀμέληγος ‘доить’). Таким образом, пространственные имена времени описывают пространство исчерпывающим образом. Они указывают на основные его черты — мерность, протяженность, цельность, членимость, а также на осуществимость в его пределах движения и прочей деятельности.

4. Вторую модель времени представляет прежде всего и.-е. **aīu-* ‘жизнь, сила’: др.-инд. *āyus* ‘жизнь’, греч. *aión* ‘сила, жизнь; век’, лат. *aevum* ‘век’ (*aeternus* ‘вечный’), гот. *aīws* ‘время; вечность’, нем. *ewig* ‘вечный’. Следует заметить, что у Гомера *aión* означает по преимуществу ‘жизненная сила, покидающая героя в момент гибели’. Ср.: *αὐτὸς δὲ φίλης αἰώνος ἀμέρθης* (Ил. 22, 58) ‘и ты лишишься своего века’ (= «своей жизни»); *ἔπειτά με καὶ λίποι αἰών / ἐν πόλει ὑμετέρῃ* (Ил. 5, 685) ‘когда бы покинула меня жизнь в вашем городе’. Также: *αὐτὰρ ἔπη δὲ τὸν λίπη ψυχὴ καὶ αἰών* (Ил. 16, 453) ‘и когда покинут его (Патрокла) душа и жизнь’. Только у Гесиода появляется новое значение ‘век, эпоха’ (= ‘жизнь поколения’). В сознании же человека гомеровского времени *aión* — это прежде всего жизнь именно отдельной особи. («Ибо срок, объемлющий время жизни каждого отдельного [существа, срок], вне которого [нельзя найти] ни одну из его естественных [частей], они назвали “веком” каждого»³). По-настоящему обобщенное значение «эпоха» появляется у Платона, «вечность» — у Аристотеля: «По аналогии с этим и полный срок [существования] всего Неба,

³ Аристотель. О небе. 279а // Аристотель. Сочинения / Пер. А. В. Лебедева. М., 1981. Т. 3. С. 293.

и срок, объемлющий целокупное время и бесконечность, есть “Век” (*aἰών*), получивший наименование вследствие того, что он “Всегда есть” (*ἀεὶ ὁν*) — бессмертный и божественный⁴. Ср. также у Еврипида: *πολλὰ γὰρ τίκτει Μοῖσα τελεσθείστείο'* *Αἰών τε Χρόνου παῖς* (Her., 898—890) ‘ведь многое рождает дающая всему осуществляться Мойра (Судьба) и Айон, сын Хроноса (Времени)’. Подробнее о греч. *αἰών* см. [Дружинина 1983].

Латинское *aevum* ‘век’, по-видимому, имело сходное значение. Об этом свидетельствует производное *aetas* (< *aevilas*) ‘срок, возраст, поколение’, а также ‘буря, непогода’ (т. е. особо выделенное время). Из всех этих примеров видно, что и.-е. **aiu-*, в отличие от пространственно-временных слов, обозначал время человека, явления или события, не текущее постоянно и равномерно, а способное прекращаться и прекращать существование того предмета, к которому оно относится. Внешнее время соответствует ньютонову представлению о нем, а внутреннее — эйнштейновскому.

Время в теории относительности анизотропно. Наименование внутреннего времени репрезентирует эту черту. Корень **aiu-* Э. Бенвенист [Benveniste 1937] сравнивал с **ieui-* ‘молодой’: лат. *iuvēnīs*, слав. юнь, лит. *jaunas*, нем. *jung*, англ. *young*, др.-инд. *uyuáñ* ‘юноша’⁵. (Эту этимологию, правда, отвергает О. Н. Трубачев, который выводит этот корень из и.-е. **ieui-* ‘мять, месить’ [ЭССЯ: вып. 8, с. v. **jūt̪i-*]). Таким образом, понятие «жизнь, сила, вечность» оказываются связаны с «молодостью», т. е. временем наивысшего проявления жизненной силы.

Изосемантический ряд можно наблюдать в слав. *вѣкъ* и родственных индоевропейских словоформах: лит. *veikùs* ‘быстрый’, *veikti* ‘действовать’, *vaikýti* ‘гнать’, лтш. *veikt* ‘совершать’; др.-исл. *veig* ‘сила’, *víg* ‘борьба’, гот. *weihan*, др.-в.-нем. *wigan* ‘бороться’ (нем. *überwiegen* ‘одолевать’). Сюда же относится ряд далеко разошедшихся латинских слов: *vincere* ‘побеждать’, *per-vicax* ‘упрямый’, *vix* ‘едва, с трудом’, *vicis* (род. п. от *vix; также *vicem*, *vice*, *vicibus*) ‘смена; судьба’. Первич-

⁴ Аристотель. О небе...; *ἀεὶ ὁν* точнее перевести как «всегда сущий».

⁵ В своем устном сообщении от 14.X.1995 на Семинаре по итальянским и индоевропейским языкам (Гарвардский ун-т) Б. Фортесон сопоставил с этим корнем также лат. *Iupo* (и его итальянские соответствия). Тем самым имя верховного итальянского божества может быть интерпретировано как «(вечно) юная: носитель постоянной жизненной силы».

ное значение ‘жизненная сила’ переходит, с одной стороны, в семанту ‘борьба, победа’, с другой — ‘судьба; отрезок жизни; время’.

Значение ‘жизненная сила’ первично и для русск. *векъ*. Оно лучше всего сохранилось в таких производных, как *оувѣкъ*, *оувѣчнъ*, т. е. ‘немощный, лишенный жизненной силы’. Значение ‘жизнь’ хорошо диагностируется в таких оборотах, как *заесть чужой век, дай бог веку*. Ср. также укр. *вік* ‘возраст’. «Время существования» демонстрирует словосочетание *до веку*, «время Вселенной» — *от века, вечный*, «время наивысшего проявления чего-либо» — *век Перикла (Виктории, Екатерины)*: это не время жизни указанных правителей, а время их правления. Наконец, *век* может означать и «эпоха». Любопытно, что древнерусское *векъ* могло обозначать и «тысячелетие»: *тысяча льть врѣмѧ вѣкъ же господъский глаголется* (Великие Минеи·Четы, Янв. 6—11, 497, XVI в.). Очевидно, это слово именовало наиболее крупный в данной системе временной промежуток.

С другой стороны, можно предположить и родство слов. *вѣкъ* с лит. *vaikas* ‘ребенок’, лтш. *vaiks* ‘то же’. Эта несомненная параллель косвенно подтверждает правомерность сравнения и.-е. *aiu- и *ieui-. По-видимому, элемент *ioik- присутствует и в имени *человѣк*. Наиболее правдоподобная этимология предполагает здесь словосложение: *чело-* соотносится с *челѣдь*, а также *коло*, *колено* (в значении ‘род’), *поколен-ие*. Таким образом, этимологически *человек* может интерпретироваться как «сын племени, окружения, поколения». Другие этимологии этого имени менее вероятны [Фасмер 1986—1987; ЭССЯ: вып. 4]. Попутно заметим, что соотнесение *века* и *человека* очень популярно в русской поэзии. Такая рифма четко организует содержание стиха. В нем речь идет либо о параллелизме века и человека: ...*два-три романа / В которых отразился век / И современный человек / изобра-жен довольно верно...* (Пушкин), либо об их конфликте: *Как часто мимо вас проходит человек / Над кем ругается слепой и буйный век...* (Он же). Древнейшая этимологическая связь имен *век* и *человек* регенирируется на поэтическом уровне⁶.

По косвенным данным значение «жизненная сила» может быть восстановлено и для корня *uet- ‘год’: греч. * tos*, албан. *vjet*. Производные от этого корня означают ‘старый’ (лат. *vetus*, лит. *v tu as*, лтш. *vecs*, слав. *вѣтъхъ*) и ‘молодое живое существо’ (лат. *uitulus* ‘теленок’, др.-инд. *valsa* ‘молодое животное’).

⁶ Более подробно об этой рифме см. [Красухин 1998].

5. Третья модель времени представлена прежде всего общеславянским и его производным *година* (укр. *годіна*, блр. *гадзына*, макед. *година*). Первичное значение восстанавливается и на славянской почве: *годить-ся*, *у-годить*, *при-годный*, *вы-года*. Общеславянское *godъ означает ‘хороший, добрый, полезный’. То же значение репрезентируют и внеславянские соответствия: албан. *ngeh* ‘благоприятный случай’, гор. *gōps*, др.-в.-нем. *guot*, нем. *gut*, англ. *good*. Другое темпоральное слово из этой группы — *doba ‘время, пора’, блр. *добра* ‘пора, сутки’, русск. диал. *добра* ‘время, пора’, *добра* ‘возраст’, чеш., словац. *doba* ‘то же’. Это имя находится в этимологической связи с *удобный*, *по-добавить*, *по-доб-ный*, *с-добра*, а также с *добро*, *добрасть*, др.-русск. *доблии*. Ср. лат. *faber* ‘кузнец, творец’, арм. *darbin* ‘кузнец’. Темпоральное значение развилось у лит. *dabar* ‘теперь, сейчас’⁷.

5.1. К модели субъективного времени можно предположительно отнести имена, связанные с семой «мысль». Так, гор. *þeihš* ‘время’, др.-англ. *þing-gameorc* ‘измеряемое время’ Бак сравнивал с др.-исл. и др.-англ. *þing* ‘судебное собрание’, возводя его к и.-е. **tenk-* ‘тянуть’. В таком случае эту группу можно сравнивать и с нем. *Ding*, англ. *iThing* ‘вещь’ (этимологически — ‘протяженное’). С другим детерминативом (или с другой акцентуацией) эти темпоральные имена могут быть со-поставлены также с *denken* и *iThink*, а также с оск. *tanginom* «sententiam» ‘решение (суда, народного собрания)’. По-видимому, оба этимологических решения не противоречат друг другу. Гор. *hieila*, др.-в.-нем. *hwila* (нем. *Weile*) сопоставляются с лат. *quies* ‘покой’, *tranquillus* (< **trans-quis-lo-*) ‘спокойный’. Но они могут быть также сопоставлены с и.-е. **kʷui-* ‘упорядочивать, понимать’, ср. др.-инд. *cinoti* ‘замечать’, *cetati* ‘понимать, обнаруживать’, слав. *чытити*, *чинъ* ‘порядок, ряд’. С представлением о субъективном времени, по-видимому, связано и обозначение времени как высказанного: русск. *срок*, укр. *рік* ‘год’.

6. Для некоторых темпоральных слов не устанавливается однозначная этимология, что, естественно, затрудняет их отнесение к той или иной группе. Мы уже упоминали греч. *χρόνος*. Помимо указанных выше этимологий, его можно сравнить и с *χράιω* ‘нуждаться’. Не прояснено и другое темпоральное слово — *χαιρός*. Э. Бузак сравнивал его с *χιφέω* ‘встречаться, случаться’ [Boisacq 1916], Бак — с *χείω* ‘резать’. Спорна этимология и слав. *яро* ‘весна; лето’. По мнению О. Н. Трубачева, этот корень омонимичен *яръ*, причем оба этимона

⁷ По-видимому, лит. *dabar* представляет собой гетероклитическое имя в наречной функции, так же соотносящееся с *добра*, как *uedor с *вода*.

сблизились еще в праславянском. Для **jaro*, а также нем. *Jahr*, греч. ὥρα ‘год’, ὥρα ‘время, пора’ предполагается родство с и.-е. **ei-iei-* ‘идти’ (ср. лит. *jótí*, др.-инд. *yáti*); **jarъ* ‘горячий, крутой’ возводится к **ieu-* ‘варить, перемешивать’: греч. ζωφός ‘крепкий, чистый, жгучий’ (о вине), ζωμός ‘похлебка’, лат. *ius*, лит. *jūdė* ‘то же’, слав. *юха* [ЭССЯ: вып. 8, с. v. **jaro* и **jarъ*]. Но для обоих этих корней можно восстановить общее значение «горячий, сильный» [Ларин 1977: 91—95]. Нечто подобное репрезентирует и греч. ὥρα: не только «время, пора», но также и «весна, цветение» (*νέα ὥρα* ‘весна’), ср. дериват ὥραιος ‘зрелый’, н.-греч. ‘прекрасный’. Думается, что нет оснований разделять *яро* и *яръ*; трудность представляет только определение первичной семантики корня. Возможно, в данном случае имела место контаминация нескольких корней. Помимо указанных О. Н. Трубачевым **iōr-* ‘движение’ и **iōur-* ‘горячий’, следует, по-видимому, учитывать и *(*i)ar-* ‘соединять, слаживать’, ср. тох. В *uarm* ‘мера’, арм. *uarmat* ‘случившийся’, греч. ἄρθρον ‘связь, сустав’, ἄρμα ‘колесница’. Что же касается корня **ieu-*, то ему посвящено обстоятельное разъяснение В. Н. Топорова [Топоров 1994: 483—485]. По мнению исследователя, с этим корнем связаны **aiu-*, **ioun-*, **ious-*, также др.-инд. *uauti* ‘соединять’, лит. *jáuti* ‘мешать, смешивать’ (отметим также *jaūkti*, *jaūgti* ‘то же’), лат. *iuare* ‘помогать, быть благосклонным’, слав. **jutiti*, причем такие однокоренные имена, как *уют*, *приют*, показывают, что первичное значение этого корня — ‘помогать’. Для общесиндоевропейского **ieu-* восстанавливается общее значение ‘перемешивать; увеличивать’ с дальнейшим развитием значения ‘соединять, укреплять; быть поддержкой, полезным; быть приятным’, с тем же комплексом связанных и концепт крови (о.-слав. **juxa*) как вечно циркулирующей и дающей жизнь субстанции. В применении к нашим моделям времени можно полагать, что весь указанный комплекс корней (**ier-*, **ieu*, **aiu-*) обозначал взаимовлияние и взаимопереход концептов внутреннего и субъективного времени.

С разбираемыми корнями могут быть связаны также греч. Τριῶς и Ήρα. Н. Н. Казанский [Казанский 1989] предположил, что эти традиционно не сопоставлявшиеся имена находятся в родстве; с ними же связано и имя микенского божества *tiriseroe* (*Τριώς-ηροει*) [PY Fr 1204, Tn 316] — дательный падеж. Оно образовано по той же модели, что и *Τριώς-μέγιστος* ‘Трижды-величайший’. Имя же Ήραχλής, по мнению Н. Н. Казанского, полностью соответствует слав. *Iapo-славъ* и представляет, таким образом, древний композит-формулу, не учтенную Р. Шмиттом [Schmitt 1967]. Сходные соображения несколько раньше

высказал Д. Адаме [Adams 1987]: *ἡρας* производно от **H̥ra* по словообразовательной модели *πατρός*, *μητρός*, *διώς*; с корнем **Hier-* связано также греч. *εἰρήνη* / *ἱρήνη* «спартанец 13—14 лет»; с другими детерминативами и без них — греч. *ἡβῆ* ‘юность’, *ἡβάσκω* ‘расти’, лит. *jégà* ‘сила’ < **ieg“a*; др.-инд. *uati* ‘колдовство’, хетт. *iiemti* ‘я делаю’. Все эти соображения позволяют восстановить индоевропейский корень **ier-* ‘жизнь, сила, движение, произрастание’ (вероятно, производный от **ie-* ‘пускать(ся), идти’). В развитии значений корня свою роль сыграла контаминация с **ieu-* ‘перемешивать, разогревать’, *(*i)ar-* ‘соеинять, слаживать’.

7. Итак, время как пространство, или внешнее время; время как жизненная сила, или внутреннее время; время как желание, мысль, или субъективное время — три основных способа представления этой категории в языке. Они свойственны не только древнему сознанию. История слов, сравнительно поздно получивших темпоральное значение, подтверждает существование указанных выше моделей. Так, греч. *ἐποχή* первоначально означало ‘остановка, задержка’ и только в византийский период приобрело новое значение ‘период времени’, заимствованное европейскими языками. Лат. *aera* — это множественное число от *aes* ‘медь’: в классической латыни эта форма была малоупотребима, но, поскольку *aes* приобрело значение ‘медная монета’, то *aera* у Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) стало означать ‘ деньги; оплата; счет’. Только у Исидора Севильского (570—636 гг. н. э.) в исторических сочинениях появляется новое значение ‘год, (большой) период времени’, которое и является актуальным для многочисленных заимствований. Как ни различны темпоральные слова по происхождению, они приобретают сходные значения в поле времени. Время — одна из важнейших характеристик окружающего мира, и оно может быть отождествлено с другими важными характеристиками. Поэтому темпоральные слова могут обозначать и погоду. От лат. *tempus* произведено *tempesṭas* ‘буря, непогода’; само же *tempus* развило в романских языках дополнительное значение ‘погода’ (франц. *temps*, итал. *tempo*, испан. *tiempo*). Русское *время* в диалектах тоже приобретает значение ‘погода; непогода’ (*Каково время?* — Ясно, дождь, снег. В. И. Даляр). Другая важная особенность темпоральных слов — их нежесткая связь с календарными и астрономическими периодами времени. Наиболее показательно сопоставление русск. *год* и *година* ‘пора, время срещения’, а также укр. *годіна* ‘час’. Ср. также греч. *ἄρα* — *ἄρος* ‘год’, *έννε-ἄρος* ‘девятилетний’; также русск. *льто* в значении ‘лето’ и ‘год’.

8. Три рассмотренные модели времени находят параллели в грамматических выражениях времени.

8.1. Пространственное грамматическое время — это время, обозначенное с помощью дейктических средств. Дейктические элементы сформировали одну из подсистем видо-временной системы греческого, индоиранского, в реконструкции также армянского глагола. Здесь презенс обозначался с помощью постфиксa *-i*, по происхождению указательного местоимения с оттенком близости (ср. лат. *is*). Претерит же маркировался аугментом — приставкой **e-*, которая восходит к частице со значением ‘там’ или ‘вот, уже’. Глаголы, лишенные аугмента и презентной частицы, относились к особому наклонению — иньонктиву, обозначавшему действие, лишенное внешних темпоральных связей. Подробнее см. [Красухин 1993], там же литература вопроса.

8.1.1. Кроме того, дейктические категории используются и в описании семантики глагольных времен. Так, в концепции Г. Гийома [Guillaume 1929] различается инхоативное время (*aller* + инфинитив, *commencer à/de* + инфинитив), курсивное время (*aller en augmentation* ‘быть в развитии’), терминативное время, указывающее на движение к концу (*finir* + инфинитив). Время описывается также в категориях протяженности — непротяженности; различаются точечное (моментивное), дуративное (стабильное, длительное), итеративное (повторяющееся) действие. Система соотнесений действия с моментом речи была предложена Гизеллой Рай [Rauh 1985]. Она включает в себя следующие дефиниции: t_1 — момент речи, t_0 — время, близкое к моменту речи, t_2 — вневременной процесс, t_3 — время, удаленное от момента речи, t_4 — неопределенное время, t_5 — время, включающее момент речи, t_6 — вообще не определяемое время. Последнее характеризуется как время предиката, находящегося в цепочке предложений, которые описывают линейную последовательность действий.

8.1.2. К грамматическим способам можно отнести и представление действия как движения. Предикат «двигаться, идти» — один из наиболее частых при темпоральных временах. Ср. хетт. *mahantha* 7. M^{UHIA}-us ueir EGIR-anda pair [Mursili's Sprachlähmung 1934: 6] ‘и пришли годы, и прочь ушли’, горациево *Eheu! Fugaces, Postume, Postume, labuntur anni* (Сагм. XIV, 1—2) ‘Увы, Постум, Постум, протекают мимолетные годы’, русск. *время течет, идет, проходит*, нем. *die Zeit ist vergangen* ‘время прошло’. Поэтому естественно ожидать грамматизации глаголов движения. Ее можно отчасти наблюдать в гомеровском обороте *βῆ δ' ἵέναι / ἴμεν / ἴμεναι* ‘он отправился’ (дословно — «он пошел идти»). Глагол «идти» приобрел функцию вспомогательного

в перфекте некоторых немецких диалектов (*er kam gegangen* вместо *er ist gegangen*) [Маковский 1988]. Во французском *vient + de + инфинитив* образует *passe immédiat*, соответственно *va + инфинитив — futur immédiat*. Греч. βαίνω, нем. *kommen* (как и гот. *qiman*), франц. *venir* (< лат. *venire*) восходит к корню *gʷʰem-, обозначавшему не только движение, но и исходный пункт (ср. его производные в греческом: βάσις, βάθρον ‘основа’ [Lamberterie 1990]). Поэтому данный глагол имеет выражено терминативное значение и используется именно в перфективных временах.

8.2. Параллель внутреннему времени представляет грамматическая категория аспекта, или глагольного вида. В небольшой статье не представляется возможным более или менее адекватно описать данную категорию. Отметим только основные связи аспекта с грамматическим временем: совершенный вид тяготеет к обозначению действия, законченного к моменту речи, т. е. претерита. Вместе с тем отсутствие значения длительности у перфективных форм лишает их значения удаленности во времени. Поэтому претерит несовершенного вида обозначает отдаленное от момента речи действие, а совершенный вид — близкое. Такова оппозиция между претеритом (имперфектом) и перфектом в современных европейских языках [Weinrich 1964], имперфектом и аористом в Ригведе [Delbrück 1893]. Соединение же основы совершенного вида с показателями презенса образует либо терминативный презенс, либо футурум, либо дезидератив.

8.3. Субъективное время в грамматике — это время, обозначаемое с помощью модальных категорий. Непрезентное время и неиндикативные модусы объединяет общее значение отрешенности от момента речи, поэтому претерит и футурум могут выражаться с формами конъюнктива и оптатива. Греческий футурум представляет собой по форме конъюнктив с краткой гласной, образованный от сигматического аориста (λύσω ‘я развязу / я бы развязал’); в латыни 1 л. ед. ч. субъюнктива и футурума в 3 и 4 спряжении идентичны: *legam* «я прочту / прочел бы», *audiam* ‘я услышу / услышал бы’. Суффикс *-a-* является показателем конъюнктива или оптатива [Benveniste 1951; Trubetzkoi 1925]. В этом качестве он выступает в итало-кельтском (лат. *ferat* ‘он бы понес’, др.-ирл. *ba* ‘он бы был’). Однако он же образует и претериты, ср. слав. *быра*, *гъна*; лит. *būvo* ‘он был’ пофеменно совпадает с лат. *fuit* ‘он бы был’ (< *bhu(v)a-i). Кроме того, в итальянском *-a-* известен и в претеритальной функции: лат. *eram* (< *es-a-m) ‘я был’. Значение футуральности может принимать и 3 л. императива, подробнее см. [Красухин 1993]. Отметим также так называемое «балканское буду-

щее», когда футурум образуется из сочетания глагола «хотеть» с конъюнктивом. Ср. греч. *θα ρω* < *θέλω ία ρω* ‘я пойду’, румын. *voi cante* (<*volo cantare*) ‘я запою’, болг. *ще пиша* ‘я напишу’ (<*хоще*).

9. Внешнее, внутреннее и субъективное время характеризует не только систему языка. С помощью этих категорий можно классифицировать и временные логики. Так, внешнее время может быть описано в рамках системы Х. Райхенбаха [Reichenbach 1947], где различаются момент речи, время события и точка референции — некоторый момент, относительно которого и определяется действие. В естественном языке точка референции принимает участие в образовании вторичных времен — давнопрошедшего, предбудущего. Внутреннее время соответствует логике Г. Х. фон Бригга [Briegt 1986; Wnigt 1967], где время характеризуется через последовательность событий. Субъективное время находит параллель в логике А. Прайора [Prior 1957], где различаются возможное и необходимое прошедшее и будущее. Кроме того, описание времени сквозь призму внешних событийходим в «Физике» Аристотеля, как набор субъективных ощущений — в «Исповеди» Августина (глава XI).

10. Итак, параллелизм лексических и грамматических средств выражения времени и их логико-философской интерпретации очевиден. Это заставляет предположить, что три рассмотренные модели времени являются базовыми для человеческого мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- Бригт 1986 — *Briegt Г. Х. Время, изменение и противоречие // Briegt Г. Х. Логико-философские исследования*. М., 1986.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси, 1984. Кн. 1—2.
- Дружинина 1983 — *Дружинина Е. Ф. Поэтика эпического пространства и времени в «Одиссее» Гомера*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Казанский 1989 — *Казанский Н. Н. К этимологии теофорного имени Гера // Палеобалканстика и античность*. М., 1989.
- Красухин 1993 — *Красухин К. Г. Дейктические элементы в категориях времени и наклонения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис*. М., 1993.

- Красухин 1998 — Красухин К. Г. Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1998 (см. наст. сборник, с. 33—42).
- Ларин 1977 — Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.
- Маковский 1988 — Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
- Топоров 1994 — Топоров В. Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. М., 1994.
- Фасмер 1986—1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986—1987.
- Черных 1993 — Черных П. Я. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1993.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974—. Вып. 1—.
- Яковлева 1994 — Яковлева Е. С. Фрагмент русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.
- Adams 1987 — Adams D. "Нως and "Нα // Glotta. 1987. Bd 67.
- Benveniste 1937 — Benveniste E. Expression indo-européenne de l'éternité // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1937. V. 38.
- Benveniste 1940 — Benveniste E. Du latin *tempus* // Mélanges A. Epoux. Paris, 1940.
- Benveniste 1951 — Benveniste E. Preterit et optatif en indo-européen // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1951. V. 43.
- Boisacq 1916 — Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1916.
- Buck 1949 — Buck C. D. A Dictionary of principal Indo-European Synonyms. Chicago, 1949.
- Delbrück 1893 — Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1893.
- Guillaume 1929 — Guillaume G. Temps et verb. Paris, 1929.
- Lamberterie 1990 — Lamberterie Ch. Les adjectifs grecs en -υς. Louvain-la-Neuve, 1990.
- Mažiulis 1981 — Mažiulis V. Prusų kalbos paninklai. Vilnius, 1981.
- Mursili's Sprachlähmung 1934 — Mursili's Sprachlähmung / Hrsg. und übers. von A. Gotze und H. Pedersen. København, 1934.
- Prior 1957 — Prior A. Time and modality. Oxford, 1957.
- Rauh 1985 — Rauh G. Tempora als deiktische Kategorien // Indogermanische Forschungen. 1985. Bd 90.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. Elements of symbolic logic. New York, 1947.

- Schlütt 1967 — *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit. Wiesbaden, 1967.
- Strunz 1982 — *Strunk K.* Diespater und Juppiter // Serta indogermanica. Innsbruck, 1982.
- Trubetzkoi 1925 — *Trubetzkoi N.* Gedanken über den lateinischen *a*-Konjunktiv // Μνήμης χάρων: Festschrift P. Kretschmer. Berlin et al., 1925.
- Weinrich 1964 — *Weinrich H.* Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.
- Wright 1967 — *Wright G. H.* The logic of action — a sketch // The logic of decision and action. Dordrecht, 1967.

ТРИ ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ЭТЮДА ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ^{*}

1. При рассмотрении слов со значением «человек» в базовых индоевропейских языках обращает на себя внимание то, что единого праязыкового этимона здесь невозможно установить. Скорее следует вести речь о том, что в различных языковых группах это важнейшее понятие выражается с помощью различных коннотаций, поэтому и описывать его следует через призму таких коннотаций. А. «Земля, земной» → «человек»: итalo-кельтская коннотация, ср. лат. *homo*, оск. *humins* ‘*homines*’, умбр. *hominus* ‘*homini*bus’, др.-ирл. *dine* — *humus* (< *ghemo-s < *dīghom) ‘земля’. В новофригийских надписях встречается формула *με δεως ζεμελως*. Имя явно связано с и.-е. **dīghom-*/**ghemo-*. Иногда эту формулу переводят как ‘у богов и людей’ [Haas 1996]. Однако фриг. *ζεμελως* выглядит как производное прилагательное, ср. греч. *χαμαλός*, лат. *humilis* ‘низкий’. Так что формула может переводиться и как «у высших и низших, небесных и (под)земных (богов)» [Neubeck 1987]. В. «Смертный» «человек»: греко-арийская коннотация, ср. греч. *βροτός*, гlossen Гезихия *μορτός*, др.-инд. *marta*, авест. *taša*, *tarəta* — и.-е. **mer-* ‘медленно течь; умирать’, ср. лат. *morigor*, слав. *смърть*, морь. С. «Мысль» → «человек»: германо-славянская модель (в славянском — на периферии): гор. *tappa*, др.-в.-нем., др.-англ. *tapp*, др.-исл. *taðr*, слав. *мъжъ* — и.-е. **men-* ‘изменять, думать’: лат. *mens* ‘рассудок’, др.-инд. *matiḥ*, лит. *mintis* ‘мысль’, слав. *па-мать*. К этому же корню восходит и др.-инд. *tatiṣṭa*, дословно ‘разум(ом) рожденный’, *tatiṣa*. Особняком стоит греч. *ἄνθρωπος*; судя по микенскому *aloroqo*, это слово содержит по крайней мере один внятный корень: **ekʷo-/okʷo-* ‘видеть, глаз’, т. е. «человек» —

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке // Логический анализ языка: Язык и человек / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1998.

«видный»? Дальнейшее этимологизирование затруднено ввиду неясности первого элемента. Обособлено также лит. *žmogūs*, мн. ч. *žmónes*, ср. *zmonà* ‘жена’. Допустимо предположение о том, что это слово связано с лит. *gimti* ‘рождаться’ (и.-е. **gēt-* ‘сжимать’: слав. *жъмъжь*, греч. γένετο ‘он схватил’); в этом случае оба слова соотносятся между собой как *gārdas* и *žárdis*. Формант *-gu-* может быть связан с этимоном типа праслав. *mongjos и указывать на единичность, *-n* — показатель одушевленности, как в итало-кельт. **ghem-on-*. Ж. р. *žmonà* может также быть контаминацией с и.-е. **gʷʰen̥dā* ‘женщина’, ср. греч. γυή, беот. βανά, норвеж. *kona*, англ. *queen*. С другой стороны, литовское слово может быть связано и с *žemē* ‘земля’. В этом случае множественное число есть непосредственное соответствие итало-кельтскому этимону, а единственное — контаминация с *mongjos. Слав. *человъкъ* по наиболее правдоподобной этимологии членится на **kʷʰel-* ‘круг, окружение’ (ср. *челядь, поколение*) и *voikos, ср. лит. *vaičkas* ‘ребенок’, см. [Иванов 1975]. Итак, нигде имя человека не является первичным; его номинация всегда использует какие-то отдельные черты и свойства, характеризующие человека. К. Уоткинс видит в этом обстоятельстве отражение особенностей индоевропейской поэтики, когда кенниング занимает место определяемого («смертный человек» «смертный» — «человек»; «земной человек» — то же; ср. лат. *terra*, др.-ирл. *tír* ‘земля’ (< **l̥y-* ‘сохнуть’, ср. греч. τερθαίνω, др.-инд. त्र्यति); «сухая земля» → «сухая» = «земля»; греч. ἄλφι ‘пшеница’ (< **albh-* ‘белый’), лит. *kvietiūs*, нем. *Weizen* (< **kueito-* ‘светлый, белый’) [Watkins 1992]). Но имя человека занимает особое положение: в отличие от «земли» и «пшеницы» для него нет общего этидона. Видимо, здесь мы сталкиваемся с особым свойством индоевропейской культуры: умолчанием некоторых базовых понятий.

2. Второй элемент имени *человек* находится в родстве с *век* (развитие значения: «вечность, сила» → «юность, дитя»). Эта древняя связь находит неожиданную поддержку в русской поэзии, где *век* и *человек*, рифмуясь, обнаруживают тесную смысловую связь.

А) Человек определяет век:

Был век бурный, дивный век,
Грозный, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы...
(Д. Давыдов)

Падение этого человека приводит к гибели века:

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки...
(Д. Давыдов)

В) Век определяет человека:

В наш гнусный век
Во всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.
(А. Пушкин)

С) Человек и век параллельны:

Два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой...
(А. Пушкин)

Д) Человек противостоит веку:

Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и алчный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и умиление!
(А. Пушкин)

Век противоречив. В нем борется много разнонаправленных сил. Одни враждебны человеку, другие благотворны для него. Умирающий от мучительной болезни Некрасов осмыслил прожитую жизнь, оценивая ее подчас сурово и несправедливо. Ему казалось, что жил он зря и не осуществил своего предназначения. И он обращался к своей жене с такими словами:

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.

Я умру — моя померкнет слава,
 Не грусти и не вздыхай о ней!
 Знай, дитя, ей долгим, ярким светом
 Не гореть на имени моем:
 Мне борьба мешала быть поэтом,
 Песни мне мешали быть бойцом.
 Кто, служа великим целям века,
 Жизнь свою всецело отдает
 На борьбу за брата-человека,
 Только тот себя переживет...

Помыслы человечества с самого начала его истории были направлены на главное: как бороться с безжалостным, всепоглощающим потоком времени? Но у времени, у века — свои задачи. Великая цель века — борьба за человека. Служащий ей может преодолеть время и войти в *вечность*.

Но вот другой некрасовский текст, где слово *век* явно не столь многозначно, оно означает именно «столетие» (точнее — *полвека* ‘половину столетия’). В цикле «О погоде» старый рассыльный из типографии отвечает на предложение уйти на покой:

То-то нет! Говорили мне многие,
 Даже доктор (в тридцатом году
 Я носил к нему Курс Патологии):
 Жить тебе, пока ты на ходу!
 И ведь точно: сильней незддоровится,
 Коли в праздник ходьба остановится:
 Ноет спинушка, жилы ведут!
 Я хожу уж полвека без малого,
 Человека такого усталого
 Не держи — пусть идет!

И здесь *век* — *человек* оказывается значимым: настолько величава и исполнена чувства достоинства речь старого курьера, так веско и афористично звучит последний стих, внезапно сокращенный с трех строк до двух и увенчанный мужской рифмой. Собственно говоря, *полвека* и *человека* здесь образуют не внешнюю, а внутреннюю междустрочную рифму, и их звучание несет на себе сильное логическое ударение. Как писал С. Я. Маршак: «В последних строчках монолог старика Миная достигает необыкновенной силы. Характерная бытовая речь приобретает вес мудрой и горькой народной пословицы. Перед вами уже

не рассыльный Минай, а человек (разрядка моя. — К. К.) в самом большом смысле этого слова» [Маршак 1967: 92].

Смысловые потенции этой пары чрезвычайно велики. Иногда в них стержнем проходит основная, причем скрытая идея поэтического произведения.

Наверное, вы не дрогнете,
Сметая человека.
Что ж, мученики доклада,
Вы тоже — жертвы века!
(Б. Пастернак)

К кому обращается в своей последней речи лейтенант Шмидт? Очевидно, судившие его чиновники никак не могут быть названы ни «мучениками доклада», ни «жертвами века», ибо такими эпитетами могут быть награждены лишь те, кто, воодушевившись ложной идеей (а не автоматически исполняя старый закон), пытаются перекроить век по понятиям своего доклада, обрекая на гибель и своих противников, и самого себя. Стrophe, пронзенная рифмой *век — человек*, выдает тайный замысел всей поэмы: противостояние рыцаря толпе, воодушевленной гибельной идеей. Не лейтенант Шмидт обращается к своим судьям, а поэт Пастернак — к своим.

Далее, человек — это единственное существо, способное к диалогу. В диалоге же оба его участника маскируются особыми показателями — личными местоимениями, причем местоимения меняются в зависимости от того, кто держит слово. *Я* и *Ты* — два вечных заместителя человека [Бенвенист 1974]. И в этой связи следует отметить, что у Мандельштама «*Я*» нередко соотносится с *веком*. Связь эта емка и разнообразна: в ней есть место и параллелизму, и противопоставлению.

Пора вам знать: я тоже современник,
Я — человек эпохи Москошвейя.
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею.
Попробуйте меня от века оторвать —
Ручаюсь вам, себе сверните шею.
(О. Мандельштам. «Полночь в Москве...»)

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей...
(О. Мандельштам. «За гремучую доблесть...»)

Поэт чувствует себя одновременно и сыном века, и враждебным ему. А разве те дети века, которые пытаются «от века оторвать» поэта, не заслуживают обращения «вы тоже жертвы века»? Как видно, связь века и человека обусловлена не только звучанием. Оба понятия находятся в непростых, но явных отношениях друг с другом и на глубинном смысловом уровне в русской картине мира. Век — это не столетие (кстати, в XI—XIII вв. веками мерили и тысячелетия: *отъ Адама прошло вѣковъ шесть*), а жизнь, в том числе и жизнь социума и всего мира. Человек встроен в век; он соотносит свою малую частную жизнь с жизнью *urbis et orbis*. Таким образом, древнейшая этимологическая связь двух этих имен, возможно, регенерируется на поэтическом уровне.

3. Есть еще одна особенность индоевропейского человека, не выступающая, однако, непосредственно. Она может быть обнаружена лишь в сопоставлении с другим именем, обозначающим противоположную сущность. Славянское *гостарь* является собой древний композит, сопоставимый, в частности, с лат. *hospes* ‘хозяин, гостеприимец’ (< *hosti-pet-s), дословно ‘хозяин, владыка гостей’; *-d-* см. в Гомер. *ἱέποδες* ‘племянники’ (т. е. «не-хозяева, не главы семьи»), ср. аналогичная форма с глухим асплутом: лат. *peros* ‘племянник’, др.-инд. *parat* ‘сын, потомок’. Этот композит представляет немалый интерес с точки зрения этимологии и индоевропейского диалектного членения. Дело в том, что аналоги слав. *гость* засвидетельствованы только в итальянском и германском (гот. *gasts*). В. В. Мартынов полагает, что это слово является «итальянским ингредиентом» в славянском, противостоя синонимичному *сватъ* (ср. лит. *svečias* ‘гость’, *svečys* ‘чужой’). Тем более это относится к композиту *гостарь*, полностью соответствующему *hospes* [Мартынов 1983: 85]. На наш взгляд, отсутствие каких-либо формальных показателей, отличающих *hostis* и *гость* от *gasts* делает это предположение не слишком правдоподобным. Но сам композит мог возникнуть под итальянским влиянием. О. Н. Трубачев [ЭССЯ: 62] считает, что ввиду наличия древнего собирательного мн. ч. *gospoda и деривата *gospodarъ* данное слово нельзя считать заимствованным. Но особенность инфильтратной лексики (в отличие от заимствованной) состоит в том, что ее морфологические характеристики те же, что и у исконной.

Так что же означает «хозяин гостей»? Бенвенист [1995: 74–79] рассматривает этот композит следующим образом. Элемент **poti-* — это имя со значением ‘сам, целостный, преобладающий’; оно употреблялось и как показатель аутентичности. Ср., с одной стороны, лат.

potis ‘сильный, могучий’, греч. πόσις ‘супруг’ (< ‘глава семьи’); также композиты типа др.-инд. *dāmpati*, греч. δεσπότης ‘владыка’ (этимологически ‘хозяин дома’), др.-инд. *viśpáti*, лит. *viēšpats* ‘то же’ (< ‘хозяин дома, общины, семьи’), др.-инд. *jāspati* ‘глава семьи’ (< ‘хозяин потомства’). С другой стороны, тот же корень принял участие в образовании местоимений типа лит. *pats* ‘сам’, лат. постпозитивной частицы *-ple* ‘ведь, именно’, хетт. *pit* ‘(тот) самый’. Согласно Бенвенисту, расширение значения ‘сам’ до ‘хозяин’ придает слову такое значение: «это лицо концентрирует в себе все признаки группы (лиц, подчиненных ему. — К. К.) и является воплощением их» [Бенвенист 1995: 76]. Имя же **ghosti-* на основании латинских однокоренных (*hostire* ‘оказывать (взаимную) услугу’ (*hostire ponebatur pro aequare* (Festus) «*hostire* употреблялось как *aequare*»), *hostia* ‘искупительная жертва’) определяется как «человек, находящийся в определенных отношениях, например, в отношениях обмена». «По причине каких-то изменений, условия которых нам точно неизвестны, слово *hostis* стало значить ‘враждебный’, и с тех пор употребляется только по отношению к ‘врагу’» [Там же: 79]. По-видимому, ответ на этот вопрос может дать изучение структуры римского общества. Как известно, оно характеризовалось довольно жесткой полисной структурой. Полис же унаследовал от первобытного общества строгую дилемму «свой—чужой», которая проявилась в чрезвычайно замкнутом гражданстве: полноправными гражданами Римской республики считались только те, чьи родители были исконными жителями Рима. Жители же остальных италийских территорий получили статус гражданства только в начале I в. до н. э. после достаточно кровопролитной так называемой Союзнической войны. Чужестранцы в Риме могли пользоваться определенными правами, именуемыми *hospitium*, но равноправными по отношению к римским гражданам не были. Право *hospitium* могло полностью осуществляться при наличии влиятельного покровителя — гражданина республики. Очевидно, гость и хозяин также связаны неравноправными отношениями: хозяин — покровитель, гость — покровительствуемый, при этом у гостя есть определенные права, регулируемые взаимоотношениями с хозяином. Такими же отношениями были связаны патрон-аристократ и клиент-плебей в древнем Риме: плебей получал от аристократа земельный участок и отдавал себя под его покровительство. Весьма существенно, что чужеземцы, отдававшие себя под покровительство знатного гражданина, также получили наименование *clientes*. Это доказывает глубокое сходство понятий гостеприимства и клиентелы. По мнению К. Уоткинса, назвавшего это социальное

взаимоотношение «неравноправной дружбой», оно репрезентирует соответствующий фрагмент индоевропейской социальной структуры. Очевидно, в подобном обществе отношение с богом мыслилось так же: бог наделяет человека благом, и человек отдает себя под его покровительство. О том, что это было так, помимо славянского *господь* свидетельствует и эпитет гомеровского Зевса ξένιος ‘гостеприимный’. Ср. Од. 14, 389, ἀλλὰ Δία ξένιον δείσας αὐτὸν τ’ ἐλεαίῳ ‘но почитая Зевса-гостеприимца и сожалея (о тебе)’; также из так называемых Гомеровых эпиграмм: αἰδεῖσθε ξενίοιο Διός σέβας ὑψηδόντος / δεινὴ γὰρ μετ’ ὅπις ξενίου Διὸς ὅς’ κ’ ἀλίτηται (IX, 3—4) ‘чтите волю Зевса-гостеприимца, владыки высот, ибо страшна месть Зевса-гостеприимца тому, кто согрешил’. Как видим, ‘гостеприимство’ выступает как символ и синоним высшей власти. Могущество и воля Зевса зиждется именно на гостеприимстве. Это и неудивительно, если учесть, что гостеприимец и хозяин тождественны. Бог — патрон, гостеприимец, защитник, покровитель, благодетель vs. человек — клиент, гость, подчиненный, обязанный, благополучатель. Еще одна важная мотивировка семантики славянского композита заключается в этимологии слав. и и.-е. *ghost-i. По остроумному предположению Вяч. Вс. Иванова [Иванов 1975], это имя можно сравнить с др.-инд. *ghasati* ‘пожирать’. Тем самым дополнительно мотивируется и лат. *hostia* (ср. русск. *жертва*), и **ghost-(i)-pet-* может означать также и ‘кормилец’. Во всяком случае, этот композит выразил идею одаряющего божества-хозяина и одаренного им человека.

Но существует и существенно иная модель взаимоотношений. В микенских таблицах встречаем целый ряд лиц, именуемых *leojo doero* (*doera*) = θεοιο δοελος (δοελα) ‘раб (раба) бога’. Об этой категории должностных лиц в пилосских табличках речь идет свыше 100 раз. Общая схема надписи имеет следующий вид: *rasuro leojo doero ekeqe onaio keketena kolona paro damo tosode peteo* (PY Eb 1174) Р. θεοιο δοελος εχερε ονατοι κεκεμενα κτονα παρο δαμω τογουδε σπεριο ‘Р., раб божий, вот имеет участок в общинном владении от народа; (должен) столько зерна’. В ряде записей участок раба божьего оказывается в составе *kitimena kotona ktizmena ktona* ‘частное (дословно «владеемое») владение’. Как полагают С. Я. Лурье [Лурье 1957: 177], М. Вентрис и Дж. Чедвик [Ventris, Chadwick 1973: 236], имеются в виду не собственно рабы, а низшие священнослужители, связанные с божеством более суровыми обетами, чем обычные члены общества, и вместе с тем лишенные прав жреца. Тем не менее все они названы по имени (в отличие от настоящих рабов, по имени никогда в микенских

текстах не называвшихся [Ленцман 1963: 185—187]). В нескольких табличках (PY Eb 416, En 74, 609, 659) они упоминаются наряду со жрецами (*ijereu, ijereja*), причем в En 74 получают общее наименование *onatere* «пользователи». Никакой иной информации о *teojo doero* в микенских текстах не сообщается, и вопрос об их статусе остается непроясненным до конца (ср. [Полякова 1978]). Тем не менее можно полагать, что на место бинарной оппозиции приходит тернарная: бог-владелец vs. рабы бога vs. клиенты-гости бога. Преодолевается она с наступлением монотеизма, когда статус рабов божьих получают все исповедующие данную религию. Греческое *Ἄρειος Δῆμος* вновь появляется уже в христианской литературе. Аналогичные понятия возникают и за пределами индоевропейского мира: в арабском вместе с утверждением мусульманиства появляется формула '*abd allah* 'раб Божий'. Она наглядно демонстрирует утверждение монотеизма, в котором уменьшение количества объектов почитания приводит к особо страстному почитанию человеком бога. Антитеза бога дающего и бога — сурового хозяина — релевантна и для христианства. Как писал А. А. Любишев [Любищев 1993: 87—92], в этой религии присутствует остройшая антитеза между милосердием и справедливостью. Милосердие соответствует пониманию Бога как гостеприимца, справедливость — Бога как владыки.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бенвенист 1995 — Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Иванов 1975 — Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *celověkъ* 'человек' // Этимология 1973. М., 1975.
- Ленцман 1963 — Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Лурье 1957 — Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957.
- Любищев 1993 — Любящев А. Расцвет и упадок цивилизаций. Ульяновск, 1993.
- Мартынов 1983 — Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.

- Маршак 1967 — *Маршак С. Я. Воспитание словом.* М., 1967.
- Полякова 1978 — *Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура письменного общества.* М., 1978.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1980.
Вып. 7.
- Haas 1996 — *Haas O. Phrygische Sprachdenkmäler.* София, 1996.
- Heubeck 1987 — *Heubeck A. Phrygiaca // Zeitschrift für die vergleichende Sprachforschung.* 1987. Bd 100.
- Ventris, Chadwick 1973 — *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek.* Cambridge, 1973.
- Watkins 1992 — *Watkins C. Reconstruction of formulaic sequences // Reconstructing languages and cultures.* Berlin; New York, 1992.

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОКАХ КОМИЧЕСКОГО*

0. Мы не ставим своей задачей рассмотреть происхождение категории комического в языковом, историческом, психологическом аспекте — нельзя обять необъятное! (Отметим только, что способность смеяться и улыбаться отличает человека от всех иных живых существ.) Попробуем определить, каким смех представляется в зеркале языка. Первый шаг в понимании сути явления — установление этимологии слов, его обозначающих, со всеми их возможными коннотатами. Этот путь с успехом использовал Э. Бенвенист [1974] и Ю. С. Степанов [1974; 1997]. Поэтому рассмотрим происхождение слов, включенных в поле смеха, в индоевропейских языках и проследим некоторые рецепции этих лексем в Ригведе. После этого высажем некоторые соображения о роли смеха в человеческой жизни.

1. Итак, что такое смех с точки зрения этимологии?

1.1. Корень, к которому восходит русск. *смеяться* с отлагольным именем *смех* — **smei/smei-l/smei-d*: др.-инд. *smáyate* ‘смеяться’, греч. *μειδάω* ‘улыбаться’, англ. *smile*, лтш. *smieries* (vb. refl.), *smaidū*; ц.-слав. *смѣяти* сл. Развитие значений ‘смех’ ↔ ‘удивление’: др.-инд. *smaya*, *vismaya* ‘удивление’, лат. *mirus*, *mirari*. Очевидно, первичное значение корня — ‘сиять, блестеть’, ср. лат. *miraculum* ‘зеркало’. В п. 2. попробуем проследить остатки древнего значения данного корня в Ригведе.

1.1.1. Вариант корня — **smei-*: нем. *smieren*, голл. *smuilen* ‘улыбаться’, русск. *ухмыляться* (*-смыл- по закону Педерсена).

1.2. К этому корню имеется изосемантический ряд: греч. *γελάω* ‘смеяться’, *γέλως-* ‘смех’ < **gelH-* ‘блестеть’. Первичное значение данного корня подтверждается такими дериватами, как *γελεῖν* ‘блеск’.

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Заметки об истоках комического // Логический анализ естественного языка: Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2007.

λάιπειν (Hes.); γαλῆρός ‘ясный’, γλῆρη ‘зрачок; глазное яблоко’. В германских языках у этого корня появляется значение ‘чистый’: др.-в.-нем. *kleini* ‘яркий, чистый’, др.-англ. *clæne*, англ. *clean*. Иногда развитие значений ‘блестеть’ → ‘смеяться, улыбаться’ появляется в письменной истории языка: лат. *renidēre* 1) ‘сиять, светить’, 2) ‘улыбаться’. Да и русск. *сиять* известно в обоих значениях.

1.3. Иная мотивировка у лат. *ridēre* ‘смеяться’, *sur-ridēre* ‘улыбаться’ (от этих глаголов произошли соответствующие глаголы в романских языках: итал. *ridere*, *sorridere*; франц. *rire*, *sourire*; испан. *reír*, *soureír*; румын. *ride*, *suride*). По мнению К. Бака, он содержит корень **vris-d-*, отраженный также в др.-инд. *vr̥idate* ‘бросать; стыдиться’. В качестве tertium comparationis между значениями корня в латинском и древнеиндийском может служить сема «энергично воздействовать». Лат. *ridēre* относится к классу глаголов состояния, поэтому он выражает внутренний душевный процесс; аналогичное значение может приобретать средний залог в древнеиндийском.

1.4. Естественно, некоторые корни со значением ‘смеяться’ суть звукоподражания. Это гор. *hlahjan*, др.-англ. *hlæhhhan* (> *laughe* > *laugh*); др.-в.-нем. *hlahhan* (> *lachen*) < **kleHk-* (ср. русск. *клекот*, греч. *χλαγγή* ‘шум’, *χλώσω* ‘кудахтать’, лат. *clangere* ‘звучать’). Другие ономатопеи: др.-ирл. *tibiu* ‘ударять; смеяться’, русск. *хохот*; швед. *skratta* ‘смеяться’ — диал. *skrata* ‘звучать в ответ’.

1.5. Понятие же ‘улыбаться’ иногда передается указанием на лицо или его часть. Русск. *улыбать-ся* < *льбъ* в расширительном значении ‘череп, голова’¹. Румын. *zîmbi* заимствовано из славянских языков: болг. *забъя се*, чеш. *zubiti se* ‘скалиться’. Ср. также русск. *скалить* ‘открывать щель’ → ‘открывать зубы’ → *скалиться* ‘улыбаться’. Ср. подробнее [Buck 1949: s. v. «laugh»].

2. Обратимся к конкретному текстовому материалу. В Ригведе известны два корня интересующего нас значения: *smi* и *has*. Первый может означать не только ‘смех’. Предикат *smáyate*, причастие *smáyatāta*, как правило, относятся к заре, небу, молнии. Таким образом, корень выступает как актуально многозначный: в ряде контекстов он означает одновременно ‘сиять, блестеть’ и ‘улыбаться’.

¹ Такое значение зафиксировано в «Повести временных лет»: *ѡт сего ли лъба смыть мнѣ взлти; и встути ногою на лобъ* (т. е. череп). Ср. «Пандекты Антиоха черноризца» (XI в.): *удари и въ лобъ дръвомъ*, где *въ лобъ* — перевод *εἰς τὸ κρανίον* ‘в голову’.

2.1. *smi* «сиять».

(1) *ā bhándamāne uśásā úpāke utá smavete tanívā virūpe // yáthā no mitrō várupo jújoṣad índro marútvām utá vā máhobhiḥ* (III 4, 6) ‘обе близстоящие сверкающие зари пустыь воссияют (улыбнутся) радостно, разноокрашенные, когда Митра и Варуна нас обрадовали, и Индра марутового со своими силами’.

Гельднер переводит ‘und sie lächeln’; но все-таки ‘сиять’ представляется предпочтительнее. Однако обращает на себя внимание соседство с глаголом *juijōsat*, вводящим мотив радости. С другой стороны, тема блеска представлена здесь причастием *bhándamāne* (дв. ч.) ‘(обе) лу-чающиеся, сверкающие’.

(2) *átāriṣṭa támasas párám asyá uśā iuchántī vágynā kṛnoti // śriyé chándo ná smavate vibhātī suprátičā samanasáyājīgah* (I 92, 6) ‘мы достигли границы тьмы, которую творит горящая заря (с) ветром; словно для блеска лучистая сияет (улыбается), для прославления приблишившихся’.

Здесь многообразно выражение понятия ‘блеск’: *iuchántī* ‘горящая’, *śriyé* (дат. п.) ‘блеск’, *chándo* ‘лучистая’, *vibhātī* ‘сияющая’. С блеском контрастирует тьма: *átāriṣṭa támasas párám* ‘мы достигли границы тьмы’.

(3) *kaniyeva tanívā sā šadānām ési devī devám iyaksámānam // samstmáyamāna yuvatih purástād ávir vásámsi kṛnuṣe vibhātī* (I 123, 10) ‘телом подобная девушке, идешь ты, о богиня, вперед к рождающему богу, улыбающаяся (сияющая) юница, ты открываешь свои груди’ (о заре-Ушас).

Блеск (*vibhātī*) и улыбка (*samstmáyamāna*) сочетаются с темой любви-вожделения.

(4) *ā yó vánā tāt'sánó ná bháti vár ná pathá ráthiyeva svánit // kṛṣṇádhvā tápū ranvás ciketa dyáur iva smáyamāno nábhobhiḥ* (II 4, 6) ‘кто, словно сухое дерево (огниво), пылает, закипел, словно вода на колесном пути, (тот,) имея черный путь, показался жарко вдохновенным, точно сияющее (улыбающееся) небо в облаках’ (об Агни).

С «улыбающимся небом» сравнивается пылающий огонь.

- (5) *áva smayanta vidyútaḥ pr̄thivyām yádī ghṛtám marútaḥ pruṣṇuvánti // ásūta pŕṣṇīr mahaté ráṇāya tveśám ayásām marúlām áníkam* (I 168, 8) ‘тогда сияют (улыбаются) молнии на земле, когда Маруты жертвенный жир льют; родила Пришни (пестрая) для великой борьбы Марутов ловких великолепный ряд’.
- (6) *ā te suparṇā aminantam évaiḥ kṛṣṇo nōnāva vṛṣabho yádīdám // śivābhīr ná smáyamānābhīr ágāt pánti miha stanáyanti abhrā* (I 79, 2) ‘Орлы твои изменились на своих путях; заревел черный бык, когда пришел, словно с улыбающимися стремительными (молниями); летят облака, гремят тучи’.

И здесь сияние сочетается с атрибутами неба.

2.2. Единственный контекст, где *smi* означает ‘улыбаться’ (о людях):

- (7) *abhi pravanta sámaneva yóśāḥ kalyāṇīyah smáyamānāśo agním // ghṛtásya dhārāḥ samídhō nasanta tā juṣāṇo haryati jālāvedāḥ* (IV 58, 8) ‘спешат к Агни прекрасные улыбающиеся девы, словно в любовные объятия; потоки жира радостно устремляются к жертвенному огню, их радостно принимает знающий рождение’.

И в этом стихе присутствует тема огня.

Все процитированные контексты из Ригведы являются прекрасной иллюстрацией к определению поэтического языка у Р. О. Якобсона: поэтическая функция языка переносит принцип эквивалентности с оси выбора на ось сочетания [Jakobson 1987: 71]². И сочетающиеся элементы ясно показывают связь смеха-улыбки с небесным и земным огнем-сиянием. Так в стихе актуализуется первое значение корня *smei-.

3. Корень *has* в Ригведе представлен мало, только в виде композитов и отлагольных имен:

has-kārā ‘несущий радость’

- (8) *haskārād vidyútaḥ pári* (I 23, 12) ‘от улыбающейся молнии’;

has-kartār ‘создатель радости’

- (9) *viśvesām adhvárānaam haskartāram dáme-dame* (IV 7, 3) ‘(Агни) создающего радость на всех праздниках жертвоприношений в каждом доме’;

² Русский перевод — [Якобсон 1975].

háskṛti, hásā ‘радость’

(10) *tát te jajñó ajāyata tát arká utá háskṛtih* (VIII 89, 6) ‘так для тебя (Индра) жертвоприношение родилось, так и хвалебная песнь — радость’;

(11) *prāñco agāta nṛtāye hásāya* (X 18, 3) ‘воодушевленные, мы пришли для веселья и танцев’.

Таким образом, во-первых, значение этого корня — скорее ‘радость’, чем ‘смех’; во-вторых, и радость представлена как прежде всего небесная стихия, характеризующая богов (Индра и Агни), свет и небесный огонь. Радость может быть и предметом вожделения:

(12) *áśvo vólhā sukhám rátham hasanām ... ichati* (IX 112, 4) ‘коњь, везущий колесницу с прекрасной осью, к радости стремится’ (в гимне Соме).

Но и здесь радость выступает как дар бога. Человек может получить ее, лишь приобщившись к богам путем жертвоприношения.

* * *

4. Однако по опыту мы знаем, что смех порождается не только радостью. В. Я. Пропп [2002] выделяет следующие разновидности смеха: смех грустный и веселый, добрый и злой, радостный и печальный, гневный и даже унылый. Здесь исследователь ссылается на работы известного киноведа Р. Юренева, но оговаривает, что в его подробном и богатом перечне не отмечена главная разновидность смеха — насмешливый смех. Мы можем назвать его и комическим. Смех комический возникает от резкого несоответствия смешной ситуации нашим нормам и представлениям. В качестве частного примера укажем на комизм, возникающий при произвольном обрыве цитаты:

Вдруг из маминой из спальни
Колченогий и хромой,
Выбегает...

Если бы цитата была продолжена в соответствии с каноническим текстом, комического эффекта бы не было. Но в данном случае именно двусмысленность вкупе с незавершенностью текста создает надлежащий эффект (возникают вопросы: кто это такой — колченогий и хромой, что он делал в маминой спальне?). Аналогично:

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые...

Такой смех может возникнуть не спонтанно, а как результат целенаправленных усилий. Какова же роль такого смеха? Можно сказать так: смех помогает психологическому сопротивлению. Известно, что трагедии в Греции писались и до Эсхила. Они создавались в форме трилогий, к которым в *pendant* присоединялось особое сценическое произведение — сатирова драма (которая впоследствии превратилась в самостоятельный жанр³). В ней в качестве хора выступали артисты, натуралистически загримированные под сатиров. Их задача сводилась к тому, чтобы осмеять происходящее на сцене, представить забавным то, что в трилогии выступало как трагедия. Делалось это, очевидно, для того, чтобы смягчить безысходный трагизм предшествующего представления. В этой связи можно высказать следующую гипотезу. Поскольку смех, как и язык, отличает человека от животного, уместно вспомнить гипотезу Б. Ф. Поршнева [1974] о происхождении языка. Поршнев полагал, что потребность вербально выражать свои мысли возникла у нашего предка в противостоянии иным гоминидам, владевшим механизмами невербальной суггестии. Слово (вторая сигнальная система), таким образом, явилось способом преодоления этой суггестии (осуществлявшейся с помощью первой сигнальной системы). Так ли это в применении к языку — сказать трудно: гипотез о его происхождении очень много. Но, похоже, смех действительно имеет защитную функцию. Он может быть использован в борьбе не только с суггестией или иной формой враждебности со стороны человека, но и против стихийного бедствия. В самом деле, высмеять кого-то или что-то значит ослабить силу его негативного воздействия:

Отграбленный, смеясь своей потерей,
У вора отнимает кое-что,
Но горести предавшись бесполезной,
Ворует он у самого себя

(У. Шекспир. Отелло)

---

³ Целиком до нас дошла только сатирова драма Еврипида «Циклоп»; кроме того, известны фрагменты драмы Эсхила «Рыбаки», Софокла «Гончие собаки».

Смех связан с самыми серьезными, несмешными сторонами жизни. Это знали еще древние греки. Знаменитая ирония Сократа (*εἰρωνεία*, дословно ‘притворство’) служила ему главным средством познания мира. Вот что говорит его ученик Платон о соотношении смешного и серьезного:

Проснулся он (Аристодем. — К. К.) на рассвете, когда уже пели петухи, и, проснувшись, увидел, что одни спят, другие разошлись по домам, а бодрствуют еще только Агафон, Аристофан и Сократ, которые пьют из большой чаши... причем Сократ с ними ведет беседу. Всех их речей Аристодем не запомнил, потому что не слыхал их начала, и к тому же подремывал. Суть же беседы, сказал он, состояла в том, что Сократ вынудил их признать, что один и тот же человек должен уметь сочинить и трагедию, и комедию, и что искусный трагический поэт является также и поэтом комическим.

(Платон. Пир, 223 e-d; Заключение)

Этот пассаж пронизан юмором: в нем заключен недвусмысленный намек на то, что герой из-за опьянения не полностью уловил суть рассуждений Сократа. Платон, по-видимому, имеет в виду, что тема взаимоотношения комического и трагического очень серьезна. В полушутливом споре, где собеседники судьей избрали Диониса, ее не разрешить полностью. А захмелевший Аристодем комически оттеняет собой Сократа, чья мудрость неизменна в любом диалоге. Такие иронические детали характерны для диалогов данного жанра: у другого ученика Сократа — Ксенофонт — тоже есть диалог с названием «Пир», в котором, как и у Платона, речь идет о любви. Комизм диалога связан с одним из его главных героев — напыщенным богачом Каллием, который и устроил пир. Его ограниченность и высокомерие оттеняют серьезность и вместе с тем шутливость Сократа.

Смех, юмор, комизм — это необходимый фон человеческой жизни, оттеняющий ее серьезность. Возвратившись к проблеме смешного и серьезного в позднем сочинении, Платон высказывался об этом совсем не шутливо:

В самом деле, без смешного нельзя познать серьезного; и вообще, противоположное познается с помощью противоположного, если только человек может быть разумным. Зато одновременно осуществлять и то, и другое невозможно, если опять-таки человек хочет быть хоть немного причастным добродетели. Но именно потому-то и надо

познакомиться со всем этим, чтобы по неведению не сделать и не сказать когда-то совершенно некстати чего-то смешного.

(Платон. Законы, книга VII, 816 e)

Итак, смешное и серьезное — две различные и неразрывно связанные стороны действительности. Мудрец должен понимать их обе и никогда не путать между собой. И только такое понимание позволяет человеку оставаться разумным и добродетельным.

О смешном можно сказать еще бесконечно много. Приведем высказывание замечательного писателя и литературоведа Ю. А. Карабчевского (1938—1993) — одно из наиболее глубоких и ярких определений этого понятия:

Юмор — явление всеобъемлющее, это не окраска и не подсветка, это способ видения, способ жизни. Понятие юмора трансцендентно, так же как понятие поэзии, и так же магически неисчерпаемо. Человек, объясняющий смысл анекдота, нелеп не потому, что говорит очевидное, а, напротив, потому, что пытается осуществить невозможное. Но ни анекдот, даже самый глубокий, — а бывают очень глубокие, — ни острота, ни шутка, ни комическая ситуация, ни вообще все комическое, вместе взятое, — не заполнят и не отразят юмора, разве только одну из его сторон.

В словарях литературоведческих терминов на это слово даже нет отдельной статьи, а пишут: «ЮМОР — см. КОМИЧЕСКОЕ». Не смотри «юморическое», читатель, смотри «трагическое»! Потому что подлинный юмор всегда трагедиен в своей основе. Нет, я имею в виду не мрачные шутки, не черный юмор и не юмор висельника. Настоящий юмор всегда исходит из глубокого чувства трагизма жизни, из ее потрясающей, головокружительной серьезности.

Возьмем тот же анекдот как ближайший пример. Чем измеряется глубина анекдота? Тем количеством трагизма, который он в себе содержит. Лучшие темы — тюрьма, болезнь или смерть; то есть такие, трагизм которых заведом и не нуждается в подтверждении. И так же самый глубокий юмор свойствен народам самой страшной судьбы — евреям, полякам, русским...

(Ю. Карабчевский. Воскресение Маяковского.
М., 1990. С. 84.)

Наконец, отметим еще одну важную функцию смеха. Заезжены цитированием известные слова К. Маркса: «Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в “При-

кованном Прометеем” Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в “Беседах” Лукиана. Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». И в самом деле. Тот, кто выглядит смешным, уже не способен внушать боязнь и почтение. Если его авторитет зиждется на страхе и традиции, он безнадежно гибнет. Как заметил как-то Ю. Олеша, сатира убивает свой объект, превращая его не в труп, а в ноль. Известный философ Л. Н. Соловьев сумел блестяще переиначить хрестоматийную формулу Маркса. Говоря о замечательном поэте Игоре Губермане, он высказался метко и точно: «Губерманоид помогал нам, смеясь, расставаться с нашим пошлым» [Соловьев 2001]. Таким образом, смех оказывается тем оружием, с помощью которого человечество способно нравственно совершенствоваться. Смех — защитник, смех — борец, смех — двигатель нравственного прогресса: такова его роль в человеческом обществе.

Для древнего индийца, как мы могли убедиться в первом разделе, смех был даром и милостью богов. Для человечества же смех действительно оказался великим благодеянием. Смех помог человеку стать человеком.

Источники

- Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер., comment. С. И. Соболевского.* М.: Наука, 1993.
- Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Под ред. А. Ф. Лосева.* М.: Мысль, 1990—1994.
- RigVeda: A metrically restored text / Ed. A. van Nooten, G. Holland.* Cambridge (MA), 1994.
- Rig-Veda: Aus dem Vedischen ins Deutsch übers. K. F. Geldner.* Bd 1—4. Cambridge (MA), 1951—1957.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э. Понятие структуры в лингвистике // Бенвенист Э. Общая лингвистика*. М., 1974.
- Поршнев 1974 — *Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии*. М., 1974.
- Пропп 2002 — *Пропп В. Я. Проблемы комического и смеха*. СПб., 2002.
- Степанов 1974 — *Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований: Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика*. М., 1974.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С. Константы: Словарь концептов русской культуры*. М., 1997.
- Столович 2001 — *Столович Л. Н. Евреи шутят*. М., 2001.
- Якобсон 1975 — *Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против*. М., 1975.
- Buck 1949 — *Buck C. D. A dictionary of selected synonyms in principal Indo-European languages*. Chicago, 1949.
- Jakobson 1987 — *Jakobson R. Linguistics and poetics // Jakobson R. Language in literature*. Cambridge (MA), 1987.

ЭТИМОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И КОНЦЕПТ ЧИСЛА^{*}

0. Концепт «число» — это одно из максимально абстрактных, бескачественных понятий. Отдельные числа имеют, так сказать, материальный субстрат — набор однородных предметов. На него они указывают в отрещении от всех свойств и признаков данных предметов. Сами математики различают постуляционный и конструкционалистский подход к числу [Винер 1967: 46]. Согласно первому, числа суть неопределеняемые объекты, связанные совокупностью отношений, строящейся на основе нашего опыта согласно правилам комбинирования данных более простых исходных опытов. В этом случае число трактуется как объект, связанный отношениями «перед» и «после»: если *a* стоит перед *b*, а *b* перед *c*, то *a* будет и перед *c*, а для любого числа, отличного от нуля, есть число, стоящее перед ним. Согласно же конструкционалистскому подходу, который развивался Расселом и Уайтхедом, каждое число есть совокупность множеств, содержащих соответствующее количество элементов: 1 — совокупность всех единичных множеств, 2 — совокупность всех двоек и т. д. Таким образом, выделение числа с помощью постулатов или методов конструктивной математики — это всегда обобщение, отвлечение от действительности.

Для того чтобы выразить эту сложную абстрактную идею, язык должен использовать образные средства, соотнести ее с более конкретными понятиями. Иными словами, языковое обозначение чисел, как и иных абстракций, всегда метафорично. В процессе номинации, разумеется, эти метафоры стираются, в результате чего появляется имя, лишенное в сознании говорящих каких-либо семантических мотивировок. Это характерно не только для языкового именования

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Этимология индоевропейских числительных и концепт числа // Логический анализ языка: Числовой код в языке и культуре / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2013.

числа, но и для иных знаковых систем, обозначающих его. Так, цифры, происходящие из зарубок или букв (причем происхождение многих цифровых систем до конца не выяснено и по сей день), выражают количество безотносительно к их происхождению и в современном письме играют роль иероглифов, так как передают исключительно значение. Наша задача — рассмотреть основные семантические мотивировки именования числа и попытаться выявить их связь с мышлением вообще и системами счета в частности.

1. Начнем с общего имени. Концепт «число» в различных индоевропейских языках разнообразен, общеиндоевропейского имени для него не существует. В свете вышесказанного это вполне понятно, так как общее имя для *числа* — это, так сказать, абстрагирование абстрактного — отдельных чисел.

1.1. Русск. *число* < *k^eeil-dhlo*:ср. *читать, читать, лит. skait̄ius* ‘число’, *skait̄yti* ‘читать’, *skaičiuoti* ‘считать’ (отыменный глагол от *skaičius*); др.-инд. *cetati* ‘понимать’, греч. *tíwsh* ‘платить’, *poiféw* ‘делать, творить, созидать’. Как видим, корень **k^eeil-* приобрел интересующее нас значение только в балтийских и славянских языках. И здесь его семантическая мотивировка довольно прозрачна: «счет» связан с «чтением, мыслию» (см. *расчет*), упорядочиванием, сбором. Эта идея хорошо передана глаголом *расчислить* (*Как беззаконная комета / В кругу расчисленных светил.* — А. С. Пушкин). Когда же масса не поддается счету, народная присказка говорит: *Нет числа*. Это во все не означает отсутствия количества, но именно невозможность его учесть, упорядочить, сосчитать.

1.2. Греч. *ἀριθμός*, гот. *raþjo*, др.-ирл. *rīm*, др.-англ., др.-в.-нем. *rīm* ‘число’ содержит корень **Hr-* ‘упорядочивать, считать’: др.-инд. *ṛá* ‘закон’, *ṛtū* ‘время, период’, греч. *ἄριος* ‘ряд’, лат. *rēri* ‘считать, полагать’, *ratio* ‘довод, рассудок’ (= гот. *raþjo*). По-видимому, к этому же корню восходят и лат. *ondo*, славянское *рядъ* (содержащие тот же суффикс *-dh-, что и греч. *ἀριθμός*). Мотивировка совершенно та же, что и у предыдущего корня. Особенно тесную связь с «числом» демонстрирует имя *ряд*. Достаточно вспомнить такие его производные, как *рядить, подрядить, порядок*.

1.3. Латинское *numerus* стоит особняком. Близко по происхождению к нему хетт. *lātar* ‘час’, гетероклитическое имя (дат.-мест. п. *lat-ni*). Число, таким образом, оказывается связано с отрезком времени. Мотивирующим и здесь оказалось значение установления, упорядочивания. Возможно, тот же корень присутствует в греч. *έμω ‘делить’, νόμος ‘закон’, о.-герм. *nematan ‘брать’*. С другой стороны, здесь мож-

но предполагать сравнение с хетт. *lāmtan* ‘имя’ (дательно-местный падеж омонимичен: *lamni*). Следовательно, лат. *numerus* может быть связано со сложным комплексом этимологических мотивировок, предлагаемых для и.-е. **ŋ̊-tṛ̊*, *nōtṛ̊* и т. д., см. [Красухин 2000].

1.4. Несколько иная семантика лежит в основе германского именования числа. Др.-англ. *ȝatæl*, др.-в.-нем. *zala*, нем. *Zahl* происходят из герм. **tal-* ‘речь, слово’. Это более старое значение сохраняется в англ. *tell, talk*; нем. *erzählen* ‘рассказывать’. Германский корень связывают с и.-е. **dol-* (греч. *δόλος* ‘приманка’, лат. *dolus* ‘хитрость’). Очевидно, мотивировка «слово» > «число» произошло уже в общегерманском. Греческое и латинское имя не обнаруживают связи ни с числом, ни с порядком. Связь «слово, речь» и «исчислимое» демонстрируют славянские языки: *речь* и *срок*, укр. *рік* ‘год’.

1.5. Особняком стоит др.-ирл. *lin* < **plēno-*, лат. *plenus* ‘полный’. Число здесь предстает выразителем завершенности.

1.6. Германский глагол ‘считать’ имеет две мотивировки. Гот. *rahnjan* восходит к **rek-* ‘говорить’ (русск. *речь*). Др.-англ. *reconian* (> *reckon*) происходит из **reg̊-* ‘направлять’ (лат. *regere*, др.-инд. *r̄jánti*).

Итак, число связано с порядком, временем, словом.

2. В отличие от общего имени, конкретные числа в большинстве имеют этимологии, возводимые к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Это говорит о том, что человеческое мышление сначала постигает идею конкретного количества однородных предметов и только затем — обобщение этих количеств в виде абстрактного понятия «число». Рассмотрим этимологии числительных.

2.1. Единица обозначается корнями **oi-* и **sem-*.

2.1.1. Первый из них употребляется с различными суффиксами. Известны три варианта: **oino-* (лат. *ipis*, ст.-лат. *oinos*, гот. *ains*, о.-слав. *ed-inъ, jьнь*; греч. *οῖη* ‘единичное очко на кости’), **oiço-* (авест. *aēva*, греч. *οίφος* ‘одинокий’); **oiko-* (др.-инд. *ekā*). В древнеиндийском представлены также формы *ena* ‘он, этот’ и *evá* ‘вот’. Они ясно показывают прономинальные истоки числительного. Следует отметить, что данный корень может быть амбивалентным по своему значению: слав. *jьнь* означает не ‘один’, а ‘другой, иной’. Старое значение выражает новая форма **ed-jьнь*¹;ср. *ed-va; лат. *ecce* ‘вот’ < *ed-ce. Ср. лит.

¹ Так же производное *jьnākъ. В религиозном языке оно стало калькой греч. *μοναχός*, дословно ‘одиночка’. Отметим, что семантическая оппозиция простой и композитной основы сохраняется и в производных: *jьnākъ vs. *od-jьnākъ-vъ.

vienas < *ue-oīo ‘тот-один’ (с местоимением дальнего дейкса). Иными словами, основа **ei-po-* может указывать как на единицу, так и на иной предмет. Ю. С. Степанов [1988; 1997: 251] полагает, что числительное «один» обозначает прежде всего порядок счета. Поэтому оно может указывать как на первый элемент числового ряда, так и на следующий за ним, противопоставленный ему. И подтверждением этому могут служить такие концепты, как «единица» в его противопоставлении «единству» (отдельное vs. совместное).

2.1.2. Другой корень — *sem — представлен в следующих аблautных вариациях: греч. εἷς; тох. A. *sas*, тох. B. *se*; др.-инд. *sám* ‘с, вместе; равно’, *samá* ‘тот же, такой же; подобный’; **somo-*: греч. ὁμός, ὁμαλός ‘равный, подобный’, **smi(h)*: греч. μία, арм. *mi*; **sŋ̑-*: греч. ἄ-παξ ‘однажды’, ἄμα ‘вместе’, лат. *semel* ‘однажды’ (< **sŋ̑-li-*), *similis* ‘похожий’ (< **sŋ̑lis*), *singulus* ‘единичный’ (< **sŋ̑-llo-*), *simul* ‘вместе’ (< **sŋ̑-l*); *sōmo > самъ. Основная семантическая оппозиция, свойственная этому корню — «единица» vs. «единство» vs. «подобие»².

2.1.2.1. Эта противоположность значений сказалась в семантике русск. *сам*. С одной стороны, местоимения *сам*, *самый* обозначают обособленность. С другой стороны, в выражениях *сам-друг*, *сам-треть*, *сам-четверт*, *сам-пят* и т. д. оно приобретает значение иного члена оппозиции. В современном языке они сохранились как обозначение урожайности, но могли употребляться и в более широком смысле: ‘вдвоем, втроем, вчетвером, впятером’ и т. д., т. е. ‘один вместе с определенным количеством однородных ему’³. Ю. С. Степанов сопоставлял эти сочетания с лат. *cum quinto* ‘сам-пят’, *cum octavo* ‘сам-осмь’. Первый элемент в русских и латинских оборотах имеет все же различное происхождение: лат. *cum* < и.-е. наречие *kʷm, обозначающее совместность и именно в этом значении превратившееся

² Отметим, что в греческом ὁμός означает прежде всего ‘равный’, ὁμοῖος — ‘подобный’. От этих прилагательных образованы богословские термины ὁμοούσια ‘единосущность’ и ὁμοιούσια ‘подобносущность’. Как известно, эти имена, различающиеся только на *йоту*, были связаны с первым церковным расколом: единосущность Бога-Сына Богу-Отцу отстаивал епископ Афанасий, подобносущность — пресвитер Арий. Первый Вселенский собор в Никее (325 г.) принял Символ веры в редакции Афанасия. Как видим, не значительные семантические различия первичного и производного прилагательного могут быть связаны с серьезными мировоззренческими и религиозными вопросами.

³ *Порой веселой мая / По лугу вертограда / Среди цветов играя, / Сам-друг идут два лада* (А. К. Толстой).

в предлог в латыни. Можно в интересующем нас случае предположить контаминацию и.-е. основ **sem* и **k̑em*.

2.1.3. Число «один» имеет супплетивное порядковое числительное. Основа **prH-mo-/uo-*, **prō-io-* ‘первый’: греч. πρῶτος, πρώτιστος, др.-инд. *praihamá*, лат. *primus*, лит. *pirmas*, гот. *fruma*, тох. A, B *pärwesse*. Корень **prH-* ‘двигать, перед’ + суффикс, обозначающий принадлежность, вместе с тем и предел. В некоторых случаях он тождествен суффиксу превосходной степени. Ср. нем. *Fürst* ‘владыка’ (< **prH-islo-*), тоже с суффиксом превосходной степени.

2.2. Числительное ‘два’ значительно более единообразно по форме. В основе всех известных индоевропейских форм лежит праформа **duō(i)*, содержащая окончание двойственного числа. Тот же корень содержится в греческом префиксе *δυσ-* ‘дурной’, др.-инд. *duṣ-* ‘то же’, *duṣyati* ‘вредить’, а также слав. *две*, греч. *δεύην*, лат. *dūdum* ‘давно’, нем. *Zweig* ‘ветвь’ (= др.-инд. *dvika* ‘два, двойной’) < **du-* ‘делить, рубить’. Из значения «разбитый» могло развиться понятие «плохой, скверный». Двойка выражает идею не объединяемой раздельности, и интересующее нас числительное может быть переведено как ‘оба отдельных’. Ср. греч. *δεύτερος* ‘второй’ (суффикс сравнительной степени) — *δεύτατος* ‘последний’ (суффикс превосходной степени). Это прилагательное встречается довольно редко: *αὐτὰρ ὁ δεύτατος ἥλθεν ἄναξ ἀνδρῶν Αγαμένων* (Ил. XIX, 51) ‘тут же явился последним владыка мужей Агамемнон’; *τοαπέσαιτί τ’ ἀφρὶ δεύτατα χρεῶντι σέδεν* *διεδάσταντο καὶ φάγον* (Пиндар. Олимпийская песнь) ‘и вокруг столов последние части твоей плоти разделили и съели’. Забегая вперед, заметим, что «второй» — единственное из порядковых числительных, которое имеет суффикс сравнительной степени. Другие, как правило, используют суффикс превосходной степени, так как порядковое числительное может трактоваться как «последнее, высшее в своем множестве», ср. *πρότιστος*, *τρίτατος*. Но корень **du-* обозначал раздельность, поэтому сочетание его с суффиксом превосходной степени обозначало предел. Отметим, что у пифагорейцев двойка была символом разбитого, разломанного, дурного.

2.2.1. Во многих языках порядковое числительное образовано от иного корня. Лат. *secundus* дословно ‘следующий’ (старый герундив от *sequor*). Русск. *второй* находится в родстве с лит. *antras* ‘второй’, гот. *anpar* (др.-англ. *āper* > *other*) ‘иной’ (*an-tero). Эти числительные и местоимения также содержат суффикс *-tero-*, который в данном случае означает ‘один из двух, противопоставленный’ (из этого, по-видимому, развилось в греческом и древнеиндийском значение сравнительной степени). См. лат. *alter* ‘один из двух’ — *alius* ‘иной’ (один

из многих). Тот же суффикс в древнегреческом и иранских языках образует сравнительную степень прилагательного. Происхождение же понятия «второй» из «иной» запечатлено в украинском *другій* ‘второй’ (ср. *iñiñiñ* ‘другой’).

2.3. Числительное «три» также обнаруживает единообразие во всех индоевропейских языках: **tré̃jēs* > др.-инд. *tráyas*, греч. τρεῖς, лат. *tres*, лит. *trýs*, гот. *þreis*, тох. А *trei*, тох. В *trai*, др.-ирл. *tri*. Это число принадлежит к самым популярным в фольклоре. Перечислить все образы, связанные с ним, едва ли возможно. Только в русском народном творчестве: три брата, действующие во многих сказках, *тридевятое царство*, *тридесятое государство*. Мир в сознании древнего человека делился на три части: земное, небесное и подземное (или водное) царство. Владыка этих нижних ярусов мира мог именоваться с помощью числительного **trei-*: греч. Τριτών, бог моря (сын Посейдона и Амфитриты, изображался с рыбьим хвостом вместо ног). Др.-инд. *Tritá*, и авест. *Trīta*, судя по всему, когда-то занимал важное место в индоиранском пантеоне. В Ригведе Трита выступает помощником главных богов: Индры, Варуны, Митры. Древнейшие системы цветообозначения также троичны. Они включают в себя белое, черное и красное [Berlin, Kay 1967]⁴. По мнению Ж. Дюмезиля ([Dumézile 1977]; ср. [Дюмезиль 1986]), в основе индоевропейского пантеона лежит первичное разделение общества на три класса: жрецы, земледельцы и воины. С этим связана троичность верховых (и не только верховых) богов в древних религиях: бог-жрец, бог-воин, бог-земледелец (с соответствующими цветами⁵). Тройка проникла и в юридический язык: лат. *testis* ‘свидетель’ < *ter-stis, дословно ‘третий-стоящий’, т. е. третий участник процесса (после судьи и подсудимого).

2.3.1. Опираясь на древнейшую троичную модель мира, древнегреческие философы выдвинули понятие *триады*, воплощающей полноту жизни. По свидетельству Аристотеля («О небе», кн. 1), пифа-

⁴ Отметим, что именно эти цвета наиболее распространены в международной вексиллологии. При этом черный может заменяться на синий или зеленый, белый — на золотой, красный — на оранжевый. Таким образом, российское и германское знамя, несмотря на их внешние различия, с точки зрения символики близки друг другу. Три цвета выражают полноту мира. То же можно сказать о знаменах Франции, Бенгрии и Италии.

⁵ Эти цвета сохранились в древнеиндийских варнах (*varga* ‘цвет’), которые у европейцев часто называются кастами. Символом брахманов является белый цвет, воинов-кшатриев — красный, земледельцев-вайшьев — черный или коричневый.

горейцы определяли целое «через число три: начало, середина и конец составляют число целого и при этом троицу». Платон включал в триаду следующие понятия: Единое как нечто, не данное ни в ощущении, ни в понимании. Единое есть источник всего. Ум есть порождение Единого; это общее, что характеризует все живые существа. Душа есть субстанция, связывающая идеи с телесным миром [Лосев 1995]. Эти идеи развивали философы-неоплатоники. Так, Филон Александрийский рассматривал Бога как недоступную и непознаваемую субстанцию; между ним и миром есть посредник, именуемый Логос. Плотин же развивал учение о троичности, находя это качество и в Уме, и в Душе. Античная триада повлияла на христианство. Иисус трактуетсь, особенно в Евангелии от Иоанна, как подобие филона Логосу. Трехчастная формула появляется в Евангелии от Матфея: παρειδέντες μαλῆτεύσατε πάντα τὰ ἔχη, βαπτίζοντες αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Τίου καὶ τοῦ Ἀγίου Πνεύματος (Mt 28, 19) ‘Итак, идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа’. Тертуллиан, опираясь на этот текст, ввел в христианство понятие *троицы*, где Бог-Отец подобен Единому, Бог-Сын — Уму, ибо он постигаем, а Святой Дух — это Мировая Душа платоников⁶ [Широков 1989].

2.3.2. Можно предположить, что значимость тройки связана со спецификой становления и развития человеческого мышления. Первое, что человек осознает, — это он сам; следующий — собеседник. Третий же, попадающий в поле зрения самоосознающего человека — это иной, не участвующий в диалоге (ср. [Бенвенист 1974]), причем в эту категорию может входить весь окружающий мир. Таким образом, тройка мыслится как число полноты, завершенности. Поскольку это значение связано с динамическим освоением мира, обозначение «три» может быть сравнено с **ter-* ‘двигать’. Начиная с «трех», в порядковых числительных пропадает супплетивизм: греч. τρίτος, τρίτας, др.-инд. *trिता*, лат. *tertius* < **tri-tio-*, русск., слав. *треть*.

2.4. **kʷélt-ṣor-*: др.-инд. *catvāras*, греч. τέσσαρες (*πίστυρες* в эолийском диалекте), лат. *quattuor*, слав. *четыре*, лит. *keturi*, гот. *fidwor*, тох. A. *śtwar*, тох. B. *śtwar*, др.-ирл. *cethir*. Суффикс *-ṣor- имел значение

⁶ Отметим также, что имя *Пневма*, дословно ‘дыхание’, означало в космогонии стоиков основу мира — соединение огня с воздухом, порождающее из себя все сущее. Таким образом, Святой Дух мог отождествляться и с материальным субстратом мира. Весь этот комплекс философских идей античности, отраженный в христианстве, заслуживает отдельного исследования. Поэтому пока приходится эту тему завершить, чтобы не уклоняться от основной проблемы.

собирательности (*детвора*). Любопытно, что все предшествующие количественные числительные имели окончание соответственно единственного, двойственного и множественного числа. В большинстве языков числительное «четыре» тоже имеет окончание *-es, заимствованное из имен. Но в латинском и германских языках его след не обнаруживается: здесь числительное представляет собой чистую основу. По-видимому, это архаизм. Согласовывались с именуемым предметом только именования трех первых чисел. Об этимологии же корня судить затруднительно. Хеттское *kutruas* ‘свидетель’ произошло от *k^weit^{er}-, может интерпретироваться как ‘четвертый’ (после судьи, истца и ответчика). Мотивирующую же основу можно видеть в хетт. *kuzza* (*kut-s*), род. п. *kutias* ‘стена, сторона’. Не означало ли в этом случае *k^wéit-*uor* ‘собрание сторон’, т. е. ‘четыре стороны’?

2.4.1. В хеттском языке числа обычно изображаются специальными значками, заимствованными из шумерского письма. Тем не менее, некоторые числительные удается восстановить. Так, числительное ‘четыре’ диагностируется в хетт. *tiuca-*, что подтверждается контекстом: *na-at NIM.LAL.^{MES} u-da-an-tu| [na]-at pi-di-is-si ti-an-du NIM. LAL. te-ri-ja-as UD-as| mi-i-u-qa UD-as KASKAL-an pa-a-an-du na-pa i-ja-tar-mii u-dan-du* (Bo 2533 I 9—12) ‘Пусть пчелы принесут это и положат на это место! Пусть пчелы *terijas* дня, *tiucas* дня идут, и принесут мое изобилие’. Х. Гютербок [Güterbock 1957] предположил, что *teria-* и *tiuia-* означают ‘три’ и ‘четыре’⁷, сюда же относится лув. *tasia-*. В. Н. Топоров [1983] посвятил этому числительному обстоятельную статью; по его мнению, анатолийское числительное может быть сопоставлено с и.-е. **teiç-* ‘малый’ (ср. греч. *μείων* ‘меньший’ < *meiñōn, *teijo/tewijo* в крито-микенских текстах), с другой стороны — с хеттским же *tiuca-* ‘Körgersaft; Seelenstoff (?)’ [Friedrich 1952: 145], *tiuattali* ‘сильный’, а также еще ряд лексем в различных языках с корнем **teiç-*. Последнее сопоставление, впрочем, небезупречно фонетически: как объяснить выпадение *-i-?* Сравнение же с «малым» интересно, оно предполагает в качестве мотивировки «малую руку», т. е. руку без большого пальца, уменьшившееся количество пальцев. Такая этимология предполагает четверичную систему счисления, к следам которой мы вернемся. В этом случае рассмотренное выше **k^wet-*uor** можно сравнить и с хеттским *kutris* ‘краткость’.

⁷ В первом издании Словаря Й. Фридриха [Friedrich 1952] *teju-* интерпретировалось как ‘мул’; в 2-м дополнительном выпуске автор согласился с интерпретацией ‘четыре’ и включил туда же род. п. *terijas* ‘три’.

2.5. *pénk^ue: др.-инд. *rāñca*, греч. πέυτε, лат. *quinque*, слав. *пять*, лит. *penki*, гот. *fimf*, тох. А *rāñ*, тох. В *piś*, др.-ирл. *cōic*. Имя, очевидно, в родстве со слав. *пять*, др.-в.-нем. *fūst* (*Faust*), др.-англ. *fyst* (*fist*) < *pr̥k^u-l-ti. Соответственно производное от этого имени *penk^urō- обозначало ‘палец’ (нем. *Finger*). Иными словами, данное числительное есть знак пятеричной системы счисления, аитропоморфной по происхождению.

2.6. *(k)s(u)éks: др.-инд. *śas*, греч. ἕν, лат. *sex*, слав. *шесть*, лит. *šeši*, гот. *saihs*, тох. А *śak*, тох. В *śkas*, др.-ирл. *sé*. Содержит корень *kes-/sek- ‘резать’ (см. ниже).

2.7. *septiŋ: др.-инд. *sapiá*, греч. ἑπτά, лат. *septem*, слав. *седмь*, лит. *septyni*, гот. *sibun*, тох. А *spāl*, тох. В *śukt*, др.-ирл. *secht*. Дальнейшая этимология неясна. Число ‘7’ является одним из популярнейших в фольклоре, сравнимо только с *тремя*. Оно обозначает полноту и завершенность в самых различных традициях. Такая семантика может быть обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, объем оперативной памяти человека таков, что он позволяет удерживать одновременно семь предметов. Поэтому семерка выражает полноту, максимальность⁸. Фаза лунного цикла составляет 7 дней, четыре цикла — лунный месяц. Таким образом, семерка связана с лунным культом и циклом мироздания. Наконец, созвездие Большой Медведицы содержит семь видных невооруженным глазом звезд. Оно — самый важный ориентир на небе в Северном полушарии; с его помощью легко устанавливаются стороны света благодаря его связи с Полярной звездой. Изображения Большой Медведицы встречаются на амулетах 5000-летней давности. По-видимому, именно сочетание этих трех обстоятельств и превратило *семь* в магическое, сакральное число.

2.8. *oktō(u): др.-инд. *aṣṭāu*, греч. ὀκτώ, лат. *octō*, слав. *осмь*, лит. *aštuoni*, гот. *ahtau*, тох. А *okāt*, тох. В *okt*, др.-ирл. *ocht*. Славянское числительное преобразовано по аналогии с *семь*: народная этимология преобразовала его в ‘рядом с семью’ (ср. *одеснь*, *ошую*). Форма дв. ч. (*-bi) заставляет предположить форму *okto ‘4’. Она обнаруживается в картвельском *otxo ‘4’ в качестве древнего заимствования [Климов 1995]. След этого числительного имеется также в авестийском *asti* ‘мера в 4 пальца’ [Эдельман 2014]. То, что у числительного

⁸ Семеро одного не ждут; Один с сошкой — семеро с ложкой; Седьмая вода на киселе — вот только несколько примеров фольклорного значения данного числа. Огромную роль оно играет в Апокалипсисе (семь ангелов, семь снятых печатей).

имеется окончание дуалиса, заставляет предположить, что оно указывает на завершение второго разряда. Можно предположить, что у индоевропейцев существовала также четверичная система исчисления. Она также антропоморфна, ориентировалась на количество конечностей или пальцев при отставленном большом. В этом случае понятна внутренняя форма числительного «шесть»: **k̥es-/sek-* ‘половина’ (второго разряда).

2.9. *néiþr: др.-инд. *náva*, греч. ἐνέά, лат. *novet*, слав. *девять*, лит. *novupi*, гот. *nian*, тох. А, В *ñi*, др.-ирл. *noi*. В свете предыдущей этимологии может быть сопоставлено с корнем **nei-* ‘новый’: начало нового разряда. Формант *-þr* может быть наречием со значением предела. Он же образует и окончание винительного падежа.

2.10. *dékþr: др.-инд. *dáśa*, греч. *δέκα*, лат. *decem*, слав. *десять*, лит. *déšimt*, гот. *taihun*, тох. А *śak*, тох. В *śak*, др.-ирл. *deich*. Предлагалась реконструкция **(d(y)e-)kemt* ‘две-руки’ (второй корень в гот. *handus*, нем. *Hand*, англ. *hand* и т. д.). Но ей противоречат: а) тотальное и необъяснимое выпадение *-y-* повсюду; б) отсутствие конечного *-l* всюду, кроме балто-славянского, где оно могло появиться под влиянием порядкового *десять*, *dešimtas*,ср. греч. *δέκατος*, гот. *taihunda*. Др.-инд. *daśamá*, лат. *decimus* образуются от чистой основы и показывают ее первоначальный вид. Вероятнее всего, здесь корень **dék-* ‘брать’ (ср. русск. *десть* ‘стопа бумаги’) + известный уже формант, выражающий предел. Числительное «десять», таким образом, означает цельность и завершенность.

2.11. В индоевропейских языках имеется специальная форма для числительного «двадцать» (за исключением балто-славянских и германских, где это числительное выражено композитом «два-десять, две-десятки»): *vi-k̥pti-*: др.-инд. *vimśati*, греч. *φεῖκοστι* (дорийское *φίκατι*), лат. *viginti*, тох. А. *wiki*, тох. В *ikām*, др.-ирл. *fiche* (в других языках описательно). Этимология спорна. Попытка выведения из **dui-ak̥pti* ‘два-десять’ наталкивается на фонетические трудности, аналогичные предыдущим. Вероятнее соединение приставки **uei-* ‘врозь’ и корня **k̥pti-* ‘рука’ («много рук»). Наличие специального числительного для «двадцати» наводит на мысль о том, что у индоевропейцев могла быть и двадцатеричная (вигезимальная) система исчисления (как гибрид четверичной и пятеричной). Об этом свидетельствуют и латинские числительные ‘18’ (*duodeviginti*, дословно ‘два до двадцати’), ‘19’ (*undeviginti* ‘один до двадцати’).

2.12. Чрезвычайно единообразно числительное «сто»: *k̥ptóm*: др.-инд. *śatám*, греч. ἑκατόν, лат. *centum*, слав. *съто*, лит. *śimtas*, гот. *tai-*

hunte-hund, тох. A *kānt*, тох. В *kante*, др.-ирл. *céit*. Корень **kṛt-* ‘делать, совершать’ (др.-инд. *sámyati*, греч. *κάμιω*). «Сто», таким образом, мыслится как завершение цикла числительных.

2.13. Общесиндоевропейского слова для «тысячи» нет. Греч. *χιλιοί* < **għes-l-*, ср. др.-инд. *sahásram* < **sm̥-ghēslom*, корень со значением ‘масса’. Слав. *тысици*, лит. *tūkstantis*, гор. *þūsundi* содержат корень **teuH-/tuH-* ‘мощный, плотный; растя’. Второй корень в славянском и германском — причастие от глагола «быть» (*h₂s-ent-*), в литовском — «стоять» (**sīh₃-ent-*). Этимология слав. *тысици* и т. д. как **tū-ken-* ‘большая сотня’ противоречит германскому материалу, где **k>h*. Лат. *mille* содержит тот же корень, что *mulier* ‘женщина’, *melius* ‘лучше’. Очевидно, он означал ‘процветание’⁹.

2.14. Как известно, в некоторых числовых традициях (например, ассирио-вавилонской) существовала двенадцатеричная система счисления. Мотивирована она была 12 знаками Зодиака; Солнце в течение времени, соизмеримого с лунным месяцем, находится в каждом из них. Так сформировалось исчисление календарного времени, и в этом — большая заслуга вавилонских жрецов. Вместе с тем астрономические знания универсальны; звезды и календарь оказывают существенное влияние на все древние цивилизации. Всюду, где человек делит время на год, он разделяет год по количеству лунных циклов. Не было ли двенадцатеричного исчисления, развившегося под влиянием астрономии, у индоевропейцев? Прямых свидетельств этого нет. Но обращает на себя внимание то, что в некоторых языках числа «11» и «12» обозначаются иначе, чем остальные числительные второго десятка: греч. *ενδέκα, δώδεκα* vs. *τρεῖς καὶ δέκα* и т. д.; гор. *ainlis, twailis* vs. *preis tainun*. Эти примеры показывают, что «11» и «12» имеют тенденцию сливаются в единое слово, тогда как остальные числительные этого разряда остаются составными. Кроме того, в германских языках вторая часть композита содержит основу **leik-*⁹, которая в данном случае означает ‘остаток’. Возможно, это след контаминации десятеричной, в основе аитропоморфной системы и двенадцатеричной, в основе астрономической.

3. Особую проблему представляет числительное *пол* (с производным *половина*, корень см. в др.-инд. *phalati* ‘лопаться’, нем. *spalten* ‘разбивать’). В сочетании с родительным падежом порядкового числительного он образовывал в старом русском языке следующую

⁹ Более подробный обзор числительных в отдельных индоевропейских языках — [Gvozdanovich 1983].

конструкцию: *пол-x-а* (род. п.) = $(x - 1) + \frac{1}{2}$ основной единицы (*x* — порядковое числительное). Проще говоря, он означал, что до искомого числа осталась половина единицы. В русском языке сохранилось *полтора* < *пол-втора*, до XIX в. употреблялись выражения *пол-третья*, *пол-четверта* и т. д. В современных языках эта система сохранилась для обозначения времени: *полтретьего*, *полчетвертого* и т. д.

3.1. Префикс *пол-*, *полу-* иногда имеет пейоративный оттенок: *полупух* ‘плохой, засоренный пером пух’, *полуграмотный* ‘неграмотный’, *полубарок* ‘бедный барин’, *дама полусвета* ‘проститутка’. Но обратим внимание на уточнение значения, сделанное известным историком и культурологом В. В. Похлебкиным [1998]. Он прокомментировал повесть «Гробовщик» А. С. Пушкина, где, среди прочего, речь идет о том, что на праздничном столе стояла бутылка *полушампанского*. В. И. Даляр, опираясь на вышеприведенный ряд, определяет его как «плохое, поддельное шампанское». Однако В. В. Похлебкин резонно замечает, что для героев повести этот напиток казался редким и дорогим и задается вопросом: стали бы честные петербургские ремесленники, изображенные в повести, тратиться на явно недоброкачественный продукт? По справедливому мнению исследователя, это могли бы делать представители «золотой молодежи», а у людей труда психология была иной. Для объяснения значения *полушампанского* В. В. Похлебкин предлагает иной ряд: *полушубок*, *полушалок*, *полуботинки*. Все эти имена обозначают отнюдь не скверные, недоброкачественные товары (*соболий полушубок*, *кашемировый полушалок*, *шерловые полуботинки*), а просто предмет, близкий по свойствам к чему-либо, названному первичным именем, но чем-то и отличающийся. Так и *полушампанское* — это не фальсификат шампанского, а вино типа сидра, сделанное из забродившего яблочного сока, которое вполне может быть высококачественным. Таким образом, в разных контекстах этот префикс имеет разное оценочное значение.

4. До сих пор речь шла об исконных именах чисел. Но в любом языке есть и заимствованные термины. Рассмотрим некоторые. Имя *цифра* восходит через нем. *Ziffer* к арабскому *sifr* ‘пустота’. В арабском же языке этим термином было переведено др.-инд. *sūnyā* ‘ничто, пустота’. Этот математический термин тесно связан с величайшим открытием древнеиндийских математиков, совершенным в V в. н. э. Они первыми поняли, что отсутствие количества так же необходимо учитывать, как и его наличие. Вероятно, им подсказало это устройство древнейших счетов — абака, где каждому разряду соответствовал ряд с десятью камешками. Если в определенном разряде число не имело

никакого количества, то камешки в ряду оставались неподвижными. Эту отсутствующую величину и стали обозначать термином *śūnya*. «Система нуждалась в нуле, чтобы стать еще совершеннее» (перевод В. Н. Топорова, цит. по [Реформатский 1979: 31]). Действительно, именно введение знака пустого множества позволило создать позиционное счисление, благодаря которому стали значительно легче арифметические операции с большими числами и возможны сложные алгебраические действия. Вполне возможно, что индийские математики опирались на древнегреческое понятие *μῆτρα*, дословно ‘не-сущее, не могущее существовать’. Этим термином в философии позднего Платона и Плотина обозначается субстрат вещей — неоформленная низшая субстанция, преобразующаяся в вещи под воздействием идей. Можно предположить также, что на мышление математиков повлияла также индийская грамматика, где со времен Панини выделяются три ступени корневого вокализма: слабая, полная (*guṇā*) и продленная (*vr̥ddhi*).

В IX в. выдающийся арабский математик Мухаммед ибн-Муса Хорезми (*Хорезмиец*, 783—850) опубликовал трактат «Об индийском счете», где изложил основы позиционного десятеричного счисления¹⁰. Там и было употреблено имя *sifr* как перевод *śūnya*. В XII в. трактат был переведен на латынь и оказал большое влияние на европейскую математику. Само имя великого ученого сохранилось в термине *алгоритм* (введенном Лейбницем). Понятие «ничто» было переведено термином *nullus* ‘никакой’. Оригинальное же арабское имя стало обозначением знака для числительного вообще, так как именно оно выражало наиболее важную, отличительную черту новой системы математики. Оно было популяризировано крупнейшим европейским математиком Леонардо Пизанским по прозвищу Фибоначчи (1170—1250). В своем сочинении «Книга абака» он показал, как десятичная позиционная система может использоваться для расчетов. Фибоначчи использовал терминологию латинского перевода Хорезми; ему же принадлежит неточный термин *арабские цифры* [Выготский 1972]. Так в европейской науке утвердилась математическая терминология. Старое значение арабского *sifr* ‘ничто’ сохранилось в англ. *cipher*, которое может означать как ‘число’, так и ‘нуль, пустота’.

¹⁰ Мухаммед ибн-Муса Хорезми прославился своей «Книгой о восстановлении и противопоставлении», где изложил способы решения квадратных и иных уравнений. Арабское имя ‘восстановление’ — *al-jabr*, т. е. перенос членов уравнения из левой части в правую с изменением знака, стало названием науки, изложенной в этом сочинении — алгебры.

Контаминация с именем *Zephyrus* ‘легкий ветер’ привела к появлению общеевропейского имени «нуля» — *zero*. Внедрение арабских цифр поспособствовало развитию криптографии. Поэтому франц. *chiffre*, как и упомянутое англ. *cipher*, приобрели и новое значение. Французское имя было заимствовано русским языком в значении ‘шифр’, а немецкое *Ziffer* — ‘цифра’.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э. Структура лиц в глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.*
- Винер 1967 — *Винер Н. Я — математик. М., 1967.*
- Выготский 1972 — *Выготский М. Я. История математики в древности и средневековье. М., 1972.*
- Дюмезиль 1986 — *Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.*
- Клинов 1995 — *Клинов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1995.*
- Красухин 2000 — *Красухин К. Г. Слово, речь, язык, смысл в индоевропейской перспективе // Язык в зеркале языка. М., 2000.*
- Лосев 1995 — *Лосев А. Ф. Статья для «Философской энциклопедии». М., 1995.*
- Похлебкин 1998 — *Похлебкин В. В. Из истории русской кулинарной культуры. М., 1998.*
- Реформатский 1979 — *Реформатский А. А. О лингвистическом нуле // Реформатский А. А. Очерки по фонетике, морфонологии и морфологии. М., 1979.*
- Степанов 1988 — *Степанов Ю. С. Счет, число // Вопросы языкоznания. 1988. № 5.*
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С. Константы: Словарь концептов русской культуры. М., 1997.*
- Топоров 1983 — *Топоров В. Н. К семантике четверичности (анатолийское *teç- и др.) // Этимология 1981. М., 1983.*
- Широков 1989 — *Широков О. С. Античная триада и христианская троица // Вестник Московского университета. Сер. 9. «Филология». 1989. № 4.*
- Эдельман 2014 — *Эдельман Д. И. Числительные в древних иранских языках // Логический анализ языка: Числовой код в различных языках и культурах. М., 2014.*

- Berlin, Kay 1967 — *Berlin W., Kay P. The color system in languages of world.* Princeton, 1967.
- Dumezile 1977 — *Dumezile J. Mythe et épopée.* Paris, 1977.
- Friedrich 1952 — *Friedrich J. Kurzgefaßtes Hethitisches Wörterbuch.* Heidelberg, 1952—1966.
- Güterbock 1957 — *Güterbock H. G. Lexicographical notes // Revue Hittite et Asianique.* 1957. Vol. XV.
- Gvozdanovich 1983 — *Gvozdanovich J. (ed.). The numerals in Indo-European languages.* Amsterdam; Philadelphia, 1983.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕБЕ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ^{*}

0. В 1985 г. была опубликована небольшая работа О. С. Широкова, в которой реконструировалась принципиально новая, не рассматривавшаяся дотоле индоевропейская мифологема. О. С. Широков показал, что в основе древнегреческих мифов о небе лежит прамиф о хромоногом боге-кузнеце, сковавшем небо. Следы этого прамифа таювы: у Гесиода упоминается о том, что медная наковальня (*ἄχιον*), слетев с неба, должна девять дней лететь до Земли, а с Земли — девять дней до Тартара. С другой стороны, слово *άχιον* может означать не только ‘наковальня’, но и ‘небо’: *άχιον οὐρανός* (Hes.). В других индоевропейских языках соответствующий корень означает ‘камень’ (др.-инд. *áśman*, лит. *aktis*, слав. *камы*), но также и ‘небо’: гор. *himins*, нем. *Himmel*, авест. *astan*. А в Ригведе *áśtan* может означать как ‘скала’, ‘камень’ (по преимуществу давильный), так и ‘молния’ (*divás áśtanam* ‘камень неба’), а также ‘небо’ (*svaryám áśtanam* ‘солнечный камень’). В этой связи следует вспомнить и др.-исл. *hammer* ‘молот’ (нем. *Hammer*); молот же был неизменным атрибутом древнеисландского бога Тора, воплощением небесной молнии. Он носил собственное имя *Mjöllnir*, родственное русск. *молния*. Этимон **ak-ton* вполне прозрачен: **ak-* ‘быть острым’ + суффикс имени деятеля или орудия *-ton-* (с вариантом *-mor-*, наличествующем в германском **hamar*). Поэтому первичными можно считать слова со значением ‘наковальня, острило, молот’, тогда как ‘камень, скала’ — это вторичные значения.

* Статья представляет вариант доклада, прочитанного в июне 1997 г. в Дубне на конференции «Языки пространств». В дальнейшем исследование было поддержано грантом Президента РФ № 01-06-99508.

Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Представление о небе у древних индоевропейцев // Университет Тайбэй: Факультет русского языка и литературы. Тайвань, 2005.

Они, однако же, достаточно древни, ибо восходят к эпохе каменных наковален, т. е. к раннему железному веку. Таким образом, мифологемы, о которых речь будет идти в дальнейшем, еще архаичнее.

0.1. Помимо этимологических данных, О. С. Широков упомянул и важные свидетельства. Так, бог-кузнец Гефест (*Ἀφαίστος* / *Ηφαίστος*), неглавный бог в гомеровском пантеоне, тем не менее играет немаловажную роль и в Илиаде: он, помимо прочего, выковывает щит Ахилла (Ил. 18, 478—607), представляющий собой модель всего эллинского мира. А в LXVI орфическом гимне Гефест именуется творческой частью космоса, олицетворением света, неба, светил и эфира¹, управителем людей. «Итак, в образе Гефеста просматриваются черты божественного кузнеца-создателя, демиурга» [Широков 1985: 186]. И одним из важнейших его атрибутов являются молот и наковальня. Первый отождествляется с молнией², вторая — с небом.

0.2. Особый интерес представляют найденные О. С. Широковым параллели греческому мифу в сербском фольклоре, хетто-хурритском эпосе и западнокавказских (нартовских) сказаниях. Так, у сербов распространена легенда о царе Дуклияне (= Диоклетиане, римском императоре, прославившемся гонениями на христиан) и Иоанне Крестителе. Иоанн похищает и уносит на небо золотую корону Дуклияна, а тот откусывает ему часть стопы (что вызывает в памяти хромоногость Гефеста). В хурритском эпосе враждают боги Ану и Кумарби; Кумарби, свергнув и осколив Ану (ср. мотив КRONA и Урана в «Теогонии») и будучи свергнут последующими богами, рождает каменное чудовище Улликумми для мести победителям (камень = наковальня = оружие). В нартовском эпосе, во-первых, фигурирует божественный кузнец Курдалегон (*Kurdalægon*), во-вторых, описывается подвиги богатыря Сослана, который вырвал из земли огромную наковальню, уходившую в землю на девять локтей (ср. девять дней полета наковальни, отделявшие небо от земли и землю от Тартара). Интерес этих параллелей заключается в том, что на Балканах, в Малой Азии и на Кавказе реконструируются по сути варианты единого мифа. Это вполне объяснимо тем, что, с одной стороны, греки с древности находились в интенсивных контактах с Малой Азией (в частности, малоазиатские мотивы у Гесиода, сына выходца из этого региона, вполне очевидны), а с другой стороны, хурриты — родственники носителей нахско-дагестанских языков.

¹ Понятие эфира будет рассмотрено позже.

² Кстати сказать, оба этих слова в русском языке — одного корня, связанны с глаголом *мелю*, *молоть*. Оба обозначают разрушительный предмет.

1. В дальнейшем изложении мы бы хотели дополнить реконструкцию мифа о кузнеце некоторыми существенными подробностями. Во-первых, самого пристального внимания заслуживают эпитеты неба у Гомера и Пиндара. Есть среди них несколько, на современный взгляд, неожиданных: ‘железное’ (*σιδήρεος*) и ‘медное, многомедное’ (*χάλκεος, πολύχαλκος*). Ср.:

τῶν ὕβρις τε βίη τε σιδήρεον οὐρανὸν ἵκε (Од. XV 329 = XVII 565) ‘их надменность и насилие доходит до железного неба’;

...*σιδήρεος δὲ όφιμαγδος / χάλκεον οὐρανὸν ἵκε δὲ αἰθῆρος ἀτρυγέτοιο* (Ил. XVII 424—425) ‘железный же шум через пустой эфир поднимался к медному небу’;

οὐρανὸν ἐς πολύχαλκον (Ил. V 504 = Од. III 2) ‘к многомедному небу’.

Контексты из Пиндара: *ό χάλκεος οὐρανὸς οὐ ποτ’ ἄκιντας αὐτῷ* (Пиф. 10, 27) ‘медное небо, не могущее быть обойденным самим собой’; *ό δέ χάλκεος ἀσφαλὲς αἰὲν ἔδος μένει οὐρανός* (Нем. 6, 3—4) ‘и навеки остается неколебимым медным троном небо’. Как видим, все прочие характеристики неба у Пиндара вполне стандартны: «бесконечное», «неколебимое», «вечный трон». То же можно сказать и обо всех остальных эпитетах: *αἰπόν* ‘высокий’ (вин. п., Фр. 162); *πολυεφύλα* ‘многооблачный’ (род. п., Нем. 3, 10)³. И только «медное» и «железное» небо может вызывать некоторое недоумение: по цвету небо, как правило, не похоже ни на медь, ни на железо. Конечно, у Гомера заметна некоторая дифференциация: медному небу противостоит «железный» шум, т. е. производимый железным оружием; железное небо связано именно с надменностью и насилием как с чертами, напоминающими о военных действиях и оружии. Но все-таки сами эпитеты требуют исторического переосмысления.

1.2. Пролить свет на эту загадку позволяют крито-микенские данные. В эпоху микенской культуры греки еще почти не знали железа; из металлов в таблицах упоминается только *kuruso χρυσός* ‘золото’ (*eneka kurusojo iheroio ἔνεκα χρυσοῖο ἱερῷ* (PY Ae 303) ‘для священного золота’), *akuro dedemeno ἀργύρῳ δεδεμένῳ* ‘серебром скрепленная (пара колес)’ (PY Sa 287), не имеющее параллель в позднейшем греческом *paraku, moriwido* ‘мера веса’, сравнимое с *μόλιβδος, μόλιβδος* ‘свинец’ и *kako χάλκος* ‘меди, бронза’. Относительно *paraku* Н. Н. Казанский

³ При исследовании пиндаровских эпитетов привлекался материал работы [Гринбаум 1990].

и В. П. Казанскене отмечают, что в таблицах это имя предшествует названию золота; на этом основании предполагается, что этот металл считался более ценным, чем золото, а таковым в бронзовый век являлось железо [Предметно-понятийный словарь 1986: 111]. Однако из-за бедности контекстов доказать это трудно⁴.

Для нас же существенно, что одним из наиболее распространенных имен ремесленников в крито-микенских таблицах было *κακει χάλκεις* ‘медник’ (свыше 10 примеров). Исходя из контекста эпохи, можно с уверенностью утверждать, что значение этого слова было шире — ‘кузнец, коваль’. Микенская ‘медь’ — это широкое понятие, обозначающее «металл, выкованный для хозяйственных целей» (в отличие от золота, служащего для украшений). И, возвращаясь к Пиндаровскому «медному небу», мы вправе утверждать, что эпитет «медный» по сути означает «кованый». Гомеровский эпитет *πολύχαλκος* ‘многомедный’ легко интерпретируется именно как «много, усердно кованый». Но то же самое можно сказать и о гомеровском «железном небе». Таким образом, Пиндар здесь сохраняет атрибут медного века, а Гомер — и медного, и железного. Это может быть подтверждением известного тезиса Н. С. Гринбаума о связи Пиндара с традицией, восходящей к крито-микенской эпохе [Гринбаум 1973: 154—156; 1990: 164]. Гомер в принципе тоже обнаруживает с ней связь, но включает в себя пласти и более поздних эпох.

1.3. Следует заметить, что в некоторых индоевропейских традициях имеется как медное, так и железное небо. Они упоминаются в болгарском фольклоре, причем медное небо находится выше железного (герой проходит следующие испытания: поднимается сначала на железное, затем на медное, затем на каменное небо). Вполне очевидно, что железо как металл, позже освоенный человечеством, и в народных преданиях представляется, с одной стороны, более новым, с другой — более действенным, чем медь (ср. мотив из русских сказок: герой бьет Кота-Баюна сначала медным прутом, затем железным; нужный эффект дает последний). Таким образом, камень, медь и железо выступают как три разных ипостаси твердой освоенной человеком субстанции: от самой древней до самых новых. След подобных представлений со-

⁴ Те же авторы полагают, что микенское *paraku* может быть заимствовано из хеттского *hapalki* ‘железо’, которое в свою очередь происходит из хаттского [Иванов 1983]. Теоретически это возможно, но непроясненная семантика имени не позволяет подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Но самой решительной поддержки заслуживает мнение авторов о том, что греч. *χάλκος* не происходит из этого хаттского слова. На самом деле данное имя содержит и.-е. **ghel-* ‘светло-желтый; зеленоватый’.

храняет и процитированный выше текст Ил. XVII 424—425: вечному и древнему миру противостоит сиюминутный шум от железного оружия. Греческая лексика и поэтика сохранила память об этой архаической модели мира. Важно, что слово *ἄχιμον* сохранило древнее значение ‘наковальня’, а развитие этого этимона в других языках — память о каменных наковальнях, использовавшихся в медном веке, так как медь недостаточно тверда, а бронза — слишком легкоплавка для изготовления из них наковален. Следовательно, медное и/или железное небо — это произведение божественного кузнеца, созданное им с помощью небесной наковальни.

2. Но этим особенности неба в представлении древних греков (и — шире — индоевропейцев) не ограничивались. Самая верхняя часть неба в древнегреческой космологии носила примечательное имя *αἰθήρ*, т. е. ‘эфир’. Рассмотрим, как древние греки представляли эту субстанцию. У Гомера эфир представлен по-разному. Эфир иногда отождествляется с небом, где живет Зевс (*αἰθῆρι ναίων* (Ил. II 142; IV 166; Од. XV 523) ‘живущий в эфире’; *αὐτὸς ἀπ' αἰθῆρος θεῖν* (Ил. XV 610) ‘сам (Зевс) был вне эфира’); также и другие олимпийские боги: (*Ἀργειφόντης*) *Πηδάρην δέ πιβάς εἴς αἰθῆρος ἔμπεος πόντῳ* (Од. V 50) ‘(Аргусоубийца, т. е. Гермес) отправившись в Пизерию, из эфира устремился в море’; *καὶ μὲν ἄλστον ἀπ' αἰθῆρος ἐμβαλε πόντῳ* (Ил. XIV 258) ‘и меня сбросил из эфира в море, заставив исчезнуть’ (говорит Гипнос о Зевсе). Иногда эфир является синонимом неба и/или воздуха:

ὅ δ' εἰς αἰθῆρα διὰν ἀέρθη (Од. XIX 540) ‘он в небо божественное (или — воздух) поднялся’;

τοῖσιν δ' ἵκενον οὖρον ἵει γλαικῶπις Ἀθήρη / λάζρον ἐπαιγίζοντα δί' αἰθῆρος (Од. XV 292—293) ‘им посыпает попутный ветер совоокая Афина, мощный, сотрясающий, через эфир’;

ἡχῇ δ' ἀμφοτέρων ἵκετ' αἰθῆρα καὶ Διὸς αἰγῆς (Ил. XIII 837) ‘крик с обеих сторон дошел до эфира и зевсовых зарниц’;

πολέμιζον ὑπ' αἰθῆρι (Ил. XVII 371) ‘они сражались под эфиrom’.

Эфир также противопоставляется воздуху как верхний слой неба: (*ἐλάτη*)... *μακροτάτῃ πεφυΐα δί' ἡέρος αἰθῆρος ἵκανεν* (Ил. XIV 288) ‘(ель) высочайшая через воздух достигала эфира’. При этом эфир может мыслиться находящимся под небом и одновременно над ним:

*ώς δ' ὅτ' ἐν οὐρανῷ ἄστρα φαεινὴν ἀμφὶ σελήνην
φαίνετ' ἀριπρεπέα, ὅτε τ' ἐπλετο νήνεμος αἰθῆρος*

ἐκ τ' ἔφανεν πᾶσαι σκοπιὰὶ καὶ πρώονες ἄγροι
καὶ νάπαι· οὐρανόδεν δ' ἄρ' ὑπερφάγη ἀσπετος αἰθήρ

(Ил. VIII 556—559;
последние две строчки также в Ил. XVI 300)

‘Подобно тому, как на небе вокруг сияющей луны блестят звезды там, где существует недвижимый эфир, так воссияли все вершины, и острые мысы, и долины; с небес разверзся безграничный эфир’ (в цитированном контексте Ил. XVII 425 эфир помещается явно под небом).

Итак, эфир здесь мыслится не просто как синоним воздуха или неба, или одна из их составляющих, но как источник света, отличный от солнца. Есть основания полагать, что это — одна из древнейших его функций, о чем свидетельствует этимология данного слова: *αἴθηρ* — это отлагольное имя от *αἴθω* ‘гореть’ (ср. др.-инд. *idhati* ‘гореть’, *idhma*, *edha* ‘древа’; лат. *aedes* ‘храм, алтарь; дом’, первоначально, по-видимому, ‘очаг’). Таким образом, *αἴθηρ* — это, собственно говоря, ‘пламя’, а его местоположение указывает, что это — именно огненное небо, очевидно, та стихия божественного кузнеца, в которой он с помощью каменной наковальни выковал металлическое небо.

У Гесиода Эфир является сыном Ночи и Эреба; в киклической поэме «Титаномахия» он именуется отцом Урана-Неба: *Αἴθηρος δ' νιός Οὐρανός, ως δ τὴν Τίτανομαχίαν γράψας* (*Anecdota Oxoniensia*, i 75⁵) ‘Сын Эфира — Уран, согласно написавшему Титаномахию’. Иными словами, в греческом эпосе представлены различные взаимоотношения частей неба. Но бесспорна, с одной стороны, многослойность неба, а с другой — конструктивная связь его частей. Древнейшее греческое небо выступало как плод творческого замысла бога-кузнеца.

3. Обратимся к другим известным индоевропейским традициям. В Ригведе находим явные следы каменного неба, огненного неба и миф о небесном кузнеце. В 0. мы уже отмечали, что небо здесь иногда именуется «сияющим камнем»:

yújam hi tām ákṛthā ád id indro śiro dāśasya námucer mathāyán /
áśmānam cit svarīyat vártaṇam prá cakriyeva ródasī marúdbhyāḥ (V 30, 8) ‘ты, Индра, сделал меня другом, голову Дасью Намучи (= бесплодного демона) оторвав, сияющий камень (= небо) вращающийся и оба мира ты для Маротов (повернул)’;

⁵ Цит. по изданию: Hesiod. Homeric Hymns and Homerica / Ed. and transl. by Hugh G. Evelyn-White. Cambridge; London, 1977.

ní yé riṇānti ójasā vṝthā gávo ná durdhúraḥ / áśmānam cit svariyüam párvatam giríṃ prá cūāvayanti yátabhiḥ (V 56, 4) ‘те (Маруты), которые мчатся мощно и легко, словно плохо запряженные коровы, сотрясают сияющий камень (= небо) и высокую гору своим движением’.

Сочетание *áśmanam cit svariyüam*, как видим, носит формульный характер. Интересно, что оно появляется там, где речь идет о подвижности неба и связи его с землей (*girīm* ‘горы’ и *rodasī* ‘два мира’). Не напоминает ли это установку кузнецом наковальни для работы? В этом случае можно полагать, что Индра и Маруты сохраняют ряд функций божественного кузнеца.

3.2. Но главный ведический персонаж, связанный с кузнецным делом — это *tvāṣṭar*, Тваштар. Это не главный бог индийской мифологии, но Ригведа свидетельствует о его очень значимых функциях. Он выступает как один из создателей Агни:

dyávā yám agním prthiví jániṣjām ápas tvāṣṭā bhṛgavo yam sahobhiḥ / iléniyam prathamám mātarlśva devás tatakṣur mánave yájatram (X 46, 9)
 ‘Небо с Землей этого Агни родили, Вода, Тваштар, Бхргу с победами; первого почитаемого для человека, чтобы восхвалять, Матарища и боги создали’.

Тваштар здесь выступает не как единственный производитель, но глагол *tatakṣur* ‘сделали’ характерен именно для него. В другом гимне Агни именуется «тваштаровым» (т. е. потомком, произведением Тваштара): *mahi tvāṣṭrám urjániṣt ajiuryáṇt stabhūyátmānam vaháto vahanti* (III 7, 4) ‘сына Тваштара нерушимого, недвижимого могучие потоки везут’. Агни — это огонь; в данном контексте он определяется как «нерушимый», т. е. неугасимый. Тваштар причастен к его появлению. Это заставляет вспомнить об огненном небе-эфире, которым правит Гефест в орфической мифологии.

3.2.1. Главная же функция Тваштара — это сотворение всех форм мира, работа, очень сходная с кованием. Подобно тому как кузнец придает форму металлическому изделию, Тваштар придает форму живым и неживым существам: *devás tvāṣṭā savitā viśvárūpaḥ rupóṣa prajāḥ purudhā jajāna* (III 55, 19) ‘бог Тваштар, Савитар владыка всех форм, дал рост всем живым существам, породил их’. Примечательно отождествление Тваштара с Савитаром — богом выжимания священного напитка и — шире — порождения (*savitār* — имя деятеля от глагола *sáuti* ‘рождаться’ и *sundoti* ‘выжимать’; он находится в прямом

родстве с названием священного напитка индусов *soma*). «Владыкой всех форм» (дословно — *viśvārūpa* ‘всеоформленный’) Тваштар имеется и в I 13, 10, а в I 188, 9 — *tvāṣṭar rūpāṇi hi prabhūḥ* ‘Тваштар, главный для форм’. Его творческое начало очевидно в X 184, 1: *viṣṇur yónīt̄ kalpayatu tvāṣṭā rūpāṇi piṁsatu* ‘Вишну пусть чрево оплодотворяет, Тваштар пусть формы преобразует’. Еще одна важная функция Тваштара — именно он изготавил молнию для Индры:

tvāṣṭā astmai vājram svariyaṁ tatakṣa (I 32, 2) ‘ему Тваштар молнию сотворил’;

ánavas te rátham ásvāya takṣan tvāṣṭā vājraṁ puruhūta dyumántam (V 31, 4) ‘тебе, плотник далекославный, для коня повозку, Тваштар блестящую молнию (сделал)’;

ádhā tvāṣṭā te mahá ugra vājraṁ sahásrabhr̄ṣṭim vavṛtac chatāśrim (VI 17, 10) ‘и сотворил тебе Тваштар, о могучий, молнию с тысячью зазубрин и сотней лезвий’;

máhyam tvāṣṭā vājraṁ atakṣad ḫyasam (X 48, 3) ‘Тваштар сделал тебе огромную железную молнию’.

Таким образом, сочетание *tvāṣṭar* + *vājra* + *takṣ-* приобрело в Ригведе по сути формульный статус.

Интересен также эпитет *᳚yasa*, который Грассман переводит как *ehern, eisern* ‘медный, железный’. Он произведен от *᳚yas*, имеющего значение по преимуществу ‘железо’ (а также ‘железное оружие’), родственного как авест. *ayah* ‘железо’, так и лат. *aes* ‘медь’, гот. *aiz* ‘руда’, др.-исл. *eir* ‘руда, медь’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 709]. Далее, тот же корень образует такие имена, как нем. *Eis* ‘лед’, англ. *ice*. У льда с металлом и рудой может быть только два общих свойства — твердость и плавкость. Следовательно, в корне **ais-/aias-* можно видеть ту же архаическую недифференцированность меди и железа, с которой мы сталкивались в греческой космогонии. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов в этой связи отмечают:

С появлением ‘бронзы’, известной в Передней и Юго-Восточной Азии с IV тысячелетия, [...] название ‘меди’ могло быть перенесено на ‘бронзу’, как позднее, уже в эпоху железа (в Западной Азии и Индии на рубеже II и I тысячелетий до н. э.), это же название переносится и на ‘железо’, ср. в древнениндийском описательное название ‘железа’ от этого слова *kṛṣṇāyasa* (*kṛṣṇa-* + *ayas-*), буквально ‘черный металл’ (не зафиксировано в Ригведе. — К. К.) [Там же].

Рассматриваемый нами миф, таким образом, формировался в медном веке и получил развитие в железном, когда старое название было перенесено на новый металл⁶.

3.3. Итак, молния, как следует из приведенных контекстов, в Ригведе понималась не столько как огненный, сколько как кованый предмет. Небесный же огонь именовался словом *ulkā*. Это имя в Ригведе встречается дважды:

táva bhramáśa ásuyá̄ patati ánu spr̄śa dhṛṣatā̄ śóśucānā̄ / tápū̄m̄si agne juhúva patamgán ásamdito vi sr̄ja vís̄vag ulkā̄ (IV 4,2) ‘Твои (огненные) вихри быстро летят, храбро хватай их, светло пылающий, языком разбрасывай свой жар, (как) птиц, необузданые огни’;

āpruśayán mādhūna rtásya yónim̄ avakṣipánn arká ulkám̄ iva dvóh / bṛhaspatír (X 68, 4) ‘(Брхаспати) лоно закона медом орошающий, как блик молнии, разбрасывающий пламя неба’.

Таким образом, *ulkā* — это именно небесное пламя, вызываемое либо Агни (который, как мы помним, предстает как потомок Тваштара), либо молнией, т. е. делом рук Тваштара. Возможно, это — след того небесного пламени, в котором Тваштар выковал мир.

3.3.1. Интерес представляет этимология слова *ulkā*. Вольфганг Мейд [Meid 1963] сопоставил его с латинским именем кузнеца *Vulcānus*. Фонетически это сравнение безупречно, а с точки зрения семантики удачно связывает ‘небесный огонь’ и ‘кузнеца’. Но Мейд предложил свою этимологию в полемике с В. И. Абаевым, который предположил, что имя *Vulcānus* родственно осетинскому *Kurdalægon*, имени божественного кузнеца из нартовского эпоса, членящемуся на *Kurd-alæ-værgon*. Последний элемент пофонемно совпадает с *Vulcānus*. В более ранней работе [1949] Абаев сравнивал эти формы с *ulk*-o- ‘волк’ (*ulk-āno- ‘волчий’), но после статьи Мейда заметил: «Для нашей темы (сопоставление осетинского и латинского имени. — К. К.) безразлично, какую из двух этимологий принять» [Абаев 1965: 77].

⁶ Подобные переносы — универсальная черта человеческой культуры. Они могут проявляться и в словах, и в вещах. Так, в 1929 г. в Пазырылыкском кургане на Алтае были найдены останки лошади в маске олена (для носителей этой культуры олень был более древней тягловой силой); первые автомобили воспроизводили формы кабриолетов. На словесном же уровне можно упомянуть франц. *chauffeur* ‘истопник’, затем — ‘водитель автомобиля’, русск. *карета скорой помощи*. Ю. С. Степанов [1971; 1998: 84] называет это явление «эволюционными семиотическими рядами».

93]⁷. В свете же реконструированного мифа существенно, что Курдалегон закаляет нартов, погружая их в огонь и молоко волчицы. Это указывает, с одной стороны, на связь кузнеца с волком, с другой — заставляет вспомнить древнеиндийскую легенду о кузнецо-создателе оружия, т. е. подателе силы и хозяине (отце) огня.

3.4. Итак, образ ведического Тваштара становится вполне ясным. Это кузнец, создавший небо в виде каменной наковальни, на которой он выковал с помощью разведенного им божественного огня молнию и весь мир. Имя же его, вероятно, связано с корнем **tver-* ‘сбивать, укреплять, творить’ (лит. *tverti* ‘огораживать; хватать, брать’, *turēti* ‘держать’, *tvirtēti* ‘крепнуть’, слав. *твёрдь*).

4. В Ригведе ничего не сказано о конфликте Тваштара с другими богами. Но вполне очевидно, что этот когда-то, по-видимому, центральный бог пантеона отеснен на периферию (ему не посвящено ни одного специального гимна; в Ригведе он упоминается 40 раз, тогда как Индра — свыше 500, Агни — примерно столько же). В других мифологических традициях отношения кузнеца с другими богами выглядят более конфликтно. Гефест, как известно, при рождении был сброшен Герой с Олимпа и только потом смог туда вернуться, отомстив Гере. За пределами же греческой мифологии магический кузнец иногда трактуется как подземный бог: таков Вулкан, чьей подземной кузницей считались огнедышащие горы, таковы подземные эльфы (тролли), выковавшие, согласно Младшей Эдде, Тору его молот Мьольнир (= молнию) [Младшая Эдда 1970]; ср. также [Афанасьев 1994: 279—280; Трубачев 1965]. Связь кузнеца с подземным миром не потребует объяснения, если мы вспомним древнейшую технологию выплавки металла: руда раскалялась в яме. Характерно, что само кузничное дело связывается в славянской мифологии и с причинением зла [Журавлев 1996: 137]: укр. *кувати лихо* ‘причинять зло’, с.-хорв. *kōvati* ‘замышлять зло’, русск. *козни*, *коварный* (при этом следует учесть, что церковнославянское и древнерусское *коварнь* может означать не только ‘хитрый, лукавый’, но также ‘мудрый, благородный’), чеш. *kování* ‘злой умысел’. ‘Мудрый, искусный → хитрый → колдовской, враждебный, опасный’ — таково развитие значений у корня **ku-/kou-* в славянских языках. Такая семантическая эволюция становится вполне понятной, если вспомнить судьбу божеств при смене религий: они либо отож-

⁷ Йоганн Кноблох [Кноблох 1973] сделал небезуспешную попытку синтезировать этимологию Абаева и Мейда: с его точки зрения, в имени *Vulkanus* / *Wærgon* слились корни, обозначающие ‘огонь’ и ‘волк’.

действляются с новыми богами, либо превращаются во враждебных человеку существ. С одной стороны, *Juppiter* в средневековой латинской поэзии отождествлялся иногда с христианским богом; с другой стороны, после реформы Заратуштры в Иране общеиндоевропейское название бога *deiuos перешло в авестийском языке в *daeva* ‘дьявол’. Нечто подобное, очевидно, произошло и с кузнецом. Из верховного бога он превратился либо в подручного, либо во врага богов.

5. Следовательно, фигура кузнеца оказывается тесно связана с тем мифом, о котором было вкратце сказано в начале статьи: борьба богов на небесах. Одна из рецепций этого мифа — многообразие имен богов, связанных с небом. В этом смысле очень показателен известный фрагмент Алкея (90):

Ὕει μὲν Ζεῦς, ἐκ δ’ ὄφάνω μέγας
χείμων, πεπάγαιστον δ’ ὑδάτων φόαι
— — — οὐδέν — — —

κάθθαλε τὸν χείμων’ ἐπὶ μὲν τίθεις
πῦρ, ἐν δὲ κέρναις οἴνον ἀφειδέως
μελιχρον, αὐτὰρ ἀμφὶ κόρσαι
μόλδακον ἀμφὶ[<]βάλων[>] γυόφαλλον

‘Дождит Зевс, с неба же — великая зима (буря), и застыли (замерзли) вод потоки... оттуда... Прогони зиму (бурю), растопи огонь, возливай сладостное вино, не скучай, окутай мягкой шерстью свои виски’.

Этот отрывок интересен тем, что Зевс предстает в нем как активная сила — производитель дождя, а небо-Уран — всего лишь место зарождения неблагоприятной для человека стихии. Этимология имени *ούφανός* (в диалектах — *ἀφανός*, *ὅφανός*, *օφανός*) представляется довольно прозрачной. Греческая практорма **foq̥sai* — одного корня с др.-инд. *vársati* ‘дождит’, *varṣám* ‘дождь’, *vṛṣan* ‘вызывающий дождь, могучий’, *vṛṣabha* ‘бык, самец, оплодотворитель’. Иными словами, небо выполняло функцию подателя дождя и оплодотворителя.

Совсем иная этимология у имени *Zeús* <**dieus*>. Самые непосредственные параллели хорошо известны: *dyaus* ‘небо’ и ‘бог неба’, лат. *dies* ‘день’; имя бога-громовержца в латыни соответствует гомеровской формуле: ст.-лат. *Diespiter* = *Zeús páτηρ*, а более распространенное *Juppiter* — древний вокатив, пофонемно совпадающий с *Zeū páteq*. Форма вокатива сохранена и в умбрском *Ju* (*pater*). Тот же корень

присутствует и в имени **deiuos* ‘бог’, и в глаголе *divyati* ‘разбрасывать; сиять; играть’. Иными словами, **dieus* — это сияющий и светящийся бог, играющий лучами и разбрасывающий их. Далее, этот корень входит в обширное гнездо **dei-* ‘вращать(ся), прилагать усилия’ (ср. греч. *διέω* ‘вращать’) [Bader 1993]. Процитированный фрагмент из Алкея указывает на то, что в сознании древнего грека бог-свет взял на себя функции и бога-дождя. Последний же мыслится как вполне безжизненный⁸. Это связано с мифом об оскоплении Урана Кроном, находящим, как мы отмечали, прямые параллели в хеттском сказании «О царствовании на небесах». Приведем контекст:

na-as piddais^DAnus MUSEN-as {na-as} nepisi iyannes / EGIR-andassi saligas^DKumarbis na-an GİR^{MES} epta^DAnun / na-an-kan nepisaz katta huitit / ginussus {parsinussus} uakkis LU-natar-se-et-kan A-NA Kumarbi SA-SU anda ZABAR man ulista (I 22—26) ‘И он помчался, Ану, (как) птица {и он} на небо пришел. Следом бросился Кумарби, и схватил Ану за ноги и его с неба вниз стащил, и бедро укусил, и чресла его откусил Кумарби, и мужская сила его с чревом Кумарби как бронза соединилась’ (цит. по: [Laroche 1971]).

После этого бог Ану перестал быть, насколько известно, активным персонажем хурритской мифологии. Подобное же случилось и с Ураном. Все его функции отошли к Зевсу, победившему Крона, победителя и оскопителя Урана. Мотив же «бронзы» (которой уподобилась откушенная часть тела Ану) очередной раз напоминает о божественном кузнеце.

6. Мы вправе подвести некоторые итоги. Небо мыслилось нашими предками многослойным, сложно устроенным, увенчанным твердым каменным и одновременно огненным куполом, который вдобавок служил и наковалней. Небо сотворил божественный кузнец, который выковал на нем молнию и создал весь мир. Затем он оказался оттеснен более молодыми богами, а в некоторых вариантах — сброшен на землю, стал обретаться под землей и воплощать, с одной стороны, великое мастерство, с другой — злобу, коварство и колдовство.

7. В заключение — несколько слов о рецепции древней в позднейших космологических системах. Понятие об эфире оказалось чрезвычайно популярно среди греческих философов. Досократики, по мне-

⁸ Конечно, это правильно не для всех традиций. В орфическом гимне к Урану (IV) он именуется «началом и концом мироздания», «стражем земли и эфира». Алкей, очевидно, опирается на тот вариант мифа, который представлен у Гесиода.

нию А. Ф. Лосева [1975: 440], считали эфир особой тонкой средой, пронизывающей весь мир и составляющей его творческое начало. Пифагорейцы называли огненное небо теплым эфиром, воздух — холодным, а воды — плотным (Диоген Лаэрций, VII 29—30). Особое значение эфиру придавали стоики, согласно учению которых, он находится на вершине мироздания. В нем возник круг неподвижных звезд, затем — подвижных планет, а затем — земля как основа мироздания (Диоген Лаэрций, VII 138). Под влиянием поздней греческой философии понятие эфира проникло и в науку. Великий голландский физик Христиан Гюйгенс (1629—1695) считал, что эфир — это особая Среда, невидимая и неощущаемая, пронизывающая весь мир. Ее колебания — это и есть то, что мы называем светом. После исследований англичанина Томаса Юнга (1773—1829) и француза Огюстена Френеля (1788—1827), доказавших волновую природу света, эфир приобрел статус научного факта. Его существование было опровергнуто в конце XIX в. голландцем Хендриком Лоренцом (1853—1928). Однако в обыденной речи эфиром и до сих пор называются радиоволны. Такова память о мифопоэтических воззрениях наших предков.

Источники

- Античные гимны / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978.
- Homeri carmina*: Piada / Ed. F. Amelis. Lipsiae, 1877.
- Homeri carmina*: Odyssea / Ed. A. Nauck. Berolini, 1874.
- Hesiod. *Homeric Hymns and Homerica* / Ed. and transl. by Hugh G. Evelyn-White. Cambridge; London, 1977.
- Fruhgriechische Lyriker: Teil. III / Ed. B. Snell. Berlin, 1981.
- Pindarus / Ed. post B. Snell, H. Maeler. Leipzig, 1980. Pars I: Epiniccia.
- Pindarus / Ed. post B. Snell, H. Maeler. Leipzig, 1975. Pars II: Fragmenta. Indices.
- Rigveda / Ed. B. van Nooten, G. Holland. Cambridge (MA), 1994 (=Harvard oriental studies, v. 50).
- Laroche E. *Textes hittites mythologiques et rituels*. Paris, 1971.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
- Абаев 1965 — *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Афанасьев 1994 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические возврнения славян на природу. М., 1994.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Гринбаум 1973 — *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики. Кишинев, 1973.
- Гринбаум 1990 — *Гринбаум Н. С.* Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара: К 2500-летию со дня рождения. М., 1990.
- Журавлев 1996 — *Журавлев А. Ф.* Материальная культура славян по данным лексики // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Иванов 1983 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянские и балтийские названия металлов. М., 1983.
- Кноблох 1973 — *Кноблох И.* *Kurd-Alægon* и *Volcanus* // Этимология 1972. М., 1973.
- Лосев 1975 — *Лосев А. Ф.* Античный эфир в связи с основным античным модельно-порождающим принципом мысли // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975.
- Младшая Эdda 1970 — Младшая Эdda / Пер., прим. М. И. Стеблина-Каменского. М., 1970.
- Предметно-понятийный словарь 1986 — Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период / Сост. Н. Н. Казанский, В. П. Казанскене. Л., 1986.
- Степанов 1971 — *Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.
- Степанов 1998 — *Степанов Ю. С.* Язык и метод. М., 1998.
- Трубачев 1965 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1965.
- Широков 1985 — *Широков О. С.* Астон // Античная культура и современная наука. М., 1985.
- Bader 1993 — *Bader F.* Le racine *dey- en indo-europeen // *Brogyani B., Lipps F. (eds.) Comparative Indo-European and Finno-Ugric Linguistics: Festschrift O. Szemerényi.* Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Meid 1963 — *Meid W.* *Kurdalægon* und *Volkanus* // *Indogermanische Forschungen.* 1961. Bd. 66.

Лошади, ослы и индоевропейцы в Малой Азии*

0. Вопрос о локализации индоевропейской прародины и распространении индоевропейских племен остается спорным. Свои решения предлагали Т. В. Гамкелидзе и Вяч. Вс. Иванов (передняя Азия как первичная прародина, Северное Причерноморье — вторичная), И. М. Дьяконов (Юго-Восточная Европа, включая Балканы), М. Гимбутас (Восточная Европа, включая Каспийские степи), К. Ренфрю (запад Малой Азии или Восточная Европа), Дж. Меллори (Восточная Европа) и другие. Но все соглашаются с тем, что имению индоевропейцы впервые одомашнили лошадь и это позволило им распространиться в Евразии от Британских островов до Индии и Китая. Лошадь была не только транспортным средством (самым быстрым в течение тысячелетий, до изобретения двигателей внутреннего сгорания), но и тягловой, выночной силой (позже — и пахотной). Для народа, вступившего в ранний этап производящего хозяйства, она была совершенно необходима в перемещениях. И можно полагать, что место первичной доместикации лошади совпадает с древнейшей прародиной индоевропейцев. Вопрос об этимологии имени лошади приобретает первостепенное значение для индоевропейского этногенеза. Он был обстоятельно рассмотрен в работе [Гамкелидзе, Иванов 1984: 575 и сл.], где отмечено, что предком домашней лошади могли быть только европейские дикие лошади.

1. Однако в позднейшей работе [Иванов 1999] Вяч. Вс. Иванов предположил, что лошадь была одомашнена на Северном Кавказе и заимствована переднеазиатскими индоевропейцами. Имя *ékuos (др.-инд.

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Лошади, ослы и индоевропейцы в Малой Азии // Embaterion: Сборник в честь проф. В. П. Яйленко / Отв. ред. А. П. Лободанов. М., 2011.

ášva, авест. *aspa*, хетт. *asua*, лат. *equus*, др.-ирл. *ech*, лит. *ežva*, *ažva* ‘ко-была’, гот. *aīhva-tundi* ‘колючий кустарник’ < *‘зуб лошади’), а также *sikuos (греч. ἵππος, ἵππος, микен. *iqo*) имеет северокавказский источник (со ссылкой на С. А. Старостина). Ср.: цез. *sig"ə*, гинух. *seg"ə* ‘кобыла’, хурр. *issia-*. Иванов полагает, что колебания *si-si-* объясняют различия между *ékuos и *sikuos*. Недавно в том же духе и с такой же ссылкой высказался С. В. Кулланда [2008]. Он полагает, что только признание северокавказского источника помогает разрешить проблемы, связанные с фонетическими колебаниями праформы (о чем см. ниже).

2. Но это маловероятно с исторической точки зрения. Крупные популяции диких лошадей в Евразии обитали в Монголии (лошадь Пржевальского) и Южном Поднепровье (тарпаны; в период неолита их ареал распространялся, по-видимому, на Циркумпонтгийскую и Каспийскую области). Монголию мы не рассматриваем; следовательно, остаются южнорусские и украинские степи как самая вероятная локализация *Equus domesticus caballus*, а вместе с ним — и индоевропейцев. Согласно данным археологии, доместикация лошади произошла за 5000—3000 лет до н. э. именно в южнорусских степях [Renfrew 1990: 167; Mallory 1991: 162—163]. В частности, Трипольская культура (4500—3500 г. до н. э.) уже пользовалась одомашненными лошадьми. Большой археологический материал содержит и связанные с ней культуры Среднего Стога и Деревейки (с 3000 г. до н. э.): здесь лошадь использовалась и для еды, и как транспортное средство [Mallory 1991: 198—201]. Дж. Меллори отмечает, что кости одомашненной лошади встречаются и в раскопках Куро-Аракской культуры (3000 тыс. лет до н. э., т. е. лет на 500 позже, чем в Поднепровье). При этом он делает очень важное замечание: первоначальное движение индоевропейцев из приднепровского региона шло на восток, так как в волжских и южносибирских культурах также обнаруживаются лошади.

2.1. Согласно Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову, шумерское название колеса *gigir*, прасемитское *galgal, картвельское **grgar*¹ связано с и.-е. **k^ʷek^ʷlo-*. Но, поскольку индоевропейское имя мотивировано корнем **k^ʷel-* ‘двигать(ся)’, заимствование из переднеазиатского в индоевропейский исключено. Помимо **k^ʷek^ʷlo-* (др.-инд. *cakrā*, греч. κύκλος, др.-англ. *hwēol*, слав. *коло*, ср. тох. *A kukäl*, тох. *B kokalo* ‘повозка’, лит. *käklas* ‘шея’), имеется и другое индоевропейское имя: *(H)*rōto-* (лат. *rota*, д.-ирл. *roth*, др.-в.-нем. *rad*, нем. *Rad*; др.-инд.

¹ В фундаментальном исследовании Г. А. Климова [1994] не зафиксировано как индоевропеизм.

ráthas ‘повозка’). Это говорит о том, что одомашнивание лошади у индоевропейцев сопрягалось с применением колеса (хотя мы не решаемся утверждать, что колесо изобрели именно индоевропейцы)². Итак, ни географические, ни археологические данные не свидетельствуют в пользу заимствования имени лошади из ареала первичного распространения северокавказских языков.

2.2. Этимология имени не требует привлечения заимствований: *ékuos содержит тот же корень, что и *óki- ‘быстрый’ (др.-инд. *āśú-*, греч. ὁκίς), ср. [Трубачев 1993: 159]. О. Н. Трубачев, со ссылкой на Я. Розвадовского [Rozwadowsky 1948] относит сюда и и.-е. *akʷā ‘вода’. Но последнее слово скорее связано с хетт. *ekuzi* ‘пить’. Широко распространена поэтическая формула *ókús ékuos (вед. *āśáva ásvā*, авест. *āśum asrəm*, греч. ὥκεες ἵπποι), где, очевидно, актуализировано первичное родство лексем. Ступень *e* существительного ékuos и *o* прилагательного *óki- обусловлена ударностью / безударностью соответствующего гласного [Krasuchin 2003]. Греческое имя лошади не полностью соответствует общеиндоевропейскому архетипу. Наличие *i* вместо *e объяснялось вариациями в микенском: *dipa* (KN K 740; 875; PY Ta 641; дуалис *dipae ibid.*) = δέπας ‘кубок, чаша’, *atimito* (gen. sg. PY Es 650; *atimite* dat. sg. PY Un 219) = Ἀτημίς [Hester 1958; Risch 1981: 458]. Впрочем, Г. Дункель [Dunkel 1995: 1–2] справедливо замечает, что условия сужения *e* в микенском не до конца определены: *eqeta* (έποαι) и *eqote* (ἐνέπω) содержат начальный кластер *ék-, аналогичный тому, что мы видим в *ékuos; однако сужения не произошло. Высказывалось предположение и о вторичности придыхания в нем. Так, Д. Эстер [Hester 1958] предлагал схему фонетической эволюции: *ekwos > *ukwos > *hukwos > *hikwos. Непридыхательная основа должна была якобы отразиться и в микен. *iqo*. Отсутствие аспера проявляется и в производном *Λεύχ-ἵππος* (вместо ожидаемого

² Вопрос, на который трудно дать ответ: различались ли по значению *kʷekulo- и *(H)rōlo-? На этот счет и высказывались предположения о том, что первое из них обозначает колесо вообще, а второе — колесо со спицами [ЭССЯ 1983: 144]. Достоверно можно сказать только одно: первое восходит к глаголу «вращать(ся)», второе — «двигать(ся)». Впрочем, это различие не кардинально. Древнеиндийское производное от *kʷel- — *cáraii* — означает именно «двигаться»; корень *Hrel-, вероятно, есть производное от *Her ‘двигать(ся)’. Если это — древний фреквентатив, то значение «вращаться» вполне закономерно. Ср. лит. *verli* ‘проникать, пробивать’ — и.-е. *verl- ‘вращать’; это свидетельствует о том, что морфема *-l- могла иметь значение интенсивно-повторяющегося действия.

*Λεύχ-ιππος). Однако эти аргументы не очень убедительны. Густое придыхание, происходящее из *s-, в начале слова в микенской графике никак не фиксировалось (ср. *etēde* (PY Eb 425) ἑμεὶ-δε, dat. sg. от εἵξ³; о ως, οτε ὅτε). Цепочка Эстера производит впечатление аргумента ad hoc: других примеров подобной эволюции не названо. Что же касается имени Λεύχιππος, то отсутствие придыхания здесь можно объяснить давлением системы. Большинство композитов с вторым элементом -ιππ- по фонетическим причинам не меняют характера последнего согласного: Φιλ-ιππος (φιλ-), Ξάνθ-ιππος (ξανθ-), Μελάν-ιππος (μελαν-), Σπεύσ-ιππος (σπεύσ-ις). Добавим сюда и придуманное Аристофаном имя Φειδ-ιππίδης. В этих условиях действовала пропорция ξανθ- : Ξάνθ-ιππος = λευχ- : х, где х = Λεύχ-ιππος⁴. Думается, что единственное возможное решение — признание наличия первого слога si- в греческом имени. Что же касается ссылок на северокавказские источники с колебанием e/i/si, то они сами нуждаются в объяснении. Предполагать же, что греческое имя было заимствовано, скажем, из цезского языка, а в других индоевропейских языках — из гинухского, — едва ли логично. Мы склонны полагать, что северокавказские имена лошади заимствованы из и.-е. *sikuo- и *ékuo-, и предоставляем специалистам по соответствующим языкам проверить эту гипотезу.

2.2.1. Таким образом, нет оснований утверждать, что имя *sikuos может быть сведено к *ékuos. Оно, вероятно, произведено от корня *sik- ‘достигать, приходить’ (греч. ἵκω < σι-σκω (редуплицированный *sisk-), ixánu, iκέομαι). Возможно, тот же корень присутствует в имени древнеиталийского народа *Sicāni, Siculi*, где -ān- — суффикс групповой принадлежности (он же присутствует в имени “Ελλῆνες < *sed-l-ān- ‘сельский, оседлый’, а вариант *-ēn- — в слове [Трубачев 1981]), а -ul- — захваченности действием (*bibo* ‘пить’ — *bibulus* ‘пьяница’). Следует сказать несколько слов и о морфологии имен *ékuos/sikuos. Оба этих имени тематические, баритонные, снабженные суффиксом *-io-. Они производны от прилагательных на -i-, что ясно показывает параллель *ókūs/*ékuos. Подобные имена образовывались путем передвижения акцента на конец словоформы (ср. fāσt̪i ‘город’ — fāσt̪fōs ‘горожанин’). Однако в данном случае имела место вторичная баритонеза, характерная для имен живых существ [Mottausch 2000]. В качестве примера можно привести *ulk̪os, где место ударения под-

³ С сохранением исконной основы на -μ; послемикенское ἑν- — результат аналогии.

⁴ Закономерную аспирацию находим в τέλφριππον ‘квадрига’ (τετρ- + ἵππ-).

тврждается древнеиндийским и древнегреческим (однако лит. *vilkas* (4) указывает на окситонезу!) Ср. еще такие имена, как (*H*)*jíkos* ‘медведь’ (др.-инд. *jíksa*, греч. ἥρκτος), а также прилагательные *néuos (др.-инд. *náva*, греч. νέος; ср. однако подвижность парадигмы лит. *naijas*), *sénos* (ένος, др.-инд. *sána*, но наречие *sanád* (древний ablativ), а также подвижная парадигма лит. *sénas*⁵). К именам с вторичной баритонезой К. Х. Моттауш относит также **k"ék"los* ‘круг’ (греч. κύκλος, но др.-инд. *cakrá*), *nérgom ‘дело’ (греч. ἔργον), *(*H*)*jénos* ‘зерно’.

2.2.2. Здесь мы должны оговориться, что считаем вторичной любую баритонезу непроизводных тематических имен. Она могла развиваться у имен деятеля и абстрактного понятия (в примерах Моттауша — у имен «круг, дело»; вообще же это очень распространенный процесс, особенно в древнегреческом и древнеиндийском [Krasukhin 2004]), у названий животных, которые уже воспринимались не как адъективы, т. е. имена признаков, а как имена предметов, наделенных признаками. Особый случай — прилагательные, которые, как правило, окситонны. Представляется, что исконно баритонным было *néuos, происходящее из частицы со значением ‘вот, здесь’, тогда как в *sénos ударение передвинулось по аналогии. С новой баритонезой могла быть связана и ступень *e* в *ékuos, *nérgom, *néuos, *sénos; она образовалась, очевидно, в период ослабления силового ударения [Красухин 2004]. Особый вопрос — долгота гласного в праформе *ðkús. Дело в том, что у прилагательных на *-i-*, как правило, корень стоит либо в *ə*, либо в *o*-ступени вокализма (ср. греч. χρατίς < *kṛtis, гот. *hardus* < **kortus*⁶). В древнегреческом не засвидетельствованы прилагательные со ступенью *ō* (за исключением ὁκύς); в древнеиндийском же большинство прилагательных с долгим вокализмом могут объясняться либо наличием ларингала в корне (āuu ‘живой / жизнь’/ āuy ‘живой’ < **eHiu-*; ā-dāśi ‘не почитающий богов’ < **deH-k-*), либо возможной ступенью *o* (> ā в открытом слоге: *dārū* ‘разрушающий’, *jāyū* ‘победоносный’). Но имя *rāchú* ‘нога’ находит подтверждение своей исконной долготы в гот. *folus* — форме на *-i-*, производной от корневого имени типа

⁵ Литовские прилагательные, как правило, склоняются по подвижной парадигме. Они сохраняют глубокий архаизм: окситонные тематические имена, как правило, обозначали частные, иногда временные признаки предмета. Большинство первичных прилагательных входило именно в этот класс имен.

⁶ Сравнение с др.-инд. *krátus*, авест. *xraθus* ‘сила’ четко демонстрирует акцентологическое различие существительных и прилагательных.

др.-в.-нем. *fuoz*, др.-англ. *fōl* (как и древнеиндийское *rādū* от *rād*). Как показал Ману Лойман [Leitmann 1959], посессивные и иные производные имена заимствуют продленную ступень корневого вокализма у корневых имен, где та образуется по целому комплексу фономорфологических факторов [Streitberg 1894; Pisani 1932]. Таким образом, продленная ступень корня в и.-е. *ōkūs вполне закономерна. Имена *ékuos и *síkuos тоже образованы по строгим правилам индоевропейского словаобразования (первичный корень **eḱ-* со значением «двигаться» → корневое имя *ōk-s → прилагательное *ōkūs → вторичное **okiu̯s* → существительное *ékuos). Итак, нет нужды предполагать заимствование индоевропейского **ékuos/síkuos* из северокавказского источника. Созвучность соответствующих гинухских, цезских и хурритских лексем можно объяснить обратным направлением заимствования.

2.3. Одомашнивание лошади совпало с несколькими важными событиями в жизни индоевропейского сообщества. К IV тысячелетию оно находилось в стадии неолита. Все лингвисты и археологи сходятся в том, что индоевропейский лексикон рисует картину высокоразвитого неолитического хозяйства. Его относительная эффективность (по сравнению с присваивающим хозяйством) привела к скачкообразному росту населения. Это обусловило то, что в археологии именуется «Большой взрыв» (Big Bang [Sherratt 2000]): лавинообразное распространение народов, живших на значительной территории Малой Азии, Месопотамии, Циркумпонтийской зоны. Причиной «Большого взрыва», бесспорно, был рост населения; его следствием было продвижение индоевропейцев на сопредельные с Поднепровьем территории. Затем они прошли через Кавказский перешеек (создав Куро-Аракскую культуру) и пришли на Ближний Восток. Заимствовавшие у них лошадь аборигены получили удобный транспорт, позволивший им широко распространиться. Отметим, что в хеттской традиции упоминается море, куда садится солнце. Это может быть воспоминанием о переходе праанатолийцев по Кавказскому перешейку в Малую Азию [Sommer 1947: 8].

З а м е ч а н и е. Вопрос о том, какие культуры связаны с древнейшими индоевропейцами, остается спорным. Так, Дж. Меллори [Mallory 1991: 188—195] отрицаet индоевропейский характер гумельницкой и трипольской культур. По его мнению, обе они суть филиации древнейших балканских культур, которые не могут быть индоевропейскими (на основании «аргумента лосося» и «аргумента березы»: и дерево, и рыба, чьи имена считаются общенидоевропейскими, на Балканах не встречаются). Он же отмечает, что древнейшие индоевропейские

культуры (Средний Стог, Новоданиловка, Нижняя Михайловка-Кеми) суть энеолитические. Иными словами, индоевропейцам был знаком металл. Вопрос о первоначальном центре металлургии мы оставляем в стороне⁷. Отметим, что упомянутым культурам (как и гумельницкой и трипольской) была действительно известна медь, чье название можно постулировать на праиндоевропейский уровень (лат. *aes*, общегерманское **aiz-*⁸, др.-инд. *āyas*, авест. *ayah* ‘металл, медь’). Слово это, по-видимому, связано с общеиндоевропейским названием льда (лед = плавкая субстанция). Это лишний раз доказывает высокое для своего времени развитие материальной культуры индоевропейцев.

2.3. Важностью, которую играла лошадь в быту индоевропейцев, объясняется ее культ: галльской богини *Epona* («Функционально связана с плодородием, с одной стороны, с целительством и смертью — с другой» [Калыгин 2006: 80]). В древнеиндийской мифологии важную роль играют близнецы *āśvinā*, спутники зари, которые утром или трижды в день едут к жертвоприношению на золотой колеснице, запряженной красными крылатыми конями (см. RV I 34; VIII 5). С ними иногда сравниваются греческие близнецы *Διόσκουροι*, чье имя может быть интерпретировано и как «дети неба, света», а Кастор, как правило, изображается всадником. В критских табличках упомянута также *iqeja potinija* (PY An 1281) ‘лошадиная владычица’. В германской традиции необходимо отметить легендарных всадников Хорсу и Хенгеста в англосаксонских преданиях о вторжении на о. Британия. В русском же фольклоре архаический кульпт лошади отражен в известном: *сивка-бурка, вещая каурка!* Как известно, трехцветных лошадей не бывает: существуют только пегие (с крупным белым пятном по гнедой или караковой шерсти), чубарые (с мелкими черными пятнами) и серые в яблоках. Объединение же сивой (светло-серой), бурой (гнедой или караковой) и каурой (рыжей) масти можно объяснить только в рамках теории трех божеств Дюмезиля. Сивый цвет соответствует белому жреческому, бурый — черному земледельческому, каурый — красному воинскому. Иными словами, лошадь такой удивительной расцветки объединяет в себе силу всех трех богов. Лошадь редко становилась тотемом (в отличие от волка): это доказывается тем, что очень мало

⁷ Ср. [Красухин 2005] о связи имен металлов с некоторыми аспектами индоевропейской мифологии.

⁸ Многие ученые считают, что это имя заимствовано германцами у кельтов в связи с заимствованием процесса плавки железа. В наших рассуждениях это ничего не меняет.

племен носило имена, связанные с лошадью. Ее кульпт связан с ее ролью в хозяйстве древних индоевропейцев — главная тягловая сила и средство передвижения. И надо сказать, что отдельные традиции сохранили следы культа лошади, напоминающего тотемический. Так, в Ригведе (V 27) упоминается риши Ашвамедха (*áśvamedha*). Он именуется «блестательным» (*yó ta iti pravocati áśvamedhāya sūrāye / dādān ycā sanim yaté dādad medhām riāyaté* (4) ‘тот, кто мне, щедрому Ашвамедхе, возвестит: «он дал гимном цель стремящемуся, дал мудрость почитателю закона»), «дающим сто подарков» (*indrāgnī śatadāvani áśvamedhe suvīryam kṣattrám dhārayatam bṛhād divi sūryam tvājāram* (6) ‘Индра и Агни, вы даруете дающему сто подарков Ашвамедхе царство с добрыми мужами величественное, словно вечно юное солнце на небе’). В имени риши обыгрывается несколько лексем: *medhā* ‘мудрость’, *medhā* ‘ось, стержень’, *mēdha* ‘жертвенное питье’. В древней Индии существовал и ритуал *áśvamedha*. Он заключался в убийстве жертвенной лошади и расчленении ее на три части. Аналогичное действие у римлян именовалось *October equus*. Примечательно название городка *Equus tuticus* в области гиргинов в южной Самнии. Этот эпитет означает «общественный, государственный», но он относится, главным образом, к царю (*meddis tūticus* — правитель оскской общины). Следовательно, и название городка может быть переведено как «царский конь». Случайно ли такой город появился именно в земле гиргинов, чье имя производно от самнитского (оскского) (*h)irpus* ‘волк’⁹, трудно сказать.

3. Индоевропейское слово «лошадь» было заимствовано семитскими языками: *sikuos > аккад. *šiši*, др.-евр. *šūš*. Эта праформа идентична древнегреческой; с анатолийскими же языками ее роднит переход *k* > *s* перед *i* (лав. *asina*). В шумерском же отсутствует специальное имя лошади, она называется *ansu kura* ‘осел горы’. Существует попытка объяснить с помощью внутренней формы этого оборота этимологию слав. **kobyla* и позднелат. *caballus* ≈ богиня Кибела (‘горная’?). О. Н. Трубачев [ЭССЯ 1983: 96—97] приводит широкий комплекс сведений о фракийско-малоазийском культе Великой богини, ее связи с лошадью и с горой.

3.1. Гора Күзэла во Фригии (точнее — город Күзэлов; Кафылъ — город на северо-востоке Фракии). Автор полагает, что это имя отождествилось с сирийской богиней ¹⁰*Kirara*; этимологически же оно

⁹ *Irpini appellati lupi, quem irpum dicunt Samnites; eum enim ducem secuti agros occupvere* (Paul. Fest, 93) ‘Гирпины, именуемые волками, которого (волка) самниты называют *irpum*; ведомые им, они захватили поля’.

восходит к и.-е. **keu-bh-*, **ku-bh-* ‘гора, возвышенность’. Фракийско-фригийская Великая Богиня именовалась в микенском *iqeja potinija itteia potnia* (PY An 1281) ‘лошадиная владычица’; *potinija asiwija potnia Aσfia* ‘азийская владычица’; в греческом — *μήτηρ ὄφεια* ‘горная мать’, а в старофригийских надписях встречается *matar kubi/ele(ja)* ‘кибельская (лошадиная) мать’. Из этого О. Н. Трубачев делает вывод о том, что имя **kubileja* уже во фригийском могло приобрести значение ‘лошадь’ (своего рода калька шумерского оборота). В этом качестве оно было заимствовано славянами из фрако-фригийской языковой области (в близком родстве этих языков сомневаться не приходится).

3.2. Вьючные животные действительно могут получить именование по имени горы, ср. греч. *ὄφεις*, ион. *οὐφείς* ‘мул’ <*ὄφος*, гомер. *οὐφος* ‘гора’. Но этимология О. Н. Трубачева не учитывает четырех обстоятельств.

3.2.1. Отождествление микенской *potinija* с Кибелой проблематично. Дж. Чедвик и Л. Баумбах указывают на то, что это имя относилось по преимуществу к Афине; *potinija asiwija* не обязательно обозначает «азиатская владычица». Имя *Ασία*, возможно, производно от *Ἄσιος* — город в Лидии на р. *Καιστριος* (Ил. II 461); кроме того, имя *asiwijo* упомянуто в табл. PY Cn 285, где его денотат упомянут как адресат получения овец: *asiwijo RAM 100 (vacat)*. Здесь речь явно не идет об Азии в нашем понимании (город *Ἄσιος* известен и на Крите).

3.2.2. Оборот *matar kubile...* дважды встречается в старофригийских надписях: A 9 *matar kubilej[...]* (Аязин); A 28, 1. 3 *matar ku[b]elej ai[.]beja duman ekletoi* (Язылкай) ‘Мать Кибела (кибельская?)’, жертва приносится (алтарь возведен)¹⁰. Контексты не дают полной уверенности в том, что здесь наличествует именно притяжательное прилагательное, а не простой теоним («мать кибельская» вм. «мать Кибела»). И уж никак не представляется возможным связать это имя с лошадью. Имя Кибелы, на наш взгляд, не происходит от действительно сомнительного и.-е. корня **keu-bh-* (‘блестеть’ ср. др.-инд. *sóbhati*); скорее здесь представлен семитский корень *gbl* ‘гора’, который, контаминировав с древним, еще дошумерским именем ^D*kirara*, лег в основу имени богини, придав ей и «горную» семантику¹¹.

¹⁰ Перевод приблизителен: можно полагать, что *duman* как-то связано с греч. *Ὥυμός* ‘дух, огонь’, *Ὥύω* ‘приносить в жертву’; *ekletoi* — глагол в 3 л. мепнапассивного залога. Надписи даются по [Нерознак 1978].

¹¹ В древнегреческом представлен вариант *Κιβύζα*, более точно воспроиз водящий исконное малоазиатское имя.

3.2.3. В латыни находим не только *caballus*, но и — в гlossenах — *cabo* (*cabonis*) ‘*equus magnus, equus castratus*’, позднее *cabus*, предполагающие основу без *-l-* (и *-lo-* в этом случае может быть уменьшительным или посессивным суффиксом). У Гезихия находим: *καβάλλης ἐργάτης ἵππος*¹²; *κάβηλος, κάληβος· ἀπεσκαλυψμένος τὸ αἰδοῖον* ‘кастрированный’. Итак, интересующий нас корень относился либо к самке, либо к кастрированному жеребцу («рабочий конь», очевидно, противопоставлялся жеребцу-производителю). Это заставляет высказать несколько версий о происхождении интересующего нас имени. Во-первых, оно может быть производным от корня **kab-*(?) ‘резать, скопить’, не свидетельствованного у Покорного. Корень по своей структуре (наличие простого *-b-*) выглядит неиндоевропейским. Можно предположить, однако, палеобалканский источник греческих гlossen; в этом случае *-b-* может восходить к **-bh-* (< **kə-bh-*?). Во-вторых, по предположению К. Бака [Buck 1949: 168], оно может быть производным от какого-нибудь этнонима, подобно франц. *hongre*, нем. *Wallach* (ср. *Καβάλλιοι* и *Καβῆλέες* — малоазиатские племена). Что же касается славянского имени, то оно может быть заимствовано и из праиталийского (итал. *ō > праслав. *y,ср. *pastōr* > *pastyrъ*¹³); в этом случае надо предполагать форму *cabōlā (ж. р. от *cabō* с чередованием суффиксов по закону Каланда¹⁴). Замечу попутно, что выделение суффикса *-lo-* помогает понять этимологию рассмотренного имени. Этот суффикс представлен во многих индоевропейских языках: в славянском он образует причастия прошедшего времени; в латинском — агентивные (*figulus*) и качественные (*humilis*) прилагательные (см. выше, 2.2.1). В древнегреческом его функция приближается к причастной: *δάγημι* ‘подавлять’ — *δάγαλής* ‘давящий’, *ιοσέω* ‘болеть’ — *ιοσηλός* ‘больной’, *σιγάω* ‘молчать’ — дор. *σιγαλός* ‘молчаливый’; также *χθαμαλός*, близкий по типу образования к лат. *humulis* [Chantreine 1933: 242—245].

Это обстоятельство позволяет реконструировать семантическую микросистему названий лошади для греческого. В ней имя скаковой лошади *ἵππος* < *sikuos противостоит имени рабочей лошади

¹² Встречается не только в гlossenах, но и у Плутарха, в Палатинской антологии.

¹³ В. В. Мартынов [1983] приводит еще несколько примеров итальянских заимствований в праславянский с тем же переходом *ō* > *y.

¹⁴ Ср. (с иным суффиксальным пласным) *hoto* — *humulis*, греч. *χθαμαλός*, фриг. *ζεμελως*. Особенно близки к нашему примеру: *αἴθων* ‘пылающий’ — *αἴθαλος, αἴθάλη* ‘сажа’ (*αἴθω* ‘гореть’), *εἴκων* ‘подобие’ — *εἴκελος, ἕκελος*.

*kəbh-ē-loś ‘мерин, рабочий конь’. С учетом латинских параллелей эту микросистему можно проецировать на праиндоевропейский уровень.

Замечание. Однако обращает на себя внимание отсутствие корня **kab(h)*- за пределами палеобалканского и итальянского ареала; славянский рефлекс может быть заимствованием. Возможно, наличие этого корня на периферии латинской лексики объясняется ранним заимствованием. В литературе отмечалось, что в латыни есть небольшое количество палеобалканских заимствований [Haas 1960]. Правда, по мнению О. Хааса, в языке этого «раннеитальянского» слоя звонкие и звонкие придыхательные превращаются в глухие (*sculpo* ‘лепить’ < **sgelbh-*, греч. γλάφω ‘разгребать землю’, γλάφη ‘пещера’, русск. *желоб*; *clipeus* ‘щит’ < **glubh-*, др.-в.-нем. *klioban* ‘раскальывать’). Но если допустить греческое посредничество, то передача звонких звонкими вполне возможна:ср. *gubernare* < *χιβερνάω*. Возможно, корень *cab-* пришел в Италию с Балкан. В этом случае вопрос о его индоевропейском происхождении остается открытым.

3.2.4. Шумерское *kur* означает не только ‘гора’, но и ‘страна’ с оттенком ‘чужая, враждебная страна’ (по-видимому, от того же корня происходит шумер. ^{lu}*kur* ‘враг’, заимствованное в хеттском *kurur* ‘враг; вражда’). Имя лошади следует интерпретировать не как «горный осел» (что слабо мотивировано), а «осел из-за гор, из (чужой, враждебной) страны»¹⁵. Таким образом, этот оборот приоткрывает картину индоевропейско-месопотамских и переднеазиатских отношений. Пришельцы, вторгшиеся на территорию Плодородного Полумесяца, привели с собой новых, неизвестных аборигенам домашних животных. Древние обитатели Месопотамии назвали их «осел из чужой страны», более поздние просто заимствовали их имя.

4. Напротив, осел был одомашнен в IV тысячелетии до н. э. в Передней Азии [Sherratt 2000: 272], откуда быстро распространился в Египет и на Плодородный Полумесяц. Имя осла заимствовано индоевропейцами у шумеров: греч. ὄνος, лат. *asinus* < шумер. *ansu*. Эти сближения, однако, требуют комментариев.

4.1. Греческое имя во всех диалектах сохраняет краткость корневого гласного. Это свидетельствует о том, что в его основе лежит

¹⁵ Переход значения «страна» → «чужой, враждебный». Ср. др.-перс. *dahyuāš* ‘страна’ — др.-инд. *dásyū* ‘демон, враждебный богам’, *dásā* ‘враг,варвар, чужеземец’; русск. *сторона* — *сторонний, страна* — *странный*.

корень **on-* без каких-либо дополнительных фонем (**ons-/osn-* дало бы ион., гомер. *όνυος). Возможно, шумерское имя само является производным; заимствование в греческий произошло из иного переднеазиатского источника¹⁶.

4.2. Латинское имя должно было заимствоваться после V—IV вв. до н. э., после действия закона ротации; не были ли здесь посредниками этруски? Морфологически оно выглядит как сочетание корня с суффиксом *-in-*; последний, по мнению Ю. В. Откупщикова [1985], может быть причастным по происхождению (ср. *dominus*, возводимое исследователем к причастию от *domo* < **demH-*).

5. При сопоставлении имен лошади и осла бросается в глаза удивительное разнообразие первых и однотипность вторых. Большинство имен осла в европейских языках происходит из латыни или заимствовано из нее же: франц. *âne*, итал. *asino*, испан. *asno*, румын. *asin*; др.-ирл. *asal*, кимр. *asyn*, др.-исл. *asni* < *asinus*, гот. *asils*, др.-англ. *asol*, др.-в.-нем. *esil*. < *asselus*. Из германского заимствовано ц.-слав. *осъль* и другие славянские названия осла, а также лит. *asilas*, лтш. *esels*. Изредка встречаются иные корни, типа н.-греч. *γομάρι*, рум. *magar*, болг. *мегаре*, заимствованных из араб. *himar*; русский тюркизм *ишак* (татар. *išäk*), сленговое по происхождению англ. *donkey*.

5.1. Имена же лошади, как следует из уже приведенных примеров, чрезвычайно многообразны. Причины этого заключаются в том, что осел использовался в качестве выночного животного по преимуществу в южной Европе, тогда как лошадь была распространена повсеместно и использовалась в самых различных функциях. Поэтому жеребец, мерин, кобыла, жеребенок имеют в различных языках различные названия. И несмотря на исконное имя заимствования широко распространены, что связано опять-таки с многофункциональностью лошади. Народы, выведшие какую-либо особую породу лошади, часто экспорттировали ее вместе с именем (ср. арабская, английская, ахалтекинская лошадь). Так, праслав. *kopъ происходит из кельт. **konkó-* ‘прыгун, скакун’ (N. pr. *Cancius*, *Cancilus*; *laetum equino sanguine Concano* — Ног. Cагм., III 4, 34); по мнению О. Н. Трубачева [ЭССЯ 1983: 197], отпадение суффикса *-ko- связано с тем, что имя **konko-* было истолковано как диминутив; ср. нем. *Hengst*, др.-исл. *hestr* ‘конь’, лит. *šankus* ‘проворный’. Кельто-латинского происхождения и нем. *Pferd* (др.-в.-нем. *parafrid* < *para-veredus*, где вторая

¹⁶ Это обстоятельство вызвало к жизни старую этимологию, связывающую греч. *όνος* с лат. *onus* ‘груз’, едва ли обоснованную.

часть обозначает ‘подвижный’ и соотносится с лат. *verēdus* ‘почтовая лошадь’ (заимствование из галльского), ср. исконное лат. *reda, raeda* ‘повозка’).

5.2. Обратимся к этимологии еще одного имени лошади. Германское *marhaz ‘конь’, *marhā* ‘кобыла’, кельт. **marka-* (др.-в.-нем. *marah, mariha*, др.-англ. *mearh, miere*, др.-исл. *marr*; др.-ирл. *marc*, галл. *maðcha*), по мнению Гамкрелидзе и Иванова, заимствовано из восточноазиатских языков: монг. *morin*, тунг. *turin*, а также кор. *mal*, кит. *ma* < *mrā*, тибет. *rmang* < *mraŋ. Авторы именуют этот корень «миграционным термином» и полагают возможным найти в германо-кельтском имени алтайский уменьшительный суффикс *-ka-* [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 554—555]. Так это или нет — сказать затруднительно; авторы предполагают возможные контакты германцев и кельтов с носителями восточноазиатских языков, не указывая, где и каким образом они могли произойти¹⁷. Это делает предложенную этимологию спорной (не говоря уж о том, что дiminutivное *-ko- известно и в индоевропейских языках).

Более убедительно предположение О. Н. Трубачева о исконно индоевропейском характере этого имени. Кельто-германское имя находит параллель во фракийском ареале (царское имя *Thiamarcus* у племени агафирсов); с иным суффиксом это имя может быть представлено в др.-инд. *marya* [Трубачев 1993: 159]. Следует заметить, что для последнего значение ‘лошадь’ не первично. Чаще оно означает «юноша, жених»: из 17 контекстов с этим именем, встретившихся в Ригведе, только в 5 оно переводится как «скакун». Это соображение не отрицает этимологии О. Н. Трубачева, а уточняет ее. Русск. *жеребец* (слав. *жъръба*) происходит от имени «плод, зародыш» (греч. *βρέφος*). Развитие значений здесь выглядит так: «зародыш» → «детеныш» → «молодое животное, в частности, лошадь» → «скакун». Корень же **mer-* может быть описан так: «маленькое существо» (ср. еще греч. *μεῖδας*, др.-инд. *maryaka* ‘карлик’) → «детеныш» → «скакун». Тюркская и монгольская лексемы могут быть сами заимствованы из и.-е. **mer-* в данном значении.

¹⁷ Возможность заимствования этого имени из языка гуннов справедливо отрицается по хронологическим причинам: гуны появились в Европе в V в. н. э.; распад общегерманского единства произошел по крайней мере на 1 500 лет раньше. В эту эпоху предки тюрок и монголов жили, вероятно, между Алтаем и Байкалом [Гаджиева 1997: 21]. Как могли осуществляться контакты при расстоянии в 10000 км?

Но тюркское происхождение русск. *лошадь* (татар. *alaša*), монгольское — *мерин* — не вызывает сомнения. Ср. также *аргамак* < чагат. *aryamatak* ‘арабский благородный конь’. Отдельные элементы гиппологической лексики могут происходить и из неиндоевропейских языков (см. [Одинцов 1983]).

6. Возвращаясь к приходу индоевропейцев в Переднюю Азию, отметим, что в лексике автохтонных языков сохранились следы этого прихода. Несколько индоевропейских заимствований есть в урартском: *pili* ‘канал’ < **pelH-* ‘сыпать, наполнять’, *agu-* ‘вести’ < **ag-*. Можно прибавить к этому *arše-* ‘юноша, мужчина’ < **urs-en-* (*ազո՞ր*, *ովսան*), *aštu* ‘жечь’ < **ues-/eus-* ‘жечь / гореть’¹⁸, *alu-* ‘пожирать’ < **Hed-* ‘есть, грызть’, *paru-* ‘утонять’ < **per-* ‘двигать’.

6.1. Недавно было высказано предположение [Whittaker 2004] о неизвестном и.-е. «евфратском» языке, чьи следы сохранились в шумерском. Г. Уиттейкер называет около 40 слов; самыми убедительными, на наш взгляд, являются следующие: *gud/r-* ‘бык’ < **gʷou-* (с шумерским именным суффиксом), *temen* ‘поле, основа’ < **dheH-men-* ‘основание’¹⁹, *kaš* ‘ячменное пиво’ < **kual-so-* ‘бродящий напиток’ (о.-слав. *kysnuti, *kvasъ); *sukud/r* ‘средства к существованию’ < **segh-* ‘держать, властвовать’.

7. Итак, попробуем суммировать полученные лингвистические, археологические и исторические данные. В начале III тысячелетия до н. э. индоевропейцы появились в Месопотамии и Малой Азии. Они привели туда неизвестное местным жителям одомашненное копытное. Более поздние наследники — семиты просто заимствовали его имя; аборигены-шумеры назвали его по аналогии с известным уже им домашним животным. В свою очередь, индоевропейцы познакомились в Передней Азии с одомашненным ослом, заимствовав его имя. Имена обоих животных позволяют удивительно точно реконструировать пути движения народов в дописменную эпоху.

---

¹⁸ Возможно, отпадение #*u*- перед гласным закономерно.

¹⁹ Или, может быть, это слово происходит от той же праформы, что и греч. *témevoς* (< **tem-* ‘резать’)?

ЛИТЕРАТУРА

- Гаджиева 1997 — Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек, 1997.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.
- Калыгин 2006 — Калыгин В. П. Этимологический словарь кельтских тезонимов. М., 2006.
- Климов 1994 — Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Красухин 2004 — Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.
- Красухин 2005 — Красухин К. Г. Представление о небе у древних индоевропейцев // Университет Тайбэй: Факультет русского языка и литературы. Тайвань, 2005.
- Кулланда 2008 — Кулланда С. В. Лошадь в праиндоевропейском // Аспекты компаративистики. М., 2008. (Orientalia et classica. Вып. XIX.)
- Мартынов 1983 — Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Нерознак 1978 — Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978.
- Одинцов 1983 — Одинцов Г. Ф. Из истории русской гипнотической лексики. М., 1983.
- Откупщиков 1985 — Откупщиков Ю. В. Словообразование — фонетика — этимология: К этимологии лат. *domīnus* // Античная культура и современная наука. М., 1985.
- Трубачев 1981 — Трубачев О. Н. Из исследований по праславянскому образованию: генезис модели *-jēnīnъ / -janīnъ* // Этимология 1980. М., 1981.
- Трубачев 1993 — Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. 2-е изд. М., 1993.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974—.
- Buck 1949 — Buck C. D. A dictionary of principal Indo-European synonyms. Chicago, 1949.
- Chantraine 1933 — Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
- Dunkel 1995 — Dunkel G. More Mycenaean survivals in later Greek: ḍνος, ḍμος, ζωμός, Διώνυσος αὐδ̄ κῶμος // Verba et structurae: Festschrift zur Klaus Strunk zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. Hettrich u.a. Innsbruck, 1995 (IBS 83).

- Haas 1960 — *Haas O.* Das frühitalische Element: Versuch über die Sprache der ersten Indogermanen Italiens. Wien, 1960.
- Hester 1958 — *Hester D.* The *u/e* alternation in Mycenaean Greek // Kadmos. 1958. V. 6.
- Ivanov 1999 — *Ivanov V. V.* Comparative notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // Indo-European Studies. Los Angeles, 1999. V. I.
- Krasuchin 2003 — *Krasuchin K. G.* Qualitativer und quantitativer Ablaut in der Nominalderivation // Indogermanisches Nomen: Derivation, Flexion und Ablaut. Bremen, 2003.
- Krasukhin 2004 — *Krasukhin K. G.* Archaic features of Indo-European word formation // Indo-European Word formation. Copenhagen, 2004.
- Leumann 1959 — *Leumann M.* Vokaldehnung, Delnstufe und Vrddhi // *Leumann M.* Kleine Schriften. Zürich; Stuttgart, 1959.
- Mallory 1991 — *Mallory J.* In search of Indo-European: Language, Archeology and Myth. London, 1991.
- Mottausch 2000 — *Mottausch K.-H.* Die indogermanische athematische Nominalflexion und die *o*-Stufe // Historische Sprachforschung. 2000. Bd. 113.
- Pisani 1932 — *Pisani V.* L'allungamento secondario nell' apofonia indoeuropea. Roma, 1932.
- Renfrew 1990 — *Renfrew C.* L'enigme indo-européenne: Archéologie et language. Paris, 1990 (Trad. de ed. 1987).
- Risch 1981 — *Risch E.* Kleine Schriften. B.; N. Y.: Mouton de Gryter, 1981.
- Rozwadowsky 1948 — *Rozwadowsky J.* Studia nad nazwami wód slaviańskich. Kraków, 1948.
- Sherrat 2000 — *Sherrat A.* Echoes of Big Bang: The historical context of language dispersal // Proceedings of the Tenth Annual UCLA Conference. Waschington, 2000.
- Sommer 1947 — *Sommer F.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.
- Streitberg 1894 — *Streitberg W.* Die Entstehung der Dehnstufe // Indogermanische Forschungen. 1894. Bd III.
- Whittaker 2004 — *Whittaker G.* Word formation in Euphratic // Indo-European word formation. Copenhagen, 2004.

ЗАМЕТКИ О РАЗВИТИИ ГРЕЧЕСКОГО АЛФАВИТНОГО ПИСЬМА^{*}

1. Алфавитное греческое письмо сложилось приблизительно в VIII в., по наиболее популярной гипотезе — из финикийского письма. Коренным отличием греческого письма от всех остальных явились последовательное изображение гласных на письме. Непоследовательное изображение имело место: а) в финикийском консонантном письме, где использовались т. н. *matres lectionis* (значки для сонорных и гортанных, спорадически передающие гласные: *aleph* ['> a], *iod* [j > i, e], *waw* [w > u, o], *'aijn* ['> o]); б) в минойском и крито-микенском силлабарии, где существовал специальный ряд для передачи словов, включающих только гласный (*a*, *e*, *i*, *o*, *u*) [Ventris, Chadwick 1973], а также в слоговом кипрском письме. На нем существует несколько десятков надписей на древнегреческом языке, также большая надпись на нерасшифрованном пока кипро-минойском языке и несколько не больших так называемых этеокипрских надписей, также убедительно не расшифрованных¹. Удивительно, что иероглифические и слоговые письменности древнего Балканского п-ва почти не оказали влияния на алфавитное греческое письмо², особенно если учесть сосуществование

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Заметки о происхождении греческого алфавита // Вопросы эпиграфики. 2014. Вып. 6.

¹ См. [Masson 1966]. На основании этеокипро-греческой билингвы было высказано предположение, что язык этих надписей близок урартскому и хурритскому. Разные варианты в [Джаукиян 1981; 2000; Сергеев, Цымбурский 1987]. Ср. этеокипр. *matori* — урарт. *patala* ‘город’.

² Мнение В. И. Георгиева [1967] о том, что финикийское и греческое письмо развились параллельно из линейного письма А, никто не поддержал. И. М. Тронский [1973] видел возможное влияние в наличии специальных грамем для гласных.

слогового и алфавитного писем на Кипре. Последнее было импортировано с востока³.

1.1. Традиция приписывала изобретение письма многим мифологическим персонажам: Гермесу, Прометею, Паламеду. Геродот (V 58) сообщает, что создателем греческого письма был финикийский царевич Кадм (сын Агенора, брат Европы). По преданию, Кадм стал царем Фив. Однако было бы ошибкой на этом основании считать именно Фивы источником распространения алфавитного письма. Впрочем, мифологическая традиция упоминает о том, что потомки Кадма обосновались на Крите и Родосе (так, Геродот в IV 45 сообщает, что царевна Европа прибыла из Финикии на Крит, с Крита в Ликию). Это находит подтверждение в эпиграфическом и археологическом материале. Алфавит древнейших критских греческих надписей относится к числу наиболее архаических (см. ниже о критериях). Надписи на Родосе тоже достаточно древние (с 1-й пол. VII в. до н. э.), но написаны более стандартным алфавитом. Кроме того, на Крите и Родосе найдено много финикийских артефактов. Проблема, правда, заключается в том, что Гомер в своем знаменитом пассаже о Крите упоминает шесть населяющих его народов, но не говорит о финикийцах. Однако, принимая во внимание то, что у Гомера это речь персонажа, можно предположить, что речь идет о ситуации до XI в. (начало финикийской колонизации Средиземноморья). На Кипре финикийские надписи известны с VIII в., но алфавитные греческие надписи появляются там не раньше IV в. до н. э. Можно назвать еще одно место предполагаемых греко-финикийских контактов: греческая колония Посидея на киликийско-сирийской границе (Hdt. III 91). По мнению Л. Джейффири [Jeffery 1961: 11—12], именно там греки могли познакомиться с финикийским алфавитом. Таким образом, складывается довольно логичная схема распространения письменности: с восточного побережья Передней Азии — на острова Эгейского моря, оттуда на Балканский полуостров.

1.2. Таким образом, в IX—VIII вв. произошла одна из важнейших революций в истории письма. В самых древних греческих алфавитах нет подобия *matres lectionis*. *Альфа* происходит из *aleph*, *эpsilon* из

---

³ Работ по общим вопросам греческой эпиграфики на русском языке немного. Отметим старый, но не потерявший значения труд [Новосадский 1916]. В основном же российские эпиграфисты занимались надписями Северного Причерноморья [Latyshev 1885—1901; Грakov 1928; Толстой 1953; Корпус Боспорских надписей 1965; Соломоник 1964].

he, о микрон из ‘*ain*; все они всегда передают только гласные. *Иксилон* имеет более сложную историю. Дело в том, что по форме он напоминает ряд вариантов *iod*, хотя происходит скорее из *was*⁴. Объясняется это тем, что *was* стал основой для *дигаммы* (*f* [w]). Для передачи [u] понадобилась иная графема. Ей стала та, что передает звук верхнего подъема. С другой стороны, эволюция знака *was* в ряде алфавитов показывает два направления: с одной стороны, две верхние черты смещаются направо и в конце концов становятся параллельными друг другу⁵, с другой — начинают расходиться от вертикальной линии под углом на равные расстояния. Это и дало *иксилон* (Y). Сходство с финикийским *йодом* подкрепило связь графемы с гласной фонемой. Для передачи согласного и гласного появились разные графемы. Так возникло первое в истории человечества фонологическое письмо. Благодаря своему очевидному преимуществу перед остальными (простота — 20—25 знаков алфавита вместо нескольких десятков или сотен, наиболее точная передача звукового состава языка) греческое письмо широко распространилось по Средиземноморью, затем его потомки — латиница и кириллица — и по всему миру.

2. Однако довольно трудно определить время и источник заимствования. Дело в том, что у самого финикийского алфавита существует около 20 вариантов, распространенных по всему Средиземноморью. Конечно, из рассмотрения следует исключить поздние алфавиты Запада, но и в Передней Азии имелось 13 вариантов алфавита, см. [Falkner 1947]. В. Ларфельд [Larfeld 1914: 214] время заимствования письма определяет примерно 1100 г. до н. э. и связывает с появлением финикийских поселений на островах Восточного Средиземноморья и Эгейского моря. Но этому противоречат данные эпиграфики: финикийские алфавиты этого времени достаточно далеки от греческого по начертаниям. Переломным моментом в переходе к греческому алфавиту надо, по-видимому, считать видоизменение *kaf*. В древнейших надписях он представляет три линии, расходящиеся из одной точки (типа архаического греческого *psi*, на которое он, несомненно, оказал влияние). Только в IX—VIII вв. он приобретает очертания, близкие к греческой *kapte*. Древнейший *kaf* с двумя линиями засвидетельствован в финикийских надписях в Гезере около 900 г. до н. э. и в Моаве

⁴ Некоторые исследователи именуют его *was*, что непринципиально.

⁵ При изменении направления письма знак, естественно, переворачивается, так что линии, перпендикулярные основной черте, обернулись налево.

около 850 г. до н. э. Это время и можно считать началом заимствования финикийского письма.

2.1. Рассмотрим формирование остальных графем. Неоднозначной была судьба финикийского *het*. В древнейших надписях он передавал приыхание — как аспер в начале слова, так и фонологическую характеристику согласных (ПН = φ, ТН = θ). Там, где этот знак использовался для передачи приыхания, он часто резко видоизменялся. Его функционирование чем-то напоминает *was*: он, с одной стороны, сохранял финикийскую фонику, с другой — развил вокальное звучание. Но, хотя известно не менее 7 его вариантов (простой прямоугольник, с одной и двумя поперечными линиями, параллельные прямые, соединенные одной или двумя перекладинами, вертикальная прямая с перпендикуляром), среди них нет тесно связанных с одним звуком. Последний знак чаще использовался для передачи аспера (особенно в лаконских надписях). Изредка можно найти алфавиты, где одна и та же графема употребляется в обоих значениях (Родос, сер. VII в., пересеченный прямоугольник). Единая графема передавала на о. Делос (сер. VI в.) два звука — ē и η (она имела стандартный вид: Н); на о. Наксос в конце VII в. квадрат и пересеченный прямоугольник обозначали аспер, [e] с приыханием, а также простые ε, η. Лет через 50 для ē и η использовалась стандартная эта. В поздних лаконских надписях, помимо вертикали с перпендикуляром, использовалась и комбинация пересеченного прямоугольника с этой для выражения приыхания. Такой же диграф известен в ряде западных алфавитов.

2.2. По-разному передавалось [s]: в древнегреческом не было шипящих звуков, поэтому использовались финикийские *sade* (сибилянт) и *šip* (шипящий). В общем, можно утверждать, что преобладающим стал второй знак. В надписях Теры VIII—VII вв. встречается и *cigma*, производная от *sade* (вертикальная, с параллельными ножками, более длинной левой). На этом примере можно наблюдать, как оба знака графически сближались.

2.3. Наконец, большой интерес представляет знак *ksi*. По своему начертанию он ближе всего к финикийскому *satek*: прямой линии, пересеченной тремя перпендикулярами. На о-ве Тера графема более всего напоминает финикийскую. И примечательно, что она передает не только [ks], но и межзубную аффрикату (происходящую из сочетания смычного с неслоговым ζ, которая в стандартной письменности изображается как στ (ионийские, пелопонесские и восточно-эолийские диалекты) / ττ (беотийский, критский, отчасти аттический). Более того, в одной терской надписи с помощью этой

графемы написано имя *Zeus* (конец VII в. до н. э.). Это позволяет высказать некоторые предположения о характере передаваемых звуков. Прежде всего, каким образом двойной звук уподобился одинарному? Очевидно, сочетание [k + s] уподобилось в греческом переднеязычной аффрикате (или сибилянту), что и сделало возможным подобное транспонирование графемы. И этот звук был аналогичен тому, что развился благодаря неслоговому *ι*, — как звонкому, так и глухому. При его передаче место и способ образования фонемы явно представлялись более значимыми, чем наличие или отсутствие звонкости. Попутно отметим, что на Крите, возможно, именно у аффрикат признак звонкости мог ослабеть илинейтрализоваться. Указанная фонема в самых архаических надписях передается как *ձета*, в более поздних (Гортинские законы) — как *ձձ* на месте звонкой (*ձիձձեւ* = *ձիձձւ*) и глухой (*տւշտշձձեւ* = *տւշտշձձւ*) фонемы. Также можно полагать, что *ττ* и *σσ* соответствуют разным звуковым единицам: первая аффрикате, вторая напряженному сибилянту. И письменный *կոյնէ*, находившийся под влиянием восточных (малоазийских) греческих диалектов, заменил аттическое *ττ* на *σσ*. Эти изменения алфавита свидетельствуют о высокой точности, с которой греческое письмо передавало фонетический строй языка.

2.4. Древнейшие греческие алфавиты (Крит и близлежащие острова) характеризуются, среди прочего, отсутствием знаков для *χ*, *Ϟ*, *ψ*; *бета* существенно отличалась от финикийского *bet* тем, что представляла собой фигуру с незамкнутой петлей. В некоторых терских надписях *бета* имеет вполне финикийское очертание (вертикаль с треугольником наверху, повернутым влево). Привычный рисунок этой буквы появляется на Крите. Эта система письменностей именуется зеленой. Существуют две основные разновидности зеленой системы. На Крите вообще никак не передавалась придыхательность согласных. На Тере и других близлежащих островах появились упомянутые выше диграфы с вторым знаком *H*.

2.5. Необходимо учитывать также характерные для любого эпиграфического алфавита искажения начертания, связанные с твердостью письменного материала: *гамма* иногда приобретает вид скобы, в *ρο* петля растягивается, в *πι* более короткая палочка изгибается, *ϟωτα* и *ϲigma* превращаются в волнистые линии. Это приводит порой к нежелательной омонимии знаков: *ρο* уподобляется *δельте*, *тета* — *օ микрон* и т. д. Для устранения этих нежелательных схождений в региональных вариантах появлялись дополнительные линии. Так, *ρο* стало

писаться с косой чертой, и это стало предтечей соответствующего знака в итальянских алфавитах.

3. Возникновение новых букв разбило греческие письменности на две группы: красную, где [ks] передавалось буквой в форме косого креста, [χ] иногда как три линии из одного центра, а граммемы для [ps] не было, и голубую, где косой крест передавал [χ], три линии из одного центра — [ps], а три параллельные черты — [ks].

3.1. Новые графемы и их распределение тоже представляют чрезвычайный интерес. Так, *χι* развилось из нескольких видов *каппы* и *kaf*. Чисто графически оно напоминает некоторые варианты финикийского *law*. Кроме того, в ряде алфавитов оно имеет вид трех прямых, расходящихся из одной точки, что ведет к самым архаическим разновидностям *kaf* (засвидетельствованным в XIII—XI вв.). В надписях г. Ур (VII в.) форма этой буквы приближается к крестообразной; поскольку в это время греческий алфавит уже существовал, можно предположить как влияние, так и параллельное развитие. Так появился знак косого креста (который в некоторых вариантах имеет вид прямого креста). Заслуживает внимание то обстоятельство, что этот знак вместе с *сигмой* стал передавать [ks]. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в данном сочетании [k] перешло во фрикативный звук, с другой — объясняет трансформацию греческого алфавита в красную систему: сигма была утеряна, и графема X взяла на себя функцию диграфа⁶. Именно здесь не появилось буквы, происходящей из *samek*. Ее стало сначала обозначать ΚΣ, ΧΣ, затем простое X.

3.2. Происхождение графемы *фи* менее ясно. Своим очертанием она напоминает архаическую *коппу* (?), которая имела перечеркнутый круг в архаических алфавитах Крита и Теры, как и финикийский *qof*. Но звучание этих букв слишком далеко друг от друга. Л. Джеффери предполагает [Jeffery 1961: 31], что *фи* развилось из *пи* с сильно укороченной и искривленной правой ножкой. Это мнение можно было бы считать доказанным, если бы существовали переходные знаки.

3.3. Архаический *kaf* ближе всего по начертанию к греческой *psi*. Примечательно, что в некоторых алфавитах (на Тере) он читается как [ks]. Исходя из сказанного выше, мы можем реконструировать развитие данного знака: первоначально он обозначал сочетание

---

⁶ Подобный процесс вовсе не уникален в истории алфавита. Так, на Пренестинской фибуле звук [f] передается как FH, где H — знак оглушения [v]. Во всех остальных латинских письменных памятниках F в одиночку обозначает глухой звук.

ослабленного смычного (аффрикаты) с сибилянтом, при этом место образования аффрикаты не играло первостепенной роли. Там, где звукокомплекс [ks] стал обозначаться с помощью *samek*, старый *kaf* стал знаком для близкого по артикуляционно-акустическим характеристикам звукокомплекса.

3.4. Красная система распространилась на западе и легла в основу итальянских алфавитов; голубая же письменность превратилась в стандартный греческий алфавит.

Особенно интересны алфавиты надписей в Марсиллии и Витербре (начало VII в.). В них содержатся в зачатке те черты западных алфавитов, которые были заимствованы и обобщены в итальянских письменностях: последовательное употребление *коппы* (?), скобообразное очертание гаммы, укороченная правая ножка *ни*. Правда, по употреблению *кси* (решеткообразная фигура, происходящая из *samek*) и *хи* (косой крест в Марсиллии, зигзаг в Витербре) они должны быть отнесены к голубой системе. Письменность же в Кумах (надписи начиная с VI в.) является собой классический пример красного варианта: *гамма* стандартна или скобообразна, *эта* изредка передает [ē], но чаще [h], прямой или косой крест в значении [ks], *ни* с укороченной ножкой, *коппа* регулярна, *ро* с дополнительным штрихом, *сигма* зигзагообразна или крюковидна (S), *хи* — три линии (подобно *пси* в других алфавитах). Поэтому именно кумский алфавит считается источником другой великой письменности — латинской. Ее история — это тема отдельной работы.

Приложение

ОБРАЗЦЫ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ [JEFFERY 1961].

I. «Зеленая» система: Тера

1a (i). (граффито на камне, конец VIII в.) *ιαὶ τον Δελτηρον ε Κριμον*
теде οιπηε παιδα Βαδικλεος αδελπηεον ‘Так, с Дельфинием Кримон здесь
совокупился, ребенком, племянником Батиклея’

1a (ii). (граффито на камне, конец VIII в.) *Θαρης Ανασικλης* (имена
собственные)

1b (i). (граффито на камне, конец VIII в.) *Ζευς*

1b (ii). (граффито на камне, конец VIII в.) *Βορεαος*

2. (граффито на амфоре, 700—650 до н. э.) *Δαμανις*
 3 (i). (надпись на каменной стеле, VII в. до н. э.) *ηαδια*
 3 (ii). (надпись на каменной стеле, VII в. до н. э.) *Επεοχλεα*
 3 (iii). (надпись на каменной стеле, VII в. до н. э.) *Ευανιο*
 5. (надпись на надгробье, ок. 600 г. до н. э.) *Ρεκονοο Αρχεαγετας Προκλης Κλεαγορας*
 6. (надпись на надгробье, начало VI в. до н. э.) *Νιροβας Νανος*
 9. (граффито на кубке, 600—650 г. до н. э.) *Τερπσια ημι ‘я (кубок) Терпсия’*
 12 (i). (стела и надгробье) *Εχετιμ[ος] Εχετιμ<ος>*
 12 (ii). (стела и надгробье) *Ανακοιβια*
 12 (iii). (стела и надгробье) *Εριπον*

II. «Красная» система

9. Кумы (надгробный камень, VI—V вв. до н. э.) *Δεμοχαριδος Ι εμι το[--] Δεμοχαριδος Ι εμι το[--] ‘я (могила) Демохарида’*
 11. -«»- (граффито на килике, 500—450 гг. до н. э.) *Ξενοφαντος εμι ‘я (чаша) Ксенофанта’*
 12. -«»- (надгробье, 500—450 гг. до н. э.) *ου θεμις ενδοιδα χεισθαι ι με τον βεβαχχευμενον ‘не должно лежать здесь не почтившему Вакха’*
 18—23 — алфавиты: 18 — на костяной табличе (700—650 гг. до н. э.), 19 — на бутыли в виде птицы (650—600 гг. до н. э.), 20 — на амфоре в виде птицы (650—600 гг. до н. э.), 21 — на бокале в виде птицы (650—600 гг. до н. э.), 22 (550—500 гг. до н. э.), 23 — утерянная надпись краской, предположительно 500—450 гг. до н. э.

III. «Голубая» система

Аргос

2. Бронзовая табличка (VII в. до н. э.) *τόνυφαλιο ιαδα ‘святилище (или — посвятительный дар) Ониала’*
 3. Бронзовый арибал (конец VII в. до н. э.) *Χαλκοδαμανς με ενεδεκε θνοι περικαλλες αγαλμα ‘Халкодамант меня посвятил обоим богам (Диоскурам), прекрасное изображение’ (гекзаметрический стих)*
 4. Мраморное подножье статуи: *Α τοι Β. α [Πολυ]μεδες εποιηε ηαργειος β αγαγον τοι δυοι ‘Полимед аргосец сотворил; привели двое [?]’*
 5. Подножье бронзовой статуэтки (590—570 гг. до н. э.) *Πολυχρατες αναδεκε ‘Поликрат посвятил’*
 6. Подножье бронзовой статуэтки (590—570 гг. до н. э.) *τοι φαναρον τοι Νιραχα ανεδεν ‘От владык Нираху посвящено’*

7. Каменная стела (ок. 575—570 гг. до н. э.) [τοιδε]ν ενι[ερα δαμιοφγοι εφιαλασσαντο· Ποταμος και Σφενελας προχεδαμιδαι και Χαρον πο Αρχεσιλαι και Αδραστας και πορθαληραζι και Κτετας πο Μιντονος και Αριστομαχος και Ιχονιδας ‘Эти девять демиургов’ правили: Потам и Сфенел (сыновья) Охедамида, и Харон (сын) Архесилая, и Адраст, и Ортагор, и Ктет (сын) Минтона, и Аристомах, и Ихонид’.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиев 1967 — Георгиев В. И. Към происхождениет на алфавитно письмо // Балканско езикознание. 1967. Т. 9.
- Граков 1928 — Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.
- Джаукян 1981 — Джакуян Г. Б. К интерпретации этеокипрской надписи // Известия АН СССР. СЛЯ. 1981. № 3.
- Джаукян 2000 — Джакуян Г. Б. Этeокипрский язык. М., 2000.
- Корпус Боспорских надписей 1965 — Корпус Боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. Л., 1965.
- Новосадский 1916 — Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. М., 1916.
- Сергеев, Цымбурский 1987 — Сергеев В. М., Цымбурский В. Л. О дешифровке этеокипрских надписей // Древнейшая эпиграфика античности и Ближнего Востока. М., 1987.
- Соломоник 1964 — Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса Таврического. Киев, 1964.
- Толстой 1953 — Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
- Тронский 1973 — Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973.
- Falkner 1947 — Falkner M. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets // Frühgeschichte und Sprachwissenschaft. Wien, 1947.
- Jeffery 1961 — Jeffery L. The local scripts of archaic Greece: A study of the Greek alphabet and its development from the eighth to the fifth century B. C. Oxford, 1961. P. 11—12.

⁷ Имя δημιουργός дословно ‘творец, ремесленник’. В дорийских же диалектах оно означает ‘руководитель, правитель’, одно из высших должностных лиц полиса.

- Larfeld 1914 — *Larfeld W.* Griechische Epigraphik. München, 1914. S. 214.
- Latyschev 1885—1901 — *Latyschev V. V.* Inscriptiones antiquae orae Ponti Euxini [Латышев В. В. Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье]. СПб., 1885—1901.
- Masson 1966 — *Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques. Paris, 1966.
- Ventris, Chadwick 1973 — *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Oxford, 1973.

2. СЛОВО И СМЫСЛ

ЯЗЫК БОГОВ, ЯЗЫК ЛЮДЕЙ, ИМЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИКЕ^{*}

I. В различных поэтических традициях индоевропейских языков имеются пласти слов, отнесенных поэтом к разным стратам. Чаще всего противопоставляются язык богов и язык людей. Особенно это наглядно проявляется в знаменитых «Речах Альвиса» в «Старшей Эдде». Здесь повествуется о том, что гном Альвис, имевший репутацию самого мудрого и многознающего на земле, собрался жениться на дочери бога грома Тора. Чтобы получить у него согласие на этот брак, он беседовал с будущим тестем о мироздании, называя различные его части так, как это принято у людей, богов (асов), великанов (ётунов, турсов), ванов¹ и троллей. Таким образом, у каждого из населявших скандинавский мифологический мир племен была своя система именований. Такой развитой системы, как в «Речах Альвиса», другие традиции не дают. Но оппозиция различных языков в них имеется [Güntert 1916].

Так, у Гомера противопоставлены язык богов и язык людей. Один и тот же предмет называется в них по-разному:

ðν Βριαρέων καλέοντι Θεοί, ἄνδρες δέ τε πάντες Αἰγαίων (Ил. I 403—404)
'Его все боги зовут Бриареем, люди же — Эгеем' (сказано о стору-
ком великане).

Этимология обоих имен относительно прозрачна. Имя *Βριαρέων*, очевидно, связано с прилагательным *βρίαρος* 'сильный', также с гlossenой: *βρία* ἐπὶ τοῦ μεγάλοῦ καὶ ἰσχυροῦ καὶ χαλεποῦ τίθεται (Hes.) 'б. применяется к большому, сильному и тягостному'. Далее этот же корень может присутствовать и в *βαρύς* 'тяжелый' (а также др.-инд. *gurūñ*, лат.

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Язык богов, язык людей, имя в индоевропейской поэтике // Критика и семиотика. Новосибирск, 2015.

¹ Ваны — добрые духи в скандинавской мифологии.

gravis). Причастие *αἰγαίων* дословно означало ‘волнующийся’; слово догреческого происхождения. Еще один контекст:

χαλκίδα κικλόσκουσι θεοί, ἄνδρες δὲ κύμηιδιν (Ил. XIV 291)
‘боги ее (птицы) называют халкидой, люди — киминдой’.

Здесь оба имени имеют прозрачную этимологию: *χαλκίς* ‘медная’ или ‘золотистая, блестящая’, *κύμηιδις* ‘шумная’. Первое слово имеет четкую греческую и индоевропейскую этимологию, второе относится к догреческому слою лексики.

Также упоминается, что у богов река именуется *Ξάνθος* (‘светлый, желтый’, ср. *ξανθός*), а у людей — *Σχάμανδρος* (имя догреческого происхождения), где греческая и догреческая основы распределены сходным образом. Впрочем, следует отметить, что этимологии, на которые ссылается Л. Г. Герценберг (сравнение *ξανθός* с лат. *catus* ‘седой’), спорны с фонетической точки зрения. Скорее всего, прилагательное *ξανθός* догреческого происхождения (с характерным суффиксом *-νθ-*), родственное *ξουδός* ‘желтоватый; сероватый’. Таким образом, можно говорить только о том, что «божественное» имя реки мотивировано в греческом, а «людское» — нет. Так же соотносятся «божественное» *Μιρίη* и «человеческое» *Βατεῖα*. Первое, по-видимому, связано с *μύρωμαι* ‘течь’, глагол, звукоподражательный по происхождению. Этимологические связи второго имени неизвестны.

Таким образом, слова из «языка богов» входят в исконный словарный запас греческого языка, тогда как в «языке людей» присутствуют догреческие лексемы, не всегда освоенные греческим. Это отражает, по-видимому, взаимоотношения греков-завоевателей и балканских аборигенов. Очевидно, язык последних, который мог быть родственным языку завоевателей [Откупщиков 1988], воспринимался как язык низшего слоя общества. Также заслуживает внимания то, что слова «языка богов» обозначают предмет по внешности и сути, а в «языке людей» они поименованы по случайным признакам или производимым звукам. Можно заключить, что «язык богов» именовал предметы по их основополагающим качествам.

II. В Авесте существует противопоставление лексики, используемой божествами ахурами (во главе с верховным Ахурой Маздой) и дьяволами дэвами (во главе с Ангра Манью). Всего существует около 30 пар, подробно рассмотренных в работе [Герценберг 1973]. Приведем самые характерные.

‘идти’ — ах. *i-* (общеиндоевропейское), дэв. *dvar-* (вед. *vṛkadvāras* ‘бегущий подобно волку’). «Дэвовский» корень означает дословно «бежать».

‘ходить’ — ах. *čar-* (< **k'el-*, др.-инд. *carati*, греч. πέλομαι и т. д.), дэв. *pat-* (др.-инд. *patati* ‘лететь; спешить’). Аналогично «дэвовский» корень обозначает более энергичное действие.

‘бежать’ — ах. *tak-* (др.-инд. *takii* ‘спешить’), дэв. *zbar-* (< **g'uel-* > др.-инд. *juhurti* ‘вести ошибочным путем’). «Дэвовская» лексика имеет пейоративный оттенок.

‘создавать’ — ах. *θwarəs-* (др.-инд. *tváśtar* ‘творец, создатель’), дэв. *karət-* (др.-инд. *kṛntáti* ‘резать’). Любопытно, что в основе «ахуровской» и «дэвовской» лексем лежат различные семантические мотивации. Корень **tuer-s-* означает ‘скимать, лепить’ (лит. *tvérti* ‘ограживать; хватать’; *tvirtas* ‘твёрдый’, *tvir̥is* ‘крепость’; слав. *творити*, *твърдь*). Иными словами, в «ахуровской» лексике «творить» ← «утверждать», в «дэвовской» ← «резать».

‘говорить’ — ах. *mrau-* (др.-инд. *bráviti*, русск. *молва*), *vaś-* (др.-инд. *vāśyate* ‘кричать’), дэв. *dav-* (нет установленной этимологии).

‘умирать’ — ах. *raēθ-* (гот. *af-leiþan* ‘уходить’, *bi-leiþan* ‘покидать, оставлять’, *galeiþan* ‘идти’), дэв. *mar-* (< и.-е. **mer-*). Здесь в «ахуровском» слове лексики произошла эвфемизация, тогда как в «дэвовском» сохранился первичный глагол.

‘есть’ — ах. *x"ar-* (др.-в.-нем. *swelhan* ‘глотать’), дэв. *gah-* (др.-инд. *ghásati* ‘поедать’). Не сыграла ли свою роль в переходе корня *x"ar-* в «ахуровскую» лексику созвучие с *x"ar-* ‘солнце’, *x"arna-* ‘свет, сияние’?

‘рождаться’ — ах. *zan-* (и.-е. **gēnə-*), дэв. *hav-* (и.-е. *su-*). Очевидно, здесь имеет место противопоставление «рождения» как социального акта, формирующего род (общи.-е. **gēnos-*), и рождения как чисто физиологического действия (ср. др.-инд. *sáuti*, *sunótí* ‘выжимать’).

‘ездить верхом’ — ах. *bar-* (и.-е. **b"er-* ‘нести’ → ‘ездить верхом’, только в иранских языках), дэв. *iriša-*. «Дэвовский» глагол Л. Г. Герценберг сравнивает, с одной стороны, с др.-в.-нем. *rīsan* ‘двигаться’, с другой (считая эту этимологию более убедительной) — с **leis-*, отраженном в *lešakah* ‘наездник на слоне’, лат. *līra* ‘борозда’, др.-в.-нем. *wagan-leisa* ‘след от телеги’. Если эта этимология верна, то «дэвовский» глагол означает «оставлять след».

‘голова’ — ах. *vagdāna-* (этимология неясна), дэв. *katərəda-* (*ku-murdhan < **melod-*-, греч. βλαδός ‘высоко растущий’). «Дэвовское» имя родственно и др.-инд. *murdhan* ‘лоб’. Возможно, оно представляется собой *pars pro toto*.

‘рот’ — ах. *ah-* (лат. *ōs*, *ōris*), *slāman-* (греч. *στόμα*), дэв. *zafar-* (**g̥t̥b̥-*). Тоже пример *pars pro toto*, так как этот корень представлен также в др.-инд. *jámbha* ‘зуб’ (также ‘глотка’), *jámbhate* ‘грызть, давить’. Примечательно, что в качестве *pars* присутствует самое экспрессивное имя.

Таким образом, можно сделать определенные выводы о принципах разделения на «ахуровскую» и «дэвовскую» лексику. К первой относятся корни со значением созидания, обозначающие сущность предмета. Во вторую включены корни с экспрессивным, «разрушительным» значением и указывающие на частные признаки предмета.

III. Противопоставление «языка богов» и «языка людей» считается очень важным в индоевропейской поэтике (см., например, [Елизаренкова, Топоров 1979]). Представляется, что это связано с представлением об особой сакральной роли языка. В частности, ряд свидетельств убеждает в том, что установление имен для вещей мыслилось как действие божественной воли. Миф этот существует в различных версиях. Так, в диалоге Платона «Кратил» говорится о том, что язык создали мудрые мужи — ономатотеты. Представленное в имени *ónomatoθétyς* сочетание основ **(H)pot̥* + **dheh-* относится к числу общеиндоевропейских формул: др.-чеш. *jme djéti* ‘называть имя’, хетт. *lamtan dai* ‘он называет имя’, вед. *nā́man dhā-* [Иванов 1964]. Но в Ригведе в качестве установителей имен выступают божества:

*tvesám śávo dadhire námo uajñiyam marúto vṛtrahám śávo
jyáyiṣṭham vṛtrahám śávah* (RV VI 48, 21)

‘Мощь несокрушимую, имя жертвенное Маруты установили, мощь, убивающую врагов, победоносную убивающую врагов мощь’.

Маруты — установители имени, которое выступает и как оружие. О гибельном для врагов имени говорится также в:

bibharti cāru īndrasya náma yéna viśvāni vṛtrā jaghāna (IX 109, 14)
‘несет он любимое имя Индры, которым всех врагов поражает’.

В Ригведе распространено сочетание имени с причастием *dádhānāḥ* *ná̄mat* ‘устанавливающий имя’: I 6, 4 (*dádhānāḥ ná̄ma uajñiyam* ‘(Маруты) устанавливающие жертвенное имя’); VI 44, 8 (Индра); VI 66, 5 (*ā ná̄ma dhṛṣṇū mārutiṁ dádhānāḥ* ‘установившие мощное имя марут-

ское'). Это сочетание характеризует главных божеств, в том числе для Вишвакармана (творца всего):

*yóḥ naḥ pitāḥ janitāḥ yóḥ vidhātāḥ dhātmāni vēda bhūvanāni viśvā
yóḥ devānām nāmadhāḥ ēka evā tām sampraśnām bhūvanā yanti anyā*
(X 82, 3)

'Кто нам отец и родитель, какой защитник ведает весь мир, все сущее, кто единый установитель имен для богов — к тому с просьбами все существа идут'.

Этот контекст ясно показывает, что установление имен по сути приравнивается к сотворению мира и управлению им. Поэтому и Богиня Речь (*vāc*) признается одной из важнейших в пантеоне — именно как одна из установителей имен.

bṛhaspate prathamām vācō ágram yát prairata nāmadhēyam dādhānāḥ
(X 71, 1)

'О Брихаспати, (это) первое деяние богини Речи, куда пришли достигнувшие установления имен'.

Попутно заметим, что богине Речи посвящен целый гимн (X 125), написанный от ее лица (но без упоминания ее имени). Вот несколько характерных стихов:

*ahám rudrébhīr vásubhīś carāmi ahám ādityáir utá viśvádevaiḥ
ahám mitrāváruṇobhā bibharmi ahám indrāgní ahám aśvinobhā
ahám sómam āhanásam āhám tváṣṭāram utá pūṣāṇam bhágam
ahám dadhāmi dráviṇam havíṣmate suprāvīye yájamānāya sunvaté*
(1—2)

'Я иду вместе с потомками Рудры, потомками Васу, потомками Адитьев и со всеми богами. Я несу обоих — Митру и Варуну, Инду и Агни, обоих Ашвинов. Я несу бурного Сому, Тваштара, Пушана и Бхагу, я творю богатство возливающему жертву, выжимающему Сому, жертвоприносящему, хорошо понимающему сказанное'.

*ahám suve pitáram asya mūrdhán máma yónir apsú antáḥ samudré
táto vi tiṣṭhe bhūvanānu viśvā utátmūm dyām varṣmáṇopā sprśāmi* (7)

'Я рожаю отца во главе (этого мира), мое лоно в воде, в море. Отсюда распространяюсь я по всем мирам, касаюсь макушкой неба'.

Речь выступает в этом гимне подлинной владычицей мира. Она не только сопутствует главным, основополагающим богам, выражаяющим всю полноту мира в индийской мифологии, но и управляет ими. Ее можно назвать оплодотворяющим началом вселенной.

В качестве установителей имен выступают и поэты-кави:

r̄ásya padám kaváyo ní pānti gúhā námāni dadhire párañi (X 5, 2)

‘Кави внимательно следят за положением Риты (меры, закона), они установили тайные древнейшие имена’.

Здесь появляется новое важное понятие: тайное имя. Ср. еще:

devó devánām gúhyāni námā ãviškymoti barhiṣi praváce (IX 95, 2)

‘Бог тайные имена богов открывает в пламени жертвоприношения’.

Тайное имя появляется в самых сакральных актах:

*düré tán námā gúhyam paracair yát tvā bhūtē áhvayetām vayodhai...
mahát tán námā gúhyam purusp̄g yéna bhūtám janáyo yéna bhávum
pratám játám jyótir* (X 55, 1—2)

‘Далеко-далеко скрыто имя то, что призывали (двою) в страхе пред тобой, чтобы оно послало им силы. Величественно это тайное имя, желанное для многих; ты сотворил им прошлое и будущее, создал первое царство света’.

Подобно тому как Речь выступает творцом мира, тайное имя служит орудием творения. Знающий тайное имя владеет сутью вещи. Поэтому тайное имя возникает при жертвоприношении:

*j̄śir vīprah puraelā jánānām r̄bhūr...
sá cis viveda nihitám yád āsām apīcyám gúhyam námā góñām* (IX 87, 3)

‘Прозорливец-поэт, вождь людей, Рибху (мудрец), он знал скрытое, самое заветное, тайное имя коров’.

yátra vētīha vanaspate devánām gúhyam námā látra havyāni gāmaya (V 5, 10)

‘Коли ты, владыка лесов, знаешь тайное имя богов, снизойди на жертвенные возлияния!’

*...ghṛtásya náma gúhyam yád ásti jihvā devánām amṛtasya nábhiḥ
váyam náma prá bravámā ghṛtásyāśmin yajñé dhārayámā námobhiḥ*
(IV 58, 1-2)

‘Раз сокровенно имя жертвенного возлияния (тука), язык богов и самая суть напитка бессмертия, — мы возгласим имя возлияния! В этом жертвоприношении (тука) мы утверждимся славою’.

Итак, тайное имя становится явным при возлиянии жертвенного тука. Это отчасти напоминает иудейский обычай, согласно которому имя Бога не может быть произнесено; мирянам доступна только консонантная запись YHWH (поэтому правоверный иудей может писать только так: *B-g*). Произнести его с огласовкой может только первосвященник раз в год, зайдя в самое отдаленное помещение храма, именуемое *святая святых* (в остальное время вход туда запрещен и ему).

Представляется, что ведийские контексты проясняют происхождение оппозиции «языка богов» и «языка людей». У индоевропейцев, как и у нудеев, существовало представление об именах сакральных, связанных с божественной сферой, и именах профаных. Первые являются своего рода ключом к тайнам мироздания. Их устанавливает верховное божество, и владение ими равносильно управлению миром. Вторые относятся к сфере исключительно человеческой жизни, их могли установить и люди для собственных нужд. Миф о божественных именах реципировался в Ригведе, о человеческих именах — у Платона. А оппозиция сакрального и профанного имени сформировала представление о языке богов и языке людей, создав своеобразную диглоссию.

ЛИТЕРАТУРА

- Герценберг 1973 — *Герценберг Л. Г.* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1973.
- Елизаренкова, Топоров 1979 — *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Древнеиндийская поэтика как отражение общеиндоевропейской // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979.
- Иванов 1964 — *Иванов Вяч. Вс.* Миѳ об установлении имен у Платона и его параллель в Ригведе // Индия в древности. М., 1964.
- Откупщиков 1988 — *Откупщиков Ю. В.* Догреческий субстрат. Л., 1988.
- Güntert 1916 — *Güntert G.* Die Sprache der Götter und die Sprache der Menschen. Wiesbaden, 1916.

СЛОВО, РЕЧЬ, ЯЗЫК, СМЫСЛ: ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ*

1. Синхронное состояние языка — это не более чем удобная для исследователя абстракция. Как и любая открытая система, язык не равен сам себе. Можно говорить лишь о том, что в языке существуют возобновляемые и невозобновляемые процессы. Изменение в любой языковой единице (от фонемы до синтаксемы) — это потеря ею, полностью или частично, своей возобновляемости. Такая потеря со временем касается всех единиц языка. Мышление же значительно менее изменчиво в пространстве и времени, чем язык. И различные формы выражения мысли, существующие в различных языках, указывают не на разное мышление их носителей, а лишь на разные представления, им свойственные. Поэтому отношение языка и мышления антагонично: сравнительно стабильны типы мышления¹ и бесконечно вариативны в пространстве и времени формы их выражения. Напротив, концепты и их системы² гораздо теснее связаны с лингвокультурной традицией. Они открываются именно в формах выражения мысли. И основной инструмент их исследования — диахронический, в частности этимологический анализ. Таким образом, исследование понятийных категорий, запечатленных в языке, всегда требует обращения к истории языка, в которой и раскрываются единые законы мысли через разнообразие слов.

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Слово, речь, язык, смысл в индоевропейской перспективе // Язык в зеркале языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2000.

¹ О различных типах внеязыкового и языкового мышления см. [Серебренников 1988]. См. также [Кривоносов 1993] о взаимоотношении языкового и внеязыкового мышления.

² Системы концептов иначе могут быть названы концептуализированными областями (термин предложен С. Г. Прокуриным; см., напр., [Степанов, Прокурин 1993]).

2. Итак, обратимся к этимологическому анализу слов, составляющих поле говорения в индоевропейских языках.

2.1. Для имени *слово* находится много однокоренных как в славянских, так и в других индоевропейских языках. Пофонемно и поморфемно с ним совпадают др.-инд. *śrāvas* и греч. *χλέος* ‘слава’³; также *слоути*, *слоухъ*, *слышати*, *слюшати*, др.-инд. *śrmotí* ‘слышать’, греч. *χλύω* ‘то же’, *χλεινός*, *χλειτός*, *χλитός* ‘знаменитый’, лат. *inclusus* ‘то же’. Но, как неоднократно отмечалось, слав. *слово* отличается от большинства его соответствий тем, что означает не столько «слышное», сколько «произносимое» [Степанов 1994; 1997: 250]. Корень **klu-* приобрел сходное значение в литовском: *kláusti* ‘спрашивать’ при *klausýti* ‘слушать, слышать’ (ср. лтш. *klausit* ‘прислушиваться’, др.-прусс. *klausiton* ‘слушать’, также лит. *nuodemklausys*, др.-прусс. *klausivinks* ‘исповедник, духовник’ < ‘слушающий’), Ю. С. Степанов рассматривает этот корень в рамках трех фаз действия и состояния, предложенных Г. Кёлльном [Kölln 1969: 43]: 1 фаза (стремление к критической точке): русск. *славить*, лит. *kláusti* (3 л. ед. ч. презенса *kláusia*, претерита *kláusē*); 2 фаза (критическая точка): лит. *klüsti* (*klüsta*, *kluso*) ‘становиться послушным’, *слушать, слышать*; 3 фаза (состояние после критической точки) — *klausýti*, *слыть* [Степанов 1994: 13—15; 1997: 247]. Нам представляется, что эта в общем правильная модель нуждается в дополнениях. Ведь очевидно, что *слыть* и *слушать, слышать* различаются не только отношением к «критической точке». Для того чтобы адекватно представить эту разницу, надо сказать несколько слов о механизме говорения—слушания. Мы полностью разделяем мнение Ю. С. Степанова [1994: 15] о том, что этот механизм есть по сути обмен словами между говорящим и слушающим, причем слово выступает в качестве самостоятельной сущности, мало зависящей от участников обмена. (Ту же мысль можно выразить в терминах Р. О. Якобсона о триедином акте коммуникации, включающем в себя передающего, адресата и код [Якобсон 1985: 375—381].) Если отношение между предикатами, характеризующими дающего и данное, — это отношение актива и пассива, то отношения дающего и получающего несколько сложнее. Ведь процедура передачи подразумевает наличие непассивного бенефактива. Поэтому отношения соответствующих глаголов не залоговые: лат. *vendere* ‘продавать’ — *emere* ‘покупать’,

³ И.-е. *-eio-* превращается в славянском в *-ово-*, ср. **neios* (греч. *νέος*) — новь; первичный тембр, по-видимому, сохранился в *nevěsta* < **neu-iued-ia* «ново-приведенная».

dare, donare ‘давать, дарить’ — *capere, percipere* ‘брать, получать’. Попутно заметим, что так называемый супплетивный пассив в греческом обнаруживает несомненную связь с ситуацией передачи: *διδάσκω* ‘учить’ (= ‘передавать знания’) — *μαθάνω* ‘учиться’ (= ‘получать знания’), *ἀποκτείνω* ‘убивать’ (= ‘приносить смерть’) — *ἀποδιήρκω* ‘умирать’ (= ‘получать смерть’). Ср. сходные отношения в хеттском: глагол *aki* ‘умирать’ выступает как пассив при *kuenzi* ‘ударять, убивать’. Все эти явления отражают потенциально коммуникативный характер подобных глаголов, когда реципиент выступает не как пациент.

Глаголы дарения могут образовать не трех-, а двухактантную конструкцию, где имя реципиента выступает как объект, а имя даримого — как сирконстант. Ср.: *я подарил ему шубу* — *я одарил его шубой*. Нечто аналогичное есть в латыни: *donare alicui aliquant rein* => *donare aliquem aliquam re*. Изучивший это явление в русском языке Ж. Веренк [Veyrenck 1971] показал, что первая конструкция соответствует концепту «быть» (А дает В С => У В есть С), а вторая — «иметь» (А одаряет В С => В имеет С). В этом случае реципиент и выступает как формальный пациент.

Verba dicendi тоже могли образовывать трехактантную структуру, но существенно отметить не только их сходства, но и отличия от глаголов дарения. Это связано прежде всего с особым характером предмета передачи. Ведь здесь, собственно, передается не предмет как таковой, а информация; следовательно, имя может быть развернуто в сообщение (*он написал статью* => *он написал о том, что...*), реализующееся как прогозиция при пропозициональной установке. Это обстоятельство, во-первых, делает третий актант (реципиент) не обязательным, во-вторых, не допускает перифраза с переводом имени реципиента в субъект пассивной конструкции. Ведь информация не отчуждается от того, кто ее сообщает⁴. И из высказывания *я сказал тебе слово* не следует *у тебя есть* или *ты имеешь слово*. Можно, конечно, построить результатив *ты знаешь слово*; но знание — это не только индивидуальное обладание. Далее, процесс восприятия информации не менее активен, чем процесс ее передачи. И предикат говорения находится в диатезных отношениях с предикатом «воспринимать» и «быть воспринимаемым». Поэтому в данном случае целесообразно

⁴ Передающий информацию не отчуждает ее от себя. Эта мысль блестяще выражена в афоризме, приписываемом Дж. Б. Шоу: «Если мы обменяемся яблоками, у каждого из нас будет по яблоку; если мы обменяемся идеями, у каждого из нас будет по две идеи».

строить трехфазовые модели по двум рядам: I (1) «говорить, издавать звук»; (2) «слушать»; (3) «слушать»; II (1) «говорить, издавать звук»; (2) «стать слышным, сообщенным»; (3) «быть слышимым, сообщаемым». В языковом выражении это будет выглядеть так: I (1) *славить*, *kláusti*, др.-инд. *çraváyati*; (2) *kláuse*; (3) *klausýti*, *слушать*, *слушать*; II (1) *славить*, *kláusti*, *çraváyati*; (2) *klùso*, *прослыть* (ц.-слав. *слыти*, словл. ‘быть известным’); (3) *klùsti*, *слыть*. Суффикс *-e-, присутствующий в глаголах *слушати*, *слушати*, вообще характерен для глаголов 3 фазы: *típti* ‘садиться’ — *tupéti* ‘сидеть’. В родственных языках сходные варианты корня занимают те же позиции, ср. греч. *χλίω*, аорист *ἔχλιον* ‘слушать’, лат. *clueo* ‘то же’. Эти глаголы характеризуются $\emptyset$ ступенью корневого вокализма, а латинский глагол — также и стативным суффиксом *-e-.

Таким образом, значения глаголов данного корня в общем строго соответствуют их морфологическим характеристикам. Но возникает следующий вопрос: почему ц.-слав. *слово* и лит. *kláusti* по значению отошли от значения ‘слушать / слушать’, характеризующего другие дериваты корня **kleu-*/*klu-*. По-видимому, это следует объяснять сигматическим характером данных производных корней. Сигматический суффикс, обозначая единичность действия, спорадически приводил к транзитивизации основ, ср. греч. *ἐβῆσα* ‘я отправил’ — *ἐβῆν* ‘я пошел’, ц.-слав. *вась* ‘я завязал’ — *вlezь* ‘я увяз’. Кроме того, сам корень **kleu-* произведен от корня **kel-* ‘звать’ (звукоподражательного по происхождению): ср. греч. *χέλομαι*, *χελεύω*, *χαλέω*, лат. *calare*, с другим детерминативом — *clamare*. К тому же корню, очевидно, относится и русск. *колокол*, поскольку же ономатопеи отличаются вариативностью своей фонетики, то, возможно, — и ц.-слав. *глаголь*. И некоторые рецепции производного корня **kleu-* могли сохранить именно это старое значение⁵.

Итак, ц.-слав. *слово* выступает как порождение двух основных актов речевого общения: говорения и слушания. Слово — это нечто высказанное, звучащее и при этом требующее адресата. Русское *слово* означало также ‘рассказ, сказание’ (*Слово о полку Игореве*), обращение (*слово к учащимся*).

⁵ По-видимому, здесь проявляется общий закон, отмеченный, в частности, Е. Куриловичем: производные основы (в данном случае **kleus-*) часто сохраняют более древнюю семантику, чем непроизводные (в данном случае **kleu-*). Ср. [Kurylowicz 1977: 30].

2.2. Рассмотрим другие индоевропейские слова со значением ‘слово’.

2.2.1. В северном и западном ареалах существует этимон **uerdhom*: лат. *verbum*, гот. *waurd*, нем. *Wort*, англ. *word*, лтш. *varda*; сюда также относится лит. *var̄das* ‘имя’. Это имя образовано от глагола **uer-*⁶:ср. греч. ἐρέω ‘говорить’, хетт. *uerii-a-* ‘звать’, *uar-* — частица косвенной речи. Ряд гомеровских контекстов обнаруживает специфический оттенок значения данного глагола:

τὰ δὲ τοι ὑμέρτα εἴρω (Од. 11, 137) ‘говорю тебе безошибочно’ (пророчит предсказатель Тиресий Одиссею);

αὶ δ' ἄλλαι ψυχαὶ εἴροντο δὲ κήδε' ἐκάστη (Од. 11, 542) ‘иные души возглашали жалобы каждая’;

ἴμέων ἀνδρὶ ἐκάστῳ ἐφίέμενος τὰ δὲ εἴρω (Од. 3, 7) ‘я говорю, убеждая, каждому мужу из вас’.

Иными словами, значение данного глагола — не просто ‘говорить’, а скорее ‘обращаться’, а также ‘предсказывать, говорить о будущем’. И значение корня **uer-* можно реконструировать именно как «обращаться; говорить нечто важное». От первичного глагола *εἴρω*, *ἐρέω* образован производный глагол *ἐρωτάω* ‘спрашивать’ (через незасвидетельствованное имя **ερωτης*), также реализующий этот семантический оттенок. В славянском этот этимон представлен глаголом *врать* и его производными. При этом следует отметить, что пейоративное значение данного глагола (‘лгать, говорить неправду’) довольно позднего происхождения. У Барсова приводится пословица *не все ври, что знаешь*⁷, ср. также: *а прислушайся, что врет, и что его вздора* (Кантемир, Сатиры, XI). Таким образом, глагол *врать* означал скорее ‘болтать, говорить (то, что не должно)’. Но и это значение не первично. Производное *врач* (в сибирских диалектах — ‘лгун’) в болгарском и сербохорватском значит ‘захарье, колдун’ (с.-хорв. также ‘предсказатель’), *врачар* в сербохорватском также ‘колдун’. Иными словами, *врать* — ‘заклинать’, *врач* — ‘тот, кто лечит заклинаниями’. Следовательно, праслав. **у́ра-* обозначало словесную магию,

⁶ Элемент **-dh-* в данном этимоне можно рассматривать не как детерминатив, а как полноценный суффикс, чередующийся с **-t-*. Ср.: *ghordhos* (русск. *город*, гот. *gards*, лит. *gaῆdas*) / **ghortos* (греч. *χόρτος*); **pa-dhlot* (лат. *ravulum*) / **po-tlom* (лат. *rosulum*). Иными словами, **uordho-* — это страдательное отглагольное прилагательное: ‘говоримое, позванное’.

⁷ Цит. по [СРЯ XVIII, 4: 125].

которая использовалась и при лечении (наговоры и т. д.). В процессе вытеснения славянского язычества произошла пейоративизация значительных пластов лексики [Успенский 1994], в результате чего глагол ‘колдовать словом, предсказывать’ получил новое значение ‘говорить недолжное, лгать’.

2.2.2. В греческом существуют три основных слова: *μῆδος*, *λόγος* и *ἔπος*. Производные от всех них сыграли важную роль как культурные термины; однако их первичное значение довольно сильно отличается от запечатленного в этих терминах. Все три слова впервые появляются у Гомера⁸. Наиболее точно эквивалентно русскому *ἔπος*. Оно означает именно ‘слово, рассказ’, а также ‘речь’. Часто встречается формула *ἔπεια πτερούειται προσηγόρια* ‘вымолвил крылатые слова’. Здесь имеется в виду именно двуплановость слова как единства сказанного и услышанного: «крылатые» — перелетающие от говорящего к слушающему. Имя *λόγος* имеет специфическое значение: ‘слово, используемое в словесной магии’:

τόφρα δ' ἐνὶ κλισίῃ ἀγαπήσας Εὐφυπιλάο / ἦστο καὶ τὸν ἔτερον λόγοις
ἐπὶ δ' ἔλκει λυγῷ / φάσμακ' ἀκέσματ' ἐπάσσει... (Ил. 15, 392—4) ‘тогда он сидел в шатре мужественного Эврипила, услаждал его сладкими словами, прикасав к тяжелой ране целебные лекарства’;

αἰεὶ δὲ μαλαχοῖσι καὶ αἰμιλίοισι λόγοισι / θέλγει, ὅπως Ἰθάκην ἐπιλήσσει (Од. 1, 56—7) ‘все время чарует сладкими словами, чтобы принудить его забыть Итаку’.

Совсем иное значение у слова *μῆδος*: *ἀλλ' ἔχετ'* *ἐν φρεσὶ μῆδον*, *ἐπείγετε δ' ὄνον ὄδαῖον* (Од. 15, 445) ‘но удержите слово в душе и скорее продайте товар’. Здесь *μῆδος* означает скорее ‘воздражение’, т. е. определенное устремление духа, если можно так выразиться, активное начало человеческой души. Иногда же *μῆδος* означает просто ‘душа, дух’: *καὶ μὲν μεῦ βουλέων ξύνειν, πείθοντο δε μῆδῳ* ‘и подошли они ко мне, подчинились душою’. Но в других случаях *μῆδος* означает просто ‘слово’: *ἀλλ' ἤγε δεῖφο, ἄναξ, ἵνα ἔπος καὶ μῆδον ἀκούσῃς* (Од. 11, 561) ‘давай, владыка, выслушай слово’. Впрочем, можно предположить, что в данном контексте *ἔπος* и *μῆδος* различаются как ‘слово’ (внешнее оформление речи) и ‘смысл’ (внутреннее содержание речи). Кроме того, *μῆδος* мо-

⁸ В микенском греческом представлен только глагол *pasi* = *φασι* (*φησι*) ‘говорить’, в данном идиолекте — ‘предписывать’. Об этимологии глагола см. ниже.

жет означать и ‘речь’ в формуле ἀπείρητο μάθω ‘сменил речью’, т. е. ‘сказал в ответ’. Значение же ‘история, рассказ’ появляется не раньше Платона и Аристотеля. Имя λόγος в послегомеровскую эпоху существенно изменило свое значение. Оно стало обозначать не только ‘слово’, но также и ‘идею, причину’, а также ‘суждение, определение, основание, категорию, счет’ и т. д. (всего около 40 значений). Ср. такие производные, как λογικός ‘относящийся к процессу рассуждения’, λογία ‘наука’. Философское истолкование этого имени впервые предпринял Гераклит, находивший в природе системообразующий принцип «сущую речь, слово» (*λόγος ὁν*), познание которого равносильно познанию мира. Логос Гераклита — вечен (*ἀεὶ ὁν*), поэтому он сопоставим с Веком (*ἄιών*), т. е. с временем существования мира⁹, временем его актуальности (ср. Diels-Kranz, fr. B 1). Дальнейшее развитие этот концепт получил у Филона Александрийского. В его учении Логос выступает как посредник между невысказанным божеством и бесформенной материей. Это воплощенный смысл бытия, открывающийся прежде всего жрецу и пророку. Учение Филона было воспринято христианами и гностиками. Логос стал отождествляться с сыном Божиим. Поэтому в Евангелии прямо упоминается, что известия об Иисусе распространялись среди «слуг Слова» (*οἱ θεοφάνουτες τῷ λόγῳ*, Лк 1, 3). Особенno показателен первый стих Евангелия от Иоанна: ‘Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ ὁ λόγος ἦν ὁ Θεός ‘в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог’. Следует, впрочем, заметить, что на развитие христианского термина мог оказать влияние возможный древнееврейский или арамейский оригинал. Ср. перевод этого предложения на древнееврейский: *Berešit haiaħ hađebar vo hađebar haiaħ ‘at hi ‘ulahāim haiaħ hađebar*. Др.-евр. *debar* означает не только ‘слово’, но и ‘дело’. Евангельское λόγος обозначает единство слова и дела. Тем самым уже здесь решена антиномия, обозначенная

---

⁹ Если говорить точнее, то Гераклит отождествляет логос с Эоном по принципу противоположения: «Гераклит говорит о том, что все делимое неделимо, рожденное нерожденно, смертное бессмертно, Слово — Эон, Отец — Сын, Бог — справедливость: “Выслушав не мою, но эту вот речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать всё как одно”» (Ипполит, Оправдание всех ересей, IX, 9, 1; цит. по: [Лебедев 1989: 199]). Единство во многом — одна из самых привлекательных научно-философских идей, развивавшаяся Платоном в «Пармениде», Николаем Кузанским, Декартом — вплоть до структуралистов и Н. Хомского. Как видим, в своих истоках она тесно связана с концептом слова — Логоса.

в «Фаусте» Гёте: «В начале было Слово» vs. «В начале было Дело». Ср. в этой связи: «Слова суть дела» [Витгенштейн 1994: 546]. Иными словами, отдаленное предвосхищение теории речевых актов можно видеть на стыке античности и христианства. В этой связи надо подчеркнуть, что общепринятый перевод евангельского текста «в начале было слово», *искони бѣ слово, in principio erat verbum* не вполне точен. Возможно, наиболее адекватная интерпретация была бы такой: **В начале была Идея**¹⁰.

Связаны ли значения этих слов с их этимологией? До некоторой степени связаны. Происхождение имени *λόγος* вполне прозрачно. Это абстрактное имя от глагола *λέγω* ‘собирать, говорить’. Слово мыслится как нечто отобранное, собранное из звуков, избранное из себе подобных. Его непосредственным аналогом является лат. *lego* ‘собирать, читать’, а также *lex* ‘закон, правило’. Данное имя относится к разряду корневых атематических, объединяющих в себе идею деятеля, действия и результата [Krasuchin 1996]. Закон — это одновременно нечто упорядоченное, упорядочивающее и процесс упорядочения. (Как отмечает М. Бартошек [1989: 178—179], поначалу понятие *lex* обозначало любое правило, которое римский гражданин устанавливал для себя, в том числе завещание, договор, и лишь затем становился общим предписанием.) Ср. некоторые высказывания римских юристов:

Lex est quod populus iubet atque constituit (Gaius, 1, 3) ‘закон есть то, что народ велел или постановил’;

Lex est generale iussum populi aut plebis rogante magistratu (Capito apud Aul. Gel. Noct. Att.) ‘Закон есть общее решение народа или шлебса (т. е. народа без патрициев. — К. К.) по запросу должностного лица’;

Lex est commune praeceptum, virorum prudentium consultum... communis rei publicae sponsio (Papinian, D., 1, 3, 1) ‘Закон есть общее решение, совет мужей мудрых (т. е. имеющее силу закона постановление юристов), обязательство всего государства’.

В этих определениях хорошо чувствуется двойственная природа закона — одновременно действия, субъекта и объекта (решение — решавший — решенный). Напротив, баритонное тематическое имя *λόγος* обозначает именно процесс / результат действия (его персонификация — позднее явление). Именно поэтому у Гомера оно означает слово, с помощью которого говорящий пытается воздействовать на

¹⁰ Предложено в беседе с автором этих строк проф. И. Г. Добродомовым. См. также [Белецкий 2013].

собеседника. Это именно человеческое, а не данное богом слово, поэтому оно иногда получает негативную оценку.

Имя *μῆδος* репрезентирует и.-е. **mēidh-*, означающее ‘стремиться’ (др.-инд. *mudhate* ‘стремиться, страстно хотеть’), ‘безуспешно жаждать’ (лит. *maūsti* ‘ныть, тосковать’), но также и ‘думать, размышлять’ (слав. мысль < **mudh-dhli-*). Иными словами, упомянутый корень обозначал концепт, близкий к философскому понятию интенции¹¹, внутреннего эмоционального или рационального напряжения, которое может найти воплощение в слове. С этим соотносятся и философские толкования мифа: миф — развернутая магическая история имени (А. Ф. Лосев) [Лосев 1990]: развернутая — так как несет в себе полное исчерпание семантических потенций, заложенных в имени, магическая — так как безрефлексивная; миф — ни истинное, ни ложное непосредственное переживание события (Н. Бердяев); миф — стереотип сознания (чаще массового), неподконтрольный рефлексии. В таком понимании в мифе обязательно присутствует идея интенции, душевного напряжения.

Имя *έπος* — это сигматическая форма от корня **ieḱ-*, представленного также в *ὅψ*, *ὅστα* ‘голос’, аористе *εἶπον* (< *eF-eipou), презенсе *ϝεῖπω, сохранившемся в префиксированном *εὐ-ϝεῖπω*, а также в др.-инд. *vákti*, *vivákti* ‘говорить’, редуплицированный аорист *άνοσατ*, пофактно совпадающий с греч. *εἶπον*, др.-инд. *uas* ‘голос, богиня речи’, лат. *vox* ‘голос’. В отличие от лат. *vox*, греческое *έπος* обозначало не процесс, а единичную сущность. Впрочем, следует заметить, что у лат. *vox* тоже появилось значение ‘слово’. Оно фиксируется у римских грамматиков, у которых *verbum* как калька греч. *εργά* стало означать именно ‘глагол’ (в противопоставлении *όνομα*, лат. *nomen*). Из прочих дериватов этого корня необходимо отметить слав. *вещь* < *ieḱ-tis, этимологически — «высказанное». «Вещь», таким образом, — это нечто произносимое, т. е. освоенное языком и мыслью. Понимание вещи именно как вещи — это ментальный и обусловленный им речевой акт. Ср.: «Имя поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание, осмысливает ее — однако не внося решительно никаких иных способов оформления вещи, кроме тех, которые в ней самой содержатся» [Лосев 1993: 817]; «Вещь имеет смысл. Смысл оформляется в определенное понятие. Понятие оформляется в выражение. Выражение

¹¹ Ср. определение интенсивности психического состояния у А. Бергсона: интенсивность есть вовлеченность в чувствование возрастающего количества душевных состояний [Бергсон 1994].

делается словом» [Лосев 1993: 831]. Таким образом, в этимологии могут находить поддержку достаточно сложные философские идеи и концепты. Нетрудно увидеть в вышеизложенном также параллель деятельностной, энергейной теории языка Гумбольдта.

3. В хеттском к семантическому полю говорения относятся, помимо упомянутого *ueria-*, также *halzai* ‘звать’ (корень, не имеющий индоевропейской этимологии, возможно, звукоподражательный по происхождению), *tetai* ‘говорить’, однокоренное *tetlias* ‘слово’, а также *ittar* ‘слово’. Глагол *tetai* и имя *tetlias* производны от корня **te-* ‘думать, мерять, считать, измышлять’, представленного бесчисленными дериватами в следующих вариантах. 1) **teh-*: греч. *μήδομαι* ‘думаться’, *Προφητεύς* дословно — ‘провидец’, *μῆτις* ‘наука’; 2) **ten-*: греч. *μάντις* ‘пророчество’, *μανία* ‘безумие’, *μέμονα* ‘желать’, *μέμαα* ‘стремиться’, лат. *mens* ‘дух’, *memini* ‘вспоминать’ (пофонемно соответствует греч. *μέμαα*), др.-инд. *mányate* ‘думает’, *matih* ‘мысль’, лит. и слав. имена той же структуры: *mintis* ‘мысль’, *память* (*mn-tis); 3) **ter-*: греч. *μείρομαι* ‘мерять’, *μοίρα* ‘судьба’ (как нечто заранее отмеренное в противоположность *τύχη* ‘случай’). Заметим, что глагол *μέμαα* не вполне однозначно этимологизируется: он может представлять также вариант **teh-*. Во всяком случае очевидно, что он представляет собой редуплицированный перфект с нулевой степенью корня. Такой перфект противостоит перфекту со степенью *o*, представленному в форме *μέμονα*, которая может отражать более архаичное *μονα [Bader 1968]. Ступень *o* характеризует интровертное значение формы [Pulleyblanc 1965]; нулевая ступень иногда указывает на то, что процесс или действие существенно меняется во времени. Ср. др.-инд. *śobhae* ‘блестеть’ — *śumbhāti* ‘начинать блестеть’, греч. *τείχω* ‘строить’ — *τυγχάνω* ‘случаться’, *τείχω* ‘строить’ — *διγγάνω* ‘касаться’. Соответственно *μέμοна* ‘желать’ и *μέμαα* ‘стремиться’ противостоят как глагол внутреннего состояния и глагол внешнего проявления этого внутреннего состояния, развертывания его во времени. Следовательно, для этого корня мы можем восстанавливать следующую подсистему перфектов: *μοна (< *mon-he) ‘думать, размышлять, замышлять’ vs. *μέμαα* (< **te-mn-/te-mh-he*) ‘стремиться, стараться осуществлять желание’. Одним из внешних проявлений мысли является слово¹². Именно поэтому хеттское *tetai*, пофонемно совпа-

¹² Здесь, конечно, нет возможности подробно обсуждать один из вечных вопросов философии — о связи языка и мышления. Автор полностью разделяет мнение Б. А. Серебренникова о возможности авербально-

дающее с греч. *μέμαα*, приобрело значение ‘говорить’. Развитие знаний «слово» → «вещь» вполне закономерно, см. этимологию слав. *вещь*. Связь понятий ‘мысль’ и ‘вещь’ также прослеживается как на концептуальном, так и на этимологическом уровне. О первом см. выше приведенные цитаты из А. Ф. Лосева, второй наглядно проявляется в этимологиях германских слов со значением ‘вещь’. Нем. *Ding*, англ. *thing* < **len-gh-* ‘тянуть’ (ср. слав. *тлага*, *тянуть*); с несколько другим детерминативом — нем. *denken*, англ. *think*; ср. оск. *tan-ginom* ‘суждение, постановление’, др.-исл. *þing* ‘суд’, а также др.-англ. *þing* ‘время’. Понятно, что время и вещь мыслятся как протяженность, мысль же и суждение — это напряжение.

Хетт. *uttar* восходит к и.-е. **uet-/uat-*, представленному также в лат. *vates* ‘пророк, вешний певец’, ср. глагол *vaticinor* ‘прорицать’ и имя римского бога, дарящего младенцу членораздельную речь, — *Vaticanus*, этимологически — ‘поющий песнопения’ (в честь него назван один из семи холмов Рима), а также имя германского бога *Walan*, сканд. *Odin*; сюда же — нем. *Wut* ‘ярость’. Довольно многочисленны дериваты этого корня в славянских языках: *вѣтий* ‘пророк’, russk. *вития*, также *завѣть*, *при-вѣть*, *со-вѣть*, *об-ѣть*, укр. *повіт* ‘суд’, *заповіт* ‘завещание’. Все это слова, относящиеся к высоким сферам лексики — правовой и сакральной (в конечном итоге обе сферы были, по-видимому, идентичны [Иванов, Топоров 1978]). Очевидно, значение корня **uet-* следует определять так: ‘магическое слово, используемое в заговорах и пророчествах, слово как посредник между богом и человеком’. Сходное значение, как было показано выше, приобрело греч. *λόγος*. Корень **uet-* проделал ту же эволюцию значительно раньше.

Отметим особенности значения у хетт. *uttar*. Контекст: *nussan ANA 'Duppi-Tessup-as idalu uttar ANA KUR-SU nasma ANA URU^{AS.HIA}-SU arnummas uttar... takkiszi* (М.-Д.-Т, II, 34—35) ‘и если оно (войско) злое дело против страны, против Дуппи-Тешшуба если дело захвата против городов сотворит...’ Ясно, что *uttar* здесь интерпретируется не как ‘слово’, а именно как ‘дело’. Возможно, такой перенос значений произошел не без влияния семитского адстрата. Ср. вышеупомянутое др.-евр. *debar*, а также аккад. *anatu* с тем же значением ‘слово; дело’.

го мышления (см. работы, упомянутые в сносках 1). Но очевидно и то, что любая мысль потенциально воплощается в слове. И только реализация этой потенции может делать мысль доступной другому.

Перейдем к другим словам (именам и глаголам), относящимся к полю говорения.

3.1. Ц.-слав. *rѣшь*, russk. *речь* < *rek-tis, отлагольное имя от *reku*. По значению ближе всего стоит тох. А *rake*, тох. В *reki* ‘речь, слово’. Далее этот корень сравнивается с одной стороны с др.-инд. *racāyati* ‘приводить в порядок, делать, создавать’, гот. *rahñjan* ‘считать, полагать’ (ср. нем. *rechnen*), *ga-rehsns* ‘решение, определение’, др.-исл *regin* ‘боги’, с другой — с лит. *rēkti* ‘кричать, реветь’, лат. *raccare* ‘рычать’. Вероятно, следует предположить следующую эволюцию значений данного корня. Вероятно, по происхождению он был звукоподражательным (ср. сходный набор фонем в и.-е. **reug-/rug-/ruk-*: греч. ἐρεύθομαι, лат. *rugire*, russk. *рычать*). Затем появляется новое значение «говорить, изъясняться членораздельно» → «считать, решать, упорядочивать» → «творить (так сказать, вносить космос в хаос)» → «быть демиургом». Ср. семантический переход «говорить» → «считать»: англ. *tell* ‘говорить’, *talk* ‘рассказывать’, нем. *erzählen* ‘рассказывать’, но *Zahl* ‘число’. Значение сакральности несет и русский корень *рек-*: *рок* ‘судьба’ (нечто высказанное и/или расчисленное); ср. лат. *fari* ‘говорить’ — *fatum* ‘судьба’.

3.2. Принципиально иная модель лежит в основе слав. *biaatti* ‘говорить’, от которого производны *басня* (‘вымыщенная) история’, а также *балии* ‘врач’ (т. е. ‘заклинатель’). Уже характер этих производных позволяет полагать, что глагол *баять* должен иметь два основных значения: 1) ‘говорить’; 2) ‘выдумывать’. Кстати, такие производные от этого корня, как *обаять, обаяние*, еще в прошлом веке означали не ‘очарование’, а ‘обман’:

Добрый папаша! К чему в обаянии // Умного Ваню держать?
(Н. А. Некрасов. Железная дорога);

Диалектик обаятельный, // Честен мыслью, сердцем чист! // Помню я твой взор мечтательный, // Либерал-идеалист! (Он же. Медведь охота¹³).

Непосредственные аналоги данного корня — упоминавшееся лат. *fari*, а также греч. φημί (аорист ёφη / ёфатο). Данный глагол переходен, в качестве субъекта имеет человека, чем и объясняется медиальность греческого аориста и медиопассивность всей латинской парадигмы (под-

---

¹³ Естественно, все хвалебные эпитеты — ирония. Весь этот пассаж — насмешка над «человеком сороковых годов» как фразером и болтуном.

робнее в [Степанов 1989]). Чрезвычайно важно однокоренное слово *fas* ‘божественное право’. Это имя не изменяется по падежам, употребляется только в номинативе и аккузативе, не сочетается ни с каким предикатом, кроме *esse*. Понятие *fas* играло большую роль в римском календаре: для судопроизводства предназначался девятый день после апрельских и июльских календ; он именовался *dies fastus* и определялся так: *dies, qui vocatur sic: «quando rex comitavit, fas»* (Vairo, De lingua latina, 6, 32) ‘день, который именуется так: «когда царь открыл народное собрание, (тогда явлено) божественное право’’. Это имя может также противостоять *lex* и *ius* как божественное право — человеческим установлениям. В этом качестве оно может означать некий главный системообразующий принцип мира (своего рода аналог гераклитовскому Логосу): *Audi, Juppiter, audite, fines, audi, fas!* (Seneca) ‘слушай, Юпитер, слушайте, пределы, слушай, божественное право!’¹⁴

Рассмотренное имя выделено в словаре Бенвениста в отдельную статью [Бенвенист 1995: 319—323]. Бенвенист отмечает, что разные семантические потенции корня **bha-* отразились в таких его дериватах, как лат. *fabula* ‘молва, рассказ’ (< *bha-dhla), арм. *bay* ‘слово’ (< **bhati-*,ср. греч. φάτις), *ban* ‘слово, вещь’, а также ц.-слав. *балии* ‘врач, знахарь’ (< ‘заклинатель’). Лат. *infans* ‘младенец’ (дословно «не-говорящий») указывает на то, что корень мог обозначать и способность человека к говорению. Далее, анализируя греч. φήμη, φήμης Бенвенист приходит к выводу о том, что эти имена часто обозначают безличную молву, толки: δῆμου φήμη (формула) ‘голос народа’, φήμην ἀδειχέα ‘неприязненные пересуды’; ср.: η τινά που καὶ ἐπὶ Τρώεσσι πύδοιτο (Ил. 9, 207) ‘или (послать) того, кто узнал бы молву (т. е. мнение) троянцев’. Далее, φήμη — слово, употребляемое в пророчествах: φήμην τίς μοι φάσθω ἐγειρομένων ἀνδρώπων // ἔνδοθεν, ἔκτοθεν δὲ Διός τέφας ἄλλο φανέτω (Од. 20, 100) ‘пусть кто-нибудь из бодрствующих внутри скажет мне слово, и снаружи пусть явится иное знамение Зевса’. Далее, в стк. 111 φήμη именуется ‘знаком (обращенным) к владыке’ (*σῆμα ἀνάκτη*). Кроме того, οὐ φῆμι означает не столько ‘не говорю’, сколько ‘не позволяю’¹⁵, прилагательное θέσφατος — ‘определенный богом’,

¹⁴ Имя *fas* репрезентирует древнейшее слово-предложение, включавшее в себя понятие о субъекте, объекте и самом действии. Подробнее в [Krasuchin 1996].

¹⁵ Прескриптивное значение глагола прослеживается в микенском: *da-modeti pasi* = δαμος δε μιν φασι (PY Ep 704) ‘народ же ей говорит (= предписывает), чтобы...’

ἀδέσφατος — ‘дивный, чудесный’, а также ‘беспределенный’, средний род ḍέσφατον — ‘судьба’; Бенвенист уточняет значение слова так: «то, чему назначен предел по божественному предопределению» [Бенвенист 1995: 324; пер. Н. Л. Сухачева]. В общем, по мнению Бенвениста, в корне **bha-* запечатлено представление о магическом слове, отделившемся от его носителя. Он также обозначает непрекаемое установление бога.

Все это неоспоримые истины. Но Э. Бенвенист ничего не упомянул о другом значении искомого корня — ‘блестеть, сиять’: греч. φάινω ‘сиять, являться’ (ср. вышеприведенное φήμην φάσθω, τέρας φανέτω), φάος ‘свет’; слав. бѣль; др.-инд. *bhāti*, *bhāsate* означают как ‘говорить, звучать’, так и ‘сиять’. Эта параллель вполне естественна: свет — зримая эманация, звук и слово — слышимая. Имя верховного индоевропейского божества **dīeu̯s* означает собственно ‘светлый; сияющее небо’, ср. др.-инд. *dyáus* ‘небо’, *dyu̯ate* ‘блестеть, играть’, а также лат. *dies* ‘день’¹⁶. Поэтому говорение и сияние часто образуют изосемантический ряд. Ср. русск.: *с-казать*, но *у-казать*, *по-казать*, *казовый* ‘лицевой’. И.-е. **kog-/kok-* ‘сиять, блестеть’: др.-инд. *kāçate* ‘кажется, сияет, блестит’, также авест. *akasat* ‘он увидел’, возможно, тох. В *koskiye* ‘изображение’. Ср. другие составляющие того же ряда: *явь* — объявлять, ясный — объяснять.

3.3. И.-е. корень **sauel-/suel-* ‘блестеть, солнце’ (др.-инд. *svár*, *súrya*, авест. *hvarə*, род. п. *xveng*, греч. ἥελιος < *sauelios, лат. *sol*, нем. *Sonne*, англ. *sun*, лит. *sauie*, слав. сънце) в индоиранском приобрел и значение ‘звукать’: др.-инд. *svárate*, авест. *hvarate*¹⁷. К тому же корню относится и *svanate* ‘то же’. Производное же от этого корня в древнеиранских языках, например, авестийское *xvarno*, обозначает одно из важнейших понятий в зороастрийской религии: универсальную умопостигаемую основу мироздания (тем отличающуюся от гераклитового Логоса). Условно его можно перевести как «чудо»; специально ему посвящен один из яштов Авесты (19, т. н. Земяд-Яшт, т. е. яшт богине земли). Хварно характеризуется в нем так:

¹⁶ Имя божества *Juppiter* — это древний вокатив, полностью сопоставимый с греч. *Zeū πατερ*. В древнелатинских текстах встречается *Diespater* — старый номинатив. Симплекс закрепился за семой «день».

¹⁷ Уитни [Whitney 1985: 202] считает родство *svarale* и *svar* сомнительным; как представляется — без должных оснований.

Сильное Кавиев¹⁸ Хварно,
Данное Маздою, чтим —
Самое славное, превосходящее
Наилюбезное, наизящее,
Наиловчайшее, неуловимое,
Высшее средь созданий.

(Пер. И. М. Стеблина-Каменского // Авеста, 1992)

В яште 19 речь идет о том, что Хварно сопутствует вся кому, кому покровительствует бог; в будущем оно придет к спасителю, который одолеет силы зла. Эта эсхатологическая идея, по-видимому, оказала влияние на христианство; в этой связи небезынтересно отметить, что волхвы, пришедшие поклониться младенцу Иисусу, были, по-видимому, зороастрийскими жрецами [Авеста 1992: 9—10]. Этимологически же *xvarno*, как упоминалось, интерпретируется как «свет (Бога) & звук (Бога)». С этим именем связаны некоторые иранские имена собственные, известные из античных источников, например, Фа́рунахоς < *xvarnaka- ‘преисполненный *xvarno*’¹⁹; ср. также осетинское *farn* ‘добро, счастье, чудо’. Из других составляющих изосемантического ряда «цвет — звук» укажем на лат. *calare, clamare* (см. выше) — *clarus* ‘ясный’, ср. эпитет малоазийского Аполлона Клáριος ‘вещающий’.

Основные модели *verborum* и *nominum dicendi*, таким образом, выглядят так: «звук» → «слово»; «мысль» → «слово»; «слово» → «вещь»; «слово» → «дело»; «слово» → «заклинание»; «слово» → «божественная сила». Укажем еще на несколько.

3.4. «Говорить» = «судить»: бретон. *kotz*, корн. *cows* < *kom-med-tu, сопоставимо с др.-ирл. *midjur* ‘я сужу’, кимр. *meddwl* ‘думать’. Корень *med- — вариант *meh-, *mer-, *men- (см. выше). Он же без префикса представлен в бретон. *ete*, кимр. *medd*, корн. *meth* ‘inquit’. К ому же изосемантическому ряду относится польск. *gadać* ‘говорить, рассказывать’ — русск. *гадать*; глагол *χρίω* ‘судить’ — в некоторых

¹⁸ Кави (ср. др.-инд. *kavīh* ‘поэт-пророк’; и.-е. *kei- ‘слушать, чувствовать, воспринимать’: лат. *caueo* ‘опасаться’, гор. *hausjan*, нем. *hören* ‘слушать’, греч. ион. *καέω* ‘слушать’, *χόης* ‘жрец в Самофракии’) — упоминающаяся в Авесте династия царей, поддерживающих учение Заратустры. В «Шахнамэ» — Кейаниды.

¹⁹ Так звали сына понтийского царя Митридата; в 47 г. до н. э. он поднял восстание против Цезаря и был им разгромлен; свою победу Цезарь описал в крылатых словах: *Veni, vidi, vici*.

новогреческих диалектах *χρέου* — ‘говорить’. И.-е. **redh-/ret-*: гот. *rodjan* ‘говорить’ (то же — др.-исл. *rada*, др.-англ. *redan*, которые означают также ‘думать, размышлять, следить’, др.-ирл. *radim*, др.-в.-нем. *redion, redimon*,ср. и нов.-в.-нем. *reden*) — гот. *ga-redan* ‘быть озабоченным’, *ga-radjan* ‘считать’, др.-ирл. *imm-radim* ‘думатъ о чем-либо’, слав. *радити*, русск. *радеть*, др.-в.-нем. *ratan*, нем. *raten*; вариант **reh-* — лат. *reor* ‘считать’, *ratus, ratio*. Суждение оказывается тесно связанным со словом и числом.

3.5. «Оценивать» → «говорить»: др.-перс. *θaḥ-* ‘говорить’ (презенс *θatiū* — обычное вводное слово в надписях: *θatiū Darayavausa* (*Xšayarša*) *xšayatiū* ‘говорит Дарий (Ксеркс) царь’; инфинитив — *θas-tanaiy*) сопоставимо с авест. *sah-* ‘объявлять, возглашать’, др.-инд. *çansate* ‘воспевать’, слав. *сати* ‘говорить, утверждать’ (*слышь* ‘мудрый’), лат. *Censeo* ‘оценивать’ (впрочем, здесь направление развития может быть и обратным: от «говорить» к «оценивать»).

3.6. «Наблюдать» → «говорить»: этот изосемантический ряд представлен корнем **sek-*^a. Активные формы этого корня означают «следить, смотреть, заботиться, хлопотать», медиальные — «следовать». Ср. греч. *έπω* ‘хлопотать, заботиться, приготовлять’; гот. *sehvan* ‘видеть’ (нем. *sehen*, англ. *see*), слав. *сочити* ‘отыскивать, требовать’ — греч. *έπομαι*, лат. *sequor*, др.-инд. *sacate* ‘следовать’. С тем же корнем связано и indoевропейское название глаза: хетт. *sakissai* ‘глаза’, в остальных языках — без начального *s*: лат. *oculus*, др.-инд. *akṣa*, лит. *akis*, слав. *око*, греч. *ώπα* (вин. п.) ‘взгляд’. В активном варианте корня иногда развивается значение «говорить»: лат. *inseque, insece* ‘скажи, расскажи’, *inquit* ‘я сказал’, др.-кимр. *hepp*, кимр. *eb* ‘inquit’, лит. *sakytī* ‘говорить’, др.-англ. *secgan*, др.-исл. *segja*, др.-в.-нем. *sagen* ‘то же’, арм. *ogem* ‘то же’. Германские корни указывают на существенное различие между *sehvan* и *secgan*: первый глагол баритонен, второй — окситонен. Первичная окситонность характеризует также лат. *inquit* (< *in-squat < **in-sk^a-a-m*), *inquit* (< **in-sk^ait*), где она проявляется в виде *ə* ступени корня. Формально и функционально латинская форма презентирует окситонный тематический аорист (ср. греч. *μετέσπον*), который часто указывает на внутреннее состояние или процессы, происходящие в субъекте, ср. греч. *τρέφω* ‘кормить’ — *έτραφον* ‘я вырос’ [см. Kelln 1969]. Несколько иное значение реализует индоевропейский *medium tantum* ‘следовать’ (греч. *έπομαι*, лат. *sequor*, др.-инд. *sacate*). Вообще, одним из семантических наполнений оппозиции баритонных и окситонных основ является противопоставление внешнего действия и внутреннего состояния, «сильной» и «слабой» переходности. Значение ‘следить, наблюдать’

больше характеризует внешнюю деятельность субъекта, тогда как ‘говорить’ бесспорно связано с его внутренним состоянием, ибо говорить значит выражать мысли. Следовательно, в данном корне существует четкая тернарная оппозиция: *sek^u- ‘следить, наблюдать, заботиться’, т. е. ‘направлять внутреннее усилие вовне’ (переходное внешнее действие) vs. *sek^u-*io* ‘следовать’, т. е. ‘следить за собой, направлять усилия на себя’ (непереходное внешнее действие) vs. *sek^e-, *sk^e- ‘говорить’ (внешнее проявление внутреннего состояния) (более подробно о связи апофонии с значением глагола см. в [Krasuchin 1996]).

3.7. «Указывать» → «говорить». Здесь прежде всего отметим русск. *сказать* — *показать, указать* (этимологию см. выше). Лат. *dico* родственно греч. *δείκνυμι*, нем. *zeigen*, др.-инд. *disáti* ‘показывать’; Бак со ссылкой на сообщение Эджертона отмечает, что в буддийском санскрите глагол *diçati* приобретает новое значение ‘говорить’ [Buck 1988: 1257]. Это свидетельствует о том, что данная закономерность носит характер семантической фреквенталии, появляющейся параллельно в различных языках. К тому же корню относится и греч. δίκη ‘суд’ (по Бенвенисту, межсемейное право, в противоположность θέμις ‘семейное право’ [Бенвенист 1995: 303—305]).

3.8. «Собираться» → «говорить». Греч. ἀγείω ‘собирать’, ἀγορά ‘собрание’ — ἀγορεύω ‘говорить’ (очевидно, первоначально — ‘говорить на собрании’), гот. *maþlan*, др.-исл. *mæla*, др.-англ. *mafelian*, *maþlan*, *mælan*, ср.-англ. *mele* ‘говорить’, также др.-в.-нем. *mahelen* ‘говорить, обещать’, ср.-в.-нем. *maheln*, *malen* ‘созывать суд, обещать, сочетаться браком’ — производное от имени **mail-*: гот. *maþl* ‘собрание, рынок’, др.-англ. *maþel* ‘собрание, совет; речь’, др.-исл. *mal* ‘речь, иск, суд’, др.-в.-нем. *mahal* ‘суд, сбор’. К тому же корню (с другим детерминативом) относятся такие глаголы, как гот. *ga-moijam*, др.-исл. *mæta*, др.-англ. *metan* ‘собираться, встречаться’.

4. Индоевропейское слово, обозначающее имя, стоит особняком как формально, так и семантически. Ведь имя называет не класс предметов, а индивиды. Эту его особенность люди поняли в глубокой древности. В 8 песни «Одиссеи» царь феаков Алкиной обращается к Одиссею так:

εἴπ' ὄνυμ', ὅττι σε κεῖθι κάλειον μήτηρ τε πάτηρ τε

.....

οὐ μὲν γάρ τις πάμπαν ἀνώνυμός ἐστ' ἀνθρώπων,

οὐ κακὸς οὐ μὲν ἐσθλός, ἐπὶ τῷ τῷ πρῶτῳ γένηται,

ἀλλ' ἐπὶ πᾶσι τιθενται, ἐπεὶ τε τέκνωσι τοκῆτες (550—554)

‘Скажи имя, которым звали тебя мать и отец. Ведь никто из людей не безымянен, как только он появляется (на свет), ни знатный, ни безродный; но всем родители, когда рожают, устанавливают (имена)’.

Представление об имени как выразителе «самого самого» в человеке затем было характерно для трактата «*De nominibus Dei*» Псевдо-Дионисия Ареопагита, учения византийских исихастов и его филиации в русском православии — имяславии, особенно в «Философии имени» А. Ф. Лосева. Впрочем, это отдельная сложная тема.

4.1. Этимология имени *имя* не лишена загадок. Дело в том, что для него не восстанавливается единой праформы. Др.-инду. *nāta*, авест. *nātan*, тох. В *ñet*, лат. *nomen*, гот. *nato* < *no-mn, греч. *ὄνομα*, особенно вариант *ὄνυμα*, а также слав. *имя* и, по-видимому, хетт. *lamtan*, лув. *atimanza* предполагают 0-ступень корневого вокализма (*nmn), др.-прусск. *emten*, *emnes*, возможно, и др.-ирл. *aínt* могут восходить к *en-mn, *η-mn [ЭССЯ 1981, с. v]. Суффикс *-*m̥n*- не вызывает особых сложностей: он характеризует *nominum actionis*; вопрос лишь в том, к какому корню он присоединен. Морфему **en-son-/n-/η-* сравнивали с предлогами *η ‘внутри’, *apo ‘вверх’. Тем самым имя определяется как нечто внутреннее по отношению к денотату, нечто высшее, воплощающее в себе всю его суть. Это вполне убедительно. Но приведенные выше этимоны не объясняют долготу гласного в др.-инду. *nātan* и под. Мы полагаем, что в них представлен корень **neh-/nei-*, представленный также в хетт. *nehhi*, З л. *nai* ‘вести’ (см. о соотношении этих форм [Risch 1955]), др.-инду. *naayati* «то же». О. С. Широков [1989] показал, что к этому корню можно возвести и греч. *νόος* (< *noios) ‘ум, рассудок’ — нечто упорядоченное и руководящее человеком. Видимо, этимон *no-mn представляет собой отлагольное имя со значением ‘ведение, руководство’ → ‘осмысление’ → ‘имя’ (*ignarus nominum* — *ignarus regum*). Наконец, оригинальную этимологию слав. *имя* предложил П. Я. Черных [1993]: элемент **jь-* восходит не к **n-*, а к **ji-* и сопоставляется с др.-инду. *uṣyoti* ‘отделять’: имя — средство различения предметов. Но можно предположить и прямо противоположное: корень **ji-* связан с др.-инду. *uáyiti* ‘связывать, соединять’, следовательно, имя — способ связи предмета с мыслью. Думается, что все приведенные этимологии не отрицают одна другую²⁰. В дан-

²⁰ Мы оставляем в стороне этимологии, которые нельзя назвать иначе, чем мифологическими. Такова, например, сочувственно приводимая Вяч. Вс. Ивановым идея С. А. Старостина о том, что и.-е. **nōm̥n* заим-

ном случае мы имеем дело с множественной этимологией [Топоров 1960; Маковский 1986; Georgiev 1982]. Это слово необычно по всем параметрам: по происхождению, по морфологии (достаточно редко встречается нулевая ступень одновременно корня и суффикса), по семантике. «Высшее» — «внутреннее» — «ведущее» — «мыслимое» — «отдельное» — «соединяющее» — таким имя представляется по данным этимологии и культурной традиции. Следует, впрочем, отметить и интересную этимологию В. В. Сырочкина [1995], предложившего совсем иное морфологическое членение праформы. По его мнению, в форме **en-tēm* первый элемент — это приставка, а второй — корень со значением ‘думать, полагать’. Такая этимология не противоречит ни фонетическим, ни морфологическим законам и, безусловно, имеет право на существование.

Большой интерес представляют индоевропейские формулы с эпиконом *nomn*. Прежде всего, это сочетание **nomn d̥heh-* ‘устанавливать имя, именовать’. Греч. ὄνομα τίθεσαι (репрезентированное в приведенном отрывке из Гомера), др.-инд. *nāman dadhāti*, хетт. *lamman dai*, ст.-фриг. *onoman dayet* (надпись А 37)²¹, др.-чеш. *jme djeti*. Это сочетание связано с известным индоевропейским мифом об установлении имен, который наиболее подробно отражен в платоновом «Кратите»: существовали законодатели (*νομοδέται*), которые знали, какого имени

ствовано из тибетского *ming* как «культурный термин» [Иванов 1983]. Во-первых, у индоевропейского и тибетского имени совпадает только одна фонема. Во-вторых, в качестве культурного термина мигрируют обычно имена реалий, а не имен. В принципе, заимствования имени *имя* из одного языка в другой случаются; но такое происходит при интенсивных языковых и культурных контактах, которые едва ли были возможны между древними сино-тибетцами и индоевропейцами. Другая мифологическая этимология — это отождествление и.-е. *nomn* и праурал. *nimi* [Илич-Свитыч 1976]. Некорректность этого сближения очевидна: в и.-е. слове ясно вычленяется суффикс **-mn-*, уральское же не имеет четкой морфологической структуры. Гораздо убедительнее мнение Гамкрелидзе — Иванова [1984: 516] о том, что уральское имя заимствовано из тохарского *net*. Контакты тохаров и прауральцев в начале новой эры были, судя по всему, довольно интенсивными.

²¹ Вопрос о чтении ст.-фриг. *ψ* остается открытым. Некоторые исследователи [Баюн, Орел 1989] читают его как /kl/, следовательно, глагольную форму — как *dakhet*. На наш взгляд, эта явно модальная, как следует из контекста, форма сопоставима с лат. *faxit* и должна читаться как *dakset* ‘установил бы’.

требует предмет, и становились имядателями (*ónučatodéta*). Ведические композиты с теми же корнями свидетельствуют о том, что подобный же миф существовал и у древних индийцев (ср. [Иванов 1964]): *nāmadhe-ya* ‘именование’ и т. д. Чеш. *jte djeti* приобрело специфическое значение ‘говорить, называть имя’; видимо, благодаря этой формуле глагол **dheh-* ‘класть, ставить’ приобрел значение ‘говорить’. Ср. хетт. *tēti* ‘говорить’ (в оппозиции к *tehhi* ‘ставить’); русск. *дѣти* значило не только ‘класть’, но и ‘говорить’, ср. 3 л. аориста *дѣ* как показатель косвенной речи (существует также вариант, восходящий, как и императив, к 3 л. индоевропейского оптатива)²². Расширением этой частицы является *дескать < de сказать*.

4.2. Тайное имя — сакральное, противоположное профанному. Представления о тайных именах довольно широко распространены в разных традициях. Например, в иудаизме не называлось имя бога. Говоря точнее, его мог произнести вслух только первосвященник, причем один раз в год, войдя во внутреннее помещение храма, именуемое «святая святых», куда доступ был разрешен только ему одному, только один день в году для свершения высших таинств. К ним относилось возглашение божьего имени. До нас дошел только консонантный корень этого имени — YHWH, а огласовка (Иегова, Яхве) заимствована из имени *adonai* ‘господь’.

В индоевропейской традиции неизвестны такие суровые запреты, но противопоставление божественных имен человеческим существует.

Во-первых, хорошо известна оппозиция «имя у богов vs. имя у людей». В Старшей Эдде известны «Речи Альвиса», в которых перечисляются названия различных предметов у людей, Ванов, Асов и великанов. В Илиаде упоминается птица, которую ...*χαλκίδα κικλήσκοντι θεοί, ἄνδρες δὲ κύμινδιν* (13, 291) ‘халкидой зовут боги, люди же — кимнайдой’; также упоминается имя сторукого великана, которого боги называют *Βριάφεων*, люди — *Αἴγαιον* (Ил. 1, 403), курган, именуемый людьми *Βατεία*, богами — *σῆμα πολυσκάφῳ Μυρίνης* ‘могила про-

²² 3 л. корневого аориста — форма, лишенная специфических глагольных показателей, определяемая отрицательно по грамматическим параметрам: непрезентная и немодальная. Поэтому словоформы типа *дѣ* могут репрезентировать древнейшую синкетическую (т. е. не различавшую имя и глагол) основу. В нашей публикации [Krasuchin 1996] частица *дѣ* названа крайней степенью деградации индоевропейского слова-предложения (аналогичного лат. *fas*).

ворной Мирины'; одна и та же река у людей именуется Σχάμανδρος, у богов — Ξάνθος. Ср. также пласти асуриской и дэвовской лексики в Авесте [Герценберг 1973]. Следующий этап обосабления «языка богов» — сакрализация божественных имен. И в Ригведе упоминаются «тайные имена»: *devó devānām gúhyāni nāma āvīs kṛṇotī barhisi pravāce* (IX 95, 2) 'бог богов тайное имя делает явным в жертвоприношении'. Тайное имя — необходимый участник ритуалов и жертвоприношений, связанных с добыванием Сомы. Открытие тайного имени — это обретение языка богов, познание их сути и тайн мироздания. Ср.:

yátra vēltha vanaspate devānām gúhya nāmāni / tátra havyáni gāmaya // svāhāgnáye várūṇāya svāhēndrāya marúdbhyāḥ svāhā devébhyo havih (V 5, 10—11) 'если знаешь, владыка леса, тайные имена богов, к влияниям иди! На благо Агни, Варуне, на благо Индре, марутам, на благо богам возлияние'.

Произнесение тайного имени — это кульминация обряда:

ghṛtásya nāma gúhyam yád ásti jihvā̄ devānām amṛtasya nābhiḥ // vayám nāma prá bravānām ghṛtásyāśmin yajñobé dhārayānām nāmobiḥ (IV 58, 1—2) 'сокровенное имя жертвенного тука — это язык богов — основа амриты (напитка, дающего бессмертие), мы возгласим имя тука и в этом ритуале именами укрепим(ся)'.

Имя, таким образом, приравнивается к высшему божеству. Произнесение тайного имени в момент жертвоприношения отчасти напоминает иудейский обряд; божественность имени заставляет вспомнить ареопагитское богословие, в котором имя *Божье* обозначало именно Бога, а не имя. Тайное имя называется «великим»: *mahát tán nāma gúhyam* (X 55, 2); его знание — важный атрибут пророка: *r̄ṣir vīprar̄O puraetā jánānām r̄bhū...* // *sá cid vīveda nīhitam... gúhyam nāma gónām* (IX 87, 3) 'прозорливец, поэт, вождь людей, мудрец, вот он ведает скрытое тайное имя коров'. Как показал Б. А. Ларин, наличие тайных имен послужило одной из причин возникновения табу и эвфемизмов [Ларин 1977: 101—114]. В древней же индоевропейской культуре прослеживается противопоставление имен установленных (*θέσει*) и имен изначальных, заключающих в себе загадку и смысл мироздания.

Отметим несколько важных контекстов с однокоренными словами. Хеттский глагол *lamnīia-*, имеющий ту же морфологическую структуру, что и греч. *δημάνω*, означает не только 'называть', но

и ‘приказывать, предписывать’ (что заставляет вспомнить о связи *nōm и **neh-* и о ведическом божественном имени): *nūti SES-YA 'NIR. GAL-is ANA* ^{GIS}DUBBIN *lamnīat* (Hattusili, IV 33—6) ‘и вот брат мой Муваттали предназначил меня колесу (= велел мне уехать)’. Далее, этимон *nōm состоит в родстве с **nōm-*: лат. *númerus* ‘число’, хетт. *laminar* ‘число; час’. Выражение *uarri lammar* означает ‘помощь’: *arnut uarri lammar* (M-T I 19, 20) ‘помоги’ (дословно — «доставь полезный час»).

4.3. Имя всегда оказывается связано с деятельностью именуемого, оно может быть названо его «действующим началом». Поэтому тайное, сакральное имя может быть открыто только в ритуале, поклонении божеству. Его знание приближает знающего к богу. Профанное же имя, или имя вещи, дается ей волею ономатета (именовать — предписывать); его знание делает вещь доступной говорящему. Именование предмета означает до некоторой степени овладение им. Имя как единица информации вносит космос в хаос. Надо заметить, что этот философский архетип — наличие некоей нематериальной субстанции, заключающей в себе всю суть вселенной и близкой к слову в своей упорядоченности — оказался одним из самых устойчивых в истории философии: он является, так сказать, инвариантом гераклитового Логоса, а также позднеантичных, христианских и гностических филиаций этого учения, абсолютного духа Гегеля — вплоть до теорий информации, синергетики Г. Хакена [Хакен 1980] и теории смыслов В. В. Налимова [Налимов 1989; 1993].

Важна и связь имени с языком, присутствующая в Ригведе (IV 58, 1): *nāma gūhyam yád ásti jíhvā devāñāt*. Дело в том, что само имя *jíhvā* ‘язык’, по-видимому, родственно глаголам *juhóti* ‘кидать в огонь, приносить жертву’ и *hávate* ‘звать, спрашивать’, а также имени *havis* ‘жертва’. Корень *hi* этимологически связан с греч. *χείω* ‘лить’ и слав. звать. Иными словами, понятия «приносить жертву» и «звать» оказываются родственными: и то, и другое обозначает коммуникацию человека и божества. Язык как орган уподобляется разливательной ложке (др.-инд. *juhñā*), как средство общения — жертвенному возлиянию. Большинство индоевропейских имен языка (органа речи) — лит. *liežūvis* (где начальное *l* возникло по аналогии с глаголом *liežti* ‘лизать’), ст.-лат. *dingua* (лат. *lingua*, возможно, по аналогии с *lingo* ‘лизать’), гот. *tuggo* (нем. *Zunge*, англ. *tongue*), слав. *языкъ* — восходят к праформе *-*n-ghu-* (с не вполне ясным анлаутом **d-*), которая, по-видимому, представляла собой синтагму «в-возлияни, в-возвзании». Древнейшая форма, по-видимому, относилась к основам на *-i-*, ко-

торая получила различные расширения в базовых индоевропейских языках. Следует отметить, что анлаут этой формы подвержен колебаниям. Ю. С. Степанов [1997: 713] полагает, что в этом слове контаминировали два концепта: «сказать» и «лизун». Но контаминация с глаголом «лизать» присутствует только в латыни и балтийских языках²³. Что же касается концепта «говорить», то имя языка как речи совершенно очевидно производно от языка как органа речи. Первичным же, как мы уже отмечали, является идея возлияния.

Напрашивается вопрос: почему же практима этого имени оказалась видоизмененной по сравнению с первичным корнем **gheu-*? Понятому, здесь имела место табуизация. Обряд возлияния вина богам занимал важное место в культурах всех индоевропейских народов. Возливающий вино сам отпивал часть вина из жертвенной чаши и тем самым приобщался к богу (позднейшей рецепцией этого обряда является, по-видимому, христианское причащение). Как показывают приведенные ведические контексты, на эти обычай был наброшен полог тайны. Можно предположить, что подлинное имя языка (оно же — имя возлияния) произносилось только во время жертвоприношения. Следовательно, оно бытовало только в жреческой среде. Профанное же имя «язык» подвергалось видоизменению именно в силу процесса табуизации. Это измененное имя и отразилось в архетипе «языка».

Подводя итоги, мы можем сказать следующее. Слова, относящиеся к полю говорения, в этимологической перспективе обнаруживают: а) размытость границ (не существует водораздела, отделяющего «слово» от «речи», «говорить» от «звучать» и т. д.); б) глубокие связи с многими другими семантическими полями; в) значимость для реконструкции культуры.

Основные линии взаимосвязи таковы: «слово» — «дело», «слово» — «свет», «слово» — «взгляд», «слово» — «суд», «слово» — «время», «слово» — «мысль», «слово» — «вещь»; «имя» — «внутреннее», «имя» — «вести», «имя» — «число», «имя» — «время».

---

²³ Попутно можно отметить ее существование в русской детской речи: *лизык* вместо *язык*.

Источники

- Rig Veda: A metrically restored text with an introduction and notes. Cambridge (MA), 1994.
- Autobiography of Hattusilis // Sturtevant E., Bechtel G. Hittite chrestomathy. Chicago, 1947.
- Muwattali-Duppi-Tessub-Vertrag / Hrsg. J. Friedrich. Leipzig, 1937.
- Diels E. (mit Kranz E.). Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin, 1903.

ЛИТЕРАТУРА

- Авеста 1992 — Авеста: Избранные гимны. Из Видевдата / Пер. И. М. Стеблина-Каменского. М., 1992.
- Бартошек 1989 — Бартошек М. Римское право. М., 1989.
- Белецкий 2013 — Белецкий А. А. Ошибка святого Иеронима // Двойной портрет — III. М., 2013.
- Баюн, Орел 1989 — Баюн Л. С., Орел В. Э. К интерпретации древнефригийских надписей // Вестник древней истории. 1989. № 3.
- Бенвенист 1995 — Бенвенист Э. Индоевропейские социальные институции. М., 1995.
- Бергсон 1994 — Бергсон А. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 1.
- Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 1994.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1.
- Герценберг 1973 — Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1973.
- Иванов 1964 — Иванов Вяч. Вс. Древнеиндийский миф об установлении имен и его древнегреческие параллели // Индия в древности. М., 1964.
- Иванов 1983 — Иванов Вяч. Вс. К этимологии прусского *etmens* «имя» // Балто-славянские исследования. М., 1983.
- Иванов, Топоров 1978 — Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О древнейшем языке славянского права // IX Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1978.
- Иллич-Свитыч 1976 — Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1976. Вып. 2.

- Кривоносов 1993 — Кривоносов А. Т. Логические конструкции в естественном языке // Вопросы языкознания. 1993. № 2.
- Ларин 1977 — Ларин Б. А. Избранные работы по русскому языку. Л., 1977.
- Лебедев 1989 — Лебедев А. В. Фрагменты древнейших греческих философов. М., 1989.
- Лосев 1990 — Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
- Лосев 1993 — Лосев А. Ф. Имя и вещь // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Маковский 1986 — Маковский М. М. Английская этимология. М., 1986.
- Налимов 1989 — Налимов В. В. Спонтанность сознания. М., 1989.
- Налимов 1993 — Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993.
- Серебренников 1988 — Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1988. Вып. 4.
- Степанов 1989 — Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов 1994 — Степанов Ю. С. Слово: опыт концептуального анализа // Philologica. 1994. № 1.
- Степанов 1997 — Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- Степанов, Проскурин 1993 — Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.
- Сырочкин 1995 — Сырочкин В. В. Славянские этимологии // Этимология 1993. М., 1995.
- Топоров 1960 — Топоров В. Н. О некоторых теоретических принципах этимологии // Вопросы языкознания. 1960. № 3.
- Успенский 1994 — Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной лексики // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
- Хакен 1980 — Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
- Черных 1993 — Черных П. Я. Этимологический словарь русского языка. М., 1993.
- Широков 1989 — Широков О. С. Античный нус // Вестник МГУ. Сер. 9. «Филология». 1989. № 3.
- ЭССЯ 1981 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1981. Вып. 7.
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Избранные труды. М., 1985.

- Bader 1968 — *Bader F.* La parfait redouble en grec // *BSL*. 1968. V. 63.
- Buck 1988 — *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. 2 ed. Chicago; London, 1988.
- Georgiev 1982 — *Georgiev V. I.* Kontamination als ein Prinzip der Etymologieforschung // *KZ*. 1982. Bd 95.
- Kølln 1969 — *Kølln G.* The opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic. Kobenhavn, 1969.
- Krasuchin 1996 — *Krasuchin K. G.* Studien zur Beziehungen zwischen indo-europaischen Verben und Nomina // *IF*. 1996. Bd 101.
- Kurylowicz 1977 — *Kurylowicz E.* Problèmes de linguistique indo-européen. Wrocław, 1977.
- Pulleublanc 1965 — *Pulleublanc E.* Indo-European vowel system and qualitative ablaut // *Lingua*. 1965. V. 45.
- Risch 1955 — *Risch E.* Die griechischen Dialekte in neuer Sicht // *Museum Helveticum*. 1955. Bd 53.
- Veyrenck 1971 — *Veyrenck J.* La double diathèse en verbe russe // *BSL*. 1971. V. 66.
- Whitney 1985 — *Whitney W. D.* Roots, verbal noun, and primary derivatives in Sanskrit. Chicago, 1985.

СВОЕ И ЧУЖОЕ^{*}

Состояние русского языка в наше время внушает тревогу. В последние полтора десятилетия его захлестнула волна заимствований, главным образом, из английского: *бодигард* вместо *телохранитель*, *секьюрити* «охранник», *эксклюзивный* «исключительный» и многое другое. Причина этого бурного потока очевидна: пал «железный занавес», жизнь Запада, загадочная и манящая в советское время, стала образцом для подражания, когда с ней познакомились многие. Очень много новых слов пришло с новыми вещами: *факс*, *модем*, *Интернет*. Некоторые публицисты считают, что над русской самобытностью нависла угроза. Но горячность, вызванная любой дня, — плохой советчик. Надо разобраться в проблеме, как говорится, *sine ira et studio* «без гнева и пристрастия».

Были утверждения, что в русском языке иноязычные заимствования вообще не нужны; правда, исходили они не от лингвистов, а от писателей. Так, А. К. Югов («Беседы о русском слове», М., 1960) и Б. Н. Тимофеев («Правильно ли мы говорим?», Л., 1964) утверждали, что русский язык — так богат, что вполне может обойтись без заемных слов. Они имели и предшественников. Самым известным из них был Александр Семенович Шишков — флотоводец, президент Российской Академии, министр просвещения. В своем трактате «Беседа о старом и новом слоге в российском языке» (1803) он утверждал следующее. Западноевропейские языки заимствуют научную, философскую терминологию, а также абстрактные понятия из латыни. Для них это естественно, так как латынь была языком церкви и университета, а в Средние века — и школы. Для иных языков, например, французского, итальянского, испанского, латынь — это предок, поэтому латинская терминология для них не чужая. В русском же языке такие

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Свое и чужое // Мир русского слова. 2008. № 3.

зимствования выглядят инородным телом, совершенно чуждым духу языка. Создание новой лексики должно опираться на свое, а не чужое. Своим же для русского языка был церковнославянский. Именно на него должно опираться языковоизобретчество. Зимствования из него воспринимались Шишковым скорее как освоение исконного наследия, а не как вторжение чужих слов в родной язык. Как образец «правильного» стиля Шишков предложил знаменитую фразу *Хорошилище грядет по гульбищу из ристалища* «Франт идет по бульвару из театра».

Конечно, не приходится спорить: церковнославянский язык оказал огромное воздействие на русский. А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново считали, что русский литературный язык — это именно русифицированный церковнославянский¹. В XVII—XVIII вв. образованные русские были двуязычны — владели как русским, так и церковнославянским языками, четко разграничивая их функции (бытовую и официальную). Количество славянизмов в русском языке исчисляется десятками. Многие из них относятся к официальной лексике (*градоначальник*), научным и техническим терминам (*млекопитающие, хладокомбинат*); иные ушли в высокую поэзию (*брег, млечо*). Уже в XVIII—XIX вв. эти два слова и им подобные воспринимались как устаревшие и сейчас, пожалуй, вышли из употребления. Немало славянизмов и в бытовом языке; порой только тщательный лингвистический анализ помогает их найти. Сравним: *небо* и *нёбо*. Это одно и то же слово в церковнославянском и русском звуковом оформлении: в исконно русских словах звук [e] под ударением между мягким и твердым согласными переходил в [o] (*веду* — *вёл*, *несу* — *нёс*). В церковнославянском такого закона не было; поэтому мы без труда определяем принадлежность прилагательного *совершенный* и причастия *совершённый*, литературного *лев* и диалектного *лёв*. Известно, что Л. Н. Толстого многие знакомые называли Лёв Николаевич; в пьесе А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет» фигурирует персонаж Лёв Родионович.

Итак, церковнославянский пласт в русском языке велик и обилен. Но можно ли на его базе создавать новую терминологию, как мечтал Шишков? Всё-таки роль церковнославянского в древнерусском обще-

---

¹ Самый веский аргумент в пользу этой теории — суффикс причастий *-ций*. Фонетические законы русского языка требуют формы *-чий*. Сравним *горячий* — *горячий*, *колючий* — *колющий*, *сидячий* — *сидящий*, *грешный* — *грешный* (еще *Гремячий лог* у Шолохова). Исконно русские причастия превратились в прилагательные, тогда как для образования причастий мы пользуемся церковнославянским суффиксом. Как правило, словоизменительные элементы не зимствуются.

стве несопоставима с латынью средневековой Европы. Латыни обучали в монастырских школах, — а иных просто не было. На латыни писали трактаты великие ученые, философы и богословы — Роджер Бэкон, Пьер Абеляр, Фома Аквинский; на латыни создавались и художественные произведения; особенно известны драмы Хросвиты, выдающейся поэтессы при дворе Карла Великого, и стихи вагантов. Первые европейские хронисты — Исидор Севильский, Григорий Турский, Иордан, Эйнхард — тоже писали на латыни. Ничего похожего мы не находим на Руси. Церковнославянский язык использовался только в богослужении; ни научных, ни художественных трактатов на нем не создавалось. Следовательно, этот язык не накопил достаточно резервов для того, чтобы стать базой научной терминологии. Торжественность, присущая языку богослужения, становится комической, когда на нем пытаются говорить о повседневной жизни. Оттого-то так анекдотично звучит хрестоматийная фраза Шишкова.

В отличие от А. С. Шишкова, М. В. Ломоносов был и великим ученым, и большим поэтом. В круг его интересов входило и языкознание, он отличался поразительным лингвистическим чутьем. Оно безошибочно подсказывало ему, когда лучше использовать заимствованное слово, а когда нужно перевести его. Вместо громоздких на русский слух терминов *oxygenium*, *hydrogenium*, *carbogenium* Ломоносов предложил их кальки: *кислород*, *водород*, *углерод*. А вот греческое по происхождению слово *горизонт* (*horizont*, дословно «ограничивающий»), также им введенное, не режет русский слух. Другой большой языковед — В. И. Да́ль — грешил иногда пуритизмом. Он предложил вместо *горизонт* такие слова, как *колоземица*, *мироколица*, но они не прижились.

Так можно ли обойтись без заимствований? Возьмем крайний случай. Какие русские эквиваленты можно подобрать для *кофе*, *чай*, *кафе*, *ананас*, *банан*, *киви*? А ведь все эти слова давно перешли из разряда экзотизмов в самую бытовую, обиходную часть лексики. Так что любому туриstu придется с ними смириться. И наиболее оправданы иноязычные слова тогда, когда они заимствуются вместе с вещами. Трудно возражать против того, что старая аббревиатура ЭВМ была заменена англизмом с латинскими корнями *компьютер*; а вместо громоздкого *печатное устройство* мы говорим сейчас *принтер*. Тем более, что ЭВМ обозначало именно старые ламповые машины размером с дом; их описания можно найти в повестях и рассказах И. Грековой. Современные же портативные устройства — это именно компьютеры. Упомянутые *модем* и *факс*, *сканер*, *дискета*, *компакт-диск*, а сейчас и *сидиром* — на что их заменить?

Собственно говоря, так пришло в русский язык большинство заимствований, появлявшихся в глубокой древности. Греки передали нам такие слова, как *корабль*², *лампа* (с *лампадой*), *фара*, *каморка*, *свекла*, *грамота*, а также множество слов из церковного лексикона: *иерей*, *икона*, *алтарь*, *камилавка*, *канон*, *кафизма* и т. д. Да и само слово *церковь* в конечном итоге пришло из греческого. Но заимствовали его наши предки у германского племени готов. Готы приняли христианство в IV в. и старались распространить его среди соседей. Для обозначения церкви они взяли греческое слово *kyriakón* «господнее» (нем. *Kirche*, англ. *church* происходят из того же источника). Слово это было заимствовано в форме *църкы*, родительный падеж *църкове*. Готскими являются и такие слова, как *вертоград* (гот. *aurtigards* «сад, огород»), а также *виноград*. Казалось бы, *град* — исконно славянское слово, а *вино*- заимствовано их латыни. Но готское *waingards* значит прежде всего «виноградник», как и церковнославянское *виноградъ*, а простое *gards* — «сад». Родственный ему славянский корень **gord-* такого значения не имел, следовательно, особое значение нашего слова пришло именно из готского языка. Впрочем, германцы были не столько учителями славян, сколько их торговыми партнерами. Поэтому большинство древних германских заимствования относятся к денежной системе и мерам веса: *пуд*, *фунт*, *берковец*, а также *пенязь*, *шеляг*³. На память о варяжских дружинах, активно участвовавших в жизни древней Руси, остались слова *князь* и *витязь*.

Древние тюрки были для наших предков прежде всего торговыми партнерами; тюркские заимствования — названия товаров (*бальк*, *изюм*, *башмак*), денег и мер (*деньги*, *аршин*). Из финно-угорских языков пришли имена предметов быта и продуктов: *рига*, *овин*, *корюшка*, *сайка*, *пельмени*. Как отметил В. В. Похлебкин, у А. Н. Островского в «Бешеных деньгах» это слово встречается в непривычном виде — *пермени*. Такая форма, правда, известна в некоторых волжских диалектах, но едва ли московский князь

² Некоторые этимологи считают это слово исконно славянским и сравнивают с *короб*.

³ Особенно интересна судьба слова *пенязь*. Оно происходит из франкского *penning*, которое, в свою очередь заимствовано из латинского *pondus* «вес, мера веса». Это слово распространилось по всей Европе: нем. *Pfennig*, англ. *penny*, *pence*, литовск. *pinigai* «деньги», венгерское *pengő* «мелкая монета». Слово *шеляг* происходит из распространенного германского *skillings, производного от **skild-* «щит»;ср. дат. *skillingr*, нем. *Schilling*, англ. *shilling*.

Кучумов был их носителем. Это название является контаминацией имени города *Пермь* и коми *pel-n'ap* «тесто-уши». Оно указывает на регион заимствования.

Временем бурных заимствований явилась петровская эпоха: ремесленные термины заимствовались из немецкого языка (*слесарь*, *вагранка*), корабельные — из голландского (*бот*, *рейд*) и английского (*юнга*). Французский язык обогатил театральную лексику (*пьеса*, *артист*, *партер*, *бельэтаж*), кулинарную (*соус*, *пулярка*); из него же заимствовано много названий одежды (*фрак*, *сюртук*, *жилет*). Уже в XVIII в. многим казалось неоправданным изобилие заимствований. А. П. Сумароков гневно вопрошал:

Безмозглы́м каже́тся язы́к росси́йский туп:
Похлебка ли вку́сней или вку́снее суп?

Но история рассудила иначе. Оба слова различны по значению: похлебка — это одна из разновидностей супа (густое варево). В XIX—XX вв. появилось большое количество английской спортивной лексики (*футбол*, *тренер*, *бутсы*, *бокс*, *ринг*). Как видим, обилие заимствований — примета не только нашей эпохи.

Отметим такое своеобразное явление языка, как народная этимология. Этот термин имеет два значения: с одной стороны, так называется переосмысление непонятного слова, отождествление его созвучным; с другой стороны, это может быть и авторская этимология, но без учета законов этимологии. Когда В. К. Тредьяковский утверждал, что название страны *Норвегия* — это искаженное *Наверхия* (страна наверху карты), а народ *этруски* — хитрушки, это самая настоящая народная этимология. Но нас больше интересует этимология, зарождающаяся в недрах самого народа. Так, на базе латинского заимствования *ординарный* и числительного *один* появилось новое *одинарный*. Слово это не очень удачно; упоминавшаяся здесь писательница И. Грекова решительно выступала против него. Но есть область, где однокоренное слово приобрело статус термина. На ипподроме делают ставку *в одинаре*, *в двойном* или *в тройном* (т. е. на то, что данная лошадь придет первой, второй или третьей). И заменить его можно только на словосочетание, что всегда нежелательно.

Благодаря народной же этимологии немецкое *Werkstatt* «рабочее место» превратилось в *верстак* (по аналогии с *верстать*, хотя *верстак*

используется не для верстки⁴), а название полупрозрачной ткани *дымка* ассоциируется с *дымом*, хотя это в действительности тюркское заимствование (тур. *dimi* «бумазея» из греч. *dimition* «сотканное из двух нитей»).

Заимствования могут глубоко внедриться в язык, стать его необходимой частью. Конечно, бывает, что они переводятся на родной язык, — как правило, в форме калек. Благодаря многовековому господству Австрии⁵ чешский язык оказался перенасыщен немецкими заимствованиями. И нормализаторы сочли за благо очистить его от германизмов. Были устраниены даже такие международные слова, как *teatr* (греч. *théâtron*, дословно «зрелище»); оно было калькировано словом *divadlo*. Калек много и в русском языке. Так, упомянутое прилагательное *ординарный* (лат. *ordo* «ряд») было переведено как *рядовой*, французское *impression* — *впечатление* (приставка *im-* — *в-*, корень *press-* — *печат-*, суффикс *-ion* — *-ени-е*), лат. *influentia* — *влияние* (*fluere* «плить»). Любопытно, что заимствованные слова и кальки могут разойтись в значении. Так, *ординарный* может иметь значение «соответствующий стандарту» (*ординарное вино*) и (устаревшее) «введенный в штат» (*ординарный профессор* или *академик* в XVIII — начале XX в.). Помимо кальки *влияние* в русском языке есть и заимствование (через итальянское посредничество) *инфлюэнца* «инфекция, грипп».

Замена слов стала происходить в русском языке, когда в 40-е гг. была сделана ставка на «борьбу с низкопоклонством». Французские булки были переименованы в *городские*. Известное кафе «Норд» на ул. Горького (нынешней Тверской) в Москве превратилось в «Север» (та же участь постигла и одноименные папирсы). Примерно тогда же волна переименований настигла и спортивную терминологию. Надо отдать должное тем, кто это осуществил: они проявили неплохое лингвистическое чутье. Названия самих игр *футбол*, *баскетбол*, *гандбол*, *волейбол* не превратились в «ручной», *ножной* мяч, мяч с корзиной, мяч в поле; а при переименованиях удалось избежать прямолинейного калькирования. *Форвард* «передний» превратился в *нападающего*; *беки* «задние» — в *защитников*, *хаубеки* «полузадние» — в *полузадние*.

---

⁴ По Далю, этот глагол означает «ровнять, уравнивать; || сравнивать, применять одно к другому». Именно это значение повлияло на *верстак*: стол, на котором можно подровнять деревянные изделия.

⁵ Слово *господство* не следует понимать непременно как «угнетение»; в XVII в., например, столицей Габсбургской Австрийской империи была не Вена, а Прага. Речь идет скорее о тесном сосуществовании обоих языков.

ищитников. Интереснее же всего изменился *галкипер* «принимающий голь». Для его названия было использовано старое слово *вратарь*, которое еще в XVIII в. обозначало стражника монастырских ворот. Аналогично *аэроплан* был заменен на *самолет*, слово, обозначавшее в XIX в. разновидность парома. Оба слова не являются абсолютными синонимами: аэропланами мы называем первые модели из дерева и полотна. Современные же машины могут именоваться только *самолетами*.

Итак, совершенно без заимствований обойтись трудно. Наиболее устойчивы те, что, во-первых, заимствуются вместе с реалиями, а во-вторых, приобретают статус термина. Это относится не только к научной лексике: под термином надо подразумевать слово, для которого невозможно найти синоним, а заложенные в него смыслы передаются целым словосочетанием. Ю. С. Степанов, рассматривая роль термина в лексике, высказался так: термин — это слово с бесконечным количеством смыслов [Степанов 1975: 20]. Имеется в виду то, что за каждым термином стоит большой (в идеале) объем знаний о называемом предмете и понятии. А П. А. Флоренский сравнивал термины с другим предметом своего глубокого изучения — диэлектриками. Подобно тому как изолятор концентрирует и направляет в нужном русле электроэнергию, не давая ей рассеиваться в пространстве, термин организует смысловую энергию понятия [Флоренский 1989]. Таким образом, замена термина возможна и желательна далеко не всегда. Язык *пределной ясности*, на котором говорил Дмитрий Сологдин, персонаж «В круге первом» А. И. Солженицына, остается курьезом (инженер у него назывался *зиждитель*, копировщица чертежей — *прозрачно-обводчица*). Это смешно, но вот слов и выражений типа *саундтрек из блокбастера* «песня из популярного фильма» действительно надо избегать: никакими чертами термина оно не обладает, а на русский переводится легко и просто.

И здесь возникает еще проблема. Иногда приходится слышать, что язык сам способен отобрать нужное и отбросить ненужное. До некоторой степени это, конечно, так. Из новых слов петровской эпохи удержались далеко не все. Петр, например, называл любую пирожную или танцевальный вечер *ассамблей*. Сейчас же мы так называем только особые официальные собрания (*Генеральная Ассамблея ООН* — ее в Общее собрание не переименуешь!). Но наше время отличается от петровского ролью средств массовой информации. «Вести-куранты» ни тиражом, ни популярностью не могут равняться с современными газетами, не говоря уж о телевидении. И речевой стиль СМИ, весьма

грешащий и неоправданными заимствованиями, и жаргонизмами, может оказывать отрицательное влияние на общенародный язык, способствовать его засорению.

В свое время с этой проблемой столкнулись французы. Надо сказать, что со времен образования Французской академии одной из черт француза стала гордость за родной язык. Во французском языке нового периода мало заимствований; отчасти этому способствовало и то, что французский происходит из латыни и такие слова, как *fragile* «хрупкий», при исконном и однокоренном *frêle* «слабый», не воспринимаются как чужеродный элемент. Но в конце 60-х гг. во французский язык хлынули англицизмы (благодаря популярности американских фильмов и музыкальных ансамблей). Начал образовываться язык, иронически прозванный *franglais* «франглийский, франко-английский». И пришлось парламенту принять закон о языке, запрещающий употреблять английское слово там, где существует французский эквивалент. Можно ли надеяться на нечто подобное в русском? Едва ли. Но меры принимать надо. Во-первых, целесообразно создать для телевидения и радиокомпаний лингвистическую службу, которая бы отслеживала многочисленные речевые ошибки дикторов и ведущих. Во-вторых, — и это еще важнее — необходимо воспитывать в народе культуру речи. А как это сделать? Для этого надо двигаться в направлении, противоположном тому, что предлагает Министерство образования: не сокращать количество часов на литературу, а, наоборот, увеличивать их. Необходимо также восстановить в полном объеме экзамен по русской литературе (как письменный, так и устный). Ученик должен к нему готовиться не по «золотым сочинениям», а читая тексты классиков. Только так он сможет почувствовать и полюбить родной язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Степанов 1975 — Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
С. 20.
- Флоренский 1989 — Флоренский П. А. Термин // Вопросы языкознания. 1975. № 2.

3. КУЛЬТУРА И ЭТИКА

ФАКТОР АДРЕСАТА И ВЫБОР ДИАЛЕКТА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ^{*}

0. Диалекты древнегреческого языка традиционно подразделяются на четыре группы: дорийские и северо-западные, ионийские, эолийские, ахейские. К дорийским относятся говоры п-ва Пелопоннес: лаконский (спартанский), мессенский, также критский диалект и наречия юго-западного побережья Малой Азии, а также древней колонии в Египте Кирены и греческих городов Сицилии. Диалекты близкородственной северо-западной группы включают в себя говоры ряда областей Средней Греции: Фокиды, Дориды, Эпира. К ионийским говорам относятся прежде всего аттический (с некоторыми отступлениями), а также диалекты о. Эвбея и центральной части западного побережья Малой Азии. Также на ионийских диалектах говорили древнейшие наследники греческих колоний на Апеннинском полуострове. Эолийские диалекты распространены в центрально-восточной части Северной и Средней Греции (Фессалия и Беотия), северо-западном побережье Малой Азии (с о. Лесбос, Хиос). Ахейские диалекты включают в себя говоры Аркадии, Кипра, а также идиолект памфилийской надписи (на юге Малой Азии). Крито-микенские таблицы отражают древнейший вариант ахейского диалекта.

0.1. За всю историю древнегреческого общества так и не появился единый литературный язык; ср. [Тронский 1973; Adrados 2002]. Правда, после походов Александра Великого и формирования эллинистических монархий появился наддиалект *κοινή* (на базе аттического с некоторыми ионийскими чертами), но и он не стал единственным для художественной литературы. Выбор писателем диалекта был обусловлен целым рядом факторов. Место рождения играло, конечно,

---

^{*} Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Фактор адресата и выбор диалекта в древнегреческой словесности // Логический анализ естественного языка: Фактор адресата / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова М., 2012.

важную роль. Представители жαιра сольной мелики Алкей и Сапфо (VI в. до н. э.) писали на родном для себя диалекте о. Лесбос. У них были продолжатели, тексты которых до нас по большей части не дошли. Коринна (V в. до н. э.) родилась в беотийском городе Танагра, также писала стихи на своем диалекте. Уроженец малоазийского города Галикарнас Геродот использовал местный вариант ионийского диалекта. Но литературная традиция на этом диалекте все-таки не сложилась. Иное дело — аттический диалект, на котором писали философы Платон и Аристотель, оратор Демосфен, историки Фукидид и Ксенофонт. Военное, экономическое, но прежде всего культурное преобладание Афин в Греции сделало местный диалект чрезвычайно престижным.

0.2. Другим обстоятельством, влияющим на выбор диалекта, явилась традиция. Так, в IX—VIII вв. до н. э. в Греции сформировался т. н. эпический наддиалект, на котором написаны поэмы Гомера и Гесиода. Будучи в своей основе ионийским, он содержит некоторое число эолийских элементов (главным образом, дублетов). Этот наддиалект стал обязательным для жαιра не только эпоса, но и элегической (в меньшей степени ямбической) лирики. Другой пример — хоровая лирика, представленная такими авторами, как Пиндар и Вакхилид. Она зародилась, по-видимому, в Спарте; поэтому долгое время ее диалект считался дорийским. Первым пересмотрел эту точку зрения Н. С. Гринбаум [1973], который предположил, что доризмы хоровой лирики являются позднейшими напластованиями, действительно связанными со спартанским влиянием. Но более древние языковые элементы позволяют выявить следы иной поэтической традиции, восходящей к крито-микенской эпохе. Партии хора в древнегреческой трагедии тоже имеют черты, общие с дорийскими наречиями.

0.3. В период эллинизма, как мы отмечали, широко распространился койнэ, сформировавшийся на базе аттического. На его восточном варианте, с определенным семитским влиянием, написан Новый Завет. Но поэты старались ориентироваться на жайр. Так, Каллимах Киренский (300—240 гг. до н. э.) и Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) писали на эпическом наддиалекте, язык поэтессы Эринны (IV в. до н. э.) содержит как дорийские, так и эпические черты¹. Первые отра-

¹ О творчестве и стиле Эринны см. [Чистякова 1966; Красухин 1999; наст. сборник, с. 181—194]. Прожив 19 лет, она написала небольшую поэму «Веретено» (от которой сохранилось одно двустишие) и несколько посвятительных стихотворений — всего 22 строчки. Они, тем не менее, дают представление как о ее незаурядном поэтическом таланте, так и об особенностях ее идиолекта.

жают диалект ее родного острова Телос. Особенno своеобразна языковая личность Феокрита (Ш в. до н. э.), который написал часть буколик на дорийском, часть на эпическом, часть на эолийском, часть на смешанном (дорийский + эпический) диалекте. Объясняется это и местом рождения (дорийские Сиракузы), и местом пребывания (дорийская Кирена), но также и следованием традиции. Эпические буколики написаны неизменно гекзаметром, на эпическом диалекте составлен и «Эпиллий о Геракле»². В эолийских же стихах используются такие размеры, как сапфический пентаметр и большой асклепиадов стих — то, что наиболее характерно для эолийской поэзии³.

1. Таким образом, диалект оказывается связан с жаиром и размером. Это имеет принципиальный характер. Дело в том, что жаир, как показал М. М. Бахтин, неразрывно связан с высказыванием, которое характеризуется темой, стилем, композиционным построением. Наиболее устойчивые типы высказываний суть речевые жаиры [Бахтин 1979: 237]. Жаиры подразделяются на простые (первичные, элементарные) и сложные (вторичные). К последним и относится изящная (а также неизящная) словесность. Особенность высказывания же заключается в том, что оно определяется не только языковыми средствами, но прежде всего контекстом, окружением, реакцией воспринимающего. Иными словами, адресат есть необходимое условие существования и функционирования высказывания.

1.1. Все черты поэтики на всех уровнях всегда связаны со спецификой жаира. Собственно говоря, в применении к языку это было известно давно, нашло воплощение в теории трех стилей античности и классицизма, развитой на российском материале М. В. Ломоносовым. Но Бахтин [Там же: 242] подчеркивает, что подобных простых схем еще недостаточно для построения стилистики на едином основании: необходим учет всех особенностей речевого жаира. О выборе в русской поэзии определенных фонетических, морфологических и синтаксических средств писал М. И. Шапир [2000: 13—32]. К сожалению,

² Эпиллий (уменьшительное к эпос) — жанр поэзии, введенный Каллимахом: короткое (на 200—300 строк) повествование в гекзаметре об эпизоде жизни мифологического персонажа.

³ Вспомним, как Гораций определяет свою главную заслугу: *Primum Aeolianum Carmen ad Italos deduxisse modos* ‘Первым перевел эолийскую песнь на итальянский лад’. Он первым использовал эолийские размеры, в т. ч. большой и малый асклепиадов стих, в поэзии на латинском языке. Для грека же эти размеры были нерасторжимо связаны именно с lesbийским диалектом, с Алкеем и Сапфо.

преждевременная смерть этого замечательного филолога не позволила ему решить задачу, над которой он работал последние годы: создание исторической грамматики русского поэтического языка. Но в этом направлении он продвинулся дальше, чем любой другой ученый в мире. И задача построения исторической грамматики поэтического языка остается актуальной для любой филологии.

1.2. Каждый жанр диктует свой набор и свою интерпретацию языковых средств. Но специфика древнегреческой словесности состоит именно в том, что отдельные жанры предусматривают не просто возможность фонетических и морфологических вариаций, но требуют именно своего диалекта. Такую лингвистическую ситуацию можно считать уникальной.

1.3. Конечно, полидиалектность — не уникальное явление в истории словесности. Так, в древнеанглийском существуют произведения, написанные на нортумбrijском (англском) и уэссекском (саксонском) диалектах; также имеется незначительное количество текстов на мерсийском (англском) и кентском (ютском) диалектах. Тексты на уэссекском диалекте — это хроники, Библия и грамматика Эльфрика, переводы, сделанные Альфредом Великим. Все авторы были носителями данного диалекта. Вообще в IX в. уэссекский диалект стал, по сути, господствующим в Англии. Связано это с событиями английской истории. Именно Уэссекское герцогство и его правитель, упоминавшийся Альфред Великий, сумели оказать сопротивление скандинавским завоевателям, заставить их признать права английской короны. Альфред, таким образом, утвердил свой родной диалект в качестве основного литературного и как государственный деятель, и как писатель.

На нортумбrijском же диалекте сперва был написан «Беовульф». Однако его переписывали саксонские писцы, которые внесли в него уэссекские элементы. Так что в дошедших до нас рукописях «Беовульф» представляет собой смешение английских и саксонских форм. Интересна история гимна Кэдмона. Его цитирует в своей «Церковной истории английского народа» Беда Достопочтенный (673—735). В латинской рукописи этот гимн приводится в нортумбrijском варианте; при переводе «Истории» на уэссекский диалект⁴ гимн приобрел саксонские черты:

---

⁴ Считается, что «Историю» Беды перевел не сам Альфред; он был заказчиком этого перевода. Кроме того, «История» была переведена вначале

Англский вариант⁵

Nū scilun herga heren rīcæs ward
metudæs mehti and his mōdžithanc
uerc uuldrur sadur suē hē uundra žihuēs

 ēci dryctin ðr astelidæ
he ærist scōp ældu batnum
hefen tō hrōfæ hāliz sceppend
thā middingard moncynnæs uard
 ēci dryctin æfter tiadæ
firun foldu frēa allmehtiz

Саксонский вариант

Nū sculon herigean heofonrīces weard,
meotodes meahte and his mōdžefanc,
weorc wuldor fæder swā hē wundra
žehwæs,
 ēce drihten, ðr onstealde.
 He ærest scēðp eordan beornu
heofon tō hrōfe, hāliz scyppend;
 þā middanzeard moncynnes weard,
 ēce drihten, æfter tēode
firum foldan frēa ælmihtiz

‘Теперь мы должны восславить защитника небесного (господнего) царства, мощь господина (творца) и его дух и мысли, деяние славного отца, ибо он — в каждом чуде; вечный Господь, он установил начало. Он первый творец земли и людей, для защиты неба, святой творящий; он на земле защитник людского рода, вечный Господь, ибо сотворил землю для людей, владыка всемогущий’.

Англские и саксонские фонетические черты здесь достаточно наглядны: англское *i* соответствует саксонскому *u*, *y*, *e* — *i*, *a* — *ea*, *æ* — *e* и т. д. Показательно, что английские формы без труда «переводятся» в саксонские. Это говорит о том, что никаких жанровых различий оба древнеанглийских диалекта не воспроизводили. Встретив аномальную с его точки зрения форму, писец без труда заменял ее на привычную. Это связано с ролью Уэссекса в истории Англии IX—XI вв.⁶ В греческой словесности, как видим, сложилась совсем иная ситуация.

2. Теперь рассмотрим основные диалекты древнегреческой поэзии. Эпический наддиалект, как мы отмечали, представляет собой соединение ионийских и эолийских форм. К первым относятся, в частности: превращение слияния *-o-* + *-u-* в *eu*, переход *â* в *η*; аттическому *tt* в荷-меровском соответствует *σσ*. Это рефлекс глухой аффрикаты [ts], сформировавшейся из сочетания некоторых смычных с [i]. Любопытно, что

на нормумбрийский диалект. Однако все дошедшие до нас пять рукописей написаны по-уэссекски.

⁵ Даётся по [История 1999: 337—338], где воспроизводится рукопись из Публичной библиотеки. В [Смирницкий 1998] приводится вариант из рукописи, хранящейся в Кембриджском университете с рядом разнотений.

⁶ Заметим, что преобладание уэссекского диалекта не означает полного вытеснения английского. В современном английском достаточно много и английских, и саксонских по происхождению форм.

от характерно для всех ионийских диалектов; в аттическом она возникла под влиянием северо-западных диалектов. После выпадения дигаммы в ионийском развивается долгота, в аттическом нет: гомер. ὅλος ‘целый’ = атт. ὅλος <*soliqos*, μόνος ‘одинокий’ — μόνος. Эолийские черты суть следующие. Во-первых, это сохранение губных как рефлекса лабиовелярных. В большинстве греческих диалектов и.-е. *k*, *g*, а также сочетание **k*_u*, **g*_u* переходят в $\pi(\pi)$, β. Перед пласными переднего ряда они превращаются в переднеязычные. Таким образом, общегреческое θήρ ‘зверь’ закономерно отражает и.-е. **g̥ʰn̥ēr*, а τέτταρες (*téttareς*) ‘четыре’ — *kʷéts-es. В эолийском этот переход не существует, поэтому и у Гомера имеется φήρ наряду с θήρ, πίσυρες вместе с τέτταρες. Во-вторых, эолийским является переход δι- + гласный > ζ- + гласный: гомер. ζάθεος ‘божественный’. Местоимения тоже варьируют: эолийские формы ἡμεῖς ‘мы’, ὑμεῖς ‘вы’ (<*hs-mes*, *ius-mes*) соседствуют с общегреческим рефлексом ήμεῖς, ὑμεῖς. Дело в том, что выпадение *-s- в греческом приводит к появлению густого придыхания, которое отпало именно в эолийских говорах. Ср. [Buck 1955].

2.1. Исследуя гомеровские эолизмы, К. Штрунк [Strunk 1957] пришел к несколько парадоксальному выводу: по сути дела они не являются показателями собственно эолийского диалекта. Дело в том, что диалектные особенности суть всегда языковые инновации, тогда как большинство упомянутых черт являются, наоборот, отсутствием инноваций. Особенно интересно наблюдение Штрунка над значением имени φήρ. Оно означает не столько ‘зверь’, сколько кентавра (Ил. I 267—268; II 743) и появляется в мифологическом рассказе. Таким образом, архаичность формы соответствует архаичности текста. Против такого категоричного вывода возражал У. Каугилл [Cowgill 2006: 179], справедливо отмечая, что некоторые эолизмы все-таки инновационны. И действительно, эолийский псилюсис (отпадение густого придыхания), безусловно, является отступлением от общегреческого. Это касается форм ἡμεῖς, ὑμεῖς, где отпадение густого придыхания — безусловное новшество. Также переход общегреческого *thi в эолийское *thi* тоже трудно признать большим архаизмом, чем заменительное удлинение в других диалектах. Общегреческая форма должна была выглядеть как *ἀμεῖς (*ἀσμεῖς), *ὑμεῖς (*ὑσμεῖς).

2.2. Вместе с тем Штрунк нашупал чрезвычайно важную проблему. В греческом языке, особенно языке поэзии, есть архаический пласт, заключающийся в отсутствии позднейших инноваций. Он связан с мифологическими и ритуальными текстами. Об этом в последней части нашей работы. Пока же отметим, что проблема архаизмов и иннова-

ций — одна из центральных в гомеровском эпосе. Последняя по времени серьезная работа на эту тему — [Hackstein 2002]. О. Хакштайн выделяет инновации, не нашедшие продолжения в более позднем греческом (изолированные), и инновации, нашедшие таковое (антиципаторные). К первым можно отнести сокращение долгот в формулах Ἀτρέος (*Τιδέος*, *Πηλέος*) *νιός* ‘сын Аtréя (*Τιδεя*, *Пелея*)’. Все это имела с основой на -ευ-; в косвенных падежах должна была проявиться природная долгота гласного (*Ἀτρῆ(=)ος*, *Τιδῆ(=)ος*, *Πηλῆ(=)ος*); в позднейшем греческом произошел т. наз. перенос количества (*metathesis quantitatis*): *Ἀτρέως*, *Τιδέως*, *Πηλέως*. Гомеровская инновация не нашла продолжения в дальнейшем. Но подавляющее большинство новшеств существует в позднейший период. Их сосуществование с архаизмами тоже является особенностью эпического наддиалекта.

2.3. Сочетание архаичных и инновационных форм вообще характерно для поэтического языка в момент его становления; оно прослеживается и в раннем новонемецком, и в русском начала XIX в. Для гомеровского языка важна его принципиально полидиалектная основа. Его становление О. Хакштайн связывает с культурно-политическим переворотом, произошедшим в VIII в. до н. э.: обретением алфавитной письменности и началом греческой колонизации [Hackstein 2002]. Я бы сказал так: это время становления сильных племенных союзов. Именно им необходим был героический эпос о славном прошлом своего народа. И именно в то время разрозненные песни о Троянской войне, осаде Фив и т. д. сформировались в цельные художественные произведения — киклические поэмы, из которых до нас дошли только «Илиада» и «Одиссея». Эпос писался текзаметром; благодаря авторитету Гомера все текзаметрические тексты писались на эпическом языке или под его влиянием. Элегический дистих произведен от текзаметра, поэтому эпический наддиалект использовался и в античной элегии.

Приведем образец эпического текста.

Μῆμιν ἀείδε, Θεά, Πελειαδέω Ἀχιλλῆος,
οὐλομένην, ἥ μινθὶς Ἀχαιόντος ἄλγε' ἔθηκεν
πολλὰς δ' ἵψιμους ψυχὰς Ἄιδι πτοῖαφεν
ηρώων, αὐτοὺς δὲ ἐλώρια τεῦχε κύνεσσι
οἰωνοῖσι τε πᾶσι, Διὸς δ' ἐτελεῖτο βούλῃ (Ил. I 1—5)

‘Воспой, о богиня, гнев Пелида Ахилла, гибельный, который причинил тысячи горестей ахейцам, много доблестных душ героеv

направил в Аид, тела же их отдал собакам и всем птицам; так свершилась воля Зевса'.

В данном фрагменте причастие *οὐλομένην* является ионизмом: **φολυ-* переходит в *οὐλ-*, тогда как в аттическом диалекте удлинение пропадает. Глагол *ἐτελεῖτο* характерен тоже именно для эпоса: презенсу *τελείω* в прозе соответствует *τελέω* (имперфект *ἐτέλειτο*). Сочетание *Πελειάδέω Ἀχιλλῆος* представляет собой соединение инновации (первый генитив) и архаической формы. Эолизмом является форма дательного падежа *κίνστι* (ионическое *κιστί*), эпической — *οἰωνοῖτι* (прозаическое *οἰωνοῖς*). Как видим, в небольшом фрагменте оказалось довольно много золийских черт.

3. VI век ознаменовал новую стадию в развитии поэтического языка: формирование региональных вариантов. В г. Митилена на о. Лесбос творят два великих поэта: Алкей и Сапфо. Они считаются создателями жанра сольной лирики; оба использовали свой родной диалект. Приведем образцы:

*'Αστινέτημι τῶν ἀνέμων στάσιν·
τὸ μὲν γὰρ ἔνθεν κίμα κιλίνδεται·
τὸ δ' ἔνθεν· ἄπιες δ' ὅν τὸ μέστον
ναι φορήμεδα σὺν μελαίνῃ
χείμωνι μόχθεντες μεγάλῳ μάλα* (Alkaios, 46A, 1—5)

‘Я не знаю направления ветров. Волна вращается то с одной, то с другой стороны, а мы посредине несемся на черном корабле, сильно угнетаемые великой бурей’.

Форма *ἀστινέτημι* является ярким эолизмом: глагол с основой на гласный в этих диалектах приобретает флексию *-μι*: *ὅφω* ‘видеть’ — *ὅφημι*, *καλέω* ‘звать’ — *κάλημι* [Schmid 1986]. То же относится к предлогу *ὅν* ‘вдоль, вверх’, соответствующему *ἀνά* в иных диалектах. О местоимении *ἄπιες* речь шла выше.

*'Αστερες μὲν ἄκιφὶ κάλαν σελάνναν
ἄψ ἀπικρύπτοισι φάενον εἶδος
ὅπποτα πλήθοισα μάλιστα λάμπη
γάν ἐπὶ παιᾶν* (Sappho, 4)

‘Звезды вокруг прекрасной луны скрывают яркий облик, всякий раз, когда она, полная, светит на всю землю’.

В эолийском диалекте ударение не может стоять на последнем слоге, поэтому у Сапфо представлены *ἄστηρ* (= *ἀστήρ*), *χᾶλος* (= *χαλός*). Формы *σελάννα* (< *σέλασ-να*) и *φάεινος* (< *φαεσ-νος*) закономерно отражают группы *-sn- (ср. ионийско-аттическое *σελήνη*, *φαεινός*). Группа *-onti- в ионийско-аттическом переходит в -οισ-, *-antī- — в -αισ-, в эолийском — соответственно -οισ-, -αισ-. Форма *ὅπποτα*, помимо отсутствия глухого приданья, имеет характерный для данного диалекта суффикс -та и удвоение π (ионийско-аттическое *ὅπποτε* < *iod-potē-ta).

4. В эллинистическую эпоху, как мы отмечали, использование диалектов в поэзии становится еще более разнообразным. Наличие одновременно дорических и эпических черт в текстах Эринны и Феокрита, по-видимому, надо понимать как освоение носителями соответствующих диалектов эпического стиля, возможно, попытка приблизить его к родному говору. Показателен небольшой отрывок из Эринны:

*τούτοδεν εἰς Ἀΐδα κενεὰ διανήχεται ἀχώ·
σιγὴ δ' ἐν νεκύεσσι, τὸ δὲ σκότος ὅστε κατέφει* («Веретено»).

‘До Аида отсюда разносится гулкое эхо,

А у мертвых — мотчанье, и сумраком очи покрыты’ (перевод мой. — К. К.)

Дорийскими являются такие формы, как *ἀχώ*, *σιγά*: в них нет перехода *ā* > *η*, характерного для других диалектов; напротив, в *διανήχεται* этот переход произошел. Дат. п. мн. ч. *νεκύεσσι* — эолизм, характерный и для языка эпоса. Особый интерес представляет оборот *τὸ δὲ σκότος ὅστε κατέφει* ‘и сумрак заливал глаза’: это реминисценция гомеровской формулы *τὸν δὲ σκότος ὅστε κάλυψεν* ‘и мрак скрыл его глаза’.

4.1. В идиллиях Феокрита, написанных на смешанном диалекте, встречаются равно такие формы, как доризмы *ἐντί* ‘они суть’, *ἀείδοντι* ‘они поют’ (XVI, 3) и общегреческие *ἀειδῶμεν* (*ibid.*, 3; дорийская флексия — *-μες*) ‘мы бы пели’, *ναίουσιν* ‘они населяют’ (*ibid.*, 5). «Эолийские» стихи того же автора объединены общей темой: они всегда трактуют о страстной и неразделенной любви (тема Сапфо), в них появляются и заимствованный у Алкея мотив вина-утешителя. Так, идиллия XXIX начинается почти прямой цитатой из Алкея:

*Οἶνος, ὃ φῖλε πᾶι, λέγεται καὶ ἀλάδεια
‘Вино, милое дитя, как говорят, и есть истина’.*

Фрагмент 66 Алкея:

Οἶνος, ὁ φίλε παῖ, καὶ ἀλάθεια
‘Вино, милое дитя, и есть истина’.

Образец текста:

*“Οἰαι τῷ χαλέπῳ καΐνομόδῳ τῷδε νοσήματος·
 τετόρταιος ἔχει παιδὸς ἔρος μῆτρα με δεύτερον
 κάλω μὲν μετρίως, ἀλλ’ ὅπογον τῷ πόδι περρέχει
 τᾶς γᾶς, τοῦτο χάρις, ταῖς δὲ παραίναις γλύκυ μειδίαι”* (XXX, 1—4)

‘О, сколь тяжела и мучительна эта болезнь! Четырежды за два месяца меня охватывает любовь к красивому мальчику, но всякий раз, когда он идет по земле, такая радость, со сладостью улыбка на лице’.

Эолизмы суть следующие: закрытое долгое [ɔ], возникшее из контракции гласных и передающееся в иных диалектах графемой *ou*, здесь выглядит как *ω*; возможно, оно обозначает не закрытый, а открытый долгий [ɔ̄]. В таком случае перед нами не только графическое, но и фонетическое различие диалектов. Форма *μῆτρα* (*μῆτ-ρ-*) тоже эолийская, как и *παραίνα* = *παρεία* ‘щека’.

4.2. Такая вариативность диалектов, с одной стороны, свидетельствует о тесной связи диалекта с жанром, с другой — характеризует и поэзию эллинистического периода. В это время греческая архаика, переставшая восприниматься как непосредственная действительность, становится предметом тщательного изучения со стороны филологов и историков. И именно в период эллинизма появляется жанр ученой поэзии. Она старается как можно более точно стилизовать текст в соответствии с его жанровой принадлежностью. В этом тоже проявляется фактор адресата. Читатель эллинистической поэзии — любитель мифологической архаики.

5. Для того чтобы рассмотреть особенности хоровой лирики и партий хора, необходимо обратиться к такому явлению, как ассибиляция. Это превращение *t* > *σι* (при безударном *i*) — древнейшая инновация части греческих диалектов, разделившая весь континуум на западную (дорийские, северо-западные говоры) и восточную часть (ионийские, эолийские, ахейские говоры). Она затрагивает прежде всего глагольную флексию и суффикс отлагольного имени **-ti-*. Часть имен, вошедших в общегреческий, сохраняет неассиблированную форму, часть — ассиблированную. Однокоренные слова с разными вариантами

тами суффиксов различаются значениями. Например, *φάσις* I. явление; появление (в т. ч. звезды), фаза (луны, Arist. Meteor, 342b); II. ‘сообщение, выражение’. Слово это фиксируется сравнительно поздно, не раньше IV в. до н. э. Совсем иное значение имеет *φάτις* I. ‘пророческая речь’; II. ‘призыв, клич; голос, молва, слава’. Не подвергся ассимиляции суффикс в именах *μῆτις* ‘промышлен’, *μάντις* ‘пророк’. Как видим, они относятся к высокому стилю, в частности, к языку прорицаний.

Язык хоровой лирики и хоровых партий этот архаизм западных диалектов разделяет лишь частично. Так, у Пиндара имеются формы 3 л. ед. ч. глагола *-τι* и *-σι*, мн. ч. *-ούτι* и *-οισι*. В языке же хоровых партий глагольные флексии, как правило, выступают в ассимилированной форме. Это обстоятельство не позволяет считать их полностью дорийскими. И если мы сравним основные особенности дорийских и северо-западных диалектов с языком хоровой лирики и хоровых партий, то мы увидим, что их объединяет только небольшое количество архаизмов: 2 из 23 признаков [Красухин 2010].

Приведем образцы текстов:

*Τύηλᾶν ἀρετᾶν καὶ στεφάνων ἄντον γλυκὺν
τῶν Όλυμπία, Όκεανοῦ θύγατρο, καρδίᾳ γελανεῖ
ἀκαμαντόποδός τ' ἀπήνας δέκει Ψαύμιός τε δῶρα·
δες τὰν σὰν πόλιν αὔξων, Καμάρινα, λαοτρόφον
βαμοὺς ἐξ διδύμους ἐγέραφεν ἑορταῖς θεῶν μεγίσταις* (Pindar Ol. V 1—6)

‘Сладостный цвет высоких доблестей и венков — корабли и дары Псавмия с неутомимыми ногами, в Олимпии, о дочь Океана, радуясь сердцем, прими! Он, возвысив твой город, Камарину⁷, кормящую народ, величайшими празднествами шесть славных алтарей богов по-чтил’.

Здесь дорийским можно считать отсутствие перехода *ā* > *η* и переход *α + o, ω > a*.

Партия хора:

*εἰρήνα μεν ἐμοὶ γ' ἀφέσκει·
σὺ δ', ὁ κακόφρον ἄναξ,
λέγω, εἰ πόλιν ἡξεῖς,
οὐχ αὕτως ἀ δοκεῖς κυρήστεις* (Euripides, Heraclidae, 371—374)

⁷ Камарина — город в Сицилии, основанный греками в 599 г. до н. э. и названный в честь одной из океанид.

‘Мир мне угоден. Ты же, о владыка со злой душой, если город захватишь, то говорю тебе, будешь править не так, как тебе думается’.

Доризмы аналогичны.

6. Итак, рассмотренные литературные тексты разделяют с дорийскими и северо-западными диалектами только архаизмы, но не инновации. Следовательно, надо найти какое-то объяснение для диалектных особенностей этих жанров. Хорошо известно, что хор трагедии — наиболее архаическая ее часть, восходящая к древнейшим охотниччьим ритуалам. Хоровое пение тоже появилось в первобытном обществе значительно раньше, чем индивидуальное. Таким образом, оба жанра могут быть названы древнейшими в греческой литературе. Вероятно, их язык восходит к наиболее архаическому варианту греческого, без последующих инноваций. На этом языке обращались к богам. Лексика пророчеств, как мы убедились, тоже несет отпечаток архаического языка. Условно его можно назвать «греческий жреческий». Отметим, что гимны богам (т. н. гомеровские гимны) писались на эпическом наддиалекте. Это можно объяснить тем, что они содержат не столько молитвы, сколько рассказы о действиях богов, следовательно, в них использовался не профетический, а нарративный стиль (и диалект). «Греческий жреческий» становился и объектом пародии. Так, в комедии Аристофана «Облака», написанной на аттическом диалекте, хор облаков (277—290) воспевает молитву на языке, близком к хоровым партиям.

7. Попробуем подытожить краткий обзор основных греческих диалектов, употреблявшихся в поэзии. Древнейшим из них был, очевидно, «греческий жреческий». Он, возможно, начал формироваться до переселения греков на Балканы (примерно 2500 г. до н. э.), так как не обнаруживает ни одной диалектной черты. Адресатом его являлись боги. Затем начинается пора формирования языков с иными адресатами. Существовала ли поэтическая традиция микенского времени, как полагал Н. С. Гринбаум, сказать пока невозможно. Изопоссы Пиндаря с микенскими текстами интересны, но немногочисленны. Самые же микенские таблички в силу своих жайровых особенностей не дают сведений о поэзии: они представляют собой хозяйственные документы. В VIII в. зарождается новая поэтическая традиция — очевидно, на границе ионийских и эолийских областей Греции. Она связана и с началом греческой колонизации Италии, и с возникновением собственной греческой письменности, но главное — с осознанием единства своего единства. Задача эпоса — рассказать людям о великом

прошлом своего народа. На базе эпической традиции развиваются гимническая и декламационная поэзия. Гимны богам пишутся уже не на «греческом жреческом», а на эпическом наддиалекте. Это связано с тем, что деяния богов мыслятся как важная составная часть истории народа. Следующий этап — становление литературных традиций в отдельных греческих полисах — Митилене на о. Лесбос, и, прежде всего, конечно, в Афинах. Последние благодаря своей политической и культурной гегемонии стали языковым образцом Греции и сохранили этот статус после потери ими политического господства. Поэтому следующий этап развития греческого языка был тесно связан именно с аттическим диалектом. На его базе сформировалось эллинистическое койне, которое уже не было прямо связано с определенным жанром. Но, как мы убедились, иные диалекты продолжали использоватьсь в художественной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979.
- Гринбаум 1973 — *Гринбаум Н. С. Язык хоровой древнегреческой лирики: Пиндар. Кишинев*, 1973.
- История 1999 — *Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка*. СПб., 1999.
- Красухин 1999 — *Красухин К. Г. Эринна: Из лингвостилистического комментария // Шталь И. В. (отв. ред.). Ранняя греческая лирика*. СПб., 1999.
- Красухин 2010 — *Красухин К. Г. Ассибиляция в древнегреческих диалектах // Соловьев А. И. (отв. ред.). НТМФОН ANTRON: Сб. в честь А. А. Тахо-Годи*. М., 2010.
- Смирницкий 1998 — *Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII вв.* М., 1998.
- Тронский 1973 — *Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе*. Л., 1973.
- Чистякова 1966 — *Чистякова Н. А. Древнегреческая поэтесса Эринна // Тахо-Годи А. А. (отв. ред.). Вопросы античной литературы и классической филологии*. М., 1966.
- Шапир 2000 — *Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*. М., 2000.

- Adrados 2002 — *Adrados F. R.* Geschichte der griechischen Sprache. Wiesbaden; Basel, 2002.
- Buck 1955 — *Buck C. D.* The Greek dialects. Chicago, 1955.
- Cowgill 2006 — *Cowgill W. D.* Ancient Greek dialects in light of Mycenaean (1966) // *Cowgill W. D.* Collected Writing. Ann Arbor (NY), 2006.
- Hackstein 2002 — *Hackstein O.* Die Sprachform der homerischen Epos. Wiesbaden, 2002.
- Schmid 1986 — *Schmid W. P.* Die Verba contact im Äolischen // *O-o-pe-ro-si: Festschrift Ernst Risch.* Heidelberg, 1986.
- Strunk 1957 — *Strunk K.* Die sogenannte Äolismen der homerischen Sprache. München, 1957.

Античность и современность^{*}

Европейская культура и цивилизация происходит из античной (греко-римской) — вполне банальное положение. Но почему именно античность, а не Египет и не страны Передней Азии оказали такое колоссальное влияние на судьбу человечества? Для ответа на этот вопрос мы должны тщательно анализировать античность как тип культуры. Сделать это нелегко: о каждом значительном лице и явлении античной истории написаны десятки, если не сотни монографий и сотни, если не тысячи статей.

Попробуем определить, что же отличало Грецию и Рим от их восточных соседей. В Египте и странах так называемого Плодородного Полумесяца (Шумер, Ассирия, Вавилон) имелись огромные поля для возделывания. В этих условиях естественно появление единого хозяина для всех угодий. Его роль стала выполнять царская власть. Египетский фараон, цари Ассирии и Вавилона стали обладателями всей страны, а заодно — властителями жизни и смерти своих подданных. За заслуги, в знак своей милости царь мог им дать и доходное имение, и рабов (обязав за это платить себе дань). Но все это оставалось его собственностью, которую можно было и отобрать. Иначе обстояло дело в маленькой гористой Греции. Ее жители владели отдельными участками; рабы тоже были их частной неотчуждаемой собственностью. Человек, способный прокормить сам себя, не будет полностью зависим от государства. Более того, он попытается взять государство под контроль. И уже в архаической Греции появилась особая система власти — полис, высшим управляющим органом которого стало собрание его жителей. Для каждого дня же руководства государством народное собрание выбирало должностных лиц и вручало им

---

^{*} Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Античность и современность // Звонская Л. Л., Нерознак В. П. Античное наследие в европейской культуре. М., 2012.

полноту исполнительной и судебной власти. Древний Восток стал родиной абсолютной монархии, Древняя Греция — демократии. Ее политическое наследие оказывается важным и актуальным для ХХI в. Конечно, демократия в Греции была далека от совершенства. В раннем греческом полисе противостояли два класса: полноправные аристократы (землевладельцы и их потомки) и наделенные гораздо меньшими правами моряки, ремесленники, торговцы — демос. И история многих городов-государств полна драматическими конфликтами аристократии и демоса, ожесточенной борьбой последнего за свои политические и гражданские права. Нередко сломить сопротивление аристократии удавалось *тиранам*. Это слово приобрело свое нынешнее значение с резко отрицательной оценкой в трудах Платона и Аристотеля. Они именовали так единоличного правителя, руководствующегося собственным произволом вместо законов. Но в ранней Греции тираном именовали того, кто правил полисом без участия народного собрания. Такой тиран нередко узурпировал власть после вооруженных конфликтов аристократии и демоса и своей властью проводил политические реформы. Но в любом случае он мог быть назван авторитарным правителем.

Существовало в Греции и по-настоящему тоталитарное государство, т. е. претендующее на полный контроль и общественной, и частной жизни своих граждан. Это Спарта. В ней сохранились цари. Им, правда, принадлежала власть только над армией, а высшим органом власти тоже считалось народное собрание. Но т. н. законы Ликурга, которым обязаны были подчиняться спартанцы, мелочно регламентировали и их быт, и воспитание детей, не говоря уж об общественной деятельности. Спартанец должен был большую часть своего времени посвящать физическим упражнениям и совместным трапезам, уклоняться от которых он не имел права. Специальные законы регулировали величину дома и его внутреннюю отделку. С 7 лет спартанские мальчики отдавались в общественное воспитание, суровость которого вошла в пословицу. За занятия столь негодлежащими для спартанца занятиями, как искусство и философия, полагалось наказание. Таким образом, уже в архаической (VIII—V вв.) и классической (V—IV вв.) Греции были представлены разные формы правления: аристократическая демократия, заменяемая на всеобщую, авторитария, тоталитаризм. С точки зрения культуры, наиболее успешной явилась демократия. Высшие достижения литературы, философии и архитектуры появились в Афинах, особенно в век Перикла (длившийся с 444 по 429 г. до н. э.), в том числе и прославленный храм Афины Парфенон. Глав-

ный же оппонент Афин — Спарта — создала сильную военную машину, но оказалась удивительно немощной культурно. В VII—VI вв. в ней жило несколько талантливых поэтов, в V — ни одного значимого деятеля искусств. И спартанская архитектура ничем не прославилась. Крылатое выражение *спартанские условия, спартанское воспитание, да прилагательное лаконический* — вот и все наследие Спарты.

К IV в. до н. э. почти вся Греция была завоевана двумя выдающимися македонскими царями — Филиппом II и его сыном Александром. Только Афины и Спарта сохранили остатки независимости. После внезапной смерти Александра Великого на территории Греции возникло Македонское царство (просуществовавшее до 146 г. до н. э.). Другие части огромной империи Александра — Египет, Малая Азия — тоже превратились в отдельные царства. Но подданные этих держав не утратили частной собственности. Они просто перестали принимать участие в управлении государством. Благодаря этому и сформировался тип личности, который греки называли *ἰδιώτης*, а мы — частным лицом. Это человек, не являющийся ни ничтожным винтиком государственной машины, ни ее, так сказать, несущей частью. Он может сохранять внутреннюю свободу и независимость от государства. Пожалуй, такой тип личности ближе всего к современному европеизму.

Свободный человек, владеющий собственностью и самостоятельностью принимающий решения, стремится к познанию мира и в нем не удовольствуется готовыми стереотипными объяснениями. И Древняя Греция считается родиной науки. Справедливости ради скажем, что египтяне и вавилоняне тоже много и успешно занимались наукой, особенно астрономией и геометрией. Их исследования были посвящены прежде всего практическим нуждам: строительству, расчетам начала и окончания сельскохозяйственных сезонов. Наукой в этих странах занимались только жрецы; примечательно, что их имена остаются нам неизвестными. Наука же и философия как отдельные отрасли знаний появились только в Греции.

Первые греческие философы многому научились у восточных соседей. Но их интересы были всегда направлены на объяснение мира. Европейская наука начинается с Фалеса Милетского (624—546 гг. до н. э.). Фалес посетил Египет и Вавилон и вынес оттуда глубокий интерес к астрономии и математике. По преданию, ему первому удалось предсказать солнечное затмение, произошедшее в 585 г. до н. э. Он также решил несколько важных геометрических задач о равносторонних треугольниках, о прямой, проходящей через центр круга, о подобии и равенстве. Некоторые исследователи считают, что именно Фалес ввел

в геометрию процедуру доказательства теоремы. Если это так, то он может считаться предтечей Эвклида Александрийского, одного из величайших ученых всех времен и народов. Фалес был человеком верующим; он полагал, что весь мир полон божеств. Но в объяснении мира он не ссыпался на авторитет мифов, а старался описать его модель. По мнению Фалеса, мир представляет собой сегмент шара, плавающий в безграничном океане и пронизанный влагой. Когда океан волнуется, колеблются и земные воды. Тогда происходит то, что мы называем землетрясением. Вода является первоосновой мира. Конечно, картина мира Фалеса крайне наивна и умозрительна. Но он открыл кривизну земной поверхности. Фалес говорил, что мы не замечаем ее, потому что земля слишком велика; но, если не было бы кривизны, не было бы и горизонта. Главное же — для объяснения мира Фалес старался обращаться не к воле богов, а к строгим законам.

Ученик Фалеса Анаксимандр (611—546) полагал, что первоосновой мира является не вода, а огонь. Он первым задумался о бесконечности мира, в центре которого висит, ни на что не опираясь, цилиндрообразная Земля. Вокруг нее вращаются шины с отверстиями; из них вырывается огонь, который представляется нам небесными телами. Часть шин подвижна, и мы их называем планетами, часть неподвижна. Это звезды. Идея Земли, висящей без какой-либо опоры в бесконечном мире — это гениальное озарение. Анаксимен (583—525), в отличие от своего учителя Анаксимандра, считал первоосновой мира воздух. Космогоническая модель учителя казалась Анаксимену слишком неуютной. С его точки зрения, Земля не висит, а стоит. С ней соприкасается небесный хрустальный свод, движущийся вокруг нее. В этот свод вбиты золотые гвоздики — звезды; между землей и небом плавают огненные листья — планеты. Воззрения Анаксимена — некоторый регресс по сравнению с Анаксимандром. Но среди его мыслей есть одна, которая позволяет и его считать великим философом своего времени. Анаксимен рассматривал воздух как первоначало и самую разреженную стихию. Все вещества происходят из сгущения воздуха. Анаксимен первым задумался о природе изменений и об изменениях в природе. Его учение может рассматриваться как предвосхищение теории эволюции.

Так сформировалась ионийская школа философии. Ее последователем был философ Гераклит Эфесский (544—483). Он полагал, что, поскольку огонь есть начало всего мира, мир и устроен по принципу огня. Его главное свойство — постоянная изменчивость. Но изменчивость не хаотична. В основе мира лежит принцип, который Гераклит

назвал примечательным словом *λόγος*. Дословно это можно перевести как ‘слово’, но также ‘правило, закон’ (всего около 30 значений). Логос, по мнению Гераклита, — это не просто общий закон, но и общая организация мира. Тот, кому становится доступен логос, пробуждается душой. И только люди, сведущие в нем, способны понять друг друга. Термину логос была суждена громкая судьба в истории философии.

Если Гераклит абсолютизировал изменчивость мира, то Ксенофан Колофонский (570—480), его последователи Парменид Элейский (540—480) и Зенон Элейский (490—430) настаивали на неизменности мира. Они считали первоосновой мира землю, и ее черты придавали миру. Всякое изменение — это иллюзия, вызванная неполным знанием вещи, которая может обернуться новой, еще неведомой для нас стороной. Для доказательства незыблемости мира и иллюзорности движения Зенон сформулировал свои знаменитые апории («Ахиллес и черепаха», «Стрела») и т. д. Это был первый пример исчисления бесконечно малых, который привел в конечном итоге к открытию дифференциального и интегрального исчисления (XVII в.) и созданию теории множеств (XIX в.).

Пифагор Самосский (560—500) — одна из самых загадочных фигур античной философии и науки. С его именем связываются некоторые важнейшие достижения греческой математики, но неясно, ему ли они принадлежат. Дело в том, что в молодости он перебрался в город Кротон на юге Италии, где основал мистический союз-секту. В этом союзе наука пользовалась глубочайшим уважением, а авторитет основателя был непрекраем. Иногда вместо аргументов пифагорейцы произносили сакральную фразу *αὐτὸς ἔφη* ‘сам сказал’. Продолжая научные изыскания, они нередко приписывали свои результаты самому Пифагору. И, возможно, открытие простых и квадратных чисел, соизмеримых и несоизмеримых величин принадлежит именно его ученикам. Известно, что пифагореец Филолай предположил: Земля не является центром Вселенной, а вместе с другими планетами, в том числе Солнцем, вращается вокруг невидимого Центрального огня. Шарообразность Земли утверждал и сам Пифагор. Правда, он основывался не на наблюдениях, а на спекулятивных размышлениях. Шар — самая совершенная фигура, выражющая идею справедливости, так как расстояние от любой точки его поверхности до центра равно расстоянию от центра до любой другой точки. В пифагорейской школе, таким образом, были выработаны идеи, которые потом приведут к прорыву в астрономии. Пифагору же принадлежит афоризм «Числа правят миром», который производил большое впечатление на великих ученых.

Нового Времени. Галилео Галилей, к примеру, говорил: «Исчисляй все исчислимое, делай исчислимым все неисчислимое». О роли чисел, правда, точнее выразился Гёте: «Числа сами не правят миром, но показывают, по каким законам мир управляет». Сама идея математизировать науку была необыкновенно плодотворна. Она нашла свое воплощение в творчестве гигантов XVII в. — Ньютона и Лейбница. К сожалению, мы слишком мало знаем о деятельности пифагорейского союза: через 50 лет после смерти Пифагора правители итальянских городов, где жили пифагорейцы, загодзили членов союза в попытке захватить власть. Руководители были казнены, союз разогнан.

Эмпедокл Агригентский (495—435) постарался положить конец дискуссиям о первичности той или иной материи. С его точки зрения, в мире существовало четыре несотворенных, неуничтожимых, не переходящих друг в друга вещества: огонь, вода, земля, воздух. Они соединяются друг с другом силой Любви и разделяются силой Ненависти. Картина мира Эмпедокла была в общих чертах принята величайшим греческим ученым-энциклопедистом — Аристотелем.

Анаксагор Клазоменский (500—428) занимает особое положение среди греческих философов. Он был первым, для кого философия стала основной профессией. Анаксагору удалось осмотреть упавший метеорит, представлявший собой камень. Анаксагор предположил, что все небесные тела суть камни — либо раскаленные, либо отражающие свет. К числу крупнейших научных достижений ранней греческой философии относится также разработка атомной теории. Философ Левкипп (1-я пол. V в. до н. э.), очевидно, первым предположил, что вещество не может дробиться до бесконечности. Существуют мельчайшие, далее неделимые частицы, которые Левкипп называл *«атомοι* ‘нерасчленимые’. Атомную теорию развивал его ученик Демокрит Абдерский (460—370). Он говорил, что в мире есть только атомы и пустота, а в разных веществах атомы различаются размерами, формой и расположением.

Высшего расцвета греческая философия достигла в трудах Платона (настоящее имя Аристокл, 427—347) и его ученика Аристотеля Стагирита (364—322). Оба мыслителя создали величественные, заверченные системы, существующие объяснять устройство и происхождение мира. Они вобрали в себя основные достижения предшественников. Конечно, развитие любой науки не идет ровно. Платон и Аристотель, к примеру, не приняли атомистической теории (Платон какое-то время придерживался ее варианта, отличающегося от демокритового). Восстановливать ее довелось сначала философам по-

следующего периода (Эпикур, Лукреций), затем — ученым Нового времени (Гассенди). Но собственные научные достижения Платона и Аристотеля весьма велики. Платон явился создателем науки об обществе; его мысли легли в основу науки о воспитании. Весьма интересовался Платон геометрией (*μηδεὶς ἀγνωμένος εἰσίτω ‘пусть сюда не входит никто, не знающий геометрии!’* — лозунг его школы); правильные многогранники (т. е. образованные равносторонними многоугольниками с одинаковым количеством граней в каждой вершине) до сих пор именуют платоновыми телами¹. Аристотель — творец логики и теории литературы. Все известные в его время науки он знал и развивал. Значителен его вклад в физику, биологию, метеорологию. Название школ Платона (Академия) и Аристотеля (Лицей) стали нарицательными для элитных учебных заведений.

Таким образом, греческая философия обогатила мировую культуру основными идеями. Как говорил прославленный английский математик и логик А. Уайтхед, современная философия — это во многом комментарий к Платону.

В период эллинизма появились профессиональные ученые. Это связано во многом с тем, что наука накопила много информации, и человек, серьезно занимающийся одной из ее отраслей, не может быть специалистом и в других отраслях. Эллинистические цари старались оказать науке поддержку. В эллинистической Александрии по указанию Птолемея I была открыта библиотека, содержавшая, по преданию, все тексты греческих авторов, а также Мусейон — огромный многопрофильный научный институт, своеобразный прообраз Академии наук. Среди Александрийских ученых особо надо выделить геометра Эвклида, математика и географа Эратосфена, астронома Аристарха.

Эвклид (365—300) прославился своим трудом «Начала», где изложил основы геометрии. Для этого он вначале сформулировал десять аксиом и постулатов, из которых можно вывести всю полноту суждений в данной науке. Эвклид придал законченность процедуре доказательства теоремы и впервые представил науку как законченную дедуктивную систему. Этот методологический принцип оказал огромное влияние на последующую науку. В подражание «Началам» Эвклида написан самый, пожалуй, великий трактат в истории человечества —

¹ В диалоге «Тимей» Платон утверждал, что мельчайшие частицы земли имеют форму куба, воздуха — октаэдра, огня — пирамиды (тетраэдра), воды — икосаэдра (двадцатигранника). Пятый правильный многогранник — додекаэдр — это форма Вселенной.

«Математические начала натуральной философии» Ньютона (1687 г.), где были сформулированы законы механики и всемирного тяготения. Ньютон исходил из того, что несколько физических принципов, положенные в основу мироздания, позволяют сформулировать цельную научную теорию.

Эратосфен Киренский (282—202), одно время руководивший Александрийской библиотекой, прославился тем, что сумел измерить диаметр земного шара. Он знал, что в египетском городе Сиена, лежащем в тропиках, летом солнечные лучи совершенно отвесны, так что освещают самый глубокий колодец до дна. В один из таких дней он измерил отклонение солнечного луча от отвесной линии в Александрии и предположил, что это и есть угловая величина отрезка между Александрией и Сиеной. После этого нетрудно было вычислить диаметр земного шара, который оказался равным примерно 200 000 стадиям (40 000 км). Поразительно точное вычисление! В области же математики Эратосфен прославился изящным и эффективным способом нахождения простых чисел: вычеркиванием из числового ряда всех кратных чисел (так называемое «Эратосфено решето»).

Аристарх Самосский (320—250) создал первую настоящую гелиоцентрическую систему. Он не стал изобретать «центральный огонь», в отличие от Филолая. Наблюдая за небесными телами, он предположил, что Земля и другие известные планеты (Марс, Венера, Меркурий, Юпитер, Сатурн) вращаются вокруг Солнца. Подвижность же звезд мы просто не замечаем невооруженным глазом, так как их расстояние от Земли слишком велико. Это великое открытие было отвергнуто другим гигантом астрономии — Клавдием Птолемеем, но оно было доказано Коперником, а затем Галилеем, который превратил гелиоцентрическую гипотезу в стройную теорию, наблюдая за планетами через телескоп. Все выводы Аристарха находят подтверждение в современной науке. Надо отметить, что и упоминавшийся Клавдий Птолемей имеет огромные заслуги перед астрономией. Он создал всеобъемлющий для своего времени звездный каталог, который сам назвал *Μεγάλη σύνταξις* ‘Великое сочетание’. Потомки в восхищении переименовали его в *Μεγίστη σύνταξις* ‘Величайшее сочетание’, арабы же видоизменили это имя в «Альмагест». Некоторые формулы Птолемея, описывающие небесные тела по отношению к наблюдателю, до сих пор используются в современной астрономии.

Но не только научными открытиями и созданием методологии исследований мы обязаны античности. Тот тип человеческой личности, который сформировался в Древней Греции, оказал революционное

влияние и на словесность. На Древнем Востоке было создано немало выдающихся произведений литературы; но нам лишь в редких случаях известен их автор. Кроме того, подавляющее большинство древневосточных текстов следует отнести к жанру эпоса. По-настоящему автор как центральная фигура литературного произведения появился только в Древней Греции. Греческий эпос возник приблизительно в VIII в. до н. э., лирика — в VII, драма — в VI в. до н. э. И Аристотель в своей «Поэтике» теоретически обосновал различие между этими тремя основными жанрами литературы как тремя способами подражания природе.

Первыми эпическими авторами стали Гомер и Гесиод. Гомер писал поэмы на темы греческого эпоса (так называемого Троянского цикла²), т. е. для своего времени вполне традиционные. Его стиль отличается эпической беспристрастностью. Но автор, тем не менее, незримо присутствует в тексте. Например, при описании гюединков и сражений Гомер с точностью судмедэксперта фиксирует раны, указывая, куда именно вошел меч или копье и какое ранение они причинили. Тем самым он показывает войну крупным планом, наводя читателя на мысль о том, что война ужасна и кровава. Как истинный грек, Гомер восхищается воинскими доблестями, но при этом сурово, хотя и не очень явно осуждает войну. Гесиод же отходит от мифологической традиции. Его поэма «Теогония» во многом навеяна не греческими, а малоазиатскими мифами, которые поэт в детстве мог слышать от отца. Совпадение некоторых основных линий сюжета с хеттским «Сказанием о царствовании на небесах» очевидно. В поэме же «Труды и дни» Гесиод рассказывает о себе, о конфликте с братом, о жизни своих современников, дает советы по хозяйству и устройству земли. Его индивидуальность мудрого, рассудительного и образованного крестьянина полностью воплотилась в тексте.

Еще более это относится к великим греческим лирикам — Мимнерму, Тиртею, Архилоху, Алкею, Сапфо, Пиндару. В своем творчестве они старались не просто рассказать о себе, а открыть свою душу и мысли, свои страсти, устремления и переживания, поделиться тем, что им дорого. Их творчество настолько впечатлило и греков, и иные народы, что иноязычные гюэты стали заимствовать из греческой лирики и стихотворные размеры. И Гораций в знаменитой оде *Ad Melpomenen*

² Древнегреческий народный эпос состоял из следующих циклов: Троянский, Фиванский, поэмы о Геракле и Тесее, родословные поэмы (в т. ч. «Титаномахия», т. е. битва богов с титанами, поэма о Ниобе).

(III 1) поставил себе в великую заслугу то, что он *princeps Aeolium Carmen ad Italos deduxisse modos* ‘первым перевел эолийскую песнь на итальянский лад’, т. е. использовал в латинском стихе многие греческие размеры. Русское стихосложение — силлабо-тоническое, т. е. образованное чередованием безударных и ударных слогов, в отличие от греческого и латинского, где чередуются краткие и долгие слоги. Тем не менее, названия основных стихотворных размеров к нам пришли из Греции: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий и анапест.

Драма имеет древние корни, в самых архаических драмах можно видеть следы ритуальных действий, связанных с охотой. Греческая драма дала непревзойденные образцы трагедий — Эсхил, Софокл и Еврипид, блистательный комедиограф Аристофан. К греческому театру (*θέατρον* ‘место зрелищ’) восходят такие термины, как *сцена* (*σκηνή* ‘палатка, в частности, для переодевания актеров’), *оркестр* (*ορχήστρα* ‘площадка для хора’), *драма* (*δρᾶμα* ‘действо’) и т. д.

Но образцом для современного театра явились не классические трагедия и комедия, а вид драмы, возникший в период эллинизма и получивший наименование новой аттической комедии. Основателем ее стал драматург Менандр (321—241). Долгое время представление о нем давали переделки его произведений у прославленных римских драматургов Плавта и Теренция, и только в 1953 г. были найдены папирусы с текстами его комедий. И мы видим, что именно Менандр отказался от древней структуры драмы, включавшей в себя хор и связанные с ним партии (*парод* ‘выход хора’, *стасим* ‘партия хора’, *эксод* ‘уход хора’). Произведения Менандра делятся на действия (акты), подобно любой современной пьесе³. Но еще важнее то, что Менандр, если можно так выразиться, свел драматургию с Олимпа и стал рассказывать не о богах и полубогах, а о повседневной жизни своих земляков и современников. Чуть позже в Греции возник еще один жанр литературы, близкий к современному, — роман. Дошедшие до нас пять греческих романов повествуют о разлуке влюбленных и их воссоединении. Их персонажи, несмотря на всю свою условность, были земными людьми, чьи истории по-настоящему волновали читателя, а чувства были ему близки. А имена героев самого известного романа — Дафнис и Хлоя — стали нарицательными для обозначения юных возлюбленных. Появление двух новых жанров — новой аттической комедии и рома-

³ Есть сведения о том, что первым отказался от хора комедиограф Эпихарм (550—460, Сиракузы). Но до нас дошли только незначительные фрагменты из его произведений.

на — связано с изменением «Я» древнего грека в эллинистическом государстве. Как мы сказали ранее, он стал себя ощущать частным лицом. И литература обратилась к человеку. Поэтому нашему современному ближе не величественные произведения архаики и классики, а непритязательные сочинения эллинистических авторов.

Греческая и римская словесность обогатили мировую культуру множеством литературных образов и крылатых выражений. В египетской и вавилонской культуре письменному тексту придавалось большое значение. Ремеслу писца обучали с детства, до нас дошло много сведений о писцовых школах и мастерских, библиотеках и архивах в Египте и Вавилоне. Такая мастерская по-египетски называлась весьма характерно: *pr-‘nḥ* ‘дом жизни’. Деятельность писца была окружена почетом и уважением, и надписи сохранили имена многих из них; см. подробнее в [Коростовцев 2001; Дандалаев 1983]. Это связано с большой сложностью египетской иероглифики (также иератики и демотического письма) и вавилонской клинописи, требовавших значительного времени и незаурядных способностей для овладения ими. Древневосточные писцы крайне редко были авторами создаваемых ими текстов, как правило, только переписчиками, редакторами, компиляторами, фиксаторами. Пожалуй, ни в чем не проявляется так различие восточной и античной культур, как в отношении к тексту. Египтянин и вавилонянин с письменными принадлежностями — это прежде всего государственный служащий, хранитель традиции; грек или римлянин — творец.

Как говорится, *last but not least*. Самая распространенная религия мира — христианство, лежащая в основе европейской цивилизации, тоже во многом является наследницей античности. Один из первых богословов Тертуллиан решительно отрицал это влияние, гневно вопрошая: «Что Афины — Иерусалиму? Что Академия — Церкви? Что еретики — христианам?» (О прескрипции язычников, 7). Но и сам Тертуллиан был глубоким знатоком античной философии; в понимании мира он во многом опирался на учение стоической школы. Влияние греческой мысли на христианство велико и многообразно. Филон Александрийский (75 г. до н. э. — 50 г. н. э.), большой знаток Библии и греческой философии, полагал, что Бог непостижим и недоступен восприятию. Но у него есть посредник — Логос, который позволяет человеку приблизиться к ощущению Бога. Евангелие от Иоанна начинается знаменитым высказыванием: ‘Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος· καὶ ὁ λόγος ἦν ἐπὶ τῷ θεῷ· καὶ ὁ λόγος ἦν ὁ θεός’ ‘Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог’ . Иисус мыслится евангелистом Иоанном

именно как филонов Логос, божественный посредник между Богом и миром. Здесь содержатся зачатки знаменитых богословских дискуссий о природе Бога-Сына, начатых Тертуллианом и продолжавшихся на вселенских соборах, начиная с I Никейского (325 г.). Термин *Логос* Филон, по-видимому, заимствовал у Гераклита. Его перевод как *Слово* очень неточен; он не передает всего комплекса значений, связанных с Логосом. Возможно, более адекватно было бы оставить термин без перевода или заменить на *Идея*⁴.

Итак, от античности мы унаследовали демократические государственные институты, основы научной методологии, важнейшие жанры и технические приемы литературы, наконец, религиозные понятия. Только недостаток места и филологическая устремленность не позволяют подробно поговорить об античных пространственных искусствах и их влиянии на современность (особенно архитектуре и скульптуре). Но и сказанного достаточно чтобы понять: античное наследие в современности — вечная тема для культурологов и языковедов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий 2013 — Белецкий А. А. Ошибки святого Иеронима // Двойной портрет—III: Филологи-античники о европеизации и деевропеизации России. М., 2013.
- Дандамаев 1983 — Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М., 1983.
- Коростовцев 2001 — Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. СПб., 2001.

---

⁴ См. статью «Язык, речь, слово, смысл: индоевропейские истоки» (наст. сборник, с. 119—144). Ср. еще [Белецкий 2013].

ЭРИННА: ИЗ ЛИНГВО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ^{*}

Судя по сохранившимся свидетельствам, древнегреческая поэтесса Эринна пользовалась в античности глубоким уважением: ее считали видным представителем жанра эпиллия, оказавшим определенное влияние на так называемую Косскую школуalexандрийской поэзии, на Филета и, отчасти, Каллимаха. Однако написанных ею текстов сохранилось совсем немного: несколько фрагментов поэмы «Веретено» (*Ἀλαχάτα*), три эпиграммы: две надгробные, одна посвятительная — всего двадцать с небольшим строк. В словаре «Суды» сообщается, что Эринна была подругой и ученицей Сапфо, но, вероятно, это — миф, ведущий свое начало от одной из эпиграмм Палатинской антологии¹. Здесь, однако, «ученица» может быть интерпретирована как «последовательница», что представляется более убедительным. Более достоверные источники относят жизнь Эринны в IV веку до Р. Х. Она жила не острове Телос (недалеко от Родоса), умерла в возрасте девятнадцати лет. В биографиях также есть сведения о том, что ей приходилось заниматься поэзией тайком от матери, заставлявшей ее сидеть за веретеном, которое и дало имя упомянутой поэме.

Стихи Эринны² причудливо сочетают внешнюю безыскусность и внутренность формы, архаические черты и новации.

На некоторые черты языка и стиля Эринны мы хотели бы обратить внимание в нижеследующих заметках:

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Эринна: из лингвостилистического комментария // Ранняя греческая лирика / Отв. ред. И. В. Шталь. СПб., 1999.

¹ Ant. Pal. IX, 190.

² Об Эринне и ее месте в истории греческой поэзии см. [Чистякова 1966; 1970].

I. F la D (= Athen. VII, p. 283D)³.

*τοιτόδεν εἰς Ἀΐδαν κενεὰ διανήχεται ἀχώ·
σιγὰ δ' ἐν νεκύεσσι τὸ δὲ σκότος ὄσσε κατέφει*

‘Отсюда в Аид течет пустое эхо, / у мертвых — молчание, мрак заливал очи’.

Как известно, порядок слов в греческом, как и в любом флексивном языке, не был жестко фиксирован. Но в любом языке существует немаркированная и маркированная расстановка слов в предложении. Для греческого наиболее обычен порядок «субъект-объект-предикат»; как показало исследование П. Фишера, различные виды инверсий могут быть мотивированы стилистически. В частности, порядок «предикат-субъект» обычно свидетельствует о выделенном в смысловом отношении субъекте [Fischer 1924: 91].

Содержание первого стиха предопределило постановку конструкции *τοιτόδεν εἰς Ἀΐδαν* впереди: указание на место события в данном случае имеет, по-видимому, первостепенное значение. Цезура на третьей стопе (так называемая *πειθημερής*) разделяет грамматические обстоятельства и главные члены предложения: *τοιτόδεν εἰς Ἀΐδαν // κενεά διανήχεται ἀχώ.*

Для метрической группы главных членов предложения характерен резко маркированный порядок слов: предикат предшествует субъекту, и им обоим — эпитет, отделенный тем самым от субъекта. Такая расстановка помечает каждый стоящий «не на своем месте» член предложения, сообщая ему логическое ударение, особенно же выделяется эпитет *κενεά*, и стих в целом приобретает сильную экспрессию.

σιγὰ δ' ἐν νεκύεσσι — именное предложение.

Как показал Э. Бенвенист [Бенвенист 1964: 82], главная особенность именного предложения состоит не в отсутствии указаний на лицо и время действия (в ряде языков показатели лица и времени присоединяются к имени), а в том, что его предикат не может выражать действие как процесс. Прерогатива глагольного предложения — обозначение динамики действия или так называемого имплицитного действия (см. [Martin 1971: 59—61]). Именное же предложение выражает постоянные, стабильные признаки бытия субъекта.

³ Тексты приводятся по: Frühgriechische Lyriker. 3. II: Sappho, Alkaios, Anakreon. Hgg. Z. Franyó u. P. Gran. Text bearb. von B. Snell. Berlin, 1981 (SQAW. Bd 24, 3). S. 140ff.

В анализируемом тексте именное предложение составляет резкий контраст эмоциональной первой строке. Второе предложение — глагольное, но и оно в достаточной степени статично. И если в первой строчке мы видим нарастание экспрессии и подъем интонации, то во второй — каданс, что соответствует содержанию обеих (по-видимому, в тексте, от которого сохранился данный фрагмент, речь шла об оплакивании усопших; вероятно, «пустое эхо» — *хενεά ἀχώ* — отзыв плача).

τὸ δὲ σκότος ὅστε κατέρρει ‘мрак заливал очи’ перекликается с гомеровским *τὸν δὲ σκότος κάλυψεν* ‘мрак покрыл его очи’, но и различия очевидны: помимо замены аог. на *imperf.* (у Гомера речь идет о смерти в бою, у Эринны — о постоянном пребывании в царстве мертвых), формула у Эринны предстает лишенной второго конкретизирующего объекта и относится ко всем возможным подразумеваемым. Это показывает как меру традиционности Эринны, так и степень ее свободы в использовании традиции.

II. F 3 D (= Anth. Pal. VI, 352).

‘Εξ ἀταλῶν χειρῶν τάδε γράμμata. λώιστε Προμαθεῦ
ἐντὶ καὶ ἄνδρωποι τὸν ὄμαλοι σοφίαν.
ταύταν γοῦν ἐτύμας τὰν παρθένον ὅστις ἔγραψεν
αἱ καύδαν ποτέδηρκ’ ἦς κ’ Ἀγασσής δὲλα.

‘Из искусных рук эти линии. Прекраснейший Прометей! / Есть и люди, равные тебе мастерством / Если бы тот, кто так точно нарисовал девушку, дал ей речь, / была бы полностью Агафархид’.

Сообщение начинается с именного предложения, и это вполне объяснимо с точки зрения содержания текста: первое предложение указывает на предмет посвящения (в данном случае — картину).

По интонации к нему близко второе предложение: оно, правда, глагольное, но глагол бытия занимает особое положение среди предикатов: он (в особенности в сочетании с именем-предикативом) наиболее близок к именному, так как утверждает не процесс, а наличие каких-либо признаков, свойств; «внутреннее время» при этом не акцентируется.

Обращает внимание и порядок слов в предложении: как подчеркнул П. Фишер [Fischer 1924: 106], сказуемое в начальной позиции, сопровождаемое союзом *καί*, часто встречается в греческих афоризмах, паремиях и других формах, отличающихся ярко выраженной

сентенциозностью: *φέρει καὶ ὄφης γάλα* ‘и птица приносит молоко’; *δέδοται καὶ κακοῖς ἔργα* ‘и злым удаются дела’. Подобные конструкции утверждают реальность и повторяемость ситуации.

Резко отличается от статического первого дистиха второй. Он уже содержит не указание на реальность (предмет посвящения и характеристика его мастера), а предположение автора. В основе второго дистиха — ирреальный период: *εἰ (= αἱ) + индикатив*. Видимо, ирреальность предопределила здесь отклонение от некоторых синтаксических правил. Субъектом предложения *αἱ καύδαι ποτέ θήγη* ‘если бы придал речь’ является лицо, обозначенное относительным местоимением зависимого предложения (*ὅστις ἔγραψεν*; т. н. аттракция местоимения). В результате происходит плавный переход от реального к ирреальному, и текст становится ближе к разговорной речи.

Движение от первого дистиха ко второму можно охарактеризовать как движение от общего, устойчивого, подчеркнуто сентенциозного к частному, гипотетическому, разговорному.

Стилистическая неоднородность текста объясняется его жанровым своеобразием. Внешне он относится к посвятительным надписям. Но для такого рода характерно обычно только упоминание имени посвятителя и божества, наименование предмета посвящения и иногда — просьба. Ничего подобного нет в данном тексте: имя посвятителя и творца не названо; адресат обращения мыслится не столько как покровитель, сколько как соперник. Н. А. Чистякова делает справедливый вывод о том, что посвящение здесь носит сугубо игровой характер [Чистякова 1983: 149; 1970: 273—274]. Это — скорее описание впечатления от предмета, а не посвящение его божеству. Совершенно очевидно, что реальная модальность здесь характеризует текст, соотносящийся с традицией (указание на предмет и божество), ирреальная же модальность характеризует текст, от традиции отступающий.

III. F 4-5 D (= Anth. Pal. VII, 712 et 712).

Как свидетельство того, что Эринна тонко чувствовала традицию и свободно с нею обращалась, показательны фрагменты 4 и 5. В них появляется то, что можно назвать личностным началом. Это — надгробные надписи: для любимой подруги Эринны — Бавкиды, написанные от лица разных персонажей.

Укажем сначала на некоторые основные признаки категории субъективности в языке.

Как хорошо известно, это — одна из важнейших категорий любого естественного языка. Вместе с тем она достаточно сложна для

описания: слово «я» относится к категории так называемых шифтеров [Якобсон 1972], или эгоцентрических слов [Степанов 1985: 224]. Отличительным свойством этих слов является подвижность значения: они могут быть отнесены к бесконечному количеству означаемых (референтов). Это зависит исключительно от соотношения референтов с субъектом — производителем речи.

Как заметил Э. Бенвенист [Бенвенист 1964: 294], «тот есть “это”, кто говорит “это” <...>. Язык возможен потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывая на самого себя как на “я” в своей речи». Однако языковая картина мира не является солипсистской; Э. Бенвенист здесь же подчеркивает:

Я могу употребить «я» только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстает как «ты» <...> «я» конструирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к моему «я», становится моим эхом, которое мне говорит «ты».

Иными словами, наличие эгоцентрического субъекта требует неизменно адресата речи.

Ю. С. Степанов, рассматривая тот же вопрос, вносит следующие уточнения:

...«я» есть синоним некоторого имени собственного. <...> Что касается «я» в противоположность «ты», то <...> оно означает переменный ориентир речи — тот, кто говорит в данный момент, и этот ориентир может переходить от одной субстанции, обозначенной одним именем собственным, к другой субстанции, обозначенной другим именем собственным. Субстанция, оставшаяся на данный акт речи без обозначения «я», получает на время этого акта обозначение «ты»... Таким образом, «ты» — это тот, кто сейчас, вслед за окончанием моего акта речи, получает право в свою очередь называться «я», не получив моей субстанции [Степанов 1985: 227—228].

«Я» и «Ты» — есть две подвижные, не определимые, но лишь называемые субстанции, организующие диалог своей способностью указывать на говорящего и слушающего, т. е. производящего и воспринимающего речь. Отношения между «Я» и «Ты» Ю. С. Степанов справедливо характеризует как отношения *метафоры*, или переноса наименования с одного предмета на другой; переход от «Я» к другим категориям автор именует *сменой координат* в списании одного

и того же явления [Степанов 1985: 227—228]. Соответственно третье лицо определяется как «не-лицо», не-участник диалога.

Теория субъективности имеет существенное значение для наших текстов. Дело в том, что положение «Я = говорящий» характерно для многих эпиграфических текстов на различных языках. Приведем несколько достаточно показательных примеров.

1) Древнеперсидский:

9ātiy dārayava^huš xšāy9a9iya imā taya manā k̄tam pasava ya9a xšayatya abavam.

‘Говорит Дарий царь: вот это мною было сделано после того, как стал царем’ (Бехистунская надп., I, 27—8)⁴.

2) Хеттский текст:

UMMA tabama 'hattušli LU.GAL.GAL LU. GAL KUR^{URU} Hattū...ŠA
^DSTAR para handandatar memahhi.

‘Говорит владыка Хаттусили, царь великий, царь страны Хатти: я славлю мощь богини Иштар’ (Автобиография Хаттусили, 1—5)⁵.

Как видим, слово «говорит» здесь является сигналом, переводящим текст в координаты 1-го лица говорящего. Правда, в приведенных цитатах основное содержание несет именно текст от 1-го лица, а фраза «говорит царь» является скорее вставкой.

Тем больший интерес представляет следующий текст:

1) Отрывок из надписи урартского царя Менуа:

aluse úliše tiúli ieše ini pili agubi turinini ^Dhaldise ^DIM-se ^D[U]TU-še DINGIR^{MES}-še mani ^DUTU-ii peini.

‘Если кто другой скажет: «я этот канал провел», пусть бог Хадди, Тешшуб, боги под солнцем уничтожат его’⁶. (Здесь вставкой является как раз речь от первого лица.)

Особенно своеобразно принцип «Я = говорящий» воплощается в греческих эпиграфических памятниках. В наиболее древних из них речь идет от лица предмета, несущего на себе надпись. Иными словами, подобный предмет воспринимался как говорящий. Можно заметить, что эта особенность была свойственна прежде всего надписям VII в. до Р. Х., тогда как в VI—V вв. возможно и 3-е лицо: *Nikaion*

⁴ [Kent 1953]; см. [Оранский 1988: 114].

⁵ [Sturtevant, Hahn 1944].

⁶ [Меликишвили 1960].

μ' ανεδεκεν⁷ (VII в.); *Μαντικλος μ' ανεδερε⁸* (VII в.); но: *Πραξιτελει τοδε μναμα ρισου ποιησε θανοντι; Προκλειδας τοδε σαμα κεχλεσεται⁹* (V в.).

Особый интерес представляет надпись VII—VI вв. (окрестности Трезена):

Ευμαρες με πατερ Αιδροκλεος ενταδε σαμποιησανς κατασκε φιλο μναμα ημεος εμοι

‘Евмарес, отец Аидрокла, меня здесь соорудив, установил памятник любимого сына’¹⁰.

Здесь субъект одновременно упоминает себя как говорящего и называет свое имя (*σαμα*), означаемое же следующей строки и вовсе мыслится в 3-м лице. Текст наглядно отражает как архаическое, так и более новое восприятие «говорящего предмета».

Именно такое состояние воспроизводит Эринна в своих надгробных надписях, и можно утверждать, что именно две различные системы координат предопределили резкое различие фрагментов 4 и 5.

a) F 4 D (= Anth. Pal. VII, 712).

*Νύμφας Βαικίδος εἰμί. πολυκλαύταν δὲ παρέρπων
στάλαν τῷ κατὰ γῆς τοῦτο λέγοις Ἀΐδαι.
βάσκανος ἔσσος' Ἀΐδα'. τὰ δέ τοι καλὰ σάμαδ' ὄφωντι
ώμοτάταν Βαικοὺς ἀγγελέοντι τύχαν
ώς τὰν παιᾶδην ὑμέναιος ἐφ' αἰς ἀείδετο πεύκαις
τᾶσδ' ἐπὶ καδεστάς ἐφλεγε πυρκαϊᾶς.
καὶ σὺ μέν ὡς Ἄμειας γάμων μολπαῖον δοιδάν
ἐς θρήνων γοερὸν φθέγμα μεδαφύσσα.*

‘Я могила младой Бавкиды; проходя мимо моей многооплаканной / стелы, скажи подземному Аиду: / «Как ты завистлив, Аид». И тогда тебе, смотрящему на них, прекрасные знаки / расскажут об ужаснейшей судьбе Бавкиды: / что юную деву зять похоронил на том же факеле костра, на каком пел песни Гименей. / Ты же, Гименей, звучную свадебную песнь / в горестный похоронный звук превратил’.

⁷ Dialectorum Graecarum exempla (DGE) epigraphica potiora / Edd. P. Cauer, E. Schwyzer. Lipsiae, 1923. № 758 (Делос).

⁸ DGE, № 538 (Фессалия).

⁹ DGE, № 101 (Трезен).

¹⁰ DGE, № 105.

Речь идет от лица надгробия, непосредственным адресатом является возможный читатель надписи, в качестве основного, третьего лица, выступает усопшая Бавкида. Текст выдержан на единой ноте высокого трагизма. Лексика характерна для погребального плача: *πολυκλαύτα στάλα, βάσκανος Ἀΐδας, ὥμοτάτα τύχα, γοεφὸν φθέγμα* (многооплаканная стела, завистливый, жестокий Аид, суровейшая судьба, горестный звук). Следует отметить также употребление синтаксических средств: в первом дистихе существенную роль играет прерванный порядок слов: вместо немаркированного *καλὰ σάματα* *τοι ὄφῶντι Βαικοῦς ὥμοτάταν τύχαν ἀγγελέοντι* — *τὰ δέ τοι καλὰ σάμαδ'* *ὄφῶντι / ὥμοτάταν Βαικοῦς ἀγγελέοντι τύχαν*. Прерванность эта столь велика, что *καλὰ σάματα* ‘прекрасные знаки’ может быть воспринято и как объект *ὄφῶντι* ‘видящему’ (что, очевидно, также подразумевается).

Определенный бинаризм можно наблюдать и здесь: два первых дистиха ориентированы на настоящее (*εἰμί*), предполагаемое (*λέγοις*), будущее (*ἀγγελέοντι*), два же последних являются собой разверстку выражения *ὥμοτάτα τύχα*, поскольку «жесточайшая судьба» есть свершившееся, вторая часть обращена в прошлое, в соответствии с этим глаголы здесь стоят в прошедшем времени. Основная тема двух дистихов — похороны девушки-невесты, которые приводятся в сопоставлении с мотивами свадьбы. Благодаря этому строки как бы отражаются друг в друге, образуя антиномические пары: *ὑμέναιος ἐφ' αἵς ἀείδετο πεύκαις — τᾶσδ' ἐπὶ... ἔφλεγε πυρκαιᾶς* ‘с какими факелами пел Гименей — на том же костре... погreb’; *γάμων μολπαῖον ἀοιδάν — θρήνων γοεφὸν φθέγμα* ‘свадебная звучная песнь — похорон горестный звук’. На одном полюсе этой оппозиции — свадебная лексика, на другом — похоронная, и это подчеркивает их трагическую противоположность — несвершившегося праздника и свершившейся смерти.

Эпитафия существенно отличается от традиционной. Хотя «говорящий» предмет здесь представлен 1-м лицом, но он упомянут и в 3-м лице (*καλὰ σάματα*). Это напоминает приведенную выше эпитафию из Трезена. Однако если трезенский текст мы можем определить как переходный от архаического к более новому типу, то эпитафия Эринны написана поэтом, вполне сознательно соединяющим различные традиции. Общий настрой текста, прерванный порядок слов, *enjambements* напоминают скорее плач, чем эпитафию: вместо эпической отстраненности, отличающей стандартные эпитафии, появляется сугубо

личностное отношение к рассказанному, напоминающее некоторые стихотворения Сапфо¹¹.

Отметим еще одну важную особенность текста: наличие дополнительных адресатов. Так, во втором дистихе сразу после упоминания Аида в 3-м лице появляется обращение к нему; во второй части стиха аналогично обозначен Гименей. Можно заметить, что обращение после названия появляется тогда, когда его адресат становится активно действующим лицом («Как ты зол, Аид») или несет максимальную эмоциональную нагрузку («Ты, Гименей, превратил свадебную песнь в похоронный плач»). В этом случае он воспринимается как непосредственный участник действия и, следовательно, диалога. Из описанной выше структуры лиц в глаголе следует, что 2-е лицо ближе к говорящему, чем 3-е. Эмоционально окрашенное означаемое воспринимается как присутствующее.

6) F 5 D (= AP, VII, 710)

Στάλαι καὶ σειρῆνες ἐμαὶ καὶ πένθιμε κρωσσέ
 ὅστις ἔχεις Ἀΐδα τὰν ὄλίγαν σποδιάν
 τοῖς ἐμὸν ἐρχομένοισι παρ' ἡρίον εἴπατε χαίρειν
 αἵτ' ἀστοὶ τελέθωτ' αἴδ' ἐτεροττόβλιες.
 χῶτι με νύμφαν εύσταν ἔχει τάφος εἴπατε καὶ τό·
 χῶτι πατήρ μ' ἐκάλει Βαυκίδα χῶτι γένος
 Τηλία ώς εἰδῶντι καὶ ὅττι μοι ἀ συνεταιρίς
 "Ηρινν' ἐν τύμβῳ γράμμι' ἐχάραξε τόδε.

‘Вы стелы и сирены мои, и скорбная урна с прахом, / ты, что содержит малую горсть андова пепла, / всем проходящим мимо моей могилы скажите «Здравствуй», / будут ли это мои сограждане или чужеземцы. / Скажите, чтобы они знали, что, будучи невестой, я сошла в могилу, / что мои отец назвал меня Бавкидой, что я родилась / на Телосе и что моя подруга / Эринна высекла на камне эту надпись’.

Здесь представлены те же означаемые, что и в предыдущем тексте, но система координат иная: субъект речи — усопшая, адресат обращения — могила, основное третье лицо — вероятный читатель надписи. Эта система во многом определила построение текста. Он состоит из двух больших, каждый по два дистиха, периодов. Первый период — обращение к могиле.

Первая строка в общем соответствует тому, что в предыдущей эпиграфии обозначено как *халà σάματα*, но здесь названа каждая деталь:

¹¹ E. g. Sappho F 25, 108 D.

стелы, сирены, «печальная урна» (урна с прахом); к последнему адресату как и наиболее важному для сообщения присоединяется распространяющее его придаточное. Указание на «могильный холм» (*χρόνοι*) объединяет эти элементы в единое целое. Объект пожелания сначала только назван (*έρχομενοι*), затем развернут в целый период: *αἴτ⁹ ἀστοί τελέθωντ⁹ αἴθ’ ἐτεροπτόλιες* ('будутли это сограждане или иноземцы'). Этот период внешне напоминает условное предложение, но заметно отличается от него своей внутренней структурой. Если условное предложение (или система условных) указывает на выбор факта или группы фактов из действительности, то предложение с союзами *εἴτε...* *εἴτε*, напротив, — на объединение всех возможных фактов и явлений. Такое предложение можно назвать «общеусловным», и в нашем контексте его означаемым может быть все человечество. Такое означающее выступает как единораздельное целое.

Второй период является основным: он описывает усопшую Бавкиду (которая сама рассказывает о себе). Синтаксически он обособлен выражением *εἴπατε καὶ τὸ* 'скажите и это', соотнесенным с *εἴπατε* 'скажите' в первом периоде. И если в первом периоде от глагола говорения зависит инфинитив *χάρεν* как возможное производное речи, то во втором периоде сообщаемое непосредственно не зависит от говорения и поэтому укладывается в придаточные предложения с *ὅτι* (по известному закону греческого синтаксиса: предполагаемое следствие выражается инфинитивом, реальное — придаточным предложением). Для выражения же пожелания поэтесса находит другую форму: *ώς* с коньюнктивом (*εἰδῶντι*). Таким образом, три типа действительности (возникающая в речи, независимая и желательная) находят три различных грамматических способа выражения.

Существенная особенность второго периода: фраза не равна строке, в 6-й и 7-й строчках возникает enjambement, что вызывает смягчение и замедление ритма.

Информация об усопшей располагается следующим образом: «я умерла во цвете лет; имя мое — Бавкида; родилась я на Телосе; эту надпись написала моя подруга Эринна». Последнее сообщение имеет в виду уже не усопшую, а надпись; тем самым оно кольцеобразно замыкает и логически завершает стихотворение.

Завершенность и самонаправленность подчеркивает последнее слово текста — местоимение *τόδε*. Это местоимение широко распространено в греческой эпиграфике, когда предмет, несущий надпись, обозначен в ней третьим лицом. Применение его по отношению к самой надписи можно считать традиционным, однако представляет интерес средство выражения этой мысли.

В посвятительных надписях имя надписывающего и его действие обозначаются обычно выражением, содержащим *ἔγραψε*: Εὐφημίδης ἔγραψε ('Евфемид написал'). В нашем случае глагол как бы распадается на два слова: *γράψι ἔχαραξε* ('надпись вырезала'). Дело в том, что глагол *γράψω* имеет первичное значение 'резать, царапать', которое хорошо представлено у Гомера. К IV в. в Греции уже давно были широко распространены мягкие писчие материалы и чернила; связь между «письмом» и «царапанием» утратила однозначность, и глагол *γράψω* означал просто 'писать'. Для выражения традиционного содержания поэтессы должна была прибегнуть к нетрадиционной форме.

Структура текста, как видим, отличается четкостью, расчлененностью, целостностью, гармонией и соотносится с основными чертами сознания эпохи: объективностью, ясностью, детализированной замкнутостью. Эти черты роднят Эринну с представителями старой элегии. Вместе с тем существенно меняется соотношение фразы со стихом, что приводит к изменению интонации: анализируемое стихотворение ближе к элегии в современном понимании этого слова: стихотворение, окрашенное печалью.

Традиционной архаической форме эпитафии у Эринны сопутствуют нетрадиционное для эпитафии содержание, высокая эмоциональность, приближающие ее стиль к стилю песенной лирики и трагедии. Напротив, нетрадиционной форме эпитафии соответствует традиционная, близкая к эпосу и декламационной лирике трактовка лирического героя: как лирический герой погребальной песни оплакивает усопшую, сама же усопшая, как эпический герой, не оплакивает себя. Эринна внесла в старую форму — гекзаметр и элегический дистих — интонацию и настроение, свойственные до того главным образом лирике сольной, прежде всего — лирике Сапфо [Чистякова 1970: 275 и сл.]. Видимо, именно с этим связана легенда, считающая Эринну ученицей Сапфо. Используя старые формы элегии, эпитафии, посвятительной надписи, Эринна умело сочетает в них их традиционные детали («говорящий предмет», указание на могилу) с элементами иных традиций. О творческом отношении поэтессы к формульным сочетаниям уже говорилось выше.

В целом творчество Эринны — веха на пути от архаической, еще в достаточной степени ритуализированной лирики к лирической поэзии в современном смысле этого слова. Этот путь с успехом продолжили эллинистические и римские поэты. В своем творчестве они охотно использовали старые формы и всегда вносили в них индивидуальные черты.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1964 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1964.
- Меликишвили 1960 — *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960. № 44.
- Оранский 1988 — *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1988.
- Степанов 1985 — *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Чистякова 1966 — *Чистякова Н. А.* Греческая поэтесса Эринна // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 223—230.
- Чистякова 1970 — *Чистякова Н. А.* К вопросу о становлении эллинистической эпиграммы (Поэзия Эринны) // Acta antiqua ASHung. 1970. XVIII. Р. 263—277.
- Чистякова 1983 — *Чистякова Н. А.* Греческая эпиграмма. Л., 1983.
- Якобсон 1972 — *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического изучения языков различного строя. М., 1972.
- Fischer 1924 — *Fischer F.* Zur Stellung des Verbums in Syntax // Glotta. 1924. 12.
- Kent 1953 — *Kent R.* Old Resian: Grammar, texts, lexicon. New Haven, 1953.
- Martin 1971 — *Martin R.* Temps et aspects. Paris, 1971. Р. 59—61.
- Sturtevant, Hahn 1944 — *Sturtevant T., Hahn A.* A Hittite chrestomathy. N. Y., 1944.

Приложение

ЭРИННА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ¹²

F 1a D

...Отсюда, из жизни

Эхо пустое одно лишь доходит до царства Аида,
Тьма покрывает глаза, и молчанье меж ними.

(пер. В. В. Вересаева)

До Аида отсюда доносится тщетное эхо,

А у мертвых — молчанье, и сумраком очи покрыты.

(пер. К. Г. Красухина)

F 3 D

Рук мастерских этот труд. Смотри, Прометей богоравный:

Видно, в искусстве тебе равные есть средь людей.

Если бы тот, кем так живо написана девушка, голос

Дал ей, была бы как есть Агафархиды сама.

(пер. Л. А. Блуменау)

F 4 D

Дева Бавкида во мне. Возле стелы моей многослезной

Стоя, Аиду скажи: «Как ты завистлив, Аид!»

Горькое слово твое услыхав, погребальные знаки

Молвят о тяжкой судьбе бедной Бавкиды моей.

С факелом пел Гименей, от него и костер разгорелся.

Деву усопшую там плачущий родич погреб.

Ты же, о Гименей, не гимн возгласил подвенечный:

В горестный стон похорон песня твоя перешла

(пер. К. Г. Красухина)

F 5 D

Вы, о колонны мои, вы, Сирены, ты, урна печали,

Что сохраняешь в себе праха ничтожную горсть,

Всех, кто пройдет близ могилы, встречайте приветливым словом

Будут ли то земляки, иль из других городов.

---

¹² См.: Вересаев В. В. Эллинские поэты. М.: Недра, 1929 (= ПСС. Т. V); Греческие эпиграммы (VII век до н. э. // IV век н. э.) / Пер. Л. Д. Блуменау. М.: Academia, 1935. Переводы К. Г. Красухина в кн.: Ранняя греческая лирика. СПб.: Алетейя, 1999.

Всем расскажите, что юной невестой легла я в могилу,
Что называл мой отец милой Бавкидой меня,
Что родилась я на Телосе и что подруга Эринна
Здесь, на могиле моей, эти иссекла слова.

(пер. В. В. Вересаева)

Стельы, сирены мои и ты, о печальная урма,
Что склонила в себе пепла ничтожную горсть!
Молвите слово привета идущему мимо могилы,
Будет ли он из своих или с чужой стороны.
Также скажите ему, что невестой легла я в могилу,
И что Бавкидой меня звал мой отец, и пускай
Знают, что с Телоса я, как и то, что подруга Эринна
Здесь, на могиле моей, эти иссекла слова.

(пер. Л. А. Блуменау)

ЧИНЫ И НАГРАДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Что такое чин? Это слово имеет много значений в русском языке: «ряд, строй» (девять чинов ангельских), «установленный порядок» (нарушение которого называется *бесчинством*). Но все эти значения в современном русском языке забыты. Чин в нашем представлении — это звание, позволяющее занимать определенные должности.

Введение чинов в России действительно во многом упорядочило государственную жизнь. Ведь при дворе русских царей процветало так называемое местничество: свою должность человек получал исключительно благодаря знатности семьи, к которой он принадлежал. Такое положение, конечно, было крайне вредным и для человека, и для государства. У служащего не появлялось никаких стимулов, которые бы побуждали его делать карьеру, а государство лишалось способных управленцев, если те были недостаточно знатны. Поэтому чин как звание, полученное человеком не за древность рода, а за личные заслуги, должен был призывать лучших на службу государю.

Чины в нашем понимании появились в России при Алексее Михайловиче. Этот царь был не столь необузданно решителен, как его младший сын, но и он понимал необходимость перестройки России на европейский лад. При нем впервые появились так называемые полки нового строя, то есть воинские части, организованные по-европейски, с разбивкой на роты, батальоны и т. д. В этих полках и были установлены чины, название которых было либо заимствовано, либо переведено с европейских языков. Так, французский *officier* (от латинского *officium* ‘обязанность, поручение’) превратился в *поручика*, а *colonel* (командир воинской колонны — отряда из нескольких тысяч солдат) ассоциировался с русским *полковником* (*полк* — исконно русское название воинского соединения, а имя его командира пришло, по-видимому, из польского языка). Первым же русским генералом в 1667 г. стал боярин Агей Алексеевич Шепелев.

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Чины и награды в русской литературе // Литература. 2000. № 26.

Петр Великий продолжил дело отца. Будучи любителем строгого порядка, он ввел чины и в гражданскую службу, разбив их на классы. В 1722 г. была принята знаменитая Табель о рангах, имевшая такой вид

Военные чины	Военно-морские чины	Гражданские (статские) чины
1. Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	Канцлер
2. Генерал-аншеф, генерал-фельдцейхмейстер (командующий артиллерией)	Адмирал	Действительный тайный советник
3. Генерала-поручик (генерал-лейтенант)	Вице-адмирал	Тайный советник
4. Генерал-майор	Контр-адмирал, шаубенахт	Действительный статский советник
5. Бригадир	Командор	Статский советник
6. Полковник	Капитан 1 ранга	Коллежский советник
7. Подполковник	Капитан 2 ранга	Надворный советник
8. Майор	—	Коллежский асессор
9. Капитан (в кавалерии — ротмистр)	Капитан-лейтенант	Титулярный советник
10. Штабс-капитан (штабс-ротмистр)	—	Коллежский секретарь
11. Поручик	Лейтенант	Корабельный советник
12. Подпоручик	—	Губернский секретарь
13. —	—	Сенатский регистратор
14. Прапорщик	—	Коллежский регистратор

Классы с 1 по 5 — это генеральские чины (титуляемые «ваше превосходительство»), 6 по 8 — штаб-офицерские («ваше высокоблагородие»), 9—14 — обер-офицерские («ваше благородие»). Получение чинов давало немалую привилегию: обер-офицер получал личное дворянство, штаб-офицер — потомственное. Табель эта со временем менялась. Так, генерал-аншеф с конца XVIII в. стал именоваться генералом с прибавлением названия рода войск: генерал от инfanterии (т. е. пехоты), артиллерии, кавалерии, инженер-генерал. Павел I отменил чин бригадира и командора, а статский советник перешел в разряд штаб-офицеров¹. Статские чины 13 и 11 классов практически ни-

¹ Впрочем, его двойственность чувствовалась всегда. Статский советник носил погоны или петлицы с генеральским зигзагообразным узором. Он вос-

кому не присваивались: коллежский регистратор становился сначала губернским, а затем коллежским секретарем.

Помимо чинов, Петр ввел и индивидуальную систему наград — ордена. При нем появился орден св. Андрея Первозванного (для мужчин) и орден св. Екатерины (для женщин). Затем в России появилось много новых орденов. Не будем вдаваться в подробности их возникновения и статуса (интересующихся отсылаю к замечательной книге выдающегося историка Игоря Можейко «Награды»), скажем кратко. К началу XIX в. система орденов приняла такой вид (от высших к низшим):

Название ордена	Способ ношения	Дополнительный знак
Андрей Первозванный	У бедра, на ленте через плечо	Серебряная восьмилучевая звезда
Владимир I степени	—“—“—	Звезда с чередующимися серебряными и золотыми лучами
Александр Невский	—“—“—	Серебряная звезда
Белый Орел	—“—“—	Золотая звезда
Владимир II степени	На шейной ленте	Звезда, как у Владимира I степени
Анна I степени	У бедра, на ленте через плечо	Серебряная звезда
Станислав I степени	—“—“—	—“—“—
Владимир III степени	На шейной ленте	нет
Владимир IV степени	На узкой ленте на груди («в петлице»)	нет
Анна II степени	На шейной ленте	нет
Станислав II степени	—“—“—	нет
Анна III степени	В петлице	нет
Станислав III степени	—“—“—	нет
Анна IV степени	Привинчивался к эфесу шпаги, шашки или кортика	нет

принимался как своего рода младший генерал. Поэтому доктор Самойленко из «Дуэли» Чехова, будучи статским советником, требовал, чтобы его называли *ваше превосходительство* (официальное же титулование — *ваше высокородие*). И Передонов из «Мелкого беса» Ф. Сологуба, будучи статским советником по чину, очень гордился генеральскими погонами.

Особняком стоял орден св. Георгия. Он не входил в эту иерархию и выдавался только за военные подвиги.

На войне всегда были возможны исключения из правил, в гражданской же службе награждение орденами шло весьма и весьма последовательно. Ордена выдавались по старшинству (вначале младшие, потом старшие) и строго соответствовали чину. Коллежский регистратор, символ ничтожности и забитости в русской литературе, мог претендовать на младшего Станислава; Анна была доступна губернскому секретарю и титуллярному советнику. Шейные ордена и Владимир IV степени могли получить только штаб-офицеры, причем Владимир III степени полагался только полковнику и коллежскому советнику. А ордена со звездами были сугубо генеральскими.

Чиновничество — одно из самых распространенных сословий в старой России. И в русской литературе перед нами проходят легионы чиновников — от регистраторов до генералов.

…Представляясь мнимому ревизору, судья Ляпкин-Тяпкин докладывает: «Ляпкин-Тяпкин Аммос Федорович, здешний судья, коллежский асессор, за труды представлен к Владимиру IV степени». На это следует реплика Хлестакова: «А мне иравится Владимир. Вот Анна и Станислав — это уже не то». Что это? Пустая бравада мелкого чиновника, который, по его собственному признанию, «ничего не выслужил» в Петербурге? Не только. Вспомним, с чего он начинает свою похвальбу: «Меня даже хотели сделать асессором, а я подумал — а зачем?» Одним этим штрихом Гоголь показывает все жалкое положение Хлестакова в чиновничьем мире, всю его принужденность. Поначалу мечта о младшем штаб-офицерском чине кажется ему столь несбыточной, что он боится осуществить ее даже в фантазии. И только потом, разошедшись, он приписывает себе сначала управление департаментом (должность генеральская), а затем… «Меня сам Государственный совет боится! Вот я каков!» Но и объявив себя вторым лицом в империи, Хлестаков остается сам собой. Владимир ему нравится больше, чем Станислав и Анна, ибо его получение знаменует переход в совсем иной статус, недоступный Ивану Александровичу — штаб-офицера.

Вообще, одна из главных мыслей «Ревизора» — та, которую не нареком высказал городничий, распекая квартального: «Знаю я тебя! Не по чину берешь!» Здесь все — от полицейского до городничего — стараются взять не по чину. Вспомним, как размечтался городничий, выдавая дочь замуж за, как ему кажется, петербургского вельможу! Его речь поразительно уподобилась болтовне Хлестакова. Конечно, он достиг того, о чем мнимый ревизор только жаждно мечтает: он

штаб-офицер, возможно, и Владимир в петлице у него имеется. Но генеральских чинов ему никогда не видать, что Антон Антонович отлично понимает. Поэтому-то так сладострастны его мечты: «А как ты думаешь, Анна Андреевна, какую кавалерию (т. е. орденскую ленту через плечо. — К. К.) лучше: красную или голубую?» И совершен-но обезумевшая от открывшихся перспектив городничих отвечает: «Конечно, голубую!», — имея в виду орден Андрея Первозванного, который выдавали, как правило, только полным генералам и действи-тельным тайным советникам². Ее супруг старается быть более реали-стичным: «Ну, это ты загнула. По мне, и красную хорошо». Красного цвета лента Александра Невского, владимирская — красная с черны-ми полосами, анненская — с узкой желтой каймой, а станиславская — с широкой белой. Своим ответом городничий хочет сказать: не будем сразу целиться на высшие почести, главное — укрепиться в генераль-ском чине.

Все это и есть хлестаковщина — стремление выглядеть значитель-нее, чем ты есть на самом деле, и жажда незаслуженных почестей. Этой болезнью страдают многие гоголевские герои, и Гоголь диагно-стирует ее, обращаясь к чинам и орденам. К примеру, Платон Ковалев из «Носа». Будучи коллежским асессором, он упорно именует себя *майором*. Для чего? Потому, что военный чин придает ему больше значительности? Нет. Дело в том, что офицерские военные чины счи-тались на класс выше, чем соответствующие им статские. Если насто-ящий майор переходил на гражданскую службу, то он становился уже надворным советником. Ковалев таким образом повышал себя в чине. Кстати, Гоголь подчеркивает, что Ковалев — *к а в к а з с к и й* коллеж-ский асессор. И эта характеристика имеет глубокий смысл. Дело в том, что одним из требований к кандидатам на штаб-офицерский чин было университетское образование. Но Николай I издал указ, согласно ко-торому не имеющий его титуллярный советник, прослуживший пять лет на Кавказе (в то время, как и в нынешнее, очень опасной терри-тории), может получить чин асессора. Гоголь противопоставляет своего героя университетским коллежским асессорам. Имеет значение и то, что служба на Кавказе, в kraю, который во времена Гоголя только за-боевывался, открывала широкие возможности для злоупотреблений.

² По статусу ордена получивший его генерал-майор и действительный статский советник автоматически получали повышение на чин. В действи-тельности же даже генерал-лейтенанты и тайные советники редко удостаива-лись такой награды. Она оставалась прерогативой высших сановников.

Таким образом, *кавказский коллежский асессор* для современника Гоголя означало: невежда, захватчик чинов и наград, человек не на своем месте. И ведет себя Ковалев соответственно. Он присматривается к орденским лентам, хотя и не является кавалером никакого ордена, ищет в столице места вице-губернаторского или экзекуторского. Экзекутор — это заведующий хозяйством, подходящая должность по чину Ковалева. А вице-губернатором мог стать чиновник не ниже статского советника; здесь у него появлялась перспектива стать и действительным статским. Именно статским советником стал нос майора Ковалева. Немудрено, что его бедный хозяин впал при виде столь важного чиновника в оцепенение. И странное заявление носа: «Между нами не может быть тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы служите по другому ведомству», — он воспринимает всерьез: действительно, какие могут быть отношения, если пуговицы не те и ведомство другое. Человек, у которого нет ничего за душой, пустота, прикрытая вицмундирем, — вот каким предстает перед нами майор Ковалев. Его самоназвание и обстоятельства получения нынешнего чина подчеркивает все это.

В «Мертвых душах» изображен быт по преимуществу не чиновничий, а помещичий; чины и ордена здесь играют меньшую роль. Упоминается, что Чичиков является коллежским советником. Поскольку же он появляется в романе примерно сорокалетним и уже претерпевшим позорную отставку, то можно уверенно сказать: по службе Павел Иванович был довольно удачлив, особенно если учесть отсутствие протекции у сына бедного помещика. Впрочем, мы знаем, что покровительство Чичиков весьма ловко умел находить себе сам, не особенно затрудняясь соображениями морали. С тем же цинизмом и деловой хваткой он приступил к своей афере. Как и по службе, сначала он в ней преуспел, затем потерпел крах. Правила чиновничьей обходительности Чичиков усвоил до тонкости. Беседуя с вице-губернатором и прокурором города N, он как бы случайно назвал их «ваше превосходительство», хотя оба были только статскими советниками, чем весьма польстил собеседникам.

Отметим еще одну примечательную деталь. Вот как Гоголь характеризует самого губернатора: «Он был большим добряком, вышивал по тюлю и, как поговаривали, даже был представлен к Анне». Почему именно к Анне? Губернатор по должности не мог иметь чин меньший действительного статского. Этому чину был положен орден Станис-

лава I степени³. Следующий же орден — Анну — выдавался за особые заслуги или при благоволении начальства. Добродушие и уютную вышивку по тюлю трудно считать достаточным основанием для награждения (а больше ничего о губернаторе не известно). Очевидно, окружение губернатора распространяло слухи, что он в большой степени у начальства и даже может получить не заслуженный им орден.

К сожалению, остался нереализованным замысел Гоголя написать комедию с «орденским» названием «Владимир III степени». Остались только два искрометных диалога: беседа двух чиновников — внешне приятелей, а на самом деле соперников по службе — и разговор одного из них с просителем-провинциалом. Судя по ним, один из соперников представлен к этому довольно значительному ордену, а другой стремится ему воспрепятствовать. Допиши Гоголь эту комедию, мы бы имели шедевр, не уступающий «Ревизору» и «Женитьбе»⁴.

Подобно Гоголю, Чехов не был чиновником, но часто описывал это сословие в своих произведениях. Чины и ордена встречаются в его рассказах, пожалуй, чаще, чем у других писателей. Один из его ранних рассказов так и называется — «Орден» (впервые опубликован в 1883 г.). Его герой, Лев Пустяков, гимназический учитель в чине коллежского регистратора, отправляется на обед к знакомому купцу, надевает чужой орден Станислава, мотивируя это так: «А ты знаешь этого подлеца Спичкина: он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается что-нибудь на шее или в петлице». По дороге он, поглядывая на орден, важно размышляет: «Маленькая штучка, рублей пять, не больше стоит, а какой фурор производит!» Но в гостях пришлось ему столкнуться с другим «фурором». Напротив него оказался его же сослуживец, учитель французского, перед которым было очень неловко показывать незаслуженный

³ Это обстоятельство обыграно и в басне Козьмы Пруткова «Звезда и брюхо»: «Начальство, день и ночь пекущееся о нас, Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву, Тебя, конечно, в добрый час Представит к ордену святого Станислава». После этого, говорит баснописец, ты сможешь смело дать обет поститься до звезды: «Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде Быть при звезде?» А из «Биографии Козьмы Пруткова» мы узнаем, что свой орден Станислава I степени он особенно ценил. Немудрено: для чиновника до мозга костей, каким предстает наш стихотворец, любой знак принадлежности к генеральным чинам особенно ценен.

⁴ Попытку реконструировать текст комедии предпринял московский режиссер Сергей Женовач, поставивший в театре Ермоловой спектакль «Владимир III степени».

орден. Но в конце обеда коллизия счастливо разрешилась. Оказалось, что француз тоже надел чужой орден Анны. Наш герой обрадовался, но и чуть-чуть огорчился. «Знал бы я такую штуку, — думал он, застывшими поглядывая на Трамбляна, беседовавшего со Спичкиным об орденах, — я бы Владимира нацепил. Эх, не догадался!» Поразительно умение Чехова одним коротким штрихом и обрисовать характер человека и превратить забавную сценку в глубокомысленную притчу. Оказывается, учитель Пустяков не просто хочет, как говорится, по-трафить вкусам хозяина дома. Он заражен всеобъемлющей болезнью русского чиновничества — хлестаковщиной. Как мы помним, коллежский регистратор действительно мог получить орден Станислава III степени; Пустяков берет его у своего друга, армейского поручика⁵, т. е. лица, равного ему по чину. Владимир же Пустякову по чину не положен. Хорош и купец Спичкин, обожающий ордена, но, судя по всему, ничего в них не понимающий. Человек сведущий разоблачил бы француза Трамбляна: петличные ордена полагалось носить вместе, а получить Анну, минуя Станислава, для чиновника было невозможно. Как видно, наши герои действительно понимали психологию гостеприимного хозяина, для которого каждый орден был знаком отмеченности монаршей милостью.

В сценке «Рассказ, которому трудно подобрать название» (1883 г.) главный герой, пламенный оратор, начинает свой тост за упокой («Кругом кражи, хищения, воровства, грабительства, лихоимства...»), а заканчивает за здравие («Заплачем и выпьем за здоровье нашего начальника, покровителя и благодетеля, Ивана Прохорыча Халчадаева!»). Эта смена тональности, вызванная появлением самого Ивана Прохорыча за обеденным столом, лишь поначалу кажется неожиданной. На самом деле внимательный читатель может понять цену чиновнику Оттягаеву, «нашему Ренану и Спинозе» (как его характеризует рассказчик), с самого начала его речи: «Товарищи! Между нами нет ни старших, ни младших! Я, например, губернский секретарь, не чувствую ни малейшего пополнования показывать свою власть над сидящими здесь коллежскими регистраторами и в то же время, надеюсь, здесь сидящие титулярные и надворные не глядят на меня, как на какую-нибудь чепуху». Вроде бы прекрасный порыв — забыть о чи-

---

⁵ Указание на военную службу хозяина ордена, по-видимому, несет в себе долю комизма: на ордена, полученные за заслуги на войне, накладывался знак скрещенных мечей. Такие ордена гражданским чиновникам не выдавались.

напочтании, объединиться всем на равных. Но Оттягаев гордится своим демократизмом по отношению к коллежским регистраторам, т. е. чиновникам ниже его, по сути, только на один ранг; требует же подобного отношения к себе и от титулярных, и от надворных советников. А надворный советник — это уже штаб-офицер, подполковник, намного выше губернского секретаря. Похоже, наш оратор думает не столько о свободе и равенстве, сколько о своем возвышении. И, произнося либеральную речь, он остается самим собой, карьеристом и льстецом. Так что концовка этой речи внешне неожиданна, но внутренне глубоко мотивирована — главным образом, благодаря случайной обмолвке.

В том же году Чехов опубликовал рассказ «Торжество победителей». Впоследствии, готовя его в свое собрание сочинений, он существенно отредактировал это произведение, убрал явные вульгаризмы, заменил фельетонную фамилию одного из персонажей — Курацапов — на комичную, но вполне правдоподобную — Курицын — и поставил подзаголовок: «Рассказ отставного коллежского регистратора». Это особенно интересно, если учесть, что в самом рассказе не упоминается о чине ни одного персонажа.

Впрочем, кое о чем можно догадаться. Вот что говорит рассказчик об одном из главных героев: «Козулина вы не знаете; для вас, быть может, он ничтожество, нуль, для нашего же брата, не парящего высоко под небесами, он велик, всемогущ, высокомудр». Речь, видимо, идет о чиновнике средней руки — столоначальнике⁶ или правителе небольшой канцелярии. Правда, рассказчик по ходу повествования называет начальника его превосходительством. Но как-то плохо верится в это титулование. Все-таки генеральский чин наполняет чиновника самоуважением. Даже такой злодей, как генерал Варравин, герой «Дела» Сухово-Кобылина, в беседе с просителями и подчиненными старается держаться вальяжно и снисходительно. А Козулин мелковат и злобноват для такого чина. Далее выясняется, что у Козулина взрослые дочери; следовательно, сам он немолод и не может похвастаться очень удачной карьерой. Но в мирке раболепных подчиненных он действительно чувствует себя всемогущим. И любимая тема его рассуждений — кем он был в молодости и кем стал сейчас. Среди его подчиненных находится его бывший начальник, когда-то унижавший и притеснявший его, которому он изощренно и зло мстит:

⁶ Столоначальник — начальник «стола», то есть отдела в канцелярии или департаменте, занимающегося определенным разрядом дел.

«А больше всего натерпелся и поношений вынес от этого вот сига копченого, от этого вот... крокодила! Вот от этого самого смиренника, от Курицына!» Унижения действительно были немалые — и на побегушках приходилось быть, и выполнять работу за начальника, и всей его семье прислуживать. Но теперь Курицын, попав под начало к бывшему подчиненному, расплачивается сторицей. Козулин заставляет его «трагедию представлять», после масленичных блинов есть хлеб с перцем. Унижали ли его так самого? Трудно сказать. Вот еще характерное признание: «Женить меня на своей собирался, да я на ту пору... к счастью, горячкой заболел, полгода в больнице пролежал. Вот что прежде было! Вот как живали!» Что тут можно сказать? Брак с нелюбимой женщиной — это ужасно. И Козулин счастлив, что болезнь не дала осуществиться этому браку. Но если бы Курицын ненавидел своего подчиненного, стал ли бы он выдавать за него дочь? Всетаки отец старается подыскать дочери достойного жениха. Вспомним, как делал карьеру Чичиков: он внушил своему начальнику, что сможет стать мужем его засидевшейся в девках дочери. И тот, несмотря на свою черствость и бесчувственность, расположился к будущему зятю душой. Козулин же явно относится к бывшему начальнику хуже, чем тот к нему.

И здесь Чехов подводит нас к важному с точки зрения этики вопросу: может ли человек мстить и до каких пределов должно доходить его мщение? Многие религиозные мыслители отвечают на этот вопрос отрицательно, так как мщение прямо запрещено в Евангелии. Чехов не был верующим, но и его отношение к мести далеко от одобрения. Разве для такого чинуши, как Курицын, попасть под начало к подчиненному — недостаточное унижение? А Козулин не может даже ясно сформулировать свои претензии. Рассказав, как Курицын накричал на его мать, он заключает: «Пришла старушечка домой да и слегла, заболела от перепугу, чуть не померла в ту пору». А затем — «Да... Так и померла старушечка...» Он уже не помнит точно, когда и от чего умерла его матушка. Одна лишь мысль сидит в его пьяной голове: ему было плохо и за это надо мстить другим! «Мучители... Варвары... А ну-ка ты! Тебе говорят, безусый!» — И Козулин ткнул пальцем в сторону папаши. — «Бегай вокруг стола и пой петушком!»

Страшную вещь рассказал нам о человеке Антон Павлович. Тот, кто в молодости претерпевал унижения, может затаить злобу на весь мир и начать мстить всем, не разбирая правого и виноватого, получая садистическое наслаждение от чужих унижений. У К. И. Чуковского есть интересная статья о Чехове «Человечность без иллюзий» [Чуков-

ский 1960]. В ней он говорит, что Чехов — современный писатель во всем, кроме одного: он не предвидел тех жутких монстров, фашистов и массовых убийц, на которых столь щедр оказался XX век. На это можно сказать так. Жаир бытовой новеллы (а не криминального или политического романа) в принципе и не допускает появления подобных персонажей. Но Чехов с удивительной зоркостью показывает нам истоки тиранства и кровожадности: тотальную озлобленность на мир. Козулин не убивает людей и не подвергает их физическим пыткам, потому что он — начальник канцелярии, а не лагеря. Но никаких моральных тормозов у него нет.

После столь затянувшихся рассуждений вернемся к вопросу, который мы задали в начале: почему, готовя рассказ к переизданию, Чехов снабдил его подзаголовком? Он важен для характеристики рассказчика. Тот, конечно, искателен, подобострастен и труслив, смеется с другими над унижением слабого и сам готов унижаться за мелкую должность. Разыгрывая шута вместе с отцом по приказанию начальника, он с удовлетворением думает: «Быть мне помощником письмоводителя!» И, вспоминая через много лет грозного начальника, он трепещет перед ним. Но у него отсутствует жестокость, страсть самому топтать слабого. Потому-то он не преуспел в карьере и вышел в отставку в самом мелком чине.

Рассказ «Толстый и тонкий» блестяще разобран И. В. Можейко, который разъяснил судьбу обоих персонажей — «тонкого», только второй год служащего в штаб-офицерском чине, и «толстого» — тайного советника, получившего и второй генеральский орден — св. Анны I степени. Готовя сборник своих произведений, А. П. Чехов существенно изменил сюжет этого рассказа. В журнальном варианте «толстый» оказывался начальником «тонкого» и распекал его за то, что тот поздно является на службу. Во второй редакции «толстый» и «тонкий» остались только одноклассниками, и паническая реакция «тонкого» последовала не на начальственный гнев, а только на сообщение о чине его друга. «Толстому» неприятны льстивые слова, но «тонкий» не может не пресмыкаться перед старшим по чину. Так забавная сценка превращается в рассказ с глубоким философским подтекстом, показывающим глубинную сущность человека.

Обратимся к творчеству зрелого Чехова. «Анна на шее» (1895 г.) — рассказ, в названии которого обыгрывается орденская символика. Это — и орден Анны II степени, и жена, уютно взгромоздившаяся на шею мужа. Молоденькая Анна продается за богатство немолодому богатому чиновнику, чтобы помочь семье, но, получив

доступ к богатству, быстро о семье забывает. Ее муж в начале рассказа мечтает получить «Анну на шею», в конце получает ее. Как мы помним, орден Анны II степени не низок и не высок. «Его мог получить чиновник средней руки за долгую службу, особенно если к нему благоволило начальство», — писал И. В. Можейко [Можейко 1998: 78]. Это обстоятельство помогает уяснить положение мужа Анны. Модест Алексеич немолод. В начале рассказа ему 52 года. По меркам чеховского времени это старик⁷. Только в конце рассказа он награждается шейной Анной и намекает на возможность получения «маленького Владимира». Из этого можно сделать вывод, что и чин его не так велик — не выше надворного советника. Конечно, можно вспомнить гоголевских персонажей: Шпекин и Землянишка представляются Хлестакову как надворные советники, да и у самого городничего чин вряд ли больше. Но в их маленьком городке нет никого старше их по званию, и каждый из них чувствует себя полноправным хозяином своего учреждения — почты, больниц и городишки в целом. А Модест Алексеич живет в большом губернском городе, где надворных и без него немало. Про него говорят, что он на хорошем счету у его сиятельства, но вряд ли тот обращает на надворного советника особое внимание. Ведь перед балом Модест Алексеич просит Анну представиться ее сиятельству, в надежде получить через нее новую должность. Итак, мы видим, что служебная карьера Модеста Алексеича сложилась не слишком счастливо. Для сравнения — герой «Обыкновенной истории» Гончарова Петр Иванович Адуев, которому в начале романа лет тридцать семь — статский советник. Через десять лет племянник Александр поздравляет его с чином действительного статского, а еще через четыре года, узнав, что дядя собирается в отставку, удивленно спрашивает: «Как же так, дядюшка? Ведь в этом году следует в тайные!» А вполне реальное лицо, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, покинул службу с поста рязанского вице-губернатора в чине статского советника в возрасте 36 лет. Затем он вернулся на государственную службу и стал в Казани председателем казенной палаты. В этой должности он быстро получил генеральский чин, в котором ушел в отставку окончательно в 42 года. А ведь начинал он как ссылочный; род его был старинный, но захудалый, так что никакой протекции Салтыков не

---

⁷ В рассказе Чехова «Приданое» фигурирует дама сорока с лишним лет, именуемая в дальнейшем *старухой*. Представления о старости меняются со временем.

имел. Своей карьерой он был обязан исключительно собственным административным способностям.

Итак, Модест Алексеич является нам не влиятельной персоной, каким он поначалу представлялся Анне и сосватавшим ее кумушкам, а старой канцелярской крысой, чиновником, едва ли даже имеющим самостоятельную службу в подчинении. Помните, чего он хочет от ее сиятельства? «Через нее я могу получить старшего докладчика!» Докладчик — это делопроизводитель, имеющий право излагать содержание всего дела начальнику, своего рода контролер в делопроизводстве. Должность не самая значительная, однако и она не сразу оказывается доступной Модесту Алексеичу. Можно догадаться и о том, по какому ведомству он служит. В замечательном балете «Анюты» великий балетмейстер Владимир Васильев нашел блестящий прием для партии Модеста Алексеича: танцовщик с серьезным, хмурым, сосредоточенным лицом танцует на месте, аккомпанируя себе на счетах; затем вокруг него оказывается целый кордебалет с такими же счетами, изображающий канцелярию. И действительно, отдельные намеки в тексте говорят, что Модест Алексеич — чиновник по финансовой части. В театре он требует от жены, чтобы она поклонилась незнакомой старухе: «Это супруга управляющего казенной палатой! Поклонись же, я тебе говорю! — ворчал он настойчиво. — Голова у тебя не отвалится». Казенная палата — это главное финансовое учреждение губернии, реформированное и казначейство, и местное отделение Государственного банка, контролировавшее коммерческие банки и акцизное управление. Руководитель казенной палаты был, пожалуй, вторым лицом в губернии после самого губернатора. Модесту Алексеичу необходимо было заручиться и его милостью.

А зачем ему это было так необходимо? Все-таки возраст немалый, и пенсия, очевидно, уже недалеко. Старая чиновничья привычка льстить? Думаю, что не только. Вот что говорят о Модесте Алексеиче кумушки: «У него в банке тысяч сто и родовое имение, которое он отдает в аренду». А поскольку служба его — по финансовому ведомству, чин не очень велик, следовательно, невелико и жалование, то возникает подозрение: от трудов ли праведных нахиты эти сто тысяч? А может быть, и имение не родовое, а купленное за годы беспорочной службы? Все-таки дворянин, владевшие родовым поместьем, отличались большей независимостью характера. Сведения кумушек не всегда точны. Да, пожалуй, этим и объясняется робость и искальность Модеста Алексеича перед начальством, и его жажда новых должностей. Он не особенно чист на руку и не настолько влиятелен,

чтобы совсем не страшиться разоблачения в своей губернии. Связи и покровительство начальства дают ему ощущение комфорта и безопасности. И перед своей женой он стал заискивать, когда его сиятельство (очевидно, губернатор) окказал ей благоволение: поблагодарил за участие в организованном его женой благотворительном базаре. Вот сколько информации можно извлечь из одной детали: герой рассказа получает Анну на шею.

ЛИТЕРАТУРА

Можейко 1998 — *Можейко И. В.* Награды. М.: Хронос, 1998.

Чуковский 1960 — *Чуковский К. И.* Человечность без иллюзий // Новый мир. 1960. № 2.

Из истории советских массовых песен

Когда человек слышит стихи, кажущиеся ему песней, он легко напевает их на знакомый мотив. Маяковский не предназначал для пения свое двустишие «Ешь ананасы, рябчиков жуй, // День твой последний приходит, буржуй!» Однако во время революции его распевали на мотив «Ухаря купца». А на музыку чувствительного романса «Белой акации гроздья душистые» во время Первой Мировой войны была сочинена патриотическая песня:

Слушай, товарищ! Война началася!
Бросай свое дело, в поход собирайся!
Смело мы в бой пойдем
За Русь святую!
И, как один, прольем
Кровь молодую!

Позже ее переделки пели и бело- и красногвардейцы.

Этот стихийный процесс продолжался. Как отметила недавно Наталья Малаховская¹, большинство популярных во время Октябрьского переворота и Гражданской войны песен использовали чужие мелодии. Эти мелодии из песен самого различного содержания, порой не имеющих никакого отношения ни к революции, ни к борьбе пролетариата. Так, одна из первых массовых большевистских песен — «Проводы» (на слова Демьяна Бедного) — это старинная русско-украинская песня о свадьбе комара и мухи:

Как родная мать меня
Провожала, —
Тут и вся моя родня
Набежала.

Ой що це за шум та гам
Учинився?
То комар на мусі
Женився!

---

¹ Звезда. 2004. № 4.

Гимн рабочего класса «Мы кузнецы, и дух наш молод...» (слова Ф. Шкулева) оказался переделанной венской шансонеткой: «Мы шансонетки, стреляем метко...». Одна из самых известных лирических песен Гражданской войны «Там, вдали за рекой», о которой до сих пор в песенниках пишут «Слова Н. Кооля, музыка народная», действительно использует народную музыку. Только она была написана вовсе не о «сотне юных бойцов из буденновских войск». На самом деле это песня каторжников, появившаяся в начале XX в., занимавшая почетное место в репертуаре известной в то время и очень популярной певицы Н. Плевицкой. Приведем первую строфу:

Когда над Сибирью займется заря
И туман над тайгой расстилается,
На этапном дворе слышен звон кандалов, —
Это партия в путь собирается.

Затем во время русско-японской войны на этот мотив стали петь песню о столкновении казачьей сотни с японцами. Большой известности эта песня не получила, но ее влияние на текст Н. Кооля несомненно: из нее и происходит «сотня юных бойцов» (в казачьих войсках, в отличие от Красной Армии, сотня была официальным подразделением, аналогичным взводу в регулярной армии).

Не менее знаменитый марш Гражданской войны — «Партизанская дальневосточная» — помечался в советское время так: «Слова П. Парфенова, музыка народная». Но в действительности не только музыка, но и слова этой песни являются, как говорится, приспособлением к нуждам момента. Подлинная же история и текста, и музыки такова. В 1917 г. командование российской армии направило несколько дивизий на помощь Румынии, которую нещадно громили войска немцев и австрийцев. Среди них оказалась и так называемая «Дикая дивизия», состоявшая по большей части из кавказских горцев. Командовал ей талантливый и храбрый офицер полковник Михаил Иванович Дроздовский. После известия об Октябрьском перевороте «Дикая дивизия» совершила поход из Румынии на Украину. Переход этот дался дивизии с трудом; приходилось пробиваться через враждебные немецко-австрийские части, которым было дано указание окружить и интернировать русских. Но под умелым руководством Дроздовского дивизия преодолела все испытания и присоединилась к Добровольческой армии А. И. Деникина. В память о походе был сложен марш «Дикой дивизии». А Петр Парфенов, сочиняя песню для армии Дальне-

восточной республики, не только использовал мелодию этого марша, но и его слова, заменяя румынские и белогвардейские реалии на дальнеевосточные и партизанские. Надо признать, что свою поэтическую обработку он совершил не без фантазии. Сравним несколько строф:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с честию окончить
Из Румынии поход.

.....
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Офицерские заставы
Занимали города.

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье,
Белой армии оплот.

.....
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Партизанские отавы
Занимали города.

Итак, вместо «офицерских застав» — «партизанские отавы». Отава, как известно, — трава, выросшая на месте скошенной. П. Парфенов внес в свой текст довольно глубокий и емкий образ: сначала партизан истребили, но на место погибших бойцов пришли новые — *отавы*; они-то и одержали окончательную победу. Кстати, косить отаву труднее, чем первичную траву. Однако этот образ, прекрасный в стихотворении, для песни оказался слишком сложным, да и слово *отава* не относится к общезвестным. Поэтому в песне звучит, как правило, «партизанские отряды»².

Искусство заимствовать чужие мелодии, как и всякое другое, знает своих классиков. Здесь надо назвать прежде всего братьев Дмитрия и Даниила Покрассов, Юлия Хайта и Исаака Дунаевского. Братья Покрасс числятся авторами многих песен, музыка которых принадлежит вовсе не им. Обратите внимание на торжественность мелодии «Молодая гвардия». В отличие от большинства советских маршей, она нетороплива, написана скорее в ритме *largo* (медленно). Объясняется

² Массовая песня вообще не терпит слишком сложных и слишком конкретных сравнений и образов. Стихотворение Федора Глинки, ставшее одним из лучших русских романсов, начинается так: «Не слышно шуму городского, / За Невской башней тишина, / И на штыке у часового / Горит двурогая луна». Пластичность и живописность этой строфы, описывающей мрачную, безлюдную ночь возле тюрьмы, удивительна: в ней присутствует все необходимое и ничего лишнего. Указание на *двурогую* луну, отражающуюся на штыке у часового — последний штрих мастера, делающий картину максимально точной и конкретной. Но для народной песни эта деталь оказалась слишком конкретной, и *двурогая* луна была заменена *полночной*.

это просто: по происхождению это религиозный гимн. Непохож на обычный марш и «Марш Буденного» («Мы красная кавалерия, / И про нас / Былинники речистые / Ведут рассказ»): тоже слишком протяжен и торжествен. Его музыка взята из старинной свадебной величальной еврейской песни.

Еще интереснее история «Марша авиаторов» (музыка Ю. Хайта), того самого, где поется:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор!

До революции Павел Герман, автор слов, писал чувствительные романсы типа «Только раз бываю в жизни встречи». Но иная эпоха потребовала иных песен, и поэт выполнил ее задание, поменяв фразеологию, но сохранив свою склонность к напыщенной риторике. Иронические переделки этих слов всем известны: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Ну а «вместо сердца — пламенный мотор» давно стало характеристикой того «нового советского человека», которого тщился воспитать коммунистический режим. Пафос обернулся саморазоблачением.

Что же касается музыки, то она не сочинена Ю. Хайтом, а пришла из Германии. В 20-е гг. прошедшего века там жил молодой человек по имени Хорст Вессель. По убеждениям он был нацистом, членом НСДАП, по профессии же — сутенером; погиб в 1928 году в драке с конкурентом, который, в свою очередь, был членом Коммунистической партии Германии. Незадолго до смерти Вессель сочинил гимн, прославляющий Гитлера и фашизм. Как указывает выдающийся историк К. А. Залесский, в качестве мелодии была использована старая морская песня [Залесский 2003: 144—145]³. Узнав о гибели Хорста Весселя, Гитлер распорядился сделать из него героя партии, стойкого борца с коммунизмом. Сочиненная им песня получила его имя и стала официальным гимном НДСАП. Вот эта старинная песня и использована Ю. Хайтом. Следует учесть, что свой гимн Хорст Вессель написал на 7 лет позже, чем появился «Марш авиаторов». Контакты Советского Союза с Веймарской Германией были довольно тесными; не исключено, что сутенер-поэт слышал и обработку Хайта.

---

³ Там же — принадлежащий автору перевод «Хорста Весселя».

Талантливейший И. Дунаевский тоже был известен своей любовью к заимствованиям, или, так сказать, к творческим переосмыслениям. По воспоминаниям известного джазиста Алексея Баташова, Леонид Утесов говорил ему: «Алеша, я знаю, что у Дуни и откуда взято, но не скажу». И всякий россиянин, впервые прибывающий в государство Израиль, может услышать по радио ранним утром удивительно знакомую мелодию. А дело в том, что для увертюры к фильму «Дети капитана Гранта» и для национального гимна Израиля была использована одна и та же народная еврейская песня. Другим, еще более известным своим сочинением Дунаевский по сути обязан режиссеру Григорию Александрову. Как известно, тот три года прожил в США в качестве ассистента С. Эйзенштейна. Значительная часть их фильма (так и не вышедшего при жизни Эйзенштейна в свет) снималась в Мексике. Соавторы привезли из Америки много различных материалов, и одна мексиканская народная песенка очень понравилась Дунаевскому. Она появилась во время революции 1910—1917 гг., называлась «Аделита».

En lo alto de la abrupta serranía
acampado se encontraba un
regimiento
y una musa que valiente los seguía

locamente enamorada del sargento

Popular entre la tropa era Adelita
la mujer que el sargento idolatraba

y además de ser valiente era bonita
que hasta el mismo Coronel la
respetaba

Y se oía, que decía, aquel que tanto la
quería:
Y si Adelita quisiera ser mi novia

y si Adelita fuera mi mujer
le compraría un vestido de seda
para llevarla a bailar al cuartel.
Y si Adelita se fuera con otro
la seguiría por tierra y por mar.
si por mar en un buque de Guerra
si por tierra en un tren militar.

На высоте горных склонов
Обнаружился расположенный там
полк,
И муз, которая постоянно за ним
следовала,
Была обожаема сержантом.

Известна была в отряде Аделита,
Женщина, которую боготворил
сержант,
Была не только доблестна, но и
красива,
И за это ее сам полковник уважал.

И слышно, как говорит тот, кто ее
любит:
И если Аделита стремится стать моей
подругой,
И если Аделита будет моей женой,
Ей куплю одежду из шелка,
Чтобы водить ее на танцы в казарму.
И если Аделита будет с другим,
Я буду преследовать ее на земле и море.
Если по морю — на военном корабле,
Если по суше — на бронепоезде.

Дунаевский слегка видоизменил мелодию, перевел ее из *andante* в *allegro*, Лебедев-Кумач написал слова совсем иного содержания, используя иной стихотворный размер. Так появился «Марш веселых ребят» — одна из самых популярных советских массовых песен. Первая часть «Аделиты» повествует о мексиканских бойцах-революционерах, поэтому немного корреспондирует с текстом, герои которого именуют себя борцами и защитниками Родины. Вторая же часть по советским лекалам могла быть заклеймлена как «уход в личные переживания». А вот слова «Марша веселых ребят» отличаются идеологической выдержанностью. В сочетании с отличной музыкой это обеспечило ему популярность как среди партийного руководства, так и у народа.

А для «Волги-Волги» композитор использовал старинную студенческую песенку «Через тумбу», появившуюся сначала в Казанском университете, затем перенесенную в Москву (имеется и питерский, и киевский, и некоторые другие варианты). Дунаевский и здесь поменял ритм, сделал свою аранжировку, но не настолько, чтобы она стала неузнаваемой. Поскольку тексты казанского и московского вариантов не широко известны, приведем их первые два куплета и припев:

Казанская песня

Там, где чинный Булак
Со Казанкой-рекой
Точно братец с сестрой, обнимаются,
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.
(Припев)
Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу три-четыре
Спотыкаются!
А Харлампий святой
С золотой головой,
Глядя сверху на них, улыбается.
Он и сам бы не прочь
Погулять в эту ночь,
Да на старости лет не решается!

Московская песня

Есть в столице Москве
Очень шумный квартал,

Что Козихой большой прозвывается,
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.

(Припев)

Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу три-четыре
Спотыкаются!
А Спаситель святой
С золотой головой⁴,
Глядя сверху на них, улыбается.
Он и сам бы не прочь
Погулять в эту ночь,
Да на старости лет не решается!

Песня из «Волги-Волги»

Что мечталось, что хотелось, то сбывается!
Прямо к солнцу наша смелость поднимается!
Все добудем-будем-будем,
Всех разбудим-будим-будим,
Точно колос, наша радость наливается!

Наши ноги прямо сами в танец просятся!
И над нами соловьи песни носятся!
Эй, подруга, выходи-ка,
Да на друга погляди-ка
Чтобы шуткой с ним веселой переброситься!

Как видим, не только мелодия, но и слова песни из «Волги-Волги» указывают на ее источник. Совпадение системы рифм (глаголы на -ся по всему тексту) никак не может быть случайным, как и повтор слов.

Однако иногда заимствование могло быть явным. Александр Жаров, сочинивший «Гимн юных пионеров», так рассказывал его историю. В 1922 г. ему, 18-летнему начинающему стихотворцу, дали в ЦК комсомола задание: в двухнедельный срок написать песню для только что созданной организации юных коммунистов, которую назвали пионерами. Но молодой поэт ничего не мог придумать. Обратившись за помощью

⁴ Вариант: «Иван-Богослов с сорока куполов». Церковь Иоанна Богослова стоит недалеко от Козихинских переулков. В Питере пели про «Крюков канал со Фонтанкой-рекой» и «Исакия святого».

к Д. А. Фурманову, Жаров получил от него хороший совет: чтобы решить проблему, надо на время от нее отвлечься. И Жаров со своим другом, пианистом Сергеем Кайдан-Дёшкиным отправился в Большой театр послушать оперу «Фауст». Там им очень поиздевался «Марш солдат»:

Башни, зубцами
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!

Эту мелодию Кайдан-Дёшкин слегка видоизменил, приспособил для пионерского горна, а Жаров быстро написал стихи. Они были не очень умелыми; самый неудачный куплет и вариант рефрена довольно быстро забылся⁵. Но песня приобрела популярность — отчасти благодаря тому, что стала официальным гимном Всесоюзной организации пионеров, отчасти благодаря бойкой и бодрой мелодии.

Другая песня была полностью заимствована. В 30—70 гг. прошедшего века не было, кажется, в Советском Союзе ни одного пионерского отряда, который не пел бы «Песнь о маленьком (или юном) барабанщике». Автор русского текста Михаил Светлов никогда не скрывал, что он перевел песню немецких коммунистов. На это есть и указание в тексте: в нем упоминаются «спартаковцы» — члены немецкой коммунистической организации «Союз Спартака», пытавшейся в 1919—1920 гг. совершив в Германии переворот. Следует, однако, сказать, что немецкий оригинал этой песни прямого отношения к «Союзу Спартака» не имел. Известен человек, которому она посвящена. Это член Компартии Германии Август Фридрих (Фриц) Вайнек, который погиб в 1925 г. в уличной схватке в г. Халле. В отряде он был трубачом, имел прозвище за не большой рост *unser kleiner Trompeter* «наш маленький трубач». В честь него и была сложена безвестным автором песня, причем мелодия была взята из марша австрийских ополченцев Первой Мировой войны⁶. Позже в ГДР вышел биографический роман секретаря Госсовета и по совместительству литератора Отто Готше «Наш маленький трубач».

⁵ Шагом веселым / Дружной гурьбою / Будем готовы к труду и бою! / Будем примером / Борьбы и трудов! / Клич пионера / «Всегда будь готов». Конечно, Близится эра / Светлых годов сказано тоже не очень ловко, но в процитированном куплете почти отсутствует смысловое согласование.

⁶ Об этом пишет Н. Коржавин со ссылкой на музыковеда В. Фрумкина [Коржавин 1992: 178]. Мы увидим, что у марша ополченцев тоже был свой источник.

Von allen unsren Kameraden
 War keiner so lieb und so gut
 Als unser kleiner Trompeter
 So lustiger Rotgardistenblut
 Wir saßen so fröhlich zusammen
 In einer so stürmischen Nacht
 Mit seinen Freiheislieder
 Hat er uns so Freude gemacht.
 Da kam eine feindliche Kugel
 In einer so lustigen Spiel,
 Mit seiner seligen Lächeln
 Unser kleiner Trompeter fiel
 Da nahmen wir Hacken und Spaten
 Und gruben ihm alle ein Grab
 Und die ihn am liebsten hatten,
 Sie senkten ihn stille hinab.
 Schlaf ruhig, kleiner Trompeter,
 Wir hatten dich alle so gut,
 Schlaf wohl, du kleiner Trompeter,
 So lustiger Rotgardistenblut!

Из всех наших товарищ
 Никто не был так добр и любим,
 Как наш маленький трубач,
 Веселый красногвардец.
 Мы сидели так радостно вместе
 В одну штурмовую ночь,
 Своими песнями о свободе
 Он доставил нам много радости.
 Но прилетела вражеская пушка
 Во время веселой игры,
 И с ласковой ульбкой
 Наш маленький трубач погиб.
 Мы взяли кирки и лопаты
 И выкопали ему могилу.
 Те, кто больше всего его любил,
 Тихо опустили его вниз.
 Спи спокойно, маленький трубач,
 Мы так тебя любили,
 Спи спокойно, маленький трубач,
 Веселый красногвардец!

Мышли под грохот канонады,
 Мы смерти смотрели в лицо.
 Вперед продвигались отряды
 Спартаковцев, смелых бойцов.
 Средь нас был юный барабанщик,
 В атаках он шел впереди
 С веселым другом барабаном,
 С огнем большевистским в груди.
 Однажды ночью на привале
 Он песню веселую пел.
 Но, пурей вражеской сраженный,
 Долететь до конца не успел.
 С улыбкой юный барабанщик
 На землю сырую упал.
 Погиб наш юный барабанщик,
 Его барабан замотгал.
 Промчались годы боевые,
 Окончился славный поход.
 Погиб наш юный барабанщик,
 Но песня о нем не умрет!

Итак, герой песни — трубач. Откуда же взялся барабанщик? Скорее всего, М. Светлова подвело недостаточное знание немецкого языка. «Труба» по-немецки — Trompete, «трубач» — Trompeter. Соответственно «барабан» — Trommel, «барабанщик» — Trommler. Поэт, по-видимому, перепутал два похожих слова. Но различия немецкого оригинала и русского перевода этим не ограничиваются. Если мы сравним немецкий и русский текст, то у нас возникнет впечатление, что это вообще разные песни (см. выше).

Как видим, в немецком тексте нет ни «канонады», ни «привала» (бессмысленного в условиях городского боя). Трубач поет песню по просьбе товарищей, чтобы подбодрить их в схватке. Кстати сказать, реальная гибель Фрица Вайнека отличается от описанной в немецком марше. Ночного сражения не было. Полиция преградила коммунистам проход на митинг, те оказали сопротивление. Полиция открыла огонь, в результате которого погибло несколько человек, в том числе Вайнек. Но безвестный автор решил романтизировать его гибель.

А вот русский вариант сильно отошел от немецкого первоисточника. В нем о городе вообще нет речи. М. Светлов описал в своей песне не городскую стычку, а полевую кампанию. Оттого-то и появился «Союз Спартака», распущенный ко времени гибели Ф. Вайнека. Немецкий текст просто, без прикрас рассказывает о маленьком трубаче и его гибели в бою. Почему же Светлов так резко изменил текст, написав фактически новый? А потому, что полевое сражение выглядит гораздо красочнее, чем городское. Одно дело — перестрелка из-за угла, а другое — настоящий бой, с канонадой пушек, с атаками, с продвижением вперед. Ведь у поющего «Песню о юном барабанщике» создается впечатление, что спартаковцы побеждают. И вот в преддверии победы гибнет герой. Но как? Не так, как его прототип, не в бою, а от подлой пули, сразившей его на привале. Война и песня, юность и смерть, привал и бой — вечные контрасты, призванные брать за сердце слушателя. Поэтому Светлов сделал своего героя и *юным* (сам Фриц Вайнек погиб в возрасте 28 лет; в начале XX в. этот возраст уже не считался мальчишеским). Иными словами, поэт изменил прежде всего жанр. Из грустной песни, посвященной прощанию с погившим, он сделал романтическую военную балладу. Исчезла из нее конкретность немецкого оригинала, его привязанность к одному событию, исчезло и обращение к погившему: в балладе оно не принято. Конечно, изменение текста несколько грешит против логики. Немецкий трубач играет песню, исполняя свои прямые обязанности. Петь же ночью, во время привала довольно опасно: это может закончиться именно так, как и

закончилось у юного барабанщика. Но для народной песни не обязательно строгое логическое правдоподобие. Она подчиняется скорее законам мифа. Смерть юноши, поющего песню, — популярнейший мифологический сюжет. В целом свою задачу М. Светлов выполнил успешно: «Песня о юном барабанщике» в течение 40 лет оставалась самой, может быть, массовой пионерской песней, более популярной в Советском Союзе, чем ее прототип — в Восточной Германии.

Музыку обработал композитор В. Вальрот. Возможно, ему же принадлежит редактура текста. Он восходил к немецкой песне XIX в. «Хороший товарищ» (*Ich habe einen Kameraden, Einen besten findst du nit.* «У меня есть друг, лучшего ты не найдешь») на слова известного поэта Л. Уланда (музыка Ф. Зильхера). Сходство, впрочем, не очень велико, и мелодию «Нашего маленького трубача» заимствованием назвать нельзя. Скорее, это вариация на тему песни Зихлера, далеко разошедшаяся с оригиналом. К слову сказать, она притянулась и нацистам. Они написали подражательный текст, вставив в него имя Хорста Весселя, объявленного, как мы помним, национальным героем. Правда, популярности «Маленького трубача» эта песня не приобрела.

Попутно отметим, что мелодия песни «Хороший товарищ» использована еще в одном советском шлягере. Он прозвучал в фильме «Служили два товарища» («Служили два товарища — ага»).

Но заимствование той или иной мелодии — не повод для осуждения песни. Все песни, о которых шла речь в наших заметках, имеют немаловажные достоинства, сделавшие их популярными: они мелодичны, четко выражают настроение (иные — бодрое, иные — торжественное, иные — печальное), их можно петь. В этом их отличие от некоторых современных эстрадных шлягеров и «саундтреков из блокбастера», которые существуют только в чьем-то исполнении. Поклонники ликуют, когда их кумир выкрикивает на эстраде очередной «хит», но никто не сможет спеть его сам: не для того эти «хиты» пишутся. Впрочем, это уже иная тема.

ЛИТЕРАТУРА

- Залесский 2003 — Залесский К. А. Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2003.
- Коржавин 1992 — Н. Коржавин. В соблазнах кровавой эпохи // Новый мир. 1992. № 7.

ЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ, ИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ

Нет, пожалуй, более загадочного феномена, чем известность. Почему один творец сразу обращает на себя внимание своими произведениями, а другой остается в безвестности — трудно сказать. Еще более странным является случай, когда сделанное переживает творца, особенно когда речь идет о литературном произведении. Так иногда случается с песнями: они на слуху, а имя автора слов не вспоминается. Но не только. Бывает, что стихотворная строчка превращается в часто повторяемый афоризм, не связываемый с ее автором.

Дмитрий Петрович Ознобишин (1804—1877) родился в Симбирской губернии. Работал в Московском почтамте цензором французской корреспонденции. В молодости познакомился с поэтом С. И. Раичем, вошел в его кружок. Писал оригинальные стихи и много переводил. У него были способности полиглotta, поэтому он обращался к английским, французским, немецким, шведским, итальянским, арабским, персидским поэтам. Известность получило его стихотворение «Чудная бандура» — вольный русифицированный (или даже украинизированный) перевод народной шведской баллады «Чудесная арфа». Она стала основой одной из самых известных русских народных песен «По Дону гуляет казак молодой». Правда, конец баллады Ознобишина (как и шведского оригинала) более оптимистичный, чем песня. Герой спасает упавшую в воду невесту с помощью своего музыкального инструмента:

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»
Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.
Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдаю.
Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой».

Чем-то это напоминает новгородскую былину о Садко. Возможно, здесь присутствует общий для народов Северной Европы фольклорный мотив: герой попадает под воду и спасается, покорив морского владыку своей игрой на музыкальном инструменте. Однако счастливый конец не очень характерен для русской народной песни. Ее главное настроение — тоска со слезой. Возможно, поэтому приведенные строки не вошли в текст песни. Песня же была и остается одной из самых любимых у русского народа.

Дмитрий Павлович Давыдов (1811—1888) известен далеко не так, как его дядя — поэт, партизан, генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов. Но и он оставил свой след в русской поэзии. Родился Дмитрий Павлович в г. Ачинске тогдашней Енисейской губернии (ныне Красноярский край). Был директором Верхнеудинского уездного училища, членом Российской географического общества. Он занимался географическими, этнографическими и археологическими изысканиями, собирая фольклор сибирских народов. К сожалению, в 1861 г. Д. П. Давыдов ослеп; затем пожар уничтожил значительную часть его архива. Все же ему удалось опубликовать сборник сибирского фольклора. Писал он и оригинальные стихи. Известностью пользовалась его баллада «Дума беглеца на Бакале», превратившаяся в прославленную песню «Славное море, священный Байкал». Ее лирический герой смел, ироничен («славный корабль — омулевая бочка», «славный мой парус — кафтан дыроватый»), полагается на судьбу, благодарен ей за поддержку. Поэтому к нему сразу проникаешься симпатией, желаешь ему счастливого завершения его побега с каторги. Поющему приятно отождествлять себя с таким молодцом.

Иван Захарович Суриков (1841—1880) прожил тяжелую жизнь. Сын приказчика в овощной лавке, открывшего затем свою маленькую торговлю, он казался своим родственникам чудаком: вместо того чтобы работать и торговаться, занимался бумагомаранием. Как поэт он добился определенной известности, но из нужды выбиться не смог; умер в 39 лет от легочного туберкулеза. Многие его стихотворения забыты незаслуженно. Есть у него две чудесные назидательные баллады: «Нашла коса на камень» и «Клад». В первой из них:

Приехал барин к кузнецу,
Силач он был немалый.
Любил он силушкой своей
Похвастаться, бывало!

Но кузнец оказался физически ничуть не слабее. И после встречи с ним барин оставил свое хвастовство.

Во второй — старушка рассказывает детям стариинную историю про молодого лодыря, который бедствовал после смерти родителей, пока ему не сказали, что отец оставил в огороде клад. Он перерыл огород, клада не нашел, но по совету односельчан посадил картошку с капустой и снял хороший урожай.

— Бабушка, а клад-то? Он-то отыскался?
Или не нашелся? Или там остался? —
Дети с любопытством бабушку спросили.
— Нет, нашелся, детки. Он в труде да в силе.

Как видим, баллады Сурикова обладают основным достоинством детской литературы: весело, просто и ненавязчиво преподают прописные истины, те самые, которые лежат в основе жизни. Поэтому их надо читать и разучивать с младшеклассниками. В старые школьные хрестоматии включалось другое стихотворение Сурикова: «Вот моя деревня, вот мой дом родной». Тоже хороший текст, тоже стоит того, чтобы дети его учили. Как точно передана психология ребенка, слушающего бабушкины сказки:

А Иван-царевич — это будто я!

Но самыми известными стали его стихи, на которые были сложены прославленные народные песни: «Тонкая рябина» и «Степь да степь кругом». Репутация первой подпорчена тем, что она стала любимой песней пьяниц, азартно выкрикивающих во хмелью «До самого тына» так, что можно рассышать «Да сама — ватына!» Но, если отвлечься от этой «ватыны» и взглянуть на текст непредвзято, ощущаешь его красоту, понимаешь, что это незаурядная лирика. Особенно хороши мечтания рябины:

Тонкими ветвями
Я бы к нему прижалась,
И с его листами
День и ночь шепталась!

Еще более пронзительны слова «Степи»:

А жене скажи
 Слово прощальное,
 Передай ей кольцо
 Ты обручальное.
 Пусть она по мне
 Не печалится,
 С тем, кто по сердцу,
 Пусть обвенчается.
 Про меня скажи,
 Что в степи замерз,
 А любовь свою
 Я с собой унес.

Это концентрированное выражение предсмертной тоски, любви, великолюдия и сделало песню одной из самых любимых в народе. И если имя Сурикова не всегда вспоминают, то творчество его навсегда осталось в русской культуре.

У Александра Александровича Навроцкого (1839—1914) иная судьба. Выходец из старинного украинского дворянского рода, он окончил Военно-юридическую академию, служил в военных судах и прокуратуре, вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта юстиции. Всю жизнь он писал стихи и изучал историю России. Ей посвящено большинство его произведений. Некоторые из них забыты незаслуженно; например, баллада о взятии татарами Козельска совсем неплоха. Другая же баллада стала народной песней — «Утес Стеньки Разина». Конечно, удивительно, что военный юрист самого высокого ранга прославил персонажа, признанного государственным преступником и анафематствованного православной церковью. Что же, это свидетельствует о широте души А. А. Навроцкого. В балладе он проявил себя незаурядным поэтом, мастером кованого и вместе с тем берущего за душу стиха:

Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
 Кто свободу, как мать дорогую, любил
 И во имя ее подвизался,
 Пусть тот смело придет, на утес тот взойдет,
 Чутким ухом к утесу приляжет, —
 И утес-великан все, что думал Степан,
 Все тому смельчаку перескажет.

Мужество, благородство, тяга к свободе — вот что сделало балладу любимой песней.

Про Леонида Николаевича Трефолёва (1839—1905) не скажешь «неизвестный поэт». Он большую часть жизни провел в Ярославле, был редактором местной газеты; в честь него там названа улица. Печатался в санкт-петербургских журналах, получил известность и как лирик, и как сатирик, и как автор баллад. В 1902 г. в Санкт-Петербурге торжественно отмечалось 40-летие его литературной деятельности. Некоторые его стихи, не пропускавшиеся в печать цензурой, получили у современников широкую известность. Такова эпиграмма на К. П. Победоносцева:

Победоносцев для Синода,
Обедоносцев при дворе <или — при царе>,
Бедоносцев для народа
И Доносцев он везде¹.

Построив этот фонетический климакс (т. е. группу слов, последовательно уменьшающихся на один звук), Трефолёв написал развернутое стихотворение, где очень удачно соединил его с другим климаксом. Процитирую его полностью:

Кто такой Победоносцев?
При царе Обедоносцев,
Для народа — Бедоносцев,
Для желудка — Едоносцев
И везде он злой Доносцев.
Он к царю придет с докладом,
От царя уйдет с окладом,
Награжденный златом-кладом,
Воспевая чинно, ладом:
«Жизнь не кажется мне адом!
Принесите лепту на дом!»
Отчего же, почему же
Мне не носят лепту на дом?
Жизнь в России сходна с адом,
В ней нельзя жить мирно, ладом
Со свободой, чудным кладом,

---

¹ Вариант (народной переработки): *Победоносцев для Синода, Обедоносцев для царя, Он Бедоносцев для народа, Доносцев, проще говоря*.

В ней урядники с окладом,
А исправники с докладом!
...Много, много в ней «доносыцев»,
Константин Победоносцев!

Сейчас, когда обсусаливаются фигуры Победоносцева, Муравьева-Бешателя и иных русских националистов, такое стихотворение звучит более чем актуально.

Большинство произведений Трефолёва сейчас незаслуженно забыто. Но все-таки он остался в русской культуре. Однажды он прочел балладу польского поэта Владислава Сырокомли «Почтальон», основанную на действительном случае: почтальон в Польше зимней выюжной ночью получил приказ срочно доставить письмо. На пути он услышал заглушенный бурей зов о помощи, но не решился остановиться, а на обратном пути нашел замерзшее тело своей невесты. Трефолёв перевел балладу, русифицировав ее; в частности, почтальон превратился в ямщика². В сокращенном и сильно измененном виде она стала одной из любимых трагических песен: «Когда я на почте служил ямщиком».

Интересно, что начальные строки баллады, выпущенные в песне, стали прообразом зачина другой прекрасной народной песни. Сравним:

— Мы пьем, веселимся, а ты — нелюдим,
Живешь, как невольник в затворе.
И чаркой, и трубкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.

Не тешит тебя колокольчик подчас,
Не тешат и девки. В печали
Два года живешь ты, приятель, у нас,
Веселым тебя не встречали.

— Мне тошно и так, и без чарки вина,
Немило на сердце, немило!
Но дайте же чарку, — поможет она
Сказать, что меня истомило!

---

² Одна несвойственная русскому быту деталь осталась: ямщики верхом не ездили.

Отчего ты, ямщик,
 Перестал песню петь
 И сидишь весь какой-то унылый?
 Колокольчик вдали продолжает греметь,
 А тебя не слыхать, друг мой милый!

После чего оба ямщика приступают к горестному рассказу. Талантливый человек создает вокруг себя поле таланта, побуждая других к творчеству.

Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893) тем более не назовешь забытым. При жизни он считался классиком, его стихотворения включались в гимназические хрестоматии. Его биография и общественная деятельность хорошо изучены. В 1859 г. он вместе с Н. А. Некрасовым, Д. В. Григоровичем, Л. Н. Толстым и А. В. Дружининым основал Литературный фонд для помощи неимущим литераторам, причем именно Плещеев, получивший большое наследство, стал основным жертвователем. О жизни и творчестве Плещеева рассказывает недавно опубликованная книга Л. С. Пустыльник. В районе ВДНХ в Москве его именем названа улица. И все же сейчас имя талантливого поэта не на слуху. Известные его стихи не всегда с ним связываются. Всякий ли назовет автора такой чудесной зарисовки?

Осень наступила,
 Высохли цветы
 И стоят уныло
 Голые кусты.
 Вянет и желтеет
 Травка на лугах,
 Только зелнеет
 Озимь на полях.

А вот как поэт говорит о пробуждении природы:

Травка зелнеет,
 Солнышко блестит.
 Ласточка с весною
 В сени к нам летит!

А вот финал другого его когда-то хрестоматийного стихотворения:

Ладно, ладно, детки! Дайте только срок:
 Будет вам и белка, будет и свисток.

Как видим, стихи хороши, звонки, лиричны. Они заслуживают того, чтобы их читали и заучивали. Но, пока этого нет, мы можем сказать: творчество А. Н. Плещеева присутствует в русской культуре во многом благодаря россиянам старшего поколения, слышавшим его от родителей и бабушек с дедушками.

А вот имя поэта Ивана Ивановича Тхоржевского (1878—1951) мало кому известно. Но он автор двустишия, вошедшего в пословицу; его приписывали Бунину (например, А. Мариенгоф в «Романе без вранья»), Блоку и другим большим литераторам начала XX в.³ Тхоржевский окончил юридический факультет Московского университета, поступил на службу в Министерство земледелия, дослужился до чина действительного статского советника. В свободное время переводил западных и восточных поэтов; писал и оригинальные стихи. После Октябрьского переворота уехал в Париж, там продолжал переводить французских поэтов на русский язык. Однажды сочинил восьмистишие — вольное подражание персидскому поэту XIV в. Хафизу:

Легкой жизни я просил у Бога:
— Посмотри, как грустно все кругом!
Бог ответил: — Погоди немножко...
Ты еще попросишь о другом!
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Легкой жизни я просил у Бога.
Легкой смерти надо бы просить!

Кажется, это стихотворение он и не опубликовал, а познакомил с ним своих друзей. Так афористичны и сильны две последние строчки, так они отвечают внутренним потребностям души, что все, кто их слышал, охотно повторяют и цитируют.

Имя же Василия Ивановича Сиротина (1830—1885) стало известно лет 50 тому назад благодаря литературоведу В. С. Железняку-Бельскому, написавшему «Повесть о Василии Сиротине» (Вологда, 1963). Этот одаренный поэт прожил трудную жизнь. Окончив духовную семинарию, он женился и был рукоположен в священники, затем сложил с себя сан, стал работать в губернской канцелярии. Смерть

---

³ По стилю это стихотворение напоминает «Последние песни» Некрасова. Там есть и сходные мысли («К чему же мучить человека? О небо, смерть пошли скорей!»), и сходные ритмы («Ты еще на жизнь имеешь право, Быстро я иду к закату дней»).

любимой жены привела его к тяжелому душевному срыву и запою. Самое известное его стихотворение было опубликовано в 1859 г. в сборнике песен без указания авторства. Для него существует несколько различных мелодий. Исполнялось и перепечатывалось оно довольно часто, но слова считались народными⁴. Только В. Железняк сумел установить авторство. Это «Песня пьяного студента». Трудно найти в русской лирике другое произведение, где так виртуозно бы передавалась психология отуманенного алкоголем сознания:

Раз из трактира иду я к себе,
Улица странно кажется мне.
Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна!
А фонари что неясно горят?
Видно, на месте совсем не стоят.
Словно танцуют туда и сюда, —
Эх, да вы пьяные все, господа!
Ты что за рожи так, месяц, кривишь?
Глазки сощурив, с улыбкой глядишь!
Лишний хватил ты стаканчик вина!
Стыдно тебе уж, ведь ты старина!

Ну что же, будем благодарны В. Железняку-Бельскому⁵ за то, что открыл еще одного одаренного стихотворца. Семейные обстоятельства не позволили В. Сиротину полностью реализовать свой талант. Но сделанное им не пропало. А рефрен («Левая, правая где сторона?») давно вошел в пословицу.

⁴ Особенno прекрасно исполнение выдающегося певца Е. Б. Флакса (1909—1982), записанное в 1949 г. и размещенное в настоящее время на многих Интернет-сайтах.

⁵ И о нем надо сказать несколько слов. Владимир Сергеевич Железняк-Бельский (1904—1984) был сослан в 1934 г. в Вологду. Там он стал крупнейшим краеведом, знатоком Вологодского края. Он заинтересовался судьбой В. Сиротина, нашел о нем много ценных материалов в архивах, беседовал с помнившими его стариками. Он опубликовал еще много работ об истории Вологды. Драматические обстоятельства своей судьбы этот литературовед и энтузиаст сумел использовать для творчества.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ^{*}

Памяти М. В. Тростникова (1962—2000)

Покойный Михаил Владимирович Тростников живо интересовался соотношением этих двух базовых понятий и в своей книге [Тростников 1998] попытался реконструировать поэтику современной культуры / цивилизации («фаустовской» в терминологии О. Шпенглера). Представители разных гуманитарных наук вкладывают в понятие культуры разное содержание. Для археолога *культура* — это комплекс предметов, созданных человечеством (артефактов), найденных в одном месте и относящихся к одному времени. Это не значит, конечно, что жизнь археологической культуры быстротечна, она может развиваться и тысячелетие, но определяющим для нее является преемственность традиции и стиля. В этом смысле говорят о салтово-маяцкой, дьяковской, андроновской и прочих культурах. И для такого употребления этого термина можно дать общее определение: культура есть сумма артефактов, созданных человечеством. Когда эти артефакты ограничиваются временем и местом, мы говорим о локальной, связанной с определенным временем культуре. Это не только археологическая, но и те культуры, которые дошли до нас в менее фрагментарном виде — античная, средневековая культура, культура Возрождения и т. д. Как показал Э. Сэпир [1993], под культурой в быту часто понимается совсем иное. Культура определяется как система жизненных правил, регулирующих поведение, как владение этикетом. Можно дать и более точное определение такого понимания культуры. Это набор ограничений, накладываемых на человека обществом. Именно незнание и неучет их и порождает большое количество недоразумений и конфликтов,

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Культура и цивилизация // Андогинность дискурса: Материалы рабочего совещания / Отв. ред. Ю. А. Сорокин. М., 2000.

которые получили название национальных. Третье определение культуры связано с тем, что культура немыслима без системы, если так можно высказатьсья, нравственных векторов. Именно в культуре получает обоснование разница между хорошим и дурным, красивым и безобразным, нравственным и безнравственным. В природе этих категорий не существует, они появляются только в человеческих взаимоотношениях. С учетом этого культура предстает перед нами как система ценностей и идеалов, зависящих от соответствующих норм.

Под ценностями мы подразумеваем мысленные представления, структурирующие мир как иерархическую модель. Ценности определяют все то, о чем только что было сказано: добро и зло, красоту и уродство. Ценности разнообразны, но в их основе лежит небольшое количество понятий (справедливость, свобода, милосердие и некоторые другие). Иногда приходится слышать, что общечеловеческих ценностей нет и не может быть: все ценности тесно связаны с национально-культурными традициями. Вопреки этому мы полагаем, что любая настоящая ценность — общечеловеческая. Национально-культурную окраску имеют не ценности как таковые, а их иерархия. В так называемом традиционалистском обществе большую роль играет почитание старших по возрасту и по положению, а в культуре европейско-американского типа — свобода и индивидуализм. Но это не значит, что представитель американского общества может пренебрежительно относиться к родителям, а житель Востока не стремится к личной свободе. Эти ценности в их картине мира менее значимы, чем вышеназванные. Отдельные ценности, будучи гипертрофированы, могут вступать в противоречие друг с другом. Как показал А. А. Любичев [1993], ценности милосердия и справедливости могут отрицать друг друга. Справедливость характерна для иудаизма, милосердие — для христианства. Многие христианские ереси (кальвинизм, пуританизм) гипертрофируют справедливость и заслуживают название «иудаизма в христианстве».

Нормы связаны не с идеальными представлениями, а с реальными действиями и обязаны эти действия регулировать. Нормы оперируют понятиями «должно—недолжно, разрешено—запрещено, правильно—неправильно». Существуют три вида норм — технические нормы, нормы-правила и нормы-предписания. Технические нормы регулируют эксплуатацию механизмов и связаны не с ценностями, а с особенностями устройства этих механизмов. Нормы-правила, в отличие от технических норм, относятся не к материальным устройствам, а к ролевому поведению человека: игре, общению. Нормами-правилами регулируется и правильность любого семиотического акта.

По назначению они близки техническим нормам: регулируют действия человека, ограниченные внешними условиями. От ценностей прямо зависят нормы-предписания: они определяют соответствие поступков и поведения человека признанным в данной культурной традиции эталонам. Нарушение любых норм влечет за собой санкции: сбой в работе механизмов, нарушение коммуникации или штраф, предписанный правилами игры. Нарушения норм-предписаний влекут за собой самые разнообразные санкции, опять-таки устанавливаемые традицией: от порицания до уголовного преследования.

От норм зависят оценки — отношение человека к происходящему. Оценки от соответствия или несоответствия действий нормам. Правила и технические нормы определяют два типа оценок — «правильно—неправильно». Оценки, диктуемые нормами-предписаниями, более разнообразны: «хорошо—плохо, прекрасно—безобразно» и т. д. Соотношения норм и оценок подробно исследуются деонтической логикой [Вригт 1986; Ивин 1970; 1973; 1988]. Переходя от этой иерархической системы к культуре, мы можем сказать: культура — это набор ценностей, норм и оценок. Наконец, можно дать и максимально общее определение культуры, которое включит в себя все упомянутые выше (кроме, может быть, первого, археологического): культура — это совокупность интеллектуально-духовной деятельности человеческих сообществ. Культурная деятельность отличается от любой другой тем, что она не направлена на удовлетворение элементарных материальных потребностей. Более того, когда в такого рода деятельности появляется элемент культуры, он оказывается не связан напрямую с назначением деятельности. Например, продолжение рода, секс и любовь относятся к важнейшим материальным общечеловеческим потребностям, а формы и способы их удовлетворения — это феномены культуры (ухаживание, брачные обряды и обычай).

Теперь перейдем к другому понятию — цивилизации. Термин этот латинского происхождения, но возник в Англии около 1760 г. [Бенвенист 1974; Степанов 1997: 532]. Его создатели ориентировались на лат. *civis* ‘гражданин’, *civitas* ‘городская община, государство’, *civilis* ‘гражданский’ (противопоставленный «сельскому», «военному», а в языке права — «уголовному»). Для творцов и пропагандистов этого термина он обозначал то, что отличает их народ от первобытного, находящегося на стадии дикости или варварства. Цивилизация — это сумма всех общественных институтов, синоним структурированности нации. Чем она выше, тем выше и цивилизация. К этому близко то понимание термина, которое популярно у археологов: цивилизация

ими определяется как родовое понятие по отношению к культуре, как «культура культур». Можно говорить, скажем, о неолитической цивилизации, включающей в себя большой комплекс археологических культур. Цивилизация понимается и как соединение типа хозяйствования с определенной культурой, синонимом ее является «культурно-хозяйственный тип» [Массон 1989: 8]. Для отличия цивилизованного общества от нецивилизованного предлагались тонкие дефиниции: наличие производящей экономики, городов, государства, монументальных сооружений, привилегированных классов, налогов, специализированных групп ремесленников и торговцев.

Похоже, но все же несколько иначе понимал цивилизацию Н. Я. Данилевский. С его точки зрения, цивилизация — это культурно-исторический тип, противопоставленный иным культурно-историческим типам. Всего Данилевский выделял 10 таких типов:

- 1) Египетский; 2) китайский; 3) ассирио-аввилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитический, или аравийский; 10) германо-романский, или европейский. К ним можно причислить два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития [Данилевский 1991: 88].

Развернутого определения цивилизации, впрочем, Данилевский не дает, ограничиваясь такими высказываниями, как:

Передать цивилизацию какому-нибудь другому народу — очевидно, заставить этот народ до того усвоить себе все культурные элементы (религиозные, бытовые, социальные, политические, научные и художественные), чтобы он совершенно проникнулся ими... [Там же: 95];

...цивилизация, т. е. раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип, под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течении всей жизни, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, т. е. народности, входящие в образование типа [Там же: 101].

Данилевский специально подчеркивает, что цивилизацию образует один народ, достигший определенного уровня развития и образовавший политически самостоятельное государство (или несколько государств). Таким образом, несмотря на отсутствие четких дефиниций,

цивилизация, в понимании Данилевского, предстает как интуитивно ясное понятие, включающее в себя культуру (во всех ее рассмотренных выше проявлениях), но более обобщенное. Совсем иначе толковал цивилизацию мыслитель, которого часто сравнивают с Н. Я. Данилевским, — Освальд Шпенглер. Он резко разграничивает культуру и цивилизацию, не отрицая, впрочем, их генетической связи.

...У каждой культуры своя *собственная цивилизация*... Цивилизация есть неизбежная судьба культуры. Здесь мы достигаем того пункта, с которого становятся разрешимыми последние и最难нейшие вопросы исторической морфологии. Цивилизация — это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они — завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевным детством, являемым над дорикой и готикой¹. Они — неизбежный конец, и тем не менее с внутренней необходимостью к ним всегда приходили [Шпенглер 1993: 69—70].

Иными словами, цивилизация, по Шпенглеру, — это внешние, застывшие, омертвевшие формы культуры, знаменующие собой ее исчерпанность и близкую смерть. Понимание *культуры* Шпенглером близко к тому, что Данилевский называл культурно-историческим типом. Никто не будет отрицать, что некоторым культурам свойственно вырождаться; формы их деградации можно назвать цивилизацией. Однако очевидно, что такое понимание этого термина не имеет отношения к рассмотренным выше. Поэтому попробуем определить специфические свойства понятия *цивилизация*, исходя из сказанного выше. Если цивилизация — это «культурно-хозяйственный» или «культурно-исторический тип», то что она включает в себя еще, кроме культуры? Видимо, различные формы организации не только интеллектуальной, но и повседневной жизни. Иначе их можно назвать технологиями, подразумевая под этим не только способы производства промышленных и сельскохозяйственных продуктов, но также и государственное устройство (технологии управления обществом), свод правовых норм, стереотипов поведения. Итак, культура — это комплекс ценностей и идеалов, а также совокупность духовной жизни общества, а цивилизация — сумма

¹ Шпенглер имеет в виду, что за греческой культурой («дорикой») следует римская цивилизация, а за средневековой культурой («готикой») — цивилизация Нового Времени.

технологий, использованных данным обществом (см. в связи с этим [Сорокин 1994]). При таком понимании шпенглерово враждебное отношение к цивилизации также получает свой *raison d'être*. Действительно, культура пронизана творческим началом, а цивилизация основана на повторении действий. При желании можно говорить о ее механичности. Но недостаток ли это? Представим себе рабочего, который, вместо того чтобы следовать инструкции, решит внести в производство элемент творчества. Ясно, что в лучшем случае это приведет к аварии, а в худшем — к катастрофе. Еще более неприемлемым было бы поведение судьи, который в своих решениях опирался не на закон, а на личные творческие установки. Технология требует строгого соблюдения правил. Это не значит, что творчество здесь невозможно. Наоборот, любая технология живет новыми разработками и изобретениями, будь то техническое усовершенствование или удачный законопроект. Но всякое технологическое новшество должно пройти апробацию, доказав свое преимущество перед старыми технологиями и безопасность в использовании. Утвердив себя, такое новое решение приобретает статус обязательного; их сумма в конечном итоге и означает прогресс — научно-технический или общественный.

Совсем иначе обстоит дело в культуре. Существует известный афоризм: если есть два одинаковых поэта, то один из них никому не нужен. То же можно сказать и о прозаике, и о художнике, и о композиторе. Действительно, если повторение операций составляет основу цивилизационной деятельности, то культура — это постоянный поиск нового. Всякий культурный акт — это творчество. Но новизна в культуре не может существовать без традиции. Культурное деяние можно сравнить с высказыванием, которому для успешного существования необходимо *данное и новое*. Без данного высказывание становится непонятным для слушающего, без нового оно теряет смысл. И всякое культурное произведение существует между полюсом традиции (известного, данного, привычного) и новаторства. Можно сказать так: любое произведение, отвергающее традицию, обесценивается наполовину, а не вносящее ничего нового вообще не имеет цены. Многие сочинения т. н. литературного авангарда наполовину обесценились именно из-за отрыва от традиции. Рискуя навлечь на себя гнев многих, причисли к таковым произведения Велемира Хлебникова. У этого действительно необычайно одаренного человека встречаются строки и стихи необычайной силы («Когда умирают звезды — гаснут...», «Свобода приходит нагая»), но немало и чисто формальных экспериментов. Иногда говорят, что Хлебников — поэт для произво-

дителя, а не потребителя, с чем можно, пожалуй, согласиться. Произведения культуры, лишенные новизны, — это многочисленные эпигонские сочинения. В советское время они образовали довольно мощный пласт литературы т. н. социалистического реализма. Но кто сейчас вспоминает романы Семена Бабаевского, Василия Ажаева или Михаила Бубенкова? В культуре, в отличие от цивилизации, нет понятия прогресса, несмотря на то что культура — это вечное обновление. Это можно объяснить тем, что цивилизация в конечном итоге ориентирована на удовлетворение материальных потребностей, которые могут быть измерены и все время возрастают. Культура удовлетворяет духовные потребности, не поддающиеся никаким количественным измерениям. Итак, становится более-менее ясно, чем различаются культура и цивилизация. Необходимо сказать и о том, что же их объединяет. И культурная деятельность, и цивилизационная вносит в мир упорядоченность. Следовательно, они противостоят энтропии, и именно они являются для человека самым эффективным способом увековечить свое имя. Ведь лучше всех мы помним великих творцов культуры, великих ученых и изобретателей (создателей технической цивилизации) и великих общественных деятелей (создателей общественной цивилизации). Но культура и цивилизация имеют первостепенное значение не только для отдельного человека, но и для всего человечества. Именно благодаря им человечество как вид не только не гибнет, но, напротив, развивается в сторону усложнения всех составляющих его систем, то есть в негэнтропии. Когда в отдельной популяции ослабляется культурное развитие или цивилизационный рост, она гибнет. Культура и цивилизация — это два способа и существования, и выживания человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.*
- Вригт 1986 — *Вригт Г. Х. Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986.*
- Данилевский 1991 — *Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991 (1-е изд. — 1871).*
- Ивин 1970 — *Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.*

- Ивин 1973 — *Ивин А. А.* Логика норм. М., 1973.
- Ивин 1988 — *Ивин А. А.* Логика и ценности // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988.
- Любищев 1993 — *Любищев А. А.* Расцвет и упадок цивилизаций. Ульяновск, 1993.
- Массон 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. М., 1989.
- Сорокин 1994 — *Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара, 1994.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- Сэпир 1993 — *Сэпир Э.* Культура // *Сэпир Э.* Избранные работы по языкоznанию и культурологии. М., 1993.
- Тростников 1998 — *Тростников М. В.* Поэзология. М., 1998.
- Шпенглер 1993 — *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993 (1-е русское изд. — 1923).

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ЭТИКИ: от Конфуция до Канта^{*}

Н. Д. Арутюнова всегда интересовалась проблемами этики. В своей книге [1988/1998] она рассмотрела этические учения от Аристотеля до Локка и Бентама и блестяще показывает, что оценка как таковая связана с самой сущностью учения названных мыслителей. Это и понятно: философы всего мира придавали первостепенное значение этике, оценка же, оперирующая понятиями «хорошо / плохо, должно / не-должно», — главный инструмент этики. А в 1998 г. состоялась организованная Ниной Давидовной конференция «Языки этики», на которой она прочла доклад «О стыде и совести», где противопоставила эмоциональный стыд рассудочной совести.

Изданный по результатам конференции сборник «Языки этики» [Арутюнова 2000] очень содержателен; в нем приняли участие филологи, философы и логики, рассмотревшие этические проблемы с разных сторон. Но в нем не оказалось работ, посвященных главным основаниям этики. А их формулировка представляется необходимой, ибо всякая наука может считаться подлинной наукой, если она аксиоматизирована. Представляется, что к таким наукам относится и этика. Нахождение же основных этических принципов, из которых можно вывести все учение о нравственности, важно не только с теоретической точки зрения. В последнее время все чаще приходится слышать утверждение том, что этические нормы могут быть основаны только на религиозном, христианском или — уже — православном основании. Чтобы разобраться с этим вопросом, следует прежде всего обратиться к тем заповедям, которые лежат в основе христианской

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Золотое правило этики: от Конфуция до Канта // Сокровенные смыслы: Сб. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004.

морали. Несомненно, самое прямое отношение к этике имеют Десять заповедей (Декалог), которые Господь, по представлениям иудеев, сообщил Моисею. Христиански ориентированные философы считают, что в Декалоге содержится все необходимое и достаточное, чтобы построить учение о нравственности, подчеркивают его первостепенную важность как для монотеистической религии, так и для этики:

Главной особенностью Декалога является его учение о Боге и служении Ему... Если в Египте мы находим явственные заповеди, подобные Моисеевым, то они теряются в массе магических правил, заклинаний, в стремлении обмануть богов. В Декалоге единый Бог, творящий историю, требует от верных прежде всего соблюдения основных нравственных принципов [Мень 2000: 214].

Обратимся к тексту заповедей:

Я — Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я, Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода ненавидящих Меня и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — Суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его. Почттай отца и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что есть у ближнего твоего (Исх. 20: 2—17).

Бросается в глаза неоднородность этих заповедей. Первой из них является требование почитать именно Бога иудеев, Бога Ветхого Завета, сопряженное с суровыми угрозами в адрес иноверцев. Это обстоя-

тельство заставляет усомниться в общечеловеческом характере такого требования. Ведь по-настоящему общечеловеческой может быть только та заповедь, которая преодолевает межконфессиональные ограничения¹. Утверждать, что ни один человек, не исповедующий иудаизм, не может быть по-настоящему нравственным, едва ли решится в наше время самый большой ортодокс. Но и остальные заповеди трудно оценивать однозначно. М. И. Шапир с полной справедливостью заметил недавно, что в Десяти заповедях причудливо смешаны действительно «вечные» предписания («Не убий», «Не укради») и запрет на работу в субботний день, на произнесение имени Божества вслух, на изображение Божества («Не сотвори себе кумира»; кстати сказать, последний послужил основой для движения иконоборцев, заклейменного всеми христианскими конфессиями как злонамеренная ересь), см. [Шапир 2001]. Добавим к этому, что и 10-я заповедь («Не пожелай жены близкого, ни раба, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его») не выглядит соответствующей нынешним представлениям о морали и этике, ибо представляет жену как собственность мужа, не имеющую своей воли. Угроза кары за нарушение заповедей тоже не согласуется с нашими представлениями о природе нравственности (тем более — наказание потомков за вину предков). Вообще, при этической оценке Библии не следует забывать справедливого замечания В. В. Налимова [1993: 123] о том, что великое вневременное христианское учение включено в текст, несущий печать своего времени, чрезвычайно чуждого по духу человеку XX и, добавим мы, XXI в. Поэтому многие библейские и евангельские высказывания выглядят с точки зрения нашей этики неприемлемыми. Десять заповедей, таким образом, обосновывают не столько общечеловеческую нравственность, сколько каноны иудейского вероисповедания. И только в этом смысле они могут быть названы основополагающими. Однако нравственные заповеди тонут в бытовых и узконеконфессиональных нормах не меньше, чем в египетской Книге мертвых, на которую ссылался А. Мень.

Нахождение главных этических законов, из которых можно было бы вывести прочие, в том числе и библейские, представляется

¹ Хорошо известно, что конфликт между ортодокальными иудеями и иудео-христианами возник именно в силу того, что первые не приняли учение о божественной природе Иисуса именно на основании первой заповеди. В христианстве же сформировалось учение о единосущности Иисуса и ветхозаветного Бога (Бога Сына и Бога Отца), что нашло воплощение в Никейском Символе веры.

важнейшей задачей этики. Следует отметить, что уже евангелисты ощущали и неуниверсальность ряда ветхозаветных заповедей, и необходимость их обоснования:

Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; Почтитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя (Мф 19: 17—19); в греческом оригинале: *οὐ φονεύσεις, οὐ μοιχεύσεις, οὐ κλέψεις, οὐ φειδωμαρτυρήσεις, τίμα τὸν πατέρα καὶ τὴν μητέρα καὶ ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου ὡς σεαυτόν.*

Последнее правило (которого нет в Книге Исход), бесспорно, является основополагающим для всех остальных заповедей. Об этом прямо говорит апостол Павел, почти дословно цитируя Иисуса:

Ибо заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого» и все другие заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Рим 13: 9); *τὸ γὰρ οὐ μοιχεύεις, οὐ φονεύσεις, οὐ κλέψεις, οὐ ἐπιδυμίήσεις, καὶ εἴ τις ἔτερα ἔντολῃ, ἐν τούτῳ λόγῳ ἀνακεφαλαῦται, ἐν τῷ ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου ὡς σεαυτόν.*

Завет же «люби ближнего твоего, как самого себя» пришел из Ветхого Завета (Лев 19: 18). Однако в этом тексте он не связывается прямо с 10 заповедями. Впрочем, и то и другое высказывание представляет собой часть периодов с вводными словами «И сказал Бог все Свои слова сии» (Исх 20:1); «И сказал Господь Моисею» (Лев 19: 1). Таким образом, для иудея все иравственные предписания мыслятся только как исходящие от Бога. Однако в 10 заповедях, как мы отметили, смешаны вечные истины и требования, значимые только для иудаизма, а в Книге Левит причудливо соединяются этические предписания и хозяйственныe советы, которые также освящены именем Божиим. Задачей евангелистов явилось выделение из 10 заповедей собственно этических норм.

Необходимо сказать несколько слов о языковой форме этих предписаний. Ю. С. Степанов [1998: 741—743] рассматривает (вслед за К. Х. Шмидтом [Schmidt 1969]) два типа запретительных императивов: и н г и б и т и в (запрет продолжать начатое действие) и п р е - в е н т и в (запрет, отнесеный к будущему, т. е. запрет начинать действие). В латыни первое наклонение выражается архаическим *ne fac* ‘не делай’ (отрицание со стандартным императивом) или классиче-

ским *noli facere*; второе — сочетанием той же частицы с перфектом конъюнктива. Евангельские заповеди Ю. С. Степанов считает яркими превентивами. Но почти все предписания в процитированных фрагментах из Евангелия выражены стандартным будущим временем, а отрицания — немодальной частицей *οὐ* (тогда как при императивах употребляется модальная *μή*). Настоящие превентивы в греческом могут быть выражены с помощью императива аориста или конъюнктива с той же частицей *μή*, а здесь перед нами — футурумы. Представляется, что это придает речам Иисуса совершенно особый оттенок. Он не столько предписывает собеседнику исполнение основных заповедей, сколько предполагает, что тот будет воздерживаться от запрещенных им действий и в этом случае обретет жизнь вечную. Примечательна разница выражений *τίμα τὸν πατέρα καὶ τὴν μητέρα* ‘чи отца и мать’ и *ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου* ‘возлюби ближнего своего’. В первом случае перед нами презентный императив, предполагающий, что субъект уже выполняет предписанные ему действия, во втором — футурум, постулирующий совершение соответствующего действия в будущем. Таким образом, основные заповеди в евангельской интерпретации — не столько приказ, сколько констатация объективного закона («если не будешь убивать, красть, лжесвидетельствовать... будешь любить ближнего своего — обретешь жизнь вечную»).

Итак, в основу своей иравнственной программы Евангелие ставит любовь. Очевидно, что это — совершенно необходимое, но все же недостаточное начало этики, так как предписание или запрет действий должны базироваться на аналогичном же предписании. Главный этический закон должен нормировать не только чувства, но и действия (или запрет). Собственно говоря, такой закон был найден давно, упомянут он и в Евангелии (о чём ниже); в средние века он получил название Золотого правила. Наша же задача — показать, как именно это правило встроено в систему любой этики.

Первым по времени, кто высказал это правило, был, очевидно, Кун Цзы (Конфуций, 551—479 гг. до н. э.). Он так определял человечность:

Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встречать важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, чего не хотят себе, не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе [Конфуций 2000: 65].

Одному из этих правил Конфуций придавал особое значение. Существует предание о его беседе с одним из учеников — Цзыгуном, которое можно передать так:

Цзыгун, Конфуция увидев,
С надеждой у него спросил:
— Найдется ли такое слово,
Чтоб следовать ему всю жизнь?
Найдется, — отвечал Учитель,
С улыбкой глядя на него. —
Чего себе не пожелаешь,
Того не делай и другим [Конфуций 2000: 91—92]².

В этом поучении Конфуция важно не только само правило, но и та решительность, с которой китайский мудрец объявил его основным жизненным принципом. Конфуций показал, что главное правило этики должно быть сформулировано человеком для себя, с учетом собственных ощущений, интересов и представлений о жизни. В основе этой этической догмы — признание человеком другого равным себе самому. Таким образом, уже Конфуций понимал, что вечным правилом человеческих взаимоотношений может быть не абстрактное требование или запрет, но только то предписание, которое обращено к человеку и предоставляет ему свободный выбор. И, ориентируясь на это правило, Конфуций оценивал людей и явления. О Конфуции иногда говорят как о стороннике патерналистского взгляда на мир, требующего от человека полного подчинения властям предержащим. Это не совсем так: согласно китайскому первоучителю, власть только тогда может быть авторитетной, когда она сама является образцом следования закону и этическим нормам [Там же: 13—14, изречения 19 и 21]. А на первое место он ставил именно Золотое правило.

Это правило действительно лежит в основе человеческого общежития. Поэтому его в различных формах высказывали и другие философы, явно не знакомые с учением Конфуция. Например, афинский оратор Исократ (436—338) говорил: «Не делай другому того, что, будучи причиненным тебе, вызовет у тебя неприятное чувство и раздражение». В том же духе высказывался и выдающийся философ-стоик Эпиктет. А в библейской Книге Товит находим: «Что ненавистно тебе, не делай того и другому» (Тов. 4: 15). Книга Товит — относительно поздний библейский текст, появившийся лет на сто раньше той эпохи,

---

² Стихотворное переложение принадлежит автору статьи.

когда в иудаизме возник серьезный конфликт различных направлений. Согласно одному из них, поддержанному саддукеями и частью фарисеев, подлинно благочестивым иудей может быть только тогда, когда строго соблюдает все накопившиеся за несколько столетий предписания, касающиеся вовсе не только собственно религиозной жизни, но и быта (по преданию, таких правил было более трехсот). Это направление возглавлял раввин Шаммай. Такому мировоззрению решительно противостоял первосвященник Синедриона Хиллел — один из самых великих иудейских мыслителей, которому принадлежит значительная часть текстов Талмуда. Хиллел утверждал примат этических требований над догматическими, обличал заюнников за то, что они пытаются подменить веру в Бога Живого рабским исполнением человеческих предписаний. И о законе Хиллел высказался кратко и точно: «Не делай другому того, что отвратительно тебе самому, — вот в этом и заключается вся Тора. Все остальное — лишь толкования»³ (Шаббат 31а). Иными словами, Хиллел с поразительной силой и смелостью свел все огромное Пятикнижие к этой короткой формуле, осознав и решительно утвердив ее основополагающую суть. Ведь и те библейские заповеди, которые мы можем признать универсальными, легко выводятся из этого предписания. Человек не хочет быть ни убитым, ни обокраденным, ни оклеветанным — поэтому не должен делать этого и сам.

Итак, в высказывании Хиллела блестяще сформулирован этический запрет. Но этика должна не только запрещать, но и предписывать. Положительный этический императив высказал Иисус:

Итак, во всем поступайте с людьми так, как и вы хотите, чтобы поступали с вами. Ибо в этом закон и пророки (Мф 7: 12).

Синодальный перевод не вполне точен; приведем оригинал с собственным переводом:

πάντα, ὅσα ἀν δέλητε, ἵνα ποιῶσι ὑμῖν οἱ ἄνθρωποι, ποιεῖτε αὐτοῖς· οὐτος ἐστί ὁ λόγος καὶ οἱ προφῆται ‘Все, что вы бы хотели, чтобы люди вам делали, то и вы делайте им; Ибо таков закон и пророки’.

---

³ Как гласит талмудический трактат «Шаббат», к Хиллелу пришел язычник и спросил его: «Можно ли произнести всю Тору, стоя на одной ноге?» Хиллел ответил ему этим замечательным высказыванием.

Здесь важна апелляция к выбору человека: желая себе какое-либо действие, он обязан совершить его и для другого. Ссылка на закон и пророков — это почти прямая цитата из Хиллела; но примечателен акцент, сделанный Иисусом: не запрет, а предписание иравнственno необходимого действия. Разница эта довольно существенна. Человек может не делать никому ничего дурного, но, если он равнодушно проходит мимо чужой беды, отказывает в помощи нуждающимся, он формально выполняет этический запрет, однако не может быть назван понастоящему нравственным человеком. Таким образом, именно в этом месте Евангелия от Матфея указывается не только как не должно, но и как должно поступать. По справедливому замечанию Г. П. Чистякова, «...это очень важно, так как здесь речь идет не о пассивном неделании зла, а об активном доброделании, которое есть христианство» [Чистяков 2000: 126]. Таким образом, в интерпретации Христа Золотое правило превратилось из запрета в руководство к действию. Иначе говоря, Хиллел сформулировал слабый вариант Золотого правила, а Иисус — сильный вариант.

Однако оставался важный вопрос: почему надо поступать именно так. Решение его связано с трудами Иммануила Канта. В поисках категорического императива Кант не мог пройти мимо Золотого правила. Формулировка главного этического требования по Канту такова: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант 1999а: 196]; иначе: «поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была бы стать всеобщим законом природы» [Там же: 197]. Далее Кант провозглашает практическое следствие из этого закона (иначе — практический императив): «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

А в «Критике практического разума» говорится: «Основной закон чистого практического разума: Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [Кант 1999б: 283]. Таким образом, Кант эксплицитно объявил этот принцип главным законом человечества, по значимости и непреложности сопоставимым с законом природы. Определения Канта выглядят более сложно, чем высказывания Конфуция, Хиллела и Иисуса (и чаще в силу этого истолковывались ошибочно). Наша задача — попытаться установить то новое, что привнес Кант в Золотое правило. Для этого следует попытаться определить базовые понятия философии Канта.

Как хорошо известно, все категории мышления Кант делит на априорные и апостериорные. Категорический императив — априорное суждение, поэтому он и отнесен к сфере чистого практического разума. Основное понятие в философии Канта, определяющее всякое живое существо (в отличие от неживого), — воля. Согласно Канту, «воля каждого человека носит эмпирический характер, представляющий собой некоторую причинность его разума...» [Кант 1994: 336]. И далее: «Мы не будем придираться к естественному разуму, когда он... заключает, что такая же причинность, а именно рассудок и воля, лежит в основе природы (которая единственно и делает возможным все искусство и, быть может, самый разум) также из некоторого другого умения, хотя бы даже и сверхчеловеческого...» [Там же]. Таким образом, воля для Канта — это основополагающая черта человека и мира, заключающаяся в устремлении к чему-либо. Человек способен действовать или прекращать действия благодаря наличию у него воли. Воля не подчиняется законам, но это не значит, что она беззаконна и произвольна. Напротив, одно из важнейших свойств воли — установление собственного закона. Этот закон, для того чтобы быть принятным в мир, должен соответствовать общему закону мира. Это обусловлено не какими-то практическими соображениями, но самим характером воли. Эта точка зрения Канта противостоит утилитарным представлениям о морали и иравнственности, согласно которым иравнственность есть средство достижения чего-либо. Но соображения типа «надо делать хорошие поступки для того, чтобы получить выгоду или благодарность» не имеют отношения к иравнственности, так как подразумевают не свободную волю действующего, а обусловленность. Свободная воля не может подчиняться практическим соображениям.

И если мы определяем иравнственность как всеобщий закон, мы должны утверждать следующее: иравнственность начинается там, где кончается целесообразность, которая фактом своего существования ограничивает свободу. Свобода же, определяемая как свойство воли всех разумных существ, имеет две ипостаси: отрицательную (*независимость от чего-либо*) и положительную. Положительная же сторона свободы — это способность действовать, не подчиняясь никаким внешним законам, но устанавливая их своими действиями. Из этого следует, что каждый поступок подлинно свободного существа должен иметь силу всеобщего закона. Таким образом, свобода по Канту — это прежде всего величайшая ответственность, основанная на осознании того, что свободно действующий субъект окружен другими разумными существами, наделенными свободой воли.

Понимание этого, как представляется, и дает ключ к пониманию категорического и практического императива Канта. Но прежде чем перейти к собственно истолкованию, нужно уточнить, что Кант понимает под этими терминами. Все императивы он подразделяет на *гипотетические* и *категорические*. Первые предписывают действие сообразно какому-либо результату и подразделяются на проблематические и ассерторические (касающиеся соответственно возможной или действительной цели)⁴. Категорический же императив актуален без всякой цели, поэтому он «имеет силу аподиктически-практического принципа» [Кант 1999а: 189]. Иными словами, категорический императив требует безусловного выполнения. А коли это так, то он сам по себе становится целью. И поэтому человек как носитель свободной воли должен быть целью для действия, диктуемого свободной волей.

При характеристике категорического императива Кант может возникнуть (и возникает!) следующий вопрос. Понятие общего закона, которое ставится философом во главу этики, выглядит субъективным и расплывчатым, ибо разные носители свободной воли могут возводить разные принципы в ранг общего закона. Всегда поступая согласно им же установленному общему закону, они будут последовательны, но в любом ли случае их можно считать иравственными? Ведь любой нарушитель этических и юридических законов может объявить, что именно такого рода деятельность он готов возвести в общий закон. Но Кант предвидел такого рода возражения и достаточно ясно разъяснил свою позицию. В «Основах метафизики иравственности» [Там же: 197—200] он разъяснил на четырех примерах, что общий закон невозможен на аморальной основе. Так, самоубийца не может требовать, чтобы его поступок был введен во всеобщий закон, ибо в таком случае субъект законодательства, т. е. род человеческий, исчез бы с лица Земли⁵. Человек, занимающий деньги без намерения их отдать,

⁴ Вопрос о форме императивов и синтаксисе образуемых им конструкций очень актуален. Мы уже отмечали точку зрения К. Х. Шмидта на ингибитив и превентив. Императив, который Кант назвал проблематически-практическим, часто входит в особые конструкции, обозначающие деонтическое (должествовательное) следствие из гипотетического положения дел. Такие конструкции, как правило, встречаются в древних законодательных текстах и заклятиях. Они выражают логическую операцию, которая в работах [Красухин 2000а; 2000б] была названа дебитивной импликацией (от лат. *debeo* ‘долженствовать’).

⁵ Вопрос о самоубийстве представляется более сложным. Такие философы, как греческие стоики, Эпикур, Д. Юм, Дж. Донн, допускали возможность

никак не может возвести такое правило в общий закон, ибо в случае установления такого закона люди бы перестали давать деньги взаймы и наш законодатель просто не получил бы желаемого. Человек, небрежно относящийся к собственным способностям, тоже должен понять, что все человечество может существовать только благодаря максимальному проявлению своих талантов; следовательно, его отношение к себе нельзя возвести в общий закон. Наконец, человек, отказывающий в помощи другим, может сам попасть в ситуацию, когда ему необходима помощь. Таким образом, категорический императив Канта основан на признании того, что все законодатели равны друг другу. Воля каждого из них действует на весь мир и других субъектов воли.

Кроме того, когда мы говорим об общем законе, то подразумеваем его действительную всеобщность. Иными словами, общий закон прежде всего рефлексивен, т. е. обращен и к самому законодателю (что и вытекает из четвертого примера Канта). Установив свою максиму в качестве всеобщего закона, свободный волеизъявитель должен быть готов к тому, что закон должен быть применен прежде всего к нему самому. Иными словами, вор, если он хочет придерживаться кантианской доктрины, должен быть готов к тому, чтобы быть обокраденным или даже сам раздать все свое имущество, убийца — кончить жизнь самоубийством. Признание рефлексивности всеобщего закона помогает понять, почему, вопреки Ницше, невозможно создать «этику зла». Как известно, этот соотечественник Канта полагал, что зло безнравственно лишь постольку, поскольку пытается замаскироваться под добро. Если же зло осознает себя именно как зло, то на этом основании оно и может стать по-своему иравнственным. Но, как следует из Кантовой системы доказательств, зло, осознав себя как зло и тем самым возводя себя в общий закон, неминуемо будет стремиться к самоуничтожению. Этика же — это наука о жизни, а не о смерти.

Итак, мы можем подвести некоторые итоги. Этическое учение Канта легко представить в виде следующих положений. 1. Человек разумен. 2. Главное свойство разумного существа — воля. 3. Главная характеристика воли — свобода. 4. Свобода неразрывно связана с ответственностью за принятное решение. 5. Существо, наделенное волей

и даже необходимость самоубийства для человека в безвыходных обстоятельствах, а противник самоубийства Н. А. Бердяев считал его этически возможным для человека, мучительно и безнадежно больного. Самоубийство — это совершенно особая проблема. Отсылаю читателя к выдающейся работе [Чхаргигишили 2000], где она рассмотрена с исчерпывающей полнотой.

и свободой, инкорпорировано в мир, населенный другими разумными существами, и живет по его законам. 6. В силу этого выбор, который осуществляет разумное существо, руководствуясь своей волей и свободой, должен соответствовать устройству мира, то есть носить характер всеобщего закона. 7. Всеобщий закон рефлексивен, то есть касается и самого законодателя. Роль свободы и ответственности в философии Канта прекрасно понял М. К. Мамардашвили:

Он [имеется в виду человек, отступивший от закона. — К.К.] плохо воспитан, жизнь сложилась так — весь этот предметный ряд, — но в момент, когда он лгал, он полностью сам являлся источником своего поступка и несет поэтому за него полную ответственность, которая неразделима по всем звеньям, перечисленным в этих рядах [Мамардашвили 1992: 152].

Выбор той или иной модели поведения — следствие свободы, наступивший за ним момент — предмет ответственности.

Достижения Канта в этике поразительны. Он превратил Золотое правило из прескриптивного (предписывающего) закона в дескриптивный (описывающий), показал, что оно связано с глубочайшими основами человеческой Вселенной, чем и объясняется универсальность Золотого правила. Поэтому не совсем точно утверждение Ю. С. Степанова: «В этике Кант — философ протестантизма (и номинализма)» [Степанов 1998: 749]. В том, что этика Канта номиналистична, не приходится сомневаться. Как мы убедились, нравственный закон Канта является следствием не какой-то внеположной человеку силы, а вытекает из основных принципов человеческого бытия. Но считать это моральное учение только протестантским, на наш взгляд, нет оснований. Как великая общечеловеческая теория она обобщила доктрины и основателя конфуцианства, и античных мыслителей, и правоверного иудея, и Иисуса. Кант ответил на вопрос не только «како», но и «почему». Категорический императив Канта — вовсе не отрицание Золотого правила, как иногда считается (сводку мнений см. в [Гусейнов 1988: 190]). Скорее его можно назвать попыткой научного, рационального обоснования этого правила. П. А. Кропоткин [1922: 164] подчеркивал, что Кант старался обосновать этику не чувством, а разумом, — что, как видим, совершенно справедливо. Но трудно согласиться с утверждением о том, что Кант не дал ответа на вопрос: «почему решение, которое мы называем нравственным, дает человеку внутреннее удовлетворение и одобряется другими людьми?» [Там же]. Рационализм

Канта находит внутреннее удовлетворение в решении, направленном на поддержание мирового порядка.

Вернемся еще раз к библейским заповедям, именно к тем, непреложность которых подтверждена Евангелием. При здравом размышлении можно прийти к выводу, что и они не полностью универсальны: можно представить себе экстремальные ситуации, когда соблюдение их невозможно. Вряд ли кто-нибудь может осудить убийство, совершенное ради защиты собственной жизни и жизни своих близких; отношения детей и родителей тоже не всегда укладываются в стандартную форму почитания. Этическая оценка действия свободного индивида в таких ситуациях блестяще регулируется, на наш взгляд, практическим императивом Канта: и к себе самому, и к другому человеку не следует относиться как к средству, но только как к цели. И если цель человека — осуществление своего свободного выбора, то он имеет право сопротивляться всем препятствиям и всем препятствующим. Это говорит о том, что этические истины, не учитывающие фактор человека (т. е. претендующие на абсолютность), на самом деле относительны. Абсолютна лишь доктрина, учитывающая человеческий фактор, т. е. несущая элемент относительности. Этика может быть мотивирована не конкретными ситуациями, но только сущностью человека и человечества. Таков урок, преподанный человечеству кенигсбергским мудрецом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1988/1998 — Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. (Впервые напечатано в: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.)
- Арутюнова 2000 — Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
- Гусейнов 1998 — Гусейнов А. А. Золотое правило этики. М., 1998.
- Кант 1994 — Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
- Кант 1999а — Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999.

- Кант 1999б — *Кант И.* Критика практического разума. Ч. 1: Критика чистого практического разума о началах // *Кант И.* Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999.
- Конфуций 2000 — *Конфуций. Изречения / Пер. И. Семененко.* М.: АСТ-Фолио, 2000.
- Красухин 2000а — *Красухин К. Г.* Языковое выражение долженствования в древнейших законодательных текстах // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
- Красухин 2000б — *Красухин К. Г.* Греческие инфинитивы в императивной функции // *Colloquia classica et Indo-European.* СПб., 2000.
- Кропоткин 1922 — *Кропоткин П. А.* Этика. Т. I: Происхождение и развитие нравственности. М.; Пг., 1922.
- Мамардашвили 1992 — *Мамардашвили М. К.* Кантианские вариации // Квинтэссенция: Философский альманах 1991. М., 1992.
- Мень 2000 — *Мень А., протоиерей.* Исагогика. М., 2000.
- Налимов 1993 — *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
- Степанов 1998 — *Степанов Ю. С.* «Категорический императив» Канта: (Против «Моральной необходимости» Лейбница) // *Степанов Ю. С. Язык и метод.* М., 1998.
- Чистяков 2000 — *Чистяков Г. П.* Размышления о Евангелии. М., 2000.
- Чхартишвили 2000 — *Чхартишвили Г. Ш.* Писатель и самоубийство. М., 2000.
- Шапир 2001 — *Шапир М. И.* Язык этики или этика языка? К деонтологии науки // Язык и культура: Факты и ценности. М., 2001.
- Schmidt 1969 — *Schmidt K. H.* Probleme des Prohibitivsatzes // *Studia Linguistics et orientalia Antonio Pagliaro oblate.* Roma, 1969. Т. 3.

«НЕ ПОСЛУШЕСТВУЙ ЛОЖНА НА ДРУГА СВОЕГО»: ЛОЖЬ И КЛЯТВА В ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ЭТИКЕ*

**Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего
(Исх. 20: 17)**

Вывод из предыдущей статьи выглядит несколько парадоксально: в библейском Декалоге, который многими признается за главный этический кодекс, на самом деле еще не содержится основного нравственного закона. В самом деле, все высказывания в нем даны в форме предписаний или запретов. Этика же всегда предусматривает сознательный выбор человека, а не следование приказу. Это не значит, конечно, что в Библии вообще нет основного закона нравственности. В Книге Товии сказано: «что неприятно тебе самому, не делай того другому». Один из величайших иудейских мыслителей и эзекиеготов первосвященник Хиллел, живший на рубеже эр, вообще считал это правило самой сутью Пятикнижия. На вопрос о том, можно ли выучить его наизусть, он отвечал: «Не делай другому того, что отвратительно тебе самому, — вот в этом и заключена Тора. А все остальное — толкования». Это правило, высказывавшееся в разные времена различными мыслителями (Конфуцием, Исократом, Эпиктетом), было сформулировано в Евангелии от Матфея (VII: 12) в новой форме: Иисус высказывает не запрет, а предписание (в синодальном переводе: «Итак, во всем поступайте с людьми так, как вы хотите, чтобы поступали с вами; ибо в этом закон и пророки»). Средневековые богословы назвали это высказывание «золотым правилом» (*regula aurea*), так как в нем действительно в краткой и емкой

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Ложь и клятва в евангельской этике // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2008.

формуле воплощена сама суть иравненности. Человек может поступать иравненно именно постольку, поскольку он осознает себя человеком. Понимание себя дает единственно верный ориентир и в отношении с другим, ибо в основе иравненности лежит признание другого равным себе.

Что же касается Декалога, то в нем соединяются общие предписания с узко конфессиональными (см. об этом еще [Шапир 2001]). И характерно, что, перечисляя библейские заповеди, евангелисты упоминают лишь первые:

(1) οὐ φονεύσεις, οὐ μοιχεύσεις, οὐ κλέψεις, οὐ ψευδομαρτυρήσεις, τίμα τὸν πατέρα καὶ τὴν μητέρα, καὶ ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου ὡς σεαυτόν (Мф 19: 18–19) ‘не убей, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, чти отца и мать и возлюби ближнего, как самого себя’;

(2) τὸ γὰρ οὐ μοιχεύσεις, οὐ φονεύσεις, οὐ κλέψεις, οὐ ψευδομαρτυρήσεις, οὐκ ἐπιδυμήσεις, καὶ εἴ τις ἔτέρα ἐντολή, ἐν τούτῳ τῷ λόγῳ ἀνακεφαλαιοῦται, ἐν τῷ ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου ὡς σεαυτόν (Рим 13: 9) ‘Ведь «не прелюбодействуй», «не убей», «не укради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого» и любая другая заповедь заключается в одном слове: «возлюби ближнего как самого себя»¹.

Иными словами, Иисус и ап. Павел выводили предписания и запреты из более общего правила, регулирующего отношения между людьми.

Постоянное соотнесение Себя с Другим и с Миром является основой этики. И Кант, сформулировав свой категорический императив, показал это с предельной ясностью. Свобода действия оказалась краеугольным камнем мироустройства, и возможность сохранения свободы заставляет человека действовать ответственно, т. е. соизмерять мир со своим Я. С этой точки зрения, большой интерес представляет девятая заповедь, вынесенная в заголовок статьи. Обычно она объясняется так: ложь запрещена библией, ибо отец лжи — дьявол [Крестьянкин 1996]. Это совершенно справедливо, особенно если учесть этимологию имени *дьявол* и этиологию этого персонажа в библейской мифологии. Дьявол — это бывший ангел, начавший клеветать на своих собратьев, т. е. можно свидетельствовать о них. И греч. *διάβολος* означает именно «клеветник». Итак, отец лжи — клеветник. Бесспор-

¹ Заповедь «Возлюби ближнего как самого себя» упоминается в (Левит XIX: 18). Формально не входя в Декалог, она почтилась в Евангелии как наиважнейшая.

ное утверждение, пожалуй, еще недостаточно для понимания библейского отношения ко лжи.

Дело в том, что в языковом сознании ложь не всегда предстает как исключительно негативное явление. Известна ложь *во спасение*². Существует много ситуаций, когда скрытие полной правды желательно и даже необходимо. Имеется даже понятие «святая ложь». Оно, несмотря на религиозную терминологию, не связано с библией. Автором его, по-видимому, является австрийский поэт Мориц Гартман. В одном из самых своих известных стихотворений — «Белое покрывало» — он рассказывает о том, как мать осужденного на смерть инсургента обещает добиться для сына отмены казни и в случае успеха надеть белое покрывало. И в день казни она его надевает, но сына ведут к плахе:

Зачем же в белом мать была?
Святая ложь! О, так могла
Солгать лишь мать, полна боязни,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью.

(пер. М. Л. Михайлова)

И, как бы мы не отнеслись к такой лжи, ясно, что это не клевета и не ложь для достижения своей выгоды. Что же касается Девятой заповеди, то в ней запрещена не ложь вообще, а лжесвидетельство. Это важное различие. Свидетельство приносится в суде или в иных обстоятельствах, когда принимаются важные для человека решения. И призыв не лжесвидетельствовать налагает запрет на ложь именно там, где от свидетельства зависит судьба человека или общества. Таким образом, в девятой заповеди не дан абсолютный запрет. Для применения заповеди человек должен сделать сознательный выбор: решить, насколько важным является его свидетельство для другого человека. Таким образом, именно здесь мы видим путь от предписаний к подлинной этике — обращенной не к абстрактным надчеловеческим принципам, но к человеческой личности.

Представляется, что именно с таким отношением к лжесвидетельству связано одно из положений Нагорной проповеди, которое иногда смущает изучающих Евангелие — запрет на клятву. Казалось бы, клятва, в отличие от лжи, злобы, ссоры, не несет в себе ничего

² Правда, это выражение появилось в результате неверного понимания церковнославянского текста: ложь конь во спасение (Пс. 32, 18) «ненадежен конь для спасения» [Ашукин, Ашукина 1987: 187].

разрушительного. Тем не менее, Иисус ее категорически запрещает. В. Н. Кузнецова объясняет это тем, что Спаситель призывает говорить правду всегда, а не только под клятвой [Кузнецова 1998]. Но если бы это было так, то Иисус мог бы потребовать от своих учеников клясться на каждом слове. Для того чтобы понять причину запрета на клятву, надо, как представляется, внимательно прочесть текст:

(3) Πάλιν ἤκουόσατε ὅτι ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις, οὐκ ἐπιφρήγεις, ἀποδώσεις δὲ τῷ Κυρίῳ τοὺς ὄφκους σου. Ἐγὼ δὲ λέγω ἡμῖν μὴ ὄμόσαι ὅλως μήτε ἐν τῷ οὐρανῷ, ὅτι ἔρθοντος εἰς τὸν Θεοῦ μήτε ἐν τῇ γῇ, ὅτι ὑποπόδιον ἔστι τῶν ποδῶν αὐτοῦ μήτε εἰς Ἱεροσόλυμα, ὅτι πόλις ἔστι τοῦ μεγάλου βασιλέως μήτε ἐν τῇ κεφαλῇ σου ὄμόσης, ὅτι οὐ δύνασαι μίαν τρίχα λευκήν ἢ μέλαναν ποιῆσαι (Мф. 5: 33—36) ‘Ранее вы слышали, как сказано: «не преступая клятву, но приноси клятвы свои Господу». Я же говорю вам: не клянитесь вообще, ни небом, ибо оно — трон Божий, ни землей, ибо она — подножье Его, ни Иерусалимом, ибо это город великого царя; ни головой своей не клянись, ибо не можешь сделать ни один волос ни белым, ни черным’.

Итак, Иисус недвусмысленно говорит, что человек не может отвечать ни за что, чем он может клясться: он не является хозяином мира; он не может изменить даже цвета собственных волос. Поэтому наполнить свою клятву реальным обеспечением человек не в состоянии. Клятва — соблазн для лжесвидетельства. И это подтверждают дальнейшие слова Иисуса:

(За) ἔστω δὲ ὁ λόγος ἴμων ναι ναι, οὐ οὐ· τὸ δὲ περισσὸν τούτων ἐξ τοῦ πονηροῦ ἔστιν (37) ‘Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого’.

Лукавый — это именование дьявола. Греч. πονηρός дословно обозначает «злой, скверный, тягостный», а также «подлый, враждебный». Однако у Аристофана появляется новое значение «плут, мошенник». Очевидно, именно это значение затем трансформировалось в то, что мы встречаем в Евангелии. Дьявол поименован таким образом дважды: помимо (За) мы находим его в:

(4) καὶ μὴ εἰσενέγκης ἡμᾶς εἰς περασμόν, ἀλλὰ φῶσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονεροῦ (Мф. 6: 13) «и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого».

Здесь этот эпитет дьявола возникает в связи с темой искушения. Дьявол как искуstель появляется также в Евангелии от Матфея (4: 3—11) и от Луки (4: 3—13). Он именуется *πειράζων* (Мф. 3: 3) и *διάβολος* (Мф. 4: 8, 11) и (Лк. 4: 2, 5, 6). Таким образом, имя *ποιητός* не является эвфемизмом. Это выражение одной из ипостасей дьявола — его связи с ложью и искушением, которое является одной из разновидностей лжи. Оно же появляется и при запрете клясться. Клятва, не будучи подкрепленной ответственностью, всегда искушает к лжесвидетельству. Потому-то она — «от лукавого».

* * *

На конференции «Ложь и полуправда» (июнь 2006) я последний раз встретился с замечательным филологом и культурологом Максимом Ильичом Шапиром, с которым я был дружен 27 лет. М. И. не дожил до 44 лет, но успел сделать поразительно много в разных областях гуманитарной науки. Логическое обоснование этики не раз становилось предметом наших бесед. Светлой памяти Максима посвящаю эту работу.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашукин, Ашукина 1987 — *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова и выражения. М., 1987.
- Красухин 2003 — *Красухин К. Г.* «Золотое правило» этики: От Конфуция до Канта // Сокровенные смыслы: В честь Н. Д. Арутюновой. М., 2003.
- Крестьянкин 1996 — *Крестьянкин И.* (архимандр.). Проповеди. Псков, 1996.
- Кузнецова 1998 — *Кузнецова В. Н.* Комментарий к Евангелию от Матфея. М., 1998.
- Шапир 2001 — *Шапир М. И.* Язык этики или этика языка? О деонтологии науки // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова. М., 2001.

4. PERSONALIA

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ КАК КОМПАРАТИВИСТ^{*}

Борис Александрович Серебренников был введен в компаративистику, если можно так выразиться, самой судьбой. Когда в конце апреля 1950 г. в газете «Правда» открылась дискуссия по вопросам языкоznания, одним из первых принял в ней участие 35-летний преподаватель кафедры классической филологии кандидат филологических наук Б. А. Серебренников (*«Правда»*. 1950, 23 мая). До этого он успел закончить техникум переводчиков и классическое отделение Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), защитить кандидатскую диссертацию об артикле у Геродота с широчайшими типологическими параллелями¹, пройти всю войну переводчиком в войсках НКВД, прочитать курсы лекций по истории греческого и латинского языков на классическом отделении МГУ, в который в ту пору влился ИФЛИ. Особенно поразительным был его необычайный дар к языкам. Владея с детства языком коми — родным языком отца, безукоризненно выучив немецкий в техникуме, латынь и греческий в ИФЛИ, Б. А. Серебренников продолжал самостоятельно штудировать все новые и новые языки. Он овладел всеми европейскими языками, в том числе венгерским и финским, многими другими финно-угорскими, а также тюркскими. Свободно читал он также на арабском, грузинском, армянском, китайском, японском языках. Как правило, большие полиглоты редко бывают большими лингвистами-теоретиками. Легендарный кардинал Джузеппе Мещофанти говорил на 50 языках, но не сочинял лингвистических трактатов. Итальянский лингвист Альфредо Тромбетти обладал еще

---

^{*} Впервые опубликовано в: *Красухин К. Г. Б. А. Серебренников как компаративист // Вопросы филологии. 2000. № 3.*

¹ Часть текста, посвященная сопоставлению с родственными и неродственными языками, превосходила по объему собственно анализ текстов Геродота.

более поразительным даром к языкам (он говорил на 70 и был знаком с грамматикой, вероятно, всех описанных в его время языков), но был безудержным фантазером, у которого, помимо интереснейших наблюдений над отдельными языками, была масса фантастических идей и неудачных попыток реконструировать общечеловеческий прайзык.

Б. А. Серебренников же, изучая новый язык, исследовал его, но при этом с большим доверием относился к лингвистическим фактам, чем к априорным схемам. Поэтому он, овладев примерно 30 языками, много и усердно работал над сравнительными грамматиками индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков, исследовал и их контакты, но никогда не пытался объяснить развитие группы языков или всего человеческого языка, исходя из какой-то единой установки. И все такого рода попытки на протяжении его долгой научной жизни вызывали ученого скепсис, неприятие и порою резкий отпор.

Обратившись к научному наследию Н. Я. Марра, весьма обильно-му и предлагающему решение глобальных вопросов, Б. А. Серебренников задался вопросом: а насколько корректны его методы? Вывод его был неутешителен: научные методы как таковые у Н. Я. Марра отсутствуют. Основным способом нахождения «палеонтологии речи» явился поиск случайных созвучий: в латинском *arbor* Mapp находит элемент *bor*, который сравнивает с одним из изобретенных им «первослов» BER. Так доказываются пережитки «яфетической стадии» в латыни. Но, справедливо напоминает Б. А. Серебренников, слово *arbor* в результате сугубо закономерных фонетических процессов происходит из праиталийского *ardhos и может быть сравнимо с др.-инд. *ṛdhnóti* ‘расти, развиваться, процветать’. Любые исторические параллели в лингвистике, игнорирующие строгие закономерности, установленные лингвистикой же, обречены на заведомый провал, и Марр, упорствуя в своей методологии, предлагал все более и более фантастические «этимологии», все более натянутые толкования. К примеру, в слове *смерд* он видел элемент *-мер-*, который должен восходить все к тому же BER, следовательно, в смердах-крепостных — потомков древних яфетидов, порабощенных пришлыми завоевателями.

Все эти «изыскания» Б. А. Серебренников оценил достаточно резко и неприятно. Собственно, для коллег его выступление не было неожиданностью. Примерно за полгода до своего выступления в «Правде» он сделал большой доклад на совместном заседании кафедры классической филологии и общего языкознания, где ясно показал несостоятельность и методологическую порочность «нового учения о языке».

Старожилы кафедры вспоминают, как перед докладом парторг кафедры классической филологии (история не сохранила его фамилию) спорил с Серебренниковым и просил его: «Борис Александрович, ну скажите, что у Марра не 90 % ошибок, а только 70 %!»² Однако Серебренников не стал исчислять фантастику в процентах и высказал все, что считал нужным. Деканом филологического факультета тогда был Н. С. Чемоданов, в ту пору — твердый маррист (который и сам позднее выступил в «Правде», отстаивая основные марристские позиции³). Заявленная столь резко позиция молодого ученого вызвала у Чемоданова недовольство, над Серебренниковым нависла угроза увольнения. Естественно, после статей Сталина все переменилось, и Б. А. Серебренников оказался одним из немногих квалифицированных компаративистов, безусловно владеющих строгими методами этой науки на материале многих языков и языковых групп.

Кстати сказать, это обстоятельство сыграло свою роль в том, что о Серебренникове одно время распространялись нелепые сведения. В одной статье, опубликованной в газете «Московская правда», было сказано: «Он громил нераскаявшихся марристов, превозносил сталинское учение о языке, а затем стал обличать кульп личности в языкоznании» («Московская правда». 1987, 13 июля). Но всякий, взяв в руки подшивку «Правды» за май-июнь 1950 г., может убедиться, что «громить нераскаявшихся марристов» Серебренников начал тогда, когда им каяться, собственно говоря, было не в чем, т. е. до высочайшего осуждения теории Марра. А превозносить сталинское учение о языке он не мог за отсутствием такого. Во всей книге «Марксизм и вопросы языкоznания» было только одно новое положение, оказавшееся вполне неверным: о курско-орловских говорах как о якобы источнике русского литературного языка. Но этими вопросами Серебренников никогда не занимался. Остальные же тезисы сталинской брошюры были в общем верны и абсолютно тривиальны. Что же касается частых ссылок на сталинский опус в работах Серебренникова

² Эту забавную историю мне рассказала покойная В. И. Мирошенкова.

³ Любопытно, что после разгрома «нового учения о языке» Н. С. Чемоданов стал выступать как вполне традиционный и квалифицированный германист-компаративист. Его перу принадлежит небольшая, но содержательная книга [Чемоданов 1956] и выдающаяся, получившая международную известность статья [Чемоданов 1962]. Примерно за полгода до своей смерти (январь 1987 г.) Николай Сергеевич планировал прочесть на межкафедральном семинаре по сравнительному языкоznанию на филфаке МГУ (действовал в 1986—1989 гг.) доклад о германском передвижении согласных в свете новых данных, но резко ухудшившееся здоровье помешало ему.

1950—1953 гг., то всякий хоть немного представляющий себе дух эпохи поймет, что ни один редактор не пропустил бы в печать лингвистической публикации без надлежащих ритуальных ссылок. Конечно, из песни, как говорится, слова не выкинешь: было у Серебренникова несколько работ, написанных между 1950 и 1953 гг., на тему «Задачи советского языкоznания в свете книги И. В. Сталина». Но, как ни странно, брошюра Сталина дала лингвистам возможность вести более адекватные исследования: одно дело — повторять как заклинание пусть тривиальные, но верные суждения, а другое дело — заведомо фантастические («язык как трудмагическая деятельность»). И «задачи советского языкоznания» ставились у Серебренникова во вполне традиционном духе.

После всех этих драматических событий Серебренников стал вести чрезвычайно активную научную жизнь, принимая участие в подготовке и написании многих коллективных трудов по теории как общего, так и сравнительно-исторического языкоznания, по сравнительно-исторической индоевропеистике, финно-угроведению и тюркологии. В 1952 г., в возрасте 37 лет, Б. А. Серебренников был избран член-корреспондентом АН СССР и, считая, что это звание не снимает с него обязанности подготовить докторскую диссертацию, написал большую работу о видо-временной системе в волжско-финских и уральско-финских языках, которую с успехом и защитил в 1956 г., издав затем ее сокращенный вариант отдельной книгой [Серебренников 1960].

Таким образом, сравнительно-историческое языкоznание, так сказать, пронизывало всю жизнь и деятельность Б. А. Серебренникова. Но, несмотря на это, непросто выделить собственно компаративистскую составляющую в его творчестве. Дело в том, что он всегда старался рассмотреть язык со всех сторон: и как теоретик, и как философ языка, и как исследователь вполне конкретных языков. Всю свою безбрежную эрудицию и дар полиглota он направил на разрешение сверхзадачи: понять, по каким законам существует и развивается человеческий язык, какие механизмы в нем действуют. Поэтому на протяжении всей статьи мне придется обращаться не только к сравнительно-историческим, но и к типологическим, лингвотеоретическим и философским штудиям Б. А. Серебренникова. Они отличаются большой внутренней цельностью.

Наиболее подробно взгляды Б. А. Серебренникова на развитие языковой системы отразились в таких его книгах, как [Серебренников

1968; 1983; 1992] и особенно, конечно, [Серебренников 1974]. В работах [Серебренников 1974] и [Серебренников 1988] он настойчиво искал ответ на вопрос: что же заставляет языки изменяться? Для этого он внимательно проанализировал все имеющиеся в его время гипотезы на этот счет и пришел к следующему выводу. Язык — система чрезвычайно сложная и многоуровневая. Поэтому просто невозможно установить какую-то главную тенденцию, управляющую ее развитием. Понимание этого, кстати, и привело Серебренникова к весьма едкому скептицизму по отношению к так называемым стадиальным теориям. И в своей книге [Серебренников 1974: 43—44] он сформулировал одиннадцать возражений против стадиальных теорий, отмечая, в частности, что строй языка может подвергаться циклическим изменениям, так что далеко не всегда возможно сказать, первичен ли данный строй или вторичен, архаичен или инновационен.

Но если идея об обязательных стадиях, через которые должен пройти каждый язык, оказалась несостоятельной, то отрицать общие закономерности в развитии языков не приходится. В самом деле, переход в определенной позиции *s* в *r* известен и в германских языках, и в тюркских, и в латыни, и в санскрите. Еще шире распространены оглушение звонких в конце слова, ассимиляция сопласных, аккомодация согласных перед пласными (например, палатализация). И поэтому Серебренников внимательно проанализировал вопрос о внутренних механизмах языковых изменений. Например, знаменитую теорию экономии языковых усилий, которая вызвала яростные дискуссии. С одной стороны, такая экономия очевидна: мы же говорим [Мар'ивáнна] вместо [Мария Ивáньвна]. Но, с другой стороны, попытка объяснить все изменения одной только экономией поставит исследователя в тупик. В одних языках существует процесс дифтонгизации долгих гласных (др.-в.-нем. *hus* перешло в современное *Haus*), в других, напротив, дифтонги превращаются в долгие гласные (литов. *kaina* и ц.-слав. *цѣна*). Что же на самом деле более экономично — дифтонги или долгие пласные? Ответ Б. А. Серебренникова был таким: тенденция к экономии речевых усилий существует, правда, сам термин не очень удачен. Его лучше было бы назвать «принципом наименьших усилий» (так это сделал Мартине в своей книге, но в названии ее сохранил старый термин [Мартине 1960]). Однако сам языковой материал вовсе не остается стабильным и однородным. В него постоянно вторгаются новые элементы: слова, морфемы, разного рода заимствования — от новых фонем до синтаксических конструкций. Эти пришельцы могут потребовать значительно-го увеличения усилий в их произношении. Но постепенно тенденция

к экономии речевых усилий охватывает и их. С ней связан известный закон Ципфа: чем чаще встречается слово, тем проще его фонетическая структура, тем с меньшими речевыми усилиями оно произносится. Однако есть и внутриязыковые тенденции, препятствующие закону наименьших усилий: это необходимость совершенствования языкового механизма. В частности в языке не могут стираться многие фонологические оппозиции, ибо это привело бы к неразличению значений языковых элементов и, следовательно, к ухудшению коммуникативных качеств языка. Нередко фонетическое изменение, произошедшее в результате тенденции к минимальным усилиям, создает коммуникативные трудности. И большое количество изменений направлено на улучшение языкового механизма, преодоление этих трудностей: переразложение основ в славянских языках связано с тем, что монофтонгизация дифтонгов стерла границу между основой и флексией (praslaw. *gena-i < ц.-слав. *жен-ѣ*). Так появилась новая основа *жен-*, и старое *жене-мъ, жене-ми* превратилось в новое *жен-ам, жен-ами*. Новое окончание *-ами* распространилось и на другие склонения: ц.-слав. *рабо-мъ — рус. раб-ам, раб-ы — раб-ами*. Одним из проявлений тенденции к коммуникативному совершенствованию языка является аналогия, наглядно видная и в данном примере.

В связи с совершенствованием коммуникативных структур языка находится и еще одна тенденция: восстановление коммуникативно необходимых элементов. Эта тенденция делит языковые элементы на возобновляемые и невозобновляемые. Двойственное число исчезает во всех языках почти без следа и никак не компенсируется, так как отделить двойку от другого множества — это не самая насущная потребность говорящего. А вот падежи, флексии которых по разным причинам нивелируются в языке, заменяются предложными конструкциями. Древнеанглийский генитив, передававшийся флексией *-s*, вытеснен (за небольшим исключением) предлогом *of*. Исконный греческий датив исчез к XV в.; он заменился на аккузатив с предлогом *το*. В свою очередь ablativ исчез из греческого почти бесследно еще до отделения микенского диалекта. Его заменил генитив с *ιτό, ἀπό*. Выражения адресата (датив) и источника (аблатив) относятся к необходимым в языке и требуют для себя эксплицитного выражения.

Далее, когда говорят о тенденции к минимальному напряжению языка, следует учитывать этот процесс во всей его полноте. И обнаруживается, что монофтонгизация и дифтонгизация обе вовсе не противоречат закону минимизации усилий. Ведь дифтонгируют-ся долгие гласные, произношение которых сопряжено с большими

усилиями, чем произношение кратких. И минимизация этих усилий приводит к тому, что гласный произносится с призвуком, который «отбирает» у него долготу: др.-англ. *tim* < *tīm* < *teim* < *taim*. Но и дифтонги представляют собой определенное неудобство, так как на протяжении одного времени речевой аппарат совершает больше движений, чем при произношении монофтонгов. Поэтому дифтонг тоже может превратиться в гласный, изначально долгий вследствие заменительного удлинения. Затем долгие гласные могли сокращаться. Сопоставление монофтонгизации и дифтонгизации, как представляется, помогает правильно понять суть тенденции к минимальному усилию. В действительности многие находящиеся в оппозиции и взаимозаменяемые звуки произносятся с усилием, характерным именно для них: при артикуляции звонких согласных больше напряжены голосовые связки, а при артикуляции глухих — мышцы рта. Физиология же человеческой речи такова, что наибольшее утомление вызывают повторяющиеся усилия. Именно они устраняются в первую очередь; на этом основан и закон Ципфа. Поэтому в какой-то момент более неудобными становятся дифтонги, в другой — долгие гласные.

В сравнительно-историческом и общем языкоznании большую роль играет теория лингвистических противоречий, разработанная Б. А. Серебренниковым [Серебренников 1988: 213—229]. Языковые изменения — процесс непрерывный, образуемый разнонаправленными тенденциями. Следовательно, в отдельных участках языка постоянно возникают явления, отвечающие одной тенденции (допустим, минимальных усилий), но противоречащие другой (скажем, коммуникативной необходимости). Таким образом в языке возникает противоречие, и следующий этап языковой эволюции направлен на преодоление противоречия. Но вполне возможна и такая картина, когда противоречие не преодолено. К примеру [Там же: 217] аблautный претерит в германском глаголе был в значительной мере вытеснен дентальным, возникшим в прагерманское время, так как появились два конкурирующих грамматических способа. Но он не исчез и в наше время. В данной языковой подсистеме сохраняется непреодоленное противоречие. К преодоленным противоречиям относятся преобразования языковой системы для ее улучшения с коммуникативной точки зрения: исчезновение старых аориста и имперфекта в русском языке, развитие предложных конструкций в романских языках, замещающих редуцированные падежи и т. д.

Все это приводит к осознанию наличия в языке имманентных законов. Они обладают свойствами настоящих законов: они постоянны,

необходимы и выражают существенную причинную связь явлений; они имеют собственный импульс, порожденный в той сфере, где они действуют и, что довольно существенно, не зависят от внешних условий. Таково большинство фонетических законов, закон разрушения конца слова. Последний имеет особенно много проявлений и следствий: сужение конечных гласных, упрощение артикуляции, вплоть до отпадения, конечных согласных. В тех же языках, где грамматические показатели ставятся после основы, эти процессы приводят в конечном итоге к разрушению старых грамматических систем. На их обломках часто образуются аналитические конструкции, которые затем в результате процессов сначала агглютинации, а затем фузии могут превратиться в новые грамматические показатели. Здесь Б. А. Серебренников решительно выступил против некогда влиятельной традиции в отечественной лингвистике, согласно которой в языке не может быть внутренних изменений, не зависящих от социальных условий [Серебренников 1988: 160]. Спор этот, конечно, давно стал достоянием истории и не оказывает влияния на современное языкознание. Но для нас существенна стойкость и твердость, проявленная Б. А. Серебренниковым в отстаивании своей позиции.

Итак, суммируя взгляды Б. А. Серебренникова на сущность и развитие языка, мы можем сказать: язык в представлении исследователя выступает как большая система, чрезвычайно сложная, многоуровневая и многофакторная. Она находится в постоянном изменении, вызванном разнонаправленными тенденциями. Одно из свойств большой открытой системы, как известно, формулируется так: упорядоченность на одном ее участке вызывает неупорядоченность на другом. К языку это относится в полной мере. Такой подход означает синтез конкретного, в том числе и исторического языкознания, и лингвофилософии. Как видим, Б. А. Серебренников осуществил это в полной мере.

Наличие имманентных законов и часто встречающихся моделей изменений на разных уровнях играет в компаративистике большую роль. Поэтому Серебренников уделил столько внимания вероятностным обоснованиям в компаративистике. В этой науке требуется особая строгость и точность метода. Дело в том, что все наблюдаемые нами языковые факты — это следствие процессов постоянного языкового изменения. Причиной же по отношению к ним выступает реконструированное языковое состояние. И здесь мы сталкиваемся с законом вероятностного модуса в формальной логике. Он гласит: когда известна причина, мы можем с достоверностью прогнозировать

следствие, но обратное неверно: когда известно следствие, причина реконструируется не достоверно, а только вероятно. С этим же явлением связан известный парадокс материальной импликации: верный консеквент выводим из любого антецедента, а из ложного суждения выводимо любое. Этот парадокс до сих пор не нашел однозначного решения и вряд ли найдет: он связан с фундаментальными особенностями человеческого познания. Значит, когда исследователь имеет дело с незасвидетельствованной, данной только в реконструкции действительностью, основная его задача — повышать вероятность своих выводов. И в сравнительно-историческом языкознании давно возник вопрос о вероятностных обоснованиях в компаративистике. Многие исследователи считали таковыми оценки полученных результатов с типологической точки зрения. Это связано с представлениями об импликационной типологии (см., к примеру, [Скаличка 1963]). Сущность импликации состоит в том, что одно свойство языка предусматривает наличие другого. Так, наличие щелевых согласных имплицирует свистящие, фонема /р/ имплицирует наличие /б/. Импликации могут связывать и различные уровни языка: наличие аналитического строя имплицирует жесткий порядок слов, агглютинативная морфология имплицирует сингармонизм, а для изолирующих языков характерна развитая система тонов. Есть и менее очевидные импликативные связи: в аналитических языках значительно менее объемен лексикон, чем в синтетических, но отдельные слова в них значительно более многозначны.

Импликативные связи диктуются во многом теми универсальными тенденциями, о которых говорилось выше: при редуцированной морфологии порядок слов становится важным способом опознания членов предложения; сингармонизм служит способом, связывающим основу слова с однотипными и однозначными аффиксами в единое слово; бедность словаря и многозначность слова в аналитических языках обусловлена редукцией словообразования. Однако было бы ошибкой приписывать импликативные связи всем типологическим особенностям языка. Этому вопросу посвящена одна из последних статей Б. А. Серебренникова, опубликованная посмертно [Серебренников 1992]. Общий его вывод сводился к тому, что если отдельные черты языка действительно обнаруживают причинно-следственные связи, то в целом тип языка чрезвычайно изменчив, построить цельную и непротиворечивую типологию языка не представляется возможным, а «типологическое описание — это описание языка таким, каков он

есть в действительности, с указанием на типологические элементы, которые в нем содержатся» [Серебренников 1992: 20].

Так можно ли использовать данные типологии в компаративистике? Как известно, решительным сторонником такого подхода выступил Р. О. Якобсон. В докладе на конгрессе лингвистов в Осло он прямо объявил, что всякий вывод в реконструкции должен пройти типологическую проверку: невозможно реконструировать языковые состояния, для которых нет аналогов в живых языках [Якобсон 1963]. В частности нельзя реконструировать ряды или серии фонем с положительным фонологическим признаком при отсутствии аналогичных рядов и серий с отрицательным. Это положение Р. О. Якобсон иллюстрировал индоевропейской фонологической реконструкцией. В его время возобладала точка зрения, согласно которой в праиндоевропейском языке существовало три серии шумных согласных: глухие, звонкие и звонкие придыхательные. Поскольку звонкость — это положительный фонологический признак, Якобсон считал невозможным наличие звонкой придыхательной серии без глухой. На словах идею Р. О. Якобсона активно поддержали Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Их «глоттальная теория» была создана во многом как ответ индоевропеистов на типологическое требование Якобсона. И хотя Р. О. Якобсон написал предисловие к их двухтомнику, а сами исследователи весьма деятельно iurabant in verba Romani, надо признать, что их работа была основана на иных методологических установках. Дело в том, что маркированность у Якобсона — совсем не то же, что маркированность в понимании Гамкрелидзе и Иванова. Первый понимал под этим наличие или отсутствие того или иного различительного признака, последние — распространенность / нераспространенность цельного пучка различительных признаков в языках мира. Маркированная фонема — это то же самое, что редко встречающаяся. Например, в подсистеме смычных согласных немаркированным является кластер (— звонкость, + заднеязычность) и (+ звонкость, + лабиальность). Иными словами, в паре /k, g/ немаркирована глухая фонема, а в /b, p/ — звонкая. И вся глоттальная теория построена именно на этом типологическом основании [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

Не будем сейчас рассматривать вопрос, кто прав — Якобсон или Гамкрелидзе и Иванов. Отметим только сложность и неопределенность самого критерия, избранного для типологической верификации. К этому надо прибавить и то, что в языках мира встречаются не только типологически распространенные, но и типологически уникальные черты. «Щелкающие» согласные известны только в юж-

санских языках и больше ни в одном языке мира. Значит ли это, что, если бы языки готтентотов и бушменов до нас не дошли, мы не вправе были бы предполагать нечто подобное в реконструкции? Вообще, типологический критерий тесно связан с понятием лингвистических универсалий. И здесь Серебренников с полным основанием подчеркнул, что в их определении накопились противоречия. Иногда говорят, что универсалии — это «закономерности, общие для всех языков или их абсолютного большинства» [Успенский 1970: 10]. Но что значит «абсолютное большинство»? В настоящее время описано более 2 600 языков, однако лишь небольшая их часть исследована настолько, чтобы можно было судить об их типологических характеристиках. Но и все известные в настоящее время языки — это только малая доля существовавших на земном шаре. В новелле П. Мериме «Локис» упоминается попугай, знавший несколько слов на языке вымершего южноамериканского племени. А сколько языков исчезло, не оставив после себя и такого следа! В подобных условиях очень трудно найти языковые явления, которые можно экстраполировать на все языки или их большинство.

Тем не менее такие универсалии существуют. В любом языке есть гласные и согласные; в каждом языке имеются имена собственные; всякий язык располагает дейктическими средствами [Серебренников 1974: 50]. Однако эти универсалии, во-первых, заслуживают наименования лингвистических тривиалов, во-вторых, по правильному замечанию Серебренникова, они противоречивы в том смысле, что смешивают несколько уровней: собственно языковой (фонетический) и логико-лингвистический: имена собственные и дейктические элементы — не столько языковые, сколько понятийные категории. И вместе с тем даже такие универсалии могут свидетельствовать о природе часто повторяющихся явлений. Произношение одних согласных, без гласных, невозможно, а речь, состоящая из одних гласных, не выполнила бы своего коммуникативного назначения, так как гласных в любом языке мира гораздо меньше, чем согласных, и границы между ними неустойчивы. Всякий язык диалогичен по определению, следовательно, он нуждается в выделении индивидуальных объектов, разграничении говорящего и слушающего. Пространство же он осваивает с точки зрения говорящего, чому и служит дейксис.

Менее банальные закономерности встречаются не во всех языках мира, но в большинстве их. И они тоже связаны с базовыми особенностями либо физиологии речи, либо коммуникативной структуры языка. Такие явления Серебренников и предложил называть фреквентациями

(от лат. *frequens* ‘частный’). Выделяются два типа фреквенталий: импликационные и диахронические. Вопрос об импликационных фреквенталиях был отчасти рассмотрен выше. Их общая формулировка такова: если в языке есть явление φ , то с вероятностью присутствует и ψ , но обратное не обязательно верно. Хотелось бы подчеркнуть именно вероятностный характер таких закономерностей. Ведь даже такая самоочевидная вещь, как наличие сингармонизма в агглютинативных языках, не всегда имеет место. Под влиянием контактов с языками иного типа сингармонизм нередко исчезает: в узбекском диалекте Ташкента — под влиянием таджикского, в монгольских языках и диалектах Китая и Афганистана — под влиянием пашто, китайского и тибетского языков. Вместе с тем отсутствие такой характеризующей черты является для лингвиста сигналом, побуждающим его искать причину. Иными словами, импликативная фреквенталия приобретает черты настоящего закона: ее несоблюдение может возникать не произвольно, а вследствие закономерных обстоятельств.

Диахронические фреквенталии суть те часто встречающиеся языковые изменения, о которых речь шла выше. Они обусловлены различными факторами, связанными как с планом выражения, так и с планом содержания. И здесь формулируется суть вероятностных обоснований в компаративистике: при наличии альтернативы в реконструкции следует отдать предпочтение тому варианту, который соответствует фреквенталии.

Но для того чтобы служить тестом, фреквенталия сама должна отвечать определенным требованиям. Во-первых, она должна быть достаточно частотной, и чем она чаще в засвидетельствованных языках, тем больше вероятность обнаружить ее в реконструированном языковом состоянии. Во-вторых, в основе фреквенталии должны лежать причинно-следственные связи, а их отсутствие вообще не дает считать сочетание языковых черт фреквенталией — это скорее случайное совпадение.

Например, гринберговская универсалия «Если глагол имеет категорию лица и числа или если он имеет категорию рода, то он обязательно должен иметь категории времени и наклонения» вовсе не является таковой: глагол немыслим без времени и наклонения, но эти категории никак не связаны ни с лицом, ни с родом [Серебренников 1974: 58].

Всякая импликативная связь может быть нарушена в силу того, что чистых с точки зрения типологии языков в природе, очевидно, не существует. Выше уже шла речь об утере сингармонизма в некоторых агглютинативных языках. В эстонском языке имеется не свойственный этому же типу аблaut, в гагаузском глагол может занимать начальное положение (хотя для тюркских нормальным считается порядок слов SOV) и т. д.

И, подробно проанализировав все это, Б. А. Серебренников сформулировал наиболее частотные фонетические и морфологические изменения. Сведем фонетику в таблицу (для краткости и наглядности мы берем только индоевропейские примеры, хотя в [Серебренников 1974] приведены десятки аналогичных явлений в уральских, алтайских, семито-хамитских и многих других языках — всего использован материал 191 языка).

A. Явления конца слова

Правило	Проявление
ѣ > ѿ	и.-е. * <i>rətēr</i> ‘отец’ > гор. <i>fadar</i> , и.-е. *-ā > гор. <i>giba</i> ‘дар’ (<i>gibos</i>), литов. <i>kaina</i> ‘цена’ (<i>kámos</i>), лат. <i>poena</i> ‘карь’
o > u	и.-е. * <i>ulk̓os</i> ‘волк’ > др.-лат. <i>lupos</i> > лат. <i>lupus</i> , праслав. * <i>vulkus</i> (ц.-слав. влькъ)
a > e	лат. <i>terra</i> ‘земля’ > ст.-франц. <i>terre</i>
ai, ei > i	лат. <i>lipi</i> (им. п. мн. ч.), <i>lupis</i> (дат. п. мн. ч.) (ср. греч. λύκοις, λύκαις, др.-инд. वृक्षाई), ц.-слав. вльци; лтш. <i>levi</i> ‘отцы’ (литов. <i>levai</i> ‘то же’)
V > v (редукция конечного)	др.-англ. <i>sunu</i> ‘сын’ > ср.-англ. <i>sone</i> [sunə], праслав. * <i>domus</i> > ц.-слав. домъ
V# > ø	лат. <i>canto</i> ‘я пою’ > ст.-франц. <i>chant</i>
VC# > C#	лтш. <i>vilks</i> ‘волк’ (литов. <i>viškas</i>), жемайт. <i>laps</i> ‘лист’ (литов. <i>lāpas</i>)
m > ø	лат. <i>lupum</i> > н.-лат. <i>lupu</i>
n > ø	нем. диал. <i>fade</i> = <i>Faden</i> ‘перо’
m > n	греч. ἔφεδον = др.-инд. ábharam ‘я нес’
m > n > ø	гор. <i>habaida</i> (1 л. ед. ч.) < и.-е. *-om
CC > C (C = C) (C > ø)	лат. <i>lapid-s</i> > <i>lapis-s</i> > <i>lapis</i> ‘камень’, ц.-слав. моли (2 л. аор.) < *молис < *mol(d)i-s-s-, моли (3 л.) < *moidi-s-t

CC, CCC > C (C ≠ C)	греч. γίγαντ-σ > γίγας ‘гигант, великан’; φέροντ-σ > φέρων ‘несущий’; ὄρθον-σ > ὄρθοίς ‘прямых’ (вин. п. мн. ч.) (крит. ἀρθόντες)
C > c	*p̪l̪nós > др.-инд. pūrmáḥ ‘полный’
s# > r#	рун. armaR ‘рука’ (гот. arms), др.-исл. staðr ‘место’; элейск. tīq (тиς), tōq (тиς), polioq (пóλιος, пóλεως ‘города’)
C# > ø	лат. amai > франц. aime, греч. ἔφεδε = др.-инд. ābhārat, др.- лат. populod ‘от народа’ > лат. populo; др.-перс. asa ‘лошадь’ (др.-инд. áśvah)
D# > T#	лат. brev(e) > ст.-франц. brief, испан. prado ~ каталан. prat

B. Некоторые существенные преобразования звуков

Закон односложности	лат. quet, spet; гот. huan < *kʷom
l > l' / 1	l /#, /l / > [l]: лат. sol, silva, cl, fl > [l]: clavis, flavis; #/l / > [l']: lana, lex
l > u	лат. alter > франц. autre, с.-хорв. čitao < čitāb
r > V	англ. care [keə], car [ka:]
γ > V	норв. lágr > англ. low, dagr > dav
h > 0	псилосис в эолийском диалекте

Как видим, Б. А. Серебренников создал, по сути, универсальную историческую фонетику⁴. Он сформулировал также ряд фонетических и грамматических фреквенталий, носящих статический (ориентированный на синхронное состояние языка) и динамический характер, и показал их применимость к решению ряда спорных вопросов языковой реконструкции. Например, в тюркских языках встречаются корреляты z ~ r, j ~ ž. Теория фреквенталий свидетельствует о том, что

⁴ К сожалению, недостаток места не позволяет подробно рассказать о вкладе Б. А. Серебренникова в универсальную сравнительно-историческую морфологию. Перечислим лишь некоторые темы, затронутые в его работах: развитие категорий множественности, притяжательности, сравнительности и модальности из первичной категории собирательности, образование модальных форм глагола на базе перфекта, развитие падежей из посессивных, локативных и иных аффиксов, роль вспомогательных глаголов в видовременной и модальной глагольных системах, формирование числительных первого десятка.

левые члены корреляций должны были измениться в правые и, следовательно, ближе к пражзыковому состоянию. Из всех теорий происхождения германского дентального претерита наилуче убедительна та, что выводит его из причастия на **-lo-*, так как именно это причастие часто образует прошедшие времена.

Поучительно сравнить его результаты с другими исследованиями, рассматривающими общую картину языковых изменений. Большую роль в создании объяснительных теорий сыграли специалисты по диахронической фонологии [Журавлев 1986]. В трудах Е. Д. Поливанова и Р. О. Якобсона было показано, что изменения подчиняются системным закономерностям, а именно, усилинию или ослаблению фонологических оппозиций. Первый процесс приводит к дивергенции фонем, второй — к их конвергенции [Поливанов 1968]. Р. О. Якобсон объединил дивергенцию и конвергенцию в единое понятие мутации и указал на основные типы мутаций [Якобсон 1985]. Опираясь на работы Поливанова и Якобсона, Г. Хёнигсвальд сделал попытку рассмотреть процесс языковых изменений как формальный алгоритм, охарактеризовав все процессы как «слияние» и «щепление» фонем, а изменения, не укладывающиеся в эти рамки, объяснил как возникшие по аналогии или в результате заимствования [Hoeningwald 1960]. В представлении Хёнигсвальда, языковые единицы распределены в определенных позициях текста, и языковые изменения сводятся к устраниению и замещению языковых единиц, осуществляемым путем щепления и слияния. Изменения можно классифицировать также как обусловленные и необусловленные.

К такому пониманию изменений близко исследование Х. Андерсена [Andersen 1973]. Языковые изменения он разделил на абдуктивные и дедуктивные. Первые возникают в результате сбоя в языковой системе, вторые же происходят, напротив, под давлением системы. Дедуктивные изменения следуют за абдуктивными, так что нарушение старой системы приводит к формированию новой. Если использовать терминологию Б. А. Серебренникова, абдуктивные изменения приводят к образованию противоречий, а дедуктивные — к их снятию.

Важный этап теории языковых изменений связан с работами У. Лабова (обобщающий труд — [Labow 1994]). В своей 600-страничной монографии он описал языковые изменения в их пространственно-временном ракурсе. Каждое изменение у Лабова рассматривается с точки зрения его возникновения и локализации, различные диалекты американского английского сравниваются по коэффициенту различия. Нанесение результатов на карту дает наглядное представление

о языковой дивергенции. Следует заметить, что подобные исследования неоднократно проводились отечественными учеными. Р. И. Аванесов рассматривал русскую историческую фонологию именно с такой точки зрения. Он отмечал, что фонемные вариации на синхронном срезе во многом совпадают с вариациями в истории языка [Аванесов 1970]. Ю. С. Степанов сформулировал эту идею так: языковые различия в пространстве на различных территориях тождественны языковым различиям во времени на одной территории [Степанов 1989: 151]. Труды У. Лабова представляют собой вклад в эту проблематику, так как в них введены точные методы измерения языковых различий. Все это чрезвычайно значимо для исторической лингвистики. Но они объясняют скорее процессы и механизмы лингвистических изменений, чем их результат. Для понимания, почему конкретная языковая единица *A* превращается в *B*, необходим учет именно фреквентальных закономерностей, который и произвел Серебренников.

Эта тема остается актуальной и в наши дни. Так, выступая с докладом на пленарном заседании ХIII Международной конференции по исторической лингвистике, Уоллес Чейф подчеркивал необходимость исторического объяснения кажущихся нерегулярностей в языке. На материале североамериканского языка сенека (группа северных ирокезских языков) докладчик показал, как вполне регулярные реконструированные парадигмы превращаются в нерегулярные, доступные наблюдению. Восстановить регулярность можно как путем классической процедуры реконструкции, так и по аналогии, путем синхронного наблюдения. Такое наблюдение, по мнению Чейфа, бессознательно осуществляет говорящий, что и помогает ему правильно воспроизвести эти парадигмы [Chafe 1997]. Этот подход очень близок к предлагаемому Б. А. Серебренниковым пониманию языковой системы вообще и языкового противоречия в частности. На X Международной конференции по английской исторической лингвистике сходные вопросы освещались в сообщениях Пола Кипарского и Дэвида Лайтфута. Первый, рассматривая судьбу модальных глаголов в истории английского языка, показал, что их развитие зависело не только от усиливающегося аналитизма, но и от изменения порядка слов: из древнеанглийского OV к новоанглийскому VO. Это, в частности, привело к тому, что выражители модуса занимали место сразу после субъекта, а главный глагол — инфинитивную позицию [Kiparsky 1998]. Такое синтаксическое изменение есть своего рода оптимизация, т. е. преодоление противоречия. Второй, рассматривая судьбу языкоznания, подчеркнул, что внимание исторической лингвистики переключилось с

реконструированных данных на те процессы, которые приводят к изменениям. Только с их учетом можно строить корректную лингвистическую реконструкцию [Lightfoot 1998]. Я бы добавил к этому следующее. В языкоzнании прошлого века крупнейшими достижениями можно считать открытие фонемы и морфемы — этих элементарных частиц языка, значимой и незначимой. Для современной лингвистики самой актуальной задачей следует считать нахождение, так сказать, кванта языковых изменений — той исходной точки, с которой они начинаются. После этого можно ставить задачу восстановления общих закономерностей этого процесса. Это должно вывести языкоzнание на качественно новый уровень. Труды Бориса Александровича Серебренникова создали надежную базу для достижения этого уровня.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1970 — Аванесов Р. А. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Реформатский А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Гамкелидзе, Иванов 1984 — Гамкелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Журавлев 1986 — Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986.
- Мартине 1960 — Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Поливанов 1968 — Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкоzнанию. М., 1968.
- Серебренников 1960 — Серебренников Б. А. Система видов и времен в волжско-финских языках. М.; Л., 1960.
- Серебренников 1974 — Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Серебренников 1968 — Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.
- Серебренников 1983 — Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языковой действительности. М., 1983.
- Серебренников 1988 — Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
- Серебренников 1992 — Серебренников Б. А. Правомерно ли импликативные связи между элементами языка рассматривать как показатель его

- типа и системности? // Историческая лингвистика и типология. М., 1992.
- Скаличка 1963 — Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Степанов 1989 — Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Успенский 1970 — Успенский Б. А. Предисловие // Новое в лингвистике. Вып. 7. Языковые универсалии. М., 1970.
- Чемоданов 1956 — Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956.
- Чемоданов 1962 — Чемоданов Н. С. Место германских языков среди других индоевропейских языков // Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962. Т. 1.
- Якобсон 1963 — Якобсон Р. О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Избранные труды. М., 1985.
- Andersen 1973 — Andersen H. Abductive and deductive change // Language. 1973. Vol. 49.
- Chafe 1997 — Chafe W. How a historical linguist and a native speaker understand a complex morphology // XIII International conference on historical linguistics. Düsseldorf, 1997.
- Hoenigswald 1960 — Hoenigswald H. Language change and linguistic reconstruction. Chicago; London, 1960.
- Kiparsky 1998 — Kiparsky P. Syntactic change as optimization: The rise and fall of the semi-modals // X International conference on English historical linguistics. Manchester, 1998.
- Labow 1994 — Labow W. Principles of language change. Chicago, 1994.
- Lighfool 1998 — Lighfool D. How long was the nineteen century? // X International conference on English historical linguistics. Manchester, 1998.

Сокращения

аор.	аорист
вин.	винительный
гот.	готский
греч.	греческий
диал.	диалект
др.-англ.	древнеанглийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-исл.	древнеисландский
др.-лат.	древнелатинский
др.-перс.	древнеперсидский
ед. ч.	единственное число
жемайт.	жемайтийский
и.-е.	индоевропейские
им.	именительный
испан.	испанский
каталан.	каталанский
крит.	критский
л.	лицо
лат.	латинский
литов.	литовский
лтш.	латышский
мн. ч.	множественное число
нем.	немецкий
н.-лат.	новолатинский
норв.	норвежский
п.	падеж
praslaw.	праславянский
РП	различительный признак
рун.	рунический
рус.	русский
ср.-англ.	среднеанглийский
ст.-франц.	старофранцузский
с.-хорв.	сербско-хорватский
ц.-слав.	церковно-славянский
элейск.	элейский
O	объект
S	существительное, субъект
V	глагол

ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР (к 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)*

Фердинанд де Соссюр (1857—1913) — один из самых известных, великих и вместе с тем загадочных языковедов. Сделал он за свою короткую жизнь немало, но известность получил посмертно, главным образом, благодаря книге, которую он не писал, в области лингвистики, которой он интересовался не в первую очередь.

Ф. де Соссюр родился в зажиточной франко-швейцарской семье, имевшей солидные научные традиции. Его дед был видным геологом, высказывавшим идеи, близкие к развивающим Чарльзом Лайлем и Эразмом Дарвином (дедом великого биолога) теориям непрерывной эволюции земной оболочки. Учеными стали и братья Соссюра: Леон де Соссюр — крупный знаток культуры Китая, Рене де Соссюр — видный специалист в области интерлингвистики. Еще в гимназии Фердинанд проявил глубокий интерес и большие способности к языкам. Французский и немецкий он знал с рождения, из гимназии вышел с глубоким знанием латинского и древнегреческого языков. Семья Соссюров была дружна с известным лингвистом Альфредом Пикте — основателем науки лингвопалеонтологии, изучающей древние культуры на базе языковой реконструкции. 14-летний Фердинанд написал работу «О системе языков» и послал ее маститому ученому. Об этой работе сам Соссюр отзывался иронически [Соссюр 1990: 225], вспоминая свои попытки связать звук и значение. Но в ней отразились, во-первых, глубокий интерес гимназиста к науке, во-вторых, его знание различных языков. Юноша по сути предложил свой вариант происхождения языка с опорой на фоносемантические данные. Эти темы часто вытеснялись на периферию языкознания, но в начале XXI в. они

---

* Впервые опубликовано в: *Красухин К. Г. Фердинанд де Соссюр (к 150-летию со дня рождения)* // Вопросы филологии. 2007. № 3.

начали интенсивно обсуждаться [Барулин 2007]. Ко времени обучения в колледже относятся первые наблюдения юного лингвиста над исторической фонетикой древнегреческого, в частности, открытие вокальной реализации слоговых сонантов (см. [Соссюр 1990: 226; Ходорович 19776])¹.

В 1874 г. Соссюр поступает в Лейпцигский университет, бывший в то время центром лингвистики. Его молодые профессора Карл Брутман, Герман Пауль, Герман Остхоф и Бертольд Дельбрюк размышляли о методологической базе сравнительного языкознания, критически рассматривая существующие теории. В 1876 г. Брутман и Остхоф изложили свои взгляды в предисловии к шеститомному исследованию «*Morphologische Untersuchungen*». Ученые подчеркнули необходимость изучения живых языков, непреложность фонетических законов, ограниченную пространством, временем и действием аналогии. В Лейпциге Соссюр изучил санскрит, древнерусские, балтийские и славянские языки, занимался и теорией языкознания. Методологические установки младограмматиков он в целом разделял, однако его отношения с учителями не сложились. Причиной этого, очевидно, явилось существенное различие в понимании природы пражского. Для младограмматиков пражский существовал только к моменту распада. С их стороны это была реакция на натурализм Шлейхера, считавшего пражский совершеннейшей реальностью и даже написавшего на нем басню. Соссюр же избегал крайностей как Шлейхера, так и младограмматиков. Трезво понимая ограниченность наших знаний о пражском, Соссюр, тем не менее, не отрицал возможности построения его истории. В настоящее время именно такая точка зрения преобладает: ученые различают «формулу» и «реконструкцию» [Hermann 1907], подразумевая под первой совокупность соответствий родственных языков, под второй — именно историю пражского (в терминах И. М. Тронского [1967] можно говорить о ближней и дальней реконструкции). Разработана процедура и внутренней реконструкции [Курилович 1962], в процессе которой ученый обращается к данным, не образующим системы соответствий ни в одном из сравниваемых языков. Методологический подход Соссюра подтвердился в современной компаративистике.

---

¹ Пропорция форм древнегреческого перфекта *τέταχται* ‘нечто установлено’ (ед. ч.): *τέταχται* (мн. ч.) навело Соссюра на мысль о том, что вторая форма происходит из *τεταχθται*.

Впервые эта установка проявилась в первой, самой крупной по объему и, пожалуй, самой блестящей работе Соссюра — «Мемуаре о первоначальной системе индоевропейских гласных» (1878). Двадцатилетний выпускник университета продемонстрировал огромную эрудицию, блестящее владение древними языками и удивительную четкость мышления. Этую работу к настоящему времени чаще вспоминают в связи с тем, что в ней предвосхищена ларингальная теория. Это действительно так. Но само это открытие было подготовлено всей логикой рассуждения. Основные положения «Мемуара» можно сформулировать так.

1. В праиндоевропейском языке существовали фонемы *e и *o. Это был шаг вперед по сравнению с идеями Шляйхера, реконструировавшего для праиндоевропейского только *a, *i, *u. Этот вывод, впрочем, был предвосхищен Г. Коллицем (1867), установившим следы *e для древнеиндийского и древнеиранского — палатализацию индоиранского *k* перед исконным *e*: др.-инд. *sacate* = авест. *hačte* = греч. ἔπειται, лат. *sequitur* ‘он следует’ (и.-е. корень *sek*-> и.-ир. **sak-*> **sac-* — перед гласным переднего ряда).

2. Но констатацией этого Соссюр не ограничился. Он показал, что различные ступени вокализма и различные тембры гласного имели строго функциональное значение. И здесь он не был первооткрывателем. Функционально значимое чередование гласных — аблaut — в германских языках описывал еще Я. Гримм. А количественное чередование было хорошо известно и древнеиндийским грамматикам. Но Соссюр наиболее последовательно провел морфологический принцип в изучении чередования. Для него также была бесспорной связь нулевой ступени вокализма любой морфемы с ее исконной безударностью. Таким образом, количественный и качественный аблaut, а также передвижение акцента является весьма значимым грамматическим способом.

3. Последовательный апофонический принцип позволил Соссюру увидеть общие черты в различных морфологических классах древнеиндийских атематических глаголов. Во всех них противопоставлены сильные (единственное число актива) и слабые (множественное число и медий) формы: в первых ударение стоит на основе, во вторых — на флексии. У так называемых назальных глаголов, содержащих носовой инфикс (V, VII и IX классы), ударение в сильных формах падает на инфиксальный слог, который в безударной позиции переходит в *ø* ступень. Долгий гласный в слабых формах IX класса дает необычный рефлекс:

Класс глаголов	3 л. действительного залога	3 л. среднего залога
V класс	<i>śpnoti</i> ‘он слушает’ (* <i>kł-néu-ti</i>)	<i>śptnité</i> ‘он слушает для себя’ (* <i>kłnu-tóti</i>)
VII класс	<i>yunákti</i> ‘он соединяет’ (* <i>iunég-ti</i>)	<i>yuntkíté</i> ‘он соединяется’ (* <i>iung-tóti</i>)
IX класс	<i>st̄náti</i> ‘он рассеивает’	<i>st̄níté</i> ‘он рассеивается’

Чередование *ā/t̄* резко отличается от известного *ā/a* в *pádyate* ‘он движется’ — *pādi* ‘он упал’. Сравнивая инфикссы между собой, Соссюор убедился в том, что они имеют единую структуру: носовой + гласный + согласный или сонант. В нулевой ступени сонант становится слоговым. Следовательно, инфикс IX класса должен содержать аналогичный сонанту звук. Таким образом, *-nā-* — это полная ступень вокализма, *-nī-* — нулевая. Предполагаемый звук Соссюора назвал «сонантическим коэффициентом»; формы инфиксса должны реконструироваться так: *-nēA-/nA > -nā/nī.

4. Соссюор не ограничился в своем исследовании назальными глаголами. Чередование *-ā/-i-* характерно и для иных глагольных классов, в частности, для II и III, если их корень содержал долгое *ā*. Презентные формы типа *dadhāti* ‘он устанавливает’, *dádāti* ‘он дает’, *tisihāti* ‘он стоит’ имеют страдательные причастия *hitáh*, *ditáh*, *síhitáh*. Согласно Соссюору, праформы должны выглядеть так: **dheA-ti/dhA-tōs*, **déA-ti/dA-tōs*, *stéA-ti/stA-tōs*.

5. Подобные же чередования были характерны и для древнегреческого — единственного, кроме санскрита, известного в то время индоевропейского языка, где сохранились классы атематических глаголов. Древнеиндийский IX класс имеет параллель в глаголах с суффиксом *-uṛ-* / *-va-* (*ḍávumṛ* ‘я подавляю’ / *ḍávumṛau* ‘я подавлен’²); глаголы III класса имеют этимологические соответствия: *tíḍyū* / *θetōs*, *díḍwū* / *dotōs*, *īṣṭyū* / *statōs*. Всюду, согласно Соссюору, присутствует сонантический коэффициент.

Такой вывод представлялся очень смелым и не вызвал сочувствия младограмматиков. Он не укладывался в концепцию прайзыка к моменту распада. Возможно, поэтому Соссюор и не стал представлять свою книгу как диссертацию. Ученники Соссюора эту работу оцени-

² Греческий глагол рано утратил подвижное ударение; в личной форме ударение всегда стремится к 3-му от конца слогу. Только аблaut позволяет находить следы индоевропейской акцентуации.

ли по заслугам; так, Антуан Мейе посвятил первое издание своего «Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков³» 25-летию великого «Мемуара». Любопытно, что Н. В. Крушинский в своей магистерской диссертации [1880] полностью принял идеи Соссюра. Ему же принадлежит положительная рецензия на «Мемуар». К сожалению, ранняя смерть замечательного русского ученого не позволила ему завязать контакты с зарубежными коллегами, и Соссюр не узнал о его работе. Полное признание «Мемуар» получил только после смерти Соссюра в 1927 г. В сборнике в честь известного польского лингвиста Яна Розвадовского молодой языковед Ежи Курилович (ученик А. Мейе) обратил внимание на особые фонемы в недавно расшифрованном хеттском [Kuryłowicz 1927]. Их графическая передача была подобна ларингальным звукам аккадского языка, поэтому они получили наименование ларингалов. Они имелись в тех корнях, где, согласно Соссюру, должен был стоять «сонантический коэффициент»: *tehhi* ‘я кладу, помещаю’ < **dheA-*, *dahhi* (со своеобразным значением ‘я даю’, а не ‘беру’) < **doA-*. Открытие Куриловича легло в основу ларингальной теории — интенсивно развивающейся области языкознания. Не все ученые ее разделяют, количество ларингалов дискуссионно (от одного до десяти), но она оказала колossalное влияние на индоевропеистику.

Итак, Соссюр, не имея возможности наблюдать индоевропейский прайзык, открыл в нем особую, прямо нигде не засвидетельствованную фонему. Это можно сравнить с открытием планеты Нептун, совершенным «на кончике пера». Выдающийся астроном Урбен Леверье, изучая аномалии вращения планеты Уран, пришел в 1846 г. к выводу, что на нее влияет другая, пока не известная планета. Он указал, когда и в каком секторе небесной сферы можно ее найти. Леверье и Соссюр показали, что они пользуются точными научными методами, позволяющими прогнозировать поведение объекта наблюдений.

Вскорости после публикации «Мемуара» Соссюр защищает диссертацию «О родительном самостоятельном в санскрите» (1880; опубликовано в Париже в 1881 г.). Эта работа не идет ни в какое сравнение с великим «Мемуаром»; она представляет собой синхронное описание одного синтаксического оборота. Но молодой исследователь проявил в ней виртуозное владение древнеиндийским материалом, который он исследовал в сопоставительной синхронии:

---

³ Русские переводы в [Мейе 1910; 1936].

родительный самостоятельный исследуется в сравнении с самостоятельным локативом. Получив докторскую степень, Соссюр едет в Париж, преподает в *École pratique de haute éducation*, читая курсы греческого, древневерхненемецкого языков, сравнительной германистики, индоевропеистики. Некоторое время он является председателем Парижского лингвистического общества. К парижскому периоду относится выдающаяся работа «Об одном ритмическом законе греческого языка» (1884). В ней Соссюр показывает, что в древнегреческом не могло идти подряд четыре кратких слога. Поэтому формы, где в силу морфологической деривации появлялось это незаконное сочетание, либо удлиняли один слог, либо редуцировались. Эта работа прекрасно объяснила такие степени сравнения, как *σοφώτερος* ‘более мудрый’ (морфологически закономерное *σοφότερος, противоречило бы этому правилу), *φίλτατος* ‘милейший’ (вместо *φιλότατος).

С 1891 г. Соссюр работает в Женевском университете. Он читает в основном те же курсы, что и в Париже, иногда ведет занятия по современному французскому языку и древнегерманской поэзии, в частности «Песни о Нibelунгах». Он публикует две статьи о литовской акцентуации, которые становятся основополагающими. Первая из них опубликована в 1894 г.⁴ и представляет собой изложение доклада, прочитанного в Париже в 1889 г. В ней Соссюр показывает связь литовского акута с общеиндоевропейской долготой, а циркумфлекса с краткостью: лит. *pilnas* — др.-инд. *rūrṇás*, греч. *πληρής*, лат. *plēnus*; лит. *vilkas* — др.-инд. *vṛkṣas*, греч. *λύκος*, лат. *līpus*. Аналогичный вывод был сделан Ф. Ф. Фортунатовым, на которого Соссюр ссылается как на своего предшественника [Fortunatov 1879; 1880]. Это открытие двух великих ученых произвело революцию в индоевропейской акцентологии. Стало очевидно, что в праиндоевропейском слоге существовала и интонация, и силовое ударение. Индоевропейские долготы многие исследователи связывают с ларингалами; но Фортунатов наметил и иное решение: циркумфлекс соответствует прерывистой интонации, акут — долгий. Эти идеи затем развивались С. Д. Кацельсоном [1954] и Л. Г. Герценбергом [1981], который построил на теории Фортунатова цельную реконструкцию праиндоевропейской акцентуации. Соссюр может разделить с Фортунатовым часть открытия соответствий между долготами и ударением.

---

⁴ À propos de l’accentuation lituanienne // MSL. 1894. V. VIII.

Вторая статья Соссюра⁵ также содержит открытие, сделанное одновременно с Ф. Ф. Фортунатовым. Сравнивая лит. *laikas* ‘время’ и производный от него глагол *laikyti* ‘держать’, Соссюр сформулировал закон, обычно называемый его именем: если непосредственно за ударным циркумфлексным слогом следует акутовый, ударение передвигается на него. Этот же закон был сформулирован Ф. Ф. Фортунатовым [1897] не только для балтийских, но и славянских языков (см. статью «Ф. Ф. Фортунатов»). Отметим новое, что внес Соссюр. В отличие от Фортунатова, рассматривавшего по преимуществу глагольные основы, Соссюр обратился к именам. Ему удалось показать, что ряд падежных окончаний имел акутную интонацию. Таким образом, подвижное ударение в литовском склонении носит двоякий характер: исконно подвижное и передвигающееся благодаря закону Фортунатова-Соссюра. Четыре акцентуационные парадигмы удалось свести к двум: неподвижной и подвижной. Корни с циркумфлексной интонацией в обеих парадигмах допускали передвижение ударения на акутевые падежи⁶. Литовские имена с исконно неподвижным ударением соответствуют баритонным (неконечноударным) именам в древнегреческом и древнеиндийском, а имена с подвижным ударением — окситонным (конечноударным) [Kiparsky 1973]. Установление всех этих соответствий стало возможным благодаря открытию закона Фортунатова-Соссюра.

В женевский период стала проявляться оригинальная черта творчества Соссюра: он все больше работал, как говорится, «в стол». В течение ряда лет он исследовал огромное количество латинских, древнегреческих, древнеиндийских, германских стихов в поисках анаграмм — зашифрованных ключевых слов и имен. Результатом этой работы явилось 99 тетрадей из архива Соссюра, но ни одной публикации. В набросках остался и труд по ведической метрике. Американское филологическое общество в 1894 г. пригласило Соссюра на конференцию памяти крупнейшего санскритолога У. Д. Уитни (скончавшегося в тот же год). Соссюр согласился участвовать и набросал около 70 страниц заметок об Уитни — но в итоге не поехал сам и не

⁵ Accentuation lituanique // Indogermanische Forschungen. 1896. Bd VI.

⁶ В литовской грамматике исконно подвижные падежи именуются группой дательного, акутовые — группой винительного падежа мн. числа. К первым относятся: им., вин., зват. пад. дв. ч., твор., мест. пад. ед. ч. (если не увеличивается на один слог); ко второй — род., твор., мест. пад. мн. ч. и некоторые другие. Ср. [Петerson 1955: 37].

послал сообщения. Статья осталась незавершенной. Архив Соссюра значительно превышает по объему его публикации. Его материалы издавались в специальном периодическом издании «*Cahiers Ferdinand de Saussure*» (Бюллетень Женевского лингвистического общества; с 1941 г.).

В конце 1906 г. умирает Жозеф Вертгеймер, главный раввин Женевы, читавший в университете курс общего языкознания. Его место занимает Ф. де Соссюр. В течении трех лет (1907/08; 1908/09; 1910/11) он читает этот курс. В архиве Соссюра осталось небольшое количество записей на эту тему (130 отдельных листков и три не до конца заполненные тетради). Судя по всему, он не планировал издать учебник или монографию, а черновики своих прочитанных лекций, возможно, уничтожал. Но его ученики-слушатели Шарль Балли и Альфред Сеше по материалам своих записей опубликовали в 1916 г. книгу «*Cours de linguistique générale*». В настоящее время не до конца прояснен вопрос о том, в какой мере опубликованный текст принадлежит Соссюру. В его черновиках, опубликованных в [Соссюр 1990], нет заявления о примате синхронии над диахронией, подробных рассуждений о различии языка и речи и многих других положений, которые прочно связаны с именем Соссюра. Возможно, ученый над этим размышлял, но не считал необходимым писать об этом подробно, полагая, что общие тезисы должны присутствовать в голове у каждого лингвиста. А преимущества синхронного изучения языка по сравнению с диахроническим он просто не утверждал⁷. «Курс общей лингвистики», безусловно, несет на себе печать интересов Балли и Сеше. Эти крупные ученые действительно больше занимались синхронной лингвистикой.

Подробный анализ «Курса», его роли в мировой лингвистике см. в [Холодович 1977а]. Отметим только, что судьба «Курса» сложилась исключительно удачно. Высказанные в нем идеи как нельзя лучше соответствовали интеллектуальной атмосфере именно Европы после Первой мировой войны. В это время многих ученых перестал устраивать позитивистский взгляд на объект науки как на простой предмет описания. Внимание многих ученых переместилось на поиски универсальных структур, лежащих в основе мироздания. И взгляд Соссюра на язык как на знаковую систему (с его пониманием знака как условной связи означаемого и означающего и системы как сущности

---

⁷ Подавляющее большинство публикаций Соссюра было посвящено именно диахронии!

более значительной, чем набор ее элементов) отвечал этой интенции. Хорошо соотносились идеи «Курса» и с семиотикой — наукой об общих свойствах знаковых систем, созданной Ч. С. Пирсом. В настоящее время насчитывается несколько тысяч работ, посвященных «Курсу». В России первый реферат по «Курсу» был прочитан в 1917 г. на заседании Московского лингвистического кружка. В прениях отмечалось, что аналогичные взгляды высказывал на своих лекциях И. А. Бодуэн де Куртенэ. На русский язык «Курс» был переведен в 1933 г. А. М. Сухотиным; этот же перевод в отредактированном виде вошел в издание [Соссюр 1977], осуществленное под руководством А. А. Холодовича при участии А. А. Зализняка, И. М. Тронского, В. А. Дыбо и Вяч. Вс. Иванова. Архивные материалы Соссюра публиковал в течении десятилетий Р. Годель в упомянутых «Тетрадях Соссюра». На основании этих публикаций вышло издание [Соссюр 1990], подготовленное Н. А. Слюсаревой.

ЛИТЕРАТУРА

- Барулин 2007 — *Барулин А. Н.* Теории семиогенеза, глottогенеза и сравнительно-историческое языкознание // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Герценберг 1981 — *Герценберг Л. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л.: Наука, 1981.
- Кацнельсон 1954 — *Кацнельсон С. Д.* Теория сонантов Ф. Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
- Крушевский 1880 — *Крушевский Н. В.* К вопросу о гуне: исследование старославянского вокализма // Русский филологический вестник. 1881.
- Курилович 1962 — *Курилович Е.* О процедуре внутренней реконструкции // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Мейе 1910 — *Мейе А.* Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. СПб., 1910.
- Мейе 1936 — *Мейе А.* Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М.: Соцэкиз, 1936.
- Петерсон 1955 — *Петерсон М. Н.* Очерк литовского языка. М.: Изд-во АН, 1955.

- Соссюр 1977 — Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию / Общ. ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977.
- Соссюр 1990 — Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Под ред. Н. А. Слюсаревой. М.: Прогресс, 1990.
- Тронский 1967 — Тронский И. М. Общенидоевропейское языковое состояние. Л., 1967.
- Холодович 1977а — Холодович А. А. О «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию / Общ. ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977.
- Холодович 1977б — Холодович А. А. Ф. де Соссюр. Жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию / Общ. ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977.
- Фортунатов 1897 — Фортунатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке»: Отчет о присуждении Ломоносовской премии // Сб. Отд. русского языка и словесности АН. 1897. Т. LXIV.
- Fortunatov 1879 — Fortunatov Ph. Lithuaniaca // Beiträge zur Kunde der idg. Sprachen. 1879. Bd III.
- Fortunatov 1880 — Fortunatov Ph. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslawischen Sprache // Archiv für slawischen Philologie. 1880. Bd IV.
- Hermann 1907 — Hermann E. Über das Rekonstruierten // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1907. Bd 20.
- Kiparsky 1973 — Kiparsky P. The inflectional accent in Indo-European // Language. 1973. Vol. 49.
- Kuryłowicz 1927 — Kuryłowicz J. à indoeuropéen et *h* hittite // Symbolae grammaticae in honorem Ioanni Rozwadovsky. Kraków, 1927. Vol. 1.

Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914)*

«Бывают странные сближенья». В 1876 г. вышел первый выпуск 6-томной монографии К. Бругмана и Г. Остгофа «Морфологические исследования». В предисловии к нему авторы сформулировали принципы изучения истории языка, которыми они руководствовались и намереваются руководствоваться впредь. Это предисловие было названо «Манифестом младограмматиков». В том же году, с 25 февраля 27-летний приват-доцент Московского университета Филипп Федорович Фортунатов впервые приступил к чтению лекций по сравнительному языкознанию; он продолжал их читать до 1902 г., пока не переехал в Санкт-Петербург. Ф. Ф. высказывал в них идеи, во многом сходные с изложенными Бругманом и Остгофом. До этого Ф. Ф. закончил историко-филологический факультет Московского университета (1868 г.). Он специализировался на кафедре сравнительного языкознания, возглавляемой крупным языковедом, знатоком санскрита П. Я. Петровым. Но Петров занимался по преимуществу филологическим исследованием санскрита. Создавать школу компаративистики пришлось самому Ф. Ф. В 1871 г. он едет вместе с другим молодым языковедом — В. Ф. Миллером (1848—1913; впоследствии виднейшим иранистом, основателем научного осетиноведения) в Литву и собирает там *дайны* (литовские народные песни), в 1872 г. направляется в 3-летнюю заграничную командировку. Ф. Ф. работает в Кенигсберге, Тюбингене, Берлине, Лейпциге, Париже, Лондоне, слушая лекции крупнейшего санскритолога Т. Рота (соавтора Большого Петербургского словаря), филолога-классика Г. Курциуса, балтиста и слависта А. Лескина, специалиста по общему языкознанию М. Бреяля — цвет лингвистической

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914) // Вопросы филологии. 2015. № 1.

науки. У Лескина в Лейпцигском университете учились и младограмматики, так что близость их взглядов к идеям Фортунатова объясняется общностью школ. Ф. Ф. обнаружил не печатавшийся до того ведический текст: *Āraṇyaka-Samāvēda-Saṁhitā*. Эта рукопись становится темой его магистерской диссертации: текст, перевод, подробный грамматический комментарий и приложение «Несколько страниц из сравнительного языкознания». В этом тексте и в своих лекциях Ф. Ф. развивал цельную концепцию общего и сравнительного языкознания.

Фортунатов создал свою концепцию как общего, так и сравнительного языкознания. В общелингвистической теории большое значение имеет его учение о слове и его двойной принадлежности. Каждое слово входит в два множества по двум своим принадлежностям — основной и формальной.

Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальною принадлежностью слова является та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах, с другой формальной принадлежностью, т. е. формальная принадлежность слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же формальную принадлежность [Фортунатов 1956: 135—136].

При этом понятие основной принадлежности текуче: от простой первичной основы могут образоваться вторичные, производные, объединенные дополнительным суффиксом в новую основную принадлежность¹. Новые основы появляются также благодаря процессам переразложения и опрощения [Богородицкий 1913]. Основную принадлежность Фортунатов рассматривал как изменчивую сущность, имея в виду, что основа слова может быть первичной («первообразной») и производной. Слова типа *домик*, *столик* образуют новую основную принадлежность по отношению к *дам*. Классификация слов по их двойной принадлежности, при всей ее внешней простоте, предвосхитила основные грамматические идеи XX в. — и структурные, и функциональные грамматики. Ср. [Апресян 1968: 17—18].

---

¹ «Слова могут заключать в себе более одной формы, так как в основе слова, имеющего форму, могут, в свою очередь, выделяться для сознания говорящих формальная принадлежность и основа» [Фортунатов 1956: 138].

Рассмотрим теперь вклад Фортунатова в компаративистику. Сложность этой темы заключается в том, что Ф. Ф. Фортунатов мало писал: в его библиографии, составленной В. К. Поржезинским, насчитываются всего 33 позиции (включая посмертные издания). Среди подготовленного им к печати нет ни одной монографии (книги «Лекции по фонетике старославянского языка» и «Краткий очерк фонетики индоевропейских языков» опубликованы после смерти по записям лекций Ф. Ф.). Некоторые статьи и отзывы Ф. Ф. по объему приближаются к книгам; любая его публикация содержит большой материал и ряд новых идей. Но все-таки своих взглядов на сравнительное языкознание он не изложил в такой же фундаментальной монографии, как его однокашники по Лейпцигскому университету К. Брутман и Б. Дельбрюк. Однако влияние Фортунатова на мировое языкознание было чрезвычайно велико. К нему приезжали учиться и из-за рубежа. Из школы Фортунатова вышли датчанин Х. Педерсен, немец Ф. Солмсен, финн Й. Миккола, швед Т. Торбьёрнссон, норвежец О. Брок — крупнейшие индоевропеисты и слависты. В России же учениками Фортунатова были В. К. Поржезинский (занявший кафедру сравнительного языкознания Московского университета после отъезда Ф. Ф. в Санкт-Петербург), А. А. Шахматов (преемник Ф. Ф. на посту руководителя II отделения Петербургской АН), Б. М. Ляпунов, Г. К. Ульянов, М. М. Покровский. У В. К. Поржезинского на отделении сравнительного языкознания учились Н. С. Трубецкой и М. Н. Петерсон. После того как они в 1913 г. защитили свои кандидатские сочинения, отделение пришлось закрыть: в следующих наборах не нашлось студентов, способных там учиться. Н. С. Трубецкой после Октябрьского переворота оказался за пределами России; М. Н. Петерсон был всю жизнь связан с Московским университетом. У него учились основатели Московской фонологической школы, которая, таким образом, тоже является ответвлением школы Фортунатова. Но то же следует сказать и о Пражской школе, основанной Трубецким и Р. О. Якобсоном — выпускником Московского университета, слушавшим лекции Поржезинского и Петерсона. Как видим, МФФФШ (Московская формально-функциональная фортунатовская школа) оказалась одной из самых плодотворных в XX в. Она воспитала ученых, совершивших подлинную революцию в языкознании. Сам же Фортунатов, наряду с И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром, может быть назван одним из создателей современной лингвистики.

Во взглядах на сравнительное языкознание Ф. Ф. Фортунатов был близок младограмматикам. Он так же, как и они, считал основой

сравнительного языкоznания незыблемый, не знающий исключений фонетический закон. Вместе с тем фонетический закон ограничен как во времени, так и в пространстве. Говоря о первой и второй палатализациях, Ф. Ф. подчеркивал значимость относительной хронологии: первый процесс происходил до монофтонгизации дифтонгов, перед исконными гласными переднего ряда, второй — во время монофтонгизации, сформировавшей новые переднерядные гласные. Сама же монофтонгизация дифтонгов явилась следствием закона открытых слогов. Итак, целый ряд фонетических законов расположился на оси времени². Особенностью метода Ф. Ф. было то, что он не только декларировал изучение живых языков и диалектов, но и осуществлял это. В своих исследованиях, будь то древнеиндийская или славянская фонетика, он всегда привлекал аномальные формы, отражающие разные диалекты, возможно, и заимствования. Положение «Праязык имеет все те же черты, что и живые языки, он так же изменялся во времени и имел пространственные вариации» была для Ф. Ф. основополагающим принципом. И он старался не допустить смешения явлений различного времени при изучении языка. Говоря о праязыковых феноменах, Фортунатов всегда старался определить время их существования.

Очень важной чертой творчества Ф. Ф. было стремление связать воедино вопросы истории конкретных языков с теорией языкоznания. Говоря о сравнительном языкоznании, он кратко, но емко излагает суть языковой изменчивости: каждый язык представлен в виде суммы наречий; в силу внешних обстоятельств наречия отделяются друг от друга, в них накапливаются изменения, приводящие в конечном итоге к образованию новых языков. Конечно, эти возникшие языки долго сохраняют близость. Но время устраниет сходство. И только закономерности в фонетических различиях помогают установить языковое родство.

---

² 2-я палатализация развилась, по-видимому, после отпадения северо-западных русских диалектов от общевосточнославянского континуума. Первым на это обратил внимание Б. М. Ляпунов, обнаруживший в псковских грамотах отступления от нее. Затем А. А. Зализняк (обобщающая работа — [1995: 37]) прочел новгородское *къле* как соответствующий др.-русск. *цѣль*. Имя *хѣрь* ‘серое сукно’ представляет собой абстрактное образование от прилагательного *сѣръ* (праслав. *xértъ < **xoiro-*), *къркы* ‘церковь’. В северо-западных говорах русского языка тоже есть следы отсутствия 2-й палатализации: *кепок* ‘цеп’ [Николаев 1988: 141—144]. Так фонетические законы помогают уточнить и диалектное членение праязыка.

С именем Фортунатова связаны прежде всего следующие открытия в древнеиндийском и балто-славянском сравнительном языкоznании.

I. Закон Фортунатова для древнеиндийского был впервые сформулирован в [Fortunatov 1881]. Ф. Ф. исходил из того, что в праиндоевропейском имелись два плавных сонанта, в его нотации *l* и *λ*. Различались они своим поведением именно в древнеиндийском: второй из них выпадал перед зубным, но последний переходил в церебральный ряд: *kūlhara* ‘топор’ (лат. *cultus*); *ghaṭa* ‘циновка’ (лит. *gėlda* ‘корыто’), *raṭa* ‘льняная одежда’ (слав. *платье*, гот. *falþan* ‘складывать’), *vaṭa* ‘фиговое дерево’ (< ‘то, что может быть срублено’;ср. лит. *válčis* ‘лодка’, *vélti* ‘валить’), *jaṭhára* ‘чрево’ (гот. *kilþei* ‘то же’, ср. др.-англ. *cild*, англ. *child*) — всего 35 примеров. Н. Коллиндж [Collinge 1997] считает этот случай более спорным, ссылаясь на закон Вернера. Но надо учесть, что, помимо *jaṭhára*, в Ригведе есть гапакс *jáṭhara* (I 112, 7) ‘сила чрева, тела’. Таким образом, подвижное ударение создает два варианта этого имени. И именно закон Вернера показывает, что в германских языках ударение тоже передвигалось: гот. *kilþei* < **gélten-*, др.-англ. *cild* < **gelíēs-*, по правилам внутренней деривации (правостороннего передвижения акцента, с соответственным соотношением семантики обоих имен). Таким образом, этот пример, один из наиболее убедительных у Фортунатова, полностью сохраняет свою силу. Выводы Фортунатова были подвергнуты критике такими выдающимися учеными, как Христиан Бартоломэ [Bartholomae 1894], Карл Бругман, особенно Йоханн Шмидт [Schmidt 1889]; он объявил закон Фортунатова «неверным». Не признан закон Фортунатова и в «*Altindische Grammatik*» Я. Вакернагеля [Wackernagel 1896]. В целом одобрил его Фриц Бехтель [Bechtel 1892]. Из 35 примеров Фортунатова Бехтель считает надежными 16: *api* ‘чека’ — др.-в.-нем. *lun* ‘гвоздь’, *kiṇa* ‘моzzоль’ — лат. *callum* (< **kal-no-*) ‘то же’, *kūṭi* ‘сухорукий’ — греч. *χύλλος* ‘кривой, хромой’, *raṭi* ‘острый’ — *σπαιζόντες ὑδάτων πλατυτέροις* *εχθέοντο τοισι πόμασι* (Hdt 2: 108) ‘при недостатке воды они пользовались более крепкими напитками’, *raṭala* ‘крыша’ — греч. *πέλτη* ‘щит’, др.-исл. *felðr*, *raṭi* ‘рука’ — греч. *παλάμη* ‘ладоны’, *raṭa* ‘заклад, запас’, *raṭi* ‘скупец’ — лит. *relnas* ‘доход, прибыль’. Бехтель упоминает и то, о чем говорили его предшественники. С одной стороны, сочетание *l* с зубными согласными в древнеиндийском встречается довольно редко (но впечатляющий пример — *gáldayā* (RV VIII 1, 20) —творительный падеж имени с основой на -ā-, условно переводящегося как ‘истечение, излияние’), так что преобразование групп согласных *l*, *ln* — вполне реальный процесс. С другой стороны, некоторые

примеры Фортунатова имеют дублеты: ведическому *jālhára* соответствует *jartu* ‘vulva’ (*Uṇādi-sutra*). При этом в санскрите не так мало примеров перехода исконного -r- в -l-: *klóśa* ‘призыв’ — *krośati* ‘звать’ (оба примера — в Ригведе), *pruṣṇóti* ‘прыскать, брызгать’ (Ригведа) — *plusṇāti* ‘то же’ (*Dhātupāṭha*³), *licati* ‘рвать’, *likhati* ‘царапать’ — греч. ἐφείκω ‘разрушать’, *lohá*, *lohitá* ‘красный’ — *rudhirá* ‘то же’ (а также лат. *rufus*, *ruber*, греч. ἐρυθρός, русск. *рыжий*, *диал. рёдкий*). Иными словами, неустойчивость индоирянского -r- действительно характеризует санскрит, причем классический больше, чем ведический. По мнению Бехтеля, это свидетельствует о диалектной неоднородности древнеиндийского. Со ссылкой на работу Пишеля он полагает, что ведический санскрит основан на западных диалектах (где *r* сохраняется), классический — на область Брахмаварта, где переход *r > l* — живой фонетический процесс. Таким образом, дублет *jālhára* / *jartu* отражает исконную полидиалектную основу древнеиндийского.

В 1895 г. (сб. *Хафогтъюа*, сб. в честь Ф. Е. Корша) Ф. Ф. рассмотрел аргументы противников. Й. Шмидт, ссылаясь на показания индийских грамматиков, утверждал, что из сочетания **l**t* не может происходить церебральных согласных, поскольку оба составляющих лишены этого различительного признака («*r* церебральное, но не *l*»). На это Ф. Ф. с полным основанием замечает, что постулируемый им *λ был более продвинут к верхнему нёбу, чем обычный *l. Заметим, что результат трансформации групп фонем не обязательно сохраняет их различительные признаки. Так, армянское *erk-*, происходящее из и.-е. **du-*, содержит и дрожащую, и заднеязычную фонему, которых нет в кластере-прототипе.

Не соглашается Фортунатов и с выведением древнеиндийских церебральных из пракрита. Он полагает ошибкой поиски более нового языкового состояния в более древних памятниках [Фортунатов 1895а]. Но это возражение более слабо. Во-первых, памятники, отражающие народный язык, содержат и древние инновации. Во-вторых, ни Бартоломэ, ни Шмидт не говорили собственно о пракритах. Они имели в виду те диалекты древнеиндийского, из которых пракриты позже развились.

В настоящее время большинство санскритологов видят в церебральных влияние пракритов. Вот список из работы [Барроу 1976] (английский оригинал — 1955): *hāṭaka* ‘золотой’ (встречается в брахманах как название народа или напитка;ср. *hiranya*), *nṛta* ‘актер’ (Ма-

³ Часть трактата Панини, содержащая список глагольных корней.

хабхарата; *nṛt* ‘танцевать’), *avatā* ‘родник’ (*ā-vṛt* ‘вращать’), *bhaṭṭa⁴* ‘наемный солдат; слуга’ (Махабхарата; *bhr̥tiā* ‘взятый’), *bhaṭṭaraka* ‘господин’ (классический санскрит, *bhārtar* ‘хозяин, владелец’); также упомянуто и рассмотренное *jaṭhāra*. Как видим, церебральные появились и там, где закон Фортунатова их не предусматривает. Принципиальное значение имеет то, что все эти вокабулы зафиксированы в послеведический период. Следовательно, мы имеем дело с процессом, начавшимся в языке Вед (с XII в. до н. э.), развивавшимся и распространявшимся во времени. В ведический период из «протопракрита» было заимствовано некоторое количество форм; в классический появились новые, вытеснившие исконные. Мнение о существовании двух плавных сонантов в настоящее время никем не поддерживается. Но примеры, отмеченные Фортунатовым, остаются; вероятнее всего, они действительно свидетельствуют о диалектной неоднородности ведического, возможно, и о влиянии субстрата.

II. Заюн Фортунатова—Соссюра. Существует предрассудок, который можно сформулировать так. Ф. де Соссюр открыл закон правостороннего передвижения иктуса в литовском языке с циркумфлексного слога на акутовый: *laikas* → *laikyti* (*laikytī); соответственно *vilkas* → *vilkū* (*rañqā* → *rankā*). Русский перевод в [Соссюр 1977а, б]. А Фортунатов неправомерно перенес этот закон на славянские языки. В действительности же Фортунатов сформулировал свой закон независимо от Соссюра — как для литовского, так и для славянских языков [Fortunatov 1880; Фортунатов 1895б]. Так что корректнее называть его законом Фортунатова—Соссюра для литовского и законом Фортунатова для славянских языков. Закон Фортунатова—Соссюра остается незыблемым, закон Фортунатова часто оспаривается. Следует заметить, что оба великих ученых рассматривали закон в широком контексте индоевропейской фонетики и интонологии. Прежде всего оба они независимо друг от друга пришли к выводу о соответствии литовского акута долготам в латыни, древнегреческом и древнеиндийском (лит. *tīlās* ‘мост’ — лат. *lātūs* < *stlātūs* ‘широкий’, греч. τλῆτός ‘вынесенный’; *pilnās* ‘полный’ — др.-инд. *pūrṇāḥ*, греч. πλήρης), циркумфлекс — с краткостью (*vilkas* ‘волк’ — *lupus* (из сабельского), λύκος, *vjčah*). Но Фортунатов пошел еще дальше. Сравнивая циркумфлексные и акутовые слоги, Фортунатов различает долготу прерывистую (циркумфлекс) и ровную (акут). Это особенно важно, если учесть, что

⁴ От этой же основы образован глагол *bhaṭati* ‘нанимать; поддерживать; продолжаться’ (Dhātupāṭha).

циркумфлекс характерен для слогов, возникших благодаря слиянию двух гласных. Параллели греческого и древнеиндийского впечатляют: лит. *laikų* ‘времен’ — греч. *λοιπῶν* ‘оставшихся’ (ср. неконтрактный генитив в Ригведе *devānaam*, возможно, и греч. *θείον γένος* ‘род богов’, который в некоторых контекстах следует читать как *θεόν γένος* [Шатров 1988]), *mergðs* ‘девушки’ — *θεᾶς* ‘богини’. Акутовая же долгота, как правило, отражает присутствие в слоге ларингала.

Но ларингал — это терминология, принятая в современной индоевропеистике. Опираясь на теорию долгот Ф. Ф. Фортунатова, Л. Г. Герценберг [1981] сформулировал принципиально новую концепцию индоевропейского ударения: ларингал оказался не отдельной фонемой, а характеристикой ударения. Фортунатов и Соссюр, исходя из общих данных (соотношение ударения с долготами), пришли к различным реконструкциям. Соссюр в «Мемуаре» рассматривал чередование древнеиндийского *ā* с *i* (*dádhāti / hitāḥ, dādāti / dilāḥ, tīṣhāti / sthīlāḥ*) и пришел к выводу о наличии здесь «сонантического коэффициента». Его вывод лег в основу ларингальной теории (после того как Е. Курилович [Kurylowicz 1927] открыл в хеттском языке ларингальную фонему в корнях, где должен был находиться «сонантический коэффициент»). Фортунатов же, обратив внимание на это нестандартное чередование, говорил об особой сверхкраткой гласной, возникающей как результат редукции безударного слога. На его наблюдениях базируется акцентологическая реконструкция. В настоящее время ларингальная теория более распространена. Но и у акцентологической реконструкции есть сторонники.

Перенесение закона Фортунатова—Соссюра на славянский было отвергнуто (без веских аргументов) Хр. Стангом [Stang 1957], затем, более развернуто, В. М. Илич-Свityчем [1963] и В. А. Дыбо (обобщающая работа — [1981]). В. А. Дыбо сформулировал свое понимание передвижения славянского акцента так: ударение передвигается с неконечных кратких гласных направо, если они не несут акутowąю интонацию: **nōsītī > nosítъ*. Так развилась подвижность ударения и в именных парадигмах. Но возникает вопрос: может ли ударение передвинуться на неакутовую гласную? Примеров этого нет. Таким образом, закон Фортунатова—Соссюра для славянских языков нельзя считать полностью опровергнутым. Он по-прежнему надежно объясняет передвижение акцента в примерах типа *рукá — rúku* (ср. упомянутое лит. *rankà — rañkq*).

III. В своих статьях и отзывах Фортунатов всегда старался соблюдать максимальную строгость методологии и требовал такой

же от рецензируемых работ. Так, рассматривая книгу А. В. Попова (1855—1880) «Синтаксические исследования. Т. I» (опубликована в 1881 г., отзыв Фортунатова — в 1884 г.), Ф. Ф. отдает должное эрудиции покойного автора, считает правомерным присуждение ему Уваровской премии, но выражает решительное несогласие с основными ее положениями [Фортунатов 1884]. А. В. Попов утверждает, что номинатив на *-t* древнее, чем на *-s*, подтверждая это положение ссылками на местоимения типа *ahám*, *tvám* в древнеиндийском, *azət* в авестийском. Фортунатов возражает: подобные формы засвидетельствованы только в индоиранских языках; в других представлены потомки прототипа **eǵʰo* (или, в его нотации, **a⁷gha⁸*)⁵ и **t̥i*. Так же критично он рассматривает черты «недифференцированности» аккузатива и номинатива в древних языках, приводимые Поповым (типа былинного *Душа спасать надобно*). Ф. Ф. с полным основанием видит в этом сравнительно поздние явления. Таким образом, отзыв Фортунатова в целом отрицателен.

При оценке 2-томной книги Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» [1897] Ф. Ф. также высоко оценивает собранный материал и его интерпретацию. Но он критикует автора за недостаточную методологическую продуманность. Так, рассуждая об оппозиции глагольных основ, Ульянов употребляет термин *залог*: *bérти* ‘сыпать’ как действительный залог, *birti* ‘сыпаться’ как средний. Фортунатов справедливо указывает, что эта оппозиция носит не грамматический, а словообразовательный характер. Этот вопрос Ф. Ф. рассматривает с точки зрения теории грамматики. Он подчеркивает, что в литовском языке залоговые оппозиции передаются не столько флексиями, сколько различными глагольными основами. Так, страдательный залог передается только страдательными причастиями. Эту категорию Ф. Ф. вносит в число словоизменительных, а вариацию основ — уже нет. И действительно, *kélti* ‘поднимать’ и *kilti* ‘подниматься’ — разные, хотя и родственные основы. Также родственными, но различными основами являются *tvérти* (*tvēria*) ‘хватать’ — *turéti* (*tūri*) ‘иметь’, *kálti* (*kāla*) ‘бить, ковать’ — *kaléti* (*kāli*) ‘сидеть в тюрьме’. В этих, как и в многочисленных других случаях непроизводная основа обозначает действие, «причиняющее состояние» (если

⁵ В действительности местоимение 1 лица представляет собой цепочку частиц, заканчивающуюся местоименным аффиксом: **e-ǵʰ-o-me/-He*. Последний идентичен окончанию 1 л. глагола I и II серий. Фортунатов прав, утверждая, что никакого отношения к аккузативу этот *-t* (в *ahám*) не имеет.

пользоваться выражением самого Ф. Ф.), а основа на *-i-* в презенсе (*-ē-* в инфинитиве, *-ēj-V-* в претерите) — состояние как результат данного действия; в этих основах корень нередко имеет *ø* ступень вокализма. Ср. еще: *leñkti* (*leñkia*) ‘сгибать’ — *liñkti* (*liñksia*) ‘гнуться’ — *linkéti* (*liñki*) ‘желать’ (< ‘быть склоненным’). Аналогичный глагольный класс имеется и в славянских языках: ц.-слав. *льпти* — *льнжти* — (*прильпти*). И все славянские глаголы с основой презенса на *-i-*, инфинитивом на *-ē-* выражают состояние. В настоящее время можно считать установленным, что этот балто-славянский класс отражает две взаимосвязанные категории, получившие наименование *статива* (презенс на **-(H)iō-*, обозначающий состояние / претерпевание) и *фиентива* (аорист с суффиксом **-ē-* < **-eh-*, обозначающий становление состояния). Помимо балто-славянского, корреляция презенса-статива с аористом-фиентивом представлена в древнегреческом, где второй лег в основу пассивного и непереходного аориста. Ср. *μαίνομαι* ‘безумствовать’ — аорист *ἐμάνυψ* (= лит. *tinī* ‘он помнит’ — инфинитив *tinēti*, слав. *мънить* — *мънѣти*). Следы этих грамматических категорий имеются в германских и итальянских языках: III слабый класс сильных глаголов, который в готском презенсе имеет суффикс *-ai-*, в древневерхненемецком — *-ē-*. Ср. гот. *þahan* ‘молчать’, 3 л. *þahairf* — др.-в.-нем. *dahēn*; отметим также пофонемно совпадающее с последним лат. *tacēre*. Реконструкция категорий фиентива и статива была осуществлена в работах [Jasanoff 1973; Rasmussen 1993 (где были предложены термины); LIV 1998]. Но самую тему начали изучать Г. К. Ульянов и Ф. Ф. Фортунатов. При этом Фортунатов подчеркивал, что оппозиция непроизводных глаголов действия и производных глаголов состояния восходит к общеиндоевропейскому прайзыку.

В своей работе об аномальном окончании 3 л. ед. ч. *-ть* в старославянском (и шире — славянских языках) [1908] Ф. Ф. критически рассматривает теории, объясняющие его чисто фонетически. По его мнению, это окончание есть не что иное, как местоименный аффикс, присоединившийся к глагольной форме и указывающий на субъект (анафорический).

Мысли Фортунатова были развиты С. П. Обнорским [1953: 129 и сл.], который изучил глаголы с нулевой флексией в русских диалектах и в грамотах. Здесь базовая оппозиция выглядит так: 3 л. ед. ч. с *-ты/-ть* vs. с *ø* окончанием («твердая» и «мягкая» флексии совершенно равнозначны). И, по данным С. П. Обнорского, *ø* окончание характерно для функционально ослабленных глагольных форм. Это может быть повторенная форма:

Какой будет — такой буде (Рязанск. обл.)
Идёт твоё маменька — иде, придёт — приде.

Нулевое окончание соответствует и опущенному субъекту.

Подобные глаголы в безличном употреблении превращаются в на-
речия, т. е. теряют специфические глагольные черты: *може* ‘может
быть’, *буде* ‘достаточно’. Наконец, формы с *ø* окончанием встречают-
ся и в придаточных предложениях:

А кто сии рдь поруши, дастъ посадникомъ ё́ мыслъ блкѣ
(Двинск.грамота № 86, XIV в.)

Этот вопрос имеет принципиальное значение. Дело в том, что формы на *ть* («мягкие») имеют индоевропейский прототип: это так называемые «первичные» индоевропейские окончания с формантом **-i* (3 л. ед. ч. **-ti*). Соответственно, глагол с *ø* флексией может восходить к «вторичному» окончанию **-t*. Оппозиция «первичных» и «вторичных» окончаний широко представлена в древнеиндийском, древнегреческом, итальянских, кельтских языках; ее следы есть в германских языках. По большей части «первичные» окончания обозначают презенс. Но именно в славянских языках это правило нарушается. С одной стороны, существуют презенсы с *ø* окончанием (см. выше), с другой — аористы с флексией *-ты/-ть*: *бысть*, и т. д. Это говорит о том, что оппозиция «первичных» и «вторичных» окончаний имеет в славянских языках не темпоральное, а иное значение. Анализ контекстов показывает, что окончания *-ты/-ть* придают глаголу эмфатическое значение [Красухин 1992; 2004]. Это подтверждается рядом контекстов: так, *бысть* означает в языке Евангелий ‘стал’, а *бѣ* — ‘был’. Формирующий «первичные» окончания элемент **-i* был, по-видимому, по происхождению указательным местоимением. И если это так, то новый формант **los > -ть*, тоже прономинальный, заменил старую морфему, имевшую сходное значение.

Резкой критике подверг теорию Фортунатова У. Каугилл [Cowgill 2006]. По мнению американского исследователя, ей противоречат древнепрусские данные: здесь имеются глагольные формы с постфиксом *-ls*, того же происхождения, что и литовское *-las*; эта морфема присоединяется к полностью оформленной глагольной основе [Ibid.: 551].

Ср.:

beggi schläits Deiwas wordan aſt ſtas vnds ains tickars vnds / bhe niainā Crixtiſha / adder ſen ſteſmu wordan Deiwas / aſtits Crixtiſna (III 61: 21) ‘Без слова Божьего есть эта вода плохая вода, и никакого Крещения; со словом Божиим есть Крещение’;

kas noſtan wordan läiku / kawids arwiſ aſt bhe mukint maſſi / noſtan kai tans ſparts aſtits prei paſkuliton praſtan Retiſweniſkan mukinſtan (III 87: 8—10) ‘Кто владеет Божиим словом, которое истинно, и может учить (его), тот (да) будет силен, чтобы побуждать с помощью спасительно-го учения’;

yttmits ſtan geittin, dinkowats bha limats bha daits ſwaimans maldaſemans bha belats (I 12: 6—8) ‘Он взял этот хлеб, благословил, и преломил, и дал своим ученикам, и сказал’.

Мы не случайно привели достаточно пространные выдержки. Они показывают не только морфологию прусских глаголов, но и контекст, в котором те появляются, позволяя тем самым судить об их семантико-сintаксических свойствах. В (III 61: 21) *aſtits* следует за *aſt*; т. е. членный показатель присоединился к повторившемуся в синтагме глаголу. В (III 87: 8—10) глагол с членным показателем имеет субъект *tans* — анафорическое местоимение. Следовательно, он содержит дополнительную анафору. В (I 12: 6—8) он замещает субъект, упомянутый в предшествующем предложении. Немецкий оригинал содержит *Nam er*; в древнепрусском тексте то же значение передается членной гла-гольной формой. Почти идентичный контекст:

Noiſon reykeis Jſus Christus anſtan naktin kaden proweladin yttmits ſten geytien dinkautz bhe limucz bhe dayſ ſwaymans maldayſimans bhe bylacz (II 12: 3—8) ‘Господь наш Иисус Христос той ночью, когда был предан, взял тот хлеб, и преломил его, и дал своим ученикам, и сказал’.

Но в данном предложении субъект упомянуть; трудно говорить о том, что глагол содержит специфический анафорический элемент. Таким образом, можно утверждать, что в древнепрussком языке этот ме-стоименный формант иногда имеет ослабленное значение. Иными словами, перед нами процесс грамматикализации, т. е. превращения полнозначного слова (в данном случае указательного местоимения) в грамматический показатель (глагольное окончание). В литовском, древнепрussком и церковнославянском можно наблюдать разные ста-

дии этого процесса. Как хорошо известно, процесс грамматикализации характеризуется следующими чертами.

1. Меняется сочетаемость слова: грамматикализованный элемент может встречаться там, где соответствующее полнозначное слово невозможно. Поэтому **-las* как глагольная частица могла сочетаться с выраженным субъектом, что для местоимения 3 л. необычно. Кроме того, и в славянских, и в балтийских языках субъект обычно предшествует предикату; фиксированное место **-las* после глагола — это отступление от обычных правил сочетаемости.

2. Меняется фонетический облик слова: **-las* превратился в энклитику в древнепруссском и редуцируется.

3. С синтаксической точки зрения, свободное сочетание при грамматикализации заменяется на фиксированное: местоимение **-las* следует за глаголом.

Наконец, крайняя ступень грамматикализации заключается в том, что подвергшийся этому процессу элемент во многом утрачивает свое значение.

Местоимение **-las* служило показателем анафорического субъекта; оно могло его замещать, а при наличии выраженного субъекта указывало на связь высказывания с предшествующим. Затем его значение стало ослабевать, а связь с глагольной формой усиливаться. Если форма *astīls* может трактоваться как составная, то *ym̥tīls* уже выглядит как цельная, т. к. *-i-* может трактоваться как ауслаут основы. В славянских же языках формант **-las*, присоединившись к глагольной форме (очевидно, оканчивавшейся на *-i#* или *o*), еще в пражско-вильнюсской период утратил анафорическое значение и полностью уподобился флексии **-ti* (> *-ty*). Маркированным членом оппозиции стал глагол, лишенный этих флексий. Такое случается довольно часто при внедрении полнозначного слова в грамматическую систему. Так, в литовском языке маркированы членные прилагательные, а в славянских языках соответствующие им полные немаркированы.

В каждой работе Фортунатова, затрагивающей балтийскую, славянскую, древнеиндийскую фонетику и грамматику, содержится, по сути, новое направление, которое развивалось учеными следующих поколений. И его работы, опубликованные по-немецки, сразу завоевали широкую известность во всем мире. К сожалению, за рубежом значительно реже вспоминают русские публикации Ф. Ф. И показательно, что Л. В. Щерба [1963], принадлежащий к иной школе, безоговорочно признавал Фортунатова одним из лидеров языкоznания

своего времени. Он тоже с сожалением отмечал, что из-за *Rossica non leguntur* труды Ф. Ф. известны не так, как они того заслуживают.

И последний вопрос, который необходимо рассмотреть: почему Ф. Ф. Фортунатов мало писал? Он относился к ученым, которых стимулирует преподавание. Как любил говорить О. С. Широков, каждое открытие Фортунатова находило первую, а порой и единственную публикацию в студенческой аудитории (ср. [Широков 1979]). Сам О. С. принадлежал к тому же типу (см. главу «Школа, не попавшая в струю»). Известный русский и советский математик В. В. Голубев (1884—1954), один из основателей и первый декан механико-математического факультета МГУ, по воспоминаниям его учеников, советовал: «Если хочешь разобраться в какой-нибудь научной проблеме, начни читать по ней спецкурс». Ученый такого склада порой чувствует удовлетворение, изложив свое понимание проблемы студентам, и не испытывает потребности оформлять его в виде публикации. Ф. Ф. Фортунатов в 1902 г. был избран ординарным академиком Санкт-Петербургской Императорской академии наук (член-корреспондент с 1898 г.) и перебрался в Санкт-Петербург. Там он не преподавал, а лишь принимал участие в работе II Отделения (русского языка и словесности), редактировал академические сборники. Он иногда писал, и некоторые его статьи были велики по объему («Состав Остромирова Евангелия» в сборнике в честь В. И. Ламанского, упоминавшаяся работа о старославянском *-ть*), но это были уже не части цельного курса, а исследование отдельных проблем.

С 1906 г. Ф. Ф. возглавил II Отделение и стал готовить орфографическую реформу, имевшую цель устранить из русского правописания так называемые исторические написания, диктуемые не фонологическим составом слова, а лишь его историей. Проект был подготовлен летом 1914 г., перед самой смертью Ф. Ф. В мае 1917 г. его ученик и преемник на посту руководителя II Отделения Санкт-Петербургской АН А. А. Шахматов стал товарищем министра просвещения Временного правительства. Он добился того, чтобы проект Фортунатова (с некоторыми добавлениями самого А. А.) был принят как указ правительства о новой орфографии. Он был подтвержден специальным декретом Наркомата просвещения в декабре 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1968 — *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1968.
- Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Богородицкий 1913 — *Богородицкий В. А.* Лекции по общему языковедению. Казань, 1913.
- Герценберг 1981 — *Герценберг Л. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.
- Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981.
- Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Илич-Свитыч 1963 — *Илич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Красухин 1992 — *Красухин К. Г.* Дейктические элементы в категориях глагольного времени и наклонения // *Булыгина Т. В.* (ред.). Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Красухин 2004 — *Красухин К. Г.* Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.
- Николаев 1988 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских диалектов в современных великорусских говорах: I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Обнорский 1953 — *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Соссюр 1977а — *Соссюр Ф. де.* К вопросу о литовской акцентуации // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкоznанию. М., 1977.
- Соссюр 1977б — *Соссюр Ф. де.* Литовская акцентуация // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкоznанию. М., 1977.
- Фортунатов 1884 — *Фортунатов Ф. Ф.* Разбор сочинения А. В. Попова «Синтаксические исследования, I»: Отчет о 26-м присуждении наград гр. Уварова // Записки Императорской Академии наук. 1884. Т. XLIX.
- Фортунатов 1895а — *Фортунатов Ф. Ф.* Об ударении и долготе в балтийских языках I // Русский филологический вестник. 1895. Т. XXXIII.
- Фортунатов 1895б — *Фортунатов Ф. Ф.* Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке // *Хадигтхіра:* Сборник в честь Ф. Е. Корша. М., 1895.
- Фортунатов 1897 — *Фортунатов Ф. Ф.* Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке»: Отчет о присуждении Ломоносовской премии // Сборник Отделения русского языка и словесности АН. 1897. Т. XLIV.

- Фортунатов 1908 — *Фортунатов Ф. Ф. Старославянское -ть в 3-м лице глаголов* // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1908. Т. XIII.
- Фортунатов 1956 — *Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды*. М., 1956.
- Шатров 1983 — *Шатров Г. М. О гомеровском θεῖον γένος и в связи с реконструкцией окончания род. п. мн. ч.* // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1988.
- Широков 1979 — *Широков О. С. Филипп Федорович Фортунатов* // Вестник Московского университета. 1979. № 6.
- Щерба 1963 — *Щерба Л. В. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке* // Вопросы языкознания. 1963. № 5.
- Bartholomae 1894 — *Bartholomae Chr. Zu l-Frage* // IF. 1894. Bd III.
- Bechtel 1892 — *Bechtel F. Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleicher*. Göttingen, 1892.
- Collinge 1997 — *Collinge N. The laws in Indo-European*. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
- Cowgill 2006 — *Cowgill W. The personal endings of thematic verbs in Indo-European* // *Cowgill W. Collected writings*. Ann Arbor, N. Y., 2006.
- Fortunatov 1880 — *Fortunatov Ph. Zur vergleichende Betonungslehre der lituslawischen Sprache* // Archiv für slawischen Philologie. 1880. Bd IV.
- Fortunatov 1881 — *Fortunatov Ph. L + Dental im Altindischen* // BB. 1881. Bd VI.
- Kurylowicz 1927 — *Kurylowicz J. Le coefficient sonantique et h Hittite* // *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowsky*. Warszawa, 1927.
- LIV 1998 — *Lexikon der indogermanischen Verben* / Hrsg. G. Rix. Wiesbaden, 1998.
- Jasanoff 1973 — *Jasanoff J. The third weak class in Germanic* // Word. 1973. V. 49.
- Rasmussen 1993 — *Rasmussen J. E. The Slavic i-Verbs with an excursus on the Indo-European ē-verbs* // Comparative-historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric: Papers in honor of Oswald Szemerényi. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Schmidt 1889 — *Schmidt J. Kritik der Sonantentheorie*. Weimar, 1895.
- Stang 1957 — *Stang Chr. Slavonic accentuation*. Oslo, 1957.
- Wackernagel 1896 — *Wackernagel J. Altindische Grammatik*. Göttingen, 1896. Bd I.

IN MEMORIAM

ШКОЛА, НЕ ПОПАВШАЯ В СТРУЮ:
ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ ШИРОКОВ
(21.II.1927—19.XII.1997),
ОБЩЕЕ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Я долго думал, как можно назвать школу, о которой пойдет речь в моих заметках. Термин «маргинальная» здесь никак не подходит: это слово в русском языке имеет отрицательный смысловой оттенок, с ним связано представление о дикости, ненормальности и т. д. Не годится и эпитет «периферийная»: так можно назвать отсталую школу, изучающую мелкие и второстепенные научные вопросы. Все это никак не применимо к выдающемуся профессору МГУ Олегу Сергеевичу Широкову, чьи лекции становились событием для всех, слушавших их. Но факт остается фактом: о школе Широкова вспоминают гораздо реже, чем, к примеру, о школе ОСиПЛа. Почему — на этот вопрос я постараюсь дать ответ в конце. Пока же примем предложенное название.

Начну с личных впечатлений. В сентябре 1979 г. я, первокурсник классического отделения МГУ, пришел в знаменитую девятую поточную аудиторию (I Гуманитарного корпуса) на лекцию по введению в языкознание. У доски стоял высокий, очень импозантный мужчина в строгом темном костюме, несколько мефистофельской наружности: излом бровей, нос с горбинкой, бородка клинышком. Представившись студентам, он, как говорится, взял быка за рога: начал рассказывать о системе звуков («звуков»), предложенной В. К. Тредиаковским, и о соответствии ее системе великого индийского грамматиста Панини, сопровождая свой рассказ записями на доске и лишь изредка заглядывая в свой конспект. Каждая лекция этого замечательного преподавателя сопровождалась фейерверком сведений не только из языкознания, но также из истории, философии, географии, литературы. Немудрено,

что в начале следующего семестра студенты устроили блестящему лектору овацию.

На третьем курсе классического отделения О. С. читал историческую грамматику греческого языка. Аудитория была значительно меньше — не двести пятьдесят, а десять человек, и я после каждой лекции задавал профессору какой-нибудь вопрос. Однажды, набравшись смелости, спросил: «Олег Сергеевич, не порекомендуете ли Вы мне какую-нибудь тему?» Тема, которую дал мне О. С., звучала неожиданно: «Возьмите какое-нибудь древнегреческое стихотворение, составьте его словарь, найдите этимологию каждого слова, объясните происхождение каждой грамматической формы». В этом жанре я писал курсовые работы, а завершил это дипломом. Надо сказать, что даже на его защите тема вызывала нарекание своей неординарностью. Однако очевидно, что ничего лучшего и нельзя было рекомендовать начинающему компаративисту. Рассматривая большое количество этимологий и грамматических форм, студент поневоле входит во все проблемы своей науки, составляет себе по возможности цельное представление о реконструкции праязыка и его рефлексах в исследуемом языке. Такая работа максимально расширяет кругозор, не позволяя замкнуться только на одной области сравнительно-исторического языкознания.

Это очень помогло мне при написании кандидатской диссертации. Когда мы с О. С. обсуждали ее тему, я сразу сказал, что хотел бы заниматься индоевропейскими истоками древнегреческого. «В таком случае, — заметил О. С., — Вам надо обратиться прежде всего к глаголу». — «Но это очень трудная тема!» — «А почему Вы боитесь трудностей? Именно изучив происхождение греческого глагола, Вы сможете правильно описать поставленную Вами проблему». При обсуждении кандидатской я столкнулся с сопротивлением со стороны кафедры классической филологии МГУ: некоторым ее сотрудникам казалось, что в диссертации «слишком много» индоевропеистики и реконструкции. На это О. С. резонно заметил: «Реконструкции всегда бывает слишком мало!» Диссертацию я все же защитил: столкнувшись с сильным недовольством О. С., наиболее дальновидные члены кафедры решили не раздувать скандал. К сожалению, судьба не позволила мне стать сослуживцем О. С. (после окончания аспирантуры я три года работал в издательстве «Наука», затем — в Институте языкоznания), но дружеские контакты мы поддерживали до самой его смерти. И сразу после моей защиты О. С. стал говорить: «Костя, думайте о докторской!» Бывало, принесешь ему оттиск новой статьи и сразу после

поздравления слышишь: «А как эта статья соотносится с Вашей диссертацией?» О. С. увидел мою докторскую диссертацию завершенной и дал на нее отзыв, но до защиты, к сожалению, не дожил.

Впрочем, пора отвлечься от своей персоны и перейти собственно к герою повествования. Олег Сергеевич Широков родился в Москве, на Арбате, в интеллигентной семье. Его отец, Сергей Иванович, был физиком-ядерщиком, занимался и радиационной медициной. После войны был командирован в Германию для инвентаризации запасов радиоактивного сырья. Мать, Любовь Ивановна, — дочь земского врача и сама врач. По обычаям русских интеллигентов, родители О. С. обладали большим кругозором в литературе и искусстве, и это во многом предопределило гуманитарные интересы их сына. В десятом классе Олег пережил тяжелое испытание: за отказ сотрудничать с МГБ (проще говоря, стать стукачом) он был арестован. Сергей Иванович, по роду работы имевший связи и в спецслужбах, помог ему освободиться, но с таким клеймом нечего было и думать о поступлении в МГУ. О. С. в 1947 г. стал студентом Ленинского пединститута, где в то время существовало отделение классической филологии. Его любимым учителем на всю жизнь стал выдающийся философ, филолог и культуролог А. Ф. Лосев (1893—1988). Вскоре, однако, отделение классической филологии в пединституте было закрыто, и студентов перевели на классическое отделение МГУ. Там О. С. стал работать под руководством одного из самых крупных советских лингвистов — М. Н. Петерсона (1885—1962), изучать под его руководством санскрит, литовский, сравнительное языкознание. В годы господства марковского «нового учения о языке» М. Н. Петерсон не скрывал своего отрицательного к нему отношения. Благодаря Михаилу Николаевичу в университете не прерывалась традиция сравнительно-исторического языкознания, идущая от П. Я. Петрова, П. М. Леонтьева, В. Ф. Миллера и, конечно, прежде всего от Ф. Ф. Фортунатова. Этот, возможно, самый большой российский языковед своего времени всю жизнь оставался кумиром и М. Н. Петерсона, и О. С. Широкова. Оба подчеркивали свою принадлежность к Московской филологической формально-функциональной фортунатовской школе. У М. Н. Петерсона учились основатели Московской фонологической школы — Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров. Крупнейшие специалисты в области древних языков тоже являются учениками М. Н. Петерсона — индоевропеисты Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров (1928—2005), санскритологи В. А. Кочергина, П. А. Гринцер

(1929—2009) и Т. Я. Елизаренкова (1929—2007), литуанист и русист Т. В. Булыгина (1929—2000).

Такую школу прошел на филологическом факультете О. С. Широков. В студенческие годы он увлекался Скифией и защитил диплом о собственных именах в ольвийских греческих надписях. Мнения при оценке этой работы разделились: одни предлагали поставить за нее «отлично», так как студент продемонстрировал тщательность филологического анализа; другие же требовали неудовлетворительной оценки за отсутствие позитивных выводов. Тем не менее О. С. получил рекомендацию в аспирантуру на кафедру общего языкознания. К сожалению, М. Н. Петерсон к тому времени перенес инсульт, и научным руководителем аспиранта стал молодой доцент Б. А. Серебренников (1915—1989), впоследствии академик. Это был выдающийся лингвист-полиглот, теоретик и компаративист, очень яркий человек. В 1950 г. во время известной дискуссии по языкознанию в газете «Правда» он смело выступил против фантастических построений Марра, за что был представлен к увольнению с филфака. Но после выступления Сталина против Марра положение изменилось, и Б. А. Серебренников как компаративист был избран член-корреспондентом АН СССР. Под его руководством О. С. защитил в 1955 г. диссертацию «Развитие типов склонения в греческом языке», где рассмотрел замену парадигматического распределения имен по основам на распределение по родам. В том же году он принял предложение Черновицкого педагогического института стать заведующим кафедрой общего языкознания. Не последнюю роль в этом решении сыграл пресловутый квартирный вопрос: О. С. жил с женой, трехлетним сыном, родителями и сестрой в двухкомнатной квартире. В Черновцах же он по приезде получил отдельную квартиру на свою семью.

Ко времени приезда Олега Сергеевича Буковина только десять лет была частью Советского Союза; молодой учёный застал преподавателей, которые при румынских властях ездили на стажировку за границу. Один доцент в конце 20-х гг. учился в Париже у самого Антуана Мейе (как и учитель О. С. — М. Н. Петерсон). Наличие таких людей создавало определенную культурную атмосферу в институте. К сожалению, она начала разрушаться из-за совсем иных веяний — провинциальная партократия насаждала свой дух. Одним из самых блестящих студентов О. С. в Черновцах был Валерий Чекман (1937—2004), успешно усваивавший теорию языкознания, славянскую филологию, балтийские языки. Против него на пустом месте было раздуто персональное дело: его обвиняли в некомсомольском на-

строе. В местной газете появилась статья с грозным названием: «Це буде наукою» — об ужасно растленном студенте пединститута, не соответствующем идеалам советской молодежи. В. Н. Чекман был отчислен за «неуспеваемость и аморальное поведение». По рекомендации О. С. он приехал в Ростов-на-Дону (с почетными грамотами за отличную учебу и активную общественную работу) к выдающемуся лингвисту А. Н. Савченко и защитил у него диплом. Затем Чекман учился в аспирантуре в Минске, работал в Белорусском университете, а последние 20 лет жизни провел в Вильнюсе, где организовал кафедру славистики. Профессор Валерий Николаевич Чекман (*Valėjus Čekmónas*) имел заслуженную репутацию выдающегося знатока балтийских и славянских языков. Этот талантливый и неординарный человек пришелся не по вкусу провинциальным партработникам. Не ладил с ними и сам О. С. Широков. Через 8 лет он покинул Черновцы и стал заведующим кафедрой общего языкознания Минского института иностранных языков. Но время, проведенное в Буковине, не было бесплодным. Наоборот, в этом краю исторически сложилось многоязычие. Русский, украинский, румынский, идиш имели здесь давние традиции. Были в этих краях и поблизости деревни, населенные греками и албанцами. Это предопределило интерес О. С. к мультилингвизму и языковым контактам. Работая в Черновцах, он стал собирать языковой материал греческих и албанских диалектов, продолжив эти исследования в Минске. Поработать в Греции и Албании дляialectологических штудий было в советское время недостижимой мечтой; О. С. изъездил все места поселений изучаемых народов в Советском Союзе, исследовав села на Украине, посетив Мариуполь, Кавказ, Казахстан.Автохтонные же греческие и албанские диалекты пришлось изучать по описаниям. Результатом работы явилась большая монография «Развитие глухого консонантизма в новогреческих и албанских диалектах». Она была напечатана в трех томах малым тиражом; несколько большим тиражом было опубликовано извлечение из нее под названием «Методика диахронического описания в фонологии». В этих работах на основе анализа 53 греческих и 29 албанских диалектов делается вывод о развитии в них системы глухих согласных. И оказалось, что все большое разнообразие форм можно свести к нескольким фонетическим процессам.

Представив свое исследование как докторскую диссертацию в МГУ, О. С. покинул Минск и вернулся в Москву, став профессором Орехово-Зуевского пединститута. Защитить диссертацию с первого

раза ему не удалось. В 1967 г., после того как кафедра общего языкознания МГУ (зав. — Ю. С. Степанов, впоследствии академик) дала ему положительный отзыв, в Ученый совет филологического факультета пришел донос из Минска. Защиту фактически отменили. Через два года диссертация была принята Институтом языкознания АН СССР и успешно защищена, для чего автору пришлось заново печатать автореферат (оппоненты — член-корр. Б. А. Серебренников, проф. А. А. Белецкий, проф. С. К. Шаумян). С работой познакомился и приехавший ненадолго в Москву Р. О. Якобсон; отзыв его был вполне положителен. После защиты О. С. перешел в Научно-исследовательский институт национальных школ при Министерстве просвещения СССР, где возглавил сектор языков Севера. За шесть лет работы О. С. неоднократно ездил на Чукотку, собрал значительный языковой материал и написал несколько статей по чукотской фонологии. А с 1975 г. до конца жизни О. С. Широков работает профессором кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ.

Период Университета — наиболее плодотворный в его жизни. О. С. читает курс, который он считает самым важным на кафедре, — введение в языкознание. В начале своих заметок я говорил, какое впечатление его лекции производили на первокурсников. К лекциям он готовился очень тщательно, несмотря на то что читал их несколько десятилетий. Бывало, позвонишь ему и услышишь в ответ: «Извините, я сейчас очень занят: учу уроки!» Эти «уроки» достойно воплотились в его книгах «Введение в языкознание» (М., 1985) и «Языковедение: Введение в науку о языках» (М., 2003). Последняя книга особенно поражает. По объему (734 стр.) она уникальна среди соответствующих учебников, языковые сведения оказались погружены в исторические, культурологические, философские, религиоведческие. О. С. рассматривал язык как вместилище культурной информации. Это не значит, что рассмотрение языковых фактов он подменял чем-то иным, как это иногда бывает у нынешних лингвокультурологов. Наоборот, вопросы фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики рассмотрены в учебнике с большой полнотой; к имеющимся классификациям добавились многие собственные наблюдения О. С. Таким образом, эта книга, до публикации которой О. С. не дожил, — одновременно и учебник, охватывающий несколько курсов, и серьезная исследовательская монография. Ее можно назвать Книгой жизни для автора.

Но интересы О. С., естественно, не ограничивались только одним курсом. В МГУ он читал также историю греческого языка, древнегреческую эпиграфику, санскрит, хеттский язык, введение в индо-

европейское, балканское языкознание, введение в украинистику. По некоторым из своих занятий он опубликовал учебные пособия (*История греческого языка*. М., 1983; *Введение в балканистику*. М., 1990). В ряде публикаций в России и за рубежом О. С. развивал теории, относящиеся к разным областям сравнительно-исторического и ареального индоевропейского языкознания. В 1972 г. в Институте балканистики и славяноведения состоялась конференция, посвященная выходу 1-го выпуска «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча (1934—1966). На ней прозвучало два доклада, посвященных реконструкции индоевропейской фонологии. Авторы первого из них, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, обратили внимание на то, что реконструированная система смычных согласных не находит соответствий в живых языках и, следовательно, не отвечает типологическому критерию. Докладчики предложили «переписать» систему и традиционную серию простых звонких согласных восстанавливать как глухие напряженные (так называемые «глоттальные», т. е. произносящиеся с напряжением гортани). Другой докладчик, О. С. Широков, пошел по несколько иному пути. Он предложил сравнение индоевропейских, в частности, армянского языка, с соседними кавказскими. Важным источником наблюдений явились и заимствования в армянский и грузинский из древнегреческого. Общий вывод О. С. Широкова был близок к тому, что предложили Гамкрелидзе и Иванов: традиционно звонкая серия на самом деле звонкой не была. Так начала формироваться «глоттальная» теория, сыгравшая большую роль в индоевропейской реконструкции. Она связывается с именами Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Но, как видим, О. С. Широков также стоял у ее истоков.

Другая важная идея много лет занимала О. С. Широкова. Сравнивая системы флексий в различных индоевропейских языках, он отметил, что их можно разбить на пары, различающиеся только аблautом. Так, окончание номинатива **-s* явно корреспондирует с генитивным **-%s*, локатив **-i* — с дативом **-ei*; 3 лицо действительного залога глагола **-l* так же противостояло окончанию медиального залога **-lo*. О. С. предположил, что в системе как именных, так и глагольных флексий имеется некоторый общий принцип. Дальнейшие исследования показали, что в основе всех этих явлений лежит цельная парадигма. Она сформирована передвижением акцента и вызванным им количественным аблautом: безударные гласные редуцировались, ударные проявлялись. Поэтому ее можно назвать аблautно-акцентной парадигмой (AAP). Реконструкция AAP потребовала обращения ко многим

уровням индоевропейского пражзыка — от акцентологии до синтаксиса — и позволила обнаружить ее проявления в глагольном и именном словоизменении (в том числе в системе причастий и инфинитивов) и словообразовании. Система падежей, залогов и диатез оказалась полностью целиком образована с помощью ААП.

В ряде работ О. С. предложил свою схему диалектного членения пражзыка. Еще в молодости он обратил внимание на ряд эксплозивных лексических схождений между балто-славянским и албанским языками, а также некоторые грамматические параллели. В дальнейшем он разработал изящную модель разбиения индоевропейского континуума на основании всего нескольких признаков: переход *o* → *a*, «широкие» призвуки слоговых сонантов (т. е. *r*, *l*, *n*, *m* → *ar*, *al*, *an*, *am*), образование косвенных падежей мн. ч. Благодаря этой системе удалось разграничить германо-балто-славянскую, итало-кельтскую и греко-армяно-индоиранскую диалектные зоны. Анатолийский остался в общем вне этого членения, тогда как албанский и тохарский в основном примыкают к северным диалектам.

В последние годы жизни О. С. обратился к вопросам философии и культурологии. Он увлекся учением евразийцев, в «Вестнике Московского университета», где он был зам. главного редактора, опубликовал много статей Н. С. Трубецкого и его единомышленников. Им высказаны также интересные мысли о соотношении античной триады и христианской троицы, о развитии атомистической философии в Древней Греции. В частности, учение о троице, каждый член которой единосущен, но не тождествен другому, подготовлено всем развитием античной диалектики. А величайшее открытие греческих философов — мельчайшие и неделимые далее частицы-атомы — было им подсказано структурой греческого алфавита. Это первое в истории человечества последовательно фонематическое письмо делит значимую речь на неделимые далее незначимые элементы — буквы.

Как видим, список идей и разработок О. С. Широкова весьма внушителен. Этот ученый внес крупный вклад в разные области лингвистики и философии. Не был обижен он и учениками. Под его руководством было защищено 32 диссертации (включая те, которые он успел одобрить, но не успел при жизни довести до защиты). Так почему же его имя и работы известны гораздо меньше, чем они того заслуживают? Думается, это зависит от нескольких причин. Первая из них заключается в некоторых особенностях О. С. Он не очень любил печатный текст, сам говорил, что ему гораздо легче произнести экспромтом большой доклад, чем оформить его в виде статьи. Действительно, вы-

ступал он всегда блестяще — живо и артистично. Помнится, однажды он мне прекрасно объяснил, почему лучшими артистами-трагиками становятся, как правило, комики (примеров множество — Чаплин, Ильинский). «Дело в том, — сказал О. С., — что изначальное чувство юмора им не позволяет впасть в ложный пафос». Чувство юмора было в высшей степени присуще и самому О. С., шутки на его лекциях входили в студенческий фольклор. Оно же помогало ему дозировать эмоции в самых серьезных выступлениях. Так что оратором он был действительно незабываемым. А оформлять в виде развернутых текстов все свои многочисленные идеи он не очень любил. Возьмем, к примеру, глottальную теорию. Гамкрелидзе и Иванов на следующий год после упоминавшейся конференции опубликовали свои тезисы в немецком журнале *Phonetica*; затем каждый из них и оба вместе напечатали несколько десятков статей на ту же тему и, наконец, подробнейшим образом изложили ее в своей фундаментальной двухтомной монографии (русское издание — Тбилиси, 1984, английское — Берлин, 1995). О. С. ограничился пятью статьями, часть из которых была опубликована на периферии. Не умел он и заниматься саморекламой; высказывая какую-нибудь мысль, он не стремился подчеркнуть ее оригинальность и непреходящее значение.

Вторая причина во многом заключена в учениках О. С. Часть из них отошла от тематики своего учителя. Так, В. Н. Чекман в последние годы жизни занимался больше вопросами типологии и ареальной лингвистики в области балто-славянских отношений — темами, которые не были в центре научных интересов О. С. Широкова. Отношения обоих замечательных ученых оставались прекрасными, но ученик редко ссыпался на работы учителя. Если в области индоевропейского и греческого языкоznания у О. С. есть несколько учеников-последователей, то его исследования в области балканской фонетики никто не продолжил.

В-третьих, О. С. никогда не старался следовать лингвистической моде, уподобляясь литературному персонажу, который «когда был объявлен прогресс, встал и пошел перед ним, так что прогресс уже шел позади, а Тарелкин впереди». В 60-е гг. О. С. очень увлекался структурализмом, предложил (вместе с В. Н. Чекманом) свою математическую модель классификации славянских языков, исследовал членение албанских диалектов по данным частотности фонем и плоттохронологии. Но, когда было объявлено, что структурализм исчерпал себя, О. С. решительно с этим не согласился. Конечно, описание языка в рамках только одной структурной теории (как и любой другой!)

невозможно, но то ценное, что структуралисты внесли в лингвистику, невозможно сбросить со счетов. Представление о науке только как о смене парадигм было чуждо О. С. Он подчеркивал, что главное в науке — это не парадигма, а тот инвариант, который остается при любой парадигме. «Нельзя говорить, что та или иная теория устарела, — заявлял О. С. — В науке нет старого и нового, в ней есть доказанное и недоказанное, установленное и опровергнутое». В эпоху постмодернизма подобные взгляды кажутся старомодными и не прибавляют популярности их носителю. Но все подлинное рано или поздно находит свою цену. Не являясь постоянно цитируемым автором, О. С. Широков живет в памяти любого студента, слушавшего его лекции. Для того же, чтобы масштаб этого языковеда стал наглядным, необходимо издать сборник его статей, отражающих все разнообразие интересов замечательного ученого.

**ПОЭТ ЗНАКА И СМЫСЛА:
ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ СТЕПАНОВ
(8.VII.1930—3.I.2012)**

Впервые героя своих заметок я увидел в ноябре 1983 г. В тот день отметил 90-летний юбилей Алексей Федорович Лосев — филолог, философ, богослов, один из крупнейших знатоков античности. Юбиляра чествовали в Коммунистической аудитории МГПИ им. Ленина (пер. Хользунова, ныне МПГУ на Малой Пироговской улице). Выступавшие соревновались в остроумии (философ Ф. Х. Кессиди, например, привез венок из свежих лавровых листьев и торжественно надел его юбиляру на голову). Те, кто не смог лично присутствовать, посыпали записки, адреса, телеграммы. Особенно восхитил собравшихся текст такого содержания: «Нашего младшего товарища поздравляем с замечательной датой». Подписали его выдающийся русист Николай Семенович Поспелов (1890 г. рождения) и профессор литературоведения 1888 г. рождения, фамилию которого я, к сожалению, не расслышал. Одним из запомнившихся выступавших был стройный, элегантный и с виду очень молодой (несмотря на заметную проседь) профессор Ю. С. Степанов. Он говорил о личности А. Ф. Лосева, о биении духа, всегда ему свойственном, о необыкновенной эрудиции и энтузиазме юбиляра, позволивших ему создать фундаментальную 8-томную «Историю античной эстетики» и еще пару десятков монографий. Я спросил потом у О. С. Широкова: «Сколько же лет Ю. С. Степанову? На вид 40—45». О. С. ответил: «Юра Степанов учился позже меня в аспирантуре на 2 года; я же на 3 года старше своих однокурсников. Значит, он с 30 или 31 года — сейчас 52 или 53». Через год, в ноябре 1984 г. состоялась большая конференция по теоретическим проблемам языкознания. Приняв в ней участие, я узнал или, по крайней мере, вживе увидел многих корифеев отечественного языкознания: В. Н. Ярцеву, А. Д. Швейцера, М. А. Кумахова, В. Г. Гака,

Р. Г. Котова, А. С. Мельничука, А. В. Десницкую, В. М. Солнцева¹ и многих других. На ней был запланирован и обстоятельный доклад Юрия Сергеевича о структуре индоевропейского предложения. Тема эта меня чрезвычайно заинтересовала, но из-за болезни автора доклад не был прочитан. В конце того же года Ю. С. был избран в члены-корреспонденты АН, что было воспринято как весьма позитивный факт: молодой, но уже заслуженный, блестящий лингвист.

Познакомился с Ю. С. Степановым я еще через год, на V Международной конференции балтистов (*Tarpautinė baltistų konferencija*, Вильнюс, сентябрь 1985 г.). Если на московской конференции присутствовали многие крупные отечественные лингвисты, то на вильнюсскую конференцию приехало много народу из-за рубежа: В. П. Шмид, В. Шмальстиг, Ф. Кортландт, А. Эрхарт и др. С некоторыми из них я познакомился, вел затем переписку. Ю. С. сделал там один из пленарных докладов: «Индоевропейское и балто-славянское предложение: Линии развития». Затем Ю. С. был сопредседателем той секции, где стоял мой доклад. Выслушав его, 55-летний член-корреспондент уселся на стол, перекинул ноги и оказался у доски, после чего начал меня и хвалить, и ругать. После этого я высказал свои соображения по поводу его доклада. Потом, вспоминая наше знакомство, Ю. С. почему-то утверждал, что я набросился на него с неприязнью. «Мне показалось, что кто-то Вас против меня настроил». Я, естественно, возражал на это: «Ю. С., если бы я к Вам испытывал неприязнь, разве бы я стал с Вами беседовать?»

Как раз в это время Ю. С. интенсивно работал над книгой об индоевропейском предложении. Впрочем, свойственный ему универсализм никогда не позволял ему замыкаться в рамках одной темы. Помню, как в 3 номере «Известий АН» за 1984 г. он поместил статью о балто-славянском синтаксическом обороте *Nominativus cum infinitivo*, а в следующем — о «Цветномсонете» Рембо (с собственным переводом). В 1985 г. вышла его яркая книга «В трехмерном пространстве языка», где предмет рассматривался сквозь призму семиотики, в связи с философией и литературой. Но во второй половине 80-х гг. Ю. С. более всего интересовался индоевропейским синтаксисом, и это нас сближало. Вскоре после вильнюсской конференции я его встретил в Институте языкознания, куда ходил заниматься в библиотеке. Поздравившись, я сказал не без робости: «Юрий Сергеевич, я прочитал Вашу статью о герундиях и герундивах, хотел бы поделиться сооб-

---

¹ Время неумолимо: никого из перечисленных нет в живых...

ражениями». И мы увлеченно подискутировали на эту тему. Он пригласил меня заходить еще. И я пришел к Юрию Сергеевичу с другой работой. Сначала я сделал наброски статьи о взаимосвязи синтаксиса и морфологии в индоевропейской реконструкции. Посмотрев мои тезисы, он заметил: «*Se non é vero, é ben trovato.* Попробуйте написать связный текст, подумаем о публикации в “Известиях АН”». Когда же я принес статью, он ее прочитал, высказал одобрение, но заметил: «По жаибу ваша работа не совсем подходит “Известиям”. Вы знаете, Нинель Зейналовна Гаджиева постоянно составляет сборники по компартиативистике. Я с ней поговорю. Вам лучше настроиться на публикацию у нее». И, не откладывая дело в долгий ящик, заглянул в сектор компартиативистики, после чего позвал меня туда. И я впервые встретился с Н. З. Гаджиевой, которая заслуживает отдельного рассказа: выдающийся тюрколог, организатор науки, человек редкой доброжелательности, достойная спутница великого лингвиста Б. А. Себренникова. Статья, рекомендованная Юрием Сергеевичем, была опубликована в сборнике, носившем подзаголовок «Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры».

В мае 1988 г. я поступил на службу в издательство «Наука». Именно в этот момент там начала редактироваться монография Ю. С. «Индоевропейское предложение». Я попросил разрешения заглянуть в нее, заметил несколько ошибок в греческом тексте. Вскоре появился сам Юрий Сергеевич, тепло приветствовал меня. Затем он подошел ко мне и сказал: «Костя, вы правы насчет опечаток. Я бы вам был очень признателен, если бы вы посмотрели всю рукопись на предмет подобных опечаток». С этого началось наше более тесное сотрудничество. Вспомнив наш разговор о герундии, Ю. С. предложил мне написать о нем статью. Я сказал, что обязательно это сделаю, как только допишу текущую работу. «Над какой это секретной темой вы работаете?» — шутливо поинтересовался тот. Когда же узнал, что статья посвящена проблемам дейксиса, обрадовался и сказал: «У нас Татьяна Вячеславовна Булыгина-Шмелева составляет сборник на эту тему!» Так, благодаря Юрию Сергеевичу, я познакомился с еще одной замечательной женщиной — большим лингвистом, мудрым и обаятельный человеком. Статья была опубликована через какое-то время.

В начале марта 1989 г. Ю. С. позвонил мне и сказал: «Костя, зайдите в институт, поговорим о работе, если вас это заинтересует». Выяснилось, что Академия наук получила указание на создание молодежных коллективов ученых. Ю. С. предложил программу по когнитивной

лингвистике — направлению, которое в конце 80-х гг. в тогдашнем Советском Союзе было новым и малоизвестным. По первоначальному замыслу Ю. С., знатоки разных языков должны были искать в предметах своего изучения некие универсальные когнитивные структуры. Проект получил поддержку, ждать же ее реализации, к сожалению, пришлось 2,5 года: перейти в институт мне удалось только в октябре 1991 г. Юрий Сергеевич, будучи необычайно ответственным, дорожащим своим словом руководителем, переживал эти задержки не меньше меня. Как-то он показал мне бумагу из Академии наук, заметив: «Не думайте, что я какой-то пустоболт!». Но были обстоятельства, которые не мог преодолеть и действительный член АН, каковым Ю. С. стал в 1990 г. К этому времени союзный бюджет разболтался и получить финансирование под новый проект было довольно трудно. Только к осени 1991 г. финансовые вопросы были решены.

Вместе со мной в Институт поступили Таня Янко и Наташа Азарова. Таня, как и я, продолжает работать в институте. В один год мы с ней защитили наши докторские диссертации; Таня опубликовала свою работу как книгу, затем выпустила еще одну. Наташа лет на 10 отвлеклась на бизнес. Затем она увлеклась китайским языком, стала переводить с него. Оставив коммерцию, Наталья стала преподавать в МПГУ, а затем подготовила докторскую диссертацию, которую благополучно защитила в 2010 г. Сейчас работает в Отделе теоретического языкознания, куда пришла вместе со мной в 1991 г.

В то время создать группу когнитивной лингвистики не удалось. Каждый из исполнителей был слишком занят своей темой: Наташа — лингвистической культурологией, а затем бизнесом, Таня — тематическим членением высказывания, я — компаративистикой. Свою роль сыграло и то, что для самого Ю. С. когнитивная лингвистика не была предметом первостепенного увлечения. Он заинтересовался ей постольку, поскольку всю жизнь размышлял о философии языка. Собственно же когнитивную лингвистику стали энергично штудировать Е. С. Кубрякова и ее ученики, прежде всего Н. Н. Болдырев, назначенный после защиты докторской диссертации проректором Тамбовского университета. Именно благодаря увлеченности Елены Самойловны и организационно-административным усилиям Николая Николаевича в России появились и Ассоциация лингвистов-когнитологов, и журнал «Проблемы когнитивной лингвистики». Справедливости ради надо сказать, что когнитивная лингвистика и до сих пор не очень четко определила предмет своего изучения, не

аксиоматизировала свои основные положения. И то, о чем мечтал Ю. С., — поиск когнитивных структур в разносистемных языках — до сих пор не осуществлено, так как остается не вполне ясным, как именно когнитивные структуры отражены в языке, универсальны ли они или специфичны.

Работать с Юрием Сергеевичем было необычайно интересно. Его эрудиция поражала и восхищала. Однажды мы проводили в Институте языкознания конференцию молодых ученых и попросили его председательствовать на одной из секций. Он прокомментировал каждый доклад, всем дал полезные советы, наметил перспективы в исследованиях. Руководимая им секция превратилась в своего рода мастер-класс. И при обсуждении любой работы в секторе Ю. С. обязательно высказывался, ссылаясь на многочисленных авторов, не всегда известных автору обсуждаемого исследования. Проявлял Ю. С. интерес и к популяризации лингвистики. В 1991 г. мой отец задумал издавать популярный журнал по филологии для школьников «Юный словесник» (сокращенно ЮС — тезка нашего героя!). Юрий Сергеевич согласился написать статью об основах языкознания. К сожалению, не удалось выпустить ни одного номера журнала. Но через 2 года отец возглавил газету «Литература» (Издательский дом «Первое сентября»), где и поместил часть собранных ранее материалов. Заметка Ю. С. не имела выходов в литературу, поэтому опубликовать ее не удалось. Но в начале 1998 г., когда появился словарь «Константы», я предложил перепечатать оттуда статью под названием «Моральный кодекс Чехова». Сначала Ю. С. отнесся к этому предложению прохладно, вспомнив неопубликованную статью. Но затем сменил гнев на милость. Когда же нужно было получать гонорар, он попросил меня поехать вместе с ним в редакцию. Ему, утонченному и деликатному интеллигенту, неловко было приходить одному в совершенно незнакомое место. Когда мы пришли, касса оказалась закрыта на перерыв. Я предложил зайти к главному редактору, чтобы познакомиться с ним. Отец стал дружелюбно беседовать с автором; в это время зашла его старая знакомая, профессор, в совете у которой он когда-то защищал докторскую. «Познакомьтесь: это мой сын, а это академик Юрий Сергеевич Степанов». Ю. С. весьма почтительно и галантно ее приветствовал; но дама была поражена. Она никак не ожидала встретить прославленного академика Степанова в газете, предназначеннной для школьных учителей. Ну а сам Ю. С. отличался необыкновенной демократичностью. У него были, конечно, свои недостатки. Как тонкий, впечатлительный человек, он бывал чрезмерно

обидчив². Но высокомерия никогда не проявлял, равно уважительно беседовал со всеми, оценивая не ранг собеседника, а только его мысли. Сейчас с горечью думается, что его талант популяризатора был востребован недостаточно. Ему бы побольше выступать с лекциями для тех же учителей словесности.

Я до сих пор скорблю о том, что к моменту моего перехода в его сектор научные интересы самого Ю. С. поменялись. Это наглядно проявилось во время нашей с ним поездки в Вильнюс в октябре 1991 г. на VI международную конференцию балтистов. Сама поездка прошла очень благополучно, я с удовольствием еще раз посмотрел Вильнюс, повидался со старыми друзьями — как в университете, так и за его пределами. Порадовало меня и то, что никакой русофобии в Литве, только что обретшей свою независимость, не ощущалось. Если ко мне на улице обращались по-литовски, я вежливо отвечал: «*Lietuvijų kalbos ne suprantu*», — после чего собеседник стокойно переходил на русский. Но Юрий Сергеевич, представив на пленарное заседание доклад о балтийском и славянском глаголе, на конференции переменил тему и говорил о культурных схождениях балтийского и славянского мира³. И в дальнейшем он писал по преимуществу о философии языка, лингвокультурологии и т. д. Вместе со своим учеником Сергеем Прокуриным он заинтересовался алфавитами как семиотической системой. В совместной книге «Смена алфавитов в системе двоеверия» они постарались проанализировать символическое значение алфавитных знаков в славянской и германской традициях.

Конечно, занятия компаративистикой помогли Ю. С. Степанову. В своей фундаментальной энциклопедии «Константы: Словарь концептов русской культуры» каждая статья начинается с этимологической справки, составленной весьма квалифицированно. Это дает

---

² Вспоминаю, как на Вильнюсской конференции 1985 г. выступал известный питерский археолог П. М. Долуханов. Затем О. С. Широков сказал мне: «Надо бы у этого ленинградца спросить кое-что. Но там Степанов, а он тонкий». — «Тонкий?» — «Ну да, на что-нибудь обязательно обидится!»

³ Кстати уж припомню еще один эпизод, связанный с ним и О. С. Широковым. Когда мы возвращались в Москву, то ехали в одном вагоне — Ю. С. и я в одном купе, О. С. в другом. Ю. С. посмотрел на меня искоса и мрачно сказал: «Когда Олег Широков стал читать лекции в МГУ, он запретил студентам пользоваться моим учебником!» (что вовсе не соответствовало истине: кто-то ввел Ю. С. в заблуждение). Затем выглянул в коридор и обратился к Широкову, стоявшему у окна: «Олег, что ты там скучаешь в одиночестве? Заходи к нам!» Всю дорогу до Москвы мы провели в увлекательной беседе.

необходимую диахроническую перспективу для исследуемых концептов, показывает истоки формирования соответствующих понятий. Но от чистой индоевропеистики Ю. С. отошел, если не считать вспыхнувшего в конце 90-х гг. интереса к акцентологии. Внимание Ю. С. привлекло непарарадигматическое передвижение акцента, описанное законами Уилера, Вандриеса, Шахматова и т. д. На эту тему он опубликовал несколько статей, сделал доклад на большой конференции по индоевропейскому языкознанию, которая состоялась в январе 1997 г. в МГУ. Как-то раз уже в середине 2000-х гг. он мне сказал: «Мне предлагают переиздать “Индоевропейское предложение”. Но ведь эту книгу надо как-то доработать». — «Юрий Сергеевич, — воскликнул я, — я с удовольствием Вам помогу, чем смогу!» Он поблагодарил, но больше к этому разговору не возвращался.

Почему же Ю. С. охладел к когда-то весьма занимавшему его сравнительному языкознанию? Я думаю, причин здесь несколько. Во-первых, он был несколько обижен тем, как была встречена его книга. Вообще-то ничего плохого в этой встрече не было. Автор этих строк опубликовал подробную рецензию в «Известиях АН СЛЯ», развернутую статью в «Вопросах языкознания». Появилась рецензия и в «*Bulletin de la Société de linguistique de Paris*», в любимом Юрием Сергеевичем городе. Ссылки на его книгу тоже появлялись. Но, как говорила мне одна наша общая знакомая, Юрию Сергеевичу хотелось, чтобы его книга стала так же известна, как книга Гамкрелидзе и Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Тем более что свою реконструкцию он помещал, если можно так выразиться, вслед за ними («Вслед за этапом Гамкрелидзе-Иванова следует этап распада активного строя предложения, формирования номинативного строя, сохранившего немало черт предшествующего состояния»). Однако *pro captu lectoris habent sua fata libelli!*⁴ На книгу Ю. С. действительно ссылаются реже, чем на Гамкрелидзе—Иванова. Впрочем, и эта незаурядная монография в настоящее время не так часто цитируется, хотя существует ее английский перевод. И по прошествии почти 30 лет со дня ее выхода мы можем утверждать следующее. Главный фонетический сюжет «Индоевропейского языка и индоевропейцев» — глоттальная теория — стал не общепризнанной парадигмой в языкознании, но лишь допустимым вариантом дальнейшей реконструкции.

⁴ «Книги имеют свою судьбу в зависимости от восприятия читателя». Эта строчка из латинского поэта III в. н. э. Теренциана Мавра обычно цитируется в усеченном виде, из-за чего смысл затемняется.

О ней упоминают современные учебные пособия, но не одно на ней не основано. Теория активного строя праиндоевропейского языкового состояния, развивающаяся Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Ивановым и Ю. С. Степановым (и выдвинутая, к слову сказать, намного раньше их книг) имеет сторонников, таких как покойный Винфред Леман и здравствующие Роберт Бекес, Вильям Шмальстиг, Кеннет Шильдз⁵. Но большинство исследователей просто не принимают ее во внимание. Морфология в изложении Гамкрелидзе и Иванова недостаточно учитывает морфонологические особенности морфем. В настоящее время наиболее популярной является Эрлангенская школа, основанная выдающимися лингвистами К. Хоффманом, Й. Шиндлером, Х. Айхнером. Эти авторы полагают, что существует четыре (или шесть) различных акцентно-аблаутных парадигмы в именном склонении и две или три в глаголе. С моей точки зрения, эта реконструкция неточна, а кое в чем и неверна. Но именно она завоевала наибольшее распространение. Думается, что, когда наука отойдет от некоторых крайностей Эрлангенской школы, она вернется к идеям Гамкрелидзе—Иванова, и Степанова. В частности, в книге «Индоевропейское предложение» и некоторых предшествующих работах Ю. С. блестящее описание корневого аblaута в балтийском и славянском глаголе, его связи с видом и диатезой. Это исследование принципиально важно для истории индоевропейских глагольных основ. На эту тему пока нет обобщающей монографии. Думается, когда она будет написана, реконструкция Ю. С. Степанова получит должную оценку. Она дает прекрасную перспективу сопоставления балто-славянской системы с небольшим набором суффиксов и преобладанием аblaута и греко-арийской — с богатой системой суффиксов и менее функционально нагруженным аblaутом (хотя его роль очевидна и здесь).

Однако вернемся ко времени выхода книги. Недостаточное признание сообществом индоевропеистов его идей могло, очевидно, побудить Юрия Сергеевича отойти от этой науки. Есть и другая причина. Ю. С. высокопрофессионально владел латинским, литовским и славянским материалом. Древнегреческий он знал значительно меньше, санскрит и хеттский — еще меньше, в основном по грамматическим описаниям. А специфика компаративных исследований

---

⁵ Два последних ученых предложили свои варианты реконструкции эргативного строя в праиндоевропейском. В учебнике же Р. С. П. Бекеса изложена классическая реконструкция, близкая к описанной у Гамкрелидзе—Иванова и Степанова.

вынуждает обращаться не только к ним, но и к древнеиранским (а также к современным иранским), кельтским, тохарским языкам. В этих языковых группах, чья история затемнена фонетическими трансформациями, ученые ищут архаизмы, отсутствующие в древнегреческом и древнеиндийском. Усвоить весь этот материал в зрелом возрасте не так просто. Поэтому Ю. С. и ушел в ту область, где чувствовал себя совершенно свободно, — философию языка, семиотику и лингвокультурологию. Конечно, его деятельность здесь была весьма успешной, за свой словарь «Концепты» он получил академическую медаль имени В. И. Даля. Но, думается, и в индоевропеистике он мог бы сделать еще немало.

Каково же общее впечатление, остающееся в памяти? Основой его личности были красота и артистизм. Высокий, стройный, импозантный, удивительно моложавый и элегантно одетый. Все его жесты были точны, манеры благородны. Его лекции и доклады, его идеи и ассоциативные ходы — все это было высказано очень красиво и восхищало неожиданностью, смелостью, эрудицией. Изысканно владел Ю. С. иностранными языками. Помню, как Э. А. Макаев говорил ему: «Юрочка, Вы же француз!» А по-литовски он говорил так, как уже редко кто из литовцев: тщательно выпевал все интонации.

Я уже упоминал о том, что у Ю. С. был не очень легкий характер. Мне случалось иногда вступать с ним в конфликт. Как всякий творческий человек, Ю. С. иногда высказывал парадоксальные, кажущиеся фантастическими идеи, чего и сам не отригал. Но его высочайшая культура мысли не позволяла ему оторваться от научной логики. Он привечал людей, склонных к фантазии, но не всегда обладавших такой же, как у него, культурой мышления и навыками исследования. Полюбив же человека, он порой его идеализировал — и раздражался на тех, кто не разделял его восторженного отношения. Мы разошлись с Ю. С. в оценке одного из его учеников; это история недавнего времени, поэтому не хотелось бы вдаваться в подробности. Некоторое время Ю. С. был на меня обижен; помириться удалось после того, как в американском журнале «Journal of Indo-European Studies» появилась рецензия на мою книгу (автор — известный специалист по сибирским и индейским языкам Эдвард Вайда), где отмечалось, что «К.[расухин] следует за своим наставником Степановым». Прочитал этот текст Ю. С. с интересом, ему понравилось, что американский коллега хорошо помнит содержание его книги. Дипломатические отношения между нами были восстановлены.

Последние девять лет жизни Ю. С. можно назвать героическими. В июне 2003 г. он перенес микроинсульт, вызванный переутомлением: в то лето он готовил к переизданию свой словарь «Константы», редактируя и дорабатывая каждую статью, и писал книгу «Протей: Очерки хаотической эволюции». К осени он поправился, но силы его уменьшились. Ю. С. снял с себя руководство отделом, перейдя на должность советника дирекции. И чем дальше, тем больше было видно, как он слабел. Он все реже появлялся в институте, и информацию о нем мы черпали только от его непосредственных учеников, навещавших его. В последний раз на моей памяти он пришел в октябре 2010 г., когда Наташа Азарова защищала докторскую диссертацию. Ходил с трудом, опираясь на палку. Но Ю. С. продолжал упорно работать. В 2007 г. вышла его книга «Концепты: Тонкая пленка цивилизации», а в 2010 — «Мыслящий тростник». Он продолжал размышлять о связях языка, знаковых систем, мышления, искусства. Этими раздумьями была заполнена его жизнь — до самого конца.

**«ЗА ЧЕСТЬ НАУКИ ФЕХТОВАЛЬЩИК»:
ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУРАВЛЕВ
(3.VII.1922—12.II.2010)**

Осенью 1984 г. я поступил в аспирантуру на кафедру классической филологии МГУ. К этому времени мои интересы определились в области языкоznания; диссертация, запланированная уже в это время, была посвящена древнегреческому глаголу в сравнительно-историческом освещении. И меня очень интересовало — чем занимается Институт языкоznания, находящийся недалеко от моего дома, за любимым мной с детства особняком А. А. Морозова, который был построен как копия одного мавританского замка в Португалии.

И вот однажды О. С. Широков сказал: «Костя, Владимир Константинович Журавлев проводит очередной семинар по диахронической фонологии. Я пойду и Вам тоже советую. Может быть очень интересно. Да и Вам с ним неплохо познакомиться!» К этому времени я знал, что В. К. Журавлев — выдающийся специалист по славянской фонологии, поэтому с энтузиазмом отнесся к совету Олега Сергеевича. Впервые я переступил порог дома на ул. Семашко (с 1991 г. возвращено старое название Большой Кисловский переулок). Навстречу мне по лестнице сбежал пожилой человек, худощавый, среднего роста, в очках и с бородкой клинышком. Это и был Владимир Константинович. Он раньше меня не видел, но очень непосредственно выказал радость: «Пришел! — воскликнул он высоким тенором. — Ну, молодец, поднимайся в конференц-зал!» В этот раз доклад делал Л. Л. Касаткин; он говорил о некоторых фонетических процессах в русских диалектах. Я обратил внимание на то, как нестандартно, весело и шутливо вел заседание председатель. «А кто еще выступит? Вот есть у нас такой Виктор Алексеевич!» Встал высокий импозантный мужчина с просьдью в бородке и высказал свое мнение (к сожалению, за давностью лет я слегка забыл сам предмет дискуссии). Я не подозревал тогда, что

буду работать в Институте языкоznания, что Виктор Алексеевич Виноградов в течение 11 лет будет его директором и что мы станем с ним приятелями, несмотря на разницу в возрасте. Потом, обсуждая с Олегом Сергеевичем семинар, я заметил: «Как по-дружески сразу отнесся ко мне В. К.! Удивительно, ведь мы не были раньше знакомы». — «Он знает, что Вы мой ученик, и он уже Вас любит!»

Мы много общались с В. К. на V Международной конференции балтистов, которая состоялась в Вильнюсе в 1985 г. И там его шутки входили в фольклор. Например, на докладе В. Н. Чекмонаса, посвященном возможным иранским истокам праславянской фонемы [х], В. К. категорически объявил: «Нет, чужого [х] не надо нам, а своего не отдадим!» А когда О. С. Широков организовал семинар по сравнительному языкоznанию в МГУ и назначил меня ученым секретарем, В. К. стал деятельным его участником. На большой конференции, посвященной памяти Ф. Ф. Фортунатова, он сделал доклад, основанный на материале его давней, чуть ли не дипломной работы, посвященной диалекту болгарских сел на Украине. Особую трудность представляла классификация глагольных основ. «Когда мы въехали в болгарское село, — рассказывал он, — мы увидели знаменитый лозунг: “Нет таких крепостей, которых бы не взяли большевики!” И я понял, что болгарские глаголы от меня не уйдут!»

Не хотелось бы, чтобы Владимир Константинович предстал с моих слов только как балагур. Он был большим ученым, с весьма серьезной биографией. Но мало кто умел так сочетать работу с шуткой, как он. К нему полностью применим гарик Игоря Губермана¹:

Поскольку жизнь, верша полет,
Чуть воспарив, опять в навозе,
Всерьез разумен только тот,
Кто не избыточно серьезен.

Такой «не избыточной серьезностью» В. К. обладал в высшей степени. Из его изречений и афоризмов можно составить целую антологию. Об одной dame-профессоре из Института языкоznания, отличавшейся умением, как говорится, колебаться вместе с линией партии, он сказал: «Менялись флаги на башне нашей науки. Но М. М. всегда стояла у флагштока!» Об одном семинаре балтистов и славистов в Вильнюсе он вспоминал так: «Сидели мы в президиуме четверо в ряд: Уильям

---

¹ О том, как я читал В. К. стихи Губермана, рассказ впереди.

Шмальстиг из Пенсильвании, Вольфганг Шмид из Гейдельберга, Райнер Эккерт из Лейпцига и я. Ну, ты их всех знаешь и видел, что Уильям, как и я, довольно худосочен, а Вольфганг с Райнером весьма упитаны. Подошла к нам Велта Руке-Дравиня, латышка из Стокгольма, и сказала: «Ну вот! Стоило побеждать во Второй Мировой!»

Судьба Владимира Константиновича Журавлева показывает, что был он человеком незаурядной силы духа. Трудностей в его жизни было немало, и все он мужественно преодолевал. Родился В. К. в Москве, в районе Сретенского и Чистопрудного бульваров. В школе, куда он ходил, на класс старше учился другой будущий крупнейший языковед — Михаил Викторович Панов (1920—2001); с ним В. К. сохранил дружеские отношения на всю жизнь. В 1939 г. 17-летний Володя Журавлев был призван в армию; в 1941 г. предполагалась демобилизация. Но, как говорится, рок сулил иное. Солдат Журавлев вместе с армией отступил к Сталинграду, затем прошел от него до Европы, сражался в Венгрии и Австрии. Как-то он шутливо у меня спросил: «Ты не помнишь, сколько лет мне было, когда я Вену брал?» — «Это было весной 1945; значит, Вам тогда было около 23». — «Да, ты совершенно прав!» Воевал В. К. храбро: принес с войны орден и три медали.

В 1946 г., демобилизовавшись, он поступил на русское отделение филологического факультета МГУ. Там он быстро подружился со славистом Никитой Толстым (будущим академиком) и классиком Олегом Широковым. Их прозвали «три мушкетера»; дружбу они сохранили на всю жизнь. Со студенческих лет В. К. увлекался полевыми исследованиями; экспедиция в болгарские села помогла ему собрать материал для дипломной работы. Кандидатскую диссертацию он защитил под руководством основателя отечественной болгаристики С. Б. Бернштейна на ту же тему. Но ему негде было жить в Москве с семьей и пришлось уехать в провинцию. 12 лет В. К. работал в Донецке и Минске. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию по проблеме весьма спорной, а тогда выглядевшей вызывающей. Он изучил генезис противопоставления согласных в славянских языках по мягкости-твердости. Это явление хорошо известно во многих восточных языках, а в европейских индоевропейских оно существует только в балтийских и славянских. В остальных согласные смягчаются только перед гласными переднего ряда [e, i]. Р. О. Якобсон еще в 30-е гг. сформулировал понятие евразийского языкового союза: одной из его важнейших характеристик является наличие фонематической оппозиции по твердости/мягкости. Но В. К. задался вопросом: как конкретно должна развиваться эта оппозиция? Он использовал предложенное

Е. Д. Поливановым для китайского языка понятие группфонемы — слога, претерпевающего изменения, которые затрагивают все входящие в него звуки. В праславянском, по мнению диссертанта, тоже имелись такие группфонемы, в составе которых и сформировался признак твердости /мягкости. Мнение это разделяли далеко не все. Первым оппонентом на защите был Р. И. Аванесов, один из основателей Московской фонологической школы, который начал свое выступление так: «Я совершенно не согласен с основным тезисом диссертации — о наличии в праславянском группфонем». Впрочем, против присуждения докторской степени он не возражал, отметив работоспособность и эрудицию автора, обилие поднятого им материала. Сейчас теорию группфонем можно назвать первым крупным вкладом В. К. в лингвистику. Его доклад на эту тему на Всемирном конгрессе лингвистов в Бухаресте (1967) сделал его знаменитым. Второй вклад В. К. в науку состоит в формулировке фонетического закона. Открытие этого феномена надо считать одним из главных достижений в гуманитарных науках. Фонетический закон превратил языкознание в строгую науку, по доказательности сравнимую с физикой и химией. В. К. Журавлев придал ему вид полноценной формулы:

$$L \frac{\{a > b\}}{P} T$$

Звук *a* переходит в звук *b* в позиции *P* в языке *L* во время *T*. Здесь есть все необходимое и достаточное, что требуется для закона: указание на событие, управляемое законом, и на условия его осуществления. Ведь ни один закон не может быть универсальным. Например, вода кипит при 100° в земных условиях. Если атмосферное давление уменьшается — уменьшается и температура кипения. Если увеличивается — то и температура кипения возрастает. Так и в языке. Каждый фонетический закон действует в определенной позиции и в определенное время, так что можно установить относительную хронологию законов. Впервые это сделал великий русский лингвист Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914), открыв первую и вторую палатализацию в праславянском. В. К. Журавлев, сторонник и последователь Фортунатова, завершил дело его и других крупнейших ученых. Он на основании своей формулы ввел понятие силы оппозиции фонем (число позиций, где они различаются) и силы нейтрализации (число позиций нейтрализации). Фонетический закон превратился в самый надежный инструмент исследования истории и предыстории языка.

Третье выдающееся достижение В. К. — применение принципов диахронической фонологии в исследовании морфологии. Вообще, впервые ввели фонологический принцип в морфологию Л. Ельмслев и Р. О. Якобсон — с последним В. К. дружил, переписывался, встречался на конгрессах. Но именно В. К. впервые воспользовался фонологическим инструментарием для решения исторических проблем морфологии. Он обобщил в виде формул основные морфологические изменения, ввел термин *морфологическая нейтрализация*.

В. К. был страстным adeptом своей науки — фонологии и лингвистики вообще. Вот как он сказал о них:

Похоже, что лингвистика, эта бедная Золушка, которая, казалось, только и делала, что ходила в «обносках» то биологии, то формальной логики, то математики, получив хрустальную туфельку фонологии, обратила на себя внимание общества. Возникла своего рода мода на лингвистику: физики и генетики, сделав фундаментальное открытие, считают своим долгом заявить, что они использовали некоторые идеи лингвистики... Для многих представителей гуманитарных наук лингвистика через фонологию стала... наукой-эталоном².

С не меньшим энтузиазмом В. К. подчеркивал и общественное значение языкоznания. Он говорил: «Без лингвистики никто не может полностью знать свой язык. Без языка — нет народа!»

С мудрым и веселым Владимиром Константиновичем я с удовольствием общался, будучи аспирантом. Затем, когда я работал в издательстве «Наука», я был редактором его научно-популярной книги «Язык. Языкоzнание. Языковеды» (1991 г.). Эта книга написана очень живо и занимательно, с присущей В. К. эрудицией и юмором, в форме диалога лингвиста с представителями других наук. Диапазон тем широк: от происхождения языка до вопросов языкового строительства. Красной нитью проходит мысль о важности и значимости фонологии. Герой книги Лингвист говорит о трех открытиях фонемы. Первое сделал кроманьонец — овладел членораздельной речью, т. е. членящейся на фонемы. Второе открытие принадлежит древним грекам — именно они создали первый по-настоящему фонологический алфавит, где каждая буква соответствует своей фонеме. В третий раз фонему открыли великие русские ученые: И. А. Бодуэн де Куртенэ со своими учениками и учениками Ф. Ф. Фортунатова. «Фонема умеет

² Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. С. 4—5.

благодарить своих открывателей! Кроманьонец с членораздельной речью вытеснил всех других гоминид, стал хозяином земли. Большинство алфавитов мира происходит из греческого; ими пользуется почти $\frac{3}{4}$ населения Земли. Русские фонологические школы завоевали мироное признание». Словом, книга получилась очень удачная, ее через несколько лет перевели в Японии.

Работая над ней, мы часто беседовали по душам. Я как-то сказал: «Владимир Константинович, какая-то петрушка получается. Я кандидат наук, у меня довольно много публикаций, — и не могу перейти на работу в Институт языкоznания, хотя Ю. С. Степанов давно хлопочет об этом. В издательстве-то моя научная работа не нужна. А время уходит!» — «Костя, ну что же делать, — вздохнул он. — По-разному судьба складывается. У меня, как ты знаешь, Гитлер 7 лет отнял. Но ничего, я поступил в университет, затем в аспирантуру, догнал и перегнал сверстников! Ты правильно делаешь, что продолжаешь работать и в лингвистике. И я тебе советую: не теряй времени, готовь докторскую диссертацию, а я буду у тебя оппонентом». Так и получилось. В конце 1996 г., когда моя работа была готова, я позвонил ему и сказал: «В. К., Вам предстоит оппонировать!» — «Конечно, милый, с удовольствием!» Защита была отложена и состоялась только в сентябре 1999 г. Летом того года я напомнил В. К. об оппонировании, он опять с энтузиазмом согласился, достал из архива подготовленный 2 года назад отзыв; мы его снова посмотрели и отредактировали. Но через некоторое время позвонил мне сам и чуточку смущенно сказал: «Костенька, ты знаешь, как я хотел тебя защитить. Но Вадим Михайлович³ предложил мне путевку в Коктебель. Помнишь ведь, какая славная земля вокруг залива Коктебеля!» — «Помню, сам там бывал! В. К., я очень бы хотел, чтобы Вы были на моей защите. Но по положению один оппонент может отсутствовать. Езжайте, наслаждайтесь осенним крымским воздухом и ни о чем не тревожьтесь!» Про себя же подумал: «Хорошо, что 77-летнему человеку представилась возможность съездить на море!» Защита, по счастью, прошла без инцидентов.

³ В. М. Солнцев (1928—2000), выдающийся синолог, в 1987—2000 гг. директор Института языкоznания.

⁴ Цитата из шутливой песни В. Е. Бахнова, вошедшей с 60-х гг. прошлого века в молодежный и интеллигентский фольклор. Исполняется на мотив старой лагерной песни.

В. К. был искренне православным человеком. Тут у меня с ним были некоторые разногласия. Я, не будучи церковленным, знаю от многих пришедших в церковь в зрелом возрасте, как им трудно на слух воспринимать церковнославянскую службу; некоторые мои знакомые, уверовав, так и не стали из-за этого ходить в церковь. В. К. же был категорическим противником перехода церковной службы на русский язык. «Пойми, — горячо говорил он, — церковнославянский язык прекрасен. За ним — тысячелетняя культура. Неужели мы должны его терять оттого, что кому-то трудно на слух воспринимать молитвы?» Такие аргументы я слышал много раз, до сих пор считаю их более красивыми, чем убедительными. Но характерно, что Владимир Константинович не только спорил. Он старался подкрепить свою позицию делом: писал учебник церковнославянского языка для гимназий. Это, безусловно, очень важно. Я до сих пор полагаю, что нужно развивать оба пути. Если Русская Православная церковь хочет иметь сознательных прихожан, надо подумать все-таки о переводе богослужения на русский язык (совет постороннего!). Но знание церковнославянского языка необходимо не только православным. И большой пласт культуры, запечатленный в славянских текстах, и статус церковнославянского как первого славянского литературного языка, и непростые его взаимоотношения с русским языком — все это делает его необходимым для изучения. Сейчас, в эпоху ЕГЭ, об этом можно только мечтать. Наоборот, старославянский и историческую грамматику русского языка стараются изгнать из программы и пединститутов. Но в прекрасном будущем, хочется надеяться, каждый культурный русский будет понимать разницу между берегом и брегом; знать, что прилагательные *горячий* и *колоющий* — это исконно русские причастия, тогда как *горячий* и *колоющий* — это церковнославянский компонент русского языка. И В. К. Журавлева мы назовем одним из первопроходцев школьного изучения церковнославянского языка.

Как истинно верующий, В. К. резко отрицательно относился к коммунистам. Вряд ли нынешние, готовые стоять со свечкой на службе, вызвали бы у него одобрение. Очевидно, одно из двух: либо поклоняться Ленину, заявлявшему «всякое кокетничанье с боженькой есть мерзость невыносимая» и требовавшему расстрелять как можно больше священников, либо в храм ходить. Помню, в начале октября 1991 г. на очередной конференции балтистов в Вильнюсе В. К. с волнением говорил о том, что католическая власть потерпела поражение, что его

сын в августе три дня провел на баррикаде у Белого дома. Как-то прочел я ему известный стих Игоря Губермана:

Однажды здесь восстал народ
И, став творцом своей судьбы,
Извел под корень всех господ.
Теперь кругом одни рабы.

В. К. пришел в восторг: «Ох, молодец, ох, умница! Кто, ты говоришь, это написал?» — «Игорь Губерман». — «Передай ему от меня привет! Ты с ним знаком?» — «К сожалению, нет» — «Ну все равно, если познакомишься, увидишься — передай!» И что же? Снова пророком оказался В. К.! Года через два мне действительно довелось познакомиться с этим замечательным поэтом, который в общении оказался на редкость приветливым и обаятельным собеседником. Я ему пересказал этот диалог и прибавил: «Игорь Миронович, передаю Вам привет от выдающегося московского лингвиста Владимира Константиновича Журавлева!»

Юмор и достоинство В. К. сохранял в самых сложных ситуациях. Когда ему было уже под 70, он упал и сломал шейку бедра. Не всем удастся встать после такого перелома; срастается он у пожилых людей тоже не всегда. В. К. поднялся, но ходил с тех пор только с палочкой. Трудности он испытывал в гололед: по скользкому идти ему уже было почти невозможно. Но он не унывал, а напевал украинскую песенку: «Ой, кто ж мене, молоду, та до дому доведе?» И, услышав такие бодрые призывы, кто-нибудь да и находился, чтобы проводить.

Затем с ним случилось новое несчастье, особенно прискорбное для творческого человека: стало резко ухудшаться зрение — до невозможности разбирать обычный типографский шрифт. Помню, вскоре после смерти О. С. Широкова я навестил его. Посидели очень хорошо, В. К. много рассказывал из их студенческого житья-бытъя. Я принес ему лупу: «Попробуйте почитать с ней!» — «Костя, но у меня близорукость, а лупой пользуются при дальтонности!» — «Это не так важно. Главное то, что Вам трудно различать мелкие буквы, а стекло их увеличивает». В. К., недоверчиво улыбнувшись, открыл книгу и поднес лупу к странице. «Ой! — воскликнул он с детской радостью. — Действительно, видно! Можно читать! Ну, спасибо тебе большое!» И несколько лет на вопрос о здоровье В. К. неизменно отвечал: «Спасибо, милый! С твоей лупой немного читаю». Но вот настал момент,

когда он сказал: «К сожалению, и лупа не помогает». Но и тут он не пал духом, на вопросы о здоровье отвечал неизменно шутливо. Сыновья помогали ему переиздавать старые книги и записывали его воспоминания. Ушел из жизни В. К. в полной памяти, имея возможность работать чуть ли не до последнего дня.

СОКРАТ, АРИСТОКРАТ С КРАСНЫХ ВОРОТ: ЭНВЕР АХМЕДОВИЧ МАКАЕВ (28.V.1916—31.III.2004)

В один июньский день 1990 г. я беседовал с Олегом Сергеевичем Широковым. Он сказал среди прочего: «Костя, Вы знаете, Энвер Ахмедович Макаев распродаёт часть своей библиотеки. Посмотрите, может быть, найдете что-нибудь для себя полезное. У него хорошие книги. Но главное, по-моему, в другом. Ему не столько деньги нужны, сколько хочется пообщаться с лингвистической молодежью. Живет-то он давно отшельником». — «Он одинок?» — «Да. Когда-то он жил со своей матерью, но она умерла, когда ей было под 90, а ему за 60. С тех пор он один». Кто такой Макаев, я, конечно, хорошо знал. Никакой индоевропеист не может пройти мимо его книг «Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики» (М., 1962), «Структура слова в индоевропейских и германских языках» (М., 1971), «Общая теория сравнительного языкознания» (М., 1977). Слышал я и про необычное решение, принятое им: как только ему исполнилось 60 лет, он сразу вышел на пенсию и ушел из Института языкознания. Довольно много рассказывал мне про него его ученик Марк Михайлович Маковский, зав. отделом «Вопросов языкознания», с которым я дружил, — и о невероятной эрудиции своего учителя, и о его требовательности. Посмотреть на легендарного лингвиста мне было очень интересно.

По телефону, который дал мне Широков, я позвонил и договорился о встрече. И вот я в знаменитом высотном доме на площади Красных Ворот (тогда еще площади Лермонтова). Открывается дверь, невысокий пожилой мужчина с очень внимательным взглядом, внешне напоминающий великого оперного режиссера Б. А. Покровского, приглашает меня войти, протягивает руку. Квартира из двух комнат, заставлена старинной дубовой мебелью, огромные книжные шкафы, пианино, на окнах витражи. Хозяин с улыбкой показал мне

на календарь, стоящий на столе. «Сегодня знаменательная дата — 28 июня 1990 года, — сказал он. — Дело в том, что ровно 50 лет назад я защитил кандидатскую диссертацию, посвященную синтаксису падежей в готском». После этого он подробно расспросил меня о том, чем я занимаюсь, каковы мои научные интересы. Книги он мне предложил действительно великолепные. До сих пор они украшают мою библиотеку, я активно использую их в работе. А впечатление, которое производил Энвер Ахмедович, было очень сильным и не ослабевало за почти 14 лет нашего знакомства.

Прежде всего поражали речевые способности Макаева. Он мог, сидя на своем любимом резном кресле у письменного стола, без подготовки прочитать часовую лекцию на очень многие темы — о языкоznании, иконописи, литературе и т. д. При этом он ни разу не сбивался, не допускал ни одной оговорки, ни одной синтаксической ошибки, не делал ни одной незапланированной паузы в поисках нужного слова. Необытна была его эрудиция. Как лингвист, прежде всего как германист, Э. А. великолепно владел всеми древними и большинством новых германских языков. Он прекрасно знал литературу на них. Как-то мы были в гостях у него вместе с Юрием Сергеевичем Степановым; Э. А. рассказывал нам содержание поздних, не переведенных на русский язык романов Кнута Гамсунна, которые прочел по-норвежски. Он тогда высказал парадоксальную на первый взгляд мысль: Гамсун, вопреки своей репутации, не был коллаборационистом. Как ни странно, Гамсун искренне восхищался нацистами, задолго до оккупации ими Норвегии. И это действительно так. Известно, что он осенью 1941 г. получил аудиенцию у Гитлера и подарил ему свою нобелевскую медаль. Но на этой же встрече Гамсун стал решительно требовать отзыва гауляйтера Норвегии Тербовена, которого за жестокость не только ненавидело местное население, но и осуждало немецкое военное командование. Гитлер пробурчал: «После войны он уедет из Норвегии», но Гамсун продолжал настаивать на том, чтобы его устранили сейчас. Гитлер рассердился и прервал аудиенцию. Таким образом, и Э. А. это подчеркивал, Кнут Гамсун горько заблуждался, но сохранял нравственные принципы; восхищаясь «сильными личностями», гневно осуждал палачей своего народа. И имени предателя он не заслуживает. Противоречивая фигура? Но Энвер Ахмедович учил видеть жизнь во всей ее полноте.

Скандинавские писатели вообще были его любимцами. Помню, рассказал я ему однажды об Эспланадном бульваре в Хельсинки, на западной оконечности которого стоит небольшой, но очень достойный

памятник великому финско-шведскому поэту Йохану Рюнебергу, выполненный его сыном Мартином¹. Выслушав, Э. А. сказал: «Дорогой мой, достаньте, пожалуйста, вон ту большую серую книгу. Это стихи Рюнеберга». Открыв ее, но почти не заглядывая в текст, он прочел строфу по-шведски, перевел ее и пояснил: «Это стихотворение *Vårt land* ‘Наша страна’, ставшее национальным гимном Финляндии».

Не менее блестящей была его эрудиция в санскрите, иранских языках, армянском (на котором он свободно говорил и читал), латыни и греческом (на которых он помнил множество стихов и изречений). В 1975 г. он опубликовал статью, посвященную соотношению архаизмов и инноваций в армянском. Завершил ее он афоризмом: «У армянского языка было великое прошлое. У него должно быть великое будущее». Обычно такие вдохновенные слова посвящают родному языку. Большой русский лингвист и культуролог Э. А. Макаев глубоко прочувствовал красоту чужого языка. Что же, это одно из проявлений той всемирной отзывчивости русской души, о которой писал Достоевский.

Я бы сказал, что у этого немолодого, достаточно сурового человека оставалось в душе что-то детское: а именно, умение восхищаться. Это та черта, которая делает ребенка великим исследователем, помогает ему за короткое время усвоить гигантский объем информации². Когда Э. А. говорил о великих людях прошлого — философах, литераторах, языковедах, — у него голос дрожал от восторга. На столе у него стояли два портрета и скульптурный бюст. «Это мои кумиры, — говорил Э. А. — Платон, Кант и Гёте». В другой раз он заметил: «Гёте! Олимпиец! Не только гениальный поэт, но и великий ученый. А как одарен от природы! В 80 лет он не знал, что такое очки. А когда он умер, и стали обмывать его тело, то увидели, что оно по-прежнему прекрасно. Помните, об этом писал Эккерман?» В другой раз он произнес фразу на санскрите. «Знаете, что она означает?» — «Нет». — «Пристало мудрецу знать числа и стихотворные размеры»³. — «Э. А., это ведь напоминает надпись над Платоновой Академией!» И мы с ним дружно, нараспев prodекламировали: *Μηδεὶς ἀγεωμέτρημενος εἰσίτω* ‘Пусть сюда не входит никто, не знающий геометрии’.

¹ Выдающийся скульптор Мартин Рюнеберг, кроме того, создал скульптуру Александра II, стоящую в Хельсинки на Сенатской площади.

² Считается, что 80 % информации, используемой в жизни, человек получает в первые три года жизни.

³ Ругаю себя за то, что не записал ее. Опираясь на свое знание санскрита, могу ее восстановить так: *Veṇave ṛbhave ṛtavaḥ ślokāś ca*.

Как-то мы с ним смотрели немецкие переводы «Ригведы», сделанные великим востоковедом Карлом Гельднером. «Разве это не чудо? Такие виртуозно точные переводы сложнейшего текста!» — «Гельднер ведь еще издал “Авесту” аутентичным алфавитом», — уточнил я. — «Совершенно верно, дорогой мой, — воскликнул Э. А., явно довольный тем, что я это вспомнил. — Второй подвиг Карла Гельднера: лучшее критическое издание “Авесты”».

Восторг не означал отсутствия критического отношения. Как-то он попросил купить ему третий том переиздаваемых «Поэтических воззрений славян на природу» А. Н. Афанасьева. «Поразительная книга, — сказал он, любовно ставя ее на полку. — Конечно, к этому великому труду можно предъявить много претензий: мы не разделяем положений мифологической школы, многие этимологии Афанасьева весьма наивны. Но ведь остается колossalный, очень тщательно собранный материал! Он бесценен и бессмертен». — «А если еще вспомнить, в каких условиях Афанасьев писал эту книгу — с туберкулезом». — «Да, — произнес Э. А. так печально, как будто речь шла о его хорошем знакомом. — Больной, гонимый... Это подвиг».

Огромными познаниями Э. А. обладал в области музыки, литературы, искусства. Как-то Э. А. прочел нам с Юрием Сергеевичем Степановым лекцию о том, как Томас Манн понял 5-ю сонату Бетховена. После чего сел к роялю и исполнил нам ее — с высоким вдохновением. Сам он рассказывал, что в детстве хотел стать пианистом. «Но вышло так, что в нашей семье несколько лет не было рояля. И это перечеркнуло мою мечту. Чтобы просто поддерживать свое мастерство, надо каждый день, без выходных, играть по крайней мере по пять часов. Ну, а когда пианист готовится к выступлению, он играет больше. Как-то раз Станислав Генрикович Нейгауз пожаловался мне, что у него заболела рука. Он готовился к международному конкурсу и играл по 12 часов в день». В этом монологе проявилось столь свойственное Э. А. уважение к профессиональному и труженику, идущему на самопожертвование для своего дела. Сам Э. А. музыкантом, таким образом, не стал. Но играл, на мой дилетантский слух, вполне профессионально, дружил с большими музыкантами. Однажды я говорил об этом с Еленой Самойловной Кубряковой, любимой ученицей Э. А. Она вздохнула: «Мы очень любили слушать, как Энвер беседует о музыке с Володей Топоровым. Оба показывали бездну эрудиции и необычайную тонкость понимания».

Энвер Ахмедович Макаев был родом из старинного крымско-татарского рода. С гордостью он говорил: «Макаевы 500 лет служили

России». Дед его был предводителем дворянства в Тульской губернии⁴, отец работал адвокатом в Инюрколлегии — учреждении, занимавшемся делами о наследстве за рубежом. Семья была необычайно культурной; отца Э. А. никто из моих коллег не застал, но он получил образование до Октябрьского переворота, а в то время на юридических факультетах университетов давали очень основательную обще-гуманитарную и языковую подготовку. Мать Э. А., высокообразованную женщину, истинную дворянку старого времени, помнили многие. Как-то Нина Давидовна Арутюнова сказала ему: «Энвер Ахмедович, я помню, как была у Вас в гостях вскоре после Вашего выхода на пенсию. Вы с Вашей мамой меня очень радушно приняли. И знаете, я ни у кого не слышала такого прекрасного русского языка, как у Фатимы Салаховны». Необыкновенным, изысканным языком отличался и сам Э. А. Он рассказывал, как к нему иногда приходил Никита Ильич Толстой со словами: «Я хочу послушать чистое старомосковское произношение!» «Я ему говорю: “Дорогой мой, Вы же живете в самом сердце Замоскворечья — на Ордынке!” А тот грустно отвечает: “Разве оно там сохранилось?”».

Энвер Ахмедович окончил филологический факультет МГУ, где изучал германскую филологию, сравнительное языкознание, санскрит и другие древние языки. Среди своих учителей особо выделял Розалию Осиповну Шор. «Каким она была невероятным эрудитом! Как знала санскрит и историю языкознания! А когда мы восхищались ее познаниями, она говорила: “Что вы! Есть в санскрите специалисты и посильнее меня. Вот, скажем, Федор Ипполитович Щербатской⁵. Я щенок по сравнению с ним!”». Такая строгость к себе весьма импонировала Энверу Ахмедовичу.

В 40-е годы он оказался чуть ли не единственным человеком во всем бывшем СССР, говорившим по-исландски. Во время войны он работал одновременно преподавателем Института иностранных языков (нынешний МГЛУ) и на иновещании — был диктором с исландским языком. С этим связана одна загадочная история, про которую мне рассказывали Маковский и Кубрякова: в 1944 г. Э. А. Макаев полетел в Рейкьявик в командировку, которая была очень быстро прервана. Что

⁴ Однажды я спросил: «Э. А., а каков был круг обязанностей у предводителя дворянства?» — «Он ведал прежде всего культурой. Театр, библиотека — все это находилось в его попечении».

⁵ Академик, один из крупнейших в мире знатоков буддизма, автор двухтомной монографии «Буддийская логика».

там произошло, они точно не знали; Э. А. об этом не распространялся. Теперь же, за давностью лет, восстановить картину невозможно. Сам Э. А. больше никуда не ездил. Он любил, когда коллеги рассказывали ему про свои зарубежные командировки, но иногда с горечью замечал: «А меня за границу не пускали». Но, слава богу, за границу шли его публикации; Э. А. состоял в переписке с крупнейшими зарубежными учеными: специалистом по руническим текстам и тохарским языкам немцем Вольфгангом Краузе, санскритологом голландцем Франсисом Кейпером (1908—2003), выдающимися американскими индоевропеистами Уорреном Каутиллом (1929—1985), Кэлвертом Уоткинсом (1933—2013) и многими другими. Помню, мы с ним говорили о Каутилле, умершем в 56 лет, написавшем много блестящих статей на разные темы, но ни одной монографии. «Я, получая от него очередной оттиск, иногда писал ему: “Вам надо оформить этот сюжет в отдельной книге”. Он на это отвечал: “Коллега, еще не время”. Увы, так и не успел⁶. А когда я познакомился в 1995 г. с К. Уоткинсом, я сказал: «Enver Makaev talked me about your change of letters». — «Макаев... I remember. Germanist!» — ответил тот с улыбкой.

Э. А. подготовил в 1947 г. докторскую диссертацию по проблемам исторической поэтики германского эпоса. Но он основывался на «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского, которая была осуждена за формализм. Поэтому защита не была утверждена ВАК. Впоследствии весьма благоволивший к Э. А. академик В. В. Виноградов говорил на эту тему с министром высшего образования В. П. Елютиным. Тот сказал, что поскольку постановление не отменено, то сделать ничего нельзя. И Э. А. получил степень доктора наук значительно позже, по совокупности трудов. Ему и в голову бы не пришла мысль что-то переделывать в своей работе в угоду требованиям момента. В дальнейшем он занимался вопросами сравнительно-исторического и общего языкоznания. Его книга «Исследования по языку древнейших рунических надписей» (М., 1964) была в 1996 г. переведена на английский и издана в Швеции. Она признана важным вкладом в рунологию. Очень содержательна его самая крупная монография «Структура слова в индоевропейских и германских языках». Здесь Э. А. критикует известную теорию корня Бенвениста как статическую и противопоставляет

---

⁶ В 2006 г. в издательство Stove beech (Ann Arbor, MI) вышел том «Collected works of Warren Cowgill», включивший почти все им написанное. Так у этого крупнейшего ученого наконец появилась книга, опубликованная через 20 лет после его смерти.

ей динамическую модель: не отрицая бенвенистовых состояний корня, он старается разделить варианты корней на древние и новые⁷. Однажды я спросил: «Э. А., не кажется ли Вам, что начатки динамической теории корня были заложены в книге Кейпера “Die indogermanische Nasalpräsentien”?» — «Да, конечно! Это там есть», — ответил он и снял эту книгу с полки. Э. А. не только владел колоссальной библиотекой, но и отлично помнил, где и что у него стоит.

Как бы я охарактеризовал Энвера Ахмедовича Макаева? Во-первых, ему было свойственно очень ровное отношение к людям. С академиком и студентом он разговаривал одинаково уважительно. Ну а если ему что-то не нравилось, мог сказать резкость и тому, и другому. Его возмущала научная недобросовестность. Он очень любил делиться своими знаниями с собеседником и приветствовал, когда собеседник делился своими знаниями с ним. Интересная мысль, хорошая цитата всегда радовали его. Помню, как примерно за полгода до его смерти был я у него вместе с Ю. С. Степановым и сотрудником Отдела теоретического языкознания Андреем Вдовиченко. Андрей тогда похоронил отца и с грустью говорил о том, как он прочувствовал смерть. Я в ответ процитировал стихотворение Баратынского «Гимн смерти», то самое, которое завершается так:

Недоуменье, принужденье —
Условья смутных наших дней.
Ты — всех вопросов разрешенье,
Ты — разрешение цепей!

Надо было видеть Энвера Ахмедовича! На его лице появилась светлая улыбка, глаза приобрели задумчиво-ласковое выражение, головой он кивал в тakt стихам. Как видно, эти гениальные строки гармонировали с его настроением.

Во-вторых, строгий к другим, он был еще строже к себе. Работая по 12—16 часов в сутки, он публиковал довольно мало. Уйдя из Института языкознания, он продолжал интересоваться лингвистикой, но перестал активно ей заниматься. Вместо этого он стал писать труд по истории русской культуры Серебряного века. И однажды я передал

⁷ Когда вышла книга Э. А. Макаева, из Франции пришла печальная весть: Эмиль Бенвенист, один из крупнейших лингвистов XX в., перенес инсульт. В. Н. Ярцева сказала Э. А.: «Вот видите, до чего Вы довели Бенвениста!» — «Виктория Николаевна, но он заболел раньше, чем тираж моей книги был напечатан!».

ему предложение от моих друзей Алексея Кошелева и Михаила Козлова напечатать книгу в их издательстве «Языки славянских культур». Они брали, естественно, на себя и все хлопоты по подаче заявки на грант. «Э. А., как бы Вы отнеслись к такой перспективе?» — «Резко отрицательно, дорогой мой!» Я, конечно, испытал недоумение. «Но почему?» — «Ну, видите ли, я писал о Серебряном веке еще лет 15—20 тому назад. Но ведь тогда, как Вы знаете, нам не хватало материала. Я мог только мечтать о том, чтобы прочесть, скажем, книгу Льва Шестова «Афины и Иерусалим». А сейчас, видите — вон она стоит у меня на полке». — «Но, может быть, Вы доработаете свой текст в соответствии с новыми публикациями и издадите? Жаль, если Ваши усилия пропадут». — «Дорогой мой, а зачем мне это сейчас нужно? Как-то заявлять о себе? В Вашем возрасте это необходимо, поэтому Вы совершенно правильно делаете, что пишете, печатаетесь, выступаете. В мои же годы это уже не волнует и особенно не привлекает. Да и сил у меня не так уж много». Подобно Сократу или Диогену, Э. А. преодолел житейскую суету, занимался любимым делом не ради признания, а только ради интереса, которое оно у него вызывало.

Помню, как отмечалось его 85-летие (конец мая 2001 г.). В начале заседание в Институте, доклады (я говорил о его вкладе в языкознание). К сожалению, Э. А. из дома уже не выходил и присутствовать в институте не мог. После официальной части мы поехали к нему, и он встретил всех нас очень радостно. Некоторые сотрудники видели его в первый раз и, как я когда-то, были очарованы его мудростью и эрудицией. Я подарил ему перевод книги шведского слависта А. Ханзен-Леве «Русский формализм». Через пару дней Э. А. позвонил мне сам. Прежде всего он сердечно поблагодарил меня за выступление: все заседание для него записали на диктофон. Затем он сказал: «Но как Вы могли догадаться, что мне необычайно нужна эта книга? Вот я вас всех отпустил и сел читать ее. Оторвался, гляжу на часы — уже четыре утра! Вот как я ей увлекся». Детский энтузиазм и взрослая самоотверженность — так можно определить отношение Э. А. к делу.

В-третьих, он отличался удивительной душевной стойкостью. Когда я с ним познакомился, у него были серьезные проблемы со зрением. Он не мог читать и готовился к операции. Поэтому, когда я приносил ему свои статьи, он просил прочесть их вслух. Слушал очень внимательно, делал точные замечания. Операция прошла успешно; после нее Э. А. снова получил возможность читать — надевая сильно увеличивающие очки, и с лупой. Но никогда он не жаловался, старался работать так же много, как в молодости. Спокойно относился

и к одолевавшей его в старости сердечной слабости, боли в ногах. В самых тяжелых случаях от него можно было услышать: «Извините, дорогой мой, не могу с Вами говорить. Плохо себя чувствую». Он переживал бедность, в которую впали все пенсионеры в 90-е гг. Но от денежной помощи отказывался, соглашался только, чтобы ему иногда привозили недорогие продукты да с благодарностью принимал хороший трубочный табак. Он печально спрашивал: «Почему я, член Парижского лингвистического и Шведского рунологического общества, проработав 39 лет, оказался в таком положении?» Но и к нему старался относиться спокойно, хотя и с горечью, но без отчаяния рассказывал, как приходится себя ограничивать, чтобы покупать книги по философии и культурологии — Трубецкого, Булгакова, Бердяева. Иногда продавал иностранные книги по языкознанию. Как-то я приехал к нему со своей сослуживицей Аней Мурадовой, первым в России профессиональным специалистом по бретонскому языку. Аня, обаятельная, высокообразованная, учившаяся во Франции, произвела на Э. А. очень хорошее впечатление. Она отобрала несколько книг по кельтской филологии, я тоже взял парочку индоевропеистических работ. Э. А. грустно заметил: «Дорогие мои, не обижайтесь, что яставил довольно высокие цены на книги. Но это очень хорошие, серьезные, фундаментальные труды; продавать их задешево было бы как-то неуважительно по отношению к ним». — «Э. А., ради бога, не нужно извинений! Я в гюследнее время видел много книжных магазинов в разных городах. Вы продаете книги по средней европейской цене». Мои объяснения немного его успокоили. А на прощание он протянул Ане небольшую антологию ирландской поэзии и сказал: «Позвольте мне подарить Вам эту книжечку!»

Естественно, задумывался Э. А. о конечности своей жизни, неоднократно об этом заговаривал. «Костя, сколько Вам сейчас лет?» — спросил он однажды. «Сорою». — «Какой прекрасный возраст! Есть знания и опыт, есть силы. Вам предстоит еще, дай бог, лет тридцать активной научной деятельности. Потом придет старость, пойдут болезни...» И через некоторое время задумчиво сказал: «Мне ведь недолго осталось. И знаете, дорогой мой, я очень спокойно, кротко к этому отношусь. Конечно, умереть в Вашем возрасте было бы страшной трагедией. В моем — это уже совершенно естественно». На эту тему он говорил всегда ясным, примиренным тоном. Такое отношение к основному вопросу человеческого бытия — его конечности — заставило меня вспомнить многих великих мудрецов прошлого: Сократа, который мог бы бежать от смертного приговора, но предпочел

выполнить долг гражданина и подчиниться решению суда: всю ночь он беседовал со своими учениками о бессмертии души, а утром выпил отвар цикуты; Сенеку, который, получив от Нерона приказ покончить с собой, вскрыл себе вены, сел в горячую ванну и, пока оставался в сознании, диктовал свои последние мысли секретарю; Френсиса Бэкона, простудившегося во время опыта по замораживанию мяса и умершего от пневмонии; последними его словами были: «Опыт удалялся». Своим ровным, философским отношением к собственной смерти Э. А. встал вровень со своими кумирами. Все они до конца продумали свою жизнь и достойно приняли ее бренность: «Рождение человека — случайность, а смерть — закон».

Итак, три яркие черты Э. А. бросились в глаза: его мудрость философа, его безбрежная эрудиция во всех гуманитарных науках и, наконец, то, что можно назвать аристократизмом. Сейчас во многом утрачено понимание этого. И известный режиссер Н. С. Михалков заявляет: «Я не интеллигент, а аристократ». Ему невдомек, что настоящий аристократ никогда о себе так бы не сказал, так как слово это несет весьма положительную оценку. Аристократизм никак не исключает интеллигентности. Аристократ отличается от не-аристократа только особо щепетильным отношением к чести. Поступки же Никиты Сергеевича не свидетельствуют в пользу такой самохарактеристики. Можно вспомнить, как лет 15 назад он был атакован членами национал-большевистской партии, кидавшими в него яйцами. Когда им уже скрутили руки, разгневанный режиссер ударил одного из них ногой в лицо — выходка, за которую бы его выдворили из любого аристократического общества. Не позволяет дворянская честь (да и никакая другая) бить беспомощного, даже если он тебя обидел. Подлинный аристократизм в поведении демонстрировал внук предводителя дворянства Энвер Ахмедович Макаев: простота в общении, невзирая на чины и ранги; твердость в собственных принципах; строгость к себе; стоеческое отношение к жизненным трудностям; великодушие.

ЧАСТЬ II

**ОТКУДА ЕСТЬ
ПОШЛО СЛОВО**

СЛОВО И ВРЕМЯ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)*

Посвящаю моему отцу

Слово, звуки которого рождаются из колебаний воздуха, недолго-вечно. И человечество изобрело много способов запечатлеть слово в более прочном материале, однако камень трескается, пиняные таблички разбиваются, пергамент и бумага тлеют и горят. Но вот что удивительно: слово может пережить творения рук человеческих. В самом деле, что осталось от той Москвы, где Юрий Долгорукий, как повествует Лаврентьевская летопись, дал в 1147 г. «обед силен»? Ни одного здания XII в. не сохранилось; даже рельеф города — и тот претерпел изменения: многие речки и ручьи заключены под землю, прорыты каналы, одни холмы снесены, другие, наоборот, насыпаны заново. Осталось только самое хрупкое и нематериальное — название города и осознание того, что это именно город Москва.

Слово вбирает в себя память, передающуюся от поколения к поколению. В средние века говорили: «Не знающий слов — не знает и вещей»¹. Чтобы понять вещь, свойство, явление, их надо прежде всего назвать. Иногда можно установить авторов отдельных слов (Н. М. Карамзин создал слово *промышленность*, Н. И. Надеждин изобрел термин *нигилист*). Но ни один человек, как бы гениален он ни был, не может в одиночку изобрести такое количество слов, какого бы хватило для описания всего мира.

В создании словарного запаса языка участвуют все поколения носителей данного языка. Впрочем, и само слово «создание» нуждается

---

* Впервые опубликовано в: Красухин К. Г. Откуда есть пошло слово. М.: Изд-во МГУЛес, 2006 (2-е изд. М.: Наука, 2008).

¹ Латинский текст пословицы: Ignarus nominum — ignarus gerum.

в оговорках. Ведь при изобретении новых слов почти всегда используются старые корни, приставки, суффиксы, взятые из родного языка или заимствованные из чужого. Так, к услугам Н. М. Карамзина были слова *прамысел*, *промышлять*, суффикс причастия *-енн-* (*прамышленный* — то же, что и *добытый*) и суффикс абстрактных существительных *-ость*. Н. И. Надеждин использовал латинское *nihil* ‘ничто’ и суффикс греческого происхождения *-ист-*.

(Впрочем, надо еще раз оговориться. В принципе, появление слова, так сказать, на пустом месте возможно. В свое время мне довелось познакомиться с протоколами уроков словесности, которые велись в кемеровских школах в 1993—1994 гг. по методике выдающегося философа и педагога В. С. Библера. Целью этих уроков было пробудить у детей интерес как к звучанию, так и к значению слова, что достигалось путем совместного словотворчества учителя с классом. Детям дали возможность изобретать новые слова и объяснять их значение. Очень показательно в этом плане придуманное слово *блюмбик*, которое дети объясняли как что-то маленькое и круглое. Суффикс *-ик* действительно означает уменьшительность, а вот корень *блюмб-* в русском языке не встречается. Но он похож по звучанию на другие слова, обозначающие нечто круглое — *блямба*, *блин*. Значит, и при его сотворении дети бессознательно следовали традиции. Кроме того, таких экспрессивных слов в языке всегда меньшинство.)

Таким образом, всякое слово двупланово. Оно обращено, с одной стороны, к настоящему, в котором существует и используется, с другой — к прошлому, к традиции, в которой берет свое начало. Связь с этой традицией называется внутренней формой слова. Замечательный русский ученый А. А. Потебня характеризовал внутреннюю форму слова как *ближайшее этимологическое значение*, имея в виду те старые корни, с помощью которых выражается новое понятие.

Ближайшее этимологическое значение порой забывается, и слово охватывает новые области. *Окно* происходит из *око*: окно представлялось глазом дома, через который может видеть и человеческий глаз. Но вспоминаем ли мы про глаз, читая:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

Слово утратило свою внутреннюю форму и получило новое, переносное значение.

Иногда на этом пути слово может претерпеть удивительные приключения. Французское *bureau* сначала значило ‘плотная ткань из верблюжьей шерсти’. Этой тканью покрывались столы в канцеляриях. Подобно тому, как бородатого человека называют просто *борода*, столы, покрытые тканью *бюро*, стали называться так же. Затем то же название получили комнаты, где стоят такие столы, учреждение, находящееся в этой комнате, его сотрудники, а также члены коллегии, заседающей вокруг покрытого такой скатертью стола.

В русский же язык вошли только вторичные значения этого слова: *бюро* — это вид письменного стола (но не покрытого скатертью, а снабженного многочисленными ящиками и откидывающейся доской для письма), или контора (бюро добрых услуг), или орган управления (бюро исполкома). Про ткань же никто не вспоминает. Да и во французском языке разошлись слова, обозначающие ткань и учреждение. Первое пишется *bure*, произносится [бюр], второе — *bureau* [бюро]. И только этимологический анализ слов позволяет установить их тождество.

Знакомясь с этимологией слова, мы попутно получаем информацию о прошлом, например, узнаем, что во Франции в старину столы в присутственных местах накрывались скатертью из верблюжьей шерсти. Это, конечно, не такое уж важное открытие, но чем древнее слово, тем более глубокие пласти культуры может открыть его этимология.

Выдающийся лингвист В. И. Абаев (1900—2001 гг.), создатель замечательного «Историко-этимологического словаря осетинского языка», неустанно подчеркивал, что, идя от истории слова, ученый приходит к истории языка, а от нее — к истории народа. За старым словом встают старые реалии. К примеру, осетинское *færink* ‘вид сабли’ восходит к названию германского племени франков (давших свое имя и Франции), *maskwy* — ‘сорт кожи красноватого цвета’ — происходит от названия Москвы, *dahran* ‘сорт сафьяна’ — от *Tahran* (Тегеран), *xusar* ‘шёлк’ — от имени другого персидского города (Хорасан славился своими тканями), *xa;jag* (*evlag*) ‘непонятный, тайный язык’ — *Xataj* ‘Китай’ (сравните русское выражение *китайская грамота*), *ruijton* ‘сказочное чудовище’ — *Rum* ‘Рим’ (Римом в средние века называли Византию, с которой постоянно враждовали аланы — предки осетин). Слово *gazarag* ‘раб’ ученый связывает с названием народа хазар, чье государство в низовьях Волги постоянно подвергалось набегам соседей-алан.

В. И. Абаев заключает:

Нет надобности подчеркивать, что подобные этимологии представляют не только узко лингвистический, но и большой историко-культурный интерес... Рим — франки — Москва — хазары — Тегеран — Хорасан — Китай — таким рисуется кругозор предков осетин по приведенному материалу. Кроме того, мы узнаем, что франки славились саблями, Тегеран — сафьяном, Хорасан — шелковыми грамотами, китайцы — непонятностью своей «грамоты» и т. п. [Абаев 1986].

Герой одного фантастического рассказа Е. И. Парнова и М. Т. Емцева имел оригинальное увлечение: он верил в то, что в глазу мертвого животного можно найти ту картину, которую оно успело увидеть в последний миг жизни. И ему очень хотелось взглянуть на доисторический пейзаж. С этой целью он собирал янтарь и выискивал в нем ископаемых насекомых в надежде на то, что сетчатка в их глазу покажет ему мезозойские виды. Изучая происхождение слов, лингвист может решить, по сути, сходную задачу. Появляется возможность определить, какой пейзаж видели перед собой носители данного языка, какими орудиями они пользовались, какой образ жизни вели. Сопоставляя данные языка с археологическими, можно иногда приблизительно определить языковую принадлежность носителей археологических культур. Изучая древние заимствования из одного языка в другой, названия местностей (топонимы), можно восстановить картину миграций древних народов, узнать об их ближайших соседях, друзьях и недругах. Такие данные тем более ценные, что прямых свидетельств о себе древнейшие эпохи человечества не оставили.

Надо сказать, что о происхождении слов люди задумывались испокон веков. В диалоге Платона «Кратил» (V в. до н. э.) есть рассуждения о том, что такие слова, как «вода» и «огонь» в греческом и фригийском² языках звучат почти одинаково. Когда же в Новое Время в поле зрения европейцев попали не известные до того языки, многие путешественники, возвращаясь из экзотических стран, стали отмечать списки слов, напоминающих по звучанию и по значению слова в известных им языках. Поэтому многие философы и учёные-энциклопедисты стали задумываться о родстве языков между собой. Эта мысль занимала и М. В. Ломоносова. В набросках к своей «Российской грамматике»

² Фригийский язык был распространен на северо-западе Малой Азии в VIII—I вв. От него осталось свыше 200 надписей. По их данным, он был очень родствен древнегреческому.

он размышляет о том, что есть языки «сродственные», происходящие от одного предка, и «несродственные», общего предка не имеющие. Для доказательства «сродства» русского и других славянских языков Ломоносов сравнивал имена числительные в них. Далее он отметил несомненное, хотя и более отдаленное родство славянских с литовским, «курляндским» (то есть латышским), латынью и немецким языками. Открывающаяся величественная картина огромной и древней языковой семьи привела Михаила Васильевича в восторг: «Представим долготу времени, которою сии языки разделились. Польский и российский коль давно разделились! Подумай же, когда курляндский! Подумай же, когда латинский, греческий, немецкий, российский! О глубокая древность» [Ломоносов 1952: 652—653]³.

В том же XVIII в. главный судья индийской провинции Калькутта Уильям Джонс стал усердно изучать санскрит — священный язык Древней Индии, на котором написаны главные книги индуизма — Веды, знаменитые эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Как любой английский государственный служащий того времени, Джонс получил хорошее классическое образование и прекрасно знал латынь и древнегреческий языки. И, обратившись к санскриту, Джонс нашел в нем множество слов, напоминавших ему греческие и латинские: Так, «отец» на санскрите — *pitar*, на латыни — *pater*, по-гречески — *πατήρ*, «мать» — соответственно *matar*, *mater* и *μήτηρ*, «он есть» — *asti*, *est* и *ἐστί* и т. д. Джонс решил, что санскрит является предком и латыни, и греческого, и большинства европейских языков. Строгих доказательств этого у него не было, но интуиция Джонса оказалась верной. В XIX в. ученые, правда, установили, что санскрит является предком только для современных индийских, но не европейских языков. Однако его родство с большинством европейских языков оказалось очевидным. Все они происходят от общего предка — языка, носители которого, по современным представлениям, обитали около 7—9 тысяч лет тому назад на территории Юго-Восточной Европы или запада Малой Азии. Носители языков, входящих в эту большую семью, живут на территории Индии и в Европе, поэтому и вся семья получила наименование индоевропейской.

И Джонс, и Ломоносов были достойными предшественниками сравнительно-исторического языкознания. Они ясно поняли, что такое родство языков, и правильно определили языки индоевропейской

³ Об идеях Ломоносова в области сравнительно-исторического языкознания см. [Широков 1985: 94; 1987].

семьи. Но они еще не создали строгого метода. Эту задачу решили ученые следующего поколения. Великий немецкий языковед Франц Бопп считал, что сходство слов в двух разных языках еще не доказывает их родства, так как слова часто заимствуются. Сравните русское *башмак* и татарское *башмак*; русское *камыш* и башкирское *камыш*. Значит ли это, что русский язык находится в родстве с башкирским и татарским? Конечно, нет: эти слова заимствовались нашими предками у тюрков — предков татар и башкир. Но если слова могут кочевать из одного языка в другой, то окончания имени и глагола у каждого языка свои. И именно они (вместе со служебными словами) определяют язык. Как-то раз ученые-диалектологи записали в одном югославском селе такое замечательное высказывание: *Динерка дековала на тыши*. Здесь все слова заимствованы из немецкого: *динерка* — *Dienerin* ‘служанка’, *дековала* — *decken* ‘накрывать’, *тыши* — *Tisch* ‘стол’. Но окончания и служебные слова в этой фразе — чисто сербские, поэтому мы и считаем, что она произнесена по-сербски, а не по-немецки. И исследование Ф. Боппа было посвящено именно сравнению глагольных и именных окончаний в санскрите, латинском, греческом и многих других европейских языках.

Сходство слов может быть и случайным. Немецкое *Laus* ‘вошь’ и латинское *laus* ‘похвала’ звучат одинаково, но вряд ли кто в здравом уме будет доказывать их родство. Но и у близких по значению слов похожее звучание не всегда доказывает общее происхождение. Сравните польское *naczelnik* с русским *начальник*. Они значат одно и то же, но... Польское слово означает дословно ‘находящийся на челе’ (*na czele*), то есть ‘стоящий впереди’. Русское же *начальник* произведено от *начало*, а оно, в свою очередь, — от глагола *начать*. И если мы разобъем оба слова по школьным правилам на морфемы, то у нас будет такая картина: *na-czel-n-ik*, но *на-ча-ль-н-ик*. Как видим, перед нами — слова, состоящие из разных основ, и сходство их звучания случайно. (Кстати сказать, у слов *начальник*, *начало* есть настоящий родственник, не совпадающий с ними ни в одном звуке, — *конец*. Но об этом — чуть позже.)

Так если не сходство слов, то что доказывает родство языков? Ответ на этот вопрос может дать один старинный стишок, с помощью которого наши предки заучивали слова с буквой *ять*:

Бъло-сьрый рѣзвый бѣсь
Убѣжалъ за рѣчку въ лѣсь.
Бѣлкой по лѣсу онъ бѣгалъ,

Рѣпой съ хлѣбомъ пообѣдалъ,
Вѣль и рѣдьку, хрѣнъ отвѣдалъ.
И за горкій тотъ обѣдъ
Даль обѣтъ не дѣлать бѣдъ.

***

Бѣдно Глѣбъ сѣдой одѣтъ,
Слѣпъ и нѣмъ плѣшивый дѣдъ.
Всѣмъ сосѣдямъ цѣлый вѣкъ
Глѣбъ быль вѣрный человѣкъ⁴.

Большинство слов в этом стишке имеют родственные в украинском. И при их сравнении с русскими можно увидеть явную закономерность: русское *ѣ* соответствует украинскому *ї*: *бѣсь* — *біс*, *лѣсь* — *ліс*, *бѣлый* — *білій*, *сѣрий* — *сірий*, *дѣдъ* — *дід*, *человѣкъ* — *чоловік*. В польском же языке русскому *ѣ* всюду соответствует *ia*: *biały* (откуда происходит фамилия *Бялый*). Но, если мы будем сравнивать слова, где по правилам старой орфографии писалось *e*, картина будет иной. Русскому *e* соответствует украинское *e*: *сердце* — *серце*, *земля* — *земля*. О чём это говорит? Во-первых, о том, что *ѣ* и *e*, совпавшие в современном русском языке, сначала были разными звуками. И в самом деле, как показал выдающийся русист М. В. Панов, еще в середине XVIII в. они не только писались, но и звучали по-разному. Французское слово *piece* передавалось в то время так: *пѣса* [Панов 1990: 356]. Очевидно, это свидетельствует о том, что буква *ѣ* передавала звук не [e], а [ie], сравните современное произношение этого слова — *пѣса*. В современном русском языке разница исчезла, что и послужило причиной отмены *яя* в новой орфографии. Но сравнение с украинским языком показывает, что русские слова с *ѣ* за кено м ерно отличаются от родственных украинских слов с *i* и польских с *ia*.

Современники Боппа датчанин Расмус Раск и немец Якоб Гримм (тот самый, который вместе со своим братом Вильгельмом составил знаменитый четырехтомный сборник «Немецких сказок») первыми поняли необходимость поиска закономерностей в различиях в родственных языках. Они их сформулировали в виде четких систем ответствий, получивших наименование фонетических законов. На основании фонетических законов были составлены сравнительные таблицы для звуков различных индоевропейских языков. Имея под рукой такие таблицы, ученые и получили возможность на основании

⁴ Варианты текста см. в [Широков 2003: 193].

закономерных различий сравнивать слова в родственных языках и устанавливать их родство, то есть общее происхождение от одного слова-предка.

Как же действует фонетический закон, который является краеугольным камнем науки этимологии? Вспомним те пары слов, которые доставляют школьникам столько неудобств: *пруд — прут, сток — стог, глас — глаз*. Почему слова со звонким звуком на конце пишутся не так, как произносятся? Потому что их произношение регулируется фонетическим законом современного русского литературного языка: в конце слова звонкий оглушается, причем это обязательно для любого слова. А вот пример чередования звуков иного рода: *пеку — пекёшь — пекёт — пекём — пекёте — пекут*. Почему при спряжении глагола *печь* чередуются звуки? Потому что в доисторическую эпоху в славянских языках действовал фонетический закон первой палатализации: перед гласными [е], [и] согласный [к] превращался в [ч]. Этот закон давно прекратил свое действие (вспомним такие слова, как *кедр, кекс, кино, кипяток*), но оставил после себя в русском языке чередование *к-ч, г-ж* и много слов, преобразованных в соответствии с ним. Эти два примера показывают, что фонетический закон, пока существует, не знает исключений. Но само его существование ограничено во времени, и поэтому в языке появляются слова, противоречащие старому фонетическому закону.

Закон первой палатализации действовал в начале новой эры, тогда как слово *кедр* из греческого было заимствовано не раньше X в., *кекс* и *кино* появились в русском языке в XIX в., а в корне *кип-* исконное [ы] перешло в [и] после [к] приблизительно в XII—XIII вв. Следует заметить, что и в старых словах действие фонетических законов может отменяться. Это происходит по аналогии. Так, в русском просторечии давно утвердились формы *пекёшь, пекёт, пекём* — по аналогии с *пеку, пекут*. Аналогия начинает действовать тогда, когда старый закон утрачивает силу. Изучая историю языка, лингвист находит множество слов — свидетелей прошлых, умерших фонетических законов. Его работу можно сравнить с археологической раскопкой, когда в разных культурных слоях обнаруживаются предметы, сохранившиеся от древних и древнейших времен и запечатлевшие характер своей эпохи. И, последовательно применяя фонетические законы, можно порой установить близкое родство совершенно, казалось бы, разных слов.

Так, при сопоставлении русских и польских слов обнаруживается интересная закономерность. В одних случаях русскому *у* соответствует польское *и* (старое русское *струга* ‘струя’ — польское *struga*), рус-

ское я = польское *ja* (яблоко = *jabłko*). В других — на месте русских гласных появляются совершенно особые звуки в польском: дуб — *dqb*, мясо — *mięso*. Буквы *q* и *ę* передают *o* и *e* с носовым призвуком. В других славянских языках такого звука нет. Но один из основателей славянского языкознания А. Х. Востоков обратил внимание на то, что все слова, где у и я соответствуют польским носовым, писались в древнерусском и церковнославянском через особые буквы — юс большой (ж) и юс малый (ѧ), соответственно джьбъ и масо. Из этого Востоков сделал вывод о том, что юс большой должен читаться как польское *o* носовое, а юс малый — как э носовое. Малый юс присутствует и в имени *начало*, глаголе *начали*, следовательно, в древнерусскую эпоху эти слова должны были читаться как [наченло], [наченти]. Мы уже знаем, что ч перед гласным е происходило из древнего *k*: значит, в доисторическую эпоху, в раннее время жизни древних славян эти же слова произносились как *na-ken-lo, *na-ken-ti⁵. В русском языке хорошо известно чередование гласных корня *e/o*⁶ (беру — сбор, несу — ноша), поэтому естественно ожидать, что глагол *na-ken-ti может иметь однокоренное существительное с корнем *kon-, то есть конец, а также кон, закон. И начало, и конец — это крайние точки чего-либо. Значит древний корень *ken-/*kon- означал именно ‘край’. Так и доказывается общность начала и конца. Так же можно показать общее происхождение глагола щадить и прилагательного скучный (древнерусское щадити, щадъти означало ‘беречь; скупо, скучно расходовать’). А вот лук ‘растение с едким вкусом’ и лук ‘метательное оружие, стянутое тетивой’ ничего общего между собой не имеют. Первое писалось как лоукъ и, по-видимому, было заимствовано из немецкого *Lauch*, второе — лжкъ, оно находится в ближайшем родстве с такими словами, как лука ‘изогнутая часть седла’, излучина, лукавый, дословно ‘гибкий’, лукоморье ‘изогнутый, бухтообразный берег моря’. Его первичное значение — ‘нечто изогнутое’. И у него есть неожиданные

⁵ Знаком * (так называемый астериск) в лингвистике отмечаются не свидетельствованные в текстах и живых языках, а восстановливаемые на основании описанных процедур формы. По давно устоявшейся традиции они пишутся латиницей.

⁶ Это чередование, называемое аблautом, необъяснимо на почве ни русского, ни славянских языков. Оно встречается в большинстве индоевропейских языков, но и на уровне индоевропейского прайзыка можно выдвинуть лишь гипотезы о его возникновении. Поэтому не будем сейчас останавливаться на них, отметим только, что вариант *e* чаще встречается в глаголах, а *o* — в именах.

родственники — диалектное прилагательное *лякий* ‘кривой’, *лякать* ‘путать’ (изначально ‘заставить съежиться’), украинское *злякатися* ‘испугаться’.

Как видим, фонетический закон основан не на внешнем произвольном сходстве, а на процессах и соотношениях, глубоко укоренившихся в структуре языка. Поэтому его открытие превратило лингвистику в строгую науку, которая, по общему мнению, играет такую же роль среди гуманитарных наук, как математика или ядерная физика среди естественных. Понимание живого и мертвого фонетического закона позволило открыть мельчайшую единицу языка — фонему, а с ней и новую лингвистическую науку — фонологию. Предметом фонологии как раз и стали такие чередования звуков, которые составляют единую фонему, то есть подчиняются живым, действующим, безысключительным фонетическим законам.

* * *

Предлагаемые вниманию читателей заметки в основном печатались в 1994—2000 гг. в газете «Литература» под рубрикой «Откуда есть пошло слово». При их написании встретились некоторые специфические трудности. Дело в том, что в названии рубрики заявлено происхождение слова, тогда как адресат газеты — школьный учитель литературы — нуждается скорее в рассказе о том, как слово используется в литературе, какие смыслы с ним связаны. А это — две разные проблемы, порой никак не вытекающие друг из друга. В самом деле, вспомним то, с чего мы начали — *в Европу прорубить окно*. Может быть, сведение о том, что *окно* происходит от *око*, и углубит понимание текста. Но вряд ли послужит этой цели сообщение, что слово *око* общего происхождения с литовским *akis*, древнеиндийским *akṣa*, латинским *oculus* ‘глаз’. Поэтому перед автором всталая непростая задача: соединить собственно историю слова, начиная от его истоков, с описанием его использования в различных текстах и его многозначности. И мной были отобраны самые значимые слова русского языка, те, что становились базой философских идей, запечатлевали в себе представление наших предков о мироздании.

Второе отдельное издание моей книги было отрецензировано в журнале «Русский язык в школе» (2009. № 4) А. В. Барандеевым. Рецензент отметил некоторые неточности в библиографии (которые я

с благодарностью исправил); ему показалось также сомнительным положение о том, что абсолютных синонимов не бывает. В качестве примеров, опровергающих это, он приводит *везде и всюду, помидор и томат, бегемот и гиппопотам*. Действительно, в лексикографии есть понятие *полных синонимов*, не различающихся ни значением, ни стилистической окраской, ни оценкой. Помимо примеров А. В. Барандеева, можно привести *базар и рынок*. Но полнота всех этих синонимов мнимая. Во-первых, ее могут терять производные: *рыночные отношения* — нечто иное, чем *базарные*. Во-вторых, некоторые нюансы значения присутствуют и в других упомянутых выше парах. Так, *везде* указывает на ситуацию, актуальную во все времена, а *всюду* — в данный момент: *светить всегда, светить везде...* (В. Маяковский) и *Всюду жизнь* (название картины Н. Ярошенко). *Помидор* — это название сельскохозяйственной культуры, тогда как *томат* — скорее сырье для переработки (*помидорная рассада, но томатный сок*). Разницу же между *бегемотом* и *гиппопотамом* можно видеть в «*Крокодиле*» К. И. Чуковского, где *Бегемот* — аптекарь, а *Гиппопотам* — царь зверей. В самом деле, второе имя звучит более торжественно, тогда как первое — совершенно нейтрально.

Бог. Господь

Слово *бог* необычно для русской фонетики. Если внимательно вслушаться, то можно заметить: оно произносится не как [бок]; на конце его стоит особый придыхательный звук, подобный украинскому *г*, немецкому и английскому *h*. (Это противоречит известному правилу: звонкий смычный в конце слова теряет звонкость, но сохраняет смычность.) Похожий звук можно встретить в обращении *господи!* Он неустойчив, поэтому многие произносят его так: [осподи!]. Этот звук совершенно не свойствен московскому произношению. Откуда же он взялся?

Оба слова — и *бог*, и *господь* — из религиозного лексикона. Крещение Руси началось с Киева. И этот город в течение многих веков сохранял значение одного из главных центров православия.

В 1631 г. епископ Петр Могила создал при Киево-Печерской лавре православную школу, которая через год получила наименование Киево-Могилянской коллегии (позднее — академии) и стала первым высшим учебным церковным заведением на восточнославянских землях. Поэтому в Русской православной церкви оказалось много священников — выходцев из Украины и Белоруссии, в том числе и самого высокого ранга. Достаточно сказать, что в Белоруссии родились два виднейших поэта и религиозных просветителя XVII — начала XVIII в.: воспитатель Петра I Симеон Полоцкий и сподвижник Петра, первый обер-прокурор Святейшего Синода Феофан Прокопович. Понятно, что, читая Священное Писание в церквях, украинские и белорусские батюшки возглашали его на свой манер. Так в русском языке сложились две системы произношения: книжное, ориентированное на церковнославянское, и народное, опирающееся на живую речь. Живая речь средней России — московское произношение — в конечном итоге легла в основу русского литературного языка.

Разные литераторы по-разному оценивали эти два стиля. Известный поэт и выдающийся филолог В. К. Тредьяковский считал, что церковнославянская фонетика укоренилась в русском языке. Он предлагал расширить русский алфавит и ввести в него особую букву *га*, которая бы обозначала исконное русское *г*. Для передачи же церковнославянского придыхательного *г* должна использоваться старая буква *глаголь*, которая бы стояла только в заимствованиях из церковнославянского. Против этой идеи выступил М. В. Ломоносов. Для того чтобы опровергнуть противника, он поставил своеобразный эксперимент: написал большое стихотворение, где в каждом полнозначном слове стоит *г*; «О сомнительном произношении буквы Г: в российском языке» (сейчас бы мы сказали «звук Г»; но филологи XVIII в. не различали звук и букву):

Бугристы берега, благословенны влаги,
О горы с грядами, где греет юг ягнят,
О грады, где торги, где мозокружны браги
И деньги, и гостей, и годы их губят.

Перечислив еще множество слов со звуком *г*, Ломоносов заключает:

Нагаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны
 Тугие головы, о иго⁷ чугунны,
 Гневливые враги и гладкословный друг,
 Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг,
 От вас совета жду, я вам даю на волю:
 Скажите, где быть га, и где стоять глаголю?

Прочтите, читатель, эти строки вслух и, если вы не украинец и не курянин, вы убедитесь, что *г* всюду произносится без всякого придыхания. В память о церковнославянском произношении нам осталось только два слова: *бог* и *господь*, при этом придыхательное *г* сохранилось только в именительном падеже: *бог*, но *бога, богу* и так далее, а в слове *господь* — только в звательном падеже: *господи*.

А откуда взялись эти слова в славянских языках? Разберемся с каждым по отдельности.

Для нахождения этимологии слова полезно собрать все однокоренные ему. *Бог* созвучно с прилагательным *у-богий*; приставка *умогла* обозначать отрижение: сравните *век* ‘сила’ — *у-вечный* ‘бессильный’ (подробнее см. в статье «Век. Человек»). А в украинском и некоторых русских диалектах известно прилагательное *небогий* ‘бедный, нездачливый, несчастный’. «Здорово, небого!» — приветствует гоголевский Иван Иванович Перерепенко нищенку на базаре. Иными словами, *убогий, небогий* — это тот, у кого нет «бога», но не «бездожник», а «бедняк». Кроме того, в русском языке есть прилагательные с суффиксом *-ат-*, обозначающие наличие или избыток признака: *нос — носатый, хвост — хвостатый, борода — бородатый*. В этом ряду стоит и *бог — богатый*. Значит, *убогий* — это тот, у кого отсутствует «бог», а *богатый* — тот, у кого он есть или его много. Так что же такое *бог*?

Это слово сравнивается с древнеиндийским *bhaga* ‘счастье’, *bhajate* ‘делить, распределять’, а также ‘владеть’. Такое однокоренное слово удачно объясняет развитие значений и в славянском: *бог* в начале ‘податель блага, счастья’. Именно с этим значением связаны *убогий, богатый*.

Но есть еще одно обстоятельство. В иранских языках слово *baga*, родственное древнеиндийскому и славянскому, означает не только ‘благо’, но и ‘бог’. Случайно ли это совпадение? Думается, что нет.

---

⁷ *Иготь* по-древнерусски и церковнославянски ‘ступка’.

В последние десять столетий до новой эры южнорусские степи были заселены древними иранскими племенами скифов, о которых нам довольно много известно из книг древнегреческого историка Геродота. Археологи говорят, что скифские погребения соседствуют со славянскими, а историки, читая Геродота, находят у него указания и на иранцев, и на славян. Лингвисты же нашли в славянских языках некоторое количество иранских заимствований. Одним из них является слово *бог*.

Попутно замечу, что древние контакты славян и иранцев часто становились поводом и для исторических теорий, и для политических спекуляций. Великий русский языковед Николай Сергеевич Трубецкой известен и как основатель евразийства — особого философско-политического течения в русской эмиграции (к которому, кстати, примыкал и муж М. Цветаевой С. Эфрон). По мнению евразийцев, российская цивилизация не европейская, а именно евразийская, сильно отличающаяся от романо-германской, поэтому ее нельзя мерить романо-германскими мерками. Эту довольно спорную мысль Н. С. Трубецкой подкреплял и лингвистическими аргументами: из западных языков, считал он, славяне заимствовали в основном технические термины; из восточных же — духовно-религиозные, в том числе слово *бог* [Трубецкой 1995а: 129—131]. Однако Н. С. Трубецкой никогда не проповедовал национальной ограниченности и исключительности; напротив, он полагал, что национальное самосознание — это путь к человеческому единению. Он четко различал подлинный и мнимый национализм, под которым подразумевал шовинизм и ксенофобию [Трубецкой 1995б: 114—126]. В недавнее время у Трубецкого нашлись мнимые последователи, которые ссылками на его труды пытаются доказать якобы извечную, идущую издревле враждебность России и Европы. Они сочиняют истории о неких не то союзниках, не то повелителях скифов — славянских царствах VII—VI вв. до н. э. Но вот что пишет минский профессор В. В. Мартынов, специально исследовавший славяно-иранские лексические схождения: «Исследование славяно-иранских языковых отношений... показало особый характер иранского ингредиента, его преимущественно сакральный характер, отражающий отношения между *з а в о е в а н н ы м и* и *з а в о е в а т е л я м и* (разрядка моя. — К. К.)» [Мартынов 1983: 35]. Думаю, что такого рода отношения, подтверждаемые и археологически, едва ли наполнят гордостью сердца наших «патриотов». Не стоит тревожить древность ради политической конъюнктуры. Во-первых, это бесполезно (нельзя же считать Москву частью Финляндии или Литвы

только потому, что древние финны и балтийцы жили на ее территории до XII в.!). Во-вторых, материал может жестоко посмеяться над гореисследователями.

Итак, слово *бог* — это след кратковременного скифского завоевания славян.

Этимология же имени *господь* рассмотрена выше, в статье «Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке» (с. 33—42). В *pendant* сказанному замечу, что слово *господь* имеет несколько производных в русском языке. Само оно закрепилось в сфере христианской религии; более общее и старое значение ‘хозяин’ выражено словом *господин*. В значении ‘владыка страны’ использовалось слово *господарь*, заимствованное румынским языком. Титул господаря носили в XV—XVIII вв. князья Молдавии и Валахии, в частности союзник Петра I Дмитрий Кантемир, отец талантливого поэта и дипломата Антиоха Кантемира. В самом же русском языке слово *господарь* благодаря ослаблению безударных превратилось сначала в *государь*, а затем и в *сударь*.

БЫТИЕ. ЕСТЕСТВО

Слово *бытие* не слишком часто употребляется в обыденной жизни, потому что это — философский термин. Но у этого слова есть вариант вовсе не философский, а самый наиобыденный — *бытьё*. Правда, теперь это слово употребляется редко. В старину оно означало ‘образ жизни, быт’ и дошло до нас в устойчивом шутливом сочетании *житьё-бытьё*. А во времена Пушкина оно имело именно названный нами смысл: «К бытью цыганскому привык».

Примерно такой же смысл имеют и другие однокоренные слова: *быт*, *бытность*. Все они относятся к повседневной жизни. И только произносительный вариант *бытие* поднялся в сферы высокой философии.

Задумаемся: что общего между простецким *житьём* и возвышенным *бытием*? Очевидно, то, что и *житьё*, и *бытие* протекают во времени. Понятие жизни (жития) подразумевает: то, что родилось,

неизбежно движется к смерти. А *бытие* означает, что всякая вещь имеет начало и конец. Этим *бытие* отличается от некоторых других философских понятий, образованных от того же глагола *быть/есть: естество, сущность*. Время — это всегда изменение. «Если бы не было событий, не было бы и времени», — говорил блаженный Августин. Если вещь изменяется в бытии, мы говорим о ее развитии, если же меняется ее сущность и естество, она перестает быть сама собой.

К этому можно добавить, что сущность предмета обычно бросается в глаза: упругость мяча, твердость угловатого камня, мягкость шерсти и т. д. Что же касается *бытия*, то, при всей его самоочевидности, дать ему определение значительно труднее. Об этом в «Анне Карениной» долго спорили сводный брат Константина Левина Сергей Иванович Кознышев с неким харьковским профессором философии. Профессор утверждал, что все человеческие ощущения вместе и дают чувство бытия, а Кознышев в этом сомневался. Впрочем, надо сказать, что и сущность, при всей своей внешней броскости, бывает порой трудноопределимой и обманчивой.

Эта проблема остро волновала Федора Михайловича Достоевского. Он прозревал за внешним лоском светского человека глубины цинизма и мерзости, а в падшей женшине находил трогательную душевную чистоту. Знаменитые монологи героев Достоевского кажутся отступлением от правдоподобия, но для писателя это был путь постижения внутренней сущности персонажа. Современник же Достоевского датский писатель и философ Сёрен Кьеркегор (1813—1855) считал, что подлинная сущность вещей вообще не постижима разумом. Осознание этого приводит человека к отчаянию, которое, однако, благотворно: оно открывает путь человека к Богу — а только в Нем и открывается истинное понимание себя и жизни.

Последователями Достоевского и Кьеркегора были философы-экзистенциалисты. Они четко различали понятия *сущности* и *существования* (или *бытия*). Существование — это некая не познаваемая до конца первооснова. А раз это так, то ничего достоверного о мире мы знать не можем, размышляли они. Мир представлялся им крайне неуютным, а человеческое существование — трагичным: непостижимость существования (экзистенции) делает людей разобщенными, к тому же они ничего не могут узнать о жизни, кроме ее бренности. Это мироощущение прекрасно показали писатели-экзистенциалисты Альбер Камю (1913—1960; повесть «Посторонний», роман «Чума»), Жан-Поль Сартр (1905—1980; роман «Тошнота», пьесы «Мухи», «Дьявол и Господь Бог»).

Определив разницу между житейским *бытьём* и философским *бытием*, мы, наверное, сможем постичь и смысл названия первой книги Ветхого Завета — *Бытие*. Но, открыв ее, мы убеждаемся в том, что в ней речь идет не просто о мироздании (как можно было бы предположить по названию), а именно о его истоках. *Бытие* здесь — перевод греческого названия этой книги Гένεσις, что означает ‘рождение, происхождение’. И ведь действительно — Книга Бытия посвящена сотворению мира и рождению человека.

Дело в том, что в древнерусском языке слово *бытие* имело еще одно значение. В Лаврентьевской летописи (1305 г.) говорится: *и научися ω(т) ангела Гавриила ω бытии всего мира и о первъемъ члвѣцъ* «Моисей же узнал от ангела Гавриила о происхождении всего мира и первом человеке». *Бытие* могло означать именно ‘происхождение, рождение’, поэтому древнерусские книжники и перевели так название первой книги Библии. Но почему *бытие*, вбирающее в себя всё течение жизни, стало обозначать именно ее исток? Для ответа на этот вопрос вспомним известную пословицу: *Что было, то быльем поросло. Было и быльё* перекликаются между собой, и нам кажется, что они обозначают одно и то же. Но В. И. Даля объясняет: *быльё* — это трава, *былинка*. Недаром говорят и так: «Что было, то травой поросло». А родственны ли друг другу слова *быльё* и *бытие*? Этимологи отвечают на этот вопрос утвердительно. *Бытие*, как и первичный для него глагол *быть*, содержит в себе индоевропейский корень **bheu-/bhu-*, который обнаруживается также в греческом φύω ‘рождать / рождаться’, φύλλον ‘лист’ (то есть ‘рожденное’), φύσις ‘природа’ (= ‘порождение’). Вспомним, кстати, что и русское *природа* происходит от глагола *рождать*, точно так же, как латинское *natura* — от *nascor* ‘рождаться’. В древнеиндийском корень **bheu-* присутствует в глаголе *bhavati* ‘становиться’, в латыни — *fuit* ‘он был’. Значит, этот древний корень включал в себя понятие рождения (которое отразилось и в именах растительности — русское *былие*, *быльё*, греческое φύλλον); рождение — это всегда становление. Становление может быть понято как процесс развития и как его результат. Процесс становления приводит к появлению сущности. Так бытие — и с философской, и с этимологической точки зрения — оказывается в промежутке между рождением и естеством.

Осмысливая эту двуплановость бытия, философы трактовали ее по-разному. С точки зрения древнегреческого мыслителя Гераклита Эфесского, весь мир — это постоянное становление и изменение: нерожденное рождается, родившееся умирает. Гераклиту приписывают

изречения: «Все течет, все изменяется» и «В одну реку нельзя войти дважды» (потому что в реке будет уже другая вода, уносящая с собой и частицы берега). Напротив, его современник Ксенофонт Колофонтский и ученик Ксенофона Парменид Элейский отрицали всякое изменение (см. об этом также в заметке «Время»). Бросающиеся в глаза признаки движения они считали обманом зрения. Вспомним известное стихотворение Пушкина, которое так и называется — «Движение»:

Движенья нет, — сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее он не мог бы возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.

Действительно, трудно ответить более наглядно и убедительно. Но Пушкин показал всю иллюзорность этой наглядности:

Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день над нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

В этом удивительно гармоничном стихотворении ритм подчинен общему смыслу. Как точно заметил тонкий знаток поэзии и замечательный лингвист, мой покойный учитель О. С. Широков:

...В пятой строке, где «незаконно» пропущено ударение на пятой (от конца, т. е. на начальной) стопе (*Но, господа...*) ритм сломан (эта «поломка» согласована и с содержанием стихотворения: «ломается» наглядный довод при настоящем научном споре с «брадатым» мудрецом) [Широков 1985: 83].

В том-то и была сила античных мудрецов, что их вопросы не имели простых и однозначных решений и не могли быть отвергнуты только путем наглядных примеров. Ученик и последователь Парменида Зенон размышлял: если стрела движется, значит, в любой момент она висит в воздухе. Все движение — это сумма неподвижных состояний. Любая сумма нулей дает нуль, следовательно, движения нет. А если бы оно было, то состояло бы из бесконечного количества отрезков, т. е. любой путь был бы бесконечным. И для того, чтобы опровергнуть Зенона Элейского, понадобились тончайшие математические методы, разработанные в XVII в. гением Ньютона и Лейб-

ница, а в конце XIX в. — великим немецким математиком Георгом Кантором.

А наш соотечественник, философ начала века Е. Н. Трубецкой попытался дать свой синтез учения Гераклита и Парменида. Признавая изменения, он утверждал, что в каждой вещи присутствует некая вневременная умопостигаемая сущность, которую он назвал «сверхсвременным смыслом». Вот почему человек может войти — и не раз — в одну и ту же реку, а стрела благополучно совершают свой полет. Ведь река — это не только сумма молекул воды, но и цельная сущность, которая больше своих составляющих. И эта сущность, как указывает Е. Н. Трубецкой, запечатлена в слове: «Ибо это слово — “река” — выражает собой что-то отвоеванное сознанием у времени, некоторый непреходящий и цельный “смысл” чего-то текущего» [Трубецкой 1993: 67]. Человеческому мышлению свойственно опираться на твердо установленные сущности. И лишь познав их, выделив из хаотического потока жизни, можно переходить к осмысливанию изменчивого мира. Во введении шла речь об означивании как способе остановить время. Е. Н. Трубецкой объяснил его роль в мышлении.

Возвращаясь к *бытию*, мы можем заметить, что глагольный корень, лежащий в его основе, используется только в прошедшем и будущем времени. Настоящее же время образуется с помощью корня *ес-* (*я есть, он есть* и т. д.). Связано ли это обстоятельство с первоначальным значением обоих корней? Чтобы ответить на этот вопрос, надо подумать о том, что такое настоящее время.

Персонаж чеховского рассказа «Учитель словесности» Ипполит Ипполитович любил провозглашать прописные истины. Даже перед смертью он повторял: «Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено...» Ясно, что он имел в виду не каких-то конкретных лошадей, насыщающихся перед его глазами. Настоящее время в этом случае выражает постоянные и важные признаки — то, что мы связываем с вневременной сущностью — естеством. Иными словами, настоящее время — это как бы и не совсем время, в отличие от прошедшего и будущего, которые всегда дают нам ощущение совершающегося процесса, именно поэтому они выражены глаголом, обозначающим бытие во времени, а глагол естества связан с настоящим. Если же корень *бы-* вторгается в настоящее, он меняет свое значение: быть — бываю. Глаголу *бывать* присуще более узкое, специфическое значение — ‘находиться где-то постоянно и регулярно’. От глагола с этим значением образуются приставочные глаголы: *побыть* (*по-бывать*), *до-быть* (*до-бывать*), *при-быть* (*при-бывать*),

за-быть (*за-бывать*), *из-быть* (*из-бывать*), *от-быть* (*от-бывать*). Приставки придают различные значения корням, но общий смысл глагола сохраняется: *добыть* значит сделать существующим для себя, *избыть* — сделать несуществующим, а *забыть* — сделать несуществующим в уме.

В русском языке, как и во многих других, есть глаголы, обозначающие не само действие, а побуждение или принуждение к нему (так называемые каузативные, от латинского *causare* ‘причинять’): *слить* ‘быть известным’ — *славить* ‘делать известным’. Подобные же глаголы образуются и от *быть-бывать*: *при-быть* — *при-бавить*, *до-быть* — *до-бавить*, *из-быть* — *из-бавить* и даже *за-быть* — *забавить*. Ведь *забыть* — ‘выбросить что-либо из памяти’, а забава помогает забыться, то есть выбросить из головы неприятные мысли.

Мы убедились, что категория бытия весьма многопланова, а обозначающий ее глагол *быть* имеет разные значения. Но и глагол *есть*, несмотря на его внешнюю простоту, неоднозначен. Всякий, кто преподавал русский язык жителям Западной Европы и Прибалтики, знает, что им труднодается оборот типа *у меня есть книга*. Ведь в их родных языках эта мысль выражена совершенно иначе: по-немецки *Ich habe ein Buch*, по-английски *I have a book*, по-французски *J'ai une livre*, по-итальянски *io ho uno libro*, по-литовски *āš turiū knūdą*. И, переходя на русский язык, носители этих языков бессознательно копируют привычную для них конструкцию «Я имею книгу», которая по-русски допустима, хотя и не очень естественна. Но параллель *у меня есть книга — я имею книгу* показывает, что глагол *есть* может означать и обладание.

И здесь мы снова обращаемся к различию сущности и существования. Поскольку сущность — это набор признаков, то мы можем назвать ее в известном смысле обладанием: лошадь обладает признаками млекопитающего, четвероногого, непарнокопытного, свойством быть сено и овес. Напротив, у существования — бытия — есть один главный признак — время.

Знаменитый немецко-американский психиатр и философ Эрих Фромм глубоко исследовал соотношение бытия и обладания. Обладание — это только малая часть бытия; плохо, когда она заслоняет от человека все стороны жизни. Если верующий относится к религии как к своей собственности, то она сводится для него к готовым на все случаи жизни правилам, и такой человек может стать религиозным фанатиком. Напротив, вера, открытая миру (принцип бытия), — это прежде всего настрой души, чувство единства с миром, ощущение его

неслучайности. Знание-обладание — это набор механически усвоенных сведений и фактов; знание, открытое миру (принцип бытия), — это понимание их взаимосвязи. Любовь-обладание — это ревность и деспотизм; любовь-бытие — желание блага любимому (любимой). Иными словами, человек, настроенный на обладание, видит лишь себя в мире, а тот, кто ориентируется на бытие, старается увидеть этот мир таким, каков он есть.

Размышляя о бытии, естестве, существовании, мы все время наталкивались на философские проблемы. И неудивительно: ведь эти понятия лежат в основе мироздания.

ВРЕМЯ

Время — удивительная вещь. Все его чувствуют, но передать это ощущение очень трудно. Прав был блаженный Августин, когда с горечью говорил: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю». А Иммануил Кант объяснял эту невозможность выразить время тем, что время лежит в основе человеческого восприятия и не может быть выведено ни из каких явлений. Иначе говоря, время — не предмет, а необходимое условие человеческого мышления, и пытаться его объяснить — все равно, что сдвинуть стул, на котором сидишь.

Именно поэтому народы, поэты, философы создали множество метафор для времени, приписывая ему самые различные формы движения: время приходит, уходит, идет, бежит, меняется. В русских пословицах время может быть подателем благ: *время разум дает, время деньги дает, а на деньги и времени не купишь*. Время не только благо, но и необходимость: *не человек гонит, а время — и, наконец, сила во времени*, т. е. для всего нужно свое время, тогда и сила появляется, ибо: *для всякой вещи (каждому овощу) — свое время, а время на время не приходится*. Благое время противостоит недоброму безвремянию (сейчас мы говорим — безвременю): *время красит, безвремяние старит (чернит); доля во времени живет, бездолье в безвремянии*.

Еще более разнообразно время у поэтов:

Река времен в своем течены
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

Этот образ навеян мифологической Летой — рекой забвения, текущей из мира живых в мир мертвых. Так писал в 1816 г., за два дня до смерти, 73-летний Г. Р. Державин. А молодой Пушкин представил в 1823 г. время таким образом:

Хоть тяжело порой в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Лихой ямщик, седое время
Везет, не слезет с облучка («Телега жизни»).

Поутру, т. е. в молодости, езdk готов мчаться на этой телеге сломя голову и гнать ямщика, в полдень пыл его утихает, к вечеру он уже привыкает к своей телеге, но, увы, приближается конечная станция на его пути, *а время гонит лошадей*.

Представления о всепоглощающем времени очень стары. Древние греки отождествляли время (*χρόνος*) с богом Кроносом, пожирающим своих детей. Ведь все рождается во времени, и время поглощает все рожденное. Не менее древнее отождествление человеческой жизни с временами суток. Вспомним знаменитую загадку сфинкса: «Кто утром ходит на четырех ногах, днем — на двух, вечером — на трех?»

Так что же получается? Время — даритель, оно же и губитель? Таким образом в одном понятии сочетаются настолько противоположные смыслы? Чтобы понять это, надо все-таки попытаться приблизиться к вопросу, который так смущал Августина: что такое время? Кант объяснил нам трудность ответа на этот вопрос, но и указал путь к такому ответу: если время лежит в основе человеческого мышления, то, изучая все метафоры, с помощью которых человек его передает, можно приблизиться к пониманию времени.

Люди не всегда воспринимали время одинаково. С самых давних пор они обращали внимание на регулярные, повторяющиеся процессы, которые делили время на разные отрезки. К ним относится смена дня и ночи, времен года и т. д. Наблюдения за ними не были праздным любопытством: вся жизнь древнего человека (впрочем, и современно-

го) зависела от календаря. Люди замечали, что в определенное время суток солнце находится на определенной высоте над землей. Высоко стоящее солнце отбрасывает короткую тень, низко стоящее — длинную. Благодаря этим наблюдениям появилась возможность сделать солнечные часы — столбик, отбрасывающий тень на расчерченное по кругу поле. Искусство изготовления солнечных часов развивалось: древнегреческие астрономы и механики уже знали, что в разные времена года в один и тот же час солнце находится на разной высоте над горизонтом, поэтому циферблат солнечных часов усложнился разметками в соответствии с различными временами года.

Однако солнечные часы — недостаточный прибор. В пасмурные дни, а тем более ночью они бесполезны. Поэтому уже в античности были изобретены часы, не зависящие от капризов погоды — водяные и песочные. Они состояли из двух расположенных друг над другом сосудов, соединенных узким перешейком. Время перетекания (пересыпания) из одного сосуда в другой и составляло единицу отсчета. Позднее были изобретены механические часы с гирями и пружинами; в наше время появились и сверхточные так называемые атомные часы, с помощью которых оказалось возможным измерить даже незначительное замедление вращения Земли вокруг своей оси.

Все эти часы объединяет одно. Время в них предстает как подобие пространства — как движение по размеченной шкале (циферблату). Такое время можно назвать внешним: предметы и явления существуют во времени. Но ни оно на них, ни они на него не оказывают непосредственного влияния. Такое представление о времени воплощено в механике и космологии Ньютона, где время и пространство абсолютны. Образно говоря, эти понятия у Ньютона являются декорациями на сцене, где разыгрывается мировая драма. И более того. Сравнение времени с пространством позволяет некоторым физикам и философам утверждать, что времени вообще нет, а есть лишь еще одно пространственное измерение. Выглядит это так: то, что мы принимаем за изменение предмета во времени, на самом деле есть проявление дотоле неизвестных нам черт (как если бы мы обходили вокруг дома, обнаруживая те или иные детали на его четырех стенах, которые раньше не воспринимали). Такой точки зрения придерживался древнегреческий философ Парменид. Ее развивал наш соотечественник (умерший в эмиграции) П. Д. Успенский. А величайший древнегреческий философ Платон полагал, что существует два разных мира: мир идей, вечных и неизменных, и его отражение — мир вещей. Огонь может гаснуть — идея огня неугасима. Значит, когда огонь гаснет, идея

огня скрывается из наших глаз. Французский писатель Анри Амиель (1821—1849) так обобщил идеи Парменида, Платона и Канта: «Время есть величайшая иллюзия. Она только внутренняя призма, сквозь которую мы разлагаем бытие и жизнь; образ, в котором мы видим то, что вневременно». Время с точки зрения такой философии — это шоры, мешающие увидеть мир. Человек в тисках времени подобен трем слепым из индийской басни, познакомившимся со слоном. После этого один слепой утверждал, что слон — это тумба, другой, — что это труба, третий, — что веревка.

Представление о времени как о части пространства глубоко укоренилось в человеческом языке. Мы говорим: «Поток времени, путешествие в прошлое и будущее» и т. д. Но еще более распространено другое восприятие времени. Все пословицы и цитаты, приведенные в начале заметки, говорят о том, что время — это не мертвый кусок пространства и не равномерное механическое движение. Время, прежде всего, — это деятель. Его длительность и интенсивность определяется не внешним наблюдением, а происходящими в нем событиями. Событие и время неразделимы. Именно поэтому время может быть благоприятным и неблагоприятным. Неблагоприятное время, когда ничего не происходит, — это и есть то самое безвременье, которое, по пословице, чернит и старит, в котором живет бездолье, т. е. несчастье, неудача. В этом значении синонимами *времени* являются *пора*, *срок* и диалектное *добра*, о которых речь идет в заметке «Добро». Такое время не идет непрерывно, а приходит и уходит, убыстряет и замедляет свой бег. О каждом человеке или явлении можно сказать: вот его время, когда он (оно) проявляется с наибольшей полнотой. *Придет время, будет и нам черед*, — говорит русская пословица. Но и человек может воздействовать на время: как сказал Вольтер, «время довольно длинно для того, кто им пользуется; кто трудится и кто мыслит, тот расширяет его пределы». О таком времени никак не скажешь, что оно есть только представление человека. К нему применимо изречение английского романиста Сэмюэла Ричардсона, того самого, которым зачитывалась Татьяна Ларина и которого понапрасну обожала ее мать: «Берегите время, это ткань, из которой сделана жизнь».

Любопытно, что в старом русском языке *время* имело еще одно значение — «погода». В. И. Даль подтверждает это примером: *каково время?* — Холод, дождь, снег. Подобно тому как худое время называют безвременьем, дурную погоду именуют непогодой. Ясно, что и это значение подчеркивает событийный и деятельный характер времени. И если пространственное время можно сравнить с временем

Ньютона, то внутреннее время находит параллель в теории относительности. Здесь время существует не само по себе, а в зависимости от протекающих событий; каждый предмет живет своим внутренним временем, и его скорость зависит от происходящих с ним событий.

Живя во времени, человек не может пропустить его через свою душу. Восприятие времени человеком субъективно (здесь Кант и Амиель абсолютно правы!) и эмоционально. Кто не замечал, что в момент скуки и тягостного настроения время тащится медленно, почти застывает, и наоборот, в момент радости, торжества время спрессовывается так, что час пролетает, как минута. А когда человек делает что-то с увлечением, он вообще не замечает течения времени. И, оценивая прошлое, человек ведет счет не столько часам и дням, сколько вместившимся в них событиям. И яркие воспоминания кажутся по времени ближе, чем память о повседневной жизни. Блаженный Августин много размышлял над вопросом, существует ли прошедшее и будущее время? Ведь прошедшего уже нет, а будущего еще нет. Но если нет их, то не может быть и настоящего. Ведь при таком понимании оно должно представлять собой только миг, ежесекундно появляющийся из небытия и в него же погружающийся. Расположить все времена на оси оказалось возможным с помощью именно субъективного представления: «Настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание, настоящее будущего — его ожидание», — говорил Августин.

Итак, время движется. Движение это можно рассматривать как внешнее по отношению к миру, как тесно связанное с его бытием, становлением, изменением, а также как пропущенное через человеческое восприятие. А можно ли определить, в каком направлении движется время, обозначить его движение? Размышление показывает, что движение времени многомерно.

Во-первых, время движется в сторону возрастания или уменьшения энтропии (об этом физическом понятии, широко применяемом и в гуманитарных науках, говорится в послесловии). В физической системе, предоставленной самой себе, энтропия растет. Проще говоря, если дом не поддерживать и не ремонтировать время от времени, он когда-нибудь рухнет. В биологической системе время движется волной. Когда организм развивается (от зародышевого состояния до зрелости), он совершенствуется и усложняется, то есть его энтропия уменьшается. Старение же — это возрастание энтропии, заканчивающееся ее полной победой — смертью. Впрочем, большинство организмов успевают до смерти дать начало новым жизням — новым

волнам в потоке времени. Похожим образом развиваются и социальные системы: общество тоже может быть молодым, зрелым и старым, оно может и разрушиться. Отличие от живых организмов состоит в том, что потоки времени здесь гораздо более прихотливы: один и тот же социум в течение короткого времени может пережить подъем (нарастание сложности и упорядоченности), спад (упрощение системных связей, которое метафорически называют одичанием) и снова подняться к сложным и разнообразным общественным отношениям. Впрочем, эта тема может нас далеко увести от языкового воплощения времени. Не будем касаться ее вскользь. Неупорядоченность в любой системе, живой или мертвый, называется энтропией. Означивание — это остановка времени, создание традиции на основе знака — движение в сторону от энтропии, потеря знаком связи с миром — движение к энтропии.

Во-вторых, можно задуматься вот над чем: вперед или назад движется время? Или, выражаясь несколько более строго, каковы временные координаты? Вопрос не праздный. Ведь говоря о *прошлом* и *прошедшем* времени, мы используем приставку *про-*, обозначающую движение вперед. Печать именно такого представления несут на себе многие слова, связанные с прошлым: *предок* и *прежний*. В их основе лежит церковнославянское наречие *предъ* (русское *перед*). Здесь мы встречаемся с представлением о прошлом как о находящемся впереди. Значит, будущее — позади? Конечно, ведь предлог *после*, которым мы обозначаем будущие события, означает ‘позади’. Собственно говоря, он, по-видимому, является усечением оборота *по-слѣди* ‘затем’ (дословно ‘в последующем’); простой предлог *по-* тоже имеет значение ‘после, позади’, сравните такие сочетания, как *попалуночи*, *пополудни*. Представления о находящемся впереди прошедшем и позади — будущем свойственны многим языкам. В латыни прилагательное *antiquus* ‘старый, прежний’ (от которого происходит *античный*, *антиквар*) произведено от предлога *ante* ‘впереди, перед’, *posterus* ‘дальнейший’ — от *post* ‘позади, после’. В древнегреческом предлог *πρό* ‘перед’ часто имеет значение ‘раньше’. Такая система координат понятна, если мы представляем время как движущийся поток и глядим на мир с точки зрения движущегося времени. Но французский ученый Пьер Буаст (1765—1724) сказал: «Время неподвижно, как берег; нам кажется, что он бежит, а, напротив, проходим мы». И в самом деле, можно взглянуть на время и так: само по себе оно лишь среда, а действует в мире сам человек. В этом случае можно представить время как дорогу, по которой мы идем из прошлого в будущее. Такое представление тоже плю-

боко укоренено в человеке. Размышляя о будущем, мы думаем: «Что-то ждет нас впереди?», подводя итоги прошлому — «позади осталась часть жизни». Есть два слова, образованные похожим образом, но воспроизводящие два разных представления о времени: *предшествующий* и *предстоящий*. Первое связано с движущимся временем и означает ‘прошлый’, второе — с неподвижным и означает ‘будущий’.

В-третьих, можно задуматься и вот над чем: какова линия времененного пути? Испокон веков люди замечали, что многие явления природы регулярно повторяются: встает и заходит солнце, зима, весна, лето, осень следуют друг за другом; регулярно цветут, плодоносят и увядают растения. Каждые сутки и каждый год — это законченный временной цикл. И древним народам, особенно оседлым, земледельческим, было свойственно циклическое восприятие времени. Но картина менялась, когда народ покидал привычную среду обитания, меняя размежеванный уклад жизни. В этом случае члены племени получали общую цель — найти новое место для проживания, вытеснив при необходимости оттуда конкурентов. Цель размыкает кольцо времени и превращает время в линию. Чувством линейного времени пронизаны многие книги Ветхого Завета, в которых рассказывается, как иудеи искали землю обетованную. Линейное время передалось и христианам. Многократно упоминавшийся здесь блаженный Августин говорил, что человечество находится в Граде Человечьем, где все любят себя до забвения Бога. Цель же христианства — привести человека в Град Божий, где все любят Бога до забвения себя. Л. Н. Гумилев связывал представления о циклическом и линейном времени со своей теорией пассионарности. Пассионарность он определял как стремление во что бы то ни стало изменить мир. И тот этнос, где много пассионариев, живет в линейном времени, а тот, где их мало, — в циклическом. Однако сама пассионарность не остается до конца ясной: в молодости все хотят «переделать мир, чтоб был счастливым каждый» (Б. Окуджава), а с годами это желание убывает. Кроме того, надо различать официальную идеологию и умонастроение людей. Марксизм-ленинизм весь пронизан идеей линейного времени (позаимствованной, как и все его атрибуты, из иудео-христианства). Но едва ли можно сказать, что для советского человека время было линейным. Скорее он жил в цикле: утро — работа — вечер (для мужчины — выпивка с приятелями, для женщины — домашняя работа); очередь — достать — снова очередь. Отношение каждого человека к времени зависит от его собственного мировоззрения. Если он ставит перед собой большую задачу, то его время линейно. Если же цель

его жизни — просто поддерживать свое существование, то он живет в циклическом времени.

Время может представляться равномерным потоком, без конца движущимся по своему пути, а может — поднимающейся и опадающей волной. В первом случае говорят: *Время идет*, во втором — *время приходит и уходит*. Именно со вторым значением *времени* связаны имена *срок* и *пора*. Когда мы читаем у Тютчева:

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора, —

то понимаем: прошла пора Зимы — значит, ушло время, когда Зима могла проявить себя — Зима кончается. А в стихах из «Евгения Онегина»:

Пришла пора, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено —

речь идет о событии, которое, наоборот, дождалось своего времени и поэтому сравнивается с природным процессом.

Пора — это время реализации события, процесса, время, когда человек и явление проявляют всё заложенное в них. И когда Пушкин говорил об осени «Теперь моя пора», он имел в виду, что именно в свою пору он может наиболее активно творить, именно в этот срок его жизнь становится особенно содержательной. Что же касается *срок*, то его этимология прозрачна: приставка *с-* + корень *рок-* (ср. *речь*). *Срок* — это названное, назначенное время.

Внешнее, пространственное время запечатлено в таких словах, как *день*, *ночь*, *час*. *Час*, как и *часть*, связан, по-видимому с древним корнем **kes-* (коса, чесать), означавшим ‘резать’; *час* — это зарубка на пути времени. Русское и общеславянское *день* вместе с литовским *dienà*, латышским *diena*, древнеиндийским *dina* родственно имени бога неба: древнеиндийское *dyáus*, греческое *Zeús* — главный бог греческого пантеона. Все эти слова происходят от корня, запечатленного в древнеиндийском же глаголе *divyati* ‘играть, сиять, светить’. Следовательно, *день* — это свет, светлое, благоприятное время суток. Наоборот, *ночь*, как и литовское *naktis*, латинское *nox*, греческое *νύξ*, древнеиндийское *nák*, родственно таким словам, как латинское *nex*

‘убийство’, *посеге* ‘вредить’, греческое *νεκρός* ‘мертвый’. Ночь — время смерти, господства темных сил. Темнота представлялась нашим предкам весьма зловещей; в память об этом мы до сих пор называем *темными* не только комнату и время суток, но и подозрительных людей, сомнительные дела. Итак, день — благоприятный свет, ночь — враждебная тьма. Впрочем, следует отметить, что древние индийцы почитали ночь, возносили ей молитвы. Самая известная молитва — гимн Ригведы (X 127), где ночь именуется «многоглазой» и бессмертной. Ночь — это преддверие зари, победа над силами тьмы, ибо за ночью всегда следует день. Индийский религиозный деятель Б. Тилак полагал, что в этом гимне речь идет о полярной ночи. На этом основании он считал, что индоевропейцы пришли на полуостров Индостан из приполярных областей. Но никаких оснований для столь широко идущих выводов текст этого гимна не дает. Тезис о полярной прародине индоевропейцев не был поддержан ни одним серьезным лингвистом и археологом. Мы бы и не упоминали о нем, если бы теория Тилака не нашла поддержки в некоторых околонаучных и вненаучных кругах⁸. В действительности же, конечно, именно южная ночь, краткая, быстро наступающая и так же быстро прекращающаяся, могла восприниматься древним человеком как «сестра зари».

Что же касается слова, объединяющего день и ночь, — сутки, то оно возникло в славянских языках. В чешском языке *swika* ‘узкий проход’. Этимология этого слова проста: приставка *су-* + корень *тк-*, представленный в *ткать*, *тыкать*. *Сутки* — это соединение,стык дня и ночи. Откуда же взялась приставка *су-*? Она представлена в таких именах, как *су-мерки* (*меркнуть*), *сугроб* (*грести*), *супоросая*, *сугянная*. Дело в том, что древняя славянская приставка и предлог

⁸ Свидетельством этому может быть перевод книги Тилака в издательстве «Вече» (2001 г.). Страстным пропагандистом теории Тилака выступил профессор философии из Новосибирска В. Н. Демин (1942—2006), который в нескольких книгах («Загадки Русского Севера», «Тайны русского народа») доказывает, что не только индоевропейцы, но и все человечество происходит из гипотетического континента Гиперборея, осколком которого является Русское Заполярье. Не обладая необходимой археологической подготовкой, В. Н. Демин произвольно удревняет археологические памятники Русского Севера на тысячелетия. А вологодский историк Светлана Жарникова полагает, что северорусские говоры — это видоизмененный санскрит; см. [Филиппов 1997]. Здесь мы сталкиваемся уже с отсутствием элементарных лингвистических познаний у журналиста Филиппова и этнографа Жарниковой, не различающих отдаленного родства и преемственности языков.

сън- по-разному вела себя в зависимости от того, какой звук за ней следовал. Перед ощущаемым концом морфемы она превращалась в съ (со-); перед гласным — в сн- (сравните *снедь, снедать = съедать*: в первом случае мы не чувствуем разделения приставки и корня). Перед согласным же сочетание ън- превращалось в носовой гласный, изображавшийся на письме как юс *большой* (ж), перешедший в большинстве славянских языков в [у]. Интересно, что этот фонетический процесс действовал в именах, но не в глаголах. Причиной этого явилось то, что имена с приставками очень давно стали восприниматься как цельные неделимые слова. И, чтобы узнать в слове *сутки* глагол *ткать*, а в *сугроб* — *сгребать*, понадобилось специальное исследование. Напротив, всякий глагол с приставкой всегда вызывает в памяти говорящего бесприставочный глагол. Глагольная приставка занимает среднее положение между отдельным словом и морфемой. И древнерусская фонетика сохранила след этой двойственности.

Заслуживает внимание история слова тоже не очень древнего, но по-своему примечательного. Русское *сезон* заимствовано из французского *saison*. В свою очередь, это слово есть закономерное преобразование латинского *satio*. Но латинское слово не имеет никакого отношения к времени, оно означает ‘посев’. Значит, новое, переносное значение могло возникнуть только в первые века новой эры, в период отделения французского языка от латыни. Это показывает, что метафорическое представление времени свойственно не только первобытным людям, оно присутствует в человеческом мышлении как постоянный компонент. А посев, как одно из самых важных событий года для земледельца, неоднократно становился обозначением промежутка времени: латинское *saeculum* ‘век’ относится к тому же корню, что и *satio*.

Внутреннее время — время изменения сущности — запечатлелось в словах *век* и *год*. О них см. статьи «Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики» и «Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке» (наст. сборник, с. 17—42). Существительное *добра*, находящееся в родстве с *добрый* и *сдобный*, тоже обозначает время как субъективно приятное переживание.

Сумели ли мы ответить на вопрос блаженного Августина — что такое время? До конца, конечно, нет: слишком сложно и многогранно это явление, слишком много нерешенных проблем ставит оно перед разными науками. Но удивительным образом эта многогранность предвосхищена языком. Изучая происхождение названий времени, мы видим картину, близкую к научной.

ВЕК. ЧЕЛОВЕК

В работе «Три историко-семантических этюда об индоевропейском человеке» (наст. сборник, с. 33—42) было показано, что *век* далеко не всегда означает ‘столетие’: *веком* можно обозначить периоды и большего, и меньшего времени. Так что же такое *век*? Может быть, изначально это — «период времени, эпоха»? Что ж, наши примеры подтверждают такое толкование. Викторианский век — время правления королевы Виктории, екатерининский — императрицы Екатерины. Но *время* и *век* — отнюдь не синонимы; их производные *временный* и *вечный* — это самые настоящие антонимы. Временный — это преходящий, тленный, бренный; вечный — это постоянный, не поглощающий державинской «рекой времен». Противопоставление времененного и вечного играет огромную роль в человеческой культуре, не меньшую, чем противоположение конечного и бесконечного, света и тьмы. Вечен мир — временна любая его часть, вечен дух — бренно тело, вчна мысль — страсти преходящи.

Батюшков, сойдя с ума, воображал, что живет в вечности, но о том, как связать время и вечность, думали отнюдь не сумасшедшие. Вот что писал великий философ, математик и поэт, один из ярчайших умов поздней античности Манлий Северин Боеций (480—525 гг.):

В мире с добром постоянным
Рядом живут перемены,
Вечен союз двух враждебных,
Разных вполне оснований.

Такое мировоззрение было подготовлено всем развитием античной и христианской мысли. Платон противопоставлял временный реальный мир вечному миру идей; временному царству кесаря в Евангелии противостоит грядущее вечное царство Божье; линейное время блаженного Августина заканчивается достижением Града Божьего, т. е. переходом в вечность⁹.

---

⁹ Такова же философия истории Н. А. Бердяева («Смысл истории»).

Глубокое различие времени и вечности тонко ощущал талантливый полузабытый казанский поэт начала века Н. А. Васильев (1880—1940). В своем сборнике с характерным названием «Тоска по вечности» он писал:

Прошедшее не давит, не терзает;
Грядущее бесцельно не зовет;
Одно лишь Настоящее ласкает
И полнотою жизни жжет...
Лишь там любить возможно бесконечно,
И вечно новой будет там любовь.
Чарующее слово: вечно, вечно —
Там значит только: вновь и вновь.

(Замечу в скобках, что Н. А. Васильев известен прежде всего как выдающийся философ и логик, заложивший несколько новых направлений этой науки. В своих логических штудиях он строго научно обосновывал то, что ранее высказывал в поэтической форме, в том числе и противопоставление временного и вечного¹⁰.)

В Вечности не может быть прошлого, настоящего и будущего — все это вехи на пути Времени. Поэтому мир Вечности лишен страха смерти и разрушения, и оттого он представляется поэту царством блаженства. Вечная красота, вечная женственность, вечные ценности и идеалы — вот что вдохновляет поэта:

Ты вечности заложник
У времени в плену, —

так определил Пастернак сущность и назначение художника.

Итак, связь времени и века оказывается противоречивой. Эти слова могут быть и синонимами, и антонимами.

А что значит *на наш векхватит?* Очевидно, *век* здесь равнозначен жизни; как сказано в одном старинном словаре, *вѣкъречеться и жи-вотъ человѣка когожда* ‘веком называется и жизнь каждого человека’. И не только человека: старое выражение *от века* означает ‘исконы, изначально, от сотворения мира’; *до веку, на века, на веки вечные, до скончанья веков* — все это значит ‘до конца существования мира’.

¹⁰ Подробные сведения о судьбе и творчестве Н. А. Васильева читатель найдет в его книге [Васильев 1989]; особенно интересен биографический очерк, написанный В. А. Бажановым.

Итак, век — это жизнь? Но вернемся к веку правителей. Конечно, все они пришли к власти не с момента рождения: Виктория взошла на престол восемнадцати лет, Екатерина II — тридцати четырех, а Перикл был избран верховным правителем Афин в еще более зрелом возрасте — сорока пяти лет. Их *век* — не просто время их жизни, а жизни особой, наиболее яркой и полноценной. А шутливая пословица *сорок лет — бабий век* означает, что к сорока годам женщина должна утратить свою красоту и привлекательность (это, разумеется, совершенно не так; впрочем, в литературе еще прошлого века можно было встретить таких удивительных персонажей, как «старик лет пятидесяти», «старуха лет сорока с небольшим»: представление о старости меняется с поколениями людей). Можно сказать так: *век* — это жизненная сила. С этим значением связано и производное *увечье* (древнерусское *увѣкъ*). В нем выделяется корень *-век-/веч-* и приставка *у-*. Она означает отделение (*у-брать, у-нести*), а отделительные приставки иногда передают отрижение; к примеру, потерю веса животных животноводы часто называют *отвесом*. *Увечье*, таким образом, — это потеря *века*, то есть жизненной силы¹¹. Связь этих понятий была бы неясной, если бы мы не установили первичного значения слова *век*.

Теперь понятно соотношение времени и века. Век протекает во времени и может быть поэтому ему равнозначным. Но время неоднородно. Есть время жить и время умирать, время расцвета и время упадка. А век либо длится, либо прекращается. Постоянно же длящийся век, то есть неослабевающая жизненная сила — это и есть вечность.

Именно с понятием силы связаны все однокоренные слова в индоевропейских языках. Слово *век* — яркий пример передачи понятия времени с помощью жизненной силы. Поскольку век связан с вечностью, постольку он стал обозначать самые большие его промежутки. Наши предки измеряли время тысячелетиями и считали: *отъ адама до сего времени минуло есть вѣковъ 5. А седмого вѣка минуло лѣть хмѣ бо лѣть вѣкъ есть единъ* (Кирика Учение¹², XVI в.). Мы же измеряем время столетиями, и в современном литературном языке именно столетие стало основным значением слова *век*.

¹¹ Древнерусское *увѣкъ* могло появиться как калька (дословный перевод) латинского *invalidus* ‘калечь’, где *in-* — отрицательная приставка, а *validus* — ‘сильный’.

¹² Кирик — дьякон и настоятель Антониева монастыря в Новгороде, автор книги «Учение им же ведати человеку числа всех лет».

ПРАВДА. ИСТИНА

Правда истина — это синонимы, а *правда и ложь* — антонимы. Но в языке, как мы уже говорили, не существует абсолютных синонимов, иначе в одном из них не было бы нужды. Например, *базар* и *рынок* почти не отличаются друг от друга в выражениях *идти на базар/рынок, торговать на базаре/рынке*. А вот *общий рынок, мировой рынок* — это не то, что *мировой базар* (такое словосочетание можно использовать лишь в ироническом смысле), а *базарные нравы* не имеют ничего общего с *рыночными*.

В одном из древнерусских псалмов сказано: *правда съ небесь възсіа, а истина съ земли*. Значит, между правдой и истиной есть различия. Они существуют не только в древнерусском языке. Вспомним безымянного чиновника из повести Н. В. Гоголя «Портрет», требовавшего от художника, чтобы тот изобразил его положившим руку на книгу, на которой написано: «всегда стоял за правду». Вряд ли *правду* здесь можно заменить на *истину*. И современный *правдоискатель* — это далеко не всегда искатель истины.

В. И. Даль определял правду четко и лаконично: «истина в деле». Мы бы сказали так: истина — это соответствие действительности, независимо от того, нравится она нам или нет. Истина может быть унизительной, низкой (*Тъмы низких истин нам дороже // Нас возвышающий обман*, А. С. Пушкин), правда же всегда высока, ибо она неразрывно связана с основами жизни. Искатель истины — это ученик, исследующий окружающий мир; правдоискатель же добивается прежде всего справедливости. Но понятие *правды* шире, чем просто справедливость. С точки зрения христианства, правда — это тот закон, который Бог дал человечеству и который управляет человеческой нравственностью. Кто не живет по правде, того Бог не примет: «Без правды жить легче, да умирать тяжелее» (пословица). Знак Божьего благословения — не сила, не жизненные успехи, а правда (вот почему она *съ небесь възсіа*): *Не в силе Бог, а в правде*. В этом изречении речь идет о земной власти, у правды же своя неземная сила: *Правда чище яркого солнца*. В конечном счете правда неодолима: ее нельзя купить, ни погубить: *Заслыть правду золотом, завали грязью — все наружу выйдет*.

Итак, правда, с одной стороны, это истина, а с другой — справедливость, Божье установление. Но в древнерусском значении этого слова было еще шире: из общей идеи Божьего промысла развились более частные понятия: добродетели, праведные поступки (*Вѣрова же Авраамъ Богоу, и въменися іемоу въ правдоу* (Изборник Святослава) ‘верил же Авраам в Бога и это было поставлено ему в заслугу’), честность, честь (но во правдоу сии путь сходити и съ противными сѣ бити, ‘во имя чести идти этим путем и биться с врагами’, — говорится в Ипатьевской летописи ХП в.). Правда — это и закон, свод правил (первый русский свод законов назывался «Русская правда»). Из последнего значения развилось более узкое — ‘показание подследственного’. Сохранились и названия пыток, с помощью которых эта правда добывалась. Когда человека били длинными кнутами, он должен был сказать подлинную правду, а когда ему загоняли иглы под ногти, он должен был поведать всю подноготную.

Как видим, у слова *правда* оказался очень широкий спектр значений. Причем от этого слова в разных значениях образуются различные производные. Человек, соблюдающий правду-истину именуется *правдивым*, а правду-справедливость — *праведником*. Обвиняемый, оказавшийся невиновным, получает статус *оправданного*, т. е. устанавливается, что его действия не противоречили правде-закону. С разными значениями соотносятся и разные антонимы: правде-истине противостоит *ложь*, правде-справедливости — *кривда*. Вражда Правды и Кривды — любимая тема русских сказаний. В «Голубиной книге», толкующей об основах мироздания, читаем:

Это не два зверя собиралися,
Не два лютых сбегалися:
Это Правда с Кривдой сходилися
Между собой они бились-дрались.
Кривда Правду одолеть хочет;
Правда Кривду переспорила
Правда пошла на небеса...
А Кривда пошла у нас вся по всей земле.

Народ толкует правду в соответствии с христианским вероучением и своей нравственностью. Правда — божественная сила, которая, победив Кривду, утвердила на небе. Но небо далеко от земли, и людской обычай, людские поступки могут удаляться от небесной правды.

Поэтому кривде нет места на небе, но нашлось на земле. Кривде соответствует и кривизна поверхности Земли.

Правда и *кривда* — существительные, образованные от прилагательных с помощью редкого суффикса *-да*. Каким же образом эти слова оказались антонимами? Дело в том, что *кривой* по-древнерусски означало не только ‘искривленный’, но и ‘левый’. Восточнославянские племена, жившие в X—XIII вв. на северо-западе России, в частности, на восточном берегу Западной Двины, именовались *кривичами*. Но Западная Двина течет на север, так что с нашей точки зрения ее восточный берег — правый. Мы определяем расположение берегов, повернувшись лицом к устью реки, а наши предки поворачивались лицом к ее истоку. Поэтому с их точки зрения восточный берег Западной Двины был именно *кривым*, левым. На западе кривичи соседствовали с латышами, и следы этого соседства можно обнаружить в латышском языке, где *krievs* означает ‘русский’, а *Krieva* — ‘Россия’.

Но *кривой* — это не только ‘левый’, но также и ‘неправый, лживый, скверный’. Сравните такое выражение, как *кривить душой* или основанную на нем поговорку: *Право ходить, душой не кривить*, где *кривой* противопоставлен *правому*, т. е. «прямому, праведному». *Кривой* может значить и ‘поступающий неправо’, а также ‘виновный, грешный’. Стариk Аким в толстовской «Власти тьмы» возмущился, когда ему наглядно объяснили, что такое банковские, по сути, ростовщические операции: «Да ведь это, значит, тае, мужики кривье как-то, тае, делают, коли кто, тае, бога забыл, значит... Это, тае, не по закону, не по закону, значит». Аким говорил, конечно, не о юридическом законе, в котором не разбирался, а о нравственном, которому и противоречит *кривье*. В древнерусском именно такое значение этого корня было очень распространено. *Ни права, ни крива не убивайте*, — говорится в «Поучении Владимира Мономаха». *Вы же, пришедшие с оружием, правыши поможьте, а кривыя погубите, иже ни словомъ, но руками судь свои дъютъ* ‘Вы же, пришедшие с оружием, правыши поможете, а неправых накажете, которые не словом, но руками суд свой творят’, — древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» римско-греческого историка I в. Иосифа Флавия. Слово *левый* тоже может обозначать нечто неодобряемое, например, *левые заработки*. С другой стороны, в некоторых славянских языках *правый* может означать ‘прямой’ не только в переносном смысле. Если Вы, читатель, окажетесь в Софии и, спросив у местного жителя, как пройти к нужной Вам улице, услышите «Направо», не спешите никаку поворачивать, а идите прямо. По-болгарски *правый* — это именно ‘прямой’ (‘правый’)

чаще обозначается словом *десен*). Слово *деснь* есть и в древнерусском языке, где оно означает как ‘правый’, так и ‘добродетельный’. В древнерусском религиозно-каноническом сочинении «Пандекты» Никона Черногорца (ХII в.) сказано: *Въпроси свѣти могоуща жити десныхъ ради врагоу лѣваіа оустарашаю* ‘попросил привести могущего жить ради праведных для устраниения врага и злобы’. В этом тексте *десный* и *левый* четко представлены как две противоположности.

Уничтожить же *крайду* можно, лишь *исправив* ее, то есть превратив *крайое* в *прямое*, устранив *несправедливость*: *очинить которыи добрыи члвк крайду, любо воевода, а любо пань, очинити исправу и с нимъ*, — записано в договорной грамоте 1349 г. литовско-русских князей с польским королем Казимиром и мазовецкими князьями. Естественно, *право* непосредственно произведено от *правый* (это форма краткого прилагательного среднего рода). В языке глубоко укоренилось представление о *равенстве*, *прямоте*, *справедливости*, лежащих в основе права. *Ius est ars boni et aequi* ‘Право есть искусство добра и справедливости’, — говорили древние римляне.

Таким образом, мы можем видеть довольно любопытную картину: слова *правый*, *прямой*, *хороший* оказываются во многом синонимами друг другу, и им противостоят антонимы *левый*, *крайний*, *дурной*, которые тоже синонимичны друг другу. А попарное сравнение антонимов наводит на мысль, что они обозначают наличие или отсутствие вполне определенного признака: *левый* = *неправый*, *крайний* = *непрямой*, *дурной* = *нехороший*. И такие пары не могут быть языковой случайностью. Они представлены во многих языках. Так, болгарское *десен*, а также древнерусское *десна* с тем же значением, русское *десница* ‘правая рука’ родственны латинскому *dexter*, греческому *δέξιος* ‘правый’, древнеиндийскому *dákṣina*. Но санскритское слово может означать также ‘правильный, хороший, добрый’. Латинское *sinister* ‘левый’ образовано от *sinus* ‘складка, изгиб’ (откуда происходит и название тригонометрической функции с волнобразно изгибающимся графиком), т. е. ‘левый’ означает ‘крайний’. Его синоним — *laevus* — означал не только ‘левый’, но и ‘неуклюжий, неловкий’, а также ‘зловещий, недобрый’. В греческом языке имеется этимологически тождественное ему слово *λαῖος* ‘левый’, от которого образовано имя мифологического царя Лайя (*Λαῖος*), отца Эдипа. Как известно, Лайя, получив от богов предсказание, что его сын убьет его, приказал бросить новорожденного на съедение диким зверям. Но какой-то пастух подобрал младенца и отдал его соседнему царю. Когда же мальчик подрос, он случайно встретил старика Лайя, не зная, что это его настоящий отец, поссорился

с ним и в драке убил его палкой. Лайй пытался уйти с пути, пред назначенного судьбой, и потерпел в этом неудачу. Его неловкая попытка обойти мировой закон и запечатлелась в его имени, которое означает собственно ‘Левый, Левак’. Как видим, противопоставление правого и левого уходит и в мифологию. Это говорит о том, что перед нами — фундаментальные законы человеческого мировосприятия.

О них задумывался еще в VI в. до н. э. великий древнегреческий математик Пифагор, который был также философом и мистиком, основавшим свою школу. Размышляя об основах мироздания, Пифагор пришел к выводу о том, что мир во многом состоит из противоположностей, которые представляются в виде такого списка:

Единое	—	Многое
Правое	—	Левое
Добро	—	Зло
Чет	—	Нечет
Мужское	—	Женское
Прямое	—	Кривое
Свет	—	Тьма
Подобие	—	Различие

Поиски параллелей для этого списка могут привести нас и в Древний Китай, где противопоставлялись два мировых начала — Ян и Инь. Ян — это мужская, светлая, небесная, активная, динамичная сила, Инь — наоборот, женская, темная, земная, пассивная, устойчивая. Наличие Ян позволяет миру развиваться, наличие Инь — оставаться устойчивым.

Пифагор был гениальным мыслителем, способным провозглашать вечные истины. Его утверждение «Числа правят миром» лежит сейчас в основе всех естественных наук, которые решают свои задачи тем, что производят соответствующие вычисления. (Гёте выразился еще точнее: «Числа не правят миром, но показывают, по каким законам мир управляет».) И Пифагоров список противоположностей отразил базовое свойство человеческого мышления: представлять явления мира с помощью наличия/отсутствия какого-либо признака. Оказалось, что и человеческая речь подчинена таким противопоставлениям. В самом деле, возьмем такое распространенное во всех языках мира явление, как глухость-звонкость согласных: [б-п], [г-к] отличаются друг от друга только тем, что в образовании согласных, стоящих слева, принимает участие чистый звук, издаваемый голосовыми связками, а стоящие

справа согласные образованы только ротовой полостью, издающей один шум. Выдающийся русско-американский лингвист Роман Осипович Якобсон («Ромка Якобсон» из известного стихотворения Маяковского) вместе со своими сослуживцами по Массачусетскому технологическому институту Гуннаром Фантом и Морисом Халле предложили более точные характеристики звуков. В их классификации все звуки мира могут быть сведены к 12 звуковым признакам, причем каждый признак может наличествовать и отсутствовать. Открытие Якобсона-Фанта-Халле показало, насколько такие противопоставления, получившие наименование бинарных оппозиций, укоренены в мире человека: он может им следовать, и не осознавая того (не задумываясь же мы, как произносить тот или иной звук: это в нас заложено).

Исследования структуры человеческого мозга показали, что и он работает по принципу бинарной оппозиции: левое полушарие управляет логическим, рациональным мышлением, правое — образным. Представление о разделении всего на мужское и женское начала переносилось древним человеком на весь мир: здесь можно вспомнить не только китайский Инь-Ян, но и то, что в большинстве мифологий небо представлено как отец-оплодотворитель, а земля — как мать-родительница. Мир же представляется созданным в результате либо брака Неба и Земли, либо воздействия небесного активного существа на косную землю. Наконец, как показал крупнейший французский этнограф Клод Леви-Стросс, первобытное племя делилось на две части (рода), связанные друг с другом по принципу так называемой экзогамии [Леви-Стросс 1985]. Это значило, что никто не мог жениться на женщине своего рода, а должен был искать невесту в противоположном.

Бинарные оппозиции — фундаментальная черта человеческого мышления, проявляющаяся в самых разных областях, от фонетики до философии. Частный случай отражения их в лексике — противопоставление *правого* и *левого* во всей широте их значений.

А откуда произошли эти слова? С *десный* и *левый* мы уже разобрались; можно лишь прибавить, что к корню **dek-*, лежащему в основе *десный*, восходит также латинское *decus* ‘нравственное достоинство’, *decorus* ‘прекрасный, красивый’, от которого происходит русское *декор*¹³, *декорация*. Что же касается прилагательного *правый*, то о его

¹³ В XIX в. *декор* означало не только ‘украшение’, но и ‘благополучие’: «И настал конец всем спорам, // Прежний во дворце *декорум*» (А. К. Толстой. «Бунт в Ватикане»).

происхождении интересную гипотезу предложил известный словацкий ученый Шимон Ондруш. С его точки зрения, общеславянское **pravъ* восходит к корню со значением ‘первый’ и непосредственно связано с такими словами, как греческое *πρό* ‘впереди’, *πρώτος* ‘первый’. Это выглядит убедительно, если учесть, что от *правый* имеются такие производные, как *править* (власть), *направлять*, *управлять*, *правитель*. Действительно, тот, кто правит кораблем, всегда стоит впереди, а правящий народом ведет его за собой. Но *правый* и *первый* могут быть связаны друг с другом и благодаря тому, что всякий человек, если он не левша, считая на пальцах, будет начинать счет с правой руки [Ондруш 1986: 177—178].

Впрочем, есть у славянского *правый* родственник, способный привести в смущение этимолога. Латинское *pravis*, совпадающее с **pravъ* в каждой фонеме, означает ‘левый’, а также ‘кривой, неровный, низменный, порочный, скверный’, — как говорится, с точностью дооборот! Каким же образом корень мог получить прямо противоположное значение? Ответ на этот вопрос дает история римской религии. Дело в том, что у древних римлян существовала особая коллегия жрецов, гадавших по полету птиц, — авгуры. Для успешного гадания авгур должен был стоять лицом к югу и наблюдать за различными знамениями. Все, что происходило на востоке, т. е. в месте восхода солнца, считалось благоприятными предзнаменованиями, на западе — неблагоприятными. Поскольку авгур стоял лицом к югу (к полуденному солнцу), то восток (благоприятная часть) находился от него справа. Но обычно человек определяет стороны света, стоя лицом к северу, так что авгурский порядок обратен повседневному. И то, что у латинян, предков римлян, именовалось *pravis* ‘правый’, стало с авгурской точки зрения синонимом скверного, ужасного и неприятного. Заметим, кстати, что известное нам прилагательное *laevus* иногда, под влиянием языка авгуротов, могло означать и ‘благоприятный’.

Можно сказать, что в слове *правда*, *правый*, *справедливость* воплотился целый комплекс древних понятий о мироздании, законности и верховенстве. Именно с *правдой*, *прямотой*, *первичностью* наши предки связывали небесную, божественную волю и закон.

А каково происхождение слова *истина*? Как мы убедились, за ним не стоит таких широких ассоциаций, и этимология его не так ясна. Оно происходит от прилагательного *истый* ‘подлинный, настоящий’. Некоторые ученые полагают, что в его основе лежит праславянская форма **iz-sťь*, где **iz-* — это хорошо известная приставка *из-*, а **sť-* — тот же корень, что и в глаголе *стоять*, то есть первичное значение

этого слова — ‘настоящий’. Другие сравнивают его с латинским meaningem *iste* ‘этот’ и полагают, что первоначально прилагательное означало ‘вот этот’. Третий сравнивают его непосредственно с латинским прилагательным *iustus* ‘справедливый’. Этимология прилагательного *истый* до конца не прояснена, но, во всяком случае, оно не столь связано с пространством, моралью и мирозданием, как *правый*.

Мир

Как хорошо известно, в 1918 г., сразу после Октябрьского переворота, была проведена серьезная реформа русского правописания. Она была задумана великим русским языковедом академиком Ф. Ф. Фортунатовым и проведена под руководством его не менее выдающегося ученика академика А. А. Шахматова. В ходе реформы были устраниены многие буквы, существование которых никак не отвечало звуковому строю языка. Так, *e* и *ë*, *и* и *i* передавали одни и те же звуки. Но в последнее время приходится слышать, что реформа-де была ошибочной и даже вредной. Например, старая орфография помогала различать омонимы *миръ* и *міръ*, из которых первый значит ‘отсутствие войны’, а второй — ‘вселенная’. Роман Л. Н. Толстого «Война и миръ» посвящен событиям военной и мирной жизни, а поэма В. В. Маяковского «Война и міръ» повествует о том, как мировая война отразилась на жизни всего мира. Казалось бы, новое написание действительно внесло некоторые неудобства. Но не будем торопиться с выводами.

Прежде всего — как возникают омонимы? По-разному. Иногда заимствуется иноязычное слово, случайно совпавшее по значению с исконным. В начале XVIII в. через польское посредничество в русский язык из немецкого пришло слово *брак* (одного корня с *brechen* ‘ломать’) ‘некачественная работа’. Оно звучало так же, как исконно русское *брак* ‘жениТЬба’, образованное от глагола *брать* (сравните такие выражения, как *брать замуж*, *новобрачная*). Следовательно, возникла омонимия. А бывает и иначе. Такие слова, как *пахотные поля*, *поля тетради* и *поля шляпы* — это далеко разошедшиеся значения одного слова. Дело в том, что *поле* означает ‘плоское, ровное,

гладкое место, свободное от кустов'. Книжные и тетрадные поля названы так, потому что они свободны от текста, а поля шляпы плоски по сравнению с тульей (кстати, *поле* и *плоский* — слова одного корня). А как омонимы различаются? Помимо значения слова, есть и вполне наглядные способы. Ни одно слово в языке не изолировано: оно находится в составе так называемого словообразовательного ряда, то есть слов, образованных от того же корня. Кроме того, большинство слов в русском языке подчиняются и словоизменению, т. е. образуют разные формы слов. В статье «Вор» будет показано, каким образом словообразовательный анализ помогает решать этимологические задачи.

Рассмотрим слово *мир* с этой точки зрения. От слова со значением 'отсутствие вражды' образовано прилагательное *мирный*, от 'вселенной' — *мировой*. Здесь уже никакой омонимии нет; странно бы звучала фраза *Государства подписали друг с другом мировой договор*. *Мировой* договор значило бы 'охватывающий все государства Земли', а договор о прекращении войны называется *мирным*. Словосочетание *мирная война* можно употребить разве что в шутку (как *сухая вода*), а *мировая война* недоумения не вызовет. Но вот слово *мировая* в выражениях типа *пойти, согласиться на мировую* по смыслу явно связано с миром-покоем, а образовано как будто от *мира-вселенной*. Однако необходимо подчеркнуть, что *мировая* в современном языке — это совсем не то, что *мировой*: это слово, будучи по происхождению прилагательным, приобрело статус существительного: у него постоянно женский род, и оно не нуждается в определении (говоря лингвистическим языком, оно субстантивировалось). Но еще в русском языке XIX в. существовали прилагательные-омонимы: *мировой* (судья) и *мировой* (посредник).

С судьей вопросов не возникает: как пишет В. И. Да́ль, он занимался разбором мелких дел, то есть небольших гражданских тяжб, так что перед ним стояла задача примирить тяжущихся. А *мировой посредник*? Неужели он посредничал между народами и государствами? Нет, это был выборный служащий не очень большого ранга, который решал конфликты между помещиками и их бывшими крепостными в пределах обычно одного уезда. Это название произведено явно не от *мира-вселенной*.

Производящим словом для него стал тот мир, который предстает перед нами во многих пословицах и поговорках: *Мир — велико дело; В миру, как в тишу — всего много;* Если навалиться всем миром — многое можно сделать: *Мир зинет (потянет, дернет) — камень треснет.* *Велико дело* вряд ли сказано обо всем человечестве; замысливая нава-

литься всем миром, народ, очевидно, не высказывался, подобно автору песни «Если бы парни всей земли...», за планетарное единение людей. Во всех этих случаях *мир* — это сельская община. Именно отсюда происходит и такое слово, как *мироед*: по указанию Даля, сперва это был нищий и бездельник, питавшийся за счет своего села, затем — кулак (староста, ростовщик, кабатчик), который, по мнению односельчан, эксплуатировал их, сосал из них соки, уедал их, но не все человечество.

Наблюдая над общиной, народ размышлял: *Где мир — там и мы; Мир без старости — ватага* — и придавал большое значение слаженности и согласию всех, в нее входящих. Община сильна взаимовыручкой и взаимоподдержкой — поэтому говорят, что *на миру и смерть красна*. Именно слаженность и гармоничность — это соединяющее звено между *миром-общиной* и *миром-покоем*. Мудрый и справедливый мир видится в строках Некрасова:

Человек лишь в одиночку
Зол — ошибки не простит,
Мир — «не всяко лыко в строчку»
Спокон веку говорит.

Здесь речь идет, конечно, прежде всего о сельской общине. Но она подчиняется законам, общим для мира-вселенной, и среди этих законов центральное место занимает мир как состояние души, состояние человеческих умонастроений — доброе и снисходительное.

Слаженность и взаимопонимание необходимы не только сельскому сходу. Конечно, в «едином человечьем общежитъи» (Маяковский) не обходится без ссор и недоразумений. Нередко эти ссоры оказываются крупными, разрастаются до разрушительных конфликтов. Но всё же не они оказываются центральными законами человеческого существования (иначе бы человечество давно погибло).

У человечества — единый мир, единый путь, хотя народы и страны слишком часто сбиваются с этого пути. Восстановление порушенного мира требует порой значительных усилий, поэтому в Древней Руси заключение мира называли сотворением: *Мстислав же приде Мурому и створи миръ* («Повесть временных лет»); *И мировъ есьмъ створилъ с Половецкими князями* («Поучение» Владимира Мономаха) ‘и заключил мирные договоры с половецкими князьями’. «Силой во времени» назвал мир А. С. Хомяков. И подобно природным силам, удерживающим мир-вселенную, поддержание человеком мира не дает его Вселенной разрушиться, удерживает ее как единое целое.

Любопытно, что в настоящее время ученые установили, что порядок и закономерность являются неотъемлемыми чертами мироздания, причудливо дополняющими хаос и случайность. Выдающийся физик и химик, нобелевский лауреат 1977 г., русский по происхождению, живущий в Бельгии, Илья Романович Пригожин назвал одну из самых известных своих книг «Порядок из хаоса». Народное же сознание давно почувствовало, что ни человеческое сообщество, ни вселенная не могут обходиться без упорядоченности.

Вовсе не случайно от *миръ* и от *міръ* было образовано прилагательное с одним и тем же суффиксом — *мировой*/ *міровой*. Это одно и то же слово, сильно разошедшееся по значению. То, что в современном языке вариант *мировой* сохранился только в субстантивированной форме *мировая*, показывает, что сейчас эти слова дальше отстоят друг от друга, чем в XIX в. Но исток у них общий. Так что не следует ругать орфографическую реформу. Во-первых, иметь в алфавите лишнюю букву для различия только одной омонимической пары не очень выгодно. Во-вторых, в данном случае, может быть, лучше подчеркнуть общность происхождения, а не разность значения обоих омонимов.

Среди же родственных слов мы находим прежде всего латышское *miers* ‘мир, покой’. В старых литовских памятниках имеется слово *mieras* ‘мир’, по-албански *mirë* ‘добрый, хороший’. Далее это же слово может быть сравнено с русским *милый*, латинским *mitis* ‘мягкий’. Казалось бы, это свидетельствует о том, что значение ‘вселенная’ развились только на русской почве.

Но славянское *мир* давно было сопоставлено с именем Митры — бога дружбы и договора у индийцев и иранцев. Нарицательное *mitrás* (мужской род) означает ‘друг’, *mitrám* (средний род) — ‘дружба’. Такие значения хорошо соотносятся с понятиями *милый*, *мягкий*, но Митра — это еще и один из важнейших богов индийского и особенно иранского пантеона. Не раз упоминавшийся нами В. Н. Топоров недавно по-новому выяснил это сопоставление. Он показал, что роль Митры в священных книгах древних индийцев «Ригведе» и древних иранцев «Авесте» очень напоминает те функции мира, которые выступают в русских пословицах. Митра объединяет людей — и мир, по русским представлениям, — это прежде всего сход, объединение. Митра держит на себе небо и землю, — и русская пословица говорит: *Мир землю держит, до неба достает*. Как и мир в народных поверьях, Митра добр и благосклонен к людям. И еще одну важную черту подметил В. Н. Топоров. Митра в «Ригведе» часто выступает вместе со своим напарником — богом Варуной. Почитающие Митру и Вару-

ну исповедуют закон, называющийся *vratam*, дословно ‘воля, приказ’, также ‘обряд, ритуал, обет’. Имена *Várūna* и *vratám* находятся в непосредственном языковом родстве с русским *воля*. Древнеиндийское сочетание *Mitra-Varuna* очень напоминает русское *мир да воля*, запечатлевшееся также в глаголе *мирволить* ‘быть благосклонным, потакать, позволять’, где *воля* выступает как непосредственно исходящее от *мира* разрешение, иногда не укладывающееся ни в какие пространственные границы.

И мы можем сказать: древний корень **mei-*, лежащий в основе *мира*, обозначал ‘мягкий, добрый’. Но в нем заключалась возможность стать наименованием для основы мироздания.

В основе имени *мир* во всех его значениях лежит общая идея слаженности, гармонии и договора, предусматривающего уважение к интересам каждого человека. Одно время эта идея связывалась с так называемым новым мышлением. Но, как видим, она стара — как мир.

ДОБРО. БЛАГО. ЗЛО. ЛИХО

Что такое *добро*? Казалось бы, ответ на этот вопрос очевиден. Любой толковый словарь объясняет: *добро* — это ‘нечто хорошее, полезное’. Соответственно, *добрый* — это делающий хорошее, желающий хорошего (*добрый человек*), милый, приятный, ласковый (*добрый взгляд*), несущий хорошее (*доброе известие*). Но значение слова не ограничивается только моральными качествами. *Добрый конь* — это совсем не то же самое, что *добрый человек*. Когда персонаж А. Аверченко говорит половому в трактире: «Да зажарь ты мне добрую яичницу, да принеси мне доброго пива», — то ясно, что к доброте и гуманности это прилагательное не имеет отношения. Прилагательное *добрый* может сочетаться и с явно неподходящими ему существительными: *добрая порка*. А вот что писал издаваемый Н. И. Новиковым сатирический журнал «Трутень» о другом сатирическом журнале: «Всякая всячина” добрый вытерпела залп».

Легче всего понять сходство выражений «добрый человек» и «добрый конь». Эпитет *добрый* здесь можно заменить на *хороший*. Наши

требования к коню и человеку весьма различны. Но если и тот и другой этим требованиям соответствуют, то они и получают сходное определение: *добрый*, то есть ‘хороший, отвечающий своим критериям’. Точно так же *добрая взбучка* означает именно ‘хорошая, крепкая, сильная’. Все эти значения объединяет идея соответствия некоторому идеалу. Идеалом может служить и мера, поэтому *добрый* иногда означает ‘такой, как надо, должной величины, целый’: *съесть добрых полбуханки* значит то же самое, что *съесть целых полбуханки*.

А вспомним знаменитую реплику из популярного кинофильма: «Абдулла! Таможня дает добро!» Здесь *добро* означает *согласие*. Соглашаются же люди с тем, что считают для себя хорошим, полезным, соответствующим представлениям о добре. Таким представлениям, как правило, отвечает собственность человека, его имущество, которое оказывается тесно связанным с сущностью человека (см. об этом статью «Воля. Свобода»). Поэтому имущество во многих языках оказывается *добром*. По-немецки *gut* ‘хороший’, субстантивированное прилагательное среднего рода *das Gut* ‘имение, владение’; латинское *bona* ‘владение’ тоже происходит от *bonus* ‘хороший, добрый’.

Добрый и *хороший* во многом синонимы. И их производные имеют сходное значение. Наречие *хорошо* также может использоваться как выражение согласия: «Хорошо, пусть называется!» — отвечает Хлестаков Добчинскому, желающему, чтобы его старший сын, рожденный до брака, носил его фамилию. «Добро. // Тебе здесь нужнее твое серебро», — соглашается один персонаж А. К. Толстого с другим.

Из истории русского языка хорошо известно, что суффикс может срастись с корнем так, что вместе они превращаются в новый корень, в котором далеко не сразу можно увидеть старый. Это происходит обычно тогда, когда производное слово сильно отличается по значению от первичного. Прилагательное *хитрый* (древнерусское *хытъръ*) содержит тот же корень, что и древнерусский глагол *хытати* ‘хватать, кусать’. В современном русском языке от этого глагола остались только производные *похитить*, *похищать*, *хищение*, *хищный*, а также однокоренной глагол *хватать*. Поэтому только специалист-этимолог может сразу сказать, что с исторической точки зрения в прилагательном *хитрый* содержится корень *хит-* и суффикс *-р-*. Такие же родственные отношения связывают прилагательное *острый* с существительным *остъ* ‘острые колючки в колосе, между которыми расположены зерна’ и ‘твёрдые волоски в меху’. И если мы предположим, что *-р-* в слове *добрый* — это суффикс, то у нас остается корень *доб-*. Действительно, слово с таким корнем хорошо известно — *добра*. Оно не вошло

в русский литературный язык, но встречается во многих диалектах (и тюремном арго), а также во многих славянских языках: украинском, белорусском, болгарском, сербохорватском, словенском, польском, чешском. Всюду оно означает ‘время, пора, срок, день’.

Что общего у *времени и добра*? Для ответа на этот вопрос обратимся к более конкретным значениям: *срок и пора*. Они связаны с *временем*, но означают не целиком его, а определенную его часть. Ведь время очень разнообразно. В статье, посвященной ему, мы говорили о том, что время может представляться поднимающейся и опадающей волной. Время наступления события обозначается словом *срок*, а проявление природных сил или человеческих способностей — *пора*. По-видимому, именно такое значение имело и праславянское существительное *doba ‘благоприятное, подходящее время’, то, которое можно назвать *своим*.

В такое время наиболее отчетливо выражается характер человека, его, так сказать, иравственная физиономия. Кстати, в белорусском *добра* означает также и ‘физиономия, ирав’. И такое время не только позволяет, но и требует от человека соответствующих времени поступков. Такая необходимость в древнерусском языке обозначалась оборотом *надобѣ*. *На посадники не зря ні на биричи са твориль что было надобѣ* ‘не обращая внимание ни на посадников, ни на глашатеев, я сам делал то, что было необходимо’, — писал Владимир Мономах в своем «Поучении». Усеченное *надобѣ* превратилось в *надо*; от него же образовано прилагательное *подобный* и существительное *снадобье* ‘нужное, полезное больному лекарство’.

Тот же корень *-доб-* мы находим в существительном *сдоба* ‘тесто с маслом и яйцом’: оно отличается от постного теста сытностью, аппетитностью, то есть соответствует идеалу пищи — быть вкусной. То же можно сказать о прилагательном *удобный* — ‘подходящий, дающий возможность для отдыха (удобное кресло) или действия (удобный момент)’. К тому же корню относится прилагательное *подобный*. Нас не должно смущать некоторое несходство значений. Во-первых, ближайший родственник этого прилагательного — глагол *подобать* ‘надлежать, следовать, соответствовать принятым нормам’. Когда кто-то отступает от этих норм, мы говорим о его *неподобающем* поведении. А когда в повести А. К. Воронского¹⁴ «Бурса» архиерей встретил

¹⁴ Александра Константиновича Воронского (1887—1937) сейчас вспоминают редко, а зря. Это был очень незаурядный человек. Выпускник бурсы, сразу после ее окончания примкнувший к подпольным большевистским организациям, основатель и первый редактор первого советского толстого

нескольких бурсаев в компании с молодой девушкой, он покачал головой и сказал с осуждением: «Неподобно, друзья мои, неподобно». Во-вторых, идея сравнения, заключающаяся в прилагательном *подобный*, подразумевает, что уподобляемое выступает как некий эталон и образец. Следовательно, *подобный* — отвечающий эталону (как *добрый* — отвечающий требованиям). Тот же корень, но с другим суффиксом, присутствует в древнерусском *добли* ‘отважный, смелый’, русском *добрость, доблестный*.

Корень, лежащий в основе общеславянского *добра*, хорошо известен и в других индоевропейских языках. В литовском от него произведены наречие *dabar* ‘тогда’, прилагательное *dabnis* ‘хороший’; в латышском — *daba* ‘время’, *dabat* ‘быть угодным’ (точное соответствие русскому *по-добрать*); в немецком — *tapfer* ‘смелый, отважный, доблестный’. Особенно интересны соответствия этому корню в армянском и латыни. По-армянски *darbin* ‘кузнец’, по-латыни *faber* ‘ремесленник’ (от которого происходит общеевропейское *фабрика*). Благодаря этому мы можем восстановить значение общеиндоевропейского корня **dhebh-*, лежащего в основе всех этих слов: ‘сооружать, мастерить, готовить’. Его производные в латыни и армянском означают ‘творец’, а в славянских и балтийских языках — ‘результат творчества’: ‘приложенный, (хорошо) подготовленный, пригодный, хороший’.

У слова *добро* есть синоним *благо*: *доброе дело* — то же самое, что *благое дело*. Но всякий раз, когда имеешь дело с синонимами, важно разобраться: чем же они друг от друга отличаются? Можно сказать: *Иван сделал Петру добро*, но *благо* в таком контексте звучало бы несколько неловко. А в выражении *на благо (Родины, нации)* невозможно заменить *благо* на *добро*. *Благие пожелания* — не совсем то же, что *добрые*. В первом выражении есть оттенок неодобрения, связанный с тем, что *благие пожелания* не всегда имеют шанс реализоваться. Можно сказать так: *благо* обозначает добро общее и абстрактное,

---

журнала «Красная новь», он как критик и литературовед сначала следовал ортодоксальным марксистско-чернышевским канонам в эстетике, а затем создал свою собственную эстетическую теорию. С его точки зрения, главная задача искусства — не указывать выход из социальных противоречий, а вернуть человеку детский, непосредственный взгляд на вещи. И с опорой на эти принципы А. К. Воронский написал две замечательные автобиографические повести: «За живой и мертвей водой» и «Бурса». Закончил А. К. Воронский свою жизнь так же, как большинство старых большевиков — погиб в заключении.

а само *добро* — частное и конкретное. Но такое определение никак не подходит к выражению *ограть благим матом*. Здесь *благой* явно не означает ‘хороший’. Тем более не может быть этого значения у таких производных, как *блажь*, *блажной*.

Для решения неожиданно возникшей проблемы попробуем проследить историю этих слов, а затем рассмотреть этимологию слова *благо*. Надо сказать, что *добро* и *благо* были широко распространены уже в самых древних памятниках русского языка: они передавали положительную оценку самых разнообразных предметов с точки зрения как народной, так и только что воспринятой русскими христианской этики. Весной 1998 г. в Московском университете была защищена кандидатская диссертация, посвященная этим словам. Ее автор, молодой славист И. А. Василевская, рассмотрела только один текст — древнерусскую «Повесть о Варлааме и Иоасафе» — чрезвычайно примечательное сочинение, родившееся в Индии и совершившее большое путешествие по миру, так что к настоящему времени известно более десяти ее переложений на разные языки. На древнерусский она была переведена с древнегреческого в XII в. Рассматривая слова *добро*, *благо* и их производные в этом тексте, И. А. Василевская сделала любопытное наблюдение: *добро* характеризует божественные силы, действия, явления, а *благо* — человеческие. По мнению исследователя, *добро* относится к сакральной сфере жизни, а *благо* — к повседневной (иначе называемой *профанной*¹⁵). К сожалению, материал, затронутый в этой работе, невелик, так что неясно, при хоть ли это древнего переводчика «Повести о Варлааме и Иоасафе» или норма древнерусского языка — разделять эти два слова по оттенкам смысла. Для ответа на этот вопрос надо рассмотреть употребление слов *добро* и *благо* и в других памятниках. Во всяком случае, в современном русском языке можно отметить один след именно такого разделения значений этих слов. Сравним существительные *благодетель* и *добродетель*. Они во все не синонимы, наоборот, относятся к разным классам. Имя деятельности *благодетель* вполне равнозначно своей внутренней форме: « тот, кто делает добро, благо ». А абстрактное имя *добродетель* — это не «делание добрых дел», а «соответствие доброму идеалу; черта или свойство характера, являющиеся составной частью идеала» (по определению словаря С. И. Ожегова), причем идеал по большей части продиктован религиозной моралью. А ведь мы убедились в том, что

¹⁵ От латинского *profanus* ‘непосвященный’ (дословно — «находящийся перед храмом, не допущенный в храм»).

благо (и его производные) не всегда означают ‘доброту’, иногда — нечто сильно отличное. Подтверждает такие наблюдения и этимология слова: ближе всего оно к литовскому *bl̥gas* ‘плохой’. Далее этимология слова несколько затрудняется. П. Я. Черных полагал, что в его основе лежит корень **bhelg-* ‘гореть, блестеть’, куда относятся древнеиндийское *bhárgas* ‘сияние’, латинское *fulgeo* ‘сверкать’, греческое φλέγω ‘гореть’. Итак, ‘свет, огонь’ → ‘благо’? Такое развитие значений, конечно, может объяснить неоднозначность корня *благ-*: огонь может быть и добром силой (костер), и злом (пожар). Но все-таки более убедительно другое этимологическое сближение, предложенное немецким Эриком Бернекером, поддержанное поляком Яном Отрембским (оба — крупнейшие слависты): благо находится в непосредственном родстве с древнерусским *болии*, современным русским *более, больше*. Это слово сравнивается с греческим βέλτερος ‘лучший’, древнеиндийским *bálat* ‘сила’. По-видимому, ‘сила, мощь’ и было первым значением этого корня. В чем привлекательность такой этимологии? Сила — понятие амбивалентное; силу можно направить на добро и на зло. В корне **bel-* это наглядно видно. От него образовано, с одной стороны, упоминавшееся только что прилагательное βέλτερος (добрая сила), с другой — такие русские слова, как *боль* и *болезнь* (вспомните, что наречие *больно* может означать и ‘сильно, очень’). А *кричать благим матом* значит ‘кричать неприятно, но громко, сильно’. *Блажь* тоже можно толковать как иррациональную, направленную непонятно на что силу.

Итак, слово *доброта*, обозначающее изначально нечто положительное, относится к божественной сфере, а *благо* с его амбивалентностью — к человеческой. Это очень интересный вывод, тем более что сформулировавшая его исследовательница не ограничилась рассмотрением только этих слов. По мнению И. А. Василевской, синонимы *зло* и *лихо* распределены примерно так же: первый относится к духовной жизни и божественным оценкам, второй — к повседневной человеческой деятельности. Что же, попробуем разобраться и с этими именами.

Злой может означать не только ‘недобрый’, но и ‘жадный’: можно услышать разговорные выражения *злой на работу, на еду*. Конечно, жадность к труду или, скажем, к знаниям никто не осудит, но в целом *жадность* — такое же неподобающее качество, как и *злоба*. Так что в существительном *зло* и его производных положительных оценок не найти.

Совсем другое дело — *лихо*. Оно часто выступает как синоним *зла: злодей* — то же самое, что *лиходей*, *злая година* ничем не отличается от *лихой*. Но выражение *лихой человек* может быть понято двояко: с одной

стороны, так в старину называли разбойника, лиходея, с другой — это человек, наделенный лихостью. А лихость, то есть подчеркнутая, бравирующая отвага и удаль — это не обязательно негативная характеристика, часто — совсем не негативная. Помните, с какой горькой гордостью вспоминает старый солдат в лермонтовском «Бородино»:

Да, были люди в наше время!
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы!

Лихость может быть неотъемлемой чертой и богатыря.

Кроме того, *лихо* находится в непосредственном родстве и с такими словами, как *лишний*, *лихва*. Первоначально это слово означало ‘избыток, перебор’: *лихой* — излишне смелый; поскольку же излишество — не добро, то на его основе развилось и значение ‘зло’: *лихой* — перешедший границы добра и иравственности. Такое значение подтверждается и этимологией этого слова. Оно содержит в себе индоевропейский корень **leik-* ‘оставлять, оставаться; остаток’. Его родственники — литовское *likti* ‘оставаться’, *lýkis* ‘остаток’, также *likštis* ‘дефект’ (с тем же развитием значения, что и у русского *лихо*); сюда же относится и латинский глагол *relinquo* ‘оставлять’ (от которого происходят *реликт* и *реликвия*), греческое *λείπω*, древнеиндийское *rinákti* ‘то же’. Как видим, ничего плохого эти глаголы не выражают, отрицательная оценка у них может появиться как вторичное развитие значения. А вот прилагательное *злой* сравнивается со словами явно негативного характера: литовское *atžūlas* ‘черствый, бесчеловечный’, *ižulis* ‘грубый, наглый’, авестийское *zurah* ‘неправедливость’, современное персидское *zur* ‘фальшивый; ложь’. Первоначально этот корень означал ‘искривленность’, о чем свидетельствует древнеиндийское *hváriati*, *hválati* ‘идти кривыми путями, петлять, спотыкаться’. Что же, кривизна связана со всем левым и дурным (смотри статью «Правда. Истина»), а *петлять, спотыкаться* давно стали метафорами для обозначения ложных и ошибочных шагов.

Итак, «хорошие» и «плохие» слова в «Повести о Варлааме и Иоасафе» оказались, если можно так выразиться, весьма симметричными. Те из них, которые и с этимологической точки зрения однозначны, относятся к божественной сфере, а те, которые с той же точки зрения амбивалентны — к человеческой. Проще говоря, абсолютное добро и зло — прерогатива божественных сил, а на долю человека остаются лишь относительные качества. Если такое распределение

значений вообще окажется характерным для древнерусского языка, то мы сможем восстановить весьма интересный фрагмент мировоззрения наших предков. Любопытно было бы также определить, пришел ли он вместе с христианством или восходит к языческому прошлому. Во всяком случае, ряды сакрально-профанных синонимов известны в Авесте, Ригведе, Старшей Эдде и древнеирландских поэтических памятниках. Дать ответ на эти вопросы науке еще только предстоит, мы же пока отметим вот что.

Сравнивая существительные *благодетель* и *добродетель*, мы смогли увидеть в них косвенное свидетельство древних значений слов *добро* и *благо*. Таким же косвенным подтверждением земного, человеческого характера слова *лихо* может быть то, что оно проникло в денежную сферу. *Лихо* — это не только ‘зло’, но и ‘взятка’. От этого слова образованы устаревшие, но всем понятные *лихоймец* и *лиходатель*¹⁶. А *лихва* — это не только ‘излишек’ как общее понятие, но и тот процент, который ростовщик берет за предоставленную ссуду. И по-украински ростовщик — *лихвар*. Как ни странно, именно от этого слова происходит фамилия одного из величайших балетмейстеров прошедшего века — скончавшегося в Париже Сергея Лифаря. Почему *ф* вместо *хв*? Дело в том, что в языке малокультурных людей есть одно любопытное явление. Человек усваивает, скажем, что говорить *х* или *хв* вместо *ф* нехорошо: надо произносить не *хворточка*, а *форточка*, не *Хедор*, а *Федор*, не *Хома*, а *Фома*, и ему кажется, что все *х* и *хв* надо заменить на *ф*. Тогда он начинает ухват именовать *уфатом*, кухарку — *куфаркой*, ростовщика-лихваря — *лифарём*. Этот процесс получил в науке наименование гиперкорреция.

Добро и зло — базовые, центральные категории в человеческой картине мира. Неудивительно, что слова, обозначающие их, оказались связаны с большим комплексом понятий — от сугубо материальных до высоко духовных.

---

¹⁶ В повести И. Ильфа и Е. Петрова «Светлая личность» один мошенник прямо говорит своему сообщнику, попытавшемуся назвать взятку «благодарностью»: «Нет, Николай Самойлович, будем говорить откровенно... Вы — лиходатель, я — взяткобратель, а никакая не благодарность».

О ВЫРАЖЕНИИ «ЗЛОБА ДНЯ»

Это крылатое выражение, судя по всему, появилось не так давно. Даль его не приводит; в словаре Ушакова оно определяется так: «злоба дня (книжн.) — то, что волнует, интересует общество в данный момент». А у С. И. Ожегова нет и пометы (книжн.): «злоба дня — то, что особенно интересно, важно сегодня», т. е. это выражение признано общелiterатурным. Есть от него и производное прилагательное, отмеченное обоими словарями — злободневный.

Происхождение его не вызывает никаких особых сомнений: оно заимствовано из церковнославянского текста Евангелия от Матфея (VI, 34) *довльть дневи злоба іего*. В синодальном переводе на русский язык это место передано так: *для каждого дня довольно своей заботы*. Так церковнославянская злоба превратилась в русскую заботу. И новую жизнь этому выражению, по-видимому, дали газетчики в начале XX в. Их писания — действительно *на злобу дня*, а пристрастие репортеров к библейской фразеологии общеизвестно. Помните рассказ Карела Чапека «Эксперимент профессора Роусса», где репортер на любую реплику Роусса отвечал целым букетом библейизмов? Даже в советское атеистическое время газетчики обожали репортажи под заголовками «Не хлебом единym», «Не металлом единym» и даже «Не приказом единym». Итак, вопреки Д. Н. Ушакову, злоба дня имеет не столько книжные, сколько газетные истоки, вдохнувшие в него новую жизнь.

А откуда оно взялось в Евангелии? Почему все-таки одно и то же слово Кирилл и Мефодий перевели как злоба, а сотрудники митрополита Филарета Дроздова — как забота? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к подлиннику — греческому тексту, где соответствующее выражение звучит так: *ἀρχετὸν τῇ ἡμέρᾳ ἡ κακία αὐτῆς* ‘достаточно дню *κακία* его’. Именно *κακία* и было переведено как злоба и забота. Это существительное произведено от прилагательного *κακός* ‘плохой, злой, гибельный, позорный’. Само же оно означает, если верить словарю, ‘низкое качество, ошибка, дурной умысел, злодеяние’. Только в применении к нашему куску Нового Завета словарь дает толкование ‘огорчение, забота, «злоба»’ [Дворецкий 1958: 859]. Обратим внимание на то, что у этого слова — ярко негативная окраска; думается, что ‘забота’ не совсем точный его перевод. Вообще,

представляется, что именно в этом фрагменте — ключ к пониманию предшествующего периода Нагорной Проповеди. Иисус призывает своих учеников не заботиться о еде и одежде, брать пример с птиц небесных, которые «не сеют, не жнут», и с полевых лилий, которые «не прядут, не ткнут, а одеваются как царь Соломон во славе своей». Но забота об этих насущных нуждах лежит в основе человеческого существования. И, понимая это, Иисус дальше выступает не столько против забот о пропитании, сколько против тревожных мыслей о будущем, которые ничего в этом будущем изменить не могут. Попробуем перевести весь 34 стих главы VI максимально близко к тексту: *ιπή οὖν μεφίμηστε εἰς τὴν αἴρον· ἡ γε αἴρον μεφίμησει τὰ ἑαυτά· ἀφέτοι τῇ ημέρᾳ ἣ κακία αὐτῆς* ‘И никогда не печальтесь о завтрашнем. Завтрашнее само будет печалиться о своем. Каждому дню хватает своих невзгод’.

Все это можно понять так: Иисус не призывает пассивно относиться к невзгодам нынешним, а советует не тратить душевных сил на еще не наступившие. Как сказал наш современник поэт Игорь Губерман, точно выражив вполне христианскую мысль в присущей ему лукаво-ернической и остроумной манере:

Будущее кровь не портит мне.
Мне дрожать за будущее лень.
Думать каждый день о черном дне —
Значит делать черным каждый день.

А не до конца понятый призыв Богочеловека превратился в расхожую формулировку, совершенно изменив свое значение.

Воля. Свобода

Помните, как упоенно внимал Федор Протасов из толстовского «Живого трупа» цыганскому пению, объясняя нахлынувшее на него чувство несколько неожиданным образом: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля»? Свобода от воли как будто мало чем отличается, ведь выражения «выйти (из тюрьмы) на волю» и «выйти

на свободу» вполне равнозначны. Отмена крепостного права в 1861 г. именовалась волей. До отмены крепостного права документ, отпускающий крестьян на свободу, назывался вольной. Свою мечту о свободном государстве Радищев и Пушкин выразили в одах «Вольность».

И в древнейших памятниках русского языка *свобода* и *воля* выступают как синонимы. Когда в нашем распоряжении есть разные списки одного текста, то оба этих слова в них могут заменять друг друга. В одном списке Смоленской грамоты 1229 г. читаем: *Еп̄ст̄ же рижъскыи... и вси волостелеве по рижской земли дали Двину волну от устъя до върху*, т. е. ‘Епископ же рижский... и все рижские власти позволили свободный проход по Двине’; в других вариантах: *дали Двину свободону*.

И все же прав Протасов: абсолютных синонимов в языке не существует. Такова *воля* есть княжъскыя оклеветаны бо есве ‘Такова воля князя, что вы оба оклеветаны’, — читаем в Успенском сборнике (XII—XIII вв.). В этом случае *воля* никак не означает ‘свобода’.

В старых русских памятниках *взять в волю* означало ‘подчинить’, а *дастъся в волю* — ‘подчиниться’. Необходимо было определить, чьей волей руководствуется человек — своей или чужой. Первичное значение слова *воля* — ‘приказ, власть’ и ‘пожелание’ — имело следствием два прямо противоположных толкования: быть в своей воле — быть свободным, быть в чужой воле — несвободным. *Воля* так же образовано от *велеть*, как *ноша* — от *нести*. Древнейший индоевропейский корень **vel-*, лежащий в основе этого глагола, встречается в латинском *velle* ‘хотеть’, в немецком *wollen* ‘хотеть’ и *wählen* ‘выбирать’, в древнеиндийском *उग्नति* ‘любить, желать, выбирать’. Сюда же относится и древнерусское *волити* ‘хотеть, предпочитать’. Но *воля* — это не только желание, но и стремление, достижение желаемого. Поэтому от корня **vel-* в некоторых языках образованы слова со значением ‘сила, власть, господство’, а также ‘быстрое движение’. Например, древнерусское *велии*, к которому восходит современное *великий*, также *владеТЬ, власть*, немецкое *Gewalt* ‘власть, насилие’, греческий глагол *εἵλω* ‘крутить’. Насилие всегда сопряжено с ущербом для потерпевшего, поэтому модификацию того же корня мы встречаем в латинском *vultus* ‘рана’ и в греческом *ὅλλιζη* ‘убить’ (в греческом языке согласный **v-* в начале слова перед гласным выпадал). Именно от этого глагола (с приставкой *ἀπ-* ‘от’) образовано имя бога Аполлона. Мы его знаем как покровителя муз, как бога искусств, а для грека гомеровской эпохи это был прежде всего грозный карающий бог

со смертоносными стрелами. Вспомним тот страшный мор, который он наслал на ахейское войско, разгневавшись на его предводителя Агамемнона (первая песнь «Илиады»).

А возьмем такие выражения, как *вольный ветер* или *вольный казак*. Что они означают? Конечно, *вольный ветер* — это метафора, и, объясняя ее, не стоит апеллировать к логике. Но прочитаем отрывок из пушкинской сказки и убедимся, что в этой стихии есть что-то, ассоциирующееся с волей:

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Ты гуляешь на просторе...

Без простора воля немыслима, можно сказать и так: воля проявляется в неограниченном просторе (помните, у Протасова: «Это с т е пь, это в о л я...»?). Корень **vel-* может приобретать и это значение — простора. Выдающийся американский лингвист Ян Пухвел, изучивший погребальные молитвы древних хеттов, обратил внимание на то, что загробный мир представлялся им лугом, простершимся за подземной рекой, через которую переправлялись души умерших. «Луг» по-хеттски *velli*. Ученый предположил, что тот же корень находится и в других индоевропейских языках, в словах, обозначающих загробный мир: греческое 'Ελύσιον πεδίον 'Елисейские поля' — тот самый Элизиум, который известен нам по поэзии романтиков; древнескандинавское *Vall-hall* «Вальгалла» — дворец в городе богов Асгарде, где живут сами боги и души праведно умерших. Воля привела нас к загробному царству — что же, и смерть порой мыслится как освобождение от земных забот.

Что же касается сочетания *вольный казак*, то его смысл менялся с течением времени. Вначале так называли беглого крестьянина или жителя Руси, который переместился на территорию, подконтрольную казачеству, а не правительству, и которого на необъятных степных просторах не сдерживал ничей произвол — он может жить своей волей. Теперь же так называют человека, который освободил себя от любых обязательств перед другими, живет своей волей и считается только с ней.

Нетрудно увидеть, что это изменение смысла находится в прямой зависимости от эволюции выражения *своя воля*. В древнерусском оно нередко выступало как синоним *свободы*: *оулюбить своею волею не-*

сти желъзо тъ тъ его воля (Смоленская грамота 1230 г.) ‘Захочет ли он по своей воле нести доспехи — на то его воля’. Сейчас понятие *своевольный* (а именно с ним связаны и *вольный казак*, и *вольный ветер*) довольно далеко отошло от идеи свободы.

Дело в том, что между *свободой* и *волей* есть различие, которое можно назвать пространственным. Свобода, в отличие от воли, не только не нуждается в безграничном просторе, но, наоборот, требует довольно жестких рамок для своего проявления. Как-то в XIX в. в Америке судили одного фермера, избившего своего соседа. Подсудимый напирал на то, что, согласно конституции, он свободный человек и его кулак волен двигаться в любом направлении. На это судья ответил ему, что свобода движения его кулака кончается там, где начинается нос соседа, и осудил драчуна по всей строгости закона.

Можно сказать и так: воля — это внешняя свобода, а свобода — внутренняя воля. Действительно, человек свободный действует не так, как *своевольный*. Он знает моральные запреты и подчиняется им не из страха наказания, а потому что видит в них необходимое условие осуществления своей свободы. Поэтому и говорят, что нельзя больше освободить человека внешне, чем он свободен внутренне.

Здесь уместно вспомнить одно довольно сложное философское определение — основной этический закон Иммануила Канта, названный им категорическим императивом. Он формулируется коротко и, на первый взгляд, не особенно ясно: «Поступай лишь согласно тому правилу, которое ты хотел бы возвести в общий закон». Это означает, что в своих поступках надо руководствоваться цельными правилами, не нарушая их в применении к обстоятельствам. С этим спорить нельзя, но всегда можно спросить: «Но ведь убежденный вор и разбойник может сказать, что кражи, грабежи и убийства они тоже готовы возвести в общий закон, и всегда поступают согласно ему. Нравственны ли они по Канту?» Но дело в том, что общий закон потому и называется общим, что касается всех без исключения и прежде всего того, кто действует сообразно с ним (выражаясь философским языком, субъекта закона). И если вор и убийца хотят следовать общему закону, то они должны обкрадывать и убивать прежде всего сами себя. Иными словами, всякое зло, возведенное в общий закон, должно обратиться со злом на само себя. Категорический императив Канта объясняет, почему никакое зло никогда так не поступает, а всегда пытается надеть маску добра. Фридрих Ницше считал, что это ошибка зла и что если бы оно осознано себя как зло, то не стало бы маскироваться добром, а создало бы свою этику зла. Но, как мы видим, это бы

привело к самоуничтожению зла. А категорический императив — это необходимое условие существования подлинной свободы. Свобода — краеугольный камень этики и человечности.

Об обращенности человека внутрь себя свидетельствует само происхождение слова *свобода*. В его основа лежит возвратное и притяжательное местоимение. Оно во всех индоевропейских языках существует в двух вариантах корня — *se- и *sue-. От первого из них в русском языке образовано местоимение *себя, себе* и производный *соб-* (древнерусское *собъ* ‘существо, сущность’); от второго — *свой* и производное *свобода*.

Мы помним, что в древности свободным назывался человек со *своей* волей, в *своей* воле. Но *свой* значит еще и ‘член нашего сообщества, пользующийся его правами’ и ‘родственник’. От этого же корня происходят русские *свояк* и *свекор*, готское *swehhur* ‘свекор’, немецкое *Schwiegervater* ‘свекор, тесть’, *Schwiegermutter* ‘свекровь, теща’, *Schwager* ‘шурин, деверь, зять’ (общеиндоевропейское *sue-kiro- означает ‘свой хозяин’, т. е. ‘глава своего семейства’). Русское *сестра*, латинское *soror*, английское *sister*, немецкое *Schwester* восходят к общеиндоевропейскому *sue-sor (дословно ‘своя-женщина’). Любопытно отметить, что корень *su- ‘свой’ лежит в основе названия двух германских племен — швабов и шведов, в латинской передаче — *Suebi* и *Sveoni*, а также в названии страны *Швейцария*. Значение ‘сообщество’ сохранилось и в имени *слобода* — ‘поселок купцов, стрельцов или ремесленников, освобожденных от подати’ (в древнерусском это слово звучало и в исконном варианте — *свобода*). Суффикс же -ода — это древний показатель собирательных имен. Он также образовал имя *ягода* (церковнославянское *агода*; слово сравнивается с литовский *йога* ‘ягода, плод’; славянское же слово изначально означало ‘ягодник’).

Вариант же *соб-* лежит в основе таких слов, как *собственный, собственность*, обозначающих то, что принадлежит свободному, равноправному члену сообщества, и свидетельствующих о том, что подлинно свободный гражданин не может существовать без собственности (лозунг одной из современных политических партий «Свобода, собственность, закон» соединил три абсолютно взаимосвязанных понятия: ни одно из этих трех состояний не может быть устойчивым без двух других). Другое производное от того же корня — *особь, особенный*, т. е. индивидуальный, отличающийся «лица необщим выражением».

Можно лишь восхищаться художественным мастерством Толстого, чей герой одной фразой выказывает всего себя. Опустошенный,

измученный чувством стыда за свою жизнь Федор Протасов тянулся к другой жизни, свободной от устоявшегося быта, от пошлых представлений об обязанностях дворянина, отца семейства, светского человека — словом, тянулся к той *воле*, что сохранила свои древние смыслы — силы, власти, простора. Но на подлинную *свободу*, т. е. на внутреннюю независимость, у героя Толстого не осталось душевных сил. Воля пришла к нему только со смертью.

СМЕРТЬ

В одном из сценариев Е. Габриловича старый профессор беседует с внучкой. «Дед, ты очень старый?» — спрашивает девочка. — «Очень. Я боюсь смерти». — «А что такое смерть?» — «Видишь ли, дорогая, все человечество ищет ответ на этот вопрос. Одни говорят, что смерти нет, поэтому не надо ее бояться, другие — что смерть есть, но бояться ее не надо. Я же толком ничего не знаю, но боюсь!»

И в самом деле, смерть — вещь загадочная. В сознании человека все, что имеет начало, конечно, а что не имеет начала, не имеет и конца. Своего рождения мы не помним¹⁷, и мысль о конечности жизни не укладывается в сознании. Поэтому русская народная загадка спрашивает: *На что глядят, а не видят?* (Рост.) *Про что ведают, а не знают?* (Смерть.) А пословица говорит: *На смерть, как на солнце, во все глаза не взглянешь.* Впрочем, древнегреческий философ Эпиктет утешался таким парадоксом: «Смерти нет, — учил он. — Когда я есть, ее еще нет, когда она есть, ее уже нет»¹⁸.

¹⁷ Как показали исследования чешско-американского ученого Станислава Грофа, память о пребывании в чреве матери и о рождении хранится в глубинах подсознания. Но эта память очень опасна: резкие изменения условий существования (из комфортной плаценты через узкий родовой канал в незнакомый открытый мир) могут запечатлеться крайне негативными эмоциями и лечь в основу психических расстройств [Гроф 1993]. Так что отсутствие памяти о рождении — защитная реакция психики.

¹⁸ Это же замечательное изречение приписывают и другому великому философу — Эпикуру.

Загадочны и происхождение слова *смерть*, и его структура. Что означает в нем приставка *с-*? Ведь обычно она выражает в русском языке общность: *с-бор*, *со-единение*, *смежный* (межа ‘граница’). Но общая, то есть массовая смерть именуется иначе — *мор*, без всякой приставки. Приставка *с-* может означать и совместную деятельность: *сотрудничество*, *со-действие*, но смерть с чужой помощью — это не смерть, а *гибель*.

Словом, значение общности, совместности никак не объясняет нам смысла смерти. Но сама приставка вполне реальна. Сравните: *с-смерть* — *умирать*, *по-мереть*, *мертвый*. Что же она означает? Ответ на этот вопрос нам дает санскрит, тот самый, чье открытие стимулировало развитие индоевропейского языкознания. В нем есть приставка *su-*: *vṛtta* ‘круглый’ — *su-vṛtta* ‘хорошо округленный’, *veda* ‘знающий’ — *su-veda* ‘много знающий’, *mukha* ‘лицо’ — *sumukha* ‘красивое лицо’. И в русском языке в небольшом количестве слов можно видеть такую же приставку, которая в старину писалась как *сь*: *сь-мърть*. Родственная санскритской *su-*, она означает ‘хороший, добрый’. Но разве бывает хорошая смерть? Всем известно, что смерть — величайшее зло для всего живого.

Дело в том, что эта приставка находится в родстве с возвратным местоимением *свой* (см. заметку «Воля. Свобода»). Что свое — то добро, чужое — зло. И хорошая смерть — это то же самое, что своя смерть, то есть не вызванная насилием или какой-нибудь гибельной болезнью. Хорошая смерть — эта и та легкая смерть, которую поэт просил у Бога. Всем этим она отличается от мора и от гибели.

Корень же слова *смерть* хорошо известен во многих родственных языках. Его мы находим в литовском *mirtis*, латинском *mors* ‘смерть’, немецком *Mord*, английском *murder* ‘убийство’, греческом *βροτός*, санскритском *mrtas*, иранском *maria* ‘смертный’; поскольку же смертность — свойство человека (в отличие от Бога), все эти слова обозначают и человека. Как известно, скифы-иранцы, расселившиеся в раннем средневековье на огромной территории от Днепра до Китая, долгое время жили там по соседству с предками современных финно-угорских народов — финнов, коми, венгров. Поэтому во всех этих языках сохранилось довольно много иранских слов. И в их самоназвании — *морт-ва*, *уд-мурты*, *мари*, средневековая *меря* — присутствует иранский корень *tar-* ‘человек’.

В древнегреческом языке, помимо *βροτός* ‘смерть’, есть слово *βρότος*, которое означает ‘кровь’. На первый взгляд, это странно: кровь — источник жизни, а не смерти. Но дело в том, что *βρότος* — это не всякая

кровь, а только вытекшая из раны, запекшаяся. И когда гомеровский герой погибает, на нем часто обнаруживаются *τεύχεα βροτοέστα* ‘окровавленный доспехи’. Вытекшая кровь, безусловно, становится причиной смерти. Однако связь этих понятий еще глубже.

Все помнят русские сказки о живой и мертвой воде. На изрубленного Кощеем Бессмертным Ивана-царевича льют мертвую воду — и его тело срастается, затем живую воду — и убитый оживает. Французский лингвист Антуан Мейе еще в начале века показал, что представление о живой и мертвой воде восходит к древнейшим верованиям индоевропейцев и глубоко укоренено в индоевропейских языках. Живая вода — это вода насыщающая и текучая; ее корень обнаруживается в древнегреческом глаголе *ekuzi* ‘пить’, в латинском *aqua* ‘вода’ (со всеми его производными: *акваланг*, *акватория*, *аквариум*). Он обнаруживается в названии многих европейских рек — от русской Оки до латышской Аа (которую сейчас чаще называют Лиелупе). А мертвая вода обнаруживается в таких словах, как немецкое *Moor* ‘болото’ и *Meer* ‘море’. Казалось бы, что общего у величавого моря и гниющего болота? Только непроточность воды. Кстати сказать, родственное этим словам русское *море* означает не только ‘закрытый водоем с соленой водой’. Есть известная пословица: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал». *Море* здесь — ‘озеро’. На связь *моря* с *озером* и *болотом* обратил внимание замечательный лингвист А. В. Исаченко, наш соотечественник, проживший многие годы в Чехословакии и Австрии. Он отметил, что в словацком языке есть выражение *morske oko* ‘небольшое горное озеро’, а дословно — ‘морской водоем’, где *морской* означает именно ‘застойный, неподвижный’.

А какое отношение стоячая вода имеет к смерти? Жизнь — это всегда развитие и движение. Их приостановка может дать ощущение завершенности и устойчивости, поэтому мертвая вода в сказке соединяет разрубленные части тела. Но длительный застой ведет к распаду, разложению и в конечном итоге — к смерти.

Древнейший корень **mer-/mor-* означал ‘неподвижность, стоячая вода, смерть’. Он также указывал на состояние слабости, помрачение ума, бреда, в котором человеку является ‘тень несозданных созданий’. И от него происходит русский глагол *марить*. «Марит, — говорит Даль, — в знойное лето, когда все изнемогает от припека солнца... отдаленные предметы мельтешат и играют; меня марит, клонит ко сну, одурманивает, одуряет». В такие моменты человеку кажется, что он окружен нечистой силой, которая по-русски именовалась *мара* («мана,

блазн, морок, наваждение, обаяние¹⁹; греза, мечта, призрак, привидение; обман чувств», — поясняет это слово Даль). В мифологии славянских народов присутствуют призрачные существа-оборотни *мара*, насылающие помрачение рассудка. С ними в родстве состоит и богиня смерти *Марена*, которая в русских былинах превратилась в *Маринку Игнатьевну* — соблазнительницу и опасного врага Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. В Белоруссии в ночь накануне Ивана Купалы чучело мары сжигали — и это символизировало победу христианской веры над нечистой силой. Представление о злых духах марах, являющихся к людям по ночам, было распространено и в средневековой Европе. И этот корень находим в французском *cauchemare*, от которого происходит и русское *кошмар*.

Свою смерть в глаза мог увидеть разве что сказочный Аника-воин. Народ давно почувствовал, что смерть — это не одномоментное событие, а неподвластный воле и не осознаваемый разумом процесс.

Жизнь

«...И бились они не на живот, а на смерть», — говорится во многих русских сказках и былинах. Как известно, в древнерусском языке *животь* — это ‘жизнь’. Какая между ними связь? Наши предки думали, что человеческая душа помещается где-то в животе (в районе диафрагмы), и поэтому ранение в эту часть тела особенно опасно: через такую рану душа может покинуть тело. Надо сказать, что эти представления оказались весьма живучими.

Вот герой чеховской юморески «Трагик поневоле» жалуется приятелю: «Жена требует, чтобы я заехал к модистке и выбранил ее за то, что лиф вышел широк, а в плечах узко». Слово *лиф* в современном русском языке не употребляется (сохранилось уменьшительное *лифчик*), в старину же оно означало ‘часть платья, охватывающая грудь, живот

¹⁹ В прошлом веке это слово, происходящее от *баять* ‘говорить’, означало не ‘очарование’, как сейчас, а ‘обман’. Ср. у Некрасова: «Добрый папаша! К чему в обаянии // Умного Ваню держать?»

и спину²⁰. В русский язык оно пришло при Петре I из голландского, где значило ‘живот’. Вместе с тем *lijv* по-голландски — это и ‘жизнь’. В других германских языках есть родственные слова: английское *life* ‘жизнь’ и *liver* ‘внутренности’ (откуда происходит и русское *ливер*), немецкое *Leben* ‘жизнь’ и *Leber* ‘печень’. Идея о связи жизни с внутренностями свойственна очень многим народам. Весьма ярко она запечатлена у древних греков. В их языке существовало слово *φρήν* ‘душа, дух, мысль, разум’ (откуда происходят русские *фreno-логия*²⁰ ‘наука о разуме’, *шизо-фrenия* ‘расщепленное сознание’). У Гомера и в медицинских сочинениях это слово означает ‘диафрагма, грудобрюшная перегородка’.

Только в XVII в. Рене Декарт связал жизнь человека с его мозгом, а не с селезенкой: «Я мыслю, следовательно, существую». И современная наука это подтвердила. Человек живет ровно столько, сколько живет его мозг.

Итак, жизнь человека имеет свое местонахождение: в древности ее помещали в животе, современная наука находит ее в голове. А что значит само слово ‘жизнь’?

Древний корень, лежащий в его основе, известен во многих индоевропейских языках: в литовском *gývas*, древнеиндийском *jīvás* ‘жизнью’, латинском *vita* (*вита-мин*), греческом *βίος* ‘жизнь’ (*био-логия*). Но, кроме *βίος*, в древнегреческом известно и имя *βία* ‘сила, насилие’, а в санскрите — глагол *jáyati* ‘побеждать’. Казалось бы, какое отношение имеет жизнь к победе и насилию? Однако вспомним: смерть — застой, жизнь — движение. Движение и развитие — всегда преодоление всего, что ему мешает. Именно поэтому Гераклит Эфесский, теоретик вечно меняющегося мира, считал, что война — отец всего. Это на наш слух звучит дико. Но он имел в виду то, что всякое изменение и развитие — это прежде всего конфликт. Жизнь протекает в борении — поэтому она оказалась связана с силой и победой.

²⁰ Говоря точнее — «преднаука». Френология была основана австрийским врачом Францем Галлем, который утверждал, что все способности и черты характера строго локализуются в различных участках мозга. Чем более велик и выпукл соответствующий участок, тем больше развита у человека соответствующая черта характера. Существовали специальные френологические карты черепа, по которым определялись особенности личности человека. Впоследствии было установлено, что отдельные способности действительно локализуются в определенных частях коры головного мозга, но к чертам характера это не имеет прямого отношения.

ЗДОРОВЬЕ

В древнерусском языке это слово писалось так: *съдоровіе*. Уже это наводит на мысль о том, что *съ-* — это приставка. О том, что она может значить ‘добрый, хороший, свой’, мы уже говорили. А какой корень в этом слове?

Ответ на этот вопрос может показаться неожиданным: корень в *здравь* тот же, что в слове *дерево*. В современном языке дерево чаще ассоциируется с тупостью (*Ну и дубина же ты! Эх ты, пенек неразвитый!*), но наши еще недавние предки, для которых дерево было основным строительным материалом, смотрели на него совершенно иначе. «Здоровенный... словно из матерого дуба вытесан», — представляет героя одной из своих повестей П. И. Мельников-Печерский. В дереве видели образец крепости и долговечности. Поэтому здоровый означает ‘подобный хорошему, крепкому дереву’. Приветствие «здравствуй!» можно понять как пожелание: «будь прочен, как дерево». Более того, почтенный возраст тоже ассоциировался с долговечностью дерева. Прилагательное *древний* происходит от церковнославянского *дрѣво*, полностью соответствующего русскому *дерево*. А русскому *здравый* полностью соответствует литовское *sudrūs* ‘плотный, крепкий’ и древнеиндийское *sudrū* ‘могучее дерево’.

К дереву наши предки относились не только утилитарно. Все народы Европы поклонялись священным деревьям; их культ был особенно развит у древних римлян и германцев (подробнее об этом можно прочесть в замечательной книге Дж. Фрезера «Золотая ветвь», М.: Политиздат, 1980, 2 изд. — 1986). И у германцев дерево стало символом благочестия и порядочности. К индоевропейскому корню **deru-*, отразившемуся в русском *дерево*, з-*доров-ье*, восходит немецкое *treu* ‘надежный, верный’, английское *true* ‘истинный’ (откуда происходит *триумф* ‘бесспорное, но самоочевидное утверждение’), *trust* ‘доверие’. Это слово было заимствовано в русский язык дважды: в первый раз — в конце прошлого века; тогда оно звучало *траст* и обозначало объединение предприятий, основанное на доверии компаний друг другу. Второй же раз английское слово вошло в наш язык в 90-е гг. в форме *траст*. Трастовые компании — это фирмы, заключающие с клиентами договора на доверительное управление их имуществом.

К сожалению, после произошедшего лет десять тому назад бума трастовых компаний выяснилось, что некоторые из них доверия не оправдывают и этим здоровья клиентов не укрепляют. Но это уже имеет отношение к экономическим реалиям, а не к происхождению слова.

Очередной раз приходится сталкиваться с удивительными превращениями слов. Трудно предположить, что здоровье и трест могут иметь что-то общее. И только этимологический анализ показывает, что эти слова восходят, по сути, к одному источнику.

Славяне

Названия народов (этнонимы), местностей (топонимы) и имена собственные наиболее трудны для этимологии. Дело в том, что имена нарицательные всегда передают какое-либо понятие, и их значение раскрывает одну из его сторон. Имена же собственные называют единичный предмет, с которым связаны чисто условно. Все предметы, названные нарицательными именами, можно объединить в класс. С именами же собственными этого сделать нельзя. Говоря проще, у всех собак есть много общего. Однако невозможно найти ничего, что бы объединяло всех Дружков или Шариков и противопоставляло бы их Полканам.

Но почему собака названа так, а не иначе, допытаться не так уж сложно. Об этом в крайнем случае можно спросить у ее хозяина, а при отсутствии такой возможности — познакомиться с традициями собачьего наименования в данной стране и области, заглянуть в архив собаководческого клуба (имена породистых псов обычно связаны и с их родителями, и с годом их рождения). Гораздо труднее докопаться до происхождения топонимов и этнонимов. Ведь большинство из них возникло задолго до того, как было письменно запечатлено. Появились они в ту эпоху, о которой нам известно чрезвычайно мало, и чем руководствовались те, кто ввел в обиход эти названия, сказать довольно трудно. Все эти трудности и сомнения были подытожены выдающимся французским лингвистом Антуаном Мейе. Он подчеркивал, что в этимологии слова есть три критерия: фонетический (основанный

на математически строгих фонетических законах), морфологический (опирающийся на не менее строгие словообразовательные модели) и семантический, то есть связанный со значением. В этимологии имени собственного последний критерий не работает.

Надо сказать, что значение не подчиняется таким строгим закономерностям, как звуковой и морфологический облик слова. В наших заметках можно наблюдать самые причудливые изменения значений слова: такие разные, почти противоположные слова, как *беда* и *победа*, окажутся в самом прямом родстве друг с другом (см. заметки «Победа. Беда»). Но семантический критерий не менее важен, чем фонетический и словообразовательный. В самом деле, как сравнивать друг с другом слова, не имеющие ничего общего в значении? Русское *шип* ('шипение') по звучанию ничем не отличается от *шип* (розы), но это слова разного происхождения. Не зная значения слова, невозможно делить его на морфемы: понадобится специальное исследование для того, чтобы найти корень в глаголе *от-ворить* (см. заметки «Вор»). Более того, иногда только понимание фразы позволяет правильно делить ее и на слова:

«Уга» — рычат во гневе дромадеры.
Угар и чад: в огне ведро мадеры.

Неприменимость семантического критерия затрудняет использование остальных. Это и делает этимологию имен собственных особенно сложной, и о большинстве из них существуют самые различные гипотезы.

Так какие же гипотезы объясняют этноним *славяне*? Сразу приходит мысль о *славе*. Ею руководствовались поэты прошлого, в чьих стихах так торжественно звучит имя народа:

И *слава* возрастет моя, не уядая,
Доколь *Славянов* род вселенна будет чтить.
(Г. Р. Державин, «Памятнико»)

Оставьте: это спор *славян* между собой.
(А. С. Пушкин, «Клеветникам России»)

Гипотеза заманчива: *славяне* — славный, знаменитый народ. Но этимология основана не на звукиях, а на закономерностях. Автор «Этимологического словаря русского языка» М. Р. Фасмер полагал,

что отождествлению славян со славой препятствует суффикс *-яне* (в единственном числе *-янин*). Он чаще всего означает ‘житель какого-либо места’. Сравните название жителей городов: *Елец* — *ельчанин*, *Руза* — *руссанин*, *Мценск* (в просторечии *Амченск*) — *амченин* (в повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» главный герой знакомится с новым соучеником: «Вы откуда?» — «Орловской губернии Мценского уезда» — «Значит, Амченина нам во двор... так?»), *Псков* — современное *пскович*, но старое — *псковитянин* (вспомним оперу Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка»). И если *славянин* значит ‘обитающий где-то’, то *слава* здесь оказывается явно не при чем. Для объяснения этнонима Фасмер привлекает древнерусское название-эпитет Днепра *Словутич*. В былинах это имя тоже ассоциируется со *славой*, но его корень совсем иной. Он связан с греч. *χλύδων* ‘прибой’, *χλύζω* ‘плескать; полоскать’ (рискуя вызвать неприятные ассоциации, замечу, что от этого глагола происходят *клизма* и *клистир*). Первоначально этот корень означал ‘(стремительно) течь, бурлить’. От того же корня происходят и названия мелких украинских рек Славка, Славута, а также, по-видимому, Случь (на которой стоит г. Слуцк; от реки и города происходит распространенная фамилия Слуцкий, прославленная выдающимся поэтом). Возможно, к тому же гнезду относится и ключ ‘источник’ (с характерным для славянских языков чередованием *k : c*, см. заметку «Свет. Цвет»). Это слово обычно связывали со звукоподражательным корнем (*клокотать, клюкать*, литовское *kliókti* ‘стремительно литься’), но его связь, как звуковая, так и семантическая, с греческим *χλύζω* не вызывает сомнений. По-видимому, в основе общевосточноевропейского **klu-* ‘течь с шумом’ лежит именно звукоподражание.

И это звукоподражательное слово легло в основу названия какой-то бурной реки, на берегах которой обитали наши далекие предки. Гипотеза соблазнительная. Для ее подтверждения известный польский ученый Ян Отрембский указал на название литовской деревушки *Šlāvenai*, расположенной на реке *Šlāve*. Литовское *Šlāvenai* каждым своим звуком соответствует церковнославянскому *словѣнѣ*, воспроизводит тот же словообразовательный тип.

И тем не менее связь славян с водным источником не является общеизвестной. Дело в том, что любая этимология, как и любая наука, занимающаяся ушедшими временами, от которых остались только косвенные данные, старается собрать как можно больше сведений о предмете своего изучения. Она стремится реконструировать не отдельные слова, а системы слов — с их синонимией и антонимией.

И, исходя из требований системности, уже известный нам русско-американский филолог Роман Осипович Якобсон сопоставил племенное название *славяне* с не менее распространенным *немцы*. Этим именем наши предки называли отнюдь не только жителей Германии, но и любых иноплеменников. Смысл этого имени проясняет цитата из Лаврентьевской летописи: *Югра же людие есть языкъ нѣмъ* ‘люди же Югры (земли восточнее Белого моря) есть народ немой’. Немой — т. е. иноязычный, говорящий непонятно, неосмысленно для слушающего. Сравните с этим русское диалектное *говорить немо* ‘невнятно’, *немтырь, немтура* ‘заика, косноязычный’. В Вятской губернии еще не говорящего младенца называли *немчиком*.

Иными словами, древний народ чувствовал себя окруженным иноязычными, то есть невнятно говорящими, немыми и племенами. Исходя из этого, Р. О. Якобсон предположил, что имя *словѣне* происходит от *слово*. Таким образом, восстанавливается четкая система из двух противопоставленных этнонимов: *словѣне* ‘владеющие словом, (понятно) говорящие, свои’ — *нѣмцы* ‘немые, невнятно говорящие, чужие’. Аналог имени *словѣне* Р. О. Якобсон нашел в древнерусском *клиchanе* ‘ловчие, чьей обязанностью было спугивать дичь криком, кличем’. Наблюдения Р. О. Якобсона были развиты известным российским этимологом О. Н. Трубачевым. Он указал на такие древнерусские имена с суффиксом *-анинь/-енинъ*, как *бежсанинъ* ‘беглец’, *ловчанинъ* ‘ловчий’, *торжанинъ* ‘купец’, *полячанинъ* ‘воин’. Эти примеры позволили О. Н. Трубачеву уточнить значение суффикса *-анинъ/-енинъ*: не столько ‘находящийся в определенном месте’, сколько ‘относящийся к определенной группе людей’. Таким образом, *славяне* — группа людей, объединенных общим признаком: владение словом, умение понятно говорить, иными словами, *славяне* — свои (в отличие от чужих, иноплеменников). При этом О. Н. Трубачев полагает, что в основе этнонима *славяне* лежит не имя *слово*, а праславянский глагол **sluti* ‘(понятно) говорить’, а также ‘быть слышным, известным’. Кстати сказать, в письменных славянских языках известно только второе значение этого слова (древнерусское *слоути*, (*я*) *слову*, сравните название многих церквей: Храм Воскресения Словущего, т. е. «знаменитого, прославляемого»; в современном русском языке этот глагол звучит как *слить*). А если это так, то старая этимология *славяне* — *славные* приобретает новый смысл и убедительность. Исследователь сравнивает с именем *славяне* загадочный народ *Σταυανοί*, упоминаемый в «Географии» знаменитого древнегреческого географа и астронома Клавдия Птолемея (чья геоцентрическая система Вселен-

ной до Коперника считалась общепризнанной). Этот народ, согласно Птолемею, жил между племенами галиндов (древнее племя, родственное литовцам и латышам, в русских летописях — *голядь*) и аланами (иранское племя, предки современных осетин); его название имеет иранские корни и может быть сравнено с древнеиранским глаголом *staoti* ‘он хвалит’, известным из священной книги зороастрийцев Авесты. Название *Σταυανοί* можно перевести как ‘хвалимые’; следовательно, это буквальная передача этнонима **slove-*

Еще одна этимология, заслуживающая внимания, связывает имя *славяне* с греческим *λαός* ‘народ’. М. Р. Фасмер считает ее недопустимой. Но не менее авторитетный филолог-славист, профессор МГУ С. Б. Бернштейн (1911—1997) эту этимологию поддерживал. Поэтому остановимся на ней поподробнее. В индоевропейском словообразовании существует интересное явление: в некоторых словах начальное *s-* то появляется, то пропадает. К примеру, в старом русском языке было известно слово *скора* ‘кожа, оболочка, мех’. В современном языке известно только родственное ему слово *шкура*, заимствованное из польского, а также производные от него *скорняк* ‘портной, шьющий из меха’, *скорлупа*, дословно — ‘облупленная скора, оболочка’. Ближайший родственник этого слова — *кора*. По сути, это та же форма, но без подвижного *s-*. Примечательно, что соответствия этому корню в латыни тоже показывают подвижность *s-*: *scortum* ‘шкура’ *corium* ‘кора, оболочка’. Также могут соотноситься праславянское **slov-ene* и греческое *λαός*, которое в более древнюю эпоху звучало как *lavós*. Греческое слово сравнивалось с древнеирландским *sluagh* ‘толпа, народ’, а также с древнеанглийским *leod*, немецким *Leute* ‘люди’. В свою очередь, эти германские слова родственны не только русскому *люди*, но и латинскому *liber*, греческому *ἐλευθερός* ‘свободный’. Следовательно, этим корнем в далекую эпоху наши предки называли не просто людей, народ, но именно свободный народ. Итак, *славяне* — свободные люди? Это согласуется со свидетельством древних авторов о том, что древние славяне не знали рабства.

Какой из гипотез отдать предпочтение? Вопрос трудный. Читатель вправе положиться здесь на свой вкус. Наиболее подробно аргументирована теория Якобсона—Трубачева, но и у остальных есть свои преимущества. Исследование этнонимов редко приводит к окончательному результату — установлению их бесспорной этимологии. Но попутно оно может дать ценную информацию о языке, культуре, среде и месте обитания их носителей.

Однако имя *славяне* становится известным гораздо позже, чем первые представители этого племени. Славянами они называли себя сами задолго до появления письменности. В греческих же и римских источниках они именуются *антами* и *венедами* (*венедами*). В современном финском языке и до сих пор *Venäjä* — имя восточных славян. Что можно сказать об этих названиях? Имя *венеды* почти полностью совпадает с названием древнего народа *венетов*, живших на территории северо-восточной Италии и давших имя городу Венеции. От них осталось довольно большое количество надписей, в настоящее время прочитанных, переведенных и изученных. Надписи эти свидетельствуют о том, что венеты говорили на индоевропейском языке, следовательно, были родственны славянам. Однако венетский язык обнаруживает гораздо более тесные связи с латинским и древними кельтскими. Кроме того, *венетами* называлось и собственно кельтское племя, жившее на прибрежной территории современной французской Бретани. Одним родством такое совпадение не может быть объяснено.

Для разрешения этой загадки можно вернуться к *славянам*. Этим этнонимом обозначается не только славянское племя в целом, но и некоторые его части: в Центральной Европе — *словаки*, на севере Балканского полуострова — *словенцы*, на берегах Балтийского моря обитал небольшой народ *словинцы* (ближе всего родственный полякам и кашубам), Новгород был основан племенем *славян Ильменских*. Здесь важно то, что все эти народы и племена находятся на периферии обитания славян, по соседству с другими народами (румынами, немцами, финнами). В этом можно видеть проявление закона именования народов: общее имя появляется при контакте с иноплеменниками. Ведь и любой россиянин — русский, карел, якут, татарин — выехав за границу, будет там называться русским. Поэтому общее имя народа становится частным именем племен, живущих на периферии. Значит, галльские венеты, обитавшие на берегу Атлантического океана, азиатические венеты, граничившие с неиндоевропейскими племенами этрусков, и северо-восточные венеты (*славяне*), соседствовавшие на севере с угро-финнами, носили общее для всех индоевропейцев имя? Именно так считает современный польский индоевропеист Кшиштоф Витчак. Если это верно, то перед нами — ценнейшее свидетельство. Ведь само слово «индоевропейцы» не могло, естественно, быть названием доисторического народа. Это ученый термин, изобретенный в середине XIX в. немецкими и английскими лингвистами, которые нашли убедительные доказательства родства многих языков Индии (прежде всего санскрита) и Европы. Ясно, что если индоевропейский

этнос когда-нибудь существовал, то он должен был иметь и самоназвание. Распался же он примерно 5—6 тыс. лет тому назад, когда ни у одного народа не было и зачатков письменности, поэтому его название нигде не могло быть зафиксировано. О нем можно судить только по косвенным данным. Повторение одного названия у разных племен, находящихся на периферии индоевропейского ареала, и является таким косвенным свидетельством. Имя *Veneti* возводится к древнейшему корню *ven-: санскритское *vanati* ‘он любит’, латинское *venus* ‘любовь’ (и богиня любви — всем известная Венера); особенно важны древнеирландское *fm* ‘семья’, *fine* ‘род, племя’. Именно они показывают, как глагол «любить» превратился в название народа.

Древнее название *венеты* отразилось в названии одного из славянских племен — *вятичи* (древнерусское *вятычи*), живших на побережье Верхней Оки. В «Повести временных лет», составленной знаменитым летописцем Нестором, говорится, что вятичи получили свое имя от легендарного вождя Вятко. Но такое имя больше нигде не засвидетельствовано, поэтому рассказ летописца похож на типичную объяснительную легенду. (Таких легенд для объяснения непонятных названий создавалось великое множество во все времена. По преданию, когда Юрий Долгорукий переправлялся со своим войском через одну речку в бассейне Оки, его жена подвернула ногу и воскликнула: «Я хрома!» С тех пор, дескать, речка и получила такое название. Однако очевидно, что, когда человек подворачивает ногу, он вскрикивает, а не ставит себе диагноз.) Научное же истолкование имени *вятичей* сравнивает его либо с корнем *vent- ‘влажный’, либо с древнеславянским именем венедов. Первый корень часто именует реки: он присутствует в названии латышской реки *Vents* (на берегу которой стоит известный город Вентспилс) и русской реки Вятка в Приуралье, с еще более известным городом Вятка (в советское время — Киров). Но обе реки находятся слишком далеко от места обитания вятичей. Название народа по реке встречается часто, но proximity от места обитания вятичей не найдено рек или озер с таким названием. Поэтому предпочтительнее связать вятичей с венедами, а через них — и с индоевропейцами-венетами.

Племенное же название *анты* было распространено значительно меньше. Оно упоминается только у средневековых германских и византийских историков, следа в именованиях отдельных славянских народов не оставило. Антами именовались славянские племена, жившие на северном побережье Дуная, перешедшие его в VI в. н. э. и бывшие почти 100 лет опасными врагами византийцев. Антский вождь Бож

(Боз, Бокс²¹), казненный в IV в. готским королем Винигарием, был, очевидно, первым славянином, упомянутым в письменном источнике. Название этого народа происходит, по-видимому, от древнеиндийского *anta* ‘конец, предел’. Древнеиндийский язык родствен иранским, в том числе тем, на которых говорили скифы — древнейшие соседи славян, поэтому нет ничего удивительного в том, что хотя бы часть славян носила иранское имя. (О. Н. Трубачев предполагает, что часть скифов была по языку вообще не иранцами, а индийцами. Следовательно, *анты* могли быть названы так и индийцами.) Есть основания думать, что некогда славяне платили скифам дань, поэтому их территории рассматривались скифами как своя собственность и они называли данников «окраинным, пограничным» народом. Под этим именем *анты* вошли в историю.

Итак, *анты* — не собственное имя славян, а данное им соседями, *венеды* — не основное их имя. Когда славяне (начиная примерно с VI—VII вв. н. э.) стали активно вмешиваться в европейскую политику и историю, тогда во всех письменных источниках и утвердилось их самоназвание.

Русь. Россия

«O rus! (Horatius) O Русь!» — всем известен этот эпиграф к второй главе «Евгения Онегина». Неожиданное созвучие латинского *rus* ‘деревня’ и *Русь*, конечно, никак не доказывает их общего происхождения, но заставляет задуматься над вопросом: какова этимология у имени нашего народа и нашей страны? Вопрос отнюдь не праздный: поняв, как называли себя наши предки, мы сможем уловить важные черты их национального самосознания.

---

²¹ По мнению О. Н. Трубачева, это не собственное имя, а титул — слегка переиначенное славянское *voži* ‘вождь’. Имя же его убийцы, гота Винигария тот же исследователь считает прозвищем — *Winiþ-arja ‘потрошитель венетов’, т. е. славян. См. [Трубачев 2003: 250].

Однако наши далекие предки не пользовались именем *Русь*. Они называли себя либо общим родовым именем — *славяне*, либо использовали племенные названия: *поляне* (обитатели открытых пространств, полей), *древляне* (живущие среди деревьев, в лесу), *вятичи* (это имя происходит от древнейшего названия славян и индоевропейцев, см. статью «Славяне»), *славяне Ильменские* (жители северной периферии славян, соседствующие у озера Ильмень с финнами). Название же *Русь* появляется не раньше IX в. н. э., именно тогда, когда большая часть восточных славян объединились под властью Киева. Это привело к появлению нового типа самосознания — не племенного, а народного. Проще говоря, жители Киевской Руси стали ощущать себя уже не просто древлянами-полянами, а соглеменниками в более высокой степени — *русскими*. Правда, иные историки-славянофилы сейчас пытаются найти следы Руси задолго до рождества Христова: ссылаются на то, что в Библии упомянут народ *рои*, древним государством Урарту в Закавказье правил царь *Руса*. Но все эти названия связаны с нашей Родиной примерно так же, как рыба *кета* со страной *Китай*: все это — случайные созвучия, не представляющие интереса для филологов и историков.

Но здесь появляется одна загадка. Дело в том, что большинство этнонимов (названий народов) — это имена существительные: *немцы*, *англичане*, *греки*. Само имя *Русь* напоминает многие другие племенные имена древнерусского языка: *чудь* (эстонцы и финны), *пермь* (финны, жившие восточнее Новгорода), *корсь* (то же самое, что *курши* — вымершее балтийское племя, чье имя сохранилось в названии Куршской косы на востоке Балтики). От всех этих этнонимов образуются обычные существительные: *чудин*, *корсак* (фамилия *Корсаков* происходит именно отсюда, а не от названия степной лисицы *корсак*), *пермяк*. И только от *Русь* нет существительного, а лишь прилагательное *русский*, *русские*, которое и стало названием народа (имя *руsin* образовано так же, как *чудин*, но оно относится только к небольшому славянскому народу — закарпатским украинцам).

Грубо говоря, все гипотезы о происхождении названия *Русь* можно подразделить на «северные» и «южные». Сторонники «северных» теорий: это название было привнесено в Киев северными пришельцами — варяжскими дружинами или европейскими купцами. Согласно же «южным» теориям, оно возникло непосредственно на территории, близкой к Киеву, и либо находит свои корни на земле Киевщины, либо заимствовано от южных соседей. В популярных изданиях до сих пор можно встретить утверждение о том, что *Русь*

связана с названием реки *Рось*, впадающей в Днепр неподалеку от нынешнего Киева. Это название связано с именем *rosa*, находящее параллели в латинском *ros* ‘роса’, древнеиндийском *rasa* ‘влага’, древнеиранском *rañha* (именно от этого слова происходит название реки Волга в античных источниках — *Râ*). Народы часто называются по рекам, на которых они обитают; но сопоставлению реки *Рось* и древнерусского *роусь*, *роускии* препятствуют неумолимые фонетические законы (в русском языке звук *o* не переходит в *u*). Другая «южная» теория выводит название нашего народа из иранских корней. Как известно, древние славянские племена в течение веков соседствовали с иранцами-скифами. Одно из скифских племен, жившее в начале новой эры на территории современной Украины, именовалось *роксоланы*. Этот народ был прекрасно известен всем средневековым историкам, и Украина еще в XVIII в. в латинских документах называлась Роксоланией. Этимология этого имени вполне прозрачна: *рокс-* одного корня с древнеиранским *raoxsa* ‘белый, светлый’, древнеиндийским *rus* ‘свет’; *аланы* — потомки античных скифов, предки современных осетин. Таким образом, *русь* первоначально означало ‘светлый, белый народ’. Как это соотносится с реальностью? Во-первых, как отмечают средневековые авторы, жители древнего Поднепровья различались по своему физическому типу, проще говоря — имели самую разнообразную наружность. Среди них были светловолосые и голубоглазые, похожие на немцев или прибалтов северяне; темноволосые и горбоносые южане, напоминающие внешне арабов или кавказцев; люди с нерезко выраженным монголоидными чертами типа современных казанских татар. «Светлыми, белыми аланами», таким образом, могли называться только скифы-блондины. Но, с другой стороны, определение цвета в названиях народов и местностей не всегда имело отношение собственно к цвету. В самом деле, Белое море ничуть не белее Черного. Дело в том, что в старинных системах ориентации цвета могли обозначать стороны света: белый — восток или юг, черный — запад или север. Кроме того, белый также имело значение ‘свободный’, черный — ‘порабощенный, зависимый’. В этой связи можно вспомнить русское *черная и белая кость* («Кость черная, кость белая... им разный и почет!» Н. А. Некрасов). И во многих культурных традициях имеются подобные наименования. Во Флоренции в XIV в. враждовали две партии — черные и белые гвельфы. Первые считали, что Флорентийская республика должна находиться под протекторатом папы римского, вторые же отстаивали независимость своего родного

города. Убежденным белым гвельфом был великий Данте Алигьери; после поражения своей партии ему пришлось покинуть родной город и провести свои дни в изгнании. В отместку Данте поместил многих черных гвельфов в различных кругах ада.

Итак, *Русь* может означать ‘светлая’. В отождествлении иранского *raoxsa* с *Русь* нет ничего невозможного; кроме того, такая связь существует и на уровне наивного народного самосознания. Название нашего народа ассоциируется с цветом волос *русый*, и для многих *русский* — это *русоголовый*. Вспомним опять Некрасова:

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом *рус*,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной *белорус*.
(«Железная дорога»).

Прилагательное *русый* в действительности связано не с *Русью*, а с такими словами, как *рудой* (помните пасечника *Рудого Панько* у Гоголя?) и *рыжий*: *рус-* < *руд-**с* (сравним литовское *raudà* ‘красная краска’, *raudónas* ‘красный’). Но для народного сознания созвучие важнее научной этимологии.

Как видим, некоторые «ожные» гипотезы о происхождении *Руси* выглядят вполне убедительно и привлекательно. Поэтому интересно понять: почему многие ученые ищут истоки *Руси* на севере? Для этого прежде всего надо определить: что именно наши предки называли *Русью*? Великий русский историк В. О. Ключевский выделял четыре разных, хотя и близких друг другу понятия, называемых этим словом: *русь-племя*, *русь-сословие*, *Русь-область* и *Русь-государство*. Но *русь-племя* — это отнюдь не *русичи*. Вот что пишет летописец Нестор, который в «Повести временных лет» сообщает о призвании варягов новгородцами:

*И идоша за море к Варягомъ, к Руси, сице бо тии звахуся варязи
Русь, яко се друзии зовуся Свие, друзья же Урмяне, Англяне, друзья
Гъте, тако и си 'И пришли за море к варягам, к руси, так как те варяги
назывались русью, как другие зовутся свеи (шведы), другие же урмяне
(норманны), англяне, другие готы, так и эти'.*

Итак, *русь-племя* — это варяги, т. е. древнегерманское (скандинавское) племя, прославленное в средние века своей воинской доблестью

(само слово *варяг*, *Varingr* означает ‘воин’²²). Из них и состояла дружина, возглавляемая воином Рюриком. (Попутно отметим одну ошибку летописца. Он сообщает, что в Новгород пришли три брата: Рюрик, Трувор, Синеус. Но скандинавские имена Трувор и Синеус больше нигде не засвидетельствованы. Первое из них происходит из древнескандинавского *tri var* ‘верный воин’, второе — из *sine hus* ‘свой дом’. Нестор услышал, что Рюрик прибыл в Новгород вместе с верными воинами и своими домочадцами и, неточно поняв скандинавскую фразу, создал несуществующих братьев²³.)

Русь-сословие — это прежде всего дружины, сплотившаяся вокруг князя. Тот же Нестор, повествуя о том, как князь Олег, выйдя из Новгорода, захватил Киев, убив своих соотечественников Аскольда и Дира, говорит: *И беша у него варяги и словѣни, и прочи прозвавшиася Русью*. А византийский император IX в. Константин Багрянородный в своем знаменитом трактате «Об управлении империей» указывает, что киевский князь объезжает свои владения вместе со всей своей русью (по-гречески — *ρως*). Он же отмечает, что славяне, находящиеся в подчинении у киевского князя, платили дань руси. Таким образом, русь-племя и русь-дружины — это понятия, очень близкие друг другу, так как второе вытекает из первого. Это может объяснить то, о чем мы говорили в начале, — отсутствие специального существительного для обозначения представителя народа *Русь*. Если это было сначала назвианием не народа, а войска, то каждый отдельный его член нуждался скорее в прилагательном, которое относит его к коллективу: принадлежащий к войску *русь* — *русский*. Дружины набирались из племени Русь. И Константин Багрянородный приводит несколько «русских» слов, которые на поверку оказываются древнескандинавскими. Именно скандинавы-русы составили опору первых варяжских правителей Руси — сначала Рюрика, захватившего власть в Новгороде, затем Олега, объединившего новгородские и киевские земли в единое государство. Именно оно стало именоваться Киевской Русью, и именно с ним связано третье и четвертое значение термина *Русь*. Суммируя все это, академик РАН Ю. С. Степанов замечает:

²² Или «люди клятвы» от древнескандинавского *var* ‘клятва’. *Варягами* вначале называли служащих Византийской империи, т. е. давших присягу.

²³ Есть и иная этимология, согласно которой *Трувор* — это скандинавское *Thorvaldr*, *Thorvardr*, дословно ‘власть бога Тора’, а *Синеус* — *Signiutr* ‘наслаждающийся победой’.

У восточных славян (будущей «Русской земли») к VIII—IX вв. сложилось несколько центров государственности, из них два — наиболее сильных и крупных: северный (Новгородский) и южный (Киевский); термин *русь* первоначально связывался... с северным, Новгородским центром; постепенно он продвигался на юг и закрепился в южном, Киевском центре, постепенно же превращаясь в этнический термин для обозначения всего населения этой земли и в государственный термин [Степанов 1997: 500].

Итак, по мнению Ю. С. Степанова, термин *русь* продвигался с севера на юг и объединил собой восточнославянские земли.

А откуда он появился? У сторонников «северных» гипотез имеют-ся разные точки зрения. Согласно наиболее распространенной, корень этого слова в скандинавском *drott* ‘дружина’ (кстати, родственном русскому *друг*, *дружина*). Однако сами варяги не могли именно так называть восточных славян: Древняя Русь в скандинавских сагах имеется *Gardariki* ‘страна городов’. Но скандинавское слово *drott*, судя по всему, было заимствовано их соседями финнами, завоеванными Шведским королевством в XII в. Там это слово приобрело вид *rotsi*, *ruotsi* — очень близко по звучанию к древнерусскому *роусь*. Надо заметить, что финны до сих пор называют Швецию *Ruotsi*: память о завоевавших Финляндию дружинах скандинавов сохранялась в течение веков. Это же имя было заимствовано из финского языка другими родственными ему: на языке коми-зырян ‘русский’ — *roc*, по-удмуртски — *зуч*. Эти слова, как считает известный лингвист Р. А. Агеева, заимствованы в X в. из близкородственного финскому вепсскому языка (на котором сейчас говорит несколько тысяч человек в Карелии и Ленинградской области) [Агеева 1990]. В другом языке финской группы — саамском (Кольский полуостров, финская, шведская и норвежская тундра) — русские обозначаются словом *ruoš'sa*, также заимствованным из финского *ruotsi*, *ruotsa*. Финны называли этим словом своих соседей варягов; вепсы, саами, коми и удмурты использовали его сначала для смешанного варяжско-славянского населения, затем — для хорошо им известных русских.

Итак, *Русь* — ‘воинство, дружина’? Такие этнонимы (названия народов) встречаются довольно часто. Римлянам было хорошо известно воинственное кельтское племя *бойев*, жившее на территории южной Германии. В раннем средневековье оно исчезло, оставив после себя название двух хорошо известных областей Европы: Богемия (из *Boi-heim* ‘дом бойев’) и Бавария (нем. *Bavaria*). Название же этого

племени — одного корня с русским *бить, бой*, то есть — ‘солдаты, воины’.

Связь Руси с финским *ruotsa*, происходящим из скандинавского *drott*, выглядит убедительно и подкреплено многими доказательствами — свидетельствами средневековых историков. Но все же эта этимология отвечает не на все вопросы, связанные с происхождением Руси. Такое название, по этой гипотезе, могло возникнуть в IX в., после появления варягов в Новгороде и Киеве. Однако в VI в. готский историк Иордан упоминает народ *rosomany*, живущий на Днепре. Вторая часть этого названия означает ‘люди’ (оно того же корня, что и немецкое *Mann*, английское *man*). Первую же часть заманчиво сравнить с *русью*. Далее, вдова варяга Игоря, княгиня Ольга (в крещении — Елена) именуется в средневековых хрониках так: *Helena, regina Rugorum* ‘Елена, царица ругов’. Термин *руги* как будто связан с *русью*, но его затруднительно вывести из скандинавского *drott*. Истоки его, однако, тоже лежат в Скандинавии. Там в начале новой эры жило германское племя *ругов*, впервые упомянутое Тацитом. В эпоху Великого переселения народов (IV—VI вв.) руги покинули Скандинавию, объявились на Дунае и в северной Италии. Знаменитый историк и этнограф Л. Н. Гумилев считал, что часть из них могла дойти и до Днепра и, смешавшись с местным славянским населением, передать ему свое имя. Древнерусское *роуси* (мн. ч. от *роусь*) могло в германской транскрипции звучать как *рос*. Но существует и другой путь передачи. По ругам-германцам назван остров Рюген в Балтийском море. Во время того же Великого переселения на нем очутились западные славяне, которые построили город Аркону и основали военную республику. На Рюгене находились святилища важнейших балтийско-славянских богов: верховного божества Свентовита (чье имя понимается как «носитель великой силы»), военного божества Руевита (Ругевита), т. е. «защитника, богатыря Руги», и других. Славяне с Рюгена тоже составляли сильные дружины, поддерживали контакты с восточными сородичами, так что могли передать им и свое имя. Рюгенские, как и другие балтийские славяне, после многочисленных неудачных попыток были покорены к XII—XIII вв. немецким Тевтонским орденом. Их драматическая судьба не раз привлекала внимание писателей; ей посвящены две замечательные баллады А. К. Толстого — «Боривой» и «Ругевит».

Своё решение всего этого комплекса проблем предложил крупнейший американский лингвист и историк, знаток славянских и восточных языков, американец украинского происхождения Омельян При-

цак²⁴. По его мнению, истоки названия Руси следует искать далеко на западе Европы. Во Франции имеется область Родез (департамент Аверон). Это название — видоизмененная Рутения, населенная в древности кельтским племенем рутенов. В течении нескольких веков рутены вместе с германским племенем фризов, проживающих на северо-западе современной Германии, вели интенсивную торговлю со всем цивилизованным миром. Экспансия рутенов-кельтов была велика, их название, видоизменившееся в *Ruzzi, Rusti*, встречается на юге Германии (в Верхнем Подунавье) и в области Рейна. Именно оно было перенесено германскими хронистами на варяжские дружины князей Олега и Игоря. Название же *Rugi* в применении к славянам, по мнению О. Прицака, восходит к тому же кельтскому *Ruteni*, но прошедшему через романское и германское посредничество. Любопытно, что в средние века имя *Ruteni, Rutheni* применялось и к Руси, особенно Киевской (оказавшейся в XIV в. под властью Великого княжества Литовского). О. Прицак думает, что это название кельтского племени, заимствованное без посредников и перенесенное на восточных славян по звунию с давно существовавшим к этому времени этнонимом *Русь* [Прицак 1991].

Заслуживает внимания еще одна «южная» гипотеза, предложенная известным историком и археологом академиком Б. А. Рыбаковым [Рыбаков 1993]. По его мнению, название «Русь» зародилось только на территории Киева и лишь потом было распространено на всю территорию Киевской Руси после создания этого государства князем

²⁴ На его биографии стоит остановиться поподробней хотя бы в скобках. Полуполяк-полуукраинец Эмиль Прицак родился во Львове. После оккупации Западной Украины советскими войсками поступил в аспирантуру к выдающемуся украинскому востоковеду и слависту А. Е. Крымскому (знатоку 60 языков, истории и литературы тюркских и семитских народов, древнеславянских грамот) и воспринял от своего учителя направление и удивительную широту интересов. После войны оказался на Западе, во Львов возвращаться не стал, а уехал в США. Там он защитил две диссертации (по древнейшей русской истории и тюркской филологии), овладел 50 языками и организовал Институт украинских исследований в Гарвардском университете. Всегда проявлял глубочайший интерес к украинской культуре, настолько, что украинизировал свое имя и вместо Эмиля стал называть себя Омельяном. В 1991 г., после распада Советского Союза, был избран академиком Национальной академии наук Украины и создал в Киеве Институт востоковедения. До самой смерти — заслуженный профессор Гарвардского университета и почетный директор Института востоковедения в Киеве. Удивительная судьба — живое воплощение мечты о синтезе Запада и Востока!

Олегом. Исконно киевское происхождение названия *Русь* Б. А. Рыбаков находит в тексте греческого историка Захарии Митленского (иногда называемого Псевдо-Захарией). Этот текст известен не в греческом оригинале, а в переводе на сирийский язык (родственный ивриту и арабскому). И в этом тексте упоминается народ *hrws*, который и сравнивается Б. А. Рыбаковым с *русью*. Но в раннем средневековье в сирийском алфавите не было специальных знаков для обозначения гласных звуков: они передавались (и не всегда последовательно) согласными: с помощью *j* могли передаваться звуки [e, i], с помощью *w* — [o, u], с помощью *h* — [a, e]. И слово *hrws* разные исследователи читали по-разному: как *heros*, *eros*, *hros*, *hrus*. А коли это так, то никак нельзя непосредственно соотносить это название с *русью*. Ю. С. Степанов, например, считает, что за этим сирийским словом стоит название другого славянского племени — *хорват*. Но это — уже тема особого разговора. Пока можно сказать одно: трудно однозначно отдать предпочтение той или иной гипотезе о происхождении *Руси*. Но «северные» теории лучше подкреплены историей.

В отличие от многих других этнонимов, имя *русь* возникло сравнительно недавно — на несколько веков позже Рождества Христова. Но от этого оно не менее загадочно. Названия народов существуют в неразрывной связи с их историей и историей их соседей. В раннем Средневековье Европа бурлила, как кипящий котел: народы переселялись, встречались и расходились. Одним из свидетельств их бурных контактов и явились этнонимы. Ведь в самом деле, знакомясь с разными гипотезами о происхождении *Руси*, мы встречались с германцами, аланами, кельтами и многими другими народами. Название *русь* запечатлело их след в истории *Руси*.

Кажется вполне очевидным, что *Россия* связана с *Русью*. Когда и где появилось это название? И здесь надо вернуться к тому, с чего мы начали — к библейскому Рошу. Это имя несколько раз упоминается в Ветхом Завете, книге Иезекииля (38, 1-2; 39, 1), где сказано: «князь Роша, Мешеха и Фувала». Упоминается этот князь вместе с Гогом и Магом. Однако его имя — настоящий «подпоручик Киже». В древнееврейском тексте Библии сказано *nasi roš* ‘главный, верховный князь’. Переводчики же Ветхого Завета на греческий приняли слово *roš* ‘начальник’ за имя собственное: *άρχοντα Рως* ‘князь Роша (Роса)’, и создали народ, никогда не существовавший. Средневековые историки любили называть соседние народы не их собственными именами, а названиями, как-то связанными с историей (реальной или мифической): вспомним Украину, именуемую Роксоланией. О народах

дах Гог и Магог давно утвердились мнение, что они жили где-то далеко на севере от Палестины, возможно, в Центральной Европе. И когда византийцы познакомились с днепровским племенем, именовавшим себя *русь*, они ничтоже сумняшеся отождествили его с мифическим Рошем-Росом. Так Русь получила свое византийское название.

Но Византия сыграла исключительную судьбу в истории Руси. Из Византии русичи получили православие, книги, образование. С Византией охотно родились русские князья и цари: знаменитый Владимир Мономах был сыном византийской царевны, дочери императора Константина Мономаха; Иван III был женат вторым браком на Софье (Зое) Палеолог — племяннице последнего византийского императора Константина XII. Византийская империя долгие столетия была образцом для русских правителей. Из нее заимствован русский герб — двуглавый орел²⁵. И, когда Петр I объявил себя императором, он тоже ориентировался на Византию. Именно тогда византийское название Руси стало именем молодой империи. Итак, Россия — это Русь в византийском облачении, Русь византийскими глазами или, как сказал бы Гегель, *ионбытие* Руси, Русь как империя, т. е. государство, объединившее в себе великое множество народов. Недаром так торжественно звучит прилагательное *российский* в поэзии XVIII в., вспомните «Колумбов российских» Державина. *Российский* — значит трудящийся во славу России. И поэтому *российский* — это название народа, а *россиянин* — это гражданин России, судьба которой — быть конгломератом множества народов.

---

²⁵ Двуглавый орел был гербом не Византийской империи, а фамильным знаком династии Палеологов. Эта геральдическая фигура известна в древнейших изображениях у малоазийских народов — шумеров и хеттов. Она символизировала всевидение и всеведение власти.

СВЕТ. ЦВЕТ

Значение и звучание этих слов очень схожи, поэтому сразу возникает вопрос: не родственники ли они между собой? Но, прежде чем ответить на этот вопрос, надо разобраться с каждым словом по отдельности.

Слово *свет* в словарях Ушакова и Ожегова представлено в двух словарных статьях, то есть современные лексикологи считают, что существуют два омонима *свет*. Один из них означает ‘лучистая энергия, делающая мир видимым’, ‘рассвет, восход солнца’ (вспомним поговорки *чуть свет*, *чуть заря или ни свет, ни заря, до свету*). Другой же связан с совсем иным кругом понятий: ‘мир, вселенная, человечество’, а также ‘общество, особенно высшее’. А вот Даляр рассматривал все это как разные значения одного слова. Так кто же прав?

С точки зрения современного русского языка правы Ушаков и Ожегов: слишком уж сильно отличаются друг от друга все те предметы, которые обозначены словом *свет*. Но дело в том, что словарь Даля — это попытка представить каждое слово во всей полноте его родственных связей — как с однокоренными словами, так и во времени. Даляр часто указывает, откуда, по его мнению, произошло то или иное слово. И вот с этой точки зрения он абсолютно прав: *свет* ‘лучистая энергия, противоположность тьме’ и *свет* ‘вселенная, мир, человечество’ — это единое слово. Устойчивый оборот *белый свет* (*пойти по белу свету, что происходит на белом свете*) ясно показывает, что из чего происходит. Но почему *свет* стал названием *мира*?

Все языки сильно отличаются друг от друга. Но в них наблюдаются и общие черты, которые имеют принципиальное значение для науки о языке и языках — лингвистики. И связь *мира* и *света* существует не только в русском языке. В санскрите есть глагол *r̥casate* ‘светиться’ и два однокоренных ему существительных: *roká* ‘свет, сияние’ и *loká* ‘мир, вселенная’. Это слово — одно из ключевых в индийской мифологии. Древние индийцы делили вселенную на несколько миров — три мира (небо, земля, подземное царство) или семь миров (земля и шесть сфер неба). Представления о разных мирах-светах запечатлены и в русском языке: *тот свет*, противостоящий нашему миру, а также *Старый, Новый Свет*. Все эти слова содержат индоевропейский ко-

рень **leuk-* ‘свет, сияние; белый’. Мы находим его также в латинском *lux* ‘свет’ и *lucus* ‘священная роща’; последнее особенно близко к литовскому *laikas* ‘поле, луг’. Но что общего у света, поля и рощи? Поле и луг — это открытое, безлесное, светлое пространство. В роще же деревья обычно высажены ровными рядами, т. е. они не мешают солнечным лучам освещать рощу — в отличие от чащи, темной даже ясным днем. Луг, поле и роща — это освещенные участки земли. А разве то же нельзя сказать обо всем мире? Свет солнца не только освещает нашу землю. Солнце движет круговорот воды в природе, воздушные и морские течения, дождь, снег и ветер, оно меняет облик планеты. А про жизнь и говорить не приходится: все живое существует благодаря белку, синтезируемому растениями из атмосферного азота с помощью солнечных лучей. Конечно, всю эту величественную картину прояснила 2500-летняя работа десятков поколений ученых. Но древний человек многое чувствовал интуитивно, и его мысли запечатились в слове. Наши предки хорошо понимали, что именно свет дает жизнь всему существу, и называли мир *светом*. Свет — это все доброе, благое и вдохновляющее. «Ты — мой свет в окошке», — говорит человек своему помощнику и заступнику. Понимая, что *ученье — свет*, русские назвали обучение *просвещение*. Его синоним — *образование* значит, собственно, ‘создание’. Свет, творчество, учение — это слова одного круга, причем не только в русском языке. По-немецки *klar* ‘светлый, ясный’ — *Aufklärung* ‘просвещение’; *bilden* ‘строить’ — *Ausbildung* ‘образование’. В большинстве религиозных верований источником света является Бог, поэтому в русском языке возникло сочетание *свет Божий*. (В мистическом учении гностиков (I—IV вв. н. э.) свет сам считался Богом. Отзвуки гностицизма есть в Евангелии от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его», Ин 1, 5; «Он пришел свидетельствовать о Свете, чтобы все уверовали через него», Ин 1, 7.)

Слово *свет* в значении ‘высшее, избранное общество’ появилось не раньше конца XVIII в. Вероятно, на его появление оказали влияние одновременно английское *high life* ‘высшее общество’ (дословно — ‘высокая жизнь’) и французское *beau monde* (дословно — ‘хороший мир’). Поскольку же хороший, добрый мир — это именно свет, то слово стало обозначать и высшее общество; по аналогии с *high life* появилось выражение ‘высший свет’.

Что же касается слова *цвет*, то оно может означать как окраску (красный, синий, желтый цвет), так и цветок растения (липовый цвет). Какое из этих значений первично? Думается, что первое; с ним

связано большинство производных слов: *цветной, цветистый, расцветить*. Цветок был назван *цветком* по своей яркой окраске.

А как все-таки связаны между собой *цвет* и *свет*? Для ответа на этот вопрос нам придется углубиться в довольно сложную науку — сравнительную фонетику славянских языков — и обратиться к тем самым фонетическим законам, о которых мы говорили в предисловии. Русскому звуку *ц* должно соответствовать *ц* в украинском: *целый* = украинское *цілий*. Украинское и белорусское *к* соотносится с русским *к*: *о-коло* = украинское *коло* ‘круг’. А русское *цвет*...

Его ближайшие родственники решительно нарушают эту незыбленную закономерность: «цвет» по-украински — *квіт*, по-польски — *kwiat* (от украинского слова происходит *квітка* ‘цветок’ и фамилия *Квітка*, которую носил известный писатель XIX в., от польского — *Квятковский*; она принадлежала, в частности, выдающемуся стиховеду, автору «Поэтического словаря»). Выходит, только что упоминавшийся закон несостоятелен? Вовсе нет. Он подтвержден многочисленными примерами. Значит, надо поискать причину его нарушения.

Дело в том, что русское *цвет* заимствовано из того языка, на который Константин-Кирилл и его брат Мефодий перевели Евангелие. Язык этот назывался по-разному: старославянским, церковнославянским, древнеболгарским. В каждом этом названии есть свой резон. Константин и Мефодий были славянами²⁶ из города Солунь (современное Салоники), по языку — болгары; на использованном ими языке существует только церковная литература; этот язык считается первым литературным языком во всем славянском мире. Поскольку он происходит из Южной Славии, то он сохранил в себе многие важные черты языков именно этой области. В частности, перед *ѣ* сочетание *кв* превращалось в *цв*. Именно эта черта и доказывает заимствованный характер слова *цвет*. Исконно русское слово звучит как *квіт* (оно встречается в диалектах; отсюда же — не очень распространенная фамилия *Квітной*). Но и в украинском, наряду с *квіт*, зафиксировано слово *цвіт*. Очевидно, заимствование южнославянского слова в восточнославянские языки пришло не книжным путем, а благодаря живому общению носителей языков.

²⁶ Вопрос о национальности славянских первоучителей остается спорным. Возможно, отец их был болгарином, мать — гречанкой [Истрин 1988: 14].

А связаны ли между собой *цвет* и *свет*? Это признают не все эти-мологи. М. Р. Фасмер, например, сравнивал *свет* и латинское *vitrum* ‘стекло’ (*витраж*), полагая, что в слове *свет* начальное *c*- было неустойчивым [Истрин 1988: 14—15]. Но, скорее всего, *цвет* и *свет* — родственники, и близость значений их сомнению не подлежит. Как же объяснить их звучание с помощью исторической фонетики?

Слову *цвет* в индоевропейских языках соответствуют, с одной стороны, литовское *žvisti* ‘светать’, *žveisti* ‘чистить, лощить’, древнеиндийское *śvitra* ‘сияющий, блестящий’, с другой — немецкое *weiss*, английское *white*, готское *hwēis* ‘белый’. Сопоставление всех трех германских языков показывает, как здесь развивались согласные в начале слова. Готский язык сохранил общегерманскую фонему, которая произносилась слитно [хв] — придыхательный звук с губным призвуком; в древнеанглийском языке она превратилась в *w̥* [вх] и в современном английском произносится то как [в] (*white* [вайт]), то как [h] (*who*). В немецком придыхание пропало, осталось простое [в]. Общегерманская фонема *hv* происходит в данном случае из общеиндоевропейского звукосочетания *kv. Итак, что мы видим? В начале нашего слова стоит особый звук, который в германских языках перешел в *h*, в литовском превратился в *ž* (читается как [ш]), в санскрите — *ś* [щ]. Разница этих звуков прежде всего в том, что [h] образуется с помощью поднятия задней части языка (так называемый заднеязычный), а [ш], [щ] — с помощью передней части языка (переднеязычный). Это обстоятельство имеет принципиальное значение для истории индоевропейских языков вообще и соотношения слов *цвет* и *свет* в частности.

Еще в прошлом веке ученые разделили все индоевропейские языки на две большие группы: западную и восточную. Одну из них, западную, назвали *кентум* (от латинского *centum* ‘сто’; в древности оно читалось как *кентум*: вспомните булгаковского кентуриона Крысобоя). В ней исконное индоевропейское *k либо сохраняется, либо превращается в *h*. К этой группе относятся латынь, греческий, германские, кельтские языки. Другая, восточная, получила наименование *сатэм* (*sātəm* ‘сто’ на древнеиранском авестийском языке, на котором написана «Авеста» — священная книга зороастрийцев). Здесь исконное *k превращалось в *s* или *ž*. В эту группу входят индийские, иранские, балтийские и наши родные славянские языки.

Так вот, согласно этой классификации древнее индоевропейское слово *kvoitos должно было превратиться в русском языке в *свет*; но церковнославянское *цвѣть*, украинское *квіт*, польское *kwiat* выбиваются из этой закономерности: в них *k- отражается, как в языках

кентум. Почему так получилось? На этот счет существуют разные гипотезы; самая убедительная, на мой взгляд, такова. В общеиндоевропейском языке звук *k* произносился с поднятием не только задней, но и средней части языка; то есть язык приподнимался к твердому небу. Твердое небо по-латыни — *palatum*, поэтому такие звуки называются *палатальными*. Звучат они мягче, чем непалатальные (в чем может убедиться любой, соответственно поэкспериментировав). Так вот, палатальное, или смягченное, *k* на западе индоевропейской среды обитания потеряло свою мягкость и стало звучать как простое *k*. На востоке же оно, наоборот, утратило заднеязычность и превратилось в переднеязычный звук. Но его двойственность, неустойчивость привела к тому, что и на востоке оно иногда превращалась в простое *k*. Так и возник дублет *квет* (превратившийся в *цвет*) / *свет*. В качестве другого аналогичного дублета в русском языке можно вспомнить *клонить(ся)* / *при-слонить(ся)*.

История любой науки начинается с открытия законов. На каждый закон находится исключение, которое не опровергает закон, а побуждает ученого к поиску новых, дополнительных закономерностей. Сравнив *цвет* и *свет*, мы выяснили, что первое из них заимствовано из церковнославянского; что, по сути, это — одно слово; наконец, нам как бы удалось услышать звучащую речь наших далеких предков, не оставивших ни одного письменного источника.

ПОБЕДА. БЕДА

Герой детской книги А. Некрасова бравый капитан Христофор Бонифатьевич Врунгель, как известно, очень серьезно относился к выбору имени для корабля: «Назовите “Геркулес” или “Богатырь” — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назвать свое судно “Корыто” — оно и плавать будет как корыто и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде». Своей яхте знаменитый моряк придумал гордое и звучное имя «Победа». Но как-то буря смыла две первые буквы, переименовав тем самым яхту в «Беду». Вот от этого-то, как считал капитан Врунгель, и приключились все его несчастья.

Действительно ли это так — сказать трудно. Правда, представления о магической силе имени живут не одно тысячелетие; еще древние римляне говорили: «*Nomen omnia*», т. е. «Имя — жребий». Однако задумаемся вот над чем: родственны ли друг другу слова *победа* и *беда*? С одной стороны, приставка *по-* очень продуктивна в русском языке; сравните такие пары, как *повязка* — *вязка*, *повесть* — *весть*, *поток* — *ток*, *поход* — *ход*, *подол* ‘нижняя часть платья или города’ (киевский Подол) — *дол* ‘низ’. *Победа* — *беда* прекрасно укладывается в этот ряд. С другой стороны, как соотнести значение этих слов? Победа — это праздник (по крайней мере для победителя), а беда — несчастье. Этим же словам как будто родствен глагол *убедить* — так сказать, ‘*победить словом*’, но с *бедой* его соотнести еще труднее, чем *победу*. Заметим, кстати, что с такого же рода трудностями сталкиваются и изучающие латинский язык. В нем есть омонимы: прилагательное *foedus* ‘ужасный, мерзкий’ и существительное *foedus* (родительный падеж *foederis*) ‘договор’ (откуда происходит всем известное *федерация* ‘государство, живущее по договору его составляющих’). Родственны ли эти слова или перед нами — случайное созвучие (каких в языке тоже немало)?

Отложим пока ответ на этот вопрос и посмотрим, что же означали *победа* и *беда* в прошлом. Во многих древнерусских текстах *победа* означает примерно то же, что и в современном языке: *Съ небесе силоу подастъ на побѣдоу ихъ* ‘С небес дал он силу для их победы’, — читаем в «Житии преподобного Феодосия»; *Възнесеть Бог десницю князя великаго... на побѣду иноплеменникъ* ‘Бог возносит своей десницей великого князя для победы над иноплеменниками’, — в одной из древнерусских хроник. Но *победа* иногда встречается в совершенно не-привычном для нас окружении. В «Слове о полку Игореве» говорится, что после разгрома войска князя Игоря при реке Каяле: *А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русскую*. Что же это за победы? Из истории древней Руси мы знаем, что сразу после битвы при Каяле (1185 г.) русские княжества не терпели таких же скрушающих поражений. Очевидно, *победа* здесь означает скорее ‘набег, война’, т. е., в общем, ‘несчастье’. В Синодальном же Патерике XI в. находим: *Нача съмоущатися побѣдою*, перевод древнегреческого *ταφάσσονται ὑπὸ πολέμου*. На современный язык эту фразу следует перевести как «беспокоиться из-за войны». Иными словами, значение ‘война’ для древнерусского *побѣда* надежно документировано. Употребляется оно и в значении ‘поражение’:

Игорь же Стославичъ тотъ годъ бяшеть въ половцахъ и гѣше: Азъ по достоянию моему восприяхъ побѣду отъ повеления твоего алѣко гѣси, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ ‘Игорь же Святославич в тот год был у половцев и говорил: «Я заслуженно претерпел несчастье по повелению твоему, владыко Господи, а не дерзость язычников сломала силу рабов твоих».

(Ипатьевская летопись; речь идет именно о том князе Игоре, который был разбит у Каялы.) Может это слово означать и просто ‘беда’: *Вдовья бо побѣда горчае всѣхъ людей* (Книга степенная 405, XVI—XVII в.).

Но если это так, то это слово может относиться к большой группе имен, обозначающих одновременно и процесс действия, и его результат. Например, *варенье супа — розовое варенье, печенье тирогов — сдобное печенье*. Значит, *победа* обозначало и само действие (‘война, распра’), и его результат (ведь всякая война оканчивается победой одной из сторон)? Это, пожалуй, приближает нас и к беде: любая война — прежде всего несчастье. Заодно проясняются и родственные связи глагола *убедить*: ведь убедить кого-нибудь — значит преодолеть противоречия, которые возникают у собеседника. Кстати, в древнерусских памятниках встречается и простой глагол *бѣдити*: *Сластолюбноє житиє сего мира... бѣдити богатство любити ‘Сластолюбивая жизнь этого мира побуждает любить богатство’*, — сказано в «Житии преподобного Нифонта» (XIII в.). Но этот же глагол может обозначать и ‘мучить’: [Ия] *въ темницу ввержена бысть и лѣто все гладомъ бѣдима* (Великие Минеи-Четыи, чтение на сентябрь) ‘в темницу была брошена и весь год мучима голодом’. Что же объединяет понятия ‘мучить’ и ‘убеждать’? И то и другое обозначает активное воздействие на человека, ‘убеждать’ — духовное, ‘мучить’ — физическое и духовное. Они различаются не столько своим значением, сколько оценкой — особым отношением говорящего к слову и понятию, который располагает их по своей шкале ценностей. И на этой шкале *убеждать* оценивается нейтрально, а *мучить* — резко отрицательно. Вообще оценка в языке — чрезвычайно любопытное явление. Сравните такие синонимы, как *разведчик и шпион, слуга (народа) и лакей (имперализма)*. Они рознятся между собой только оценкой. В истории же слов оценочный компонент может стираться или, наоборот, возникать там, где его первоначально не было. Поэтому понятия, оцениваемые по-разному, иногда обозначаются одними и теми же словами.

Итак, в основе слов *победа*, *беда*, *убедить* лежит идея активного материального или духовного воздействия на предмет. И нас уже не удивит, что в украинском языке глагол *бідти* означает ‘рутить’. Ругань — это то же воздействие и мучение, только словесное. Более того, проясняется и многозначность прилагательного *бедный*. В древнерусском языке оно значит одновременно и ‘несущий несчастья’: *Намъ бо смерть бѣдна есть, а младенцемъ покой и спасение есть* (Рукопись XIV в. «Измаагд», хранящаяся в архиве Академии наук); и ‘несчастный’: *И въпроси простая, кто съ есть бѣдный человѣкъ, приемля сию муку* («Хожение богоодицы по святым местам»). Это довольно распространенное в языке явление: одно и то же прилагательное, произведенное от глагола, может быть сравнено и с действительным, и со страдательным причастием: *голодный год* (несущий голод) — *голодный человек* (терпящий голод), *невредимый* (не претерпевший вреда) — диалектное *вредимая змея* (вредоносная). Поэтому два таких значения одного прилагательного — скорее правило, чем исключение. Но вот в славянских переводах Нового Завета, осуществленных создателями славянской письменности Кириллом и Мефодием, встречаются и вполне необычные для нас контексты. Так, в Евангелии от Матфея (18, 8) речь идет о том, что «лучше войти тебе в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и ногами быть ввержену в огонь вечный». В церковнославянском же тексте сказано *бѣльномоу*, по смыслу текста — ‘безрукому’. В Евангелии же от Луки (14, 21) хозяин велит своему рабу позвать нищих, увечных, хромых и слепых. Прилагательным *бѣдимъ* здесь переведено древнегреческое *χιλλός* ‘увечный’. Итак, *бедный* могло означать также ‘безрукий’ и ‘увечный’. Это показалось бы странным, если не учитывать первичного значения всей группы слов. По происхождению прилагательное *бедный* — страдательное причастие. Следовательно, оно могло означать ‘подвергнутый воздействию (например, удару) и изувеченный им’.

Обратимся теперь к родственным словам в индоевропейских языках. Здесь большая группа слов обозначает духовное воздействие: греческое *πείθω* ‘убеждать’, *πιδέω* ‘подчиняться’ (т. е. ‘быть убежденным’), готское *baidjan* ‘принуждать’. Ведь принуждение отличается от убеждения тем, что принужденный работает за страх, а убежденный — за совесть. И, если убеждение дошло до души, оно превращается в веру — греческое *πίστις* и латинское *fides* относятся к тому же корню. В латыни, кроме того, есть глагол *fido* ‘доверять’, а юридический акт, основанный на доверии — договор — именуется уже

встреченным нами словом *foedus*. Кстати, это обстоятельство помогает прояснить смысл одного темного места из древнерусского перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия: *бъдими правители*, что соответствует греческому подлиннику ἀχριβέστατοι καὶ δίκαιοι ‘надежнейшие и справедливейшие’. Может быть, древнейший корень **bheid(h)*-, лежащий в основе всех рассматриваемых слов, мог приобрести значение ‘верность, договор, справедливость, поддержка’ и на древнерусской почве, дав производное *бъдимъ* (*бъдими* — это именительный падеж множественного числа). Еще одно загадочное русское слово — *беда* в псковских диалектах, которое, помимо общерусского значения, значило также ‘кошелек с деньгами’, т. е. то, что поддерживает человека в жизни.

Все это слова с положительной оценкой. Но существует и другой ряд. Духовную отрицательно окрашенную атаку обозначает литовский глагол *baidyti* ‘пугать’. Физическое же насилие воплощено в древнеиндийском *bhinati*, древнеирландском *benim* ‘ударять, рубить, раскалывать’. Как видим, именно это значение корня — прямой путь к пониманию церковнославянского *бъдънъ*. Такое причастие, собственно, могло означать ‘разрубленный, расколотый’ и находилось в непосредственном родстве с древнеиндийским причастием *bhinnas* ‘разбитый’. Сюда же можно отнести английское *bite* и немецкое *beissen* ‘кусать’. Кстати, английское *bite* ‘кус’ стало обозначением и меры информации в электронных системах — еще один пример перехода сугубо материального слова в интеллектуальную область. Прилагательное же с отрицательной оценкой, образованное от такого корня, должно обозначать нечто вроде ‘страшный, ужасный’ — латинское *foedus*. Вот так и возникла омонимия, встретившаяся нам в начале статьи. В литовском же от глагола *baidyti* ‘пугать’ образовалось прилагательное *baisus* ‘страшный, чудовищный’. Оно полностью совпадает со славянским *бъсъ* < *bheid-s-ъ. Один и тот же корень может, как видим, значить ‘вера’ и ‘дьявол’ — таковы удивительные и неожиданные превращения слов, видоизмененных различными оценками.

Сила. Мощь

И снова мы сталкиваемся с синонимами. Слова, вынесенные в заголовок, как будто вполне равнозначны. В самом деле, *сильный человек*, *сильный удар* — то же, что *мощный*. Сходство значений у этих слов отмечается с глубокой древности, когда употреблялись два варианта слова *мошь*: собственно *мошь*, заимствованное из церковнославянского, и исконно русское *мочь*, сохранившееся в диалектах, а также в разговорном *немочь* ‘бессилие, болезнь’.

Оба слова означали, во-первых, ‘возможность, способность, свойство’ (*Ка е огненаа сила?* («Изборник» Святослава) ‘Какова сила, свойства у огня’; како мошь моа грѣшиника, яже целбы творить? (Великие Минеи-Четыри, собранные архиепископом Макарием, чтение на 13—15 ноября) ‘могу ли я, грешник, лечить болезни?’); во-вторых, собственно ‘сила, мощь’: *Господи, дпи же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову*, — сказано в «Слове Даниила Заточника»; у рака мочь въ клешнѣ, у богатого въ мошнѣ, — говорит русская пословица из сборника XVII в. Наконец, и *сила, имошь* могут означать ‘войско’. В «Повести временных лет» (XI в.) читаем: *встутиша градъ въ силѣ велицѣ, бещислено множество школо града* ‘Осадили город с великим войском, бесчисленное множество вокруг города’. А в Собрании государственных грамот, хранившихся в Коллегии иностранных дел, в тексте, датированном 1488 г., находим: *Кралевства нашего общего недруга со всему нашю мошью внидемо* ‘Со всем нашим войском войдем в королевство нашего общего врага’. И число контекстов, где *сила* равнозначна *моши*, можно умножать и умножать. Достаточно упомянуть еще польско-русский словарь 1670 г., где *Krzerkošć* переводится как ‘крепость, твердость, сила, мощь’. Но интересно найти ответ на другой вопрос: чем же отличаются оба слова друг от друга?

Выражение *полная сила* и *полная мошь*, казалось бы, значат одно и то же. Но от *полной мочи* образован термин *полномочие*, а *полносилы как будто не засвидетельствовано. Снаряжая послов для переговоров в другие страны, наши предки предоставляли им *полную мочь* принимать необходимые решения: *Чтобъ вамъ отъ Ноугородскаго государства прислатъ своихъ пословъ въ Выборъ не мешкая, с полною мошью и полнымъ наказомъ, какъ такимъ полномочнымъ посломъ*

пристоитъ (Акт 1613 г.). Следовательно, *полная мочь* — это полное право, возможность, власть. А *полная сила* не имеет никакого отношения к полномочиям — это реализация всех возможностей и способностей. Можно сказать, что *полная мочь* определяет отношение к окружающему миру, а *полная сила* — воздействие на него.

Выражение *взять силой* также основано на таком значении слова, которое не позволяет заменить его на *моць*. *Сила* может означать и ‘насилие’. Псковская летопись так повествует о нападении крестоносцев: *Начаша поганая Латина силу дѣяти на Псковичехъ нападеніемъ и работою* ‘Начали нечестивые католики творить насилие против псковичей — нападением и угоном в рабство’. От *силы* в этом значении образованы *насилие, засилие, осилить и пересилить*.

Такие примеры показывают разницу между *силой* и *моцью*. *Моць* направлена вовнутрь деятеля: она указывает на его состояние и способность. Напротив, *сила* подразумевает *дѣйстvие*, которое она характеризует, объект, на который она направлена, подчас против его воли. Эти представления, укорененные в языковой картине мира, нашли подтверждение и в научной терминологии. В физике *мощность* — это показатель количества энергии, которое способен развивать ее источник, а *сила* — векторная, то есть имеющая направление, величина. Мощность — это величина потенциальная, а сила — реальная, характеризующая проделанную работу. И происхождение этих слов также связано с представлением о потенциальной и реальной сущности.

Этимология слова *моць* вполне прозрачна. Оно связано с глаголом *мочь*, наречием *можно*, существительным *возможн-ость*. Обладающий *моцью* может передать ее другому — *по-мочь ему*. В других индоевропейских языках этот корень часто встречается в словах, означающих ‘возможность, желание, сила’: готское *magat* ‘мочь, быть в состоянии’, немецкое *mögen* ‘хотеть’, *Machi* ‘власть’ (власть сделать что-либо — то же самое, что *возможность*), литовское *magéti* ‘хотеться’, *mégti* ‘любить’ (в значении, близком к английскому *like*, а не *love*) древнеиндийское *maghavánt* ‘могучий’ (эпитет бога Индры). Особенно интересна реализация этого древнего корня в греческом: *μηχανή* ‘орудие, средство, приспособление’, а также ‘хитрость, вымысел’, то есть умственное изобретение. *Μηχανή* [mechané] — так произносили это слово жители древних Афин, чей язык считается образцовым. Но греки еще в VIII в. до н. э. далеко расселились за пределами своей страны. Они основали много городов в Южной Италии — Сиракузы (родина великого инженера Архимеда), Сибарис, Агригент. Жители этих городов говорили на диалекте, несколько отличающемся

от афинского; и то же слово они произносили так: *μαχανά* [machaná]. Его и заимствовали у них соседи-римляне, слегка видоизменив — *machina*. Во французском языке — потомке латыни — сочетание *ch* произносится как [ш]. Таким образом, в русский язык это слово перекочевало в трех произносительных традициях: греческая — *механика, механизм, латинская — машинация, французская — машина*. Три разных слова, но объединяющий их общий смысл понятен: механика изучает и машины, машины состоят из механизмов, машины и механизмы, обладая немалой мощью, увеличивают наши возможности, помогают нам, а машинации свидетельствуют о мощи изобретательного, хотя и бесчестного ума.

Откуда же происходит *сила*? Всем известно выражение *силком тащить*. Означает оно примерно то же, что *тащить силой, насильно*. Но *силком* можно не только тащить, *силки* можно и расставлять. В этом случае *силки* не имеет отношения к силе: *силки* — это западня, состоящая из по-особому завязанной веревки с петлей, которая сама затягивается на теле попавшего в нее животного. Но если устройство силков основано не на силе, а на ловком приспособлении, т. е. ли какая-нибудь связь между этими понятиями? Здесь надо учесть, что *силки* — это множественное число от *силок*. В литературном языке такого слова нет, а в диалектах *силок* означает ‘аркан, веревка с петлей’ (а ведь именно она составляет главную часть силков). Значит, *тащить силком* — ‘тащить с помощью аркана’. Это позволяет предположить, что сила метафорически уподобляется аркану. В самом деле, и веревка, и сила исполняют, по сути, роль связи между деятелем и объектом, к которому он прикладывает свои усилия.

Профессор М. Ф. Мурьянов (1927—1995), блестящий знаток многих языков и литератур, обратил внимание на текст одной из молитв, читавшихся в Страстной Четверг, — так называемый тропарь канону Великого Четверга. В нем говорится о таинственной силе:

Неодържимою държаси превыспрънью на въздууст водѣ и глубини обуздывающи и мора въстазлющи бил моудрост ‘Удерживающая неудержимое, высшие просторы на воздухе и воде, и глубины связывающая, моря и земли соединяющая Божья мудрость’.

Представление о силе, связывающей мироздание в единое целое, свойственно верованиям многих древних народов: они содержатся в древнеиндийской космогонии, в иудейских ритуалах, когда священнослужитель имитирует над алтарем движение руки ткача. Латинское

religio, от которого происходит и русское *религия*, означает, собственно говоря, ‘связывание, сплетение, запрягание’: религия — это духовная связь, соединяющая людей. Греческое *κεῖσθαι* означает ‘мускул, жила, нерв, струна’ — т. е. все, что натянуто и связывает, но также и ‘сила’. С понятием веревки-силы, связывающей и удерживающей мироздание, М. Ф. Мурьянов сравнивает известный орнамент на керамических сосудах, найденных в поселениях позднего каменного и медного века Центральной и Восточной Европы — волнистый шнур [Мурьянов 1982]. Любопытно, что именно жители этих поселений считаются общими предками германцев, славян и балтийцев.

Поэтому неудивительно, что *силок* и *сила* имеют непосредственные параллели в германских языках. Древневерхненемецкое *silo* и современное немецкое *Seile* означают ‘веревка, канат’. Их корень находится в литовском *siēti* ‘связывать’, *siena* ‘стена’ (вот еще доказательство того, что в древности стены не клади из камня, а связывали из прутьев, см. статью «Город»), древнеиндийском *syāti*, *sināti* ‘связывать’, латинском *sæta* ‘веревочная лестница’.

В пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» главного героя зовут Самсон Сильч Большов — имя выразительное и, как всегда у Островского, значимое. Самсон Сильч, то есть Силач, сын Силы — звучит подходящее для такой натуры, как Большов. Но имя Сила не имеет ничего общего со своим омонимом. Оно происходит не от *сила*, а от французского *silent* ‘молчание’ (помните стихотворение Ф. И. Тютчева «*Silentium!*», то есть «Молчание!»?). Однако Островский, наделяя персонажа этим именем, имел в виду привычные для русского слуха зозвучия и простые ассоциации. Как сила-мощь библейского Самсона заключалась в его волосах, так сила замоскворецкого купца Самсона Большова заключалась в его богатстве. Возлюбленная отрезала у Самсона волосы — и он попал к врагам в плен; дочь и зять лишили Самсона Сильча богатства — и он попал в долговую яму. А можно найти и такую ассоциацию: оба Самсона — и библейский, и замоскворецкий — переступили свой закон: один сошелся с женой, сочувствующей врагам его народа, другой просто смешничал. За нарушение закона оба заплатили гибелью. Сила и ее утрата — вот что объединяет этих персонажей.

ЗИМА. ВЕСНА. ЛЕТО. ОСЕНЬ

«Прошла весна, настало лето — спасибо партии за это», — говорится в известном шуточном стихотворении застойного времени. «Спасибо партии» — это, конечно, уничтожительная насмешка над абсурдом, вторгшимся в общественные отношения, а вот смена времен года — напротив, образец регулярного обновления жизни, естественного хода вещей. За зимой следует весна, за весной — лето, за летом — осень и далее по кругу. Разделение года на четыре времени кажется вечным и неизменным.

А всегда ли это разделение существовало именно в таком виде? Обратимся к этимологии имен, обозначающих время года. В индоевропейских языках широко представлены потомки древнего корня **gheim-*, от которого происходит русское зима: литовское *žiemą*, латышское *zīema*, древнеиндийское *hemanta*, латинское *hiems*, греческое *χειμών*, *χεῖμα*. Но в древнегреческом *-μων* и *-μα* — это суффиксы. Корень же этого слова *χει-* с другим суффиксом представлен в слове *χιών* ‘снег’ (корни *χει-* и *χι-* чередуются так же, как русское *беру* — *брать*). Кстати сказать, греческое *χεῖμα* и латинское *hiems* означают не только ‘зима’, но и ‘ливень, буря’. Таким образом, в названии зимы присутствует индоевропейский корень **ghei-*, который означал ‘холод, ливень, снежная буря’, а затем — ‘время холода, ливня, бурь’ (в южных приморских странах зима проявляется не столько снегом и морозом, сколько ливнем и бурями). Наши предки, назвав зиму зимой, исходили из практических соображений. Для племени охотников, скотоводов, земледельцев было существенно, что это — время холода, резкого ветра, снега или ледяного дождя, словом, пора суровых испытаний для всего живого.

Много родственников у *весны*: греческое *έαρ* (в глубокой древности звучало как **vesar*, затем *v-* отпало, *-s-* между согласными выпало), латинское *ver*, древнеиндийское *vasanta*. А вот в литовском и латышском слово того же корня (*vāsara*) означает не ‘весна’, а ‘лето’. Это особенно примечательно, если учесть, что литовский и латышский считаются ближайшими родственниками славянских языков. Значит, *весне* наши предки давали название не с такой определенностью, как *зиме*. О корне, лежащем в основе *весны*, нам известно, что первоначально он

не относился к времени года, а означал ‘добро, радость’ (др.-инд. *váśu* ‘хороший, добрый’, готск. *wison* ‘радоваться’). Соотносится с ним, по-видимому, и русское *веселый* (сравните образованное с помощью подобного же суффикса латышское *vesels* ‘здравый, целый, невредимый’). Итак, весна — это хорошее, радостное время года. Признак, как видите, не особенно определенный: его можно приложить и к весне, и к лету²⁷, и даже к бабьему лету.

А у самого *лета* этимология ясна не до конца. Выдающийся швейцарский лингвист Юлиус Покорный, автор «Индоевропейского этимологического словаря», сопоставлял его с древнеирландским *laith* ‘день’, имея в виду, что *лето* могло сперва означать ‘светлое время (суток или года)’. Автор же «Этимологического словаря чешского языка» Вацлав Махек полагал, что *лето* — это краткое прилагательное, родственное латинскому *laetus* ‘приятный, радостный’. Таким образом, рассуждал Махек, у древних славян было выражение **lēto vermtq* ‘приятное время’, которое и стало наименованием самого теплого времени года. А академик О. Н. Трубачев (1930—2002), главный редактор «Этимологического словаря славянских языков», связывает *лето* с индоевропейским **le-* ‘ослабевать’, полагая, что древнейшее значение этого слова — ‘слабость, мягкость; мягкая погода’.

Как видим, согласия во мнениях нет: нет в родственных славянским языках и слов, которые можно было бы однозначно связать с общеславянским **lēto*. На мой взгляд, славянское название *лета* — более позднее, чем *зима* или *весна*.

Слово ‘осень’ имеет однокоренных родственников за пределами славянских языков: в вымершем древнепруссском²⁸ засвидетельствовано слово *assaran* ‘осень’. Но сравнение с другими языками показывает, что значение ‘осень’ не первично для этого корня: готское *asans* означает ‘лето, жатва’, немецкое *Erntie* ‘урожай, жатва’. Для наших предков важно было подчеркнуть, что осень — это время сбора урожая. Как и в *зиме*, в *осени* запечатлена самая существенная черта этого времени года.

²⁷ Возможно, литовское *vasara* когда-то могло означать и ‘весна’: ‘февраль’ по-литовски — *vasaris*. К лету этот месяц отношения явно не имеет, поэтому его имя, по-видимому, надо толковать как ‘предвесенний’.

²⁸ Древнепрусский, или просто прусский, язык — язык древнего населения западных областей Прибалтики. В XII—XIII вв. земли пруссов были завоеваны Тевтонским орденом; на их базе возникла немецкая провинция Восточная Пруссия, а сам язык исчез к XVII в., оставив после себя некоторое количество письменных памятников. Вместе с литовским и латышским относится к балтийской группе индоевропейской семьи языков.

Однако, как мы убедились, ясная картина четырех времен года теряет свои очертания в исторической ретроспективе. Общность в индоевропейских языках обнаруживается только в названии зимы; остальные же времена года четко не определены, их границы расплываются, и они сливаются друг с другом: слово, родственное *весне*, в литовском и латышском обозначает *лето*, готское же «*лето*» оказалось в родстве с *осенью*. В чем здесь дело?

Попробуем разобраться по порядку. Всякий, кто наблюдал за развитием двух-трехлетнего ребенка, знает, что тот абстрактные понятия усваивает позже, чем конкретные. Дом для ребенка — не дом вообще, а именно этот дом, где он живет или в котором недавно побывал; добро и зло сами по себе ребенку непонятны, но он отчетливо осознает одобрение или неодобрение своим поступкам. В своем развитии ребенок (начиная с внутриутробного периода) повторяет развитие человечества в целом. Нашим предкам, очевидно, тоже нелегко давались абстрактные понятия. Для обозначения абстракций они метафорически использовали имена конкретных вещей. С этим связан фундаментальный закон языка: название абстракций всегда происходит от названий конкретных предметов или действий. Ведь и такой отвлеченный термин, как *понятие*, происходит от глагола *поняти*, древнерусское *по-и-ти* ‘взять’ (страдательное причастие от него — *понятой* ‘взятый для свидетельства при обыске или задержании’). Действие этого закона нам встречалось и встретится еще не раз: обнаруживается, что *время* — это *вращение*, *сила* — *связь*, *день* — *свет*. Язык достаточно консервативен, он сохраняет представления о вещах и их связях, свойственные нашим предкам. Есть известная шутка: «Мы думаем, как Коперник, а говорим, как Птолемей», — зная, что Земля вращается вокруг Солнца, продолжаем говорить: «Солнце всходит и заходит».

В назывании времен года наши предки ориентировались на свои насущные нужды: зима — время снега и холодного ветра, лето — светлое, приятное, мягкое время, осенью вызревают посевы. Различия же между летом и весной не так уж важны с практической точки зрения. Их иногда объединяли в одно слово.

Итак, этимология приводит к мысли о том, что древние индоевропейцы различали не четыре, а три времени года. В том, что это не просто предположение, убеждают данные хеттского языка. О хеттах упоминает Ветхий Завет (полководец Давида Урия, первый муж Вирсавии, был именно хеттом), но их язык стал известен ученым только в 1917 г., когда великий чешский ученый Беджих Грозный опубликовал результаты своей дешифровки новых клинописных текстов,

найденных на раскопках в турецкой деревушке Богазкёй (близ Анкары). Археологи знали, что на ее месте находился упоминаемый в Библии город Хаттушаш (или Хаттусас), столица Хеттского царства, но прочесть клинописные глиняные таблички не могли. Их письмо оказалось довольно близким древнесемитскому аккадскому, и, когда Грозный принял за их чтение, он думал, что перед ним другой древний семитский язык, родственный арабскому, древнееврейскому, эфиопскому. Но первые же результаты дешифровки показали, что язык хеттов гораздо ближе к родному для Грозного чешскому и другим славянским, а также индийским, германским, латыни, греческому. Словом, хеттский оказался представителем обширной и хорошо к тому времени изученной индоевропейской семьи. Он наиболее стар в этой семье: самые ранние его тексты восходят к XVIII в. до н. э. Его открытие заставило ученых пересмотреть многие устоявшиеся взгляды на язык и обычай древних индоевропейцев.

В частности, оказалось, что в хеттском не четыре, а три имени времен года: *hamesha* ‘весна-лето’, *zena* ‘лето-осень’ и *gita* ‘зима’. Для всех этих слов была найдена конкретная этимология: *gita* содержит тот же корень, что и *зима*, *hamesha* употребляется в значении и ‘время созревания’, *zena* родственно русскому осень и готскому *asans*.

Итак, время посева и созревания — время жатвы — время снега и бурь. В этом цикле воспринимали течение года древние индоевропейцы. И только позднее, после того как хетты обособились от общего индоевропейского континуума, наши предки стали различать раннее теплое время, когда природа только пробуждается, и более позднее, когда начинает расти разнотравье, а день становится все длиннее. Вторичность наименования лета заметна не только в славянских, но и в других индоевропейских языках. Немецкое *Sommer*, английское *summer* связаны, по-видимому, с немецким же *Sonne*, английским *sun* ‘солнце’. Древнегреческое *Ὕερος* ‘лето’ означает, собственно говоря, тепло, а в новогреческом лето именуется *χαλοκαιός*: *χαλός* ‘хороший’, *χαιρός* ‘время’.

Но, как известно, ‘теплое время года’ не единственное значение слова *лето*. «Сколько Вам лет?» — спрашиваем мы знакомого. «Это было много лет назад», — начинается рассказ о каком-нибудь давнем случае. Про пожилого человека говорят «он в годах», но также «он в летах». Слово *лето* в древнерусском вбирало в себя и более широкие понятия, чем «год». В «Псалтири», написанной в XIV в. и хранящейся в Чудовом монастыре, Бог именуется *промышленник лету*, т. е. ‘установитель времени’. А в древнерусском переводе Иоанна Дамаскина сказано: *И лето же мѣритъ въ мимошедшаго и въ*

хотящего быти‘ и время же измеряется как прошедшее и будущее’²⁹. Лето означало также понятие, близкое к современному ‘срок, пора’. И тъєдь находитъ съмрть чѣчу року, рекише лѣту жицвота его кончавиша ся ‘И тогда приходит смерть к человеческому существу, говоря, что срок его жизни кончился’, — читаем мы в древнейшем русском письменном памятнике «Изборнико Святослава (1073 г.)».

Такое превращение «лета» в «года» характерно не только для русского языка. Немецкое *Jahr*, английское *year* ‘год’ родственны греческому *ώρας* ‘год’ и *ώρα* ‘время, пора, эпоха’, а также ‘час’ (сравните русское *год* и украинское *година* ‘час’). Но сочетание *и́еа* *ώρа* означает по-гречески не ‘новое время, новый час’, а ‘весна’. Соответственно *óπώρα* ‘осень’ — это сочетание приставки *óп-* ‘позади’ и *ώρα*³⁰. Но осень наступает после лета, а не весны. Следовательно, и здесь мы видим смешение времен года: весна — ранняя *ώρа*, осень — время после *ώρа*.

Соответствие этому слову есть в славянских языках: имя бога плодородия *Ярила*, болгарское *яра* ‘весна’. Прилагательное *ярый* в русском языке означает ‘горячий, страстный, необузданный’, а в древнерусском еще и ‘весенний, летний’; весенние всходы — *яровые*, а овца-первогодка — *ярка*. Все это говорит о том, что древний корень со значением ‘горячий’, а также ‘весна-лето’, постепенно, подобно русскому *лето*, стал обозначением года и времени вообще.

Но почему же именно *лето* стало названием года в целом? Ведь и другие времена года приходят на смену друг другу и могут символизировать собой год. Однако сказать «Это было столько-то зим назад» можно разве что в шутку. Это — проявление известного психологического закона: человек лучше всего помнит яркие, насыщенные эмоциями и наполненные важными событиями периоды жизни. Именно таким периодом в году и представляется лето. Зима — сон природы, весна — пробуждение, лето — расцвет, осень — «пышное природы увиданье». *Ты сътвори въся прѣблы земля лѣто и весну ты създѧ я ‘Ты сотворил все границы Земли, лето и весну создал Ты’,* — говорится в известной

²⁹ Обратим внимание на оборот *хотящего быти*. Это одно из выражений будущего в древнерусском, происходящее из выражения желания. В заметке «Время» связь *времени* с *желанием* рассматривается как одна из фундаментальных черт времени.

³⁰ Есть и другая этимология этого слова: *óпώρα* происходит из *op-osara, где *osara родственно неоднократно упоминавшемуся готскому *asans* и русскому *осень*. «Осень» = «время после жатвы»? Это вполне логично, но ни один родственник слова *osara в греческом не засвидетельствован. Поэтому, наверное, первая этимология более убедительна.

нам Чудовской Псалтири. Именно лето и весна — самые яркие, богатые времена года, и лето, следующее за весной, становится автором псалма на первое место. Лето выступает как бы выразителем всего года и шире — потока времени. Именно поэтому в разных языках оно начинает обозначать и год, и иной период времени, и просто время.

ГОРОД

«Здесь будет город заложен...» — всем известная пушкинская строчка. Что такое город для Петра I в «Медном всаднике» — понятно. Во-первых, это, выражаясь военным языком, форпост для наступления России на Запад, во-вторых — «прорубленное в Европу окно», открывающее Россию Западу. А вот почему город *заложен*? Казалось бы, такого вопроса не должно возникать: заложен — то же самое, что основан, начал строиться. Но о каждом ли жилище и населенном пункте можно сказать «заложен»? Можно заложить дом (особенно каменный); это значит вырыть для него котлован, строить фундамент. Но выражения *заложить деревню, село* имеют совсем другое значение: заложить деревню можно в банке (т. е. получить из банка деньги под залог деревни с обязательством вернуть сумму с процентами). Итак, в городе есть нечто, что отделяет его от деревни и объединяет с домом.

Что такое дом? Это четыре стены и крыша, защищающие его обитателей от непогоды. Стало быть, дом — это замкнутое, отгороженное от внешней среды пространство. Можно ли такое определение приложить к городу? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, чем был город в древности.

На заре истории человечества городов не было. Кочевые народы пользовались стойбищами, служившими лишь для ночлега и приготовления пищи. Их легко было основать (попросту поставить жилища) и не менее легко оставить (разобрать эти временные жилища и сняться с места). Древнейший же город — это прежде всего крепость, т. е. окружающие замкнутое пространство стены. Их задача — защищать территорию и ее обитателей от внешнего врага, от угрозы вторжения, грабежей, насилия.

Возникновение городов свидетельствовало о довольно значительном развитии цивилизации, когда у племени оказывалось достаточное количество свободных рук, чтобы строить стены, и накапливались богатства, подлежащие охране.

Самый древний из известных историкам городов — Чатал Хююк (юг Малой Азии) — датируется приблизительно VII—V тысячелетиями до н. э. С развитием военной цивилизации города стали вырастать и в Малой Азии, и в сопредельных Двуречье, Египте.

Новый этап в развитии города связан с Древней Грецией и Римом. На Ближнем Востоке город возникал обычно вокруг царского дворца. Следовательно, в нем изначально было заложено неравенство: царь — подданные. Совсем иной была структура племени в Элладе: оно состояло из равноправных согражданников, избиравших из своего числа вождя и жреца. Должности эти обычно не передавались по наследству, и избрание на них было признанием личных заслуг избранного. Греческий полис (город-государство) находился в достаточно враждебной внешней среде, был окружен воинственными соседями. И это порождало у каждого жителя ответственность за судьбу города. Как русское *горожанин* происходит от *город* (соответственно *гражданин* — от церковнославянского *градъ*), так и греческое *πολίτης* — от *πόλις*³¹ (отсюда происходит и *политика*). Каждый *πολίτης* принимал посильное участие в политике, т. е. в государственной деятельности. Так в рамках греческого полиса возникли идеалы демократии и кодекс гражданских доблестей.

Но все на свете имеет свою оборотную сторону. Греческий полис был замкнут не только внешне, но и по своей сущности. В самом крупном и процветающем греческом городе — Афинах — стать гражданином мог только родившийся от полноценных граждан. Неграждане же были лишены в Афинах всех политических и некоторых имущественных прав. Естественно, связь гражданина с негражданкой (или наоборот — гражданки с негражданином) не считалась браком; дети от такой связи получали статус незаконорожденных, т. е. не получали гражданских прав. Не считалась гражданкой Афин вторая жена величайшего афинского правителя Перикла Аспазия. И когда Перикл потерял своих двух законных сыновей (оба умерли во время эпидемии чумы), он должен был просить народное собрание считать

³¹ В свою очередь, *πόλις* находится в родстве с литовским *pilis*, латышским *pils* ‘город’. В литовском же есть глагол *pilti* ‘сыпать’. Следовательно, первичное значение всех этих слов — ‘огороженная насыпью территория’.

полноценным гражданином его сына от Аспазии. Получил он такое разрешение с большим трудом.

Возникнув как крепость, город существовал в этом качестве на протяжении столетий. В средние века города основывались ремесленниками, объединявшимися в цеха и корпорации, чтобы сообща отстаивать свои интересы, а также защищаться от сеньоров — владельцев соседних поместий. Такие города были по сути самоуправляющимися республиками, подобием античных полисов. Правда, они уже не были настолько замкнутыми. Во многих городах существовал закон: если беглый крепостной крестьянин проберется в город и пробудет там 24 (или 48) часа, он получает право жить в этом городе. Тогда же родилась пословица: «Воздух города делает свободным». С преодолением феодальной раздробленности эти города-республики прекратили свое существование (иногда, правда, они оставляли за собой некоторые права, касающиеся городского самоуправления). Но образ города как замкнутого пространства продолжал жить.

Дело не только в крепостных стенах: как раз они в большинстве городов приходили в ветхость и рушились, а город выходил за их пределы. Но в старых городах и до наших дней можно видеть целые улицы и кварталы, состоящие из сплошного ряда каменных домов. Именно они определяют облик Таллинна, Вильнюса, Риги, Санкт-Петербурга, многих европейских городов. В Москве в результате беспорядочных перестроек старый облик города оказался сильно разрушен; всё же цельные ансамбли сохранились во многих арбатских переулках, Лефортове, Замоскворечье. И в народном сознании образ города сопрягается с представлением о закрытой, резко отделенной от окружающей среды территории.

Поэтому во многих европейских языках «страна» и «сельская местность» обозначаются одним словом, а город мыслится как нечто внеположное: немецкое *Land* ‘страна’ — *Stadt* ‘город’, соответственно английское *country* и *town*, французское *pays* и *ville*. Да и в «Медном всаднике» Петербург — это постройка, возведенная вопреки природе и вступившая с ней в конфликт. Такое понимание города как неестественного образования на теле страны, отгороженного от нее и вместе с тем высасывающего из нее все соки, стало весьма распространено. Освальд Шпенглер именно с городом связывал свое понимание цивилизации как нетворческого существования окостенелых форм культуры, деградации культуры³².

---

³² См. статью «Культура и цивилизация» (наст. сборник, с. 231—238).

Мировой город и провинция — этими основными понятиями всякой цивилизации открывается новая проблема формы истории, которую мы сейчас переживаем, не имея вместе с тем никакого представления о значении этой проблемы. Вместо мира — город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увидает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа — новый кочевник, паразит, житель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе [Шпенглер 1993: 67].

В этом есть, конечно, доля преувеличения. В статье О. Алексеева, О. Генисаретского и П. Щедровицкого «Остов России» («Известия», 3. XII. 1998) говорится о положительной роли города в цивилизации и культуре. Город — это сосредоточение высоких технологий, горожане отличаются мобильностью и неконсервативностью, способностью воспринимать новое; благодаря сосредоточенности людей в одном месте обмен культурной информацией в городах очень интенсивен (случайно ли почти все великие художники и писатели, даже те, кто бежал на лоно природы, сформировались все-таки в городах?). И это верно. Вообще, большинство исторических явлений не бывают однозначно хорошими или плохими: у каждой медали две стороны.

Но можно с уверенностью сказать, что жизнь в замкнутом пространстве действительно нивелирует человеческую личность. Яркая индивидуальность стремится вырваться из тесного мирка. И в эпоху Великих географических открытий такие личности, неутомно чувствовавшие себя в старой Европе, — будь то религиозные диссиденты, безземельные крестьяне или просто искатели приключений — устремились в Новый Свет. Перед ними возникла задача: окультурить совершенно дикую территорию. В силу многих условий поселенцы Северной Америки оказались предоставлены сами себе: у метрополии до них, как говорится, не доходили руки. Таким образом, североамериканский охотник и фермер оказались ответственны за свою судьбу, подобно жителям античного полиса. Это дало новый импульс идеям демократии, воплощенным в войне за независимость и американской конституции 1776 г.

Менялся облик общества, а вместе с ним — и облик города. В начале XIX в. жители Северной Америки прошли леса восточных штатов и Луизианы, вышли на необозримые просторы прерий. Их города уже служили не столько крепостью, защищающей своих жителей от нападения, сколько форпостом для освоения природы. Всякий, кто

видел снятую с высоты птичьего полета панораму таких городов, как Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Лас-Вегас, Детройт и многих других, мог обратить внимание на то, что эти города не столько оттораживаются от окружающей среды, столько открывают ее. Старые же американские города обычно в этом отношении неоднородны. Например, в Бостоне старые цельные кварталы района Бак Бей (на берегу реки Чарльз-ривер) соседствуют с так называемым Даунтауном — кварталом из ультрасовременных банковских стеклобетонных зданий. Именно такой тип архитектуры, опирающийся на концепцию открытости, развивали два крупнейших зодчих XX в. — француз Шарль Ле Корбюзье и финн Ээро Сааринен. В их проектах и постройках основной единицей стал не квартал, а дом, отстоящий от соседних и живущий отдельной жизнью³³.

Конечно, общественное сознание порождает те или иные архитектурные формы отнюдь не автоматически, взаимосвязь здесь более сложная. И все же далеко не случайны параллели между обликом американских городов и ценностями, определяющими американский образ жизни (независимость, опора на свои силы и вместе с тем — открытость миру). Да и американская мечта «каждому свой дом», довольно успешно воплощающаяся в наши дни, — это тоже свидетельство преобразования старого города-крепости в новый город — союз индивидуальностей.

Так эволюционировал город — от укрепления до вполне мирного комплекса жилищ. В названиях городов в европейских языках сохранилась память о городе-крепости. Английское *town* родственно бытовавшему в XII—XV вв. в немецком языке слову *tun* ‘забор, живая изгородь’ (современное немецкое *Zaun* ‘ограда’). Некоторые ученые считают, что это слово заимствовано из общеславянского корня, отразившегося в русском *тын* ‘плетень, изгородь’. Показательно, что по-чешски *tyn* означает ‘город’.

³³ Здесь можно было бы упомянуть и нашего соотечественника К. С. Мельникова. Он был так же талантлив, как Корбюзье и Сааринен, но ему, к сожалению, не было дано возможности создавать большие постройки. И из всего спроектированного им в камень воплотились только его собственный дом в Кривоарбатском переулке, клуб завода «Каучук» на Плющихе, гараж на ул. Образцова и клуб им. Русакова в Сокольниках. Прославивший его на весь мир советский павильон на Всемирной выставке 1937 г. в Париже был разобран по окончании выставки, а большинство его проектов вообще остались на бумаге.

Этот славянский и германский корень засвидетельствовал, что древнейшие крепостные стены в Европе строились не из камня, а плелись из веток. А общеславянское **gordъ* ‘город’ находится в тесном родстве с такими словами, как *городище*, *ограда*, *огород*; материалом для древней ограды служила *жердь*. Ее название относится к тому же корню, что и *город*. Древнейший облик этого слова звучал как **ghordh-os*, а *жердь* — **ghyrdъ*, где *ь* — это очень краткое [и]. В конце слова этот звук исчез, оставив след — мягкость предыдущего согласного. Согласные же **g*, **gh* на праславянской почве перед гласными [e], [i] превращалось в эс. Итак, праславянское **gъrьndъ* > церковнославянское *жерьдь* — русское *жердь* — такова история этого слова. Однокоренные слова в родственных языках означают ‘сад, огород’: готское *gards*, немецкое *Garten*, английское *garden*, французское (заимствованное из языка франков) *jardin*, греческое *χόρτος* ‘сад’. Повидимому, от того же корня происходит и латинское *urbs* ‘город’.

Греческое *χόρτος* было заимствовано готами, создавшими гибрид из чужого и своего слова — *aurtigards* ‘сад’. Переводя Священное Писание на русский язык, Константин и Мефодий усердно изучали и готское Евангелие, переведенное в IV в. готским епископом Вульфией. Поэтому в церковнославянском языке оказалось некоторое количества готских заимствований; *aurtigards* превратился в *въртоградъ*. Образ сада-вертограда был весьма популярен на Руси. Симеон Полоцкий один из своих стихотворных сборников назвал «Вертоград многоцветный».

...Меняется предмет, меняется и понятие о нем, а слово, обозначающее это понятие, сохраняется и напоминает о связи между днем нынешним и днем минувшим.

СКОРБЬ. ТОСКА. ПЕЧАЛЬ. ГРУСТЬ

Что такое скорбь? Это сильное всеохватное чувство. *Грустить* или *печалиться об умершем* можно тогда, когда спустя годы вспоминают его неосуществленные желания, нереализованные возможности. Известие же о смерти родного человека вызывает не грусть с печалью,

но именно скорбь и горе — оплывающее, опустошающее чувство, не оставляющее место для размышлений. Это слово действительно выражает крайнюю степень тоски и безнадежности: *скорбят* (а также *горюют*), как правило, по покойному. Таким его и толкуют словари: *Скорбь — крайняя печаль, горесть, страдание* (С. И. Ожегов). *Скорбь — печаль, грусть, тоска, туга, сокрушение, боль сердечная* (В. И. Даля). Это слово высокого стиля. Известна икона Богоматери, именуемая *Всех скорбящих радости*; название одного из сборников Овидия — *Tristia* — по традиции переводится как «Скорбные элегии», сочинение армянского поэта X в. Григория Нарекаци — «Книга скорбных песнопений». Наконец, безнадежная неизбытная грусть от несовершенства мира именуется *мировой скорбью*. Глагол того же корня характеризует безнадежное состояние души: *Скорбить, как мать по сыне;* *Скорблю и по чужой бѣдѣ* (В. И. Даляр).

Но есть устойчивые выражения, в которых слово *скорбь* обозначает нечто иное. Одно из них — *скорбный лист*. И словарь В. И. Даля объясняет нам, что оно означает. Ведь *скорбь* по В. И. Даля еще и «боль и болезнь телесная, хворь, немочь и немощь, недуг». *Скорбным листом* в старину называли историю болезни. А что значит бытующее выражение *скорбен главою?* Им народ помечал слабоумных: «И если ты не стал под старость лет содержателем ссудной кассы, то это потому, что, когда ты стал *скорбен главою*, тебя оббрала первая попавшаяся прачка» (А. И. Куприн. На покое). Любопытно, как форма *главою*, заимствованная из церковнославянского языка, своей всперечивостью, как это бывает, подчеркивает здесь ироничность высказывания. А в «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина мы встречаем выражение: «Поля заскорбли», — таков результат деятельности градоначальника, который стремился «достигать пользы посредством вреда». Что такое «заскорбли»? Это слово, отсутствующее в современных словарях, объяснено у В. И. Даля. *Скорбнуть* означает «вянутъ, сохнуть, присыхать, черстветь, морщиться от засухи, ежиться».

Следует сказать несколько слов о морфологии этих двух глаголов. Глаголы на *-ну-* в русском языке обозначают устремление к определенному состоянию: *вянутъ, сохнуть, тонуть* (из *ton-**нуть*, сравните совершенный вид *uton*), тогда как глаголы на *-e-* (древнерусский суффикс *-ē-*) указывают на пребывание в определенном состоянии: *сидѣть, висѣть, лежать* (из праславянского **leg-ēti*). И некоторые корни образуют глаголы обоих классов: *виснуть — висѣть*. Их различие особенно наглядно в паре *повиснуть — повисѣть*. Таким образом,

скорбнуть означает ‘достигать какого-то состояния’, *скорбеть* — ‘пребывать в нем’.

Любопытно, как подтверждает все, до сих пор сказанное нами, древнерусский материал. Здесь представлены два однокоренных слова: *скърбь* и *скърбъ*. Первое означает: ‘боль, страдание’ (*Жена... ієгда же родить отрочла, к тому не помнит скърби за радость, іако родися члвкъ въ миръ* — Остр. ев. Ин 16: 21); ‘болезнь, недуг, мучение, мука’ (*тогда прѣдадѣть вы въ скърбь и оубиїжть вы* — Мф. 24: 9), ‘несчастье, беда’ (*многля скърбъ прѣтерпѣвати* — Пандекты Антиоха, XI в.), а также ‘досада, горе’ и ‘забота’ (*домъ свои иже ієssi притяжалъ съ троудомъ и съ скърбью многою* — Сборник Троице, XII в.). Вариант же *скърбъ* означает ‘печаль, уныние’, а производные глаголы *скърбѣти* и *скорбѣти* — ‘печалиться, унывать’.

Различие форм с твердым и мягким знаком можно объяснить, обратившись к русской исторической фонетике. Дело в том, что сочетание *ръ* и *рь* восходят к особым звукам — так называемым слоговым сонантам. Оказавшись в слоге без гласных, звуки *r*, *л* приобретают неопределенный гласный призвук. В русском языке такие сонанты возникают в спонтанной речи и не всегда воспринимаются нашим ухом. Найти их позволяют стихи:

Царь Александр Первый
Настал ему взамен.
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

(А. К. Толстой. История государства
Российского от Гостомысла до Тимашева)

Для того, чтобы всюду сохранялся трехстопный ямб, необходимо произнести [Александър] и [джентльмен] — с очень кратким гласным, более всего напоминающим звук [ы]. В праиндоевропейском языке слоговые сонанты были распространены. В праславянском же языке их гласный призвук мог звучать как краткое *и* (писалось ъ) и *i* (ъ)³⁴. Можно сравнить *горло* и *жерло* (др.-русск. *гърло*, *жърло*), где разные призвуки способствовали расхождению некогда единого слова (исконное *г* переходит в *ж* перед гласными *и*, *е*, *ъ*; см. Дополнения).

³⁴ Понять звучание праязыковых слов нам помогают древние заимствования (см. также статью «Вурдалак. Упырь»).

Но вернемся к нашему слову *скорбь*. Древнерусский материал показывает, что оно могло означать муки телесные и душевые. Однако мы не найдем там такие отмеченные словарями производные от того же корня, как *скорбить* ‘крахмалить, делать жестким, напитывая *скорбилом*, крахмалом’ или как *скорблый* ‘иссохший, жесткий, черствый, заскорузлый, корявый, сморщенный жаром, сушью’. Почему в древнерусском материале не зафиксировано значение ‘высохший, жесткий, шершавый’? Является ли оно поздним? Едва ли. Дело в том, что значения, как правило, развиваются по определенным законам: от конкретного к абстрактному. Мы могли убедиться в этом, изучив такие слова, как *бытие, время, добро* и другие. Можно даже утверждать, что нет таких абстрактных слов, в основе которых не лежало бы конкретное значение. Древние же тексты, которые мы цитировали, относятся к самым высоким жанрам литературы: Остромирово Евангелие, Жития святых, комментарии к богословским сочинениям. В них редко упоминаются слова из обыденной жизни.

Обратимся к этимологии интересующего нас имени. В литовском языке известен падеж *skurbtⁱ* ‘печалиться’, латышское же *skurbtⁱ* означает ‘хмелеть, терять сознание’. В самом же русском языке *скорбь* связана ступенями чередования гласных с *щербá* ‘вымка, след от удара’, *ущерб* (по значению очень близко к *скорбь*-болезнь), а также падеж *скрести* (*на душе кошки скребут* — тревога, грусть); нем. *Scherbe* ‘черепок, обломок’, греч. *χάρφω* ‘стягивать, иссушать’, а также ‘сгибать’, *χάρφος* ‘щепка’. Перед нами — древний индоевропейский корень **skerbh-/*gherbh-* ‘сжимать, стягивать, ломать’.

Следовательно, можно предположить, что у слова *скорбь* древнейшим значением было ‘нечто сломанное, засушенное’, затем — ‘сухость, шершавость’ (как более абстрактное понятие). Очевидно, оно приобрело значение ‘болезненное усыхание, шершавость’, возможно, и ‘сыпь’. После этого развилось: ‘болезнь, слабость’, а болезнь физическая уподобилась боли душевной.

Сравним слово *скорбь* с другими словами близкого значения. Как мы говорили, из всех них оно самое выразительное. Почти таково же *горе*. Оно отличается от *скорби* тем, что может персонифицироваться: *горе ты мое!* А в древнерусской литературе почетное место занимает «Повесть о Горе-Злосчастье». До некоторой степени противоположна *скорби* *тоска*. Во-первых, *скорбь* — более сильное и острое чувство: *скорбят* о потере, *тоскуют* же в разлуке. Кроме того, *скорбь* всегда имеет причину — душевную рану, не дающую покоя, раздирающую душу. *Тоска* же часто не имеет видимых причин и может сменяться лихим весельем:

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

(А. С. Пушкин. Зимняя дорога)

Тоска возникает от чувства одиночества, покинутости. Один из рассказов А. П. Чехова так и называется «Тоска». У его героя, извозчика Ионы Потапова, умер сын. Но рассказ не о самой потере (которая, конечно, принесла старику огромное горе), а о невозможности выговориться, рассказать сочувствующему слушателю о своем несчастье. Именно это и вызывает у бедного Ионы тоску, пока он не заводит беседу... с собственной лошадью.

Ю. С. Степанов обратил внимание на то, что в русской литературе тоска часто сопряжена с одиночеством, непониманием людьми друг друга; герои испытывают это чувство в грязной тесной комнате, тускло освещенной свечой («Записки из подполья» Достоевского), или же при виде пасмурного неба и мокрого снега («Исповедь Ипполита» в «Идиоте»). По мнению Ю. С. Степанова, Достоевский здесь выразил то же, что и его современник, датский философ Сёрен Кьеркегор [Степанов 1997: 681]. Одно из его произведений называется по-датски «*Begebet angst*». На русский язык оно было переведено как «Понятие страха» [Кьеркегор 1993], а на французский как «*Le concept de l'angoisse*», т. е. «Идея» или «Понятие тоски». Поэтому все, что Кьеркегор говорит о страхе, Ю. С. Степанов связывает с тоской. И действительно, тоска может привести к страху и ужасу. Ю. С. Степанов иллюстрирует это дневниковой записью Л. Н. Толстого: «Было два часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня напала тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал» [Толстой 1993: 197]. Здесь речь идет о тоске, доходящей до болезненного состояния. Однако страх сопряжен с тоской далеко не всегда. Не испытывали его ни чеховский Иона Потапов, ни пушкинский ямщик с его «сердечной тоской» в песнях. Не испытывал его герой известного стихотворения В. А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностью: *были*.

Что же касается Кьеркегора, то *angest* в его гюнимании — это ощущение изначального ужаса человека перед миром. «Страх» — это источник первородного греха, а также и религиозного чувства: «С помощью веры страх выводит индивида отдохнуть к провидению» [Кьеркегор 1993: 247]. Таким образом, по Кьеркегору, страх, в отличие от тоски, не всегда бесплоден.

Но тоску и страх объединяет чувство зияющей пустоты мира, в котором человек видит себя покинутым и заброшенным. Ужасающей тоской полны предсмертные слова Иисуса: *Eli, Eli! lama sabahqani!* «Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 28: 46).

От имени тоска происходят наречие *тошно*,лагол *тошнить*: при тоске поистине *на душе тошно*, а физическая тошнота — это ощущение, сходное с неизбывной душевной тоской. С тем же словом связано, по-видимому, и *тощий* (< *tъsk-jъ). Его сравнивают с литовским *tūščias* ‘пустой’, латышским *tukšs* ‘пустой, бедный’, древнеиндийским *tucchhyás* ‘пустой, ничтожный’. Значение слабости и пустоты — вот что определяет загадочную русскую *тоску*. И этим она отличается от скорби.

Что же касается *печали* и *горя*, то эти слова имеют похожую внутреннюю форму. *Печаль* происходит от *печь*, *горе* — от *гореть*. И этимология объясняет особенности их значения. *Печаль* не обязательно значит то же, что *грусть* и *скорбь*. Помните пословицу, которой отвечает пушкинский Ибрагим («Арап Петра Великого») другу, отговаривавшему его от женитьбы: «Не твоя печаль — чужих детей качать!»? К тому же корню относятся также *печься*, *опёка*. Следовательно, *печаль* выражает широкий спектр чувств — от заботы до уныния. *Горе* же выражает более сильную эмоцию, связанную с первоначальным значением корня: оно жжет и мучит человека. Особенно наглядно эта связь проявляется в таком выражении, как *горючая слеза*. Да, это слеза горя. Но она и горяча: герояня сказки будит своей горючей слезой Финиста Ясного Сокола. К той же основе относится и прилагательное *горький*, первоначально — «жгучий». Что же, горе и душевная горечь тесно связаны друг с другом.

Наконец, *грусть*, как правило, передает глубоко личное переживание. В. И. Ключевский противопоставлял *мировую скорбь* и *грусть* ([Ключевский 1991: 434—435], ср. [Степанов 1997: 691—692]); в его понимании эти слова — почти антонимы: «Скорбеть — значит прощать того, кого готов обвинять. Грустить — значит любить того, кому сострадаешь». Мы бы сказали так: скорбь — это род душевой болезни; грусть — это тяга к несбыточному и несущественному.

И М. А. Светлов точно определил состояние души бойца, грезящего о неведомой Гренаде: *Откуда у хлопца испанская грусть?* (разрядка моя. — К. К.).

Этимологически же *грусть* сравнивается, с одной стороны, с *груды* (= ‘тяжесть’), с другой — с *грызть*. Но обе эти этимологии не противоречат друг другу: груда — это куча обломков, возникших в результате любого разрушения, в том числе и разгрызенных. В словенском языке глагол *gruditi* означает ‘грузить’, а *skrb me grudi* — ‘гнетет меня забота’. Того же корня — лит. *grūsti* ‘толочь’, а также ‘увещевать’: *mán ūrdis pagrūdo*, дословно ‘у меня сердце потолкло’, т. е. ‘я расчувствовался’. Груз, гнет, толчки — вот что связывается у разных народов с печалью и горем.

Итак, попробуем суммировать. Отрицательные эмоции занимают большое место в русской картине мира: такова уж история и судьба русского народа. Печаль — грусть — тоска — горе — скорбь: примерно так выглядит градация чувств. Мы могли убедиться, что все они происходят от корней, обозначавших жжение, тяжесть, опустошение, боль и болезнь.

СМЕХ. ХОХОТ. УЛЫБКА. УХМЫЛКА. РАДОСТЬ

После грусти-печали естественно поговорить о смехе и радости. Откуда происходят эти слова? Наиболее просто происхождение слова *хохот*: это обычное звукоподражание, воспроизвождающее *ха-ха*, *хо-хо*, *хи-хи*. А вот имя *смех* и глагол *смеяться* содержат интересный образ. Лежащий в их основе корень **smei-* встречается у многих индоевропейских народов: латышское *smieries* (возвратный глагол), английское *smile* ‘улыбка’, греческое *μειδίω* ‘улыбаться’. Но в древнеиндийском, помимо глагола *smayaate* ‘смеяться’, известно существительное *smaya* ‘удивление’; в латыни к тому же корню относится глагол *mirari* ‘удивляться’, а также имя *miraculum* ‘зеркало’ (от него происходит и французское *mirage* ‘мираж’, дословно ‘отражение’).

Что общего у смеха и зеркала? Как объяснить эту поистине *удивительную связь?*

Нам уже приходилось неоднократно напоминать о том, что развитие слов идет по направлению от конкретного к абстрактному. Абстрактные понятия — это, как правило, метафорически перетолкованные конкретные значения. А наиболее конкретным (и, следовательно, первичным) значением в нашем корне является «блеск». Блеск может ослепить — как ослепляет удивление. Самые светлые, лучезарные эмоции порой уподобляются блеску. Русское *сиять* вполне может означать ‘блестеть улыбкой, радоваться’. Близко к *смеху* по происхождению и *ухмылка*. Немецкое *smieren*, голландское *stuilen* позволяют восстановить корень **stmei-* ‘сиять, радоваться’. В славянских же языках он встречается только после приставки *у-*. А по фонетическому закону, названному по имени открывшего его датского лингвиста Хольгера Педерсена: после звука *и* в праславянском языке звук *s* переходил в *x*: литовское *ausis* соответствует церковнославянскому *оухо*. Итак, *ухмылка* тоже когда-то означала ‘радость, сияние’. Совсем иначе образовано близкое по значению слово *улыбка*. Оно происходит от глагола *лыбиться*, который в современном языке ушел в область грубого просторечия. Тем не менее он довольно древний. Это отыменный глагол от *лоб* (др.-русск. *льбъ*). В древнерусском языке это слово иногда означало ‘череп’. Вот что рассказывает «Повесть временных лет» о гибели князя Олега: *от сего ли лъба смирть мнѣ взати; и вступи ногою на лобъ* (т. е. череп). Таким образом, *улыбка* означала мимическую гримасу, уподобляющую лицо черепу. Подобное сравнение грубо, потому груб и глагол *лыбиться*. Слово же *улыбка* вошло в литературный язык. Похожим образом развивался и глагол *скалиться*: сперва он означал ‘создавать или расширять щель’ (щель, скала, скалить — однокоренные слова), затем появилось выражение *скалить зубы*, из которого и развилось *скалиться*.

Как видим, идея смеха выражалась разнообразно — от «блеска, сияния» до описания мимики. А какова роль смеха в человеческой жизни? «Без смешного нельзя познать серьезного...» — говорил Платон. И так уточнил эту мысль: «Противоположное познается с помощью противоположного...» (Законы, книга VІІ, 816 е).

В Древней Греции трагики обычно писали драматические трилогии, в которых конфликт завязывался, доходил до кульминации и разрешался. Но нередко после трех трагедий вниманию зрителей предлагалась сатирическая драма — особый вид сценического действия, где присутствовал и иронически комментировал сюжет хор сатиров —

козлоногих и рогатых существ. Конечно, это представление полностью отвечало платонову определению: то, что в трагедии познавалось как серьезное и печальное, в сатирической драме высмеивалось. Но она являлась и своеобразной психотерапией: потрясенные до глубины души трагическим сюжетом, зрители могли отдохнуть и посмеяться на представлении сатирической драмы.

Именно поэтому верное в принципе Платоново определение смеха как противоположного начала серьезному все-таки не заключает в себе всей полноты явления.

Жизнь любого человека трагична. Из всех живых существ только человек наделен способностью к предвидению. И главное, что он может предвидеть — это конечность жизни: «Рождение человека — случайность, а смерть — закон». Смысль человеческой жизни и состоит в преодолении этого трагизма. И если отдельный человек уходит в небытие, то человечество старается избежать этого небытия: человечество развивается и совершенствуется. И единственный способ «прах пережить и тленья избежать» — оставаться в памяти человечества своими делами, тем самым победить неумолимую энтропию. Смех смягчает жизненную трагедию, смех примиряет человека с ней:

Веселись! Невеселье сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготавят и сложат дома?

(*Омар Хайям. Рубай / Пер. О. Румера*)

Смех и требует сил, и дает силы. Показательно, что слово, обозначающее результат смеха — радость — связано с такими словами, как *радеть*, древнерусское *родити* ‘заботиться’, сербохорватское *ráditi* ‘стремиться, работать’, словенское *róđiti* ‘заботиться, соблюдать’. Тот же корень находим в древнеиндийском *rādhayati* ‘удаваться’, готском *garedan* ‘предусматривать’, древнеирландском *inna-rādim* ‘обдумывать’.

Грусть и скорбь приходят к нам спонтанно; для радости надо трудиться и размышлять — так язык оценивает основные человеческие эмоции.

ЖЕСТКОСТЬ. ЖЕСТОКОСТЬ

Жесткость и жестокость — слова, близкие по звучанию и по значению. Но, как хорошо известно, первое из них характеризует как внешние, так и внутренние качества предмета: *жесткий диск* (в компьютере), *жесткая мочалка*, а также *жесткие меры*, *жесткий разговор*. Жестокость же сейчас относится только к внутренним качествам: *жестокая расправа*, *жестокие нравы*. Это же прилагательное может означать сильную степень чего-то неприятного, доставляющего неудобство: *жестокий мороз*, *жестокая боль*, *жестокая тоска*. И огорчительное сообщение можно назвать *жестокой вестью*. И ни у кого не возникнет сомнения, что это — два разных слова, разных корня. Именно так они и представлены в современных словарях русского языка. В. И. Даль, который объединял в одной словарной статье однокоренные слова, решительно разделяет прилагательные *жестокий* и *жесткий*; в соответствии с нормами орфографии своего времени последнее он пишет как *жосткий*.

Интересно проследить различие этих прилагательных. Понятно, что сравнивать можно только вторичное значение прилагательного *жесткий* и первичное *жестокий*: *жесткая щетина* и *жесткое сердце* не имеют между собой ничего общего. А вот *жесткий разговор* и *жестокая обида* больше напоминают друг друга: оба доставляют кому-то страдания. В словаре С. И. Ожегова оба прилагательных объясняются так: **ЖЕСТКИЙ** ‘суровый, грубоватый, резкий’; **ЖЕСТОКИЙ** — ‘крайне суровый, безжалостный, беспощадный’. Значит, все дело в том, что одно прилагательное обозначает более сильное, так сказать, выпуклое качество (суровый — крайне суровый)?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории. Великий римский мыслитель, основатель христианского богословия Квинт Септимий Тертуллиан Флоренс («Цветущий» — такое прозвище ему дали за блестящий стиль) славился умением жестко ставить вопрос и подвергать своих оппонентов весьма суровой и нелицеприятной критике. Будучи глубоким знатоком античной философии и риторики, он их решительно отвергал, доказывая их противоположность христианству. «Что общего между Афинами и Иерусалимом?» — гневно вопрошал он. Но этот суровый и жесткий полемист также неприми-

римо выступал и против смертной казни, считая ее совершенно несогласимой с христианской и общечеловеческой этикой. Поэтому он является одним из предтеч гуманизма в самом современном смысле этого слова. Другой великий богослов, блаженный Аврелий Августин Гиппонийский, считал вполне допустимым, так сказать, загонять людей в рай палкой: если они не хотят добровольно обращаться к Христу, можно их подвигнуть к этому силой. На поучения Августина опиралась святая инквизиция. Но не следует ставить знак равенства между епископом Гиппонийским и его жутковатыми последователями. Августин из мер принуждения решительно исключал смертную казнь и пытки. Подобно Тертуллиану, он считал их несовместимыми с христианством. И Тертуллиан, и Августин были людьми, страстно убежденными в своих идеях, в своей убежденности жесткими и бескомпромиссными. Но их жесткость никогда не доходила до жестокости.

Жестокость — это не просто крайняя суровость, а переход вполне определенных нравственных границ. Жестокое наказание — это не просто тяжелое, а наказание, не соответствующее тяжести вины. Когда руководители гитлеровской Германии были приговорены к повешению, вряд ли кто-то смог бы обвинить Нюрнбергский трибунал в жестокости. На Геринге, Гебельсе, Розенберге, Кальтенбруннере — кровь десятков миллионов людей. А вот когда в XVIII в. к тому же приговаривали карманного воришку, то это была самая настоящая жестокость и варварство. И жесткий человек не обязательно нарушает нравственные законы, он может быть и добрым. А вот жестокий человек всегда оказывается за пределами этики, *жестокость и доброта* — это совершенные антонимы, и жестокость обязательно подразумевает безнравственность. Замечательный советский писатель П. Ф. Нилин написал повесть о том, как цинично и безжалостно был обманут собственным руководством благородный юноша, служивший в уголовной милиции сибирского села, и назвал ее удивительно емко и точно: «Жестокость».

Жестокость культивировали все тоталитарные режимы. М. Горькому принадлежат жутковатые изречения, идеино обосновывающие зверства советского строя: «Если враг не сдается — его уничтожают» и «Жалость унижает человека». Но вот что интересно. У прилагательного *жестокий* есть два синонима: *беспощадный* и *безжалостный*. И первый из них был весьма популярен в большевистской идеологии, начиная с известной революционной песни «Варшавянка», где говорится: «Месть беспощадная всем супостатам». Донецкий

поэт П. Г. Иванов даже принял псевдоним *Павел Беспощадный*. Но трудно представить себе поэта *Павла Безжалостного*. Все-таки беспощадность — это качество, которое может проявляться во вполне определенной ситуации — в борьбе или сражении, когда кто-то обязательно должен победить. И щадящий противника может оказаться проигравшим. А вот безжалостность — это органическая неспособность испытывать жалость, постоянная и вполне отвратительная черта характера. Когда мы читаем Р. Киплинга в переводе С. Я. Маршака: «Пришел король шотландский, // Безжалостный к врагам, // Погнал он бедных пиктов // К скалистым берегам», — то все наши симпатии оказываются на стороне пиктов, а жестокий король вызывает ужас и отвращение. И советский режим, культивируя в своих гражданах беспощадность к врагам, помалкивал о безжалостности. И, как он ни пытался навязать представление о том, что жалость — это плохо, язык подсказывает, что безжалостность куда хуже³⁵.

Надо учесть, что жестокость как черта характера двупланова. Можно отличать беспощадность, безжалостность от собственно жестокости, т. е. способности испытывать удовольствие от страдания живых существ. Такая жестокость уже из черты характера переходит в душевную патологию и получает наименование *садизм*, по имени скандально известного французского писателя маркиза Франсуа Мари де Сада, который описывал в своих романах оргии, пытки и унижения женщин, а в свободное время любил приводить к себе проституток и избивать их плетью, за что бывал неоднократно осужден. История говорит, что сильные и волевые люди иногда бывают беспощадными и безжалостными, но истинная жестокость и садизм — как правило, удел слабых и несостоятельных личностей. Так, Гай Юлий Цезарь проявлял большую жестокость к любому сопротивляющемуся врагу. Но когда он стал диктатором Рима, некоторые его приближенные стали уговаривать его провести массовые репрессии против его врагов. Цезарь отказался наотрез. Другой великий полководец и администратор, деятель времен Английской революции Оливер Кромвель, подавляя восстание в Ирландии, проявил крайнюю, истинно варварскую жестокость. Взяв в 1650 г. штурмом город Дрогеды, он велел своим

³⁵ Нечто подобное произошло со словом *застенчивость*. Это качество не одобрялось советской моралью: считалось, что строитель коммунизма должен быть решителен и напорист. Но язык и здесь ставит свои нравственные оценки: *беззастенчивость* — это весьма скверное свойство характера или поступка.

солдатам истребить всех его жителей. Но когда он стал абсолютным диктатором Великобритании и Ирландии, он, вопреки ожиданиям, не стал заливать страну кровью. Будучи убежденным пуританином, Кромвель в мирное время проявлял большую веротерпимость. Он даже позволил иудеям, изгнанным из Англии за 300 лет до него, вернуться обратно. Примерно таким же характером отличались и другие великие полководцы: беспощадные к сопротивляющемуся врагу, но снисходительные к побежденным, совсем не склонные бесцельно истреблять мирных жителей. И основатель современной политической мысли Никколо Макиавелли учил, что жестокость (если в ней возникнет необходимость) надо проявлять на короткое время.

Политики иного типа — римские императоры Калигула и Нерон, менее их известные, но не менее свирепые Коммод и Элагабал, наши соотечественники Иван Грозный и Иосиф Сталин, немец Адольф Гитлер. Это настоящие садисты, находившие наслаждение в страданиях и смертях тысяч своих сограждан. Всех их отличала замаскированная трусость и такая же замаскированная бездарность, отсутствие военных и административных талантов. И конец всех их весьма печален: все упомянутые римские императоры были свергнуты собственным народом, уставшим терпеть их издевательства, Иван Грозный потерпел тяжелое поражение в Ливонской войне и умер на пороге Смутного времени. Конец Гитлера всем хорошо известен, а Сталин, как показал одаренный писатель-исследователь Виктор Суворов, потерпел полный крах в своем заветном плане — стать властелином мира. И есть серьезные основания предполагать, что собственные подчиненные помогли ему перейти в мир иной (так считает другой известный историк — Абдурахман Авторханов). Жестокость дает таким людям ощущение собственного могущества. (Любопытно, что писатель Ю. М. Нагибин, который, судя по его дневнику, страдал от комплекса неполноценности, всерьез размышлял о том, что ему надо сделать какую-нибудь жестокость — то ли убить бездомную собаку, то ли избить кого-нибудь. К счастью, дальше размышлений дело не шло.)

Как видим, чтобы понять, чем жестокость отличается от жестокости, нам пришлось обратиться и к истории, и к психологии, и к этике. А лингвист может сказать так: у слова *жестокость* —нейтральная оценка, у *жестокость* — резко отрицательная. Но если обратиться к древнерусскому языку, то картина изменяется. В нем нет двух слов. Оба значения ('твердый, крепкий' и 'злой, безжалостный') выражены одним словом. В Мине 1097 г. читаем: *добра жестока стылла же въ вѣрѣ 'Доблестного, могучего столпа веры'*. Не о жестокости же

в нашем понимании здесь идет речь: ‘это — надежные, крепкие опоры в вере’. И когда Ярославна в «Слове о полку Игореве» восклицает: *Утру князю кровавыя раны на жестоцъмъ его тѣлѣ*, она вовсе не имеет в виду, что тело князя Игоря отличается какой-то особой беспощадностью; *жестокий* здесь означает ‘сильный, мощный’.

Следы неразличения понятий *жесткость* и *жестокость* можно видеть и в современном языке. Возьмем устаревшее, но еще встречающееся слово *жестоковыйнй* — ‘суровый, упрямый, непреклонный’ (его очень удачно применила М. И. Цветаева в очерке «У Старого Пимена», посвященном историку Д. И. Иловайскому: «жестоковыйнй старец» — несгибаемый, давящий своих близких не с сознательной целью, а именно своим упрямством). *Выя* — то же самое, что шея, таким образом, *жестоковыйнй* — это, очевидно, обладатель ‘жесткой шеи’. Но мы знаем, что *жестокий* может означать и ‘жесткий, твердый’. Твердая, жесткая шея — то же самое, что несгибающаяся. В древнейшей русской Библии — так называемой Геннадиевской (1499 г.; принадлежала новгородскому епископу Геннадию) — читаем: *Не имуть послушати мене яко люди жестокошии суть* ‘Не будут слушаться меня, так как они упрямые люди’.

Этот же корень часто означает ‘трудно преодолимый’ и ‘неудобный’: *жестоносный* — ‘неудобоносимый’, *жестопобѣдный* — ‘труднопреодолимый’. Понятно, что когда им же определяются сердце, и прав и душа человека, то он приобретает значение ‘злой, немилосердный’. В переводе сочинения византийского мореплавателя Космы Индикоплова так описывается одна из увиденных им стран: *Земля Варвария, сиречь татарская... нравы жестосерды и яры*. Надо учесть, что и самостоятельное прилагательное *жестокий*, и образованные им сложные слова часто являются кальками (дословными переводами) греческого *σκληρός*, прилагательного с большим количеством значений: ‘сухой, твердый, жесткий’ (сравните анатомический термин *склерра* — ‘роговая оболочка’, самая твердая часть глаза), ‘окостеневший, сухой, утративший гибкость’ (всем известное заболевание *склероз* — это отвердение сосудов, утрата ими упругости), но также ‘строгий, суровый, неумолимый, жестокий, злобный’. И у этого прилагательного значение очень зависит от того, какое имя им определено. Так, *σκληροφάγηλος*, *σκληραίχητη* — ‘непокорный, упрямый’, словом, ‘жестоковыйнй’ (*τράχηλος* и *αὐχήνη* ‘шея’), *σκληροκαρδία* — ‘жестокосердие’ (*καρδία* — ‘сердце’).

В XI в. памятники запечатлевают слово *жестый* ‘жесткий’ (*Имѣи на себѣ ризу жесту* — Минея, XI в.), а в XVI в. — *жесткий* — ‘рез-

кий, непримиримый' (из договора со шведами 1561 г.: *о съхъ дѣлѣхъ покорно... выслушали, безо... жесткого спору*).

Итак, разграничение прилагательных *жесткий* и *жестокий* произошло в истории русского языка, по-видимому, в XV в. Наша задача — разобраться в его причинах. Для этого надо обратиться к морфологии этих прилагательных, а затем поразмышлять о том, какую роль они могли играть в предложении.

Единое прилагательное, лежавшее в их основе, состоит из корня *жест-* и древнего славянского суффикса *-ъкъ-*, который присутствует и в других прилагательных: *уз-ъкъ* — *уз-ость*, *слад-ъкъ* — *слад-ость*, *кром-ъкъ* — *кромость*. В этом суффиксе имелись два звука, которые на письме передавались как ъ. У них во всех славянских языках довольно необычная судьба. Когда-то, в праславянскую эпоху, до начала новой эры, этот звук произносился как краткое у (а передававшийся знаком ъ звук читался как краткое и). Ко времени возникновения у славян письменности эти звуки сильно изменились, превратившись в сверхкраткий звук неопределенного тембра (подобный тому, который появляется при так называемом слоговом *r*, например, в строке Мандельштама: *Жил Александр Герцевич, еврейский музыкант*: для сохранения размера надо произнести *Александър* — в четыре слога). Такой звук называется редуцированным. Затем редуцированные во всех славянских языках исчезли, но оставили после себя заметный след: ъ мог превращаться в *o*, *ь* — в *e*, но при определенных условиях. Последний редуцированный в слове исчезал, а предшествующий ему превращался в полногласный звук, если же в слове ему предшествовал еще один, то он также выпадал. Поэтому древнерусское склонение *шъвъцъ* — *шъвъца* в более поздний период превратилось в *швец* — *шевца* (дав начало известным фамилиям *Швецов* — *Шевцов*). Процесс падения редуцированных получил наименование «правила Гавлика» — по имени описавшего его крупного чешского слависта XIX в.

Согласно правилу Гавлика, упомянутые прилагательные должны звучать *узок*, *сладок*, *кромок*. Именно таковы их краткие формы. К полным же прилагательным присоединялась частица, которая в древнейшую эпоху выглядела как *-jь*, т. е. оканчивалась на редуцированный звук. Поэтому в полных прилагательных место полных и исчезнувших звуков поменялось: *уз-ъкъ-jь* — *узкий* (в севернорусском произношении — *узкой*, в старомосковском — *узкай*), *слад-ъкъ-jь* — *сладкий* (*сладкой*), *кром-ъкъ-jь* — *кромкий* (*кромкой*). И прилагательное *жест-ъкъ* должно в кратком варианте выглядеть как *жесток*, в полном — *жесткий*. Тогда откуда же взялся незакономерный вариант

жестокий? Ответ может быть только один: это краткое прилагательное, превратившееся в полное. По-видимому, ударение передвинулось на второй слог, чтобы отличие от **жесткий** стало более ощутимым.

Итак, становится ясным, как разошлись прилагательные **жесткий** и **жестокий**. Осталось ответить на вопрос о причинах расхождения. Они тесно связаны с ролью кратких и полных прилагательных в предложении. А эта роль зависит от места прилагательного. Сравните два высказывания: *Новый дом* и *Дом — новый*. Первое из них трудно назвать конченным предложением; если вы скажете так собеседнику, он вправе будет ждать, что вы ему сообщите что-нибудь еще про новый дом. Напротив, *Дом — новый* — это вполне конченное предложение, в котором сообщается, что дом недавно построен или приобретен. Прилагательные, стоящие перед определяемым словом, называются атрибутивными (лат. *attributum* — ‘определение’) и обозначают качества и свойства предмета как некоторую данность, известную говорящему и слушающему. Прилагательные же, стоящие после существительных, называются предикативными (*praedicatum* — ‘сказуемое’) и делают признаки определяемого слова предметом сообщения. Краткие прилагательные в современном русском языке могут быть только предикативными.

Атрибутивные и предикативные прилагательные отличаются, помимо прочего, тем, что первые из них чаще обозначают неизменные свойства. И в русском языке есть сочетания, в которых невозможны предикативные прилагательные. Можно сказать: *железная дорога*, *тяжелая промышленность*, но нельзя: *эта дорога железна, наша промышленность тяжела*. Прилагательные *железная* и *тяжелая* означают не ‘сделанная из железа’ или ‘увесистая’, а постоянный и неизменный признак обозначаемого слова. Поэтому от них невозможна краткая форма.

Краткие формы возможны по преимуществу от тех прилагательных, которые указывают на невещественные признаки. Например, в сочетании *розовое варенье* прилагательное нельзя перевести в краткую форму, так как *розовое* здесь значит ‘сделанное из лепестков розы’, а вместо *это розовое платье* вполне можно сказать *это платье — розово*, так как здесь *розовый* — ‘подобный розе’. И когда греческое *σχληρός* было переведено прилагательным с корнем *жест-*, его краткий вариант тяготел к переносному значению (‘строгий, суровый’, а также ‘сильный’), а полный — к вещественным значениям (‘твердый, негибкий’). Вот так из одного слова родились два новых с близким, но далеко не одинаковым значением.

Вор

Вор в нашем представлении — тот, кто крадет. Однако вспомним «Капитанскую дочку», где защитники Белогорской крепости в ответ на требование Пугачева признать его царем твердо отвечали: «Ты вор и самозванец», — имея в виду вовсе не причастность лжецаря к кражам, а нечто другое, но тоже весьма нелестное. Неповинен в кражах был и белый мужик по кличке Цыган из романа А. Толстого «Петр Первый», о котором было дано распоряжение «...бить кнутом вдругорядь, чтобы ему, плуту, в ору, бегать неповадно было». Истязали Цыгана за побег, бралили же, как и самозваного царя, вором.

Дело в том, что в старом русском языке слово *вор* имело больше значений — не только ‘жулик’. У Даля оно tolкуется так: «стар.: мошенник, бездельник, обманщик; изменник, разбойник; так, Гришка Отрепьев, Ванька Каин и др. назывались ворами // ныне: тать, тайный хищник, лживый, лукавый человек». И, как известно, исторический персонаж, объявивший себя царевичем Димитрием (Лжедимитрий II), известен под кличкой «Тушинский вор». Словарь Ушакова с пометкой *старин.* тоже дает значение этого слова как ‘злодей, обманщик’.

Связаны ли эти старые значения с происхождением слова *вор*? В родственных русскому славянских языках такого слова нет: ‘вор’ по-украински — *злодій*, по-белорусски — *злодзей*, по-болгарски — *крадеџ* и т. д. Некоторые ученые предполагают, что это слово заимствовано из финского языка. По-фински *varas* ‘вор’, *varastaa* ‘красть’. Но эта гипотеза, при всей ее привлекательности из-за созвучия слов, все-таки не бесспорна. Дело в том, что заимствование слов подчинено определенным закономерностям. От греков наши предки по-заимствовали православную религию и письменность, а вместе с ними — такие слова, как *церковь*, *иерей*, *монах*, *патриарх*, *грамота*, а также *лампада*. С тюркскими народами велась оживленная торговля — и заимствовались такие слова, как *базар*, *амбар*, *балык*, *изюм*, *казна*. Да и слово *деньги* — это видоизмененное тюркское *теньге* (так сейчас именуется денежная единица Республики Казахстан). С Петром I появились на Руси немецкие ремесленники и инженеры, а с ними — *рейсфедер*, *рейсишина*, *верстак*, *рубанок*, *фуганок*, *слесарь*, *шпала*, *домкрат*. Голландцы при Петре учили наших предков строить

корабли и принесли с собой такие слова, как *гавань, лоцман, компас, шкипер, матрос, штурвал*. Слова, заимствованные в одно время из одного языка, обычно относятся к какой-то определенной сфере жизни, области деятельности, составляют, как говорят лингвисты, предметные группы.

Изучение таких пластов заимствований способно порой дать уникальную информацию о жизни народа, о его истории. В этом смысле любопытно приглядеться к тому, что имеет самое прямое отношение к *вору* — воровскому жаргону, который весь пронизан заимствованиями. В его основе лежит тайный язык оценей — бродячих торговцев, которые предпочитали не посвящать посторонних в свои дела и изъяснялись на совершенно особом тайном языке (арго). Это арго ведет свое происхождение с XI—XII вв., когда на Руси появились греческие торговцы, и потому вобрало в себя множество греческих слов: *кирять* ‘пить’ (др.-греч. *χιρωῦ* ‘смешивать вино с водой; пить’), н.-греч. *χερου* ‘утощать’), *кимать, кимарить* ‘спать’ (греч. *κοιμᾶσθαι* ‘спать’), *клёвой* ‘хороший’ (греч. *χαλός* ‘красивый’), *манатки* ‘вещи’, первоначально *манатка* ‘рубашка’, — одного корня с *мантия* (греч. *μάντυά* ‘пальто’, откуда также — через французское и испанское посредничество — *манто, мантilla*), *хиръга* ‘рука’ (греч. *χερὶ*). И название жаргона — *феня* — происходит от *оценей*, которые в свою очередь ведут ‘родословную’ от Афин.

Но воровской мир интернационален, и со временем на греко-русский слой лексики легли новые пласти: из древнееврейского пришли слова *мусор ‘милиционер’* (*moser* ‘доносчик’), *ксива ‘письмо, документ’* (*ktiva* ‘письмо’); тюркские языки обогатили воровское арго словами *бабай ‘ростовщик’* (*babai* ‘дед, старик’), *беш ‘пять’*, *онец ‘десятка, десять рублей’* (*on* ‘10’), другие числительные происходят из цыганского языка: *деш ‘десять’*, *дешайек ‘одиннадцать’*, *дешидуй ‘двенадцать’*. В этом смысле особенно интересно слово *хаза ‘дом, квартира’*, в котором слились немецкое *Haus*, итальянское *casa*, венгерское *haz*.

Пластов же финской лексики в воровском жаргоне не засвидетельствовано. Это неслучайно. Финны и их ближайшие родственники эстонцы не отличались агрессивностью и воинственностью, и преступников среди них было мало. В отличие от евреев и цыган, они не вытеснялись на обочину жизни, а занимались своими исконными профессиями — рыболовством и земледелием, и заимствования из этих языков касаются той предметной области, которая отражает деятельность и быт этих народов. Сюда относятся названия северных

рыб: *камбала, навага, салака, корюшка*; имена деревьев, природных зон и явлений: *тихта, тундра, пурга*, предметов жизненного уклада и разной сnedи: *рига, сайка, пельмени* (из *рел* ‘ухо’ и *п’ан* ‘хлеб’). Согласимся, что в таком соседстве слово *вор* смотрелось бы чужаком³⁶. Да и выглядит оно как чисто русское, напоминая *с-бор* (от *брать*), *раз-дор* (*драть*). Такое сходство ставит перед этимологом задачу: найти глагол, от которого могло быть произведено слово *вор*.

Авторы наиболее авторитетных этимологических словарей русского языка М. Р. Фасмер³⁷ и П. Я. Черных считают, что им может быть глагол *врать*. Это предположение подкрепляется одним из старинных, как мы помним, значений для *вор* — ‘обманщик’ Но является ли оно первичным для самого глагола *врать*? В старинном сборнике пословиц (XVIII в.) читаем: «Не всю ври, что знаешь», — где глагол *врать* явно означает не ‘обманывать’, а скорее ‘выбалтывать’, ‘много говорить’. И слово *врач* происходит именно от этого глагола (как *толкак* от *толкать*, *рвач* от *рвать*). В старину лечение нередко сводилось к заклинаниям, так как слову, исходящему от *захаря*, приписывалась магическая сила. Врач, таким образом, был заклинателем. И первичное значение глагола *врать* было все-таки ‘говорить, заклинать, заниматься словесной магией’. Поэтому в сербохорватском языке *врач*, *врачар* — ‘прорицатель, колдун’, а в сибирских диалектах русского языка *врач* — синоним *лгун*, *мошенника*. Со времени крещения Руси

³⁶ Но все рассуждения о нравах и деятельности разных народов относятся к определенному времени, а жизнь меняется. В жаргоне фарцовщиков начиная с 70-х гг. появились и финские заимствования, из которых самым распространенным стало *юла* ‘один’ (фин. *iksi*). Это произошло потому, что из Финляндии в Советский Союз приезжало большое количество туристов, которые становились объектами самого пристального внимания фарцовщиков. Чтобы завязать с таким приезжим контакт на предмет купли-продажи, спекулянту приходилось выучивать несколько слов и на его родном языке.

³⁷ Максимилиан (или Максим) Романович Фасмер — интереснейшая фигура в русистике. Он родился в Санкт-Петербурге, учился в Санкт-Петербургском университете у великого слависта И. А. Бодуэна де Куртенэ, первые свои научные публикации напечатал по-русски и только после Октябрьского переворота переехал в Германию. Связи с Россией он долго не прерывал, в 1928 г. избран иностранным членом-корреспондентом АН. Главный труд своей жизни — «Этимологический словарь русского языка» — он выпустил по-немецки (словарь был опубликован в 1968—1976 гг. в русском переводе О. Н. Трубачева), но вся его биография и научные интересы дают основание считать его представителем как немецкой, так и русской культуры.

все, что было связано с языческими обрядами и колдовством, стало считаться предосудительным и нечистым, поэтому у глагола *врать* появилась негативная окраска.

Но существует ли связь между *вор* и *врать*? На мой взгляд, возможно, но отнюдь не бесспорно.

Проверить родство слов мы можем еще с помощью словообразовательных моделей. От похожих по структуре слов образуются однотипные же слова. Например, от глаголов *жсить*, *пить*, *вить* можно произвести: *жив-ой*, *тив-о*, *из-вив*, а также *гой* ‘молодец, богатырь’ (вспомним былинный запев: *ой ты гой еси, добрый молодец*), *из-гой* ‘изгнаник из общественной жизни’³⁸, *за-пой*, *под-вой*. Такие группы слов называются словообразовательными рядами. Они могут быть представлены в виде формул, подобных математическим пропорциям (*пить* — *тив*, *пой* = *жсить* — *жив*, *гой* = *вить* — *вив*, *вой*), и в них могут располагаться и такие слова, которые не засвидетельствованы в живом языке, но подчиняются общим законам. Попробуем поискать ближайших родственников *вора* с помощью словообразовательных рядов.

Вор может быть связан с *врать*, но другие напоминающие его существительные связаны с глаголами иной структуры: *тор* — *торить*, *за-твор* — *творить*. В русских говорах известно и слово *за-вор* ‘забор’, очень напоминающее слово — предмет наших штудий. От этих существительных образуются прилагательные *торный*, *при-творный*, *про-ворный*. А вот глагол *врать* существует совсем в других словообразовательных рядах: *врать* — *враль* — *звиральный*. От *торить* не образуешь *траль*, а от *творить* — *твраль* (труднопроизносимая бессмыслица!), так же, как *врать* явно не имеет отношения ни к *за-вор*, ни к *проводорный*: слишком разные значения слов. И словообразовательный ряд наводит на мысль о том, что *вор* не связан с *врать*. Более вероятным кажется его родство с глаголом, ведущим в русском языке полупризрачное существование.

На первый взгляд, в глаголе *оторвать* нет ничего необычного, и кажется, что он образован так же, какозвучный ему *затворить*: к одному корню *твор-* присоединились две разные приставки. Однако по правилам русского языка приставка не должна терять последний согласный, если корень начинается с того же согласного (ср.: *оттрубить*, *оттрепетать*), и, значит, этот глагол должен был бы выглядеть так: *оттворить*. Но такого глагола не существует. Так в чем же тут дело?

³⁸ Переход *г* → *ж* перед глухим *и* — пример так называемой первой палатализации, о которой речь шла в главе «Слово и время» (наст. сборник, с. 351—361).

Ответ на эту загадку приходится искать в литовском языке. Там есть глагол, родственный русскому *творить* (а также *затворить*, *рас-творить*): *tvérti* ‘огораживать, прикреплять’, а также ‘хватать, брать’. Существует в литовском и глагол *vérti* ‘пронзать, прыгать’, который с приставкой *at-*, совпадающей по происхождению и значению с русской *от-*, образует глагол *atvér̄ti* ‘открывать’, который так же четко соотносится с *отворить*. Таким образом, можно предполагать, что *от-ворить* скрывает в себе древний глагол *ворить*. Но бесприставочная форма в русском языке как будто не засвидетельствована; В. И. Абаев вообще считал ее несуществующей. Но известный специалист по истории и этимологии русского языка Н. М. Шанский (1922—2005) нашел в одной из русских грамот XVIII в. выражение *двери заворенные, т. е. закрытые*. И эта реальная форма, совпадающая с гипотетической, дает нам право считать, что описка исключена. Итак, глагол с корнем *-вор-* в древнем русском языке существовал!

В современном же языке у него много родственников: глагол *верять* (Новгородская область) ‘совать, прятать’ (прямое занятие вора); *вереница, веревка, верига* ‘цепь’, *верея* ‘косяк, столб, ворот’ — довольно редкое в современном языке слово, давшее название старинному городу Верея недалеко от Москвы (отсюда происходит и фамилия *Верейский*, которую носил и муж Маши Троекуровой в «Дубровском», и известный современный художник).

Древний прайзыковой корень **ver-*, от которого происходит русское *вор, верять* и литовское *vér̄ti*, означал ‘открывать, закрывать, толкать, быстро двигать, пронзать, прятать’. Таким образом, *вор* — это *проныра, пролаза, шустряк* (по известной пословице, «на ходу подметки рехет»), особа, склонная к скрытности, но также и к насилию. Понятно, почему с этим словом в русском языке связан такой широкий спектр значений — *жулик, обманщик, смутьян*.

Наука этимология, основанная на почти математических закономерностях, добилась больших успехов. При чтении популярных работ может возникнуть впечатление, что все ее вопросы решены и происхождение большинства слов вполне ясно. Но это не так. История большинства слов ведет нас к доисторическому периоду языка, от которого не осталось текстов и о котором можно только строить догадки. Поэтому для проверки своих гипотез лингвист должен прибегать к различным методам их уточнения, среди которых важную роль играет словообразовательный анализ. Его строгость и четкость способствует решению лингвистических загадок, иногда сложных и запутанных.

ВУРДАЛАК. УПЫРЬ

Первое слово относится к тем немногим, для которых можно уверенно назвать дату их появления: 1835 год, когда было написано, а затем опубликовано известное стихотворение Пушкина (в цикле «Песни западных славян»):

Трусоват был Ваня бедный:
 Раз осеннею порой
 Весь в поту, от страха бледный
 Чрез кладбище шел домой.
 Бедный Ваня еле дышит,
 Спотыкаясь, чуть бредет
 По могилам; вдруг он слышит,
 Кто-то кость, ворча, грызет.
 Ваня стал; шагнуть не может.
 Боже, думает бедняк, —
 Это, верно, кости гложет
 Красногубый вурдалак!
 Горе! Малый я не сильный!
 Съест упырь меня совсем,
 Если сам земли могильной
 Я с молитвою не съем!
 Что же? Вместо вурдалака
 (Вы представьте Вани злость!)
 В темноте пред ним собака,
 На могиле гложет кость.

К заглавию отсылает сноска: «Вурдалак. Вудкоглак. Упырь (vampire)». Иными словами, это мертвец, встающий из могилы и сосущий кровь живых людей. Укушеннный вурдалаком сам становится вурдалаком. Считалось, что спасти от вурдалака может только съеденный с молитвой кусок земли, взятой с могилы. Все эти сведения относятся к упырю. Что же касается вурдалака, то мифологического персонажа с таким именем не существует. Значит ли это, что перед нами — вымысел Пушкина? Такие случаи бывали в истории литературы. Никогда у древних славян не было бога весны и любви по

имени Лель. Это сладкозвучное имя изобрели в XVIII в. любители русской старины писатели М. Д. Чулков, М. И. Попов и В. А. Левшин. И с их легкой руки этот, если можно так выразиться, дважды мифический персонаж стал популярен лет на 150 — вплоть до «Снегурочки» А. Н. Островского.

Но с вурдалаком дело обстоит сложнее. В мифологии наших далеких предков существовал персонаж с похожим именем — *волколак*. Подобно упырю, это был оборотень, выпивавший всю кровь человека. Загубленный им сам становился волколаком. Но превращался он не в мертвеца, а в волка. Имя его произносилось по-разному — *вулколак*, *вурколак*. Любопытно, что эти вариации упоминает и персонаж драмы А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» Расплюев. Говоря о якобы появившемся страшном чудовище, которое сосет кровь невинных петербуржцев, Расплюев с ужасом восклицает: «Вурдалак, вудкоуглак, упырь и мцырь!» «Мцыря» оставим на совести полуграмотного шулера, волею судеб высочившего в квартальные приставы. А вурдалак-вудкоуглак и упырь — вполне реальные герои народной демонологии. И Пушкин, по-видимому, услышав нечетко произнесенное имя волколака, воспроизвел его как *вурдалака*. Изменив его имя, он отождествил его с встающим из могилы мертвецом — упырем. И действительно, у обоих чудовищ есть общие черты: оба — оборотни-кровососы, пришельцы из враждебного мира, норовящие затянуть в этот мир своих жертв. Так благодаря Пушкину у упыря появился новый синоним. Он сразу приобрел популярность. У А. К. Толстого есть рассказ, опубликованный сначала по-французски — «La famille du vourdalak» — «Семья вурдалака», где и повествуется о том, как старый сербский крестьянин стал вурдалаком (то есть упырем) и превратил в вурдалаков своих детей и внуков. В другом рассказе Толстого «Упырь» описана похожая история, но случившаяся не на Балканах, а в русской дворянской семье. Да и Расплюев недаром валит все в одну кучу. И в его темной голове живет уверенность в том, что вурдалак и упырь — одно и то же.

Гипноз пушкинского обаяния оказался настолько велик, что ему поддались писатели, казалось бы, досконально изучившие вопрос. У А. И. Куприна есть рассказ «Серебряный волк», основанный на полесских легендах (Полесье — пограничная область между Украиной и Белоруссией в бассейне реки Припять. В нем сохранились древнейшие обычаи и предания; после аварии на близлежащей Чернобыльской АЭС жители Полесья покинули свое место обитания. Так погиб уникальный заповедник древней славянской культуры). В нем

рассказывается о том, как веселый парень Стецко, любовь и надежда родителей, вдруг стал пропадать из дома по ночам. Когда же его отец решил проследить за его отлучками, он с ужасом увидел, как сын превратился в огромного волка. И тогда он понял, что Стецко стал *вовкулаком*. К этому слову Куприн делает характерное примечание: «Вурдалак, упырь». Однако герой рассказа обращался не в мертвеца, а в волка. Но такова была сила заложенной Пушкиным традиции, что всякий оборотень представлялся вурдалаком и упырем.

Что же касается *вовкулака*, то это — знакомый нам *волколак*, но в украинском произношении: *вовк* — по-украински ‘волк’. Происхождение этого слова не вызывает особых затруднений. Родственные слова имеются в других славянских языках: болгарское *върколак*, сербскохорватское *вукодлак*, чешское *vlkodlak*, польское *wilkodlak*. Вторая часть этого слова сравнивается с церковнославянским *влака* ‘шкура, волосы’. Итак, *волколак* — это ‘волчья шкура’, подходящее название для того, кто ее время от времени сбрасывает. Есть, правда, и другая версия происхождения этого слова, предложенная выдающимися лингвистами и историками культуры Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым. По их мнению, вторая часть этого слова связана не столько с *влака* ‘шкура’, сколько с литовским *lokis* (помните новеллу П. Мериме «Локис»?), древнепрусским *clokis* ‘медведь’. Таким образом, *волколак* — это ‘волко-медведь’.

Но почему именно волк оказался связан с медведем? Вяч. Вс. Иванов считает, что такая связь существует у многих индоевропейских народов. Самый знаменитый герой древнеанглийского эпоса — БеоВульф — носит имя, означающее, собственно, ‘медведь’, дословно же — ‘пчело-волк, пчелиный волк’. А в только что упомянутой повести Мериме главный герой рождается у женщины, которую когда-то похитил медведь. После свадьбы в нем пробуждаются черты предка-медведя, и он загрызает любимую. Явное сходство с мифом о волколаке, опасном прежде всего для своих близких. Кстати, герой рассказа Куприна «Серебряный волк» становится оборотнем вскоре после женитьбы и чуть не убивает собственного отца. Волк и медведь — два признанных царя северных лесов, грозные и коварные, появляющиеся и исчезающие внезапно. Они были хорошо известны древним славянам и их предкам индоевропейцам, служили предметом их почтительного и опасливого поклонения. И имя коварного оборотня могло соединить в себе название двух этих хищников.

А что можно сказать о персонаже, волею Пушкина ставшем близнецом волколака-вурдалака, — упыре? Представление о мертвецах,

сосущих по ночам кровь живых, были свойственны всем европейским народам. Эти оборотни назывались *вампирами*. Но вот что говорит о нем персонаж рассказа А. К. Толстого:

Вы их, Бог знает почему, называете *вампирами*, но я могу вас уверить, что им настоящее русское название: *упырь*; а так как они происхождения чисто славянского, хотя встречаются во всей Европе и даже в Азии, то и неосновательно придерживаться имени, исковерканного венгерскими монахами, которые вздумали было все переворачивать на латинский лад и из упыря сделали *вампира*. *Вампир, вампир!* — повторил он с презрением, — это все равно, что если бы мы, русские, говорили вместо привидения — *фантом* или *ревенант*!

Надо сказать, что некоторые любители российской словесности в позапрошлом и прошлом веке грешили тем, что всю европейскую культуру и историю выводили из русских источников. Но герой А. К. Толстого прав почти абсолютно: европейское слово *вампир* действительно славянского происхождения. Более того, особенности его звучания свидетельствуют о времени, когда произошло это заимствование. Дело в том, что общеславянская форма этого слова должна была звучать так: *qrīrъ или *qругъ. Звук *q — это так называемое «носовое *а*», о котором мы уже упоминали. Так же звучал и тот звук в церковнославянском, который изображался буквой *ж*. Превращение юса в *у* произошло, по-видимому, примерно в VIII—IX вв. н. э. В европейские языки это слово вошло в форме не *вампир*, а *вампир* (нем. *Vampir*, франц. *vampire*). Дело в том, что современное *о* в языке наших далеких предков звучало как *а*. Оно превратилось в *о* примерно в V—VI вв. н. э. Что же касается начального *в-*, то оно имеет такое же происхождение, как в словах *вострый* ‘острый’, *вотчим* ‘отчим’. Такой вставной звук в начале слова называется *протетическим* (*протеза* в переводе с греческого — ‘поставленное впереди’). Иногда слово с протезой вытесняет исконное: современное русское *восемь* вместо старого *осемь*. Итак, опираясь на форму слова, мы смогли определить время заимствования этого слова: середина первого тысячелетия новой эры. Именно тогда германцы восприняли славянское наименование мертвецов, встающих из могилы. Понятие же заимствовать им не надо было: представление о потусторонних монстрах-кровососах было свойственно многим европейским народам с глубокой древности.

А в примерно XVII в. это русское, измененное до неузнаваемости слово снова вернулось в русский язык. Герой А. К. Толстого оказался неправ только в одном: слово это изменилось не по злой воле венгерских монахов, а в результате живого и нестесненного контакта славян и немцев (может быть, также и венгров). Всякий народ, заимствуя чужие слова, вносит в них какие-то изменения. Можно вспомнить французское *Paris* (читается *Пари*) и русское *Париж*; русское *Москва* и французское *Moscou* «Моску».

Может возникнуть вопрос: а надо ли так подробно описывать все эти формальные соответствия? Разве простое созвучие не свидетельствует о родстве слов? Дело в том, что в науке этимологии, опирающейся на сравнительно-историческое языкознание, сходство слов не может быть критерием их родства. Ничего общего не имеют между собой русское *кол* и турецкое *kale* ‘крепость’, хотя самые древние крепости сооружались именно из кольев. А вот русское *скала* и *щель*, у которых общий только один звук, происходит из одного корня (к которому относится и *осколок*): древнеславянское **skel-* превратилось в *щел-*. Все этимологические изыскания основаны на математически строгих фонетических законах, о которых мы говорили во Введении (см. также Дополнения). Они формулируются так: общие звуки в родственных языках обладают не сходством, а закономерностями в различии. И, зная эти закономерности, мы можем примерно представить, как звучали эти элементы в языке-предке, из которого и произошли родственные языки. Но здесь мы входим в область догадок, так как языки-предки тю бóльшей части не засвидетельствованы никакими письменными источниками. И тогда на помощь нам приходят древние заимствования из этого предка в живые языки. Такие слова, отрывавшись от своей языковой среды, сохраняют консервированный облик слова. И немецкое *Vampir*, соответствующее русскому *упырь*, доказывает, что у (церковнославянское *ж*) когда-то читалось как *an* (сочетание *am* образовалось перед *p*).

У вампира от упыря есть, пожалуй, только одно отличие. Вампир — не столько живой покойник, сколько кровосос. И в переносном смысле *вампиром* называют жестокого, садистического человека, подпитывающего себя мучением других. В XV в. в Трансильвании (область на северо-западе Румынии со смешанным румынно-венгерским населением) правил угрюмый, нелюдимый князь Владос (1430—1477), за свою жестокость прозванный Дракула ('Дракончик') и Цепеш ('сажающий на кол' по-турецки). И молва, видя, с какой готовностью он отправляет своих врагов на казнь и какой таинственностью окружена его жизнь,

приписала ему контакты с темными потусторонними силами. Считали, что для этого князь Владос пьет по ночам кровь приговоренных к смертной казни. Так родилась легенда о вампире Дракуле, которую и запечатлел в своем известном романе английский писатель Брэм Стокер. Его герой был перенесен в современную автору Англию (начало XX в.) и уже не имел никакого отношения к загадочному трансильванскому владыке. Затем, после экранизации романа, граф Дракула стал одним из самых популярных персонажей современной массовой культуры.

Такова история слова и понятия упырь. А что можно сказать о его предыстории? Общеславянская форма **qdrug* или **qpir* (отраженная в древнерусском имени собственном *упырь*) делится на приставку **q* (более древняя форма — **on-/an-*) и корень **pir-/pyr-*. Приставку можно сравнить с греческим *ἀνά* ‘наверху’, а корень — тот же, что в *переть, напор*, а также *перо* и *парить*. Он означал ‘подниматься, идти; лететь’. Иными словами, *упырь* означало ‘поднимающийся вверх’, т. е. встающий из могилы, остановить его полеты, по поверью, можно было, только раскопав его могилу и вбив в нее осиновый кол. Слово *у-пырь* близкородственно названию летучей мыши *нето-пырь*, где *нето-* происходит из **nekio-*; вариант этого корня присутствует в русском *ночь*, церковнославянском *нощь* (<**noktis*>).

Откуда же вообще взялось поверье о страшных оборотнях? С древнейших времен человек ощущал, что окружающий его мир делится на две неравные части: Свое и Чужое. Свое — это своя семья, свое племя, свой род, своя территория, освоенная и окультуренная. Чужое — это дикий, враждебный окружающий мир, всегда несущий угрозу и опасность, грозящий вытащить человека из привычной ему среды обитания. И посланец из этого иного мира — дикий зверь (его исконный обитатель) или покойник, то есть тот, кто уже ушел с этого, своего света на тот, чужой. Представление о Своем и Чужом, может быть, самое древнее для человечества. Оно может быть очень полезно, так как ощущение Чужого мобилизует человека, делает его более активным, но может и причинить вред, так как служит истоком и конфликтов — от бытовых до межнациональных и межгосударственных, и суеверий. Одно из таких суеверий — вера в оборотней и упырей. Осиновый кол, вбиваемый в могилу упыря — это, очевидно, часть ограды, защищающей свой мир от чужого.

Что же касается волколака, то он может быть обязан своим существованием и некоторым древним ритуалам. В свое время В. И. Абаев обратил внимание на один распространенный у кавказских народов

мотив: герой эпических сказаний, чтобы победить своих врагов, должен надеть шкуру животного. В эпосе «Нарты», созданном на родном В. И. Абаеву осетинском языке, герой, чтобы одолеть похитителей своей невесты, должен залезть в коровью шкуру. Только это и позволяет ему войти в неприступную крепость, где и скрылись похитители. С этой точки зрения В. И. Абаев взглянул и на некоторые известные произведения художественной литературы. В поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» злые волшебники-каджи похищают у витязя Тариэла невесту. И, чтобы ее освободить, он надевает шкуру тигра и в ней вырывается в крепость, где засели его противники. И, хотя в поэме прямо не говорится о том, что шкура помогла Тариэлу освободить свою любимую Нестан-Дареджан, этот мотив явно связан с древним поверью, отразившимся в нартовском эпосе. В. И. Абаев предположил, что и древнегреческая легенда о Троянском коне, в котором греки пробрались в осаждаемый город, чтобы, среди прочего, освободить похищенную Елену, связана с этим обычаем. Ведь с точки зрения здравого смысла такой способ взятия крепости явно самоубийствен. По-видимому, сначала речь шла о том, что греческие герои надели на себя конские шкуры. И лишь потом, когда представление о чудодейственной силе таких шкур исчезло без следа, появилась легенда о деревянном коне, который должен был привлечь внимание троянцев.

Почему шкуры представлялись магическими? В. И. Абаев полагает, что вера в эту магию восходит к самым древним охотниччьим ритуалам. Прежде чем отправиться на охоту, наши далекие предки устраивали своего рода представление. Несколько членов племени надевали на себя шкуры или маски животных, а охотники пытались поразить их копьем. Если это удавалось, они смело шли на охоту, считая, что она будет удачной. Такие обычаи еще в прошлом веке бытовали у эскимосов, индейцев, жителей Австралии и Океании. Благодаря таким поверьям и ритуалам маска животных оказалась связана с магией и колдовством. Кроме того, все первобытные народы прошли стадию *totemizma* — веры в то, что животные являются предками людей и оказывают им покровительство. Мaska животного становится непременным атрибутом колдовства. Шаман перед камланием обязательно надевал ее и приобретал удивительное могущество, которое и позволяло ему одолевать самые неприступные крепости. Одна из статей В. И. Абаева, посвященная этой теме, так и называется: «Шаман сильнее воина» [Абаев 1990]. Затем связь этих обычаем именно с охотой забылась; осталось убеждение в том, что шкура животного обладает

магическими силами, в частности помогает побеждать и воинов, и демонов. Этимология имени *волколак* как ‘волчья шкура’ подтверждает связь оборотня со всеми этими обрядами и представлениями.

А затем у народов, в частности у европейцев, появились новые верования. Как это нередко бывает, старые боги превратились в дьялов. Не миновали общей участи и те, кто осуществлял связь между человеком и животным-тотемом. Вот и еще источник мифов о волках и медведях-оборотнях.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКА

ПАРАЗИТ

А паразиты — никогда!
(Из известной песни)

Слово это довольно необычно. Дело в том, что все слова по большей части относятся к какому-нибудь слою языка. В языке образованных людей едва ли услышишь такие выражения, как *в натуре* или *я в отпаде* (разве что произнесенные в шутку), а крестьянин или пролетарий вряд ли будет распространяться об *универсуме* и *трансценденции*. Кроме того, язык делится на так называемые профессиональные подъязыки, у каждого из которых — свой словарный состав. Математик говорит об *интегrale* и *дисперсии*, геолог — о *стратах* и *синклиналях*, лингвист — о *парадигмах* и *синтагмах*.

Что же касается *паразита*, то это слово, кажется, кочует по всем слоям и подъязыкам. Подвыпивший пролетарий выразит свой гнев восклицанием: «У, паразит!» О паразитах говорят медики и биологи. Политологи и экономисты бурно обсуждают вопрос о паразитических группах населения, языковеды — о паразитарных словечках и частичках (типа э-э, *стало быть, это самое, типа*, употребляемых не к месту). Даже юристы включают это слово в свою терминологию: советский уголовный кодекс осуждал людей, ведущих *паразитический образ жизни* (к числу осужденных, как известно, относился Иосиф Бродский).

Так почему же это слово так широко распространилось? Для ответа на этот вопрос попробуем обратиться к его истории, благо она довольно прозрачна и совсем не требует применения тонких методов сравнительного языкознания. Слово это пришло к нам из древнегреческого. Приставка *пафá* означает ‘около’, *σῖτος* — ‘хлеб’. И слово *пафáгитос* означало ‘сотрапезник’, ‘спутник’ (тот, с кем делят еду). Как видим, ничего отрицательного оно не значило. И его точный перевод (так называемая калька) на русский язык — *нахлебник* — означает не совсем то, что *паразит*. Нахлебник — это не тот, кто живет чужим трудом, а тот, кто столается в чужой семье, обычно оплачивая свои обеды и ужины. Всем памятный Александр Иванович Корейко был нахлебником у ребусника Синицкого, но никто бы не обвинил его в паразитировании на семье Синицких. (Правда, в современном языке слова *нахлебник* и *паразит* сблизились.)

Но греческое *пафáгитос* постепенно приобрело статус литературного термина. Начиная с III в. до н. э. характер греческой литературы стал существенно меняться: все реже писатели обращались к мифологическим сюжетам, все больше их стала занимать повседневная жизнь человека. Благодаря этому появились совершенно новые литературные жанры: новая аттическая комедия и роман. Они уже утратили ту жесткую структуру сюжета и действия, которая была свойственна древней драме и эпосу, но их собственные сюжеты еще строились по определенным схемам, и герои в них отбирались по определенным ролям. Одной из ролей и был *парасит* — нахлебник, живущий в доме у богатого человека и выполняющий за это разные его мелкие поручения. Естественно, такой персонаж служил предметом крайнего осуждения для трудолюбивого крестьянина и ремесленника, поэтому он обычно наделялся самыми отрицательными чертами: он и бездельник, и обжора, и сластолюбец, и мелкий воришко, и обманщик. Именно благодаря греческому роману и новой аттической комедии слово *парасит* (в ином произношении — *паразит*) получило свое современное значение — не просто человек, делящий с кем-то свою еду, а захребетник, едящий чужой хлеб. Именно в этом значении слово проникло в различные науки: сначала в биологию, когда паразитами стали именоваться живые существа, питающиеся чужими соками: паразиты-растения — некоторые виды лишайников, грибов, омелы; паразиты-животные — блохи, вши, некоторые черви. По аналогии то же наименование получили и люди, не создающие материальных ценностей, а живущие за счет других. В русском языке слово *парасит* известно с 1806 г., а в дополнении к словарю Даля его научный

редактор академик И. А. Бодуэн де Куртенэ приводит такой пример: «“Черная сотня” — явление, несомненно, паразитарное, и поэтому мы вправе ожидать в нем атрофию многих человеческих признаков и, напротив, усиленное развитие других». Как видим, для И. А. Бодуэна де Куртенэ была очевидной параллель между паразитизмом биологическим и духовным, социальным. Этим же термином широко пользовался К. Маркс, гневно обличавший «паразитические классы», «паразитический» (т. е. не промышленный, а финансовый) капитал и так далее. Насколько правомерны были его обличения — вопрос особый. История не высказалась в их пользу, но не будем сейчас на этом останавливаться. Нас интересует другое: откуда взялся термин *паразит* — ясно, но почему он так решительно вошел в бытовой и даже приземленный язык?

И здесь объяснение надо искать в истории. Октябрьский переворот был совершен последователями Маркса, спроектирован по марксистским лекалам, и создание нового общества было задумано по Марксу. Естественно, большевики изъяснялись марксистской лексикой, и неудивительно, что ее термины и обороты широко проникли в народную речь. Язык газеты, митинга и плаката стал символом нового общества и образцом для подражания. Одним из самых значимых новых слов и стало *паразит*. Впрочем, есть и еще один источник его проникновения в общую лексику. Животные-паразиты, как известно, представляют большую опасность — и тем, что отсасывают кровь и питательные вещества из организма, изнуряют его, и тем, что переносят инфекцию. Одним из страшных бедствий времен революции стала, как известно, эпидемия сыпного тифа, которую переносят вши. Ленин даже как-то раз объявил: «Или вошь побеждает революцию, или революция — вошь». А как велась с ней борьба? Помимо прожарок одежды, стрижки наголо большое значение придавалось санитарной пропаганде, когда тысячи врачей-лекторов и десятки брошюр объясняли населению вредность *паразитов* и способы борьбы с ними.

Вот так в массовом сознании и утвердилась мысль о том, что *паразиты* — никогда, паразит — это тот, кто подобен свергнутым классам или вредоносным, подлежащим истреблению насекомым. А у языка тоталитарного общества есть особенность, которая называется ослаблением смысловой компоненты. Что это значит? В каждом слове присутствует два начала: смысл и оценка. Смысл — это то, что связывает слово и названный им предмет. Таких связей обычно существует очень много; иногда они выглядят противоречащими

друг другу. Например, *победитель при Аустерлице и побежденный при Ватерлоо* относится к одному и тому же человеку, наделенному одним именем — Наполеон Бонапарт. Оценочный же компонент выражает отношение говорящего к предмету и событию. Слово *сладкий* имеет скорее положительный оценочный компонент, а *слащавый и приторный* — отрицательный. И в тоталитарном языке слова нередко теряли свои смыслы и связь с означаемым предметом. Если Вам, читатель, за сорок или больше, то Вы можете помнить прессу застойного периода. В ней не было недостатка в таких определениях, как *прогрессивный и реакционный, народный и антинародный*. Но, если вспомнить, что прогрессивным и народным считался, к примеру, режим центрально-африканского диктатора-людоеда (в прямом смысле этого слова!) Жозефа Бокассы, то становится ясным, что все эти слова употреблялись не в общепринятом значении этого слова. Они не выражали ни *смысла* — тех черт, которые действительно связаны с этими словами, ни *значения* — не указывали на предмет, обладающий данными чертами. Они обозначали только *оценку* предмета. *Прогрессивный и народный* означало ‘одобряемый официальной советской пропагандой’. Когда менялись оценки — менялись и эпитеты. Такие политики и деятели культуры, как Берtrand Рассел, Махатма Ганди, Джон Кеннеди, в разное время по-разному оценивались нашим руководством и соответственно превращались то в реакционных, то в прогрессивных.

Язык низов общества очень близок к тоталитарному языку, недаром тоталитаризм черпает поддержку именно среди люмпенов. Сознание человека, не пропитанного ни традиционной, ни духовной культурой, склонно упрощать мир и делить его на своих и чужих. И замена смысла слова его оценкой находит в его душе самый живой отклик. Поэтому слово *паразит* стало значить просто ‘некохорший человек’. Когда злобная баба из одного рассказа И. Грековой бурчала на своих соседей по коммуналке: «Во паразитство! И ночью спокою нет. Тыр да тыр. Днем дрыхнут, а ночью вырят (болтают. — К. К.). Все как не у людей», — она не вспоминала ни героя новой аттической комедии, ни санпросветскую пропаганду, ни марксистские постулаты. Она просто выражала неодобрение доступными ей средствами.

Элемент

Повесть А. Гайдара «РВС» заканчивается тем, что бойцы красноармейцы выдают главному герою — мальчику по кличке Жиган — справку такого содержания: «Есть он, Жиган, не шантрапа и не шарлыган, а элемент, на деле доказавший свою революционную сознательность». Как видим, творцы этого документа не отличались высокой культурой речи. Откуда же в их языке появилось мудреное словечко «элемент»? Ведь это — отнюдь не художественный вымысел: стоит обратиться к любому документу времен Октябрьского переворота, и слово *элемент* бросится в глаза: мелкобуржуазный, пролетарский, кулацкий и т. д. Однако это значение слова *элемент* оказалось не слишком устойчивым. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова при перечислении 8 главных значений слова на первом месте приводится: «Составная часть чего-н... Классовые элементы общества. Меньшевизм — это тактика полубуржуазных элементов пролетариата (Сталин)». А вот в более позднем словаре С. И. Ожегова *элемент* для обозначения человека или общественной группы даже не упоминается. В языке есть своя «изменчивая мода», и мода на сведение человека к элементу ушла в прошлое вместе с ее зловещим законодателем, процитированным в словаре Ушакова. И в современном русском языке такое употребление слова вновь стало тем, чем оно было изначально — вульгаризмом.

А вот что говорит об *элементе* лексикограф, живший задолго до революционных катаклизмов: «Элементъ м., [нем. Element от лат. *elementum*, составл. из названий букв L M N]... начало, основа, стихия, простое, несложное вещество». Все эти значения существуют в русском языке, слово *элемент* действительно заимствовано из латинского языка через немецкий (известно в русском языке с XVIII в.). А вот причем здесь латинские буквы? Дело в том, что в древнем латинском алфавите не было буквы J, она появилась впервые во Франции в XVI в. Таким образом, буквы L, M, N начинали в алфавите второй десяток. И в том, что они стали обозначать именно *элемент*, *первоначало*, *первооснову*, видится глубокий символический смысл. Первый десяток букв ассоциировался с наблюдаемым миром, находящимся перед глазами, второй десяток — с умопостигаемым, лежащим в основе наблюдаемого, первичным. L, M, N — первоначало этого мира.

Но за первоначалом-элементом скрывались различные понятия. Сами римляне не создавали философских и космогонических си-

стем: они воспринимали философские достижения древних греков. В I в. до н. э. в Риме была опубликована большая поэма «О природе вещей», написанная Титом Лукрецием Каром. В звучных стихах Лукреций излагал так называемую атомистическую теорию — создание великих древнегреческих философов Демокрита и Эпикура. Они предполагали, что весь мир состоит из мельчайших, неделимых далее частиц — атомов (от греч. *ἄτομος* ‘неделимый’). Атомы имеют разную величину и форму, чем и объясняется разнообразие мира. Для перевода греческого *ἄτομος* Лукреций использовал разные слова, в том числе и *elementum*. Но гениальная идея Демокрита и Эпикура разделялась не всеми античными учеными. Знаменитый Аристотель полагал, что всякое вещество делимо до бесконечности. Но идея о существовании первоначал, к которым сводимы все природные тела, была ему близка. Эту роль он отводил не частицам, а свойствам, которых насчитал четыре: холода / тепло и влага / сухость. Опираясь на старинное разделение всего сущего на воду, огонь, землю и воздух, Аристотель определял воду как холодную и влажную, огонь — горячий и сухой, землю — холодную и сухую, воздух — горячий и влажный. И римские последователи Аристотеля называли словом *elementum* именно эти первоначала, образованные аристотелевыми свойствами. Этому имени была суждена долгая и плодотворная жизнь в науке. Средневековые алхимики полагали, что, изменяя в предмете-элементе отдельные свойства, они могут создавать новые элементы. На этом и основывалась их вера в возможность превратить свинец в золото. Как хорошо известно, огромный материал, накопленный алхимиками, лег в основу науки химии. Благодаря трудам голландца А. Ван Гельмонта, англичанина Дж. Дальтона было твердо установлено, что существуют вещества сложные, т. е. разложимые на более простые, и простые, химическими методами далее не разложимые, служащие строительным материалом для первых. Простые вещества и были названы словом *элемент* как химические первоначала.

Успехи химии и физики в XIX в. привели к тому, что другие науки, в том числе изучающие общество, стали ориентироваться именно на них. Так возникла механистическая картина мира. Общество представлялось тогдашним социологам (особенно марксистам) чем-то вроде химической лаборатории, общественная жизнь — взаимодействием различных классов, аналогичных химическим элементам.

Марксистская пропаганда и здесь привела к тому, что научный термин стал достоянием малообразованных масс. Естественно, в их представлении он огрубился до пародии; взгляд на человека как на

подобие химического элемента один из героев романа Ю. Трифонова «Старик» довел до абсурда; каждому своему знакомому и сослуживцу он давал примерно такую характеристику: «В тебе двадцать процентов мелкобуржуазной стихии, тридцать — крестьянской и только пятьдесят — истинно пролетарской». И вот такой подход к человеку лег в основу не декларируемого, а подлинного советского образа жизни. От признания человека элементом недалек путь к знаменитым сталинским винтикам. Элементы могут быть ядовитыми и подлежат устраниению — то же относится к людям и целым общественным группам. Как видим, слово оказалось довольно примечательным. В его истории отразилось очень многое — от зачатков естественнонаучных знаний у древних римлян до характеристики и самохарактеристики социалистического строя.

Стихия

Вот еще одно слово, пришедшее к нам из античности, на этот раз — от древних греков, и получившее широкое распространение в недавнее время. Выступления ораторов ленинской школы полны рассуждений о крестьянской, мелкобуржуазной и прочих стихиях, которым надо противопоставить железную пролетарскую волю. В «Похождениях солдата Чонкина» Вл. Войновича секретарь райкома в ответ на сообщение о стихийном митинге чеканит колхозному партторгу: «Стихией, товарищ Килин, надо управлять!» Но это слово встречается не только в политической речи. Вспомним поэзию:

Шуми, шуми, свободная стихия
(Пушкин);

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
(Я. Полонский)

Как видим, здесь стихия не выступает как нечто враждебное или допускающее волевое управление собой. Стихия — это могучая, всеобъемлющая сущность, не только не подконтрольная человеческой

душе, но, напротив, подчиняющая ее себе; она может умнротворить или всколыхнуть душу.

А что понимали под стихией древние греки? В греческом языке слово *στοιχεῖον* произведено от глагола *στείχω* ‘шагать’ (одного корня с русским *до-стигать, стезя*). Оно означало ‘шаг, отрезок пути, часть ряда’, а также ‘тень от стрелки солнечных часов’ (которая для наблюдателя как бы шагает, перескакивая с одного деления циферблата на другое). Кроме этого, метафорически *στοιχεῖον* стало означать ‘буква алфавита’ и ‘звук речи’ как первоэлемент языка, а также первоначало всякой материи. Имя *στοιχεῖον* получили четыре первоэлемента, о которых речь шла выше: огонь, вода, земля и воздух. Эти наиболее простые основы жизни представлялись хаотичными, живущими по своим собственным законам, непредсказуемыми. Такие выражения, как ‘мирная стихия’ и ‘стихийное бедствие’, зародились именно в античности. Судя по всему, и Демокрит называл мельчайшие частицы вещества не только *ἄτομος*, но и *στοιχεῖον*. Кстати, обратим внимание на то, что одно слово обозначало и ‘звук’, и ‘частицу, первоэлемент’. Аналогия здесь вполне понятна: как речь строится из звуков, так и вещество — из атомов-стихий. Профессор О. С. Широков, чьи мысли неоднократно здесь упоминались, как-то высказал интереснейшее предположение. Греческий алфавит был уникальным в ряду современных ему: только в нем каждомуциальному звуку соответствовала отдельная буква. В более ранних письменностях знак обозначал отдельное слово (иероглифическая письменность) или отдельный слог. В финикийском алфавите, откуда греки заимствовали начертание и звучание большинства букв, нет знаков для гласных звуков. Изобретя букву для каждого звука, греки создали наиболее совершенный алфавит, так называемый фонологический, который в модификациях, именуемых латиницей и кириллицей, распространился по всему свету и вытеснил большинство других. Именно фонологический алфавит представил язык как структуру, состоящую из небольшого набора элементарных единиц. Отсюда оставался только один шаг до нахождения мельчайших частиц, из которых создан наш мир. И, по мнению О. С. Широкова, именно греческий алфавит и подсказал Демокриту его открытие. Иными словами, атомная теория, одно из величайших достижений античной философии, определена строением языка и строением алфавита. Нелишне вспомнить, что от глагола *στείχω*, лежащего в основе *στοιχεῖον*, образовано существительное *στίχος*, означающее ‘ряд’, а также ‘стих, стихотворная строка’.

Но все-таки слово *стюхей* применялось чаще не к атому, а к «первоэлементу». Поэтому в науке оно не удержалось (исчезло вместе с представлением о четырех первоэлементах), перейдя путем метафоры в речь поэтическую и отчасти бытовую. Стихией стала называться всеохватная и плохо структурированная субстанция, чье поведение невозможно предугадать: воздушная, водная, земная стихия. Именно такой стихией представляется многим человеческое общество.

Отношение же коммунистов к стихии определялось их общим миропониманием. По их мнению, Маркс и Ленин дали им универсальные средства не только познания мира, но и управления им. Как говорил товарищ Сталин, «нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики», и, как пелось в популярной песне:

Мы все добудем, узнаем, откроем —
Холодный полюс и свод голубой!

(В. Лебедев-Кумач)

Поэтому стихия с ее непредсказуемостью представлялась им враждебной силой, подлежащей усмирению и обузданию. Кстати сказать, эта установка проникла в марксистскую идеологию необычайно глубоко. Выдающийся математик и философ В. В. Налимов (1910—1997) рассказал в своих воспоминаниях [Налимов 1995], с какими трудностями он встретился, защищая в 1955 г. диссертацию, посвященную статистическим методам в химии. Его работа основывалась на вероятности, т. е. случайности разных состояний вещества. Но в то время господствовал лозунг, провозглашенный печально известным Т. Д. Лысенко: «Наука — враг случайности». Понадобилось вмешательство нескольких авторитетных академиков, чтобы В. В. Налимов мог все-таки защититься. Другому гиганту науки — упоминавшемуся здесь биологу А. А. Любашеву — тоже было очень трудно публиковать свои работы, посвященные статистике в биологии и агрономии. Они выходили частично за границей, частично после смерти автора. Вражда ко всему случайному, вероятностному, стихийному — важнейшая составляющая коммунистической идеологии. Большевику кажется, что мир — как природный, так и человеческий — плосок, одномерен и поддается сознательному воздействию самыми простыми методами. Это убеждение лежало в основе как теории построения социализма, так и в лысенковщине — теории переделки природы. Результаты всем известны.

Бригада

История этого слова изучена достаточно хорошо. Оно впервые появилось в русском языке в начале XVIII в., в письмах петровского сподвижника князя А. Б. Куракина, и стало обозначать воинское соединение (2—3 полка). Командир бригады получил при Петре I чин генерал-бригадира (младший генеральский чин). После известной комедии Д. И. Фонвизина это воинское звание стало ассоциироваться с тупостью и солдафонством. И Павел I его отменил — отчасти потому, что он вообще ориентировался на прусскую армию, где такого чина не было, отчасти потому, что само слово стало несколько одиозным.

Задимствовано же слово *бригада* из французского языка (*brigade* — ‘бригада, команда, отряд’, также ‘строительная артель’). В него оно пришло из итальянского, где есть глагол *brigare* ‘домогаться, хлопотать, делать сообща’. Он происходит из существительного *briga* ‘спор, ссора, хлопотливое дело’; от него же образовано другое существительное — *brigata* ‘группа, толпа, команда’, т. е. сообщество людей, призванных завершить хлопотливое дело, решить проблемы. Из итальянского слово *brigata* было задимствовано сначала в испанский, где *-t-* в соответствии с законами этого языка, превратилось в *-d-*, из него — во французский и уже оттуда распространилось по всему миру, достигнув и нашего родного языка. В самом же итальянском оно появилось, по-видимому, от северных соседей Рима — знаменных галлов, населявших Францию и Северную Италию. Галлы говорили на языке кельтской группы; в одном из современных кельтских языков — ирландском — известно слово *brig* ‘сила, доблесть’. Это древнее индоевропейское слово, содержащее корень **bhergh-* ‘высота, крепость’; сравните немецкое *Berg* ‘гора’, *Burg* ‘город, крепость’, санскритское *br̥hāmī* ‘возвышенный, могучий’, да и русское *берег*. Берег всегда возвышается над рекой, поэтому он и был назван с помощью слова со значением ‘высокий’. От ирландского *brig* происходят и названия боевых кораблей — *бриг*, *бригантина*.

Чин бригадира был упразднен, но бригады в русской армии остались, поэтому само слово находилось в активном запасе языка. И вот после Октябрьского переворота, во время первых пятилеток оно неожиданно расширило свое значение: *бригадой* стали называть ‘коллектив, выполняющий производственное задание’. В словаре Д. Н. Ушакова это значение приводится с пометой *нов.* (т. е. «новое»). Но дело в том, что в этом значении в русском языке давно использовалось

слово *артель* (тоже нерусское по происхождению, заимствованное, по-видимому, из итальянского *artieri* ‘ремесленники’). Какая же была необходимость отказаться от старого слова? И тут надо вспомнить одну из важнейших черт советской речи 20—30 гг. Если предприятие не выполняло производственный план, это означало, что случился *прорыв*. В таком случае полагалось срочно завезти сырье — *подтянуть резервы*, рабочим и инженерам — работать сверхурочно, т. е. *мобилизовать ресурсы*. Это должно было привести к выполнению плана — *ликвидации прорыва*. Как видим, производственный язык оказался пронизан военной терминологией. И отряд рабочих, получивший единое задание, вместе с ним получил и имя воинского соединения — *бригада*. Более того. Слово *бригада* дало жизнь еще одному популярному слову. Дело в том, что в бою на отдельные бригады иногда возлагается особо ответственная задача — нанести главный удар по противнику. По-французски такая бригада именуется *brigade de choc*, что на русский было переведено дословно — ‘ударная бригада’. Военно-производственный язык пятилеток заимствовал и это выражение. Бригады, выполняющие особо важные задания, а затем — просто работающие лучше других, получили наименование *ударных*; соответственно, работающие в них стали называться *ударниками*, а труд, свойственный таким бригадам, — *ударным*.

Любопытно, что слово *артель* не пропало в советское время. После войны стали появляться организации, не входящие в тресты, главки и министерства, а работающие на прямых договорных началах — артели (интересующиеся могут прочесть о них в повести Ю. Карабчевского «Жизнь Александра Зильбера»). Такие артели были относительно самостоятельными производственными единицами. Они резко отличались от бригад — групп, организованных по военному принципу и, главное, по-военному же подчиненных вышестоящим организациям. Постепенно артели под давлением партийных и плановых органов ликвидировались, а бригады сохранились до распада Советского Союза. Это не случайно, как неслучайно и пристрастие советской речи к военной терминологии. Советская идеология представляла страну окруженней колыцем врагов и требовала от трудящихся военной дисциплины. Этим установкам и был подчинен выбор лексики.

* * *

Все рассмотренные в наших заметках слова не отличаются особой сложностью истории. Их происхождение в русском языке не требует длительных языковедческих изысканий — достаточно заглянуть в словарь иностранных слов. Но их бытие в языке по-своему очень поучительно: они запечатлели связь языка с разнообразной действительностью — научной и общественно-политической.

Все дело в том, что советская речь — продукт массового сознания. Вопрос о том, что такое массовое сознание и чем оно определяется, завел бы нас слишком далеко. Поэтому скажем вкратце: массовое сознание всегда более примитивно, чем индивидуальное. Оно больше опирается на стереотипы восприятия, чем на анализ явлений, больше придает значения оценкам, чем смыслам, и больше стремится действовать, чем размышлять. Наша задача сейчас скромнее — попробовать определить, какой тип языка соответствует массовому сознанию, в частности тому, которое сложилось в советское время³⁹.

Этот вопрос тесно связан со смыслом и значением слова, т. е. тем, как слово соответствует названному им предмету и понятию. Вот два, казалось бы, исключающих друг друга высказывания: «Гарри говорит, что только слова придают реальность вещам» [Уайльд 1988]; «Понятия ничего не говорят о реальной вещи» [Ортега-и-Гассет 1989]. Можно ли их примирить? На первый взгляд, это невозможно. Но только на первый. Ведь для человека вещь становится реальной только тогда, когда она названа. Любопытно, что само слово *вещь* содержит корень, обозначающий ‘голос, говорение’. Праславянскому *iesk-tis соответствует древнеиндийское *vivakti* ‘говорить’, латинское *vox* (*вокал*), греческое *έπος* ‘голос’. Название — приспособление предмета к говорящему и начало его познания. Но только начало. Слово называет предмет и понятие только по некоторым их признакам, а таких признаков бесконечное количество. Значит, называя предмет, мы еще не познаем его полностью, а только делаем доступным для нас. И тот, кто опирается только на слово, всегда рискует отойти от смысла вещи. Высказывание Уайльда справедливо с точки зрения человека, а Ортеги-и-Гассета — если можно так выразиться, с точки зрения вещи.

---

³⁹ Энциклопедией советских штампов можно назвать книгу Б. Сарнова «Наш советский новояз» (М.: Текст, 2002), где автор рассказывает о том, каким образом живой язык сопротивлялся назойливому официозу недавнего времени.

Массовое сознание обычно останавливается только на имени предмета или явления. Если ему дано название явления, оно ухватывается за него, не затрудняясь себя осмысливанием. Выйти же за пределы слова в познании — это уже индивидуальный творческий акт сознательного мышления. И когда революционные ораторы не к месту сыпали словом «элемент», они обращались именно к массовому сознанию.

Из сказанного ясно, что слово играет огромную роль именно в массовом сознании. Причем особое значение имеет оценочный компонент слова. Что ж, советская политическая пропаганда использовала это, как говорится, на все сто процентов. Слово совершенно утратило смысл и значение, заменив их на оценку. При этом словесная оболочка стала выражать подчас нечто противоположное явлению: поражение стало называться победой, застой — прогрессом, колониальная война — интернациональным долгом, «выборы» одного кандидата — торжеством демократии. Можно даже сказать, что словесная деятельность в советское время протекала по хорошо известной психологам схеме «стимул-реакция», где каждое значимое имя вызывало реакцию — вполне клишированный набор оценок, вытесняющий его смысл: капитализм — загнивающий и реакционный, социализм — передовой и прогрессивный. Слово, таким образом, совершенно разрушилось и из выразителя сущности предмета превратилось в ярлык. Впрочем, при желании можно было увидеть внутренний смысл и в этом ярлыке (так называемое чтение между строк): *прогрессивный режим* означало «просоветский», *реакционный* — «прозападный», *волеизъявление народа* — «левый переворот», а *мятеж реакции* — соответственно «правый переворот». В «Литературной газете» была рубрика «Времени вопреки», которую смело можно было расшифровать «Советской политике вопреки». И, когда Аугусто Пиночет, придя к власти, стал арестовывать коммунистов и других политических противников, это означало кровавые преступления фашизма (с чем трудно спорить!). Но, когда союзница СССР Индира Ганди в 1976 г. пошла на арест своих политических оппозиционеров, это преподносилось как «индийский народ идет по своему пути». К слову сказать, в Аргентине правил не менее жестокий, чем Пиночет, генерал Лоренцо Гальтиери, но в советские газеты не поступала информация о жертвах его режима, среди которых были и коммунисты. Причина проста — Аргентина была одним из главных продавцов хлеба.

Можно отметить еще одно правило чтения между строк. У советской пропаганды не хватало собственных идей, так что появился даже термин «контрпропаганда». На первый взгляд, он вполне бессмыслен:

какая может быть контрпропаганда в стране, где государственная пропаганда вполне монополизирована? Но главной целью советской политики было переделать весь мир, и одним из мощных орудий этой переделки было слово⁴⁰. Цель слова в «контрпропаганде» — изменить мир, превратив его в противоположность себе. Поэтому, когда президент США (1976—1981) Дж. Картер заговорил о правах человека, в газетах появилась рубрика «Правда о правах человека». Его преемник Р. Рейган объявил о борьбе с международным терроризмом — и раздалось в ответ «Тerrorизм: сделано в США». Кроме того, отечественная пропаганда последовательно валила с больной головы на здоровую: чем больше накапливалось внутренних проблем в жилищной политике, здравоохранении и т. д., тем больше говорилось об аналогичных проблемах в капиталистическом мире.

Утрачивая смысл, слово усилило другую свою функцию — побудительную. Каждый эпитет, прилагаемый к человеку или явлению, указывал только и исключительно на отношение к нему со стороны власти. Если человек назывался большим писателем (ученым, общественным деятелем), то это означало только меру его возможностей в получении привилегий, наград, премий. Ценился стал не труд, а только репутация. Народный язык отреагировал на это тем, что у слов *трудяга*, *работяга* появился иронический оттенок.

Целью человека стал не подлинный результат труда, а «вхождение в обойму», дающую право на привилегии. Оно было обеспечено словом, и выбить из обоймы тоже могло только слово. Человек мог провалить работу, но считаться при этом отличным работником, если он представлял удовлетворительный отчет и притом его отчет соответствовал целям руководства, которое, в свою очередь, было заинтересовано отрапортовать более высоким инстанциям об успехах и достижениях.

Слово раскололо мир. С одной стороны, существовала реальность, жившая по своим законам, с другой — та система, которую в годы перестройки называли административно-командной и которая старалась навязать свои смыслы миру, с третьей — слово, которое должно было связать эти смыслы с реальностью, внедрить их в нее.

---

⁴⁰ Разумеется, широко практиковались и несловесные способы перекраинки мира. На мой взгляд, лучше всего они описаны в серии книг Виктора Суворова, особенно в «Последней республике» (М.: Аст-пресс, 1995), где очень убедительно реконструирован сталинский план захвата всего мира. В недавней книге того же автора «Кузькина мать» (М., 2012) показано, как и почему Хрущев пытался продолжить дело Сталина и к чему в конечном итоге привел провал его попытки.

Неудивительно, что в таких условиях слово приобрело магическую силу. Чтобы понять, как это произошло, нам надо обратиться к такому запутанному понятию, как миф. В бытовом языке *миф* имеет два главных значения: 1) ‘древние рассказы о богах и вымышленных героях’; 2) ‘вымысел, ложь’. Но оба этих значения никак не объясняют той огромной роли, которую миф сыграл в истории человечества. Все народы прошли через стадию мифотворчества — неужели из-за любви к вымыслу?

Сразу скажем: миф — это определенный стереотип сознания, по преимуществу массового. И заключается он в отсутствии рефлексии: смысл, воплощенный в мифе, принимается без спора и возражения, как данность. Миф — это и есть та самая идея, которая, по Марксу, становится материальной силой, когда овладевает массами. Выдающийся французский философ Ролан Барт в этой связи говорил, что миф не связан тесно с его материальным носителем. «Мифология может найти свое основание только в истории, так как миф — это слово, избранное историей: он не может возникнуть из природы вещей» [Барт 1989: 78; 1996] (под историей здесь подразумевается традиция). Слово состоит из означаемого и означающего: означаемое — это предмет и понятие, на которое указывает слово, а означающее — звуки и морфемы слова, выражающие его смысл⁴¹. В мифе означающее и означаемое слиты воедино, так как говорящий не стремится их разделять. За ними видно другое, более глубокое означаемое. С собственным же смыслом слова миф может не быть связан. Р. Барт в той же работе приводит пример. В журнале напечатана картинка: африканец отдает честь развевающемуся французскому флагу. Этой иллюстрации приписан смысл, прямо никак из нее не вытекающий: «величие Франции». По мнению Барта, этот рисунок — не символ, так как он «слишком простодушен, жизненен» [Барт 1989: 80—83]. Но здесь надо вспомнить ту трактовку символа и мифа, которую предложил А. Ф. Лосев. По Лосеву, главный признак символа — это бесконечность его смыслов и значений [Лосев 1976] (что можно видеть и в примере Р. Барта). Различие же двух понятий в том, что всякий миф — символ, но не всякий символ — миф. Для мифа главное — это непосредственность его восприятия. «Все, феноменально и условно трактованное... становится в мифе действительностью в буквальном смысле слова, т. е. действительными событиями» [Лосев 1982: 444]. Иными словами, пример Барта можно рассматривать как миф тогда, когда есть зритель,

⁴¹ Например, в слове *лошадь* означающее — набор фонем <лошад’>, означаемое — «животное вида Equus caballus, пригодное для перевозок и т. д.».

воспринимающий рисунок непосредственно, воодушевленный им как истинным доказательством моши Франции.

Итак, для мифа характерны следующие черты: а) единство означаемого и означающего: любой знак воспринимается как бесспорный и не подвергается анализу и рефлексии; нельзя сказать, что миф воспринимается как истина, — принимающий его даже не задумывается о том, что миф может быть ложным; б) миф упрощает мир: он выделяет в нем только значимые, с его точки зрения, черты, опуская малозначащие; действительность всегда сложнее мифа; поэтому миф в) с одной стороны, не знает оттенков и полутоонов, с другой — четко разграничивает мир по принципу «свой-чужой»; чужим, в частности, становится всякий, не принимающий мифа; г) миф можно назвать единством теории и практики: поскольку слово и реальность едины, постольку мир должен соответствовать мифологическим представлениям. И если этого нет, миф побуждает своего носителя переделывать мир, перекраивать его по мифологическому лекалу. А. Ф. Лосев в специальном труде, после сотни страниц разъяснения того, чем миф не является, дал ему такое определение: «Миф — это развернутая магическая история имени» [Лосев 1990: 257]. Здесь каждое слово полно глубокого смысла: исток мифа — имя, несущее смысл и значение; история имени — связь с традицией, в которой существует имя-миф; развернутая — потому что миф с его бесконечной смысловой областью, переживаемой непосредственно, дает ощущение полноты бытия; магическая — потому что миф не знает рефлексии⁴².

Все изложенное составляет, так сказать, костяк мифа. Все остальные его черты менее существенны: миф может быть созидательным или разрушительным, соответствовать или полностью не соответствовать реальности. Мифотворчество — это самый действенный способ вносить идеи в массы, минуя контроль сознания. И язык советского общества — это грандиозная попытка мифотворчества. Все три рассмотренных нами слова — «Паразит», «Элемент», «Стихия», попав в общественно-политический язык советского общества, получили сильный мифологический заряд.

---

⁴² Самая простая модель мифа такова. Представим себе, что кто-то в толпе закричит: «Пожар!» Скорее всего, люди не будут размышлять об истинности или ложности этого сообщения. В слове *пожар* они переживают его дополнительный смысл — «гибель, разрушение». И это слово превратится для них в руководство к действию, т. е. к попыткам спастись, что приведет к панике и метаниям.

ДОПОЛНЕНИЯ

Об одном четверостишии у Тютчева

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

(1860 г.)

Первые две строчки этого стихотворения давно превратились в пословицу. Действительно, пустив слово в мир, никто не может полностью отвечать за его судьбу; как говорил римский поэт Теренциан Мавр, *pro captu lectoris habent sua fata libelli* ‘В зависимости от восприятия читателя, книги имеют свою судьбу’. Тютчев много размышлял о невысказанном: бессилию слова посвящено его стихотворение «*Silentium!*», величию невысказанного и умопостигаемого — «Умом Россию не понять...», отчасти и «Оратор».

Но мысль Тютчева только к одному этому не сводится. Самого пристального внимания заслуживают слова *сочувствие* и *благодать*. Первое из них здесь не имеет того значения, которое ему дают обычно словари: ‘жалость, сострадание’. Тютчев взял его в исключительном, этимологическом смысле: *со-чувствие*, т. е. ‘совместное чувствование’. Это более глубокое понятие, чем синонимичное ему *согласие*. *Сочувствие* в таком понимании обозначает не только совпадение мнений, не только внешнее, но также и внутреннее душевное единение людей — единство в чувствах. Оно не может быть вызвано только внешними стимулами. Последняя строка объясняет, как люди могут достичь сочувствия. Ибо *благодать* здесь тоже отличается от общепринятого значения этого слова: ‘блаженство, радость, удовольствие’. У Тютчева это слово скорее означает ‘подарок блага’ (*благо-дать*). Мы уже знаем, что в современном русском языке *благо* означает ‘добро для всего человечества’. Но значение этого слова в контексте еще глубже. Оно подводит нас к философии Платона. В ней существовала особая категория: Единое, оно же Благо. Это — высшая сила и высший принцип, лежащий в основе мироздания и управляющий им. Единое-Благо порождает вечные, вневременные идеи; для человека же идеи

воплощаются в бренных вещах. Но, помимо смертиного тела, человеку дана еще и душа, несущая на себе отпечаток Блага и могущая к нему приблизиться.

Тютчев был глубоким знатоком философии, превосходно знал и учение Платона, которое и отразилось в слове *благодать*. Итак, что же он имел в виду? Человек не властен в своем слове. Слово само по себе не может проникнуть в суть вещей. Постичь ее — вообще не в воле человека. И только совместное приобщение к высшей воле, подчинение ей своего разума позволяет человечеству преодолеть сло-весную оболочку и выйти к глубинным смыслам мира. И тогда люди достигают *сочувствия* как совместного чувства и *благодати* как дара божества. Божество же понимается не столько как персонифицированная сила, сколько как Высший смысл мира.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Поскольку данная книга прежде всего посвящена вопросам эти-мологии, полезно показать читателям основной инструментарий этой науки. Я ставлю своей задачей не описать полностью историческую фонетику русского языка, а только указать на основные соответствия славянских языков с другими индоевропейскими и на основные изменения звуков, произошедшие в славянских и русском языках.

I. Фонетические таблицы:

1. Глухие согласные

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
п	р	π	р	f/b	р	θ	h(θ), w	р	*p
т	t	τ	t	p/d	t	t/th	t'	t	*t
с	ś	χ	c	h/g	š	c	c	th	*k
к ч ц	k/c	π' τ (x)	qu	hv/g	k	c	k'	k/c	*k ^u

2. Звонкие согласные

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
б	b	β	b	p	b	b	p	b	*b
д	d	δ	d	t	d	d	t	d	*d
з	j	γ	g	k	ž	g	c	dh	*g
г	g	β/δ (γ)	gu/u	q	g	b	k	g/z	*g ^u

3. Звонкие придыхательные согласные

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
б	bh	φ	f/b	b	b	b	b/w	b	*bh
д	dh	θ	f/d/b	d	d	d	d	d	*dh
г з	gh/h	χ	h/g	g	g/ž	g	g/j	g/d/ dh	*gh
г ж з	gh/h	φ/θ (χ)	f/gu/u	hv/g/w	g	g	g/j	g/z/x	*g ^u h

4. Гласные

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
е	a (e)	ε	ε	i	e	e	e	je/e	*e
о	a (o)	ο	ο	a	a	o	o	a	*o
ɔ	a	α	α	a	a	a	a	a	*a
ɛ	ā	η	ɛ	i	é	i	i	o	*ɛ
ɑ	ā	ω	ō	a	uo/o	a	u	e	*ō
ɑ	ā	a/η	ā	a	o	a	a	o	*ā

5. Неслоговые сонанты

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
р	r	ρ	r	r	r	r	r	r	*r
л	r/l	λ	l	l	l	l	l	l	*l
м	m	μ	m	m	m	m	m	m	*m
н	n	ν	n	n	n	n	n	n	*n
й (и)	y	'/χ, ο	i	j	j	ο	j	z/j	*r
в	v	f > ο	v/u	w	v	f	v/g	v	*l

6. Слоговые сонанты

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
ръ, рь	г	αρ, ρα	or	ur	ir, ur	ri	ar	ar	*г
ль, ль	г/л	αλ, λα	ol	ul	il, ul	li	al	al	*l
ѧ (ъ, ьн)	а	α (αν)	em	um	im, um	em, im	am	am	*m
ѧ (ъ)	а	α (αν)	en	un	in, un	en, in	an	an	*n
ъ	i	ι	i	i	i	i	i/ə	i	*i
ъ	u	υ	u	u	u	u	u/ow	u	*u
и	ī	î	ī	ei	y	i	i/o	i	*ī
ы	ū	û	ū	u	ū	u	u/ow	u	*ū

7. Дифтонги

Слав.	Др.-инд.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Др.-ирл.	Арм.	Алб.	И.-е.
и, ъ	ε	ει	ei > ī	ei	ei	ei/ ia	e/i	i	*ei
ъ	ε	οι	oi > u/oe	ai	ai	ai/ae/ oi/oe	e/i	e	*oi
ъ	ε	αι	ai > ae	ai	ai	ai/ae/ oi/oe	Ay	e	*ai
ю (ioy)	ο	ευ	eu > ū	iu	jau	o/ua	Oy	u	*eu
оу (ov)	ο	ου	ou > ū	au	au	o/ua	Oy	a	*ou
оу (ov)	ο	αυ	au	au	au	o/ua	Aw	a/ve	*au
ѧ	an	εν	en	in	en	en	En	jen	*en
ъ	an	ον	on	an	an	an	On	an	*on

II. Основные фонетические законы славянских языков.

1. Общеиндоевропейские *a и o слились в праславянском в a. Долгое a сохранило свое звучание, краткое a перешло в [o]. Этот процесс происходил в V—VI вв. н. э. О времени свидетельствует византийская передача славянского имени: Περαγάστης = Пирогощь.

2. Первая палатализация: изменение *k > [ч], *g > [ж], *x > [ш] перед гласными переднего ряда и, ъ, ъ, е: бокъ → бочъкъ, богъ → божъкъ, смѣхъ → смѣшъкъ. В славянских языках было несколько суффиксов,

начинавшихся со звука *i; поэтому первая палатализация часто развивалась на стыке корня и суффикса.

3. Закон открытых слогов: в праславянский период стали недопустимыми закрытые слоги, т. е. слоги, заканчивающиеся на согласный. Все слоги могли оканчиваться только на гласный. Следствием этого закона явились: а) монофтонгизация дифтонгов — превращение двухгласных в одинарные гласные (*ei, *oi, *ai > ё, *eu > ю, *ou, *au > oy, *en > я, *on > я); б) отпадение конечных согласных: и.-е. *ulk*os > праслав. *vulkij* > ц.-слав. *влькъ*, др.-русск. *вълкъ*.

4. Вторая палатализация: в период действия закона открытых слогов перед новыми ё, я, возникшими из дифтонгов, заднеязычные согласные превращались в ассимиляты: [k] > [ц], [г] > [з], [х] > [с]. Ср. *влькъ* → *вльци*, *богъ* → *бози*, *грѣхъ* → *грѣси*. Основы имен в склонении затем выровнялись по аналогии, поэтому результаты второй палатализации в современном русском языке не столь очевидны, как результаты первой палатализации. Они выявляются этимологическим анализом: *цѣна* — лит. *káina*, *цѣль* — нем. *heil* ‘здоровый’.

5. Судьба *or, *ol. В русском языке хорошо известны так называемые полногласные и неполногласные дублеты: *город* — *град*, *холод* — *хлад*, *берег* — *брег*, *молоко* — *млеко*. Полногласные слова — исконно русские, неполногласные заимствованы из старославянского языка. Такие сочетания звуков происходят из праславянских *or, *ol, *er, *el. В праславянском языке соответствующие слова звучали как *gordъ, *xoldъ, *bergъ, *melko. Ср. венгерское *szarka* ‘сорока’, заимствованное из общеславянского *sarka в IX в. н. э. В начале слова *or, *ol правращалось в *ra*, *la* в старославянском, *ро*, *ло* в русском: *рабъ*, но *хлебо-роб*, *ладия*, но *лодка*.

6. Падение редуцированных гласных. Этот процесс произошел по отдельности в каждом славянском языке, но по общим закономерностям. Редуцированные гласные ё, ь звучали как краткое [и, і] соответственно. Это доказывается заимствованиями из славянских в соседние языки. Так, финское *lusikka* ‘ложка’ показывает исконное звучание слав. *льжъка*. Но начиная приблизительно с XII в. редуцированные гласные изменяются по так называемому правилу Гавлика, о котором речь шла в статье «Жесткость. Жестокость».

ЗНАЧЕНИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА

(для тех, кто прочитал книгу до этих строк)

В предисловии речь шла об основаниях науки этимологии. Но в статьях, посвященных отдельным словам, больше внимания было уделено изменению семантики слов, т. е. их значения. Как может убедиться читатель, эти изменения порой бывают очень прихотливы. Существуют ли вообще какие-нибудь закономерности в семантических переменах? Найти их нелегко. В. И. Абаев как-то со свойственной ему афористической меткостью сказал: «Семантика — дама капризная. Ей присущи черты “женской логики”» [Абаев 1986: 21]. Попробуем сначала выяснить, каким образом слово может что-то выражать.

Для начала — несколько трюизмов. Всякое слово — это знак. Знак же можно определить таким образом: это условная связь между означаемым и означающим. Как мы говорили, означающее знака — это, так сказать, его тело, его материальное воплощение, а означаемое — то, что он выражает. Наконец, условная связь предполагает, что есть объединение людей, признающих эту связь. В самом огрубленном виде знак — это договор, заключенный группой людей, о том, что какому-то предмету будет соответствовать только ему присущий смысл. Знак не мыслим без знаковой системы, т. е. группы подобных ему знаков. Скажем, белая полоса в красном круге сама по себе не значит ничего. Но, будучи включенной в систему дорожных знаков, она приобретает значение, т. е. связывается со смыслом ‘предезд запрещен’. Знак живет до тех пор, пока существует коллектив, признавший его знаком.

Слово же отличается от других знаков тем, что в нем, помимо означающего и означаемого, присутствует еще один компонент — смысл, т. е. понятие, с помощью которого звуковая оболочка связывается с предметом. И в слове заключено множество смыслов. Именно поэтому слово может быть многозначным, экспрессивным, выражать разные оценки. Иногда одному и тому же значению соответствуют разные смыслы. Вскоре после захода солнца и незадолго до его восхода на небе появляется яркая звездочка. В глубокой древности люди думали, что это два разных небесных тела и называли их *Вечерняя звезда* и *Утренняя звезда*. Но астрономы давно установили, что это одно и то же — планета Венера. Разные смыслы слова соответствуют разным свойствам обозначаемого им предмета и главное — разным представлениям людей о нем. Таких свойств и представлений может

быть бесконечное количество, поэтому каждое слово обладает потенциально бесконечным количеством смыслов. Ну а когда эта бесконечность становится актуальной, слово, как мы знаем, превращается в символ.

Культуролог и литературовед В. П. Руднев в цикле своих исследований о слове и знаке приходит к неожиданному выводу: слово и текст меняют направление времени [Руднев 1997]. Свою мысль В. Руднев поясняет с помощью физического понятия энтропии, т. е. меры беспорядка и хаоса. И один из фундаментальных законов теоретической физики именуется законом возрастания энтропии. Он гласит, что в предоставленной самой себе системе энтропия может со временем только увеличиваться⁴³. Увеличение энтропии — это разрушение и смерть. Но в тексте время течет иначе. Упорядоченность текста со временем не теряется; более того, текст обычно порождает новые тексты, которые вносят в культуру новую упорядоченность. За почти 200 лет изучения «Слова о полку Игореве» появилась огромная литература, объясняющая каждое слово; следовательно, мы сейчас в некотором смысле знаем о «Слове» больше, чем его автор. Иными словами, если физическое время движется к большей неупорядоченности, к возрастанию энтропии, то время текста и слова (как минимального текста) движется прямо в противоположном направлении — к увеличению упорядоченности. В этом новом времени возможно вторжение в прошлое: автор текста может внести в текст изменение, т. е. вернуться к истории его создания. Итак, с точки зрения В. П. Руднева, текст и слова формируют новый тип времени.

Что можно сказать по этому поводу? Интуитивно чувствуется, что время в литературном тексте течет действительно не так, как в окружающем мире. Так что идея об особом времени текста и слова очень привлекательна. Ее можно назвать открытием. Но так ли не подвержен энтропии текст? Представим себе, что мы оказались в средней Италии (провинция Тосקנה), в маленьком городке Монтепульчиано. Здесь нам встретилась такая надпись, высеченная на плите из песчаника: *tular*

---

⁴³ Понятие энтропии можно пояснить на простом примере. Представим себе мощный ураган, который может развалить каменную постройку, превратить ее в кучу камней. Камни в постройке определенным образом упорядочены, а в куче — валяются в беспорядке, т. е. энтропия возрастает. А может ли ветер так переместить камни, чтобы из них сам по себе сложился дом? Естественно, это практически невозможно. Дело в том, что энтропия возрастает сама по себе, а для ее преодоления требуются целенаправленные усилия.

*hilar nesl claruxies ein ser vl remzua clanc au latini cesu*⁴⁴. Написана она по-этрусски — на языке древних жителей Италии, чья культура оказалась большое влияние на Рим (по одной из гипотез, латинское письмо происходит именно из этруссского). Тексты на этруском языке могут быть прочтены, но понимаются с большим трудом. Вот и эта надпись может быть понята только приблизительно. В ней речь идет о том, что некий колонист нашел свое последнее пристанище и лежит в могиле. Для того чтобы установить хотя бы приблизительный (и часто спориваемый) смысл этой надписи⁴⁵, понадобился труд нескольких поколений ученых. Ведь этруски, попав под власть римлян, уже к началу новой эры оказались полностью ими ассилированы и забыли свой родной язык. Тем самым в сознании людей этруssкие тексты совершенно утратили связь с обозначавшейся ими реальностью, потеряли свою информативность. Это и есть энтропия текста. Причем этрусский язык — далеко не единственный из тех, что до сих пор не расшифрованы. От древних времен нам осталось несколько десятков письменностей, понятных еще меньше.

«Слово о полку Игореве», конечно, не подверглось такому разрушительному воздействию времени, но многие слова в нем остаются «темными», непонятными, т. е. мы можем сказать, что они подверглись энтропии. И большинство комментариев и исследований о «Слове» ставит целью хотя бы понять то, что было очевидно для автора текста, — что такое *харалужные* копья, что за *див* рыщет на верху дерева. Даже начало текста «Слова» дискуссионно: Пушкин полагал, что частица *ли* в нем означает не вопрос, а утверждение и переводил «Слово» так: «Не пристало нам, братья, начать старыми словами печальные повести о полку Игоря». Отдавая должное оригинальной гипотезе В. П. Руднева, мы все-таки вынуждены констатировать, что энтропия текста — такая же реальность, как и его упорядоченность. Слово разрушается, когда перестает адекватно пониматься.

Здесь возникает вопрос: а может ли время в тексте вообще течь в направлении, противоположном энтропии? Думаю, что может, но не тогда, когда текст обрастает комментариями, а когда он порождает определенную традицию, иными словами, когда его важные черты дублируются в текстах, возникающих позже. Когда Шекспир в англий-

---

⁴⁴ Corpus inscriptionum Etruscarum, 886; см. [Харсекин 1960: 60].

⁴⁵ Примерный перевод: «Границы жилища (или — последнее прибежище) усопшего, землевладельца (колониста); погребальная урна Авла Лагина, сына Вела Реммия».

ском языке, Пушкин, Грибоедов, Крылов в русском дали десятки пословиц — это увеличение упорядоченности в языковом континууме. Когда онегинская строфа заимствована Лермонтовым в «Тамбовской казнечайше» и Вяч. Ивановым в «Автобиографии», это тоже увеличение упорядоченности. Создание традиции — это путь в противоположном энтропии направлении, способствующий преодолению энтропии и самого текста.

Воронежский профессор А. А. Кретов в статье, посвященной звуковым чередованиям в русском языке, показал, что многие из них подчиняются нормам не нашего времени, а начала новой эры. Так, первая палатализация часто проявляется именно на стыке корня и суффикса. Сравните: *волк* — *волчок*⁴⁶ — *волчий*; *друг* — *дружок* — *дружеский*. Иными словами, чередование *к/ч*, *г/ж*, давно прекратившееся в русском языке, здесь остается таким же реальным, как в глубокой древности. Кретов назвал это явление «выпадением из времени». В качестве примера подобных же случаев он привел сохранение стариной русской крестьянской одежды у народного хора во время выступления или фрака на музыкантах и нобелевских лауреатах — одежды прошлого-позапрошлого веков, сохранившейся в наши дни в определенной ситуации и тем самым сузившей область своего употребления [Кретов 1998: 128—129]. Эта аналогия выглядит неожиданно (казалось бы, что общего между чередованием *к/ч*, *г/ж* в русском языке и фраком?), но представляется весьма уместной и объяснительной. Дело в том, что чередование согласных в русском языке всегда имеет определенное значение. Основы на *ч*, *ж* производны от основ на *к*, *г*. Чередование звуков здесь — это знак производности. А фрак на музыканте или нобелевском лауреате, кичка на певице из фольклорного ансамбля — это не просто сужение функции костюма, это ее качественное изменение. Костюм также приобретает здесь характер знака⁴⁷.

⁴⁶ Имеется в виду не детская игрушка, а *серенький волчок* из известной колыбельной песенки.

⁴⁷ Отметим в этой связи, что история фрака как типа одежды блестящие изложена Ю. М. Лотманом в его книге [Лотман 1994]. В XVII в. это была одежда для верховой езды. А поскольку постоянные прогулки верхом и игра в поло — это стиль жизни английского джентльмена-денди, в моду вошел и сюртук с узкими фалдами. И именно тогда он потерял свое функциональное назначение, поменяв его на знаковое: принадлежность к кругу общества, соответствие принятому в определенной ситуации стилю. В этом качестве он пребывает и до сих пор.

Оригинальную модель означивания слова, т. е. превращения набора звуков в знак, построил упоминавшийся нами В. В. Налимов. Согласно Налимову, существует некий информационный континуум, «семантический вакуум», содержащий все возможные смыслы⁴⁸. Языковой (как и любой другой) знак актуализует некоторые из этих смыслов, делает их очевидными и для производителя знака, и для его потребителя. Актуализация смыслов означает повышение вероятности их восприятия. И Налимов описывает ее с помощью центральной теоремы теории вероятности — теоремы Бейеса⁴⁹. В интерпретации В. В. Налимова роль катализатора смыслов играет любой текст (под которым подразумевается как набор знаков, так и единичный знак): воспринимающий выбирает набор смыслов из смыслового континуума. Формула Налимова выглядит так: $p(\mu/y) = kp(\mu)p(y/\mu)$, где p — вероятность, y — некоторая ситуация (точнее говоря, изменение ситуации), $p(y/\mu)$ — фильтр, регулирующий введение новых смыслов, а $p(\mu/y)$ — семантика нового текста [Налимов 1979; 1989: 196]. В. В. Налимов был склонен рассматривать семантический континуум как не зависящую от человека реальность. С нашей точки зрения, этот континуум не существует вне человеческой культуры, он представляет собой сумму знаний человечества и набор правил для порождения высказывания. Любое изменение ситуации порождает новые высказывания путем, описанным вероятностной моделью. Модель Налимова далека от каких-либо числовых воплощений (которые в применении к языку едва ли и возможны), но она помогает понять, каким образом слово может получить новые смыслы. И мы могли убедиться, как возрастает значимость слова в стиховом потоке, как в сочетании с иными словами и общим смыслом контекста оно становится семантически насыщенным.

Итак, означивание противоположно времени, это — самый эффективный способ борьбы со временем. Самый глубокий, богатый смыслом и, если можно выразиться, естественный знак — слово. Поэтому, как сказала А. А. Ахматова, «всего прочнее на земле — печаль, и дол-

⁴⁸ По многим современным физическим теориям, вакуум порождает матернию. Понятие семантического вакуума используется В. В. Налимовым в таком же смысле: поле, порождающее смыслы.

⁴⁹ Для любителей «жара холодных чисел» приведем эту теорему: $P(H|A) = P(H)P(A|H) / \sum_{H_i} P(H_i)P(A|H_i)$, где: P — вероятность, H_i — гипотетическое событие из группы ($H_1, H_2, \dots, H_n$); сумма всех этих событий имеет полную вероятность. И формула Бейеса вычисляет изменение вероятности любого H_i при появлении события A .

говечней — царственное слово». И действительно: человек умирает, а что от него остается? Потомки? Но мало кто помнит предков уже в четвертом поколении. А вот знаки могут пережить человека очень надолго. И мы с благодарностью вспоминаем великих писателей, художников, музыкантов, ученых — т. е. тех, кто наилучшим образом воплотился в знак. Как говорил Л. Н. Гумилев, искусство (одна из самых развитых знаковых систем) — могучий противник всепожирающего Хроноса-Времени.

Особенность времени в тексте и слове не в том, что оно начинает течь в противоположном направлении, а в том, что оно здесь останавливается, старается запечатлеть тот момент, когда текст был создан. Слово выбирает смыслы из всего объема информации, запечатленного в культуре и языке народа; оно старается законсервировать свои первоначальные смыслы и одновременно порождает новые. Именно поэтому столь причудливыми и прихотливыми бывают его семантические изменения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1986 — *Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари* // Этимология 1984. М.: Наука, 1986.
- Абаев 1990 — *Абаев В. И. Избранные труды. Т. 1: Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.*
- Агеева 1990 — *Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.*
- Барт 1989 — *Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1989.*
- Барт 1996 — *Барт Р. Мифология. М.: Изд-во им. Собашниковых, 1996.*
- Васильев 1989 — *Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989.*
- Гроф 1993 — *Гроф С. За пределами мозга. М., 1993.*
- Дворецкий 1958 — *Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.*
- Журавлев 1986 — *Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986.*
- Истрин 1988 — *Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.*
- Ключевский 1991 — *Ключевский В. И. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. М., 1991.*
- Кретов 1998 — *Кретов А. А. Суффиксальный стык: Прошлое в настоящем // Филологические записки. 1998. Вып. 10.*

- Кьеркегор 1993 — Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. Н. В. и С. А. Исаевых. М., 1993.
- Леви-Стросс 1985 — Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1952.
- Лосев 1976 — Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
- Лосев 1982 — Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка // Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Лосев 1990 — Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1990.
- Лотман 1994 — Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. М., 1994.
- Мартынов 1983 — Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М.: Наука, 1983.
- Мурьянов 1982 — Мурьянов М. Ф. Сила — понятие и слово // Этимология 1980 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1982.
- Налимов 1979 — Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1979.
- Налимов 1989 — Налимов В. В. Спонтанность сознания. М., 1989.
- Налимов 1995 — Налимов В. В. Канатоходец. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Ондруш 1986 — Ондруш Ш. Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев // Этимология 1984 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1986.
- Орtega-и-Гассет 1989 — Орtega-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.
- Панов 1990 — Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М.: Наука, 1990.
- Прицак 1991 — Прицак О. И. Происхождение названий *RUS/RUS'* // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
- Руднев 1997 — Руднев В. Морфология реальности. М.: Русское философское общество, 1997.
- Рыбаков 1993 — Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
- Степанов 1997 — Степанов Ю. С. Константы: Словарь концептов русской культуры. М., 1997.
- Толстой 1993 — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 83. М., 1993.
- Трубачев 2003 — Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.
- Трубецкой 1993 — Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1993.

- Трубецкой 1995а — Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста, коммент. В. М. Живова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Трубецкой 1995б — Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста, коммент. В. М. Живова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Уайлд 1988 — Уайлд О. Портрет Дориана Грея. М., 1988.
- Филиппов 1997 — Филиппов В. Куда исчезли древляне и кривичи, или Почему вологодский говор в переводе на санскрит не нуждается // Тайны тысячелетий. М., 1997.
- Харсекин 1960 — Харсекин А. И. Вопросы интерпретации этруссских надписей. Ставрополь, 1960.
- Широков 1985: 94 — Широков О. С. Введение в языкознание. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Широков 1987 — Широков О. С. М. В. Ломоносов — предтеча сравнительно-исторического языкознания // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1987. № 1.
- Широков 2003: 193 — Широков О. С. Языковедение: Введение в науку о языках. М.: Добросвет, 2003.
- Шпенглер 1993 — Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993 (первое русск. изд. — М., 1923).

ЛITERATURA PO TEME

Читателю, желающему глубже познакомиться с проблемами семантики и этимологии, можно порекомендовать следующую литературу (помимо указанной в постраничных примечаниях):

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Апресян Ю. Д. Избранный труды. Т. 1—2. М., 1995.
- Виноградов В. В. История слов. М., 1994 (2-е изд. 1999).
- Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- Откупщиков Ю. В. К истокам слова. М., 1973 (2-е изд. 1978; 3-е изд. 1986; 4-е изд. 2005).
- Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь концептов русской культуры. М., 1997 (2-е изд. 2001; 3-е изд. 2004).
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2004.
- Яковлева Е. С. Фрагмент русской языковой картины мира (пространство, время и информация). М., 1994.

Основные словари

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV.
Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975— Т. 1— (продолжающееся издание).
- Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка М., 1989 (В 1912 и 1958 гг. издавался под названием «Материалы к словарю древнерусского языка»).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967—1974. Т. I—IV (переизд. в 1986 и 1998).
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993. Т. I—II.
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева⁵⁰. М., 1974—. Т 1— (продолжающееся издание).

---

⁵⁰ После смерти О. Н. Трубачева (март 2002 г.) работу над словарем возглавил А. Ф. Журавлев.

Константин Геннадьевич Красухин (1962 г. рождения) — доктор филологических наук, заведующий сектором Института языкоznания, профессор ряда московских и подмосковных вузов. Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1984 г.), аспирантуру кафедры классической филологии МГУ (1987 г.). По основной специальности индоевропеист (главные сферы интересов — морфология, синтаксис и фонетика индоевропейских языков), занимался также и другими проблемами гуманитарных наук, что и нашло отражение в данной книге.

*Rethorica gladio seu pugnans tenor acuto
Causas civiles dirimens, hominum quoque lites
Pro veris callens, interdum falsa reponens.
Fraus infraude latet, simplex insimplice claret.
Tullius in tropicis fert imme premia* laudis,
Verbis astutius seu tegmine uncis opertus.
Supra scriptarum sum tertia quippe sororum,
He que* non promunt, per me cursum pateficiunt.*

(Текст на иллюстрации к трактату Марциана Капеллы
«Брак Филологии с Меркурием», ок. 439 г. н. э.)

*Риторика, постоянно сражающаяся словно острым мечом,
Разрешающая гражданские тяжбы и распиря людей,
Опытная в истине, отбрасывающая обман.
Ложь кроется в истине, и простое в сложном объявляется.
Туллий в украшениях речи неизменно получает награду похвалы,
Ловкий в словах, словно защищенный панцирем от козней.
Я же — третья среди сестер по письму**,
Они, когда не могут объяснить сами, благодаря мне путь находят.*

* praemia, hae quaе

** Три сестры по письму — грамматика, т. е. умение грамотно писать, риторика, т. е. умение составлять речи, и диалектика, т. е. умение вести спор.

ISBN 978-5-94457-234-9